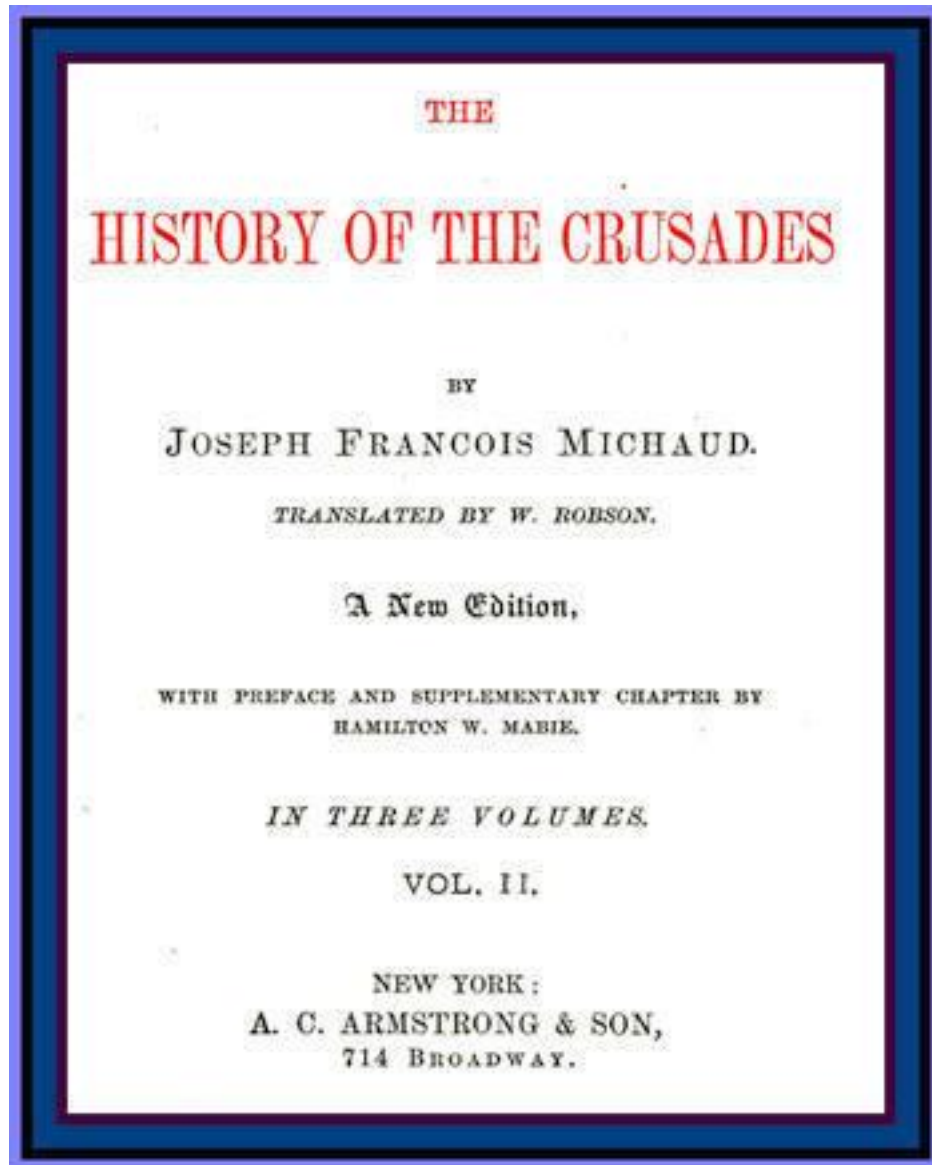

История крестовых походов (том 2 из 3)

Жозеф Франсуа Мишо

Электронная книга проекта "Гутенберг" по Истории крестовых походов (том 2 из 3)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История крестовых походов (том 2 из 3)

Автор: Жозеф Франсуа Мишо

Переводчик: Уильям Робсон

Дата выхода: 3 июня 2015 г. [Электронная книга № 49118]
Последнее обновление: 24 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Подготовлено Джованни Фини и командой корректоров, распространяющей тексты онлайн на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ"
(ТОМ 2 ИЗ 3) ***

ИСТОРИЯ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ

АВТОР: Жозеф Франсуа Мишо.

ПЕРЕВОД У. РОБСОНА.

Новое издание С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ГЛАВОЙ ГАМИЛЬТОНА У. МЭБИ.

В ТРЕХ ТОМАХ.

ТОМ II.

НЬЮ-ЙОРК.

A. C. ARMSTRONG & SON,

Бродвей, 714.

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА II.

КНИГА IX.—1195-1198 гг. н. э..

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Империя Саладина, разделенная между его преемниками—Возникающие отсюда гражданские войны—Династия Айубитов—Обширная империя Афдаля, сына Саладина—Его гражданские распри—Алазиз, султан Египта, поднимает оружие против своего брата—Назр-Аллах, визирь султана Афдаля—Малек-Адель—Гражданские волнения в Палестине—Взволнованное состояние христианских колоний—Боэмунд III. губернатор Антиохии, взят в плен—Госпитальеры и тамплиеры—Папа Целестин III. инициирует четвертый крестовый поход—Генрих VI., император Германии, участвует в оказании помощи—Вормсский сейм—Военные действия при Птолемаисе—Смерть Генриха Шампанского—Яффа захвачена мусульманами—Осада и битва при Берите—Малек-Адель побежден—Фалланд, сицилийский историк—Генрих VI. король Германии завоевывает Неаполь и Сицилию—Продвижение его войск в Палестине—Сарацины побеждены—Смерть Генриха VI.—Резня гарнизона Яффы—Святой Мартин—Причины провала этого крестового похода и его пагубные последствия— Жестокий характер Генриха VI

стр.

1-35.

КНИГА X.—1198-1204 гг. н. э..

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Отзыв Руссо крестоносцев—энтузиазм и героизм христианских войск—причины, которые привели к пятому крестовому походу—подстрекательство Папой Иннокентием III.—Его ссоры с Филиппом Франции—смерть Ричарда I. в Англии—проповедь Фоулкс в пользу крестового похода—Тибо IV., граф Шампани, участвует в крестовом походе Людовика, граф Шартра—проповеди Мартин многожилые—Виллардуэн, маршал Шампани—Балдуин, граф Фландрский—коммерческого величия Венеции Дандоло, дож Венеции—он привлекает на помощь крестоносцев—Готье де Бриенн—суммы выдвинул Венеция—смерть и характер Тибо—граф Ле-бар—гибель сайт eude III С., герцог Бургундский—Бонифаций, маркиз Монферрат, избран командир похода—голод в Египте и Европе—смерть Фоулкс—денежные поборы Венеция—восстание в городе Зара—Дандоло адрес венецианцам в пользу крестоносцев—Исаак, император Константинополя, свергнут с престола—осада Зары—аббат де Серне—ссоры между венецианцами и французские крестоносцы—адрес Филиппа Швабского к французским баронам—политика Малек-Адель—упреки папы Иннокентия III. против крестоносцев в Zара—символ императора Алексия—взятие Корфу—завоеваниями молодого Алексея,

ПП.

36-99.

сына Исаака—описание Константинополя, осажденного крестоносцами—Варяг—выступления Росси и Конон де Бетюн—захват Константинополя—Алексий свергнут с престола Исаака и его сына Алексея восстановлен суверенитет—крестоносцы стали союзниками греков, а защитники Греческой империи, их связи с папой

КНИГА XI.—Д. А. 1198-1204.

Характер греков—позиция Алексия младший—его предложения крестоносцев—споры между греками и латинянами по статьям веры—ссоры с болгарями—пожар Константинополя—имбецильность и фанатизм императора Исаака—статуя Минервы уничтожены—мятежного духа в Константинополе—голод в Египте—конкурсы между греками и латинянами—греческий огонь—предательство Mourzouffle—он убивает молодых Алексий, и восходит на трон—символ Алексия—Mourzouffle конкурсы с латинянами—это свергнутый с престола—смерть Исаака—Ласкари выбрали император покидает город—Константинополь захватил и разграбил латинянами—разрушение произведений искусства—статуи Беллерофонт, Геракл, и Хелен, уничтожено—почитание мощей и образов—фанатизм Мартин многожильные—частица “Истинного Креста”—достоинства Дандоло, дож Венеции—Балдуин, граф Фландрский, избран императором Константинополя—в завоеванных землях распространен среди крестоносцев—Томас Morasini избран патриархом Константинополя—переписка между Болдуин и папа—смерть Маргариты фландрской, жены Болдуин—завоевания Льва Sguerre—Михаила Ангела Комнина завоеваний царство Эпир—Ласкари провозглашен императором в Ницца—Mourzouffle схвачен и казнен—колонна Феодосия—ссоры между Бонифаций, маркиз Монферрат, и Болдуин—Бонифаций вторгается в Греции—греки бунтуют против засилья латинян—побед болгары—разгром и резню латинян—храбрость Генриха Хайнаулт—случаи Болдуин жизнь, гибели Дандоло—Бонифаций убит—герои греков и Франков—их разных историков—споров, уважение суверенитета Кипр—смерть Готье де Бриенн—политика Иннокентия III.—Знание греческого рассеянный на Западе—уточнение венецианцы и коммерческих величие Венеции

КНИГА XII.—Д. А. 1200-1215.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Голод в Египте, и ее страшные последствия—разрушительные землетрясения—Саади, персидский поэт—землетрясения и голод в Палестине—возбужденном состоянии Палестина—смерти Амори, король Иерусалима—смерть портики и III.—Папа Иннокентий III. стимулирует западного мира к освобождению Святой Земли—Государства Палестина и Иерусалим—Иоанна Бриенна принимает молодой королевы Иерусалима в браке—возбужденном состоянии из Европы—Малек-Адель возобновляет военные действия против христиан—Иоанн Бриенн вступает во владение Птолемаиду—первых dawnings Реформации—в Albigeois, Водуазской, и другие реформирования сект—папский крестовый поход против них—Испания воюет с сарацинами и маврами—кардинал де Соурзон проповедует крестовый поход—Филипп Август-король Франции, и Иоанн, король Англии, участвовать в крестовом походе—доминирующий дух и политические раздоры папы Иннокентия III.—Битва при Бувине—папа собирает совет из Латеранского, и стимулирует всю Европу всвященную войну—его смерть и

ПП.

100-

184.

стр.

185-

311.

характера—Censius Савелли выбрал папа, под названием Гонорий III.—Он призывает к крестовому походу—Андрей II., король Венгрии, занимается он—язычество из Пруссии в XIII веке—политическое государство Палестина трон Сирии отрекся от Малек-Адель—Мелик-Камиль, султан Каира—Гора Фавор—политического состояния Венгрии—ее король вернется из Палестины—башня, Думьят, захваченных крестоносцами, смерть и характер Малек-Адель—падение империи Ayoubites—кардинал Пелагий провоцирует преследования крестовый поход, и продолжает Египет—паника среди магометан—заговор с целью свергнуть султана Каира—сражение перед стенами Дамьетты—благочестие Святого Франциска—магометане предложить условия мира—Думьят в плен, а жители уничтожены голодом—города назначен Иоанн Бриенн—его выступление против вторжения в Египет—упрямство кардинал Пелагий—магометане сжечь флот крестоносцев на Ниле, и заставить их капитулировать—Мелик-Камель заключает договор о мире, Думьят, с помощью которых передается мусульманами—смерти Филиппа Августа из Франции—Иоанн Бриенн пересмотрит Европе—притеснения христиан Палестины—грузины—нашествие татар—брак Фридриха II. император Германии, с наследнице короля Иерусалимского,—признал король—гонения Albigeois—конкурсы с маврами в Испании, войны фракций в Италии—гвельфы и гибеллины—Фридрих Германия участвует в священной войне, ставит паруса и возвращается в Отранто—Григорий IX. преемник папы Гонория—Его гнев против Фридриха Германского—Фридрих прибывает в Птолемаис и заключает договор с Мелик-Камелем—Смерть Конраддина, султана Дамаска—Фридрих признан королем Иерусалима—Враждебность христиан—Он покидает Палестину ради Европы—Его победы в Ломбардии—Отлучен от церкви Григорием IX.—Договор с его святейшеством—Папа принимает решение о возобновлении священной войны—Тибо V, король Наварры, и Пьер де Дре участвуют в этом—Турский совет по продвижению дела крестоносцы—Смерть Петра и Роберта Куртенэ—Упадок латинской империи в Константинополе—Иоанн Бриенский призван на престол—Его смерть—Балдуин, его зять, свергнут с престола—Фридрих Германский отлучен от церкви—Он вторгается в Италию и осаждает Рим—Опустошительная гражданская война—Смерть Мелик—Камеля—Взволнованное государство Палестина—Битва при Газе—Смерть Григория IX.—Ричард, герцог Корнуоллский, присоединяется к крестоносцам в Птолемаисе, но вскоре возвращается в Италию—Папа римский Целестин IV.—Беспорядки в правление Иннокентия IV.—Паломники откупаются от своих обетов.—Жалкое государство Палестина.—Политические притязания пап.—Состояние Европы.—Общие размышления о крестовых походах.—Песни трубадуров.—Проказа на Западе.—Крестовые походы против Пруссии и альбигойцев.—Кровопролитные войны во имя религии.

КНИГА XIII.-1242-1245 гг. н.э..

СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Татары средневековья —Их история и завоевания—Чингисхан, вождь татар—Темугин—Пресвитер Иоанн—Хан караимов—Завоевание Китая, Каризмии и других обширных стран Азии и Европы Чингисханом—Его смерть—Победоносная карьера Окая, хана татар—Завоевана Венгрия—Воины Каризмии присоединяются к султану Каира и захватывают Иерусалим—Мусульмане Сирии побеждены каризмцами и захвачен

стр.
312-
392.

Дамаск—каризмцы восстают против каризмцев. султан Каира—Они побеждены и рассеяны—Варварские орды команчей—Бедствие христиан—Валеран, епископ Берита—Иннокентий IV на Лионском соборе принимает решение о седьмом крестовом походе и отлучает Фридриха, императора Германии—Кардиналы впервые облачаются в багряницу—Людовик IX, король Франции, выздоравливает от опасной болезни и принимает решение о проведении седьмого крестового похода против неверных—Прославленные имена, участвующие в нем —Бланш, королева-мать—Взволнованное государство Германии и Италии —Фридрих Германский свергнут папой римским —Отсюда возникают гражданские распри—Знать Франции формирует лигу для сопротивления притеснениям папы римского—Людовик активно готовится к священной войне—В ней участвуют граф Солсбери и король Норвегии Хако —Улучшенное состояние общества в результате крестовых походов—Людовик отправляется в путь и прибывает на Кипр—Папа Иннокентий IV. берет на себя управление своим королевством—Маргарита, жена Людовика—Аршамбо де Бурбон—Сьер де Жуанвиль—Антиохия разорена туркоманами—Людовик принимает посольство от татарского принца Экалтая—Политические разногласия среди мусульман—Семья айубитов—Малек-Салек Негмеддин, султан Египта—Военное и политическое состояние Египта во время крестового похода—Людовик IX. и христианские силы прибывают перед Дамией—Его обращение к крестоносцам—Он осаждает Дамию —Факреддин, египетский вождь—Людовик атакует войска неверных и побеждает их—Захвачена Дамия—Переговоры с Негмеддином—Ливр Турнуа—Храбрость арабов—бедуинов—Сидон захвачен мусульманами

КНИГА XIV.-1248-1255 гг. н.э..

Альфонс, граф Пуатье, и Хью Лебрен, граф Ангулемский, участвуют в священной войне —Противостоянии Генриху III. из Англии с его баронами и папой—Раймонд, граф Thoulouse—Граф д'Артуа—смерть Negmeddin—красота и гениальность Chegger-Eddour, султана Египта—Scharmesah захвачен крестоносцами—Fakreddin принимает командование египетской армии—предательство мамлюки—военная операции на канал Aschmoum—потрясающие эффекты с греческим огнем—Fakreddin заклан, и сарацины победили—необдуманности графом д'Артуа, и его смерть—Битва при Мансуре—крестоносцы победили мамлюки—граф Солсбери, Роберт Де Ваир и других прославленных воинов, убитых,—продолжил конкурсы с египтянами, и тяжелые потери крестоносцев—экземпляры посвящены героизму и индивидуальную храбрость—крестоносцы грозит голод и мор, и сарацины победным—канала Mehallah роковым для крестоносцев--страдания и потери христианской армии—парень дю Шателе, Гоше де Шатийон, и других знатных крестоносцев, убитых—Луи пытается вернуть Дамию—терпит поражение и сдается в качестве военнопленного—вся его армия уничтожены сарацинами—Сьер де Жуанвиль в плен—мучительной ситуации Маргариты, королевы Луи—30,000 крестоносцы перебили, либо взяли в рабство—религиозные отставки Луи—он заключает крайней договора для его выкупа—восстание мамелюков—смерть Almoadan—Ostaï, начальник мамелюки—эмиры Египта—Chegger-Eddour избран султана Египта, и Эзз-Эддин Айбек губернатор—вымирание Ayoubite династии—Думьят доставлен до мусульмане—выкупом за Луи—потрясение во Франции, узнав о его пленении—он прибыл в Птолемаиду—обсуждает с рыцарей своих для своих будущих

стр.
393-
493.

операций—сирийцы отказываются признать власть мамелюков—народные волнения в Египте—Chegger-Eddour женится Эзз-Эддин, и дает ее царственная власть—смерть Фридриха II. ФРГ—Конраду, его преемник, отлучен от церкви—Иакова Венгрии—“пастыри”—папы римского Иннокентия IV. призывает к проповеди нового крестового похода—Необычное послание “Горного старца” Людовику—Визит к его двору—Города Палестины, укрепленные Людовиком—Война между султанами Каира и Дамаска—Мирный договор между ними и возобновление военных действий против христиан—Туркмены нападают на Сидон и убивают жителей—Белинас разграблен крестоносцами—Благочестивая преданность Людовика—Он укрепляет Сидон—Смерть Бланш, королевы-регентши Франции—Людовик покидает Палестину и прибывает в Париж—Выдающийся пример истории Жуанвиля—В день победы. характер и несчастья Луи—Дамьетты, разрушенной мусульманами, и устья Нила, заполненные камнями—Взлет и падение мамлюков—Госпиталь Квинце-Вингтс—Татары и моголы—“Иерусалимские присяжные заседатели”—Характеры Фридриха II Немецкого и папы Иннокентия IV.—Папский крестовый поход против Экселино де Романо

история

из

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.

КНИГА IX.

ЧЕТВЕРТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1195-1198 гг. н. э.

Когда мы бросаем ретроспективный взгляд на описанные нами периоды, мы поздравляем себя с тем, что не жили во времена войн и смут; но когда мы смотрим вокруг и размышляем о веке, частью которого являемся, мы опасаемся, что у нас мало оснований хвастаться эпохами, которые обычно называют варварскими. В течение двадцати пяти лет революция, порожденная мнениями, неизвестными прошлым векам, охватывала города, будоражила нации и сотрясала троны. У этой революции есть вспомогательные средства - война и победа; она укрепляет себя всеми препятствиями, которые ей противостоят; она вечно рождается заново из самой себя, и когда мы верим, что можем предвидеть конец ее разрушениям, она вновь предстает более ужасной и угрожающей, чем когда-либо. В тот момент, когда я возобновляю рассказ о крестовых походах,^[1] дух подстрекательства к мятежу, фанатизм современных доктрин, которые, казалось, дремали, внезапно пробуждаются и снова угрожают миру всеобщим беспорядком; нации, которые дрожат за свою свободу и свои законы, пробуждаются и берутся

за оружие; коалиция всех короли и представители всех наций организовали всеобщий крестовый поход не для защиты гробницы Христа, а для сохранения того, что осталось от древней цивилизации Европы. Именно на фоне слухов о новой революции, о грозной войне я собираюсь описать революции и войны, которые волновали Восток и Запад в средние века. Позвольте мне, оплакивая бедствия моей страны, воспользоваться событиями, свидетелем которых я являюсь, и ужасающим зрелищем, которое предстает перед моими глазами, чтобы с большей правдивостью описать страсти и беды далекой эпохи и возродить в сердцах моих современников любовь к согласию и миру.

За смертью Саладина последовало то, что почти всегда можно наблюдать в восточных династиях, — царствование волнений и беспорядков, сменившееся царствованием силы и абсолютной власти. В этих династиях, у которых нет другой опоры, кроме победы, и всемогущей воли одного человека, пока повелевает государь, окруженный своими солдатами, ему трепетно повинуются; но как только он закрывает глаза, его народ устремляется к распущенности с тем же пылом, с каким он поддавался рабству; и страсти, долго сдерживаемые присутствием деспота, вспыхивают с еще большей силой, когда от него не остается ничего, кроме пустого воспоминания.

Саладин не отдал никаких указаний относительно порядка наследования престола и этим недостатком предусмотрительности подготовил крушение своей империи. Один из его сыновей, Алазиз,^[2] командовавший Египтом, добился провозглашения себя султаном Каира; другая^[3] завладел суверенитетом Алеппо и треть княжества Амас. ^[4] Малек-Адель, брат Саладина, вступил на трон Месопотамии и стран по соседству с Евфратом. Главные эмиры и все принцы племени айубитов сделали себя хозяевами городов и провинций, которыми они управляли.^[5]

Афдхал,^[6] старший сын Саладина был провозглашен султаном Дамаска. Повелитель Сирии и столицы огромной империи, суверен Иерусалима и Палестины,^[7] он, казалось, сохранил кое-что от власти своего отца; но все пришло в беспорядок и неразбериху. Эмиры, старые соратники Саладина по победам, с неохотой терпели власть молодого султана. Несколько человек отказались принести клятву повиновения,^[8] составленную кади Дамаска; другие согласились принять ее, но при условии, что за ними будут закреплены их феодалы или что им будут дарованы новые. Далекий от попыток уменьшить власть этого надменного воинства, Афдхал пренебрег обязанностями своего трона ради удовольствий разврата, которым он полностью предался, передав благополучие своей империи визирю,^[9] который сделал его ненавистным мусульманам. Армия потребовала отставки визиря, которого они обвинили в узурпации власти принца: визирь, со своей стороны, посоветовал своему господину изгнать мятежных эмиров. Слабый султан, который видел все только глазами своего министра, раздраженный присутствием и жалобами недовольной армии, уволил со службы большое количество солдат и эмиров, которые разъезжали по всем соседним князьям, жалуясь на его неблагодарность и обвиняя его в том, что в лоне праздности и изнеженности он забыл святыне законы пророка и славу Саладина.

Большинство из них, отправившихся в Египет, призывали Алазиза поднять оружие против своего брата. Султан Каира прислушался к их совету и под предлогом отмщения за славу своего отца задумал сам овладеть Дамаском. Он собрал свои войска и выступил в Сирию во главе целой армии. При приближении опасности Афдхал обратился за помощью к князьям,

правившим странами Апат и Алеппо. Вскоре разразилась ужасная война, в которую была втянута вся семья Айубитов. Алазиз осадил Дамаск. Надежды на легкую победу воодушевляли его эмиров и заставляли их верить, что они сражаются за правое дело; но так как поначалу они имели лишь небольшой успех и так как победа, казалось, с каждым днем улетала все дальше от их знамен, война начала казаться им несправедливой. Сначала они роптали, затем восстали против Алазиза и, наконец, присоединились к сирийским войскам. Султан Каира, оказавшийся таким образом покинутым, был вынужден с позором снять осаду и вернуться в Египет. Султаны Дамаска и Алеппо преследовали его по пустыне с намерением напасть на него в его столице. Афдал, стоявший во главе победоносной армии, вскоре навел ужас на берега Нила. Алазиз был бы вот-вот свергнут с престола, а Египет завоеван сирийцами, если бы брат Саладина, руководствуясь политикой, мотивы которой можно было легко разгадать, не противопоставил авторитет своих советов оружию завоевателя и не восстановил мир в семье Айубитов.

Принцы и эмиры уважали опыт Малек-Аделя и позволяли ему быть арбитром в их разногласиях. Воины Сирии и Египта, привыкшие видеть его в лагерях, смотрели на него как на своего вождя и с радостью следовали за ним в битву; в то время как народы, которых он часто поражал своими подвигами, призывали его имя в своих неудачах и опасностях. Мусульмане теперь с удивлением поняли, что он был в некотором роде изгнан в Месопотамию и что империя, основанная его доблестью, была оставлена молодым принцам, не имевшим имени среди воинов: сам он втайне возмущался тем, что не получил должного вознаграждения за свои труды, и осознавал все, что старые солдаты, которых он так часто приводил к победе, могут однажды сделать для продвижения его честолюбивых замыслов. Для его замыслов было важно, чтобы слишком большая часть империи не находилась в одних руках и чтобы провинции еще некоторое время оставались разделенными двумя соперничающими державами. Мир, который он установил, не мог продлиться долго, и раздор, который вот-вот должен был вспыхнуть среди его племянников, вскоре должен был предоставить ему возможность пожать богатый урожай обширного наследия Саладина.

Афдал, предупрежденный об опасностях, которым он подвергся, решил изменить свое поведение. До сих пор он приводил в шок всех правоверных мусульман своей неводержанностью в употреблении вина. Абульфед, происходивший из семьи Саладина,^[10] говорит в своей истории, что султан Дамаска в первые годы своего правления проводил свою жизнь среди пиров и потворства своим желаниям, не получая удовольствия ни от чего, кроме прослушивания песен и сочинения стихов. По возвращении из Египта Афдал продемонстрировал полную перемену в своих манерах; но он только впадал от одного излишества к другому; теперь он постоянно молился или был занят самыми мелкими обрядами мусульманской религии; но в своей чрезмерной набожности, как и в своей беспутной жизни, он был совершенно невнимателен к обязанностям монарха и без всяких оговорок подчинился советам того же визиря, который уже чуть не стоил ему его владений. “Затем, - говорит Абульфед, - жалобы на него раздались со всех сторон, и языки, которые громко восхваляли его, замолчали”.

Алазиз счел эту возможность благоприятной для того, чтобы снова поднять оружие против своего брата; и Малек-Адель, убежденный, что война, скорее всего, послужит его честолюбию, больше не выступал за мир, а встал во главе армии Египта. Запугав своими угрозами или завоевав подарками главных эмиров Афдала, он сразу же завладел Дамаском от имени Алазиза и вскоре правил в качестве суверена богатейшими провинциями Сирии.

Каждый день между эмирами и принцами вспыхивали новые ссоры; все те, кто сражался на стороне Саладина, думали, что настал момент выдвинуть и утвердить свои притязания; и принцы, которые все еще оставались из рода Нуреддина, начали тешить себя надеждами вернуть провинции, отнятые у несчастных аттабеков сыном Айюба. Весь Восток находился в состоянии брожения. Кровавые раздоры опустошили Персию, ставшую жертвой различных притязаний слабых остатков расы сельджукидов. Империя каризмийцев, завоевания которой расширялись с каждым днем, угрожала одновременно столице Коросану и городу Багдаду, в которых первосвященник мусульманской религии жил в постоянном страхе. Долгое время халифы не могли принимать сколько-нибудь активного участия в событиях, изменивших облик Сирии; и единственная власть, которой они обладали, заключалась в освящении побед победоносной партии, кем бы она ни была. Афдал, изгнанный из Дамаска, тщетно взывал к халифу Багдада о защите; все, что могла дать ему тень власти, - это рекомендация проявлять терпение и заверение, *“что его врагам придется отчитаться перед Богом за содеянное”*.

Среди соперничества, сотрясавшего мусульманские государства, Малек-Адель не встретил препятствий для осуществления своих проектов; проблемы и беспорядки, которые породила его узурпация, даже войны, предпринятые против него, - все это способствовало консолидации и расширению его несправедливо полученной власти. Стало очевидно, что вскоре он должен объединить под своей властью большую часть провинций, завоеванных Саладином. Таким образом, во второй раз за несколько лет подтвердилось наблюдение арабского историка, который выразил себя следующими словами, говоря о преемственности Нуреддина: *“Большая часть основателей империй не смогли оставить их своим потомкам.”* Подобная нестабильность власти не вызывает удивления в странах, где успех делает все законным, где капризы фортуны часто становятся законами и где самыми грозными врагами империи, основанной с помощью оружия, являются те самые люди, чья храбрость помогла ее создать. Историк, которого мы цитировали, сожалеет о революциях военного деспотизма, не исследуя должным образом их естественные причины; и может объяснить столь многие изменения, только ссылаясь на правосудие Бога, всегда готового наказать, по крайней мере в своих детях, всех, кто применял насилие или проливал человеческую кровь для достижения империи.

Таковы были революции, которые в течение многих лет будоражили мусульманские государства Сирия и Египет. Четвертый крестовый поход, который мы собираемся описать и в ходе которого христиане могли бы извлечь большую выгоду из бедствий Востока, послужил лишь воссоединению разрозненных частей империи Саладина. Малек-Адель был обязан ростом своей власти не только разделению мусульман, но и духу раздора, царившему среди христиан.

После отъезда короля Англии, как это всегда бывало в конце каждого крестового похода, христианские колонии, окруженные опасностями, еще быстрее приблизились к своему падению. Генрих Шампанский, которому было поручено управление Палестиной, пренебрег титулом короля, поскольку ему не терпелось вернуться в Европу, и он смотрел на свое королевство как на место изгнания. Три военных ордена, задержанные в Азии своими клятвами, составляли главную силу государства, которое совсем недавно имело своими защитниками всех воинов Европы. Ги де Лузиньян удалился на Кипр, больше не интересовался судьбой Иерусалима и был полностью занят тем, что удерживался на своем новом троне, сотрясаемом постоянными восстаниями греков и угрозами со стороны константинопольских императоров.

Бозмунд III, внук Раймона де Пуатье и потомок по женской линии знаменитого Бозмунда, одного из героев первого крестового похода, правил княжеством Антиохия и графством Триполи. Среди несчастий, обрушившихся на христианские колонии, единственной целью этого государя было расширение своих владений, и ему казалось хорошим и справедливым любое средство, способное осуществить его замыслы. Бозмунд делал вид, что предъявляет претензии на Армянское княжество, и применял поочередно силу и хитрости, чтобы завладеть им. После нескольких бесполезных попыток ему удалось заманить в свою столицу Рупина Горного, одного из князей Армении, и взять его в плен. Ливон, брат Рупина, решил отомстить за такое оскорбление и под предлогом мирных переговоров предложил Бозмунду вернуться к границам Армении. Два принца поклялись прибыть к месту встречи без сопровождения или свиты; но каждый из них вынашивал тайный замысел устроить ловушку для своего противника. Армянский принц, которому больше помогали либо его гений, либо удача, остался победителем в этом позорном состязании. Бозмунд был застигнут врасплох, закован в цепи и уведен в крепость Малой Армении. Война немедленно возобновилась с яростью; жители как Армении, так и Антиохии бросились к оружию, и страны и города двух княжеств были быстро поочередно захвачены и разорены. Наконец мир стал желанным, и после некоторых споров об условиях князь Антиохии был отправлен обратно в свои владения, а Рупин с Горы был возвращен народам Армении. По соглашению, заключенному двумя принцами, Алиса, дочь Рупина, вышла замуж за старшего сына Бозмунда. Этот союз обещал стать залогом прочного мира; но зародыши стольких разногласий все еще сохранялись; обе стороны сохраняли сильное чувство возмущения, с которым они столкнулись; и каждый мирный договор становился новым предметом обсуждения, война всегда была готова вспыхнуть вновь.

С другой стороны, честолюбие и ревность привели к разногласиям между орденами Храма и Святого Иоанна. В период третьего крестового похода госпитальеры и тамплиеры были столь же могущественны, как суверенные князья; они владели в Азии и Европе деревнями, городами и даже провинциями.^[11] Два ордена, соперничавшие друг с другом в силе и славе, гораздо меньше заботились о защите святых мест, чем о приумножении собственной известности и богатства. Каждое из их огромных владений, каждая из их прерогатив, слава рыцарей, авторитет вождей - все, вплоть до трофеев их доблести, было для них предметом соперничества, и, в конце концов, этот дух раздора и зависти привел к открытой войне. Французский дворянин, обосновавшийся в Палестине, владел, как вассал госпитальеров, замком Маргат, расположенным у границ Аравии. Тамплиеры сделали вид, что этот замок принадлежит им, и овладели им основными силами. Роберт, — так звали этого джентльмена, — передал свои жалобы госпитальерам, которые немедленно взялись за оружие и изгнали тамплиеров из замка. С того времени рыцари двух орденов никогда не встречались без того, чтобы не спровоцировать друг друга на драку, большинство франков и христиан всегда принимали участие в ссоре, одни за орден Святого Иоанна, другие за орден Храма. Король Иерусалима и самые благоразумные из баронов предприняли множество бесполезных попыток восстановить мир; и несколько христианских князей тщетно пытались примирить два соперничающих ордена. Самому папе было очень трудно добиться принятия его священного посредничества; и только после долгих дебатов Святой Престол, иногда вооруженный евангельскими громами, иногда используя отеческий язык главы Церкви, благодаря своей мудрости и верховному господству прекратил состязание, которое сами рыцари предпочли бы решить мечом и копьем.

Во время этих роковых раздоров никто и не думал защищаться от общего врага, сарацин. Одним из самых печальных последствий духа фракционности является то, что он всегда

приводит к прискорбному безразличию к общему делу. Чем яростнее стороны нападали друг на друга, тем меньше они, казалось, осознавали опасности, угрожавшие христианским колониям; ни рыцари Храма, ни орден Святого Иоанна, ни христиане Антиохии или Птолемаиды никогда не думали просить помощи против неверных; и история не говорит, что с Востока был послан хоть один человек, чтобы сообщить Европе о горестях Сиона.

Положение христиан в Палестине было, кроме того, столь неопределенным и опасным, что самые мудрые не могли составить себе представления о грядущих событиях или осмелиться принять какое-либо решение. Если бы они снова обратились к воинам Запада, они нарушили бы перемирие, заключенное с Саладином, и навлекли бы на себя все негодование неверных; если бы они соблюдали договоры, перемирие могло быть нарушено мусульманами, всегда готовыми извлечь выгоду из бедствий, обрушившихся на христиан. При таком положении вещей казалось трудным предвидеть новый крестовый поход, который не был ни вызван желаниями христиан Азии, ни поддержан интересами Европы. На самом деле, когда мы бросаем взгляд на христианские колонии Востока, какими они описываются нам в эти несчастливые времена, и видим, что дух честолюбия и раздора вытесняет во всех сердцах святой дух Евангелия, мы не можем удивляться, что христианский мир так мало интересовался их судьбой. Опять же, когда современная история представляет нам эти колонии жертвой вседозволенности и разделения, лишенными всего, что могло бы обеспечить их процветание, мы едва ли можем поверить, что Запад снова мог бы расточать свои богатства и свою кровь, чтобы поддержать и защитить их. Но великое имя Иерусалима по-прежнему производило сильное впечатление на умы всех; воспоминание о первом крестовом походе по-прежнему вызывало энтузиазм христиан; и почитание святых мест, которое, казалось, ослабевало в самом царстве Христовом, все еще сохранялось за морями и в главных странах Запада.

Селестин III. своими увещеваниями он воодушевлял воинов третьего крестового похода и в возрасте девяноста лет с рвением осуществлял все проекты своих предшественников, страстно желая, чтобы последние дни его понтификата были проиллюстрированы завоеванием Иерусалима. После возвращения Ричарда известие о смерти Саладина вызвало радость по всему Западу и возродило надежды христиан. Целестин написал всем верующим, чтобы сообщить им, что самый грозный враг христианского мира ушел из жизни; и, не обращая внимания на перемирие, заключенное Ричардом Львиным, он приказал своим епископам и архиепископам проповедовать новый крестовый поход в своих епархиях.^[12] Суверенный понтифик пообещал всем, кто примет крест, те же привилегии и преимущества, что и в предыдущих крестовых походах. Осквернение святых мест; угнетение, под которым стонали верующие Востока; все возрастающая наглость сарацин — таковы были мотивы, которыми он подкреплял свои святые увещевания. Он обратился, в частности, к епископам Англии и приказал им использовать все средства убеждения, чтобы побудить Ричарда снова взяться за оружие против неверных.

Ричард, хотя и вернулся, так и не снял креста, символа паломничества; и можно предположить, что он все еще намеревался снова отправиться в Святую Землю; но, едва вырвавшись из несправедливого плена, наученный собственным опытом, насколько велики трудности и опасности далекого предприятия, его мысли и время были поглощены попытками восполнить свои потери, защитить или приумножить свои владения и быть настороже против коварных попыток Филиппа Августа. Его рыцари и бароны, которых он сам призывал вернуться к кресту,

исповедовали, как и он, горячую преданность делу Иерусалима; но они не могли решиться вернуться в страну, которая была для них местом страданий и изгнания.

Хотя появление проповедников крестового похода повсюду внушало уважение, они добились не большего успеха во Франции, где всего несколько лет назад призыв к защите святых мест поднял сто тысяч воинов. Если страха перед предприятиями Филиппа было достаточно, чтобы удержать Ричарда на Западе, то страх перед мстительным и ревнивым нравом Ричарда оказывал такое же влияние на Филиппа. Большее число его рыцарей и знати последовали его примеру и довольствовались тем, что проливали слезы о судьбе Иерусалима. Энтузиазм по поводу крестового похода был передан лишь небольшому числу воинов, среди которых история называет графа де Монфора, который впоследствии вел жестокую войну против альбигойцев.

С самого начала крестовых походов Германия никогда не переставала посылать своих воинов на защиту Святой Земли. Оно сожалело о недавних потерях своих армий, уничтоженных или рассеянных в Малой Азии, и о смерти императора Фридриха, который не приобрел ничего, кроме могилы на равнинах Востока; но воспоминание о столь великом бедствии не погасило во всех сердцах рвения к делу Иерусалима. Генрих VI, занявший императорский трон, не разделил, в отличие от королей Франции и Англии, опасностей и поражений последнего похода. Неприятные воспоминания или страхи перед его врагами в Европе не могли помешать ему присоединиться к новому предприятию или отвратить его от священного паломничества, на которое, казалось, указывало так много выдающихся примеров как на священный долг.

Хотя этот принц был отлучен от церкви Святым Престолом, только годом ранее папа направил к нему посольство, в обязанность которого входило напомнить ему пример его отца Фредерика и убедить его принять крест. Генрих, который искал любой повод умиротворить главу Церкви и который также вынашивал обширные планы, в которых новый крестовый поход мог бы оказаться весьма полезным, принял посланника Целестина с большими почестями.

Из всех князей средневековья никто не проявлял большего честолюбия, чем Генрих VI.; его воображение, говорят историки, было наполнено славой цезарей, и он хотел иметь возможность сказать вместе с Александром: *"все, что могут охватить мои желания, принадлежит мне"*. Танкред, внебрачный сын Вильгельма II, короля Сицилии, избранного сицилийской знатью преемником своего отца, недавно скончался; и император, женившийся на Констанции, наследнице трона, основанного норманнскими крестоносцами, и желавший утвердить свои притязания, решил, что пришло время осуществить свои замыслы и добиться завоеваний. Экспедиция, руководителем которой Святой Престол хотел, чтобы он был, была чрезвычайно благоприятна для его честолюбивых проектов; когда, обещая защищать Иерусалим, он думал только о завоевании Сицилии; а завоевание Сицилии не имело никакой ценности в его оценке, кроме как как открытие дороги в Грецию и Константинополь.^[13] В то же время, когда он заявлял о полном подчинении воле главы Церкви, он пытался заключить союз с республиками Генуя и Венеция, обещая им добычу побежденных; но в душе он лелеял надежду, что однажды свергнет итальянские республики и понизит авторитет Святого Престола, а на их останках возродит для себя и своей семьи империю Августа и Константина.

Таков был принц, к которому Целестин отправил посольство и которого он хотел склонить к священной войне. Объявив о своем намерении принять крест, Генрих созвал всеобщий сейм в Вормсе, на котором он сам призвал верующих взяться за оружие для защиты святых мест. Со времен Людовика VII, короля Франции, который обращался к своим подданным с речью,

призывающей их присоединиться к крестовому походу, Генрих был единственным монархом, который объединил свой голос с голосом проповедников священной войны, чтобы познакомить своих подданных со страданиями и жалобами Иерусалимской церкви. Его красноречие, отмеченное историками того времени, но прежде всего зрелище, представленное самим великим императором, проповедующим священную войну против неверных, произвело глубокое впечатление на множество его слушателей.^[14] После этой торжественной речи самые прославленные из собравшихся в Вормсе прелатов взошли на евангелическую кафедру, чтобы поддержать быстро растущий энтузиазм верующих; в течение восьми часов не было слышно ничего, кроме стонов Сиона и града Божьего. Генрих, окруженный своим двором, принял символ крестоносцев; огромное количество немецкой знати последовало его примеру, одни, чтобы угодить Богу, а другие, чтобы угодить императору. Среди тех, кто принес присягу сражаться с сарацинами, история называет Генриха герцога Саксонии; Отто маркиза Бранденбурга; Генриха графа палатина Рейнского; Германа ландграфа Тюрингии; Генриха герцога Брабанта; Альберта графа Апсбурга; Адольфа графа Швембурга; Генриха графа Паппенхайна, маршала империи; герцога Баварии; Фредерика, сына Леопольда, герцога Австрии; Конрада маркиза Моравии; Валерана де Лимбурга; и епископов Вюрцбург, Бремен, Верден, Хаббштадт, Пассау и Ратисбон.^[15]

О крестовом походе проповедовалось во всех провинциях Германии, а письма императора и папы римского повсюду разжигали рвение христианских воинов; никогда еще предприятие против неверных не предпринималось при более благоприятных условиях. Поскольку Германия предприняла крестовый поход почти в одиночку, казалось, что слава немецких народов так же заинтересована в этой войне, как и сама религия. Генрих должен был командовать священным походом, и крестоносцы, полные уверенности и надежды, готовились последовать за ним на Восток. Но Генрих придерживался других взглядов; несколько вельмож его двора, те, кто проникал в его тайные замыслы, и другие, которые верили, что дают ему благоразумный совет, умоляли его остаться на Западе и руководить крестовым походом из недр своих владений; и Генрих, после небольшого сопротивления, уступил их мольбам и все свое внимание уделил ускорению ухода крестоносцев.

Император Германии встал во главе сорока тысяч человек и направился в Италию, где все было подготовлено для завоевания Сицилии; остальные крестоносцы были разделены на две армии, которые, двигаясь разными дорогами, должны были встретиться в Сирии. Первый, которым командовали герцог Саксонии и герцог Брабанта, сел на корабли в портах Германского океана и Балтийского моря; второй пересек Дунай и направился к Константинополю, откуда флот греческого императора Исаака должен был доставить его в Птолемаиду. К этой армии, которой командовали архиепископ Майнца и Валеран де Лимбур, присоединились венгры, сопровождавшие свою королеву Маргариту, сестру Филиппа Августа. Королева Венгрии, потеряв своего мужа Белу, дала обет жить только для Христа и закончить свои дни в Святой Земле.

Крестоносцы под командованием архиепископа Майнца и Валерана де Лимбура были первыми, кто прибыл в Палестину. Едва они высадились на берег, как выразили свое желание и решимость начать войну против неверных. Христиане, которые в то время находились в мире с сарацинами, не решались нарушать перемирие, подписанное Ричардом, и, кроме того, не желали подавать сигнал к военным действиям до того, как они смогут начать кампанию с некоторой надеждой на успех. Генрих Шампанский и бароны Палестины представили немецким

крестоносцам опасность, которой неосторожный разрыв подвергнет христиан Востока, и заклинали их дожидаться армии герцогов Саксонии и Брабанта. Но немцы, полные уверенности в своих силах, были возмущены тем, что на пути их доблести были воздвигнуты препятствия из тщеславных сомнений и химерических тревог; они были поражены тем, что христиане Палестины таким образом отвергают помощь, посланную им самим Провидением, и добавили тоном гнева и презрения, что воины Запада не привыкли откладывать час битвы и что папа не побудил их взять в руки оружие и крест, чтобы оставаться в состоянии постыдного бездействия. Бароны и рыцари Святой Земли не могли без негодования слушать такие оскорбительные речи и ответили немецким крестоносцам, что они не просили и не желали их прибытия; что они лучше, чем воины севера Европы, знакомы с тем, что выгодно Иерусалимскому королевству; что они без какой-либо иностранной помощи выдержали величайшие опасности и что, когда наступит подходящий момент, они знают, как доказать свою доблесть иначе, чем словами. Среди таких жарких споров умы обеих сторон с каждым днем становились все более раздраженными, и, таким образом, среди христиан царили самые жестокие разногласия еще до того, как была объявлена война против неверных.

Внезапно немецкие крестоносцы выступили с оружием в руках из Птолемаиды и начали военные действия, опустошая земли сарацин. При первом же сигнале войны мусульмане собрали свои силы; и грозившая им опасность положила конец их раздорам: с берегов Нила и из самых отдаленных частей Сирии стеклись полчища воинов, еще недавно вооруженных друг против друга, но теперь собравшихся под одними знаменами и не признающих других врагов, кроме христиан.

Малек-Адель, на которого обратили свои взоры все мусульмане, когда встал вопрос о защите исламизма, выступил из Дамаска во главе армии и направился в Иерусалим, куда все эмиры соседних провинций пришли исполнять его приказы. Мусульманская армия, рассеяв христиан, которые продвинулись к горам Наплуза, осадила Яффу.

Во время третьего крестового похода большое значение придавалось сохранению этого города. Ричард Львиный крест укрепил его за большие деньги, и когда этот принц вернулся в Европу, он оставил там многочисленный гарнизон. Из всех приморских городов Яффа была ближайшей к городу, который был объектом желаний верующих; если он оставался в руках христиан, для них всегда была открыта дорога в Иерусалим, и средства осады этого места становились более легкими; но если он попадал во власть мусульман, это давало им пропорциональные преимущества при защите святого города.

Когда в Птолемаиде стало известно, что городу Яффо угрожает опасность, Генрих Шампанский со своими баронами и рыцарями немедленно взялся за оружие, чтобы защитить его, и присоединился к немецким крестоносцам, отдав все свои силы ведению войны, которую, как они поняли, теперь уже нельзя было ни откладывать, ни избегать. Три военных ордена вместе с войсками королевства были готовы выступить в поход, когда трагическое происшествие снова повергло христиан в уныние и помешало счастливой гармонии, которая была восстановлена при приближении опасности. Генрих Шампанский стоял, прислонившись к окну своего дворца, у которого он расположился, чтобы посмотреть, как его армия отступает из города, и окно внезапно подалось, и при падении оно уронило его вместе с собой.^[16] Несчастный принц скончался на глазах у своих солдат, которые, вместо того чтобы следовать за ним в бой, провожали его до могилы и потеряли несколько дней на отпевание. Христиане Птолемаиды все

еще оплакивали смерть своего царя, когда несчастье, которого они боялись, усилило их горе и ужас; гарнизон Яффы, предпринявший вылазку, попал в засаду, и все воины, составлявшие его, были либо убиты, либо взяты в плен. Мусульмане вошли в город почти без сопротивления, и двадцать тысяч христиан были преданы мечу.

Эти бедствия были предвидены всеми, кто боялся нарушения перемирия; но бароны и рыцари Палестины не теряли времени на напрасные сожаления или бесполезные жалобы и с нетерпением ожидали прибытия крестоносцев, вышедших из портов Океана и Балтики. Эти войска остановились на побережье Португалии, где они нанесли поражение маврам и отняли у них город Силвеш. Гордые своей победой над неверными, они высадились в Птолемаиде в тот момент, когда люди оплакивали потерю Яффо и толпились в церквях, моля Небеса о милосердии.

Прибытие новых крестоносцев вернуло христианам надежду и радость, и они решили не терять времени, а немедленно выступить против неверных. Армия покинула Птолемаис и двинулась к побережью Сирии, в то время как многочисленный флот держался у берега, нагруженный провизией и военными припасами. Крестоносцы, не разыскивая армию Малек-Аделя, осадили Беритус.

Город Берит, расположенный на равном расстоянии от Иерусалима и Триполи, благодаря удобству своего порта, многочисленности населения и своей торговле стал соперником Птолемаиды и Тира. Мусульманские провинции Сирии признали его своей столицей, и именно в Беритус приезжали эмиры, претендовавшие на господство над соседними городами, чтобы продемонстрировать пышность своих коронаций. После взятия Иерусалима Саладин был здесь провозглашен сувереном града Божьего и коронован султаном Дамаска и Каира. Пираты, наводнившие моря, привозили в этот город всю добычу христиан; мусульманские воины складывали там богатства, нажитые завоеваниями или разбоем; а пленников-франков, захваченных в последних войнах, теснили в тюрьмах Берита; так что у христиан были веские мотивы для того, чтобы овладеть этим местом, а у мусульман были не менее веские мотивы для его защиты.

Малек-Адель, разрушив укрепления Яффы, продвинулся со своей армией до гор Антилибанус, по пути в Дамаск; но, услышав о походе и решимости крестоносцев, он пересек горы слева от себя и приблизился к побережью: две армии встретились на равнине, орошаемой рекой Элевтера, между Тиром и Сидоном. Вскоре трубы зазвучали к битве; сарацинская армия, занимавшая огромное пространство, попыталась сначала окружить франков, а затем встать между ними и побережьем; их кавалерия поочередно обрушивалась на фланги, авангард и тыл христиан. Христиане сомкнули свои батальоны и со всех сторон образовали непроницаемые ряды. В то время как враги осыпали их стрелами и дротиками, их копья и мечи были залиты кровью сарацин. Они сражались другим оружием, но с той же храбростью и яростью. Победа долгое время оставалась неопределенной; христиане несколько раз были на грани поражения; но их упорная доблесть в конце концов восторжествовала над всем сопротивлением мусульман, и морское побережье, берега реки Элевферы и склоны гор были покрыты убитыми. Сарацины потеряли великое множество своих эмиров. Малек-Адель, который в течение всего этого дня демонстрировал мастерство великого полководца, был ранен на поле боя и спасся только бегством. Вся его армия была рассеяна; некоторые бежали в направлении Иерусалима, в то

время как другие поспешили по дороге в Дамаск, куда весть об этом кровавом поражении принесла ужас и отчаяние.[17]

Вследствие этой победы все города на побережье Сирии, которые все еще принадлежали мусульманам, перешли во власть христиан; сарацины оставили Сидон, Лаодикию и Гиблет. Когда христианский флот и армия появились перед Беритом, гарнизон был застигнут врасплох и не осмелился оказать никакого сопротивления. В этом городе, по словам историков, было больше провизии, чем хватило бы жителям в течение трех лет; два больших сосуда, добавляют те же хроники, не могли вместить луки, стрелы и боевые машины, которые были найдены в городе Берит. В результате этого завоевания огромные богатства попали в руки победителей, но самой ценной наградой за их триумф, несомненно, было освобождение девяти тысяч пленников, которым не терпелось взяться за оружие и отомстить за бесчинства, причиненные им долгим пленением. Принц Антиохии, присоединившийся к христианской армии, отправил голубя[18] в свою столицу, чтобы объявить всем жителям княжества о чудесной победе, одержанной солдатами креста. Во всех христианских городах Богу воинств возносились благодарственные возгласы. Историки, которые передали нам рассказ об этих славных событиях, чтобы описать восторг христианского народа, довольствуются повторением следующих слов священного писания: *“Тогда Сион запрыгал от радости, и сыны Иудины исполнились восторга.”*

В то время как крестоносцы таким образом добивались своих побед в Сирии, император Генрих VI. воспользовался всеми средствами и всеми полномочиями, которые крестовый поход предоставил в его руки, чтобы добиться завоевания Неаполитанского королевства и Сицилии. Хотя в ходе своих побед он непрестанно взывал к религии, человечности и справедливости, он прислушивался только к велениям своего честолюбия; и, терзаемый чувством неумолимой мести, он не был тронут ни страданиями побежденных, ни покорностью своих врагов. Все, кто проявлял хоть какое-то уважение или верность семье Танкреда, были брошены по его приказу в темницы или погибли в ужасных пытках, которые он сам изобрел. Армия, которой он командовал, слишком хорошо поддерживала его мрачную и жестокую политику; мир, которым завоеватели хвастались, что вернули народу Сицилии, причинил ему больше зла и принес больше жертв, чем сама война. Фальканд, умерший за несколько лет до этой экспедиции, заранее сожалел в своей истории о несчастьях, которые вот-вот обрушатся на его страну. Он уже видел самые цветущие города и богатую страну Сицилию, опустошенную нашествием варваров. “О! несчастные сицилийцы, - воскликнул он, - для вас было бы менее страшно терпеть тиранов старых Сиракуз, чем жить под властью этого дикого народа, который стремится вторгнуться на вашу территорию и ввергнуть вас во все ужасы нищеты и рабства”.[19]

Тем не менее эти безжалостные солдаты носили кресты паломников, а их император, хотя и не был еще освобожден от отлучения, присвоил себе славу первого из воинов Христа. Генрих VI. считался главой крестового похода и верховным арбитром в делах Востока. Король Кипра предложил стать его вассалом; Ливон, принц Армении, выпросил у него титул короля. Император Германии, у которого больше не было врагов, которых можно было опасаться на Западе, сосредоточил все свое внимание на войне с сарацинами и в письме, адресованном всей знати, магистратам и епископам своей империи, призвал их ускорить уход крестоносцев. Император обязался содержать армию в пятьдесят тысяч человек в течение одного года и пообещал выплатить тридцать унций золота каждому, кто останется под его знаменами до конца священной войны. Великое множество воинов, соблазненных этим обещанием, вступили

в бой, чтобы пересечь море и сразиться с неверными. Генрих больше не нуждался в них для своих собственных завоеваний и поэтому настаивал на их отправлении на Восток. Конраду, епископу Хильдесхайма, канцлеру империи, чьи советы во время войн на Сицилии слишком хорошо помогли честолюбию и варварской политике его господина, было поручено повести третью армию крестоносцев в Сирию.

Прибытие столь мощного подкрепления в Палестину возродило рвение и энтузиазм христиан, и можно было ожидать, что они продемонстрируют свое оружие каким-нибудь великим предприятием. Победа, которую они недавно одержали на равнинах Тира, взятие Берита, Сидона и Гиблета, повергла мусульман в ужас. Некоторые из руководителей христианской армии предложили выступить в поход на Иерусалим. “Этот город, - сказали они, - не может устоять перед нашим победоносным оружием; его губернатор - племянник Саладина, который с нетерпением переносит власть султана Дамаска и часто проявлял склонность прислушиваться к предложениям[20] христиан”. Большинство баронов, однако, не разделяли этой надежды и не доверяли словам мусульман. Было хорошо известно, что неверные после ухода Ричарда Львиного значительно усилили укрепления Иерусалима;[21] что тройная стена и рвы большой глубины должны были сделать это завоевание более опасным и особенно более трудным, чем во времена Годфри Бульонского. Приближалась зима; христианскую армию мог застать сезон дождей, и она была вынуждена снять осаду перед лицом сарацинской армии. Эти соображения побудили крестоносцев отложить штурм святого города на следующий год.

Здесь не будет дерзостью заметить, что в христианских армиях постоянно говорили об Иерусалиме, но что вожди столь же постоянно направляли свои усилия и свое оружие на приобретение других завоеваний. Святой город, расположенный далеко от моря, не содержал в своих стенах никаких других сокровищ, кроме религиозных реликвий и памятников. Приморские города Азии могли похвастаться большим мирским богатством и предоставляли гораздо большие преимущества завоевателям; они также обеспечивали более легкое сообщение с Европой; и если завоевание Иерусалима иногда вызывало искушение в набожности паломников, то завоевание городов, граничащих с морем, постоянно будило честолюбие морских и воинственных народов Запада.

Все морское побережье от Антиохии до Аскалона принадлежало христианам; мусульмане смогли сохранить за собой только Торон. Гарнизон этой крепости часто совершал набеги на соседние страны и постоянными военными действиями перекрывал сообщение между христианскими городами. Крестоносцы решили, что прежде чем отправиться в Иерусалим, они осадят замок Торон. Эта крепость, построенная Гуго де Сент-Омером во времена правления Балдуина II, находилась в нескольких лье от Тира, на вершине горы, между цепью Либанус и морем. Добраться туда можно было только по крутым скалам и узкой тропинке, окаймленной пропастями. У христианской армии не было машин, достаточно мощных, чтобы достичь высоты стен, и стрелы или камни, брошенные с подножия горы, не могли повредить осаждаемым; в то время как балки и обломки скалы, обрушившиеся с крепостных валов, произвели ужасный опустошительный эффект среди осаждающих. В первых атаках сарацины высмеивали тщетные усилия своих врагов и были свидетелями, почти без опасности для себя, чудес храбрости и самых смертоносных изобретений искусства осады, безрезультатно применявшихся против их стен. Но почти непреодолимые трудности, которые, как можно было предположить, могли остановить продвижение христиан, только удвоили их пыл и мужество.[22] Они каждый день предпринимали новые атаки, каждый день, казалось, наращивали свои усилия, и их упрямую

храбрость подкрепляли недавно изобретенные боевые машины. С невероятным трудом они раскопали землю и проложили себе путь через скалы; в то время как несколько саксов, работавших в рудниках Раммесберга, были заняты вскрытием склона горы. Крестоносцы, наконец, достигли подножия крепостных валов; стены, фундамент которых они разрушили, начали сотрясаться в разных местах, не подвергаясь ударам тарана, и их падение, которое, казалось, было отсрочено чудом, наполнило осажденных ужасом.

Мусульмане, потерявшие теперь всякую надежду защититься, предложили капитулировать; но в христианской армии с ее многочисленными предводителями царил такой беспорядок, что ни один из них не осмелился взять на себя смелость выслушать предложения неверных. Генрих, палатин Рейнский, и герцоги Саксония и Брабант, пользовавшиеся большим уважением у немцев, не могли добиться повиновения ни от кого, кроме своих собственных солдат. Конрад, канцлер империи, представлявший императора Германии, мог бы, возможно, воспользоваться полезной властью; но, ослабленный болезнью, не имеющий военного опыта, всегда запершийся в своей палатке, он ожидал исхода состязания и даже не соизволил присутствовать на советах князей и баронов. Когда осажденные пришли к решению капитулировать, они оставались несколько дней, не зная, к какому князю правильнее всего обратиться, и когда их депутаты прибыли в христианский лагерь, их предложения были заслушаны на общем собрании, в котором дух соперничества, близорукое рвение и слепой энтузиазм имели гораздо большую силу, чем разум и благоразумие.

Сарацины в своей речи ограничились мольбами о милосердии своих победителей; они обещали оставить крепость со всем своим богатством и просили только жизни и свободы в качестве платы за свою покорность. Просительное отношение сарацин, должно быть, задело гордость христианских воинов; религия и политика объединились, чтобы добиться благоприятного ответа на сделанные им предложения, и большая часть вождей была склонна подписать капитуляцию. Но некоторые из самых пылких не могли без негодования видеть, что они хотели получить путем мирного договора то, что они вскоре должны были получить силой оружия. “Необходимо, - говорили они, - чтобы все наши враги были поражены ужасом; и если гарнизон этого города погибнет от меча, испуганные сарацины не посмеют ждать нас ни в Иерусалиме, ни в других городах, все еще находящихся в их владении”.

Поскольку их совет не был принят, эти пылкие и невнимательные солдаты решили использовать все средства, чтобы прервать переговоры, и, возвращая депутатов в крепость, сказали им: *“Защищайтесь, ибо, если вы сдадитесь христианам, вы все погибнете в мучениях”*. В дополнение к этому они обратились к христианским солдатам и сообщили им с нотками гнева и скорби, что вот-вот будет заключен позорный мир с врагами Христа. В то же время те из вождей, которые были склонны к миру, распространились по лагерю и объяснили армии, что бесполезно и, возможно, опасно приобретать новыми состязаниями то, что фортуна, или, скорее, само Провидение, предлагало крестоносцам. Среди христианских воинов одни поддались советам умеренности, другие не желали полагаться ни на что, кроме меча; те, кто предпочел победу миру, взяли за оружие, а те, кто принял капитуляцию, удалились в свои палатки. Лагерь, в котором одни пребывали в бездействии и покое, в то время как другие готовились к битве, представлял собой в то же время образ мира и войны: но при таком разнообразии мнений, среди такого странного зрелища, какое представляла тогда армия, легко было предвидеть, что очень скоро они не смогут ни вести переговоры с врагами, ни сражаться с ними.

Капитуляция, несмотря на это, была ратифицирована главными вождями и канцлером империи. В лагере искали заложников, которых должны были прислать сарацины, и крестоносцам показалось, что они видят распахнутые перед ними ворота замка Торон; но отчаяние внезапно изменило решения сарацин. Когда наместники христианского лагеря доложили своим товарищам по оружию о том, что они видели и слышали; когда они рассказали им об угрозах, которые были им направлены, и о разделениях, которые существовали среди врагов, осажденные забыли, что их стены превратились в руины, что им нужны были и оружие, и провизия; что они должны были защищаться от победоносной армии; и они поклялись скорее умереть, чем сотрудничать с крестоносцами. Вместо того чтобы послать заложников, они с оружием в руках появились на крепостных валах и спровоцировали осаждающих возобновить сражение. Христиане возобновили труды осады и возобновили свои атаки; но их мужество слабело с каждым днем, в то время как в той же пропорции отчаяние, казалось, увеличивало храбрость мусульман. Осажденные без перерыва трудились, ремонтируя свои машины и восстанавливая стены; иногда христиане подвергались нападению в подземных ходах, которые они вырыли, и погибали, погребенные под массами разрыхленной земли; в то время как с крепостных валов на них постоянно сыпались стрелы и камни. Часто сарацинам удавалось застать врасплох некоторых из своих врагов, которых они доставляли живыми в крепость, а затем безжалостно убивали; головы этих несчастных пленников выставлялись на стенах, а затем машины сбрасывали их в лагерь христиан. Крестоносцы, казалось, впали в некое уныние или апатию; некоторые все еще сражались и помнили свои клятвы; но другие оставались равнодушными зрителями опасностей и смерти своих братьев. Многие к своему безразличию к делу Божьему добавляли скандал самой развращенной морали. Можно было увидеть, говорит историк, мужчин, которые оставили своих жен, чтобы последовать за Христом, внезапно забыв о самых священных обязанностях и привязавшись к мерзким проституткам; фактически, пороки и беспорядки крестоносцев были настолько позорными, что авторы старых хроник краснеют, пересказывая их картину. Арнольд Любецкий, описав разврат, царивший в лагере христиан, по-видимому, просит прощения у своего читателя; и, чтобы его не обвинили в написании сатиры, он заботится о том, чтобы добавить, что он вспоминает такие отвратительные события не для того, чтобы посрамить гордыню людей, а для того, чтобы предостеречь грешников и, по возможности, тронуть сердца своих братьев во Христе.^[23]

Вскоре до ушей христиан дошла весть о том, что королевства Алеппо и Дамаск вооружены, что Египет собрал армию и что Малек-Адель, сопровождаемый бесчисленным множеством воинов, продвигается форсированными маршами, горя нетерпением отомстить за свое недавнее поражение.^[24]

Услышав это известие, предводители крестового похода решили снять осаду Торона; и чтобы скрыть свое отступление от врага, они не постеснялись обмануть своих собственных солдат. В день Очищения Пресвятой Девы, когда христиане совершали богослужения, по звуку трубы лагерь был извещен о том, что завтра он намеревается предпринять генеральное наступление. Вся армия провела ночь в приготовлениях к битве; но на рассвете они узнали, что Конрад и большинство военачальников покинули армию и отправились по дороге в Тир. Мужчины собирались группами вокруг своих палаток, чтобы выяснить правду, и с величайшей настороженностью расспрашивали друг друга. Самые мрачные предчувствия овладели умами крестоносцев; как будто они были побеждены в великой битве, их единственной мыслью было бегство. Ничего не было подготовлено к отступлению, не было отдано никакого приказа; ни один человек не видел ничего, кроме собственной опасности, и не прислушивался к каким-

либо советам, кроме тех, которые подсказывал ему страх; некоторые нагрузились всем ценным, что у них было, в то время как другие побросали даже свое оружие. Больные и раненые с трудом тащились по пятам своих товарищей; те, кто не мог ходить, были брошены в лагере. Смятение было всеобщим; солдаты шли *друг за другом* с обозом; они не знали, каким путем идти, и многие заблудились в горах; ничего не было слышно, кроме криков и стонов, и, как будто Небеса хотели выразить свой гнев на этот беспорядок, разразилась страшная буря; яростные молнии разрывали тучи, гром раздавался ужасными раскатами, и потоки дождя затопили страну.[25] Во время своего беспорядочного бегства ни один из крестоносцев не отважился обратить свой взор на ту крепость, которая всего несколько дней назад предложила сдаться их оружию: их ужас не утихал, пока они не увидели стены Тира.

Когда армия, наконец, была вновь собрана, началось всеобщее расследование: “В чем была причина беспорядка, который они пережили?” Тогда христианами овладел новый бред; недоверие и взаимная ненависть сменились паническим ужасом, жертвами которого они были; самые серьезные подозрения были связаны с самыми простыми поступками и придавали отвратительный смысл совершенно невинным словам. Крестоносцы упрекали друг друга в несправедливости и доказательствах предательства, во всем том зле, которое они претерпели или боялись претерпеть. Меры, которые были рекомендованы неосмотрительным рвением, а также те, которые были продиктованы необходимостью и благоразумием, были делом рук вероломства, не имеющего примера. Святые места, которые так недавно крестоносцы рассматривали с кажущимся безразличием, теперь занимали все их мысли; и самые пылкие упрекали вождей в том, что они привносят в священную войну одни лишь нечестивые взгляды; в том, что они принесли дело Божье в жертву своим собственным амбициям и бросили воинов Христа на растерзание сарацинам. Те же крестоносцы громогласно провозгласили, что Бог был неблагосклонен к христианам, потому что те, кого он назначил возглавлять защитников креста, пренебрегли завоеванием Иерусалима. Наши читатели, возможно, помнят, что после осады Дамаска во время второго крестового похода некоторых тамплиеров и немцев обвинили в алчности и в том, что они пожертвовали рвением и храбростью христианских воинов. По этому поводу были возобновлены обвинения, не менее серьезные, ис такой же горечью. Если верить старым хроникам, Малек-Адель пообещал нескольким предводителям христианской армии большое количество золотых монет, чтобы привлечь их к снятию осады Торона; и те же хроники добавляют, что когда мусульманский принц заплатил им оговоренную сумму, он не дал им ничего, кроме фальшивого золота, — достойной платы за их алчность и предательство.[26] Арабские историки не подтверждают эти одиозные обвинения; но дух вражды, царивший тогда среди христианских воинов, был таков, что их братья и товарищи по оружию судили их более сурово, чем их враги.

В конце концов ярость раздора зашла так далеко, что германцы и сирийские христиане не захотели оставаться под одним знаменем; первые удалились в город Яффо, валы которого они восстановили, а вторые вернулись в Птолемаиду. Малек-Адель, желая воспользоваться этими подразделениями, двинулся к Яффо и предложил немцам сражение. Недалеко от города произошел серьезный конфликт. Герцог Саксонии и герцог Брабанта оба погибли *всхватке*.[27] Крестоносцы потеряли большое количество своих самых храбрых воинов; но победа была в их пользу. После триумфа, который был достигнут только благодаря их оружию, гордость немцев не знала границ, и они относились к христианам Палестины с величайшим презрением. “Мы, ” говорили они, - пересекли моря, чтобы защитить свою страну; и, далекие от того, чтобы принимать какое-либо участие в наших трудах, эти воины, не проявив ни благодарности, ни

мужества, покинули нас в час опасности”. Христиане Палестины, со своей стороны, упрекали немцев в том, что они пришли на Восток не сражаться, а командовать; не помогать своим братьям, а наложить на них иго более невыносимое, чем иго сарацин. “Крестоносцы, - добавляли они, - покинули Запад только для того, чтобы совершить приятное военное продвижение в Сирию; там они обрели мир, но оставили войну позади себя; подобно тем перелетным птицам, которые возвещают сезон бурь”.

В этих роковых разногласиях ни у кого не было достаточного авторитета и власти, чтобы обуздать гневные настроения или примирить противоречивые мнения. Скипетр Иерусалима находился в руках женщины; трон Годфри, который так часто сотрясался, лишился опоры; империя религии и закона с каждым днем угасала, и только насилие обладало привилегией вызывать уважение. Необходимость и сила были единственными силами, которые требовали повиновения; в то время как распущенность и коррупция, царившие среди людей, все еще называемых *народом Божиим*, достигли такого ужасающего прогресса, что мы испытываем искушение обвинить современных авторов и очевидцев в большом преувеличении в их рассказах.

В этом состоянии упадка, среди таких позорных беспорядков, самые мудрые и осмотрительные из прелатов и баронов сочли, что лучшим шагом, который они могли предпринять, было бы дать христианским колониям способного и достойного лидера, и они умоляли Изабеллу, вдову Генриха Шампанского, взять нового мужа, который, возможно, согласился бы стать их сувереном. Изабелла тремя браками уже дала Палестине трех королей. Они сделали ей предложение руки и сердца, который недавно сменил Ги де Лузиньяна в королевстве Кипр. Арабский историк говорит, что Амор был *мудрым и рассудительным человеком, который любил Бога и уважал человечество*. Он не побоялся править среди войн, смут и раздоров жалкими остатками несчастного Иерусалимского королевства и приехал, чтобы разделить с Изабеллой тщетные почести королевской семьи. Их свадьба была отпразднована в Птолемаиде с большей пышностью, как утверждают историки, чем того требовало положение дел. Хотя этот брак, возможно, и не устранил всего зла, которому подвергались христиане, он, по крайней мере, дал им утешительную надежду на то, что их раздоры будут улажены и что колонии франков, когда ими будут лучше управлять, смогут пожать некоторые плоды от стольких побед, одержанных над неверными. Но новости, которые приходили с Запада, вскоре посеяли новую скорбь по королевству и положили конец бесплодным подвигам священной войны. Посреди празднеств, последовавших за бракосочетанием и коронацией Амора, было объявлено о смерти императора Генриха VI. [28] Выборы нового главы империи, скорее всего, вызвали бы ожесточенную борьбу в Германии; и каждый из немецких принцев или дворян, находившихся тогда в Палестине, естественно, обратил свое внимание на то, на что ему приходилось надеяться или опасаться в событиях, готовящихся в Европе: они решили немедленно вернуться на Запад.

Граф де Монфор и несколько других французских рыцарей лишь недавно прибыли в Святую Землю и горячо умоляли немецких князей отложить их возвращение. Папа римский также, получив известие о смерти Генриха VI, написал вождям крестоносцев, умоляя их завершить свое доброе дело и не оставлять дело Христа; но ни молитвы графа де Монфора, ни увещания папы римского не смогли удержать немцев, которым не терпелось вернуться в свою страну. Из стольких принцев, покинувших Запад, чтобы обеспечить триумф делу Божьему, только королева Венгрии осталась верна своим клятвам и осталась со своими рыцарями в Палестине. [29] Уходя

из Сирии, немцы удовлетворились тем, что оставили гарнизон в Яффо. Вскоре после их отъезда, во время празднования праздника святого Мартина с избытком пьянства и разврата, этот гарнизон был застигнут врасплох сарацинами и вырезан.^[30] Приближалась зима; ни одна из сторон не могла удержать поле боя; раздор царил в равной степени среди христиан и мусульман; и обе стороны желали мира, потому что были неспособны вести войну. Граф де Монфор заключил с сарацинами перемирие на три года. Так завершился этот крестовый поход, который длился всего несколько месяцев и на самом деле был не чем иным, как паломничеством воинов Запада. Победы крестоносцев сделали христиан хозяевами всего побережья Сирии, но их поспешный уход уничтожил плоды их завоеваний. Захваченные ими города остались без защитников и почти без жителей.

Этот четвертый крестовый поход, в ходе которого все державы Запада потерпели неудачу при попытке захватить небольшую крепость Сирии и который представляет нам странное зрелище священной войны, руководимой отлученным от церкви монархом, сообщает историку меньше великих событий и меньшее количество великих несчастий, чем предыдущие экспедиции. Христианские армии, совершившие лишь кратковременный визит на Восток, не испытали ни голода, ни болезней, которые оказались столь губительными для прежних предприятий. Дальновидность и внимание императора Германии, ставшего хозяином Сицилии, обеспечивали все нужды крестоносцев, чьи подвиги были призваны помочь его честолюбивым планам и которых он считал своими собственными солдатами.

Германские воины, составлявшие христианские армии, не обладали качествами, необходимыми для обеспечения преимуществ победы.^[31] Всегда готовые слепо броситься навстречу опасности; совершенно не знающие, что благоразумие можно сочетать с мужеством; не прислушивающиеся ни к чему, кроме буйства собственных страстей, и не признающие закона, кроме собственной воли; послушные лидерам своей нации и презирующие всех остальных; полные неукротимой гордыни, которая заставляла их пренебрегать помощью своих союзников и уроками опыта, такие люди не могли ни заключить мир, ни начать войну.

Когда мы сравниваем этих новых крестоносцев со спутниками Ричарда или Годфри, мы находим в них тот же пыл к битве, то же безразличие к опасности; но мы находим, что им очень не хватает того энтузиазма, который воодушевлял первых воинов креста при виде святых мест. Иерусалим, который никогда не переставал быть открытым для набожности верующих, больше не видел в своих стенах той толпы паломников, которые в начале священных войн стекались туда со всех концов Запада. Папа римский и предводители христианской армии запретили крестоносцам входить в святой город, не завоевав его; и они, которые не всегда проявляли такую покорность, подчинились этому запрету без боли. Более ста тысяч воинов, покинувших Европу с целью освобождения Иерусалима, вернулись в свои дома, не имея, возможно, ни малейшей мысли посетить гробницу Христа, ради чего они взялись за оружие. Тридцать унций золота, обещанные императором всем, кто пересечет море для борьбы с неверными, значительно увеличили число крестоносцев; такого не было в прежних экспедициях, в которых толпа воинов креста находилась под влиянием главным образом религиозных мотивов. В других священных войнах было больше религии, чем политики; в этом крестовом походе, хотя он непосредственно поощрялся главой Церкви и в значительной степени направлялся епископами, мы можем с уверенностью сказать, что политики было больше, чем религии. Гордость, честолюбие,

ревность, самые постыдные страсти человеческого сердца, не пытались, как в предыдущих экспедициях, прикрыться религиозной завесой. Архиепископ Майнца, епископ Хильдесхайма, как и большинство других священнослужителей, принявших крест, не вызывали восхищения ни своей мудростью, ни благочестием, ни отличались какими-либо личными качествами. Конрада, канцлера империи, по возвращении в Европу преследовали подозрения, связанные с его поведением во время священной войны; и когда спустя много времени он был убит несколькими дворянами Вюрцбурга, которые составили против него заговор, народ воспринял его трагическую смерть как наказание Небес.

Генрих VI, проповедовавший крестовый поход, рассматривал этот далекий поход только как средство и возможность для увеличения своей власти и расширения своей империи; в то время как Запад возносил молитвы за успех священной войны, жизнью и душой которой он был, он вел нечестивую войну, опустошал христианский народ с целью подчинения его своим законам и угрожал греческой империи.^[32] Сын Танкреда был лишен зрения и брошен в тюрьму, а дочери короля Сицилии были уведены в плен. Варварство Генриха было настолько чрезмерным, что он раздражал своих соседей и наживал врагов в собственной семье. Когда он умер, в Европе распространился слух, что он был отравлен; народы, которые он сделал несчастными, не могли поверить, что столько жестокостей могло остаться безнаказанными, и они утверждали, что Провидение использовало жену императора в качестве его палача, чтобы отомстить за все бедствия, которые он причинил Неаполитанскому и Сицилийскому королевствам. При приближении смерти Генрих вспомнил, что он преследовал Ричарда; что он заковал в цепи принца крестоносцев, несмотря на просьбы отца верующих; и он поспешил отправить послов к королю Англии, которому было поручено торжественно возместить ему столь великое оскорбление. После его смерти, поскольку он был отлучен от церкви, было сочтено необходимым обратиться к верховному понтифику, чтобы получить разрешение похоронить его в Святой Земле; и папа хладнокровно ответил, что они вольны похоронить его среди христиан, но прежде чем они сделают это, они должны вознести много молитв, чтобы смягчить гнев Божий.

Завладев прекрасными и богатыми территориями Италии путем вероломства и насилия, Генрих подготовил для этой несчастной страны серию революций, которые будут возобновляться из века в век. Отвратительная война, которую он развязал против семьи Танкреда, естественно, породила другие войны, наносящие ущерб его собственной семье.^[33] Удалившись со своими армиями так далеко от Германии, Генрих предоставил возможность для формирования могущественных партий, которые после его смерти с некоторым успехом оспаривали императорский скипетр и, в конце концов, развязали войну, в которую были вовлечены основные государства Европы. Таким образом, в то время как другие священные войны способствовали поддержанию или установлению общественного мира в Европе, этот четвертый крестовый поход вызвал разногласия между государствами христианского мира, несколько не уменьшив могущества сарацин, и лишь внес смуту во многие королевства Запада.

КНИГА X.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1198-1204 гг. н. э.

“Христианские войска, - говорит Ж. Ж. Руссо в своем ”Социальном контрасте“, -, как говорится, превосходны; я отрицаю это; покажите мне такие; что касается меня, то я не знаю христианских войск”. Событий, о которых мы только что рассказали, и тех, которые мы собираемся обнародовать, без сомнения, будет достаточно, чтобы опровергнуть этот странный парадокс Ж.-Ж. Руссо. Автор “Общественного договора”, правда, не умалчивает о возражениях, которые могут быть ему выдвинуты из истории крестовых походов; но, всегда верный своей системе и не принимающий во внимание исторические истины, он отвечает, что *“крестоносцы, далекие от того, чтобы быть христианами, были гражданами Церкви; что они сражались за свою духовную страну, которую Церковь сделала мирской, неизвестно каким образом.”* Странное злоупотребление рассуждениями, которое путает смысл слов и отказывает в титуле христиан тем, кто сражался во имя Христа! Представляя крестоносцев как граждан Церкви, Руссо, несомненно, имел в виду, что у истоков крестовых походов стояли папы римские и что воины креста защищали светскую власть пап. Мы сразу же отвечаем, что крестовые походы были обязаны своим рождением и ростом религиозному и воинственному энтузиазму, который воодушевлял народы Запада в двенадцатом веке, и что без этого энтузиазма, который не был делом рук глав Церкви, проповеди Святого Престола не смогли бы собрать ни одной армии под знаменами креста. Мы можем далее добавить, что во время священных войн суверенные понтифики часто изгонялись из Рима и лишались своих государств, и что они не призывали крестоносцев на защиту власти или *светской страны* Церкви. Крестоносцы не только не всегда были слепыми орудиями Святого Престола, но иногда они сопротивлялись воле пап, и все же в их лагерях было не меньше образцов доблести, соединенных с христианским благочестием. Несомненно, вожди часто соблазнялись честолюбием, жадой славы и страстью к войне; но религия, хорошо или плохо понятая, действовала на большее число; христианская религия, которую они защищали, или думали, что защищают, вдохновляя их желанием небесных благословений и презрением к жизни, возвышала их над всеми опасностями и позволяла им смело идти на смерть при каждом удобном случае. Вот вся правда; но эта истина слишком проста для тех, кто пренебрегает обычными путями и не может составить суждение о человеческих делах, не выставляя напоказ всю гордую и суровую философию. Что касается нас, убежденных, что истинная философия заключается в изучении человеческого сердца и духа обществ не по пустым теориям, а по достоверной истории прошлых веков, то мы не будем опровергать блестящие софизмы длинными аргументами; но чтобы показать во всем блеске доблесть *христианских воинов*, мы удовлетворимся продолжением нашего повествования и беспристрастным описанием трудов, поражений и побед воинов креста.^[34]

Уход немецких крестоносцев поверг восточных христиан в горе и ужас; колонии, предоставленные самим себе, были защищены только перемирием, заключенным между графом де Монфором и Малек-Аделем. Неверные имели слишком большое превосходство над своими врагами, чтобы в течение какого-либо времени соблюдать договор, который они

рассматривали как препятствие для укрепления своего могущества. Христиане, которым угрожали новые опасности, снова обратили свои взоры на Запад. Епископ Птолемаиды в сопровождении нескольких рыцарей отправился в Европу, чтобы обратиться за помощью к верующим. Судно, на которое он сел, едва вышло из порта, как его поглотили волны, а епископ и все члены его свиты погибли. Другие корабли, вышедшие в море вскоре после этого, были застигнуты врасплох бурей и вынуждены были вернуться в порт Триполи, так что молитвы и жалобы христиан Палестины не могли достичь ушей их братьев на Западе. Тем не менее печальные новости о положении слабого Иерусалимского королевства вскоре стали общеизвестны; некоторые паломники, спасаясь от опасностей моря, по возвращении описывали триумфы и угрозы сарацин; но в тогдашнем состоянии Европы не могло быть ничего более трудного, чем побудить народы предпринять новый крестовый поход. Смерть императора Генриха VI разделила принцев и прелатов Германии, а Филипп Август все еще находился в состоянии войны с Ричардом Английским. Один из сыновей Белы, короля Венгрии, который притворился, что принял крест, собрал армию только для того, чтобы взбудоражить королевство и завладеть короной. Среди ожесточенных раздоров, волновавших Европу, христианский народ, казалось, забыл о гробнице Христа: один человек был тронут несчастьями верующих Востока и не терял надежды облегчить их.

Иннокентий III в возрасте тридцати трех лет недавно получил избирательные права в конклаве.^[35] В период жизни, когда страсти, как правило, овладевают им, преданный самому суровому уединению, постоянно занятый изучением священных книг и готовый в любое время опровергнуть новые ереси силой разума, преемник святого Петра пролил слезы, узнав о своем возвышении; но, сев на папский престол, Иннокентий внезапно проявил новый характер: тот же самый человек, который, казалось, боялся великолепия высокого положения, стал из всех сил стремиться любыми средствами увеличить свою власть и проявил все честолюбие и непреклонность. упрямство Григория VII. Его молодость, обещавшая ему долгое правление; его пыл в защите справедливости и истины; его красноречие, его знания, его добродетели, которые вызвали к нему уважение верующих, - все это объединилось, чтобы породить надежду на то, что он обеспечит торжество религии и что однажды он осуществит замыслы своих предшественников.

Поскольку власть папы была основана на прогрессе веры и святом энтузиазме христиан, Иннокентий уделил свое первое внимание пресечению опасных нововведений и неразумных доктрин, которые начали развращать его эпоху и угрожать святилищу; он особенно старался возродить пыл к крестовым походам; и, чтобы овладеть умами королей и народов, сплотить всех христиан и заставить их согласиться с торжеством Церкви, он рассказал им о пленении Иерусалима; он указал на гробницу Христа и святые места, оскверненные присутствием христиан. и господство неверных.

В письме^[36], адресованном епископам, духовенству, знати и народу Франции, Англии, Венгрии и Сицилии, суверенный понтифик обнародовал волю, угрозы и обещания Бога. "С момента прискорбной потери Иерусалима, - сказал он, - Святой Престол никогда не переставал взывать к Небесам и увещевать верующих отомстить за оскорбление, нанесенное Христу, изгнанному таким образом из его наследия. Раньше Урия не входил в свой дом и не видел своей жены, пока ковчег Господень находился в лагере; но теперь наши князья в этом общественном бедствии предаются незаконным любовным утехам; погружаются в сладострастие; злоупотребляют благословениями, которые Бог дал им; и преследуют друг друга с непримиримой ненавистью;

думая только о том, чтобы отомстить за свои личные обиды, они никогда не задумываются о том, что наши враги оскорбляют нас, говоря: *"Где ваш Бог, который не может освободиться из наших рук? Мы осквернили ваше святилище и места, в которых, как вы утверждаете, зародилось ваше суеверие; мы сокрушили французов, англичан, немцев и вторично покорили гордых испанцев: что же тогда нам остается делать? изгнать тех, кого вы оставили в Сирии, и проникнуть на Запад, чтобы навсегда стереть и ваше имя, и память о вас."* Приняв затем более отеческий тон: "Докажите, - воскликнул Иннокентий, - что вы не потеряли своего мужества; расточайте ради дела Божьего все, что вы получили от него; если в столь неотложной ситуации вы откажетесь служить Христу, какое оправдание вы сможете предложить перед его ужасным трибуналом? Если Бог умер за человека, должен ли человек бояться умереть за своего Бога? Откажется ли он отказаться от своей брэнной жизни и тленных благ этого мира ради того, кто предлагает нам сокровища вечности?"

В то же время прелаты были разосланы по всем странам Европы проповедовать мир между монархами и призывать их объединиться против общих врагов Бога. Эти прелаты, облеченные полным доверием Святого Престола, должны были привлечь города и знать к снаряжению за свой счет для Святой Земли определенного количества воинов, которые будут служить там по крайней мере в течение двух лет. Они обещали отпущение грехов,^[37] и особую защиту Церкви^[38] всем, кто возьмет крест и оружие или внесет свой вклад в экипировку и поддержку солдат о Христе. Чтобы получить благочестивую дань от верующих, во всех церквях были установлены шкатулки. На покаянном трибунале священникам было приказано призвать всех грешников присоединиться к святому предприятию; никакая ошибка не могла обрести благодати перед Богом без искреннего желания участвовать в крестовом походе; рвение к освобождению святых мест, по-видимому, было в то время единственной добродетелью, которую папа требовал от христиан, и даже само милосердие теряло часть своей ценности, если не использовалось для содействия крестовым походам. Поскольку Римскую церковь упрекали в том, что она возлагает на народ бремя, к которому она прикладывала лишь кончик своего пальца, папа призвал глав духовенства и самих священнослужителей подавать пример преданности и жертвенности. Иннокентий приказал переплавить свою золотую и серебряную посуду, чтобы покрыть расходы на священную войну, и не позволял видеть на своем столе ничего, кроме сосудов из дерева и глины, пока длился крестовый поход.

Верховный понтифик был настолько удовлетворен рвением и благочестием христиан, что написал патриарху и королю Иерусалима, чтобы сообщить им о приближающейся помощи с Запада. Он не пренебрегал ничем, что могло бы увеличить численность воинов Христа; он обратился к императору Константинополя и упрекнул его в равнодушии к освобождению святых мест. Император Алексей постарался в своем ответе показать свое рвение к делу религии; но он добавил, что время освобождения еще не пришло и что он боится противопоставить себя воле Божьей, раздраженный грехами христиан. Греческий принц искусно напомнил ему об опустошениях, совершенных на территориях империи солдатами Фридриха, и призвал папу направить свои обличения против тех, кто, притворяясь, что трудится для Иисуса Христа, действовал вопреки воле Небес. В своей переписке с Алексеем Иннокентий III. нисколько не скрывал своих притязаний на всемирную империю и выступал в качестве суверенного арбитра между царями Востока и Запада. Он применил к себе эти слова, обращенные к Иеремии: "Я поставил тебя над народами и над царствами, чтобы ты возделывал и рассеивал, назидал и насаждал". Говоря о власти пап и князей, он сравнил первого с солнцем, которое освещает вселенную днем, а другого - с луной, которая освещает землю ночью.

Претензии, которые выдвигал Иннокентий, и надменность, с которой он стремился утвердить их, были, без сомнения, вредны для эффекта его увещаний и, должно быть, ослабили рвение христианских князей, которых он хотел убедить предпринять крестовый поход. Князья и епископы Германии разделились между Отоном Саксонским и Филиппом Швабским; верховный понтифик решительно высказался в пользу Отона и пригрозил громами Церкви всем, кто помогал противоположной стороне. В разногласиях, вызванных этим важным делом, одни воспользовались случаем, чтобы снискать расположение папы, а другие - чтобы обезопасить себя от последствий его гнева; но поскольку вся Германия была вовлечена в ссору, никто не взял креста.

Одному из папских легатов, Петру Капуанскому, удалось восстановить мир между Ричардом Львиным кером и Филиппом Августом. Ричард, желавший заручиться доброй волей Святого Престола, постоянно обещал снарядить флот и собрать армию, чтобы отправиться войной против неверных. Он объявил турнир в своей столице, в разгар которого призвал баронов и рыцарей следовать за ним на Восток; но все эти демонстрации, искренность которых вызывала большие подозрения, остались безрезультатными. Вскоре между Францией и Англией снова вспыхнула война, и Ричард, который при каждом удобном случае повторял свою клятву сражаться с неверными, был убит в мелкой ссоре с христианами.

Филипп Август отрекся от Ингебурги, дочери короля Дании, чтобы жениться на Агнес де Мерани. Верховный понтифик в письме, адресованном верующим, резко осудил принцев, предавшихся незаконным любовным утехам; он приказал Филиппу Августу вернуть Ингебургу, а поскольку Филипп отказался повиноваться, на королевство Франция был наложен интердикт. В течение нескольких месяцев все религиозные церемонии были приостановлены; кафедры Евангелия перестали провозглашать святое слово; церковные колокола и голос молитвы смолкли; умершим было отказано в христианском погребении; святилище было закрыто для верующих; длинная траурная завеса, казалось, нависла над городами и равнинами, из которых была изгнана христианская религия и которые, как можно было подумать, были захвачены сарацинами. Хотя те, кто принял крест, были освобождены от интердикта, зрелище, которое представляла Франция, обескуражило и опечалило ее жителей. Филипп Август, раздраженный против папы, не проявил особого желания оживить их рвение; а у духовенства, влияние которого могло бы оказать сильное воздействие, было меньше причин сожалеть о пленении Иерусалима, чем о плачевном состоянии королевства.

Наконец кюре из Нейи-сюр-Мен начал наполнять Францию славой своего красноречия и совершаемых им чудес. Фульк сначала вел очень распутный образ жизни, но, тронутый искренним раскаянием, он не удовлетворился искуплением своих проступков покаянием, а возжелал вернуть всех грешников на пути спасения и путешествовал по провинциям, стараясь пробудить в людях презрение к мирским благам. Бог, чтобы испытать его, допустил, чтобы в своих первых проповедях Фульк подвергался насмешкам слушателей; но истины, которые он изрекал, вскоре приобрели удивительную власть над всеми, кто приходил его слушать. Епископы приглашали его проповедовать в своих епархиях; он повсюду удостоивался необычайных почестей, и как народ, так и духовенство стекались ему навстречу, как будто он был посланником Бога. Фульк, говорится в "Хронике Святого Виктора", не имел ничего примечательного ни в своем облачении, ни в образе жизни; *он путешествовал верхом и ел то, что ему давали*. Иногда он проповедовал в церквях, иногда в общественных местах и нередко в разгар турниров. Его красноречие было простым и естественным; защищенный

своим невежеством от дурного вкуса своего времени, он не удивлял своих слушателей ни тщеславными тонкостями школ, ни абсурдной смесью отрывков из Священного Писания и нечестивых цитат из античности. Его слова, не приукрашенные эрудицией, которой тогда так восхищались, были более убедительными и проникали прямо в сердце.^[39] Самые ученые проповедники причисляли себя к его ученикам и заявляли, что Святой Дух говорил его устами. Воодушевленный той верой, которая творит чудеса, он по своему усмотрению обуревал страсти толпы и заставлял звучать даже во дворцах князей *громы евангельских обличений*.^[40] При звуке его голоса все, кто обогатился мошенничеством, разбоем или ростовщицеством, поспешили вернуть то, что они несправедливо приобрели; развратники исповедовали свои грехи и посвящали себя аскезе покаяния;^[41] проститутки, следуя примеру Мадлен, сожалели о скандале своей жизни, обрезали волосы, сменили безвкусную одежду на повязка на голову и убогая одежда, и поклялся спать на пепле и умереть в уединении. Короче говоря, красноречие Фулька из Нейи творило такие чудеса, что современники говорят о нем как о другом святом Павле, посланном для обращения своего века. Один из них даже заходит так далеко, что говорит, что не осмеливается рассказать все, что знает о нем, опасаясь недоверия людей.^[42]

Иннокентий III обратил свой взор на Фулька из Нейи и доверил ему миссию, которая пятьдесят лет назад была возложена на святого Бернара. Новый проповедник крестового похода сам принял крест на общем собрании ордена Сито. При звуке его голоса рвение к священной войне, которое, казалось, угасло, снова вспыхнуло во всех частях света. В каждом городе, через который он проезжал, люди толпились, чтобы послушать его; и все, кто был в состоянии носить оружие, давали клятву сражаться с неверными.

Несколько святых ораторов были связаны с Фульком из Нейи; Мартин Литц из ордена Сито в епархии Бале и на берегах Рейна; Эрлоин, монах из Сен-Дени, повел свое дело через все еще дикие страны Бретани и нижнюю Пуату; а Юстас, аббат Флэя, дважды пересекал море, чтобы пробудить энтузиазм и священный пыл в провинциях Англии.

Не все эти благочестивые ораторы были наделены одинаковым красноречием, но все они были одушевлены самым горячим рвением. Осквернение святых мест, бедствия, постигшие восточных христиан, и воспоминание об Иерусалиме придавали их беседам живейший интерес и трогали сердца всех.^[43] По Европе распространился такой дух, что простое упоминание имени Христа или упоминание о граде Божьем, удерживаемом в плену неверными, вызывало у слушателей слезы и прилив энтузиазма. Люди повсюду проявляли одно и то же благочестие и одни и те же чувства, но дело Христа по-прежнему нуждалось в примере и мужестве принцев и знати. Поскольку в Шампани был объявлен знаменитый турнир, на котором должны были присутствовать самые смелые воины Франции, Германии и Фландрии, Фульк отправился в замок Экри-сюр-Эн,^[44] который был местом встречи рыцарей. Его красноречие привлекало внимание к жалобам Сиона даже среди нечестивых и буйных рыцарских забав; когда Фульк говорил об Иерусалиме, рыцари и бароны забывали о своих турнирах, о звоне копий или о высоких ратных подвигах; они становились нечувствительными к присутствию *дам и деуазелей*, которые присуждали награды за доблесть; и оставались глухи к веселым менестрелям, воспевавшим *любовь к добру, любовь к оружию и к л'асье*. Все дали клятву сражаться против неверных; и, должно быть, было удивительно видеть, как многочисленные защитники креста покидали эти воинственные праздники, которые так сурово осуждались Церковью.

Среди принцев и лордов, участвовавших в крестовом походе, наиболее заметными были Тибо IV, граф Шампани, и Людовик, граф Шартра и Блуа, оба родственники королей Франции и Англии. Отец Тибо последовал за Людовиком VII. во второй крестовый поход, а его старший брат был королем Иерусалима. Две тысячи пятьсот рыцарей были обязаны ему почтением и военной службой, и шампанская знать преуспела во всех благородных упражнениях с оружием в руках.^[45] Брак Тибо с наследницей Наварры привлек под его знамена большое количество воинов из стран, граничащих с Пиренеями. Людовик, граф Шартра и Блуа, считался среди своих предков одним из самых прославленных военачальников первого крестового похода и был хозяином провинции, изобиловавшей именитыми воинами. По примеру этих двух принцев крест приняли следующие выдающиеся лидеры: граф Сен—Поль, графы Готье и Жан де Бриенн, Манассес де Иль, Ренар де Дампьер, Матье де Монморанси, Гуго и Робер де Бов, д'Амьен, Рено де Булонь, Жоффруа де Перш, Рено де Монмирайль, Симон де Монфор, который только что подписал договор с сарацинами, но был не менее готов из-за этого принести клятву сражаться против них. они; и Джеффри де Вильярдуэн,^[46] маршал Шампани, который оставил нам отчет об этом крестовом походе на неприкрашенном языке своего времени.

Среди духовных лиц история называет Нивелона де Шеризи, епископа Суассонского; Гарнье, епископа Лангрского; аббата Лооза и аббата Во-де-Серне. Епископ Лангрский, который был объектом порицания папы римского, ожидал найти в паломничестве в Святую Землю возможность примириться со Святым Престолом. Аббат Лоз и аббат Во-де-Серне были замечательны своим благочестием и ученостью; первый был полон мудрости и умеренности, второй был воодушевлен святым энтузиазмом и горячим рвением, которые впоследствии он слишком сильно проявил против альбигойцев и сторонников графа Тулуза.

Когда рыцари и бароны вернулись в свои дома с красным крестом на перевязях и кольчугах,^[47] они своим присутствием вызвали энтузиазм своих вассалов и братьев по оружию. Дворянство Фландрии, по примеру дворян Шампани, стремилось доказать свое рвение к восстановлению святых мест. Балдуин, принявший сторону Ричарда против Филиппа Августа, искал под знаменем креста убежища от гнева короля Франции и поклялся в церкви Святого Донатъена в Брюгге отправиться в Азию для борьбы с сарацинами. Мария, графиня Фландрская, сестра Тибо, графа Шампанского, не хотела жить разлученной со своим мужем; и хотя она все еще была в расцвете юности и была на несколько месяцев старше беременности, она поклялась следовать за крестоносцами за моря и покинуть дом, который она была обречена никогда больше не увидеть. Примеру Болдуина последовали два его брата,^[48] Юстас и Генри, граф Сарбак; каноник де Бетюн, чье благочестие и красноречие ценились высоко, и Жак д'Авен, сын того, кто под тем же именем прославился в третьем крестовом походе. Большинство рыцарей и баронов Фландрии и Эно также принесли клятву разделить труды и опасности священной войны.

Главные лидеры сначала встретились в Суассоне, а затем в Компьене. На своем собрании они передали командование экспедицией Тибо, графу Шампани. Было также решено, что крестоносцам следует отправиться на Восток морем; и, вследствие этого решения, в Венецию были отправлены шесть депутатов,^[49] чтобы получить от республики суда, необходимые для перевозки людей и лошадей.

Венецианцы находились в тот период на пике своего величия и процветания. Среди потрясений, которые предшествовали падению римской державы и последовали за ним, эти

трудолюбивые люди нашли убежище на островах, граничащих с оконечностью Адриатического залива; и, оказавшись на волнах, устремили все свои взоры к морской империи,^[50] на которую варвары не обратили внимания. Венеция сначала находилась под властью константинопольских императоров; но по мере упадка греческой империи республика приобретала территорию, силу и величие, что неизбежно приводило к независимости. С десятого века на смену скромным рыбацким хижинам, разбросанным по острову Риальто, пришли мраморные дворцы. Города Истрии и Далмации подчинялись правителям Адриатического моря. Республика, ставшая грозной для самого могущественного монарха, была способна по малейшему сигналу вооружить флот из ста галер, которые она последовательно использовала против греков, сарацин и норманнов. Могущество Венеции уважалось всеми народами Запада, и республики Генуя и Пиза тщетно боролись с ней за господство на морях. Венецианцы с гордостью вспоминали эти слова папы Александра III, когда республика протестовала против императора Германии, который подарил кольцо дожу, сказав: *“Обручись с морем этим кольцом, чтобы потомки знали, что венецианцы приобрели империю волн и что море было подчинено им, как женщина своему мужу”*.

Флотилии венецианцев постоянно посещали порты Греции и Азии; они перевозили паломников в Палестину и возвращались, нагруженные богатыми товарами Востока. Венецианцы вступали в крестовые походы с меньшим рвением и энтузиазмом, чем другие христианские нации, но хорошо знали, как извлечь из них выгоду для своих собственных интересов; в то время как воины христианского мира сражались за славу, за королевства или за гробницу Христа, венецианские купцы сражались за конторы, магазины и коммерческие привилегии; и алчность часто заставляла их предпринимать то, чего другие нации не смогли бы добиться без чрезмерного религиозного рвения. Республика, которая всем своим процветанием была обязана торговым отношениям, без зазрения совести искала дружбы и защиты у мусульманских держав Сирии и Египта; и часто, даже когда вся Европа вооружалась против неверных, венецианцев обвиняли в том, что они поставляли врагам христианских народов как оружие, так и провизию.

Когда представители крестоносцев прибыли в Венецию, у республики был дож Дандоло, столь прославленный в ее летописях. Дандоло долгое время служил своей стране, выполняя важные миссии и командуя ее флотами и армиями; теперь, став во главе ее правительства, он следил за ее свободами и действием ее законов. Его труды во время войны и в мирное время, его полезные правила обращения денег, а также отправление правосудия и обеспечение общественной безопасности заслуженно снискали ему уважение и благодарность его сограждан. Он приобрел способность словами обуздывать страсти толпы даже во время бурных споров в республике.

Никто не был более искусен в улавливании благоприятной возможности или в использовании малейших обстоятельств для осуществления своих замыслов. В возрасте девяноста лет венецианский дож не проявлял никаких признаков дряхлости, кроме добродетели и опыта.^[51] Все, что могло спасти его страну, возбуждало в нем активность и воспламеняло его мужество; с духом расчета и экономии, отличавшими его соотечественников, Дандоло смешивал страсти с наибольшей щедростью и придавал вид величия всем предприятиям торгового народа. Его патриотизм, всегда поддерживаемый любовью к славе, по-видимому, обладал чем-то вроде того чувства чести и того рыцарского величия души, которые составляли преобладающую характеристику его эпохи.

Дандоло[52] с теплотой похвалил предприятие, которое показалось ему славным, и в котором интересы его страны не противоречили интересам религии. Депутатам потребовались суда для перевозки четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пеших с провизией для христианской армии на девять месяцев. Дандоло пообещал от имени республики предоставить необходимую провизию и суда при условии, что крестоносцы обязуются выплатить венецианцам сумму в восемьдесят пять тысяч серебряных марок.[53] Поскольку он не хотел, чтобы жители Венеции не были связаны с экспедицией французских крестоносцев, Дандоло предложил депутатам вооружить за счет республики пятьдесят галер и потребовал для своей страны половину завоеваний, которые могли быть совершены на Востоке.

Депутаты без колебаний приняли скорее заинтересованные, чем щедрые предложения дожа. Условия договора были впервые рассмотрены в совете дожей,[54] состоящий из шести патрициев; впоследствии он был ратифицирован двумя другими советами,[55] и, наконец, представлен на рассмотрение санкция народа, который тогда осуществлял верховную власть.[56]

В церкви Святого Марка было созвано общее собрание, и когда была отслужена месса Святого Духа, маршал Шампани в сопровождении других депутатов встал и, обращаясь к народу Венеции, произнес речь, простые и незатронутые выражения которой лучше, чем мы можем, передают дух и чувства героических периодов нашей истории.[57] “Лорды и бароны Франции, всевышние и могущественнейшие, послали нас к вам, чтобы умолять вас, во имя Бога, сжалиться над Иерусалимом, который турки держат в рабстве; они взывают к вам о пощаде и умоляют вас сопровождать их, чтобы отомстить за позор Иисуса Христа. Они остановили свой выбор на вас, потому что знают, что ни один народ на море не обладает такой великой властью, как ваша нация. Они приказали нам броситься к твоим ногам и не подниматься, пока ты не удовлетворишь нашу просьбу, пока ты не сжалишься над Святой Землей за морями”. При этих словах депутаты были тронуты до слез,[58] и не чувствуя унижения в смирении во имя Христа,[59] они упали на колени и подняли руки в знак благодарности. просительный тон по отношению к собранию народа. Сильное волнение баронов и рыцарей передалось венецианцам, и десять тысяч голосов ответили как один: “*Мы удовлетворяем вашу просьбу*”. Дож, поднимаясь на трибуну, высоко оценил серьезность и верность французских баронов и с энтузиазмом говорил о чести, оказанной Богом народу Венеции, избрав его из всех других наций,[60] разделить славу самого благородного предприятия и связать его с самым доблестным воином. Затем он зачитал договор, заключенный с крестоносцами, и призвал собравшихся сограждан дать свое согласие на него в формах, установленных законами республики. Тогда народ встал и единодушно воскликнул: “*Мы согласны на это*”. Все жители Венеции присутствовали на этом митинге; огромная толпа заполнила площадь Святого Марка и соседние улицы. Религиозный энтузиазм, любовь к родине, удивление и радость проявлялись в столь громких и всеобщих возгласах, что, по выражению маршала Шампани, “можно было сказать, что мир вот-вот будет вовлечен в один общий конфликт”.

На следующий день после этого памятного дня депутаты баронов отправились во дворец Святого Марка и поклялись на своих мечах и Евангелии выполнить все взятые на себя обязательства. В преамбуле договора вспоминались ошибки и несчастья князей, которые к тому времени предприняли освобождение Святой Земли, и восхвалялись мудрость и благоразумие французских лордов и рыцарей, которые ничем не пренебрегали, чтобы обеспечить успех предприятия, полного трудностей и опасностей. Депутатам было поручено добиваться того,

чтобы условия, на которых они поклялись, были приняты их братьями по оружию, баронами и рыцарями, *всей их нацией и, если возможно, их суверенным сеньором, королем Франции*. Мирный договор был написан на пергаменте и немедленно отправлен в Рим для утверждения папой; и, полные уверенности в будущем, а также в заключенном союзе, французские рыцари и патриции Венеции обменялись самыми трогательными заверениями в дружбе.^[61] Дождь одолжил баронам сумму в десять тысяч марок серебром, и последние поклялись никогда не забывать услуги, оказанные республикой Иисусу Христу. “Тогда было пролито, - говорит Вильгардуэн, - много слез нежности и радости”.

Правительство Венеции было новым зрелищем для французской знати; решения народа были им совершенно неизвестны и, должно быть, повергли их в изумление. С другой стороны, посольство рыцарей и баронов не могло не польстить самолюбию венецианцев; последние радовались тому, что их признали величайшей морской державой, и, никогда не отделяя своей славы от своих коммерческих интересов, радовались тому, что заключили столь выгодную сделку. Рыцари, напротив, думали только о чести и деле Христа; и хотя этот договор был губителен для крестоносцев, они сообщили эту новость своим товарищам по оружию с величайшей радостью и удовлетворением.^[62]

Предпочтение, оказанное крестоносцами венецианцам, естественно, возбудило зависть других морских держав Италии; таким образом, французские депутаты, отправившись в Пизу и Геную просить помощи у двух республик во имя Иисуса Христа, встретили холодный прием и совершенное безразличие к освобождению святых мест.

Рассказ о том, что произошло в Венеции, и присутствие баронов не преминули, однако, возбудить энтузиазм жителей Ломбардии и Пьемонта; многие из них взяли крест и оружие и пообещали следовать за Бонифацием, маркизом Монферратским, в Святую Землю.

Маршал Шампани, пересекая гору Сенис, встретил Готье де Бриенна, который принял крест в замке Экри и направлялся в Апулию. Он женился на одной из дочерей Танкреда, последнего короля Сицилии. Сопровождаемый шестьюдесятью рыцарями Шампани, он собирался попытаться удовлетворить притязания своей жены и завоевать королевство, основанное нормандскими рыцарями. Маршал Вильгардуэн и Готье де Бриенн поздравили друг друга с блестящими перспективами их экспедиции и пообещали снова встретиться на равнинах Египта и Сирии. Таким образом, рыцарям креста будущее не сулило ничего, кроме побед и трофеев, и надежда завоевать далекие королевства удвоила их пыл.

Когда депутаты прибыли в Шампань, они обнаружили Тибо опасно больным. Принц был так рад узнать об успехе их посольства, что, не обращая внимания на болезнь, приковавшую его к постели, настоял на том, чтобы надеть доспехи и сесть верхом; но “это было большой жалостью и несчастьем, - говорит Вильгардуэн, - ибо болезнь усилилась и набрала такую силу, что он объявил о своем желании, простился со своими друзьями и больше не ездил верхом”. Тибо, образец и надежда христианских рыцарей, умер в расцвете сил, о чем глубоко сожалели его вассалы и товарищи по оружию. Он оплакивал перед баронами суровую судьбу, которая обрекла его на смерть без славы в тот момент, когда он собирался собрать пальмы победы или мученичества на равнинах Востока; он увещевал их исполнить обет, данный им Богу, освободить Иерусалим, и оставил им все свои сокровища, чтобы они использовали их в этом святом предприятии. Эпитафия в латинских стихах, которая существует до сих пор, прославляет добродетели и благочестивое рвение графа Тибо, напоминает о подготовке к его

паломничеству,[63] и заканчивается словами, что этот молодой принц *нашел небесный Иерусалим, собираясь искать земной Иерусалим.*

После смерти графа Шампанского бароны и рыцари, принявшие крест, собрались, чтобы выбрать другого лидера, и их избрание пало на графа де Бара и герцога Бургундского. Граф де Бар отказался принять командование христианской армией. Эд III, герцог Бургундии, все еще оплакивал смерть своего отца, погибшего в Палестине после третьего крестового похода, и его никак не удавалось убедить покинуть свое герцогство и совершить паломничество на Восток. Отказ этих двух принцев был предметом скандала для воинов креста; и современная история сообщает нам, что впоследствии они раскаялись в том безразличии, которое проявили к делу Христа.[64] Герцог Бургундии, умерший через несколько лет, пожелал принять крест на смертном одре и, чтобы искупить свою вину, послал нескольких своих воинов в Палестину.

Затем рыцари и бароны предложили командование Бонифацию, маркизу Монферратскому.[65] Бонифаций принадлежал к семье христианских героев; его брат Конрад прославился обороной Тира, и он сам уже много раз сражался против неверных: он без колебаний подчинился желаниям крестоносцев. Он прибыл в Суассон, где получил крест из рук кюре из Нейи и был провозглашен лидером крестового похода в церкви Нотр-Дам в присутствии духовенства и народа.

Прошло два года с тех пор, как суверенный понтифик приказал епископам проповедовать крестовый поход в своих епархиях. Положение христиан Востока с каждым днем становилось все более плачевным; короли Иерусалима и Армении, патриархи Антиохии и святого града, а также великие магистры военных орденов изо дня в день обращались со своими жалобами и причитаниями к Святому Престолу. Тронутый их молитвами, Иннокентий снова призвал верующих и заклинал крестоносцев ускорить свой отъезд, горячо осуждая безразличие тех, кто, приняв крест, казалось, забыл о своем обете. Отец-христианин, прежде всего, упрекал священнослужителей в их медлительности с выплатой сороковой части своих доходов, предназначенных на расходы священной войны: “и вы, и мы, - сказал он, - и все люди, поддерживаемые имуществом Церкви, не должны ли мы все опасаться, что жители Ниневии выступят против нас в день суда и произнесут наше осуждение? ибо они раскаялись благодаря проповеди Ионы; а вы, вы не только не разорвали своих сердец, вы даже не раскрыли своих рук, чтобы помочь Христу в его бедности и дать отпор поношению, которым неверные осыпают его”. Эпоха священной войны была для христиан временем покаяния, суверенный понтифик в своих письмах запрещал роскошь в жизни, великолепии в одежде и общественные развлечения; и хотя о новом крестовом походе впервые было объявлено на турнире в Экри, турниры проводились в то время, когда христиане были в состоянии покаяния. количество развлечений и зрелищ, запрещенных святым отцом всем христианам в течение пяти лет.

Чтобы возродить мужество и уверенность тех, кто принял крест, Иннокентий рассказал им о новых разногласиях, возникших среди мусульманских князей, и о бедствиях, которыми Бог недавно поразил Египет. “Бог, - воскликнул понтифик, - поразил страну Вавилон жезлом своей власти; Нил,[66] эта Райская река, которая удобряет землю египтян, вышла из своего обычного русла. Это наказание обрекло их на смерть и подготовило триумф их врагов”. Письма папы возымели желаемое действие. Маркиз Монферратский отправился во Францию осенью 1201 года, и вся зима была посвящена приготовлениям к священной войне. Эти приготовления не сопровождались беспорядками, и принцы и бароны отказались принимать под свои знамена

кого-либо, кроме дисциплинированных солдат и людей, привыкших пользоваться копьем и мечом. Некоторые высказывались против евреев, которых они хотели заставить внести свой вклад в расходы священной войны;^[67] но папа взял их под свою защиту и пригрозил всем, кто покушался на их жизнь или свободу, отлучением от церкви.

Прежде чем покинуть свои дома, крестоносцы должны были оплакать потерю святого оратора, который пробудил их рвение и воодушевил их мужество. Фульк заболел и умер в своем приходе Нейи. Некоторое время назад раздался громкий ропот по поводу его поведения, и его слова перестали оказывать свое обычное влияние на умы слушателей. Фульк получил значительные суммы денег, предназначенные для расходов на священную войну, и поскольку его обвинили в присвоении их для собственного использования, чем больше денег он накапливал, говорит Джеймс из Витри,^[68] тем больше внимания и авторитета он терял. Подозрения, связанные с его поведением, однако, в целом не подтвердились. Маршал Шампани сообщает нам в своей истории, что рыцари и бароны были глубоко потрясены смертью кюре из Нейи. Фульк был похоронен в церкви своего прихода с большой помпой; его могила, памятник благочестию его современников, даже в прошлом веке вызвала уважение и почитание верующих.^[69]

С первыми весенними днями крестоносцы приготовились покинуть свои дома, “зная, - говорит Вильгардуэн, - что много слез было пролито при их расставании и при прощании со своими родственниками и друзьями”. Граф Фландрии, графы Блуа и Сен-Поль, сопровождаемые большим количеством фламандских воинов и их вассалов; маршал Шампани в сопровождении нескольких шампанских рыцарей пересек Бургундию и перешел Альпы, направляясь в Венецию. Вскоре к ним присоединился маркиз Бонифаций, приведя с собой крестоносцев из Ломбардии, Пьемонта, Савойи и стран, расположенных между Альпами и Роной. Венеция также приняла в своих стенах воинов с берегов Рейна, одних под командованием епископа Хальберштадтского, а других под командованием Мартина-Литца, который убедил их взяться за оружие и все еще продолжал воодушевлять их примером своих добродетелей и благочестия.

Когда крестоносцы достигли Венеции,^[70] флот, который должен был доставить их в Азию, был готов к отплытию: сначала их встретили со всеми проявлениями радости; но среди празднеств, последовавших за их прибытием,^[71] венецианцы призвали баронов сдержать свое слово и выплатить оговоренную сумму за транспортировку христианской армии; и тогда бароны с глубокой скорбью узнали об отсутствии большого числа их товарищей по оружию. Жан де Несль, шатлен Брюгге, и Тьерри, сын Филиппа, графа Фландрии, пообещали Балдуину привезти к нему в Венецию Маргариту, его жену, и отборный отряд фламандских воинов; они не выполнили своего обещания, поскольку, переплыв океан, взяли курс на Палестину. Рено де Дампьер, которому Тибо, граф Шампанский, оставил все свои сокровища, чтобы использовать их в путешествии в Святую Землю, сел на корабль с большим количеством шампанских рыцарей в порту Бари. Епископ Отенский Жиль, граф Ферезский и несколько других лидеров, поклявшись на Евангелии присоединиться к другим крестоносцам, выступили из Марселя, а другие - из Генуи. Таким образом, половина крестоносцев не прибыла в Венецию, которая была согласована как место общего сбора христианской армии: “из-за чего, - говорит Виллардуэн, - они подверглись великому позору, и вследствие этого их впоследствии постигло множество несчастий”.

Это нарушение веры могло оказаться весьма пагубным для предприятия; но что больше всего огорчало принцев и баронов, собравшихся в Венеции, так это невозможность выполнить свои обязательства перед республикой без согласия их неверных товарищей. Они разослали гонцов во все концы, чтобы предупредить выступивших крестоносцев и умолять их присоединиться к основной армии; но то ли большинство паломников были недовольны соглашением, заключенным с венецианцами, то ли им казалось более удобным и безопасным сесть на корабли в портах поблизости от них, очень небольшое число из них удалось уговорить отправиться в Венецию. Те, кто уже был в этом городе, не были ни достаточно многочисленны, ни достаточно богаты, чтобы заплатить обещанную сумму или выполнить обязательства, данные от их имени. Хотя венецианцы были больше заинтересованы в крестовом походе, чем французские рыцари, поскольку им принадлежала часть городов Тир и Птолемаис, которые они собирались защищать, они не желали идти на какие-либо жертвы, а бароны, со своей стороны, были слишком горды, чтобы просить о какой-либо услуге или умолять венецианцев изменить или смягчить условия договора. Каждый из крестоносцев должен был заплатить за свой переход. Богатые платили за бедных; солдаты, равно как и рыцари, стремились отдать все деньги, которые у них были, убежденные, по их словам, что Бог достаточно могуществен, чтобы вернуть их им во сто крат, когда это будет ему угодно. Граф Фландрии, графы Блуа и Сен-Поль, маркиз Монферратский и несколько других лидеров лишились своей посуды, драгоценностей и всего, что у них было самого ценного,^[72] и сохранили только своих лошадей и оружие. Несмотря на эту благородную жертву, крестоносцы все еще были должны республике сумму в пятьдесят тысяч серебряных марок. Затем дож собрал народ и объяснил им, что нечестно проявлять чрезмерную строгость, и предложил потребовать от крестоносцев помощи их армии республике до тех пор, пока они не смогут выплатить свой долг.

Город Зара долгое время находился под властью венецианцев; но, считая правление короля менее невыносимым, чем правление республики, он подчинился королю Венгрии и, находясь под защитой нового хозяина, не обращал внимания на власть и угрозы Венеции. Заручившись одобрением народа, Дандоло предложил крестоносцам помочь республике в усмирении восставшего города и пообещал отложить полное выполнение договора до тех пор, пока Бог, благодаря их общим завоеваниям, не даст им средств для выполнения своих обещаний. Это предложение было воспринято с большой радостью большей частью крестоносцев, которые не могли смириться с мыслью о неспособности сдержать свое слово; бароны и рыцари сочли благоразумным примирить венецианцев, которые были так полезны им в осуществлении их предприятия, и думали, что они мало что сделали для уплаты своих долгов делом, в котором они не должны были тратить ничего, кроме своей крови.

Однако в христианской армии поднялся некоторый ропот; многие крестоносцы вспомнили о данной ими клятве сражаться с неверными и не могли решиться повернуть оружие против христианского народа. Папа послал кардинала Петра Капуанского в Венецию, чтобы удержать паломников от предприятия, которое он назвал кощунственным. “Король Венгрии принял крест и тем самым поставил себя под особую защиту Церкви; и напасть на город, принадлежащий ему, означало объявить себя врагами самой Церкви”. Генрих Дандоло не боялся угроз и упреков, которые считал несправедливыми. “Привилегии крестоносцев, “ сказал он, - не могли защитить виновных от суровости законов божественных и человеческих. Крестовые походы предпринимались не для того, чтобы потакать амбициям королей или защищать мятежные народы.^[73] У папы не было власти сковать власть суверенов или отвратить крестоносцев от законного предприятия; от войны, развязанной против восставших подданных, против пиратов,

чей разбойный промысел угрожал свободе морей и ставил под угрозу безопасность паломников на их пути в Святую Землю”.

Чтобы окончательно победить все угрызения совести и рассеять все страхи, дож решил присоединиться к опасностям и трудам крестового похода и побудить своих сограждан объявить себя товарищами по оружию крестоносцев. Когда народ был торжественно созван, Дандоло взошел на кафедру Святого Марка и потребовал у собравшихся венецианцев разрешения взять крест. “Сеньоры, ” сказал он им, “ вы взяли на себя обязательство участвовать в самом славном предприятии; воины, с которыми вы заключили священный союз, превосходят всех других людей благочестием и доблестью. Что касается меня, вы видите, что я отягощен годами и нуждаюсь в отдыхе; но слава, которая обещана нам, возвращает мне мужество и силу, чтобы противостоять всем опасностям, выдержать все труды войны. Я чувствую по пылу, который ведет меня вперед, по рвению, которое воодушевляет меня, что никто не заслужит вашего доверия, никто не будет вести вас так хорошо, как человек, которого вы выбрали главой вашей республики. Если ты позволишь мне сражаться за Иисуса Христа и позволишь моему сыну выполнять обязанности, которые ты мне доверил, я пойду и буду жить или умру с тобой и паломниками”.

Эта речь произвела сильное впечатление на всю его аудиторию, и народ громко зааплодировал решению дожа. Дандоло спустился с трибуны, и его с триумфом подвели к подножию алтаря, где к его герцогской шапке был прикреплен крест. Множество венецианцев последовали его примеру и поклялись умереть за освобождение святых мест. Благодаря этой умелой политике дож полностью расположил к себе крестоносцев и в некотором смысле поставил себя во главе крестового похода. Вскоре он оказался достаточно могущественным, чтобы отрицать авторитет кардинала Капуи, который говорил от имени папы и претендовал на право руководить священной войной в качестве легата Святого Престола. Дандоло сказал посланнику Иннокентия, что христианская армия не нуждается в руководителях, чтобы руководить ею, и что легатам верховного понтифика следует довольствоваться назиданием крестоносцев своими примерами и речами.

Этот смелый, свободный язык очень удивил французских баронов, привыкших уважать волю Святого Престола; но дож, приняв крест, внушил им уверенность, которую ничто не могло поколебать. Крест паломников был для венецианцев и французов залогом союза, священными узами, которые объединяли все их интересы и делали их в некотором роде одной нацией. С того времени никто не слушал тех, кто говорил от имени Святого Престола,^[74] или упорно сеял сомнения в умах крестоносцев. Бароны и рыцари проявили такое же рвение к экспедиции против Зары, как и сами венецианцы. Армия крестоносцев была готова отправиться в путь, когда произошло, по словам Виллардуэна, “великое чудо, непредвиденное обстоятельство, самое странное, о чем когда-либо слышали”.^[75]

Исаак, император Константинополя, был свергнут с престола своим братом Алексеем. Брошенный всеми своими друзьями, лишенный зрения и закованный в кандалы, этот несчастный принц томился в темнице. Сын Исаака, которого также звали Алексиус, который разделял плен своего отца, обманув бдительность своей стражи и разорвав свои цепи, бежал на Запад в надежде, что принцы и короли однажды возьмутся за его защиту и объявят войну узурпатору императорского трона. Филипп Швабский, женившийся на Ирине, дочери Исаака,^[76] любезно принял молодого принца; но тогда он был не в состоянии предпринять что-

либо в свою пользу, будучи полностью занят защитой от оружия Оттона и угроз Святого Престола. Затем юный Алексей напрасно бросился к ногам папы, умоляя его о помощи. Видели понтифик в сыне Исаака только шурина Филиппа Швабского, считавшегося тогда врагом римского двора, или все его внимание было направлено на Восток, но он не обращал внимания на жалобы Алексея и, казалось, страшился развязывания войны против Греции. Беглый принц тщетно обращался к большинству христианских монархов, когда ему посоветовали обратиться к крестоносцам, благороднейшим воинам Запада. Прибытие его послов произвело оживленную сенсацию в Венеции; рыцари и бароны были проникнуты великодушным сочувствием к рассказу о его несчастьях; они никогда не защищали более славного дела. Желание отомстить за оскорбленную невинность, исправить великое бедствие всколыхнуло дух Дандоло, и гордые республиканцы, главой которых он был, искренне сожалели о судьбе беглого императора. Они не забыли, что узурпатор предпочел союзу с ними союз с генуэзцами и пизанцами; им казалось, что дело Алексея принадлежит им самим и что их корабли должны доставить его обратно в порты Греции и Византии.

Тем не менее, поскольку все было подготовлено для завоевания Зары, решение этого вопроса было отложено до более благоприятной возможности; и флот с крестоносцами на борту отплыл под звуки военной музыки и одобрительные возгласы всего населения Венеции. Никогда еще в Адриатическом заливе не видели столь многочисленного и великолепно оснащенного флота. Море было покрыто четырьмя сотнями восьмидесяти кораблями; число сражающихся, конных и пеших, составляло сорок тысяч человек. Покорив Триест и некоторые другие приморские города Истрии, сбросившие с себя венецианское иго, крестоносцы прибыли к Заре 10 ноября 1202 года, в канун дня святого Мартина. Зара,^[77] расположенный на восточной стороне Адриатического залива, в шестидесяти лигах от Венеции и в пяти лигах к северу от Джадеры, древней римской колонии, был богатым и густонаселенным городом, укрепленным высокими стенами и окруженным морем, усеянным скалами. Король Венгрии послал войска на его защиту, и жители поклялись похоронить себя под руинами этого места, а не сдаваться венецианцам. При виде крепостных стен города крестоносцы осознали всю трудность предприятия, и партия, выступавшая против этой войны, снова осмелилась роптать. Лидеры, однако, дали сигнал к штурму. Как только цепи порта были разорваны и от машин начали сотрясаться стены, жители забыли о принятом решении умереть, защищая свои укрепления, и, охваченные страхом, послали депутатов к дожу, который пообещал помиловать их в связи с их раскаянием. Но депутаты, которым было поручено составить петицию о мире, встретились с несколькими крестоносцами среди осаждающих, которые сказали им: “Почему вы сдались? вам нечего бояться французов?” Эти неосторожные слова вновь разожгли войну; депутаты, вернувшись, объявили жителям, что не все крестоносцы были их врагами и что Зара сохранит свою свободу, если народ и солдаты будут готовы защищать ее. Партия недовольных, целью которой было разделить армию, воспользовалась этим случаем, чтобы возобновить свои жалобы; самые ярые из них проникли в палатки солдат и пытались вызвать у них отвращение к войне, которую они называли нечестивой.

Ги, аббат Во-де-Серне из ордена Сито, прославился своими попытками обеспечить провал предприятия против Зары; все, что могло отвлечь марш крестоносцев от маршрута к святым местам,^[78] было, в его глазах, нападением на религию. Самые блестящие подвиги, если бы они не были совершены во имя Христа, не могли бы вызвать ни его уважения, ни одобрения. Аббат Чернаи не был лишен ни тонкости, ни красноречия и знал, как эффективно использовать как молитвы, так и угрозы; он имел то влияние на паломников, которое негибкий ум и пылкий,

упрямый характер всегда оказывают на толпу. На соборе он встал и запретил крестоносцам обнажать мечи против христиан и уже собирался зачитать письмо папы римского, когда его прервали угрозы и крики.

Среди последовавшего за этим смятения в совете и армии жизнь аббата Серне была бы в опасности, если бы граф де Монфор, разделявший его чувства, не обнажил шпагу, защищая его. Однако бароны и рыцари не могли забыть данного ими обещания сражаться за Венецианскую республику; они и подумать не могли о том, чтобы сложить оружие в присутствии врага, который обещал сдаться, а теперь бросил вызов их атакам. Чем больше усилий прилагали граф де Монфор и аббат Серне, чтобы прекратить войну, тем больше они считали своей честью и величием продолжать начатую ими осаду. Пока недовольные давали волю своим угрызениям совести и жалобам, самые храбрые в армии перешли к штурму. Осажденные, надежды которых строились на разногласиях между их врагами, водрузили на стены кресты, убежденные, что этот почитаемый знак защитит их более эффективно, чем их военные машины; но вскоре они поняли, что для них нет никакой безопасности, кроме покорности. На 5-й день осады, не оказав врагам сколько-нибудь серьезного сопротивления, они открыли свои ворота и получили только от победителя свободу и жизнь. Город был отдан на разграбление, а добыча разделена между венецианцами и французами.

Одним из результатов этого завоевания стала новая ссора в победоносной армии, в ходе которой пролилось больше крови, чем было пролито за время осады. Сезон был слишком разгар, чтобы позволить флоту выйти в море, и дож предложил крестоносцам перезимовать в Заре. Две нации занимали разные кварталы города; но так как венецианцы выбрали самые красивые и удобные дома, французы громко заявляли о своем недовольстве. После нескольких жалоб и множества угроз они прибегли к оружию, и каждая улица превратилась в арену боевых действий; жители Зары с восторгом наблюдали за кровавыми распрями своих завоевателей. Сторонники аббата Чернаи втайне аплодировали плачевным последствиям войны, которую они осуждали, в то время как венецианский дож и бароны прилагали все усилия, чтобы разнять сражающихся. Их молитвы и угрозы поначалу не возымели никакого действия, чтобы утихомирить это ужасное смятение, которое затянулось до середины ночи. На следующий день все страсти, разделявшие армию, были близки к тому, чтобы разразиться с еще большей яростью. Хороня своих погибших, французы и венецианцы возобновили свои споры и угрозы. Лидеры более недели были в отчаянии от того, что им удалось успокоить раздраженный дух своих последователей и воссоединить солдат двух наций. Едва был восстановлен порядок, как было получено письмо от папы римского, который не одобрял взятие Зары и приказывал крестоносцам отказаться от добычи, которую они награбили в христианском городе, и дать торжественную клятву возместить нанесенный ими ущерб. Иннокентий горько упрекал венецианцев в том, что они втянули воинов Христа в эту нечестивую и святотатственную войну. Это письмо от папы римского было воспринято французами с уважением, венецианскими крестоносцами - с презрением. Последние открыто отказались подчиниться решениям Святого Престола и, чтобы закрепить плоды своей победы, начали разрушать крепостные стены Зары. Французские бароны не могли смириться с мыслью, что навлекли на себя гнев папы, и послали депутатов в Рим, чтобы попытаться смягчить неудовольствие его святейшества и просить прощения, утверждая, что они лишь подчинились закону необходимости. Большая часть из них, хотя и была полна решимости сохранить все, что они приобрели, пообещала папе вернуть им награбленное: они обязались торжественным актом, обращенным ко всем христианам, исправить причиненное ими зло и заслужить своим поведением прощение за прошлые

ошибки.[79] Их покорность гораздо больше, чем их обещания, обезоружила гнев папы, который ответил им мягко и приказал лидерам приветствовать рыцарей и паломников, дав им отпущение грехов и свое благословение, как своим детям. В своем письме он призывал их отправиться в Сирию, *не сворачивая ни направо, ни налево*; и разрешил им пересечь море с венецианцами, которых он только что отлучил от церкви,[80] *но только по необходимости и с горечью в сердце*. Если венецианцы упорствовали в своем неповиновении, верховный понтифик посоветовал баронам, когда они придут в Палестину, отделиться от народа, обличаемого Богом, из страха навлечь проклятие на христианскую армию, как некогда Ахан навлек божественный гнев на израильтян. Иннокентий пообещал крестоносцам защищать их во время похода и заботиться об их нуждах во время опасностей священной войны. “Чтобы вы не нуждались в провизии, - сказал он им, - мы напишем императору Константинополя, чтобы он снабдил вас ею, как он обещал; если вам будет отказано в том, в чем никому не отказывают, не будет несправедливо, если по примеру многих святых личностей вы возьмете провизию везде, где сможете ее найти; ибо будет известно, что вы преданы делу Христа, которому принадлежит весь мир”.[81] Эти советы и эти обещания, которые так полно раскрывают нам дух тринадцатого века и политику Святого Престола, были восприняты рыцарями и баронами как свидетельство отеческой доброты суверенного понтифика: но лицо вещей снова должно было измениться; и удача, которая играла с решениями папы, а также с решениями паломников, не заставила себя долго ждать. придавая совершенно новое направление событиям крестового похода.

Послы Филиппа Швабского, шурина юного Алексия, прибыли в Зару и выступили перед советом лордов и баронов, собравшихся во дворце венецианского дожа. “Сеньоры, ” сказали они, “могущественный король римлян посылает нас рекомендовать вам молодого принца Алексея и передать его в ваши руки под защиту Бога. Мы пришли не для того, чтобы отвратить вас от вашего святого предприятия, а для того, чтобы предложить вам простое и надежное средство для осуществления ваших благородных замыслов. Мы знаем, что вы взяли за оружие только из любви к Христу и справедливости; поэтому мы пришли предложить вам помочь тем, кто угнетен несправедливой тиранией, и немедленно обеспечить торжество законов религии и человечности: мы предлагаем вам обратить ваше победоносное оружие на столицу Греции, которая стонет под розгами узурпатора, и навсегда обеспечить себе завоевание Иерусалима Константинополем. Вы не хуже нас знаете, сколько зла претерпели наши отцы, соратники Годфри, Конрада и Людовика Молодого, из-за того, что оставили после себя могущественную империю, завоевание и подчинение которой стало бы источником побед их оружия. Разве вам теперь не стоит опасаться этого Алексея, более жестокого и вероломного, чем его предшественники, который получил трон путем отцеубийства, который сразу же предал законы религии и природы, и чье единственное средство избежать наказания за свое преступление - это вступить в союз с сарацинами? Мы не станем рассказывать вам, как легко было бы вырвать империю из рук тирана, которого ненавидят его подданные, ибо ваша доблесть любит препятствия и радуется опасностям; мы также не станем раскрывать перед вашими глазами богатства Византии и Греции, ибо ваши великодушные души ни к чему не стремятся в этом завоевании, кроме славы вашего оружия и дела Иисуса Христа”.

“Если вы свергнете власть узурпатора, чтобы воцарился законный государь, сын Исаака обещает, на основании самых нерушимых клятв, содержать в течение года как ваш флот, так и вашу армию и выплатить вам двести тысяч марок серебром на военные расходы. Он лично будет сопровождать вас при завоевании Сирии или Египта; и, если вы сочтете нужным, предоставит десять тысяч человек в качестве своей части вооружения; и, более того, в течение

всей своей жизни будет содержать пятьсот рыцарей в Святой Земле. Но что должно быть важнее всех других соображений для воинов и христианских героев, так это то, что Алексей готов поклясться на святом Евангелии положить конец ереси, которая сейчас оскверняет восточную империю, и подчинить Греческую церковь Церкви Римской. Поскольку предлагаемое вам предприятие имеет так много преимуществ, мы уверены, что вы прислушаетесь к нашим молитвам. Мы видим в Священном Писании, что Бог иногда нанимал людей самых простых и самых темных, чтобы донести его волю до своего избранного народа; в данном случае именно молодого принца он назначил орудием своих замыслов; именно Алексею Провидение поручило вести вас путем Господним и указать вам дорогу, по которой вы должны следовать, чтобы обеспечить триумф армий Иисуса Христа”.

Эта речь произвела сильное впечатление на большое число рыцарей и баронов, но не получила поддержки всего собрания. Дожд и лорды отпустили послов, сказав им, что они обсудят предложения Алексея. Затем на соборе начались жаркие дебаты; те, кто был против осады Зары, среди которых все еще выделялся аббат Во де Серне, с большой горячностью выступали против похода на Константинополь; они были возмущены тем, что интересы Бога были поставлены на чашу весов против интересов Алексея; они добавили, что этот Исаак, дело которого они были призваны защищать, сам был узурпатором, возведенным революцией на трон Комнинов; что во время третьего крестового похода он был самым жестоким врагом народа. Христиане - самые верные союзники турок; что касается остальных, то народы Греции, привыкшие к смене хозяев, безропотно поддерживали узурпацию Алексея, и латиняне не покинули своих домов, чтобы отомстить за обиды народа, который на самом деле не обращался к ним за помощью.

Те же ораторы далее говорили, что Филипп Швабский призывал крестоносцев помочь Алексею, но сам довольствовался произнесением речей и отправкой послов; они предупреждали христиан не доверять обещаниям молодого принца, который нанялся снаряжать армии, но не имел ни одного солдата; который предлагал сокровища, но ничем не владел; который, к тому же, вырос среди греков и, скорее всего, когда-нибудь обратит оружие против своих благодетелей. “Если вы так чувствительны к несчастью, - добавляли они, - и вам не терпится защитить дело справедливости и человечности, прислушайтесь к стонам наших братьев в Палестине, которым угрожают сарацины и которые ни на что не надеются, кроме как на ваше мужество”. Более того, они сказали крестоносцам, что если они желают легких побед и блистательных завоеваний, им достаточно обратить свои взоры на Египет, население которого в тот момент было охвачено ужасным голодом и который семь казней, описанных в Писании, почти беззащитно предал христианскому оружию.

Венецианцы, у которых были основания жаловаться на императора Константинополя, несколько не были тронуты этими доводами и, казалось, были гораздо более склонны к войне с греками, чем с неверными; они стремились разрушить склады своих соперников пизанцев, обосновавшихся теперь в Греции, и увидеть, как их корабли с триумфом пересекут Босфорский пролив. Их дожд питал сильное негодование из-за какого-то личного проступка; и, чтобы воспламенить умы своих соотечественников, он преувеличил все зло, причиненное греками его собственной стране и христианам Запада.

Если верить древним хроникам, Дандоло руководствовался другим мотивом, в котором он не признавался крестоносцам. Султан Дамаска, узнав о том, что христианская армия собирается в

Венеции, и придя в ужас от готовящегося крестового похода, отправил республике значительные сокровища, чтобы использовать их для отвлечения крестоносцев от похода на Восток. Верим ли мы этому рассказу или рассматриваем его как басню, придуманную ненавистью и партийным духом, подобные утверждения, собранные современниками, по крайней мере доказывают, что недовольные крестоносцы, и особенно христиане Сирии, справедливо раздраженные отсутствием помощи со стороны воинов креста, питали тогда против венецианцев жестокие подозрения.^[82] Тем не менее, мы считаем своим долгом добавить, что большинство французских крестоносцев не нуждалось в поощрении примером или речами дожа, чтобы начать войну против греческой империи. Даже те, кто наиболее решительно выступал против новой экспедиции, а также все другие крестоносцы питали к грекам закоренелую ненависть и суверенное презрение; и дискуссии только сильнее разожгли всеобщее недовольство нацией, считавшейся враждебной христианам.

Несколько священнослужителей, возглавляемых аббатом Лоозским, личностью, замечательной своим благочестием и чистотой нравов, не соглашались с аббатом Во де Серне и утверждали, что вести армию в страну, опустошенную голодом, было большой опасностью; что Греция представляла для крестоносцев гораздо большие преимущества, чем Египет, и что не могло быть никаких сомнений в том, что завоевание Константинополя было самым надежным средством обеспечить христианам владение Иерусалимом. Эти священнослужители были особенно очарованы надеждой однажды увидеть греческую Церковь объединенной с Римской, и они постоянно объявляли в своих выступлениях о приближающемся периоде согласия и мира среди всех христианских народов.

Многие рыцари с удовлетворением размышляли о перспективе объединения двух церквей, которое, вероятно, будет достигнуто их оружием; но в дальнейшем они поддались побуждениям, не менее властным над их умами; они поклялись защищать невинность и права угнетенных, и они верили, что выполнили свой долг, приняв дело Алексея. Некоторые из них, без сомнения, наслышанные об огромных богатствах Византии, могли бы поверить, что они не должны возвращаться из такого блестящего предприятия с пустыми руками; но таков был дух лордов и рыцарей, что гораздо большее число было привлечено простой перспективой опасностей, а еще больше чудесами предприятия. После долгого обсуждения на совете крестоносцев было решено, что предложения Алексея должны быть приняты и что христианская армия должна отправиться в Константинополь в начале весны.

Еще до осады Зары слух о вооружении крестоносцев и об экспедиции против Греции дошел до византийского двора. Узурпатор трона Исаака немедленно изыскал средства предотвратить бурю, которая вот-вот должна была обрушиться на его государства, и поспешил отправить послов к папе римскому, которого он считал арбитром мира и войны на Западе. Этим послам было приказано объявить верховному понтифику, что принц, правивший в Константинополе, был единственным законным императором; что сын Исаака не имел никаких прав на империю; что поход против Греции был бы несправедливым предприятием, опасным и противоречащим великим замыслам крестового похода. Папа в своем ответе вовсе не стремился успокоить опасения узурпатора, но сообщил своим посланникам, что у молодого Алексея было много сторонников среди крестоносцев, потому что он дал обещание лично оказать помощь Святой Земле и положить конец восстанию греческой церкви. Папа не одобрял экспедицию против

Константинополя; но, говоря таким образом, он думал, что суверена, который тогда правил Грецией, можно было бы побудить дать те же обещания, что и беглого принца, и он был бы более способен выполнить их; он питал надежду, что они могли бы действовать благоприятно, не прибегая к мечу, и что дебаты, касающиеся восточной империи, будут переданы на рассмотрение его верховного трибунала. Но старший Алексей, то ли он был убежден, что достаточно заинтересовал папу в своем деле, то ли то ли он счел наиболее благоразумным не выказывать тревоги, или, короче говоря, то ли перспектива отдаленной опасности не могла избавить его от обычной лени, больше не отправлял послов и не предпринимал ни малейших усилий для подготовки к вторжению воинов Запада.

С другой стороны, король Иерусалима и христиане Палестины никогда не переставали высказывать свои жалобы и умолять о помощи, обещанной им главой Церкви. Папа, сильно тронутый их молитвами и всегда ревностно относившийся к крестовому походу, который он проповедовал, возобновил свои усилия по направлению оружия крестоносцев против сарацин. Он послал кардиналов Петра Капуанского и Сиффреда в Палестину в качестве легатов Святого Престола, чтобы возродить мужество христиан и объявить им о приближающемся уходе армии крестоносцев; но когда он узнал, что вожди решили напасть на Константинопольскую империю, он осыпал их самыми горькими упреками и упрекнул их в том, что они *оглядываются*, как это сделала жена Лота. “Пусть никто из вас, - сказал он, - не льстит себе надеждой, что ему может быть позволено вторгнуться в греческие земли или разграбить их под предлогом того, что империя недостаточно покорна или что император узурпировал трон своего брата; какое бы преступление он ни совершил, не вам судить об этом: вы приняли крест не для того, чтобы отомстить за обиды государей, а ради Бога”.

Иннокентий закончил свое письмо, не благословив крестоносцев, и, чтобы отпугнуть их от их нового предприятия, пригрозил им небесными проклятиями. Бароны и рыцари с уважением отнеслись к увещеваниям верховного понтифика, но несколько не поколебались в принятом решении.

Тогда противники похода на Константинополь возобновили свои жалобы и не проявляли никакой умеренности в своих выступлениях. Аббат Во-де-Серне, аббат Мартин Литц, один из проповедников крестового похода, граф де Монфор и большое количество рыцарей прилагали все усилия, чтобы поколебать решимость армии; и когда они поняли, что им это не удастся, решили оставить их, чтобы одни вернулись в свои дома, а другие отправились в Палестину. Те, кто отказался от своих цветов, и те, кто остался в лагере, взаимно обвиняли друг друга в предательстве дела Христа.^[83] Пятьсот солдат, бросившись на борт судна, потерпели кораблекрушение и все были поглощены волнами; многие другие, пересекая Иллирию, были убиты дикими жителями этой страны. Они погибли, проклиная честолюбие и ошибки, которые отвели христианскую армию в сторону от истинной цели крестового похода; в то время как те, кто остался верен своим знаменам, оплакивали трагическую гибель своих товарищей, говоря между собой: *“Милость Господня осталась с нами; горе тем, кто сбился с пути Господня.”*

Рыцари и бароны втайне сожалели, что им не удалось добиться одобрения папы, но были убеждены, что победами они оправдают свое поведение в глазах Святого Престола и что отец верующих признает в их завоеваниях выражение воли Небес.

Крестоносцы уже собирались отправляться в путь, когда в Зару прибыл сам юный Алексей. Его присутствие вызвало новый энтузиазм в его деле; он был принят под звуки труб и клиросов и

представлен армии маркизом Монферратским,^[84] старшие братья которого были связаны браком и титулом цезаря с императорской семьей Константинополя. Бароны приветствовали юного Алексея как императора с тем большей радостью, что надеялись, что его будущее величие будет делом их рук. Алексей взялся за оружие, чтобы разорвать цепи своего отца, и они восхищались в нем самым трогательным образом христианского благочестия: он собирался бороться с узурпацией, наказывать несправедливость и душить ересь, и они смотрели на него как на посланника Провидения. Несчастья принцев, которым суждено царствовать, затрагивают нас более остро, чем несчастья других людей; в лагере крестоносцев солдаты обсуждали между собой историю Алексея, и они жалели его молодость, и сожалели о его изгнании и пленении Исаака. Алексей в сопровождении принцев и баронов постоянно ходил среди солдат и отвечал демонстрациями самой горячей благодарности на щедрое участие крестоносцев в его пользу.

Воодушевленный чувствами, которые вызывает несчастье и которые нередко им заканчиваются, молодой принц был щедр на клятвы и заверения и обещал даже больше, чем он сделал своим посланникам, не думая о том, что он ставит себя перед необходимостью нарушить свое слово и однажды навлечь на себя упреки своих освободителей.

Однако крестоносцы каждый день возобновляли свою клятву возвести юного Алексея на константинопольский престол; и слава об их приготовлениях разнеслась по Италии и всему Западу. Император Византии, казалось, был единственным человеком, не знавшим о войне, объявленной против узурпированной им власти, и спал на троне, готовом рухнуть из-под него.

Император Алексей, как и большая часть его предшественников, был принцем без добродетелей и характера; когда он сверг своего брата, он позволил своим придворным совершить преступление, а когда он взошел на трон, то передал им ответственность за свою власть. Он расточал государственные сокровища, чтобы добиться прощения и забвения своей узурпации; и, чтобы поправить свои финансы, он продавал правосудие, разорял своих подданных и грабил торговые суда, которые вели торговлю между Рамизой и Константинополем. Узурпатор так щедро расточал достоинства и почести, что никто не считал себя удостоенным их, и в его руках не осталось настоящей награды за заслуги. Алексей связал с собой верховную власть своей жены Евфросинии, и она наполнила империю своими интригами и шокировала двор распущенностью своих нравов. Во время его правления империи несколько раз угрожали болгары и турки; Алексей иногда навещал армию, но никогда не сталкивался лицом к лицу с врагом. В то время как болгары опустошали его границы, он занимался выравниванием холмов и разбивал сады на берегах Пропонтиды. Предавшись постыдной изнеженности, он распустил часть своей армии и, опасаясь, что звон оружия помешает его удовольствиям, продал священные вазы и разграбил гробницы греческих императоров, чтобы купить мир императору Германии, который стал хозяином Сицилии. У империи не осталось флота; министры продали снасти и оборудование судов, а леса, из которых можно было бы построить новые корабли, были приберегаемы для удовольствий принца и охранялись так же строго, как, по словам Никиты, те, что раньше были посвящены богам.^[85]

Никто никогда не слышал о таком количестве заговоров; при нем, принце, которого редко видели, правительство, казалось, находилось в состоянии междуцарствия; императорский трон был как пустое место, которое стремился занять каждый честолюбивый человек. Преданность, честность, храбрость больше не пользовались уважением ни у придворных, ни у горожан. Ничто

не считалось достойным общественного одобрения или награды, кроме изобретения нового удовольствия или фабрикация нового самозванца. Среди этой всеобщей развращенности провинции ничего не знали об императоре, кроме взимания налогов;^[86] а в армии, лишенной дисциплины и жалованья, не было лидеров, способных ею командовать. Все возвещало о приближающейся революции в империи; и опасность была тем больше, что ни у кого не хватило мужества предвидеть это. Подданные Алексея и не мечтали о том, чтобы донести правду до императорского слуха; птицы, приученные повторять сатиру, одни нарушали молчание народа и оповещали с крыш домов и с главных улиц о придворных скандалах и позоре империи.

Греки, в то же время суеверные и развращенные, все еще сохраняли некоторые воспоминания о древней Греции и старом Риме; но эти воспоминания, вместо того чтобы порождать благородную, вызывающую соперничество гордость, лишь питали в их сердцах ребяческое тщеславие, а их история, которой они так гордились, только усугубляла их собственную деградацию и слишком очевидный упадок их империи. Голос патриотизма никогда не был услышан, и не пользовались никаким влиянием, кроме влияния монахов, поставленных во главе всех видов дел, которые привлекали и сохраняли доверие как народа, так и принца легкомысленными предсказаниями и бессмысленными видениями. Греки тратили свое время на напрасные споры, которые ослабляли их характер, усиливали их невежество и подавляли их патриотизм. В тот момент, когда флот крестоносцев собирался отплыть, Константинополь находился в состоянии брожения, обсуждая вопрос о том, тленно или нетленно тело Иисуса Христа в Евхаристии; у каждого мнения были свои сторонники, о поражениях или триумфах которых, по очереди, громко объявлялось — и империя, находящаяся под угрозой, оставалась без защитников.

Венецианцы и французы покинули Зару, и местом встречи всего флота был назначен остров Корфу.^[87] Высадившись на берегах Македонии, жители Дураса принесли юному Алексию ключи от города и признали его своим хозяином. Жители Корфу не замедлили последовать этому примеру и встретили крестоносцев как освободителей: приветствия греческого народа при проходе латинян были счастливым предзнаменованием успеха их экспедиции.

Остров Корфу, страна финикийцев, столь прославленный кораблекрушением Улисса и садами Алкиноя, предоставлял крестоносцам пастбища и изобилие провизии. Плодородие острова побудило вождей остаться там на несколько недель; но столь длительный отдых не преминул вызвать дурные последствия в армии, воодушевленной энтузиазмом, которой не следовало давать времени на размышления, и среди снисходительности и безделья жалобы и ропот во время осады Зары вспыхнули снова.

Они узнали, что Готье де Бриенн завоевал Апулию и Неаполитанское королевство. Это завоевание, совершенное за несколько месяцев шестьюдесятью рыцарями, воспламенило воображение крестоносцев и дало недовольным новую возможность обвинить экспедицию в Константинополь, приготовления к которой были огромными, опасности очевидными, а успех сомнительным. “В то время как мы собираемся,” говорили они, “истощить ресурсы Запада в бесполезном предприятии, в далекой войне, Готье де Бриенн сделал себя хозяином богатого королевства и готовится выполнить данные нам обещания освободить Святую Землю; почему бы нам не потребовать от него судов? почему бы нам не отправиться с ним в Палестину?” Эти речи возымели влияние на большое количество рыцарей, которые были готовы отделиться от армии.

Главные недовольные уже собрались в уединенной долине, чтобы обсудить способы осуществления своего проекта, когда командиры армии были предупреждены об их заговоре и немедленно объединили все свои усилия, чтобы предотвратить его роковые последствия. Дож Венеции, граф Фландрии, графы Блуа и Сен-Поль, маркиз Монферратский и несколько епископов, одетых в траурные одежды, с крестами, которые несли перед собой, отправились в долину, в которой были встречены недовольные. Как только они издали заметили своих неверных товарищей, которые совещались верхом, они спешили и с просительным видом направились к месту собрания. Зачинщики дезертирства, увидев, что вожди и прелаты армии приближаются к ним, прервали свои обсуждения и сами слезли с лошадей. Стороны приблизились друг к другу; князья, графы и епископы бросились к ногам недовольных и, заливаясь слезами, поклялись оставаться в таком положении до тех пор, пока воины, которые хотели покинуть их, не возобновят клятву следовать за армией христиан и оставаться верными знамени священной войны. “Когда остальные увидели, - говорит Вильгардуэн, очевидец, - когда они увидели, что их сеньоры, их самые близкие родственники и друзья таким образом бросаются к их ногам и, так сказать, взывают к ним о пощаде, они были тронуты великой жалостью, и их сердца были настолько смягчены, что они не могли удержаться от слез, и они сказали им, что подумают об этом вместе (*Q’ils s’en aviseraient par ensemble*)”. Удалившись на минутку, чтобы поразмыслить, они вернулись к своим вождям и пообещали остаться с армией до начала осени при условии, что бароны и лорды поклянутся на Евангелии предоставить им в этот период суда для доставки в Сирию. Обе стороны поклялись выполнять условия договора и вместе вернулись в лагерь, где теперь не говорилось ни о чем, кроме похода на Константинополь.

Флот крестоносцев покинул остров Корфу при самом счастливом стечении обстоятельств; историки, описавшие его продвижение по этому архипелагу, столь полному воспоминаний о древности, не смогли удержаться от использования языка поэзии. Ветер был попутный, небо чистое и безмятежное; над волнами царил глубокий штиль; триста судов всех размеров, с развевающимися на корме цветами, покрывали огромное пространство; шлемы и кирасы тридцати тысяч воинов отражали лучи солнца; то над водами разносились гимны жрецов, призывавших благословения Небес; то голоса солдат, скрашивавших досуг плавания воинственными песнями; и рев труб и ржание лошадей, смешанные с плеском весел, доносились до нас. раздавалось с берегов Пелопоннеса, которые представляли взорам паломников. Крестоносцы обогнули мыс Матапан, известный ранее как Тенара, и прошли перед высотами Малера, не опасаясь скал, которых так боялись древние мореплаватели. Близ мыса Малера они встретили два судна, возвращавшихся из Палестины, на которых было много фламандских паломников. При виде венецианского флота солдат, находившийся на борту одного из двух кораблей, спустился по веревке и попрощался со своими товарищами, сказав: “Я оставляю вам все, что у меня есть на борту, ибо я отправляюсь с людьми, которые намерены завоевывать королевства.”[88]

Крестоносцы высадились на нескольких островах, которые встретились им по пути; жители Андроса и Негропонта вышли навстречу Алексею и признали его своим императором. Это был период сбора урожая, и земля повсюду являла собой зрелище величайшего изобилия. Наслаждение прекрасным климатом, удовлетворение от покорности греков, столько богатств, столько чудес, столько неизведанных регионов - все это с каждым днем увеличивало энтузиазм крестоносцев. Наконец флот прибыл ко входу в Босфор и бросил якорь в порту Святого Стефана, в трех лье от столицы греческой империи.

Затем город Константинополь, который они собирались завоевать, полностью предстал перед глазами крестоносцев; [89] омываемый на юге волнами Пропонтиды, на востоке Босфором, а на севере заливом, который служит его портом, он представлял собой зрелище одновременно великолепное и устрашающее. Двойная ограда стен окружала его по окружности более чем в семь лье; огромное количество великолепных зданий, крыши которых возвышались над крепостными валами, казалось, провозглашали царицу городов. Берега от Босфора до Эвксинского и Геллеспонта напоминали огромное предместье или одну непрерывную линию садов. Города Халкидон и Скутари, построенные на азиатском берегу, и Галата, расположенная на краю залива, показались вдали и увенчали огромную и величественную картину, представшую перед воинственным воинством крестоносцев.

Константинополь, расположенный между Европой и Азией, между архипелагом и Черным морем, соединяет воедино два моря и два континента. Во времена своего расцвета он по своему усмотрению открывал или закрывал торговые ворота; его порт, принимавший суда всех наций мира, заслуживал того, чтобы греки называли его *золотым рогом* или *рогом изобилия*. Подобно древнему Риму, Константинополь простирался на семь холмов и, подобно городу Ромула, иногда носил название города семи холмов; во времена крестовых походов его стены и башни сравнивали с Вавилонскими; его глубокие рвы по желанию превращались в большое и быстрое озеро, и город мог по малейшему сигналу быть окружен водой и отделен от континента.

Монарх, основавший его, правил всеми известными народами мира, и при осуществлении своих замыслов он имел то преимущество, что заставил искусства и науки Греции соответствовать гению и могуществу римлян. Не довольствуясь использованием прекрасного мрамора с островов Архипелага, он приказал доставлять материалы с оконечностей Европы и Азии; все города Римской империи, Афины и сам Рим, были лишены своих украшений, чтобы украсить новый город Цезарей. Несколько преемников Константина восстановили здания, превратившиеся в руины, и воздвигли в Константинополе новые памятники, которые в его храмах, на общественных местах и вокруг стен повсюду напоминали о двадцати славных царствованиях. Город был разделен на четырнадцать кварталов; в нем было тридцать два входа; в его недрах находились цирки огромной величины, пятьсот церквей, среди которых Святая София привлекала внимание как одно из чудес света; и пять дворцов, которые сами по себе выглядели как города посреди великого города. Городу Константина повезло больше, чем его сопернику Риму, он никогда не видел варваров в своих стенах; он сохранил своим языком хранилище шедевров древности и накопленных богатств Востока и Запада.

Было бы трудно описать энтузиазм, страх, удивление, которые овладели умами крестоносцев при виде Константинополя. [90] Предводители высадились на берег и провели одну ночь в аббатстве Святого Стефана. Эта ночь прошла в тревожных раздумьях о том, что им предстояло сделать; сначала они решили высадиться на островах; затем они решили совершить высадку на континенте. В то же самое мгновение они в ужасе отпрянули назад и предались дикой радости; они не могли прийти ни к какому определенному решению, но тысячу раз меняли свои планы и проекты. На рассвете Дандоло, Бонифаций, Болдуин и граф де Блуа приказали развернуть все армейские штандарты; гербы графов и рыцарей были развешаны вдоль судов, [91], чтобы продемонстрировать военную помпезность Запада и напомнить воинам о доблести их предков. Был дан сигнал флоту, который вошел в канал и, подгоняемый попутным ветром, прошел вблизи стен Константинополя. Огромное население, [92] которое всего за день до этого не знало о прибытии латинян, запрудило валы и покрыло берег. Воины Запада, облаченные в полные

доспехи,[93] стояли прямо на палубах своих кораблей;[94] с башен было запущено несколько камней и стрел и обрушился на корабли: "Не было такого храброго сердца, - говорит Вильгардуэн, - которое не дрогнуло бы; ибо никогда еще не предпринималось столь грандиозного дела". Каждый воин обратил свой взор к своему мечу, думая, что пришло время пустить его в ход. Крестоносцам казалось, что в толпе зрителей они видят защитников Константинополя; но столица империи была защищена только памятью о своей прошлой славе и уважением народов, не знавших о ее слабости. Из настоящих солдат императорская армия насчитывала всего две тысячи пизанцев, презиравших греков, и отряд варягов, солдат-наемников из северных частей Европы, с происхождением и страной которых сами греки были едва знакомы.[95]

Крестоносцы высадились на азиатский берег Босфора, разграбили город Халкидон и обосновались во дворце и садах, в которых император Алексей так долго забывал об опасностях, грозивших ему самому и его империи. При приближении венецианского флота этот принц отступил в Константинополь, где, подобно последнему царю Вавилона, продолжал жить среди удовольствий и празднеств, не задумываясь о том, что его осудили и что его час близок. Его придворные, опьяненные пиршеством, прославляли его могущество и провозгласили непобедимым; среди окружавшей его пышности, которая казалась ему крепостным валом против нападения его врагов, он в своих речах оскорблял простоту латинян и считал, что победил их, потому что назвал варварами.

Когда он увидел крестоносцев хозяевами своего дворца и садов, он начал испытывать некоторый страх и послал итальянца по имени Росси с приказом приветствовать лордов и баронов. "Император, мой повелитель, - сказал посланник Алексея, - знает, что вы самые могущественные и благородные принцы среди тех, кто не носит корон; но он удивлен, что вы пришли, чтобы принести войну в христианскую империю. Ходят слухи, что вы намереваетесь освободить Святую Землю от ярма сарацин; император одобряет ваше рвение и просит чести участвовать в вашем предприятии; он готов помочь вам всеми своими силами. Но если вы не покинете его штаты, он почувствует себя обязанным направить против вас силы, которые он охотно использовал бы для вашего дела и дела Христа. Тогда примите щедрые предложения, которые он делает вам через меня; но не верьте, что этот мирный язык продиктован страхом. Император Алексей правит Грецией по любви к своему народу, а также по воле Божьей; единственным словом он мог бы собрать вокруг себя бесчисленные армии, рассеять ваш флот и ваши батальоны и навсегда закрыть вам пути на Восток".

На этом посланник императора закончил свою речь, не назвав ни Исаака, ни юного Алексия. Конон де Бетюн,[96], который отвечал за руководителей армии, был поражен тем, что брат Исаака осмелился говорить как повелитель империи, и что он не счел нужным пытаться оправдать отцеубийство, вызвавшее негодование всех христианских народов. "Иди и скажи своему господину, " сказал оратор крестоносцев, обращаясь к посланнику императора, " иди и скажи ему, что земля, по которой мы ступаем, принадлежит не ему, а наследию принца, которого ты видишь сидящим среди нас. Если он желает узнать мотив, приведший нас сюда, пусть спросит свою собственную совесть и вспомнит о преступлениях, которые он совершил. Узурпатор - враг всех государей; тиран - враг всего рода человеческого. У того, кто послал тебя, есть только одно средство избежать правосудия Небес и людей; это вернуть своему брату и племяннику трон, который он у них отнял, и умолять о милосердии тех самых государей, к которым он был так безжалостен. В таком случае мы обещаем присоединить наши молитвы к

его мольбам и добыть для него, с его помилованием, средства провести свою жизнь в покое, гораздо более предпочтительном, чем великолепие узурпированного владычества; но если он не желает действовать справедливо, если он недоступен для раскаяния, скажите ему, что мы пренебрегаем его угрозами так же, как выполняем его обещания, и что у нас нет времени, чтобы тратить его на выслушивание послов”. Этот яростный ответ был фактическим объявлением войны и не оставлял императору никакой надежды ни соблазнить, ни запугать крестоносцев. Лорды и бароны были, однако, удивлены тем, что греки не обратили внимания на молодого Алексия и что дело, которое они пришли продвигать, не нашло сторонников в Константинополе. Они решили выяснить склонности людей. Галера, на борту которой находился сын Исаака, была подведена вплотную к стенам столицы;[97] Бонифаций и Дандоло подняли юного принца, в то время как латный герольд громким голосом повторял эти слова: *“Узрите наследника престола; признайте своего государя; сжальтесь над ним и над собой.”* Греки, собравшиеся на крепостных валах, оставались неподвижны; одни отвечали оскорблениями, другие хранили угрюмое молчание. Пока крестоносцы предпринимали, таким образом, последнюю попытку сохранить мир, в глубине города царило самое ужасное смятение. Присутствие латинян раздражало толпу; они собирались в общественных местах; они возбуждали друг друга к мести; люди побежали в квартал франков, разрушили несколько домов, а остальные отдали на разграбление. Огромное количество латинян, которым угрожала гибель, немедленно попросили убежища в лагере крестоносцев. Их присутствие, их рассказы, их жалобы вызвали легко разжигаемое негодование рыцарей и баронов. С этого момента вожди не видели никаких надежд, кроме как на случай войны и на защиту Небес, которые доверили им дело невинности и несчастий.

Восьмидесяти рыцарям удалось обратить в бегство многочисленный отряд войск, который император отправил через Босфор. “Греческие военачальники, - говорит Никита, - были робче оленей и не осмеливались сопротивляться людям, которых они называли *ангелами-истребителями, бронзовыми статуями*, сеявшими вокруг ужас и смерть”. У крестоносцев, однако, были большие основания опасаться, что греки, оправившись от своей первой паники, могут осознать малочисленность своих врагов и преуспеть в подавлении их многочисленностью; поэтому они решили воспользоваться внушенным ими страхом и сосредоточили все свое внимание на подготовке к нападению на врагов, которые ничего не предусмотрели для их защиты.

Христианская армия собралась в Хрисополисе (Скутари[98]) и полностью увидела перед собой столицу греческой империи. Обратив в бегство несколько войск, посланных следить за их маршем, или вступив с ними в стычку, вожди садились на коней и в полном составе обсуждали план действий, который лучше всего осуществить. Они решили, что армия должна пересечь Босфорский канал и разбить лагерь под стенами Константинополя. “Затем, ” говорит Вильгардуэн, “ епископы и духовенство обратились со своими увещаниями ко всем в лагере, призывая их исповедаться и составить свои заветы, ибо они не знали, в какой час Богу было бы угодно призвать их и исполнить через них Его волю; что они и сделали очень охотно, с большим рвением и преданностью”. Когда все было готово и крестоносцы воззвали к защите Небес в своих молитвах, был дан сигнал к отправлению; боевые кони, оседланные и покрытые длинными попонами, были погружены в плоскодонные лодки; рыцари выпрямились возле своих лошадей со шлемом на голове и копьем в руке; остальные войска поднялись на борт больших кораблей, каждый из которых тащила на буксире галера. Греческая армия, которой командовал лично император, выстроилась в боевой порядок на противоположном берегу и, казалось, была

настроена воспротивиться проходу крестоносцев. Внезапно корабли подняли якоря под звуки труб и клиросов. Каждый солдат, устремив глаза на Константинополь, поклялся победить или умереть. Приблизившись к берегу, бароны и рыцари бросились в море в полном вооружении и боролись за честь первыми добраться до берега, занятого греками. Лучники и пехотинцы последовали примеру рыцарей; менее чем через час вся армия была на другом берегу Босфора и тщетно оглядывалась в поисках врага на равнине, которую они так недавно видели покрытой оружием и воинами. Армия Алексея обратилась в бегство, и, если мы можем верить письму графа де Сен-Поля, самые быстрые стрелы латинян едва могли настичь нескольких беглецов. Крестоносцы, воспользовавшись своим преимуществом, обнаружили лагерь греков покинутым и разграбили палатки императора, не встретившись ни с одним из его солдат.

Ночь застала их врасплох посреди их бескровной победы, и на следующее утро они решили атаковать крепость Галата, которая, возведенная на холме, господствовала над константинопольским портом. С рассветом греки толпами устремились к латинянам, чтобы опередить их и застать врасплох. При первом потрясении Жак д'Авен был тяжело ранен и *был выведен из строя*; вид его раны привел в ярость фламандских воинов, которые с яростью бросились в бой. Греки были не в состоянии противостоять стремительной атаке своих врагов и обратились в бегство в большом беспорядке; некоторые, надеясь найти убежище на кораблях в порту, погибли в волнах, в то время как другие в замешательстве бежали в цитадель, в которую победители вошли вместе с побежденными. В то время как французы таким образом овладели Галатой, венецианский флот, выстроившийся в боевую линию перед Скутари, повернул свои носы к Константинопольскому порту. Вход в залив был защищен огромной железной цепью и двадцатью галерами, которые составляли весь военно-морской флот империи. Соппротивление греков было упорным; но судно необычайных размеров, которому помогал попутный ветер, сильно задело натянутую цепь при проходе и разрезало ее огромными стальными ножницами, которые открывались и закрывались при помощи механизма.[99] Греческие галеры были вскоре захвачены или рассеяны по волнам, и весь венецианский флот с триумфом въехал в порт: именно тогда греки смогли увидеть, чего им следовало опасаться из-за непобедимой храбрости этих варваров, которые до того времени были объектом их презрения.

Французы, хозяева Галаты, разделили свою армию на шесть великих сражений, или дивизий. Болдуин, имевший под своим началом большое количество лучников и арбалетчиков, возглавлял авангард. Арьергард состоял из лангобардов, германцев и франков из стран, расположенных близ Альп, которыми командовал маркиз Монферратский. Остальные четыре дивизии, в которые были разбиты крестоносцы из Шампани, Бургундии и с берегов Сены и Луары, возглавлял Генрих, брат Балдуина, графов Св. Поль, Блуа и Мэтью де Монморанси.

Эта армия продвинулась[100] к западу от города, не встретив ни единого противника на своем пути, и расположилась лагерем между Влахернскими воротами и башней Боэмонда.

Греки в одном-единственном сражении потеряли морскую империю и больше не имели сил защищать подходы к своей столице. Венецианский флот бросил якорь недалеко от устья реки Барбисс.[101] Венецианцы, хозяева порта, были защищены от любых неожиданностей, и у них не было причин опасаться численного превосходства. Если бы вся армия объединилась на борту флота, почти нет сомнений, что ей было бы легче одержать победу над усилиями и толпами греков, и именно таков был совет дожа, что таков должен быть план; но рыцарей и баронов нельзя было убедить сражаться в условиях, с которыми они не были знакомы; и они

ответили (мы цитируем Виллардуэна), что они не могли действовать так хорошо на море, как могли бы на суше, где у них были свои лошади и оружие. Их армия, не насчитывавшая под своими знаменами и двадцати тысяч человек, без страха атаковала город, в котором, по свидетельству некоторых историков, насчитывался миллион жителей и более двухсот тысяч человек, способных носить оружие.

Прежде чем начать штурм, крестоносцы сочли уместным еще раз предложить грекам заключить мир, приняв сына Исаака императором; и несколько баронов подошли к стенам, громко крича, что еще есть время прислушаться к правосудию. Юный Алексей был окружен латинскими вождями, и его присутствие среди них достаточно ясно объясняло значение слов, обращенных к жителям Константинополя. Их единственным ответом было забрасывание крестоносцев камнями и дротиками; народ Византии был убежден, что молодой Алексей прибыл с целью изменить нравы, религию и законы Греции.

История должна добавить здесь, что с тех пор, как интриги честолюбия и капризы фортуны пользовались привилегией даровать им господ, греки с безразличием взирали на смену власти или своих государей; греческие народы не забыли, что именно революция вознесла семью Исаака на императорский трон. С учетом впечатлений, которые оставила в их умах эта семья, несчастья и молитвы Алексея не тронули их настолько, чтобы выступить в его пользу или взяться за оружие, чтобы поддержать его дело; поскольку им пришлось выбирать между двумя новыми князьями, тот, кто правил среди них, казался предпочтительнее того, кто умолял их о помощи.

С этого времени внимание и усилия крестоносцев были направлены исключительно на осуществление их опасного предприятия. Их лагерь, расположенный между Влахернскими воротами и замком Боэмунда, занимал лишь очень небольшое пространство перед стенами протяженностью во много лиг. Каждый день греки совершали вылазки; местность вокруг была покрыта солдатами противника; армия осаждающих, казалось, сама была осаждена войсками, которые постоянно обновлялись. День и ночь крестоносцы были при оружии, и у них не было времени ни принять пищу, ни подкрепиться сном. У них было провизии только на три недели, и они не могли рассчитывать ни на что, кроме скорой победы; тем не менее, они продолжали засыпать рвы и прокладывать подходы к крепостным валам. Балисты, катапульты, тараны, все, что могло нести разрушение и смерть в город, было пущено в ход, чтобы поддержать храбрость и неутомимый пыл осаждающих; безостановочно огромные массы людей со страшным грохотом падали с верхушек стен; и такова была удивительная мощь военных машин, находившихся тогда в употреблении, что дома и дворцы Константинополя часто сотрясались до основания от камней, запущенных из лагеря латинян.[\[102\]](#)

После десяти дней трудов и сражений крестоносцы решили взять город штурмом. Утром 17 июля 1203 года трубы и кларнеты подали сигнал; граф Фландрский, командовавший атакой, прошел через ряды и обратил внимание своих рыцарей на крепостные стены Константинополя, *как на дорогу, которая приведет их к вечной славе*. Армия немедленно пришла в движение, и все машины были направлены на стены. Одна башня, обрушившаяся с большим грохотом, по-видимому, открывала проход войскам Болдуина. Были приставлены лестницы, и самые отважные боролись за честь первыми войти в город; но на этот раз количество взяло верх над доблестью. Толпа греков, ободренных присутствием варягов и пизанцев, поспешила к крепостному валу и опрокинула лестницы. Только пятнадцать откровенных воинов, невзирая на камни, балки и потоки греческого огня, смогли удержаться на

стенах и сдались только после отчаянной доблести. Двух из этих бесстрашных воинов привели к императору, который наблюдал за битвой из окон Влахернского дворца. Алексей перестал презирать латинян; и, несмотря на свой испуг, он имел такое представление об их мужестве, что вид двух пленников показался ему победой.

В то же время венецианцы напали на город с моря. Дандоло выстроил свой флот в две линии; галеры шли в первом ряду, укомплектованные лучниками и нагруженные боевыми машинами; за галерами двигались большие суда, на которых были построены башни, превышающие по высоте самую высокую из стен Константинополя. На рассвете началось состязание между городом и флотом; греки, вооруженные "греческим огнем", венецианцы, закованные в броню, крепостные валы и суда, оснащенные тысячами разрушительных орудий, поочередно передавали от одного к другому ужас, огонь и смерть. Непрерывный перестук весел, удары судов друг о друга, крики матросов и сражающихся, свист камней, дротиков и стрел, греческий огонь, носящийся по морю, захватывающий корабли и вскипающий на волнах, в целом представляли собой зрелище в тысячу раз более страшное, чем буря. Среди этой ужасной суматохи был услышан голос Генри Дандоло: выпрямившись на своей галере, он возбуждал свои войска и страшным голосом угрожал повесить каждого, кто не сойдет на берег. Приказ бесстрашного дожа был вскоре выполнен. Матросы его галеры подхватили его на руки и быстро понесли к берегу, над ним развевался штандарт Святого Марка. При виде этого усилия экипажей других галер удвоились, все они высадились на берег, и солдаты бросились вперед, чтобы последовать за своим почтенным предводителем. Суда, которые до сих пор оставались неподвижными, теперь выдвинулись вперед и встали между галерами, так что весь флот вытянулся в одну линию перед стенами Константинополя и представлял для перепуганных греков грозный вал, воздвигнутый на водах. Плавающие башни опустили свои подъемные мосты на крепостные валы города, и в то время как у подножия стен десять тысяч вооруженных людей устанавливали лестницы и били таранами, на вершине продолжалось ужасное сражение мечами и копьями.

Внезапно на одной из башен появилось знамя Святого Марка, водруженное невидимой рукой; увидев это, венецианцы издали громкий крик радости, убежденные, что их святой покровитель сражается во главе их; их мужество возрастало пропорционально ужасу и отчаянию их врагов; самые бесстрашные бросились на стены, и вскоре в их распоряжении было двадцать пять башен. Они преследовали греков до самого города; но, опасаясь попасть в какую-нибудь засаду или быть захваченными народом, толпы которого заполняли улицы и общественные места, они поджигали дома, попадавшие им на пути. Пожар быстро распространялся,^[103] и гнал перед собой перепуганную и дрожащую толпу. В то время как пламя, предшествовавшее завоевателям, сеяло опустошение на их пути, а в Константинополе царил величайший беспорядок, Алексей, подгоняемый криками народа, вскочил на коня и приказал войскам через три разных ворот атаковать французов, которым в этот день повезло меньше, чем венецианцам.

Армия, возглавляемая императором, состояла из шестидесяти батальонов; облаченный во все знаки императорского достоинства, Алексей разъезжал по рядам, воодушевлял своих солдат и обещал им победу. При его приближении крестоносцы покинули крепостные валы и выстроились в боевую линию перед своим лагерем.^[104] Виллардуэн признает, что самые храбрые рыцари на мгновение были охвачены страхом. Дандоло, видевший опасность, в которую попали французы, отказался от своей победы и поспешил им на помощь. Но все крестоносцы, объединившись, не смогли бы противостоять императорской армии, если бы

греки, а особенно их лидеры, проявили хоть искру мужества. Войска Алексея не подходили ближе, чем на расстояние выстрела из лука, и довольствовались тем, что осыпали их множеством стрел с безопасного расстояния. Зять императора Ласкарис, храбростью которого хвастаются греки и даже латиняне, громкими криками требовал, чтобы крестоносцы были атакованы в их укреплениях; но он не мог убедить Алексея, окруженного низкопоклонными придворными, которые пытались донести до него свои опасения и уверяли его, что он сделал достаточно для своей славы, показавшись своим врагам. Император, не вступив в сражение, приказал подать сигнал к отступлению, и его многочисленные войска, которые все еще носили имя римлян и перед которыми были развеяны римские орлы, вернулись с ним в Константинополь.

Каждый квартал столицы оглашался стенаниями; греки были больше напуганы трусостью своих защитников, чем храбростью своих врагов; народ обвинял армию, а армия обвиняла Алексея. Император, не доверявший грекам и боявшийся латинян, думал теперь только о спасении собственной жизни: он бросил свою семью, своих друзей, свою столицу; он тайно погрузился на корабль в ночной темноте и бежал искать убежища в каком-нибудь укромном уголке своей империи.

Когда харниш сообщил грекам, что у них больше нет императора, беспорядок и возбуждение в городе стали чрезмерными; люди собирались на улицах и свободно обсуждали ошибки и недостатки своих вождей, позор фаворитов и свои собственные несчастья. Теперь, когда Алексей отказался от своей власти, они вспомнили о преступлении его узурпации, и тысячи голосов поднялись, призывая гнев Небес на его голову. Среди смятения и суматохи мудрейшие не знали, какую роль сыграть, когда придворные бросились к тюрьме, в которой томился Исаак, разорвали его цепи и с триумфом привели во Влахернский дворец. Хотя он был слеп, его посадили на трон, и, хотя он считал, что все еще находится в руках своих палачей, его уши были встречены неожиданными нотками лести; увидев его снова облаченным в императорский пурпур, придворные впервые почувствовали влияние несчастий, которых он больше не выносил. Все отрицали, что были сторонниками Алексея, и рассказывали, какие клятвы они давали ради его дела. Затем они разыскали жену Исаака, о которой они забыли и которая жила в уединении, о котором никто не знал и дорогу к которому не спрашивал во время предыдущего правления.

Евфросинию, жену беглого императора, обвинили в том, что она пыталась воспользоваться смутами Константинополя, чтобы облачить в пурпур одну из своих фавориток. Ее бросили в темницу и обвинили во всех бедах, обрушившихся на ее страну, но особенно в затянувшихся страданиях Исаака. Те, кто был осыпан милостями этой принцессы, были заметны среди ее обвинителей и делали вид, что приписывают себе их неблагодарность.

В политических неурядицах любая перемена является в глазах народа средством обеспечения безопасности; они поздравляли себя с этой новой революцией в Константинополе; надежда возродилась во всех сердцах, и толпа приветствовала Исаака криками радости и поздравлений. Вскоре слухи разнеслись по лагерю обо всем, что произошло в городе. Услышав это известие, совет баронов и рыцарей собрался в палатке маркиза Монферратского, и они вернулись, благодаря Провидению, которое, освободив Константинополь, в то же время избавило их от величайших опасностей. Но когда они вспомнили, что только накануне видели императора Алексея, окруженного бесчисленной армией, они едва могли поверить в чудо его бегства.

Однако вскоре лагерь был переполнен множеством греков, которые пришли рассказать о чудесах, свидетелями которых они были. Многие придворные, которым не удалось привлечь внимание Исаака, стекались к юному Алексею в надежде заручиться его первыми благосклонностями; они горячо благодарили Небеса за то, что они прислушались к горячим клятвам, которые они давали о его возвращении, и заклинали его от имени своей страны и империи приехать и разделить почести и власть своего отца. Но все эти свидетельства не могли убедить латинян, настолько привыкли они не доверять грекам. Бароны держали свою армию в строжайшем порядке и всегда были готовы к битве, а затем послали Мэтью де Монморанси, Жоффруа де Вильярдуэна и двух венецианских дворян в Константинополь, чтобы выяснить правду.

Депутатам было приказано поздравить Исаака, если он вернет себе трон, и потребовать от него ратификации договора, заключенного с его сыном. По прибытии в Константинополь их провели во Влахернский дворец между двумя шеренгами солдат, которые накануне составляли личную охрану Алексея и которые только что принесли клятву защищать Исаака. Император принимал депутатов на троне, сверкающем золотом и драгоценными камнями, в окружении всего великолепия восточных дворов. “Вот таким образом, - сказал Вильгардуэн, обращаясь к Исааку, - крестоносцы выполнили свои обещания; теперь вам остается выполнить те, которые были даны от вашего имени. Ваш сын, который находится с лордами и баронами, умоляет вас ратифицировать заключенный им договор и приказывает нам сказать, что он не вернется в ваш дворец, пока вы не поклянетесь выполнить все, что он нам обещал.” Алексей обязался выплатить крестоносцам двести тысяч марок серебром, снабдить их армию провизией на год, принять активное участие в опасностях и трудах священной войны и привести греческую церковь к подчинению римской. Когда Исаак услышал условия договора, он не смог удержаться от выражения своего удивления и указал депутатам, как, должно быть, трудно выполнять такие обещания; но он ни в чем не мог отказать своим освободителям и поблагодарил крестоносцев за то, что они не требовали большего:[105] “*Вы так хорошо служили нам, - добавил он, - что, если бы мы были даже если бы я отдал тебе всю империю, ты бы заслужил это.*” Депутаты похвалили откровенность и добросовестность Исаака и отнесли обратно в лагерь императорские патенты, к которым была прикреплена золотая печать, подтверждавшая договор, заключенный с Алексеем.

Лорды и бароны немедленно сели на коней и отвезли юного Алексея в Константинополь. Сын Исаака ехал между графом Фландрии и дожем Венеции, за ним следовали все рыцари, облаченные в полные доспехи. Народ, который так недавно хранил угрюмое молчание при виде его, теперь столпился вокруг него при проходе и приветствовал его громкими возгласами; латинское духовенство сопровождало сына Исаака, а представители греческой церкви выслали ему навстречу свой великолепный *кортеж*. Въезд юного принца в столицу был праздничным днем как для греков, так и для латинян; во всех церквях возносились благодарственные возгласы к Небу; повсюду звучали гимны общественного ликования; но в особенности во Влахернском дворце, столь долго служившем обителью скорби и страха, были проявлены величайшие проявления радости. Слепой отец, заточенный на восемь лет в темницу, сжимающий в объятиях сына, которому он был обязан восстановлением своей свободы и короны, представлял собой новое зрелище, которое, должно быть, вызвало живые эмоции в каждом сердце. Толпа зрителей вспомнила давние бедствия этих двух принцев, и

воспоминание о стольких прошлых бедствиях показалось им залогом благословений, которые Небеса уготовили империи.

Император, воссоединившись со своим сыном, еще раз поблагодарил крестоносцев за услуги, которые они ему оказали, и призвал вождей обосноваться со своей армией на другом берегу Хрисоцераского залива. Он опасался, что их пребывание в городе может привести к какой-нибудь ссоре между греками и латинянами, слишком долго разделявшимися. Бароны уступили молитве Исаака и Алексея, и армия крестоносцев разместилась в Галатском предместье, где в изобилии и покое они забыли о трудах, опасностях и изнурении войны. Пизанцы, защищавшие Константинополь от крестоносцев, заключили мир с венецианцами; все разногласия были улажены, и никакой дух ревности или соперничества не разделял франков. Греки постоянно приходили в лагерь латинян, принося провизию и всевозможные товары. Воины Запада часто посещали столицу и никогда не уставали созерцать дворцы императоров, многочисленные сооружения, шедевры искусства, религиозные памятники и, прежде всего, мощи святых, которых, по словам маршала Шампани, в Константинополе было в большем изобилии, чем в любом другом месте мира.

Через несколько дней после своего въезда в Константинополь Алексей был коронован в церкви Святой Софии и допущен к разделу верховной власти со своим отцом. Бароны присутствовали на его коронации и искренне пожелали счастья в его правлении. Алексей поспешил выплатить часть суммы, обещанной крестоносцам. Величайшая гармония царила между народом Византии и воинами Запада; греки, казалось, забыли свои поражения, латиняне - свои победы. Подданные Исаака и Алексея общались с латинянами без всякого недоверия, и простота франков больше не была предметом их насмешек. Крестоносцы, со своей стороны, полагались на добрую волю греков. В столице воцарился мир, который, казалось, был делом их рук. Они уважали двух принцев, которых посадили на трон, и императоры сохранили нежную благодарность к своим освободителям.

У крестоносцев, ставших союзниками греков и защитниками великой империи, теперь не было других врагов, с которыми можно было бороться, кроме сарацин; и они сосредоточили свои мысли на исполнении клятвы, которую они дали, принимая крест; но, всегда верные законам рыцарства, бароны и рыцари сочли правильным объявить войну, прежде чем начать ее. К султану Каира и Дамаска были отправлены глашатаи с оружием в руках, чтобы объявить ему от имени Иисуса Христа, от имени императора Константинополя и от имени принцев и знати Запада, что он вскоре испытает на себе доблесть христианских народов, если будет упорствовать в сохранении под своими законами Святой Земли и мест, освященных присутствием Спасителя.

Руководители крестового похода объявили о чудесном успехе своего предприятия всем князьям и народам христианского мира. Обращаясь к императору Германии,^[106] они заклинали его принять участие в крестовом походе, прийти и встать во главе христианских рыцарей. Рассказ об их подвигах возбудил энтузиазм верующих; весть, принесенная в Сирию, посеяла ужас среди сарацин и возродила надежды короля Иерусалима и защитников Святой Земли: такой славный успех должен был бы удовлетворить гордость и доблесть крестоносцев; но, в то время как мир гремел их славой и трепетал перед славой их оружия, рыцари и бароны считали, что они ничего не добились для своей собственной славы или для дела Божьего, пока не получили

одобрения Святого Престола. Маркиз Монферратский, граф Фландрский, граф Сен-Поль и главные военачальники армии, обращаясь с письмами к папе, заверяли его, что успех их предприятия был делом рук не людей, а Бога. Эти воины, преисполненные надменной гордости, которые только что завоевали империю; которые, согласно Никите, хвастались, что *не боятся ничего, кроме падения небес*, таким образом, склонили свои победоносные брови перед трибуналом верховного понтифика и протестовали у ног Иннокентия, что никакие мирские соображения не руководили их оружием, и что он должен только созерцать в них инструменты, которые Провидение использовало для осуществления своих замыслов.

Юный Алексей вместе с лидерами крестовых походов одновременно написал папе римскому, чтобы оправдать свое поведение и поведение своих освободителей. “Мы признаем, ” сказал он, “ что главной причиной, побудившей паломников помочь нам, было то, что мы поклялись признать римского первосвященника нашим церковным главой и преемником святого Петра”. Иннокентий III. отвечая новому императору Константинополя, он восхвалял его намерения и рвение и настаивал на выполнении своих обещаний; но оправдания крестоносцев не смогли смягчить негодование, которое сохранял папа из-за их неповиновения советам и повелениям Святого Престола. В своем ответе он не приветствовал их своим обычным благословением, опасаясь, что они снова подвергнутся отлучению от церкви, напав на греческого императора, несмотря на его запрет. “Если император Константинополя, - сказал он им, - не поспешит выполнить то, что он обещал, то окажется, что ни его намерения, ни ваши не были искренними, и что вы добавили этот второй грех к тому, который уже совершили”. Папа дал крестоносцам новый совет; но ни его советы, ни угрозы не произвели лучшего эффекта, чем при осаде Зары: Провидение тайно готовило события, которые превзошли предвидение крестоносцев или даже Святого Престола и которые в очередной раз изменили цель священной войны.

КНИГА XI.

1198-1204 гг. н. э.

Когда война и революции потрясают империю до основания, возникает зло, против которого не может помочь никакая человеческая мудрость. Именно тогда принцев, призванных на трон, следует жалеть больше, чем их подданных, и что их власть скорее вызовет сочувствие, чем пробудит честолюбие или ненависть других людей. Люди, находящиеся в крайней нищете, не знают, какие границы можно поставить своим надеждам, и всегда требуют от будущего больше, чем оно может дать. Когда они продолжают терпеть непоправимые несчастья, они обвиняют своих лидеров, под влиянием которых они ожидали всевозможного процветания; ропот несправедливой ненависти вскоре сменяется возгласами безотчетного энтузиазма, и нередко

саму добродетель обвиняют в том, что она вызвала зло, являющееся следствием бунта, войны или невезения.

Сами нации, когда они уступают и навсегда утрачивают свое политическое существование, судятся не менее сурово или несправедливо, чем принцы или монархи: после падения империи ужасная аксиома *победы* находит применение даже в суждениях потомков. Поколения, наравне с современниками, позволяют себе быть ослепленными победой и не питают ничего, кроме презрения к покоренным нациям. Говоря о греках и их князьях, мы постараемся оградиться от предрассудков, которые передала нам история, и когда мы будем выносить суровое суждение о характере и народе Греции, наше мнение всегда будет основываться на подлинных традициях и свидетельствах историков Византии.

Пока юному Алексею нечем было заняться, кроме как давать обещания и вселять надежды, он был польщен лестными благословениями как греков, так и крестоносцев; но когда пришло его время выполнить все, что он обещал, он не встретил ничего, кроме врагов и препятствий. В том положении, в которое поставило его его возвращение, ему было чрезвычайно трудно одновременно сохранять доверие своих освободителей и любовь своих подданных. Если, чтобы выполнить свои обязательства, молодой император взялся объединить греческую церковь с Церковью Римской; если, чтобы выплатить то, что он был должен крестоносцам, он обложил свой народ налогами, он должен ожидать, что по всей его империи поднимется яростный ропот. Если бы, напротив, он уважал религию Греции, если бы он уменьшил чрезмерный вес повинностей, договоры остались бы неисполненными, и трон, на который он так недавно взошел, мог быть свергнут латинянами.

Каждый день страхась увидеть, как разгорается пожар восстания или войны, вынужденный выбирать между двумя опасностями, после долгих и серьезных раздумий он не осмелился доверить свою судьбу сомнительной доблести греков и заклинал баронов во второй раз стать его освободителями. Он направился в палатку графа Фландрского и обратился к собравшимся предводителям крестового похода со следующей речью. [107] “Вы вернули мне жизнь, честь и империю, и мне остается желать только одного: иметь возможность выполнить все обещания, которые я вам дал. Но если вы покинете меня сейчас, чтобы отправиться в Сирию, я не смогу найти ни денег, ни войск, ни судов, которые я обязался предоставить. Жители Константинополя приняли меня с радостью, но частота революций заставила их утратить привычку к подчинению. Законы их страны, величие трона больше не внушают им уважения; дух фракции царит в столице и во всех слишком долго неспокойных провинциях. Тогда я заклинаю вас, во имя вашей собственной славы, во имя ваших собственных интересов, завершить вашу работу и укрепить восстановленную вами власть. Приближается зима, навигация опасна, а дожди не позволят вам начать войну в Сирии; тогда подождите до весны, когда море будет представлять меньше опасностей, а война принесет больше успеха и славы; тогда вся Греция будет помогать вам в ваших предприятиях; я сам смогу сдержать клятвы, которые приковывают меня к вашему делу, и сопровождать вас с армией, достойной императора”. В заключение своей речи Алексей пообещал предоставить все, что потребуется армии, и договориться с дожем о том, чтобы венецианский флот оставался в распоряжении крестоносцев во время их пребывания в Константинополе и до конца их экспедиции.

Был созван совет для обсуждения предложений молодого императора: те, кто желал отделиться от армии в Заре и на Корфу, представили собранию, что до того времени они сражались во

славу и мирские интересы князей земли, но теперь для них пришло время сражаться за религию и за Иисуса Христа. Они были возмущены новыми препятствиями, воздвигнутыми для того, чтобы затормозить святое предприятие. С этим мнением горячо боролись венецианский дож и бароны, которые прославились в походе на Константинополь и не могли решиться потерять плоды всех своих трудов. “Должны ли мы,” сказали они, - допустить, чтобы молодой принц, чье дело мы привели к триумфальному исходу, был выдан своим врагам, которые такие же, как и мы, и предприятие, столь славно начатое, стало для нас источником стыда и раскаяния? Позволим ли мы ереси, которую наши руки подавили в униженной Греции, восстановить ее нечистые алтари и снова стать предметом скандала для христианской церкви? Должны ли мы оставить грекам опасную возможность выступить против нас и объединяться с сарацинами для войны с воинами Христа?” К этим веским мотивам принцы и лорды не побрезговали добавить мольбы; в конце концов их мнение восторжествовало над упорным сопротивлением, и совет постановил, что отправление армии следует отложить до празднования Пасхи в следующем году.

Алексий вместе с Исааком поблагодарил крестоносцев за их благосклонную решимость и не пренебрег ничем, что могло бы доказать его благодарность им. Чтобы выплатить обещанные суммы, он истощил свою казну, увеличил налоги и даже расплавил изображения святых и священные вазы. Увидев, как в церквях лишаются священных изображений, жители Константинополя были поражены удивлением и ужасом, но все же не имели мужества высказать свои жалобы вслух. Никита горько упрекает своих соотечественников в том, что они оставались тихими зрителями такого святотатства, и обвиняет их в том, что своим трусливым безразличием они навлекли на империю гнев Небес. Самые пылкие из греков, как и Никита, сожалели о осквернении их святых мест; но вскоре перед их глазами предстали сцены гораздо более прискорбные.

Предводители армии, находясь под влиянием советов латинского духовенства и из страха перед римским понтификом, потребовали, чтобы патриарх, священники и монахи Константинополя отреклись от заблуждений, которые отделяли их от римской церкви; и ни духовенство, ни народ, ни император не пытались воспротивиться этому требованию, хотя оно встревожило совесть каждого и оттолкнуло сердца всех. Патриарх с кафедры Святой Софии объявил от своего имени, а также от имени императора и христианского народа Востока, что он признает *Иннокентия, третьего носителя этого имени, преемником святого Петра, первого наместника Иисуса Христа на земле, пастыря верной паствы*. Греки, присутствовавшие на этой церемонии, полагали, что видели мерзость запустения в святом месте, и если они впоследствии простили патриарху совершение такого скандала, то это было из-за странного убеждения, в котором они находились, что глава их церкви обманывал латинян и что ложь в его словах каким-то образом искупала преступление богохульства и позор лжесвидетельства.

Греки упорно верили, что Святой Дух исходит не от Сына, и цитировали в подтверждение своей веры Символ веры Ниццы; дисциплина их церкви в некоторых моментах отличалась от дисциплины Римской церкви; в первые дни раскола было бы легко добиться воссоединения, но теперь споры богословов слишком сильно раздражали умы людей.^[108] Ненависть греков и латинян казалась слишком вероятной, чтобы навсегда разделить эти две религии. Закон, который был навязан грекам, только способствовал росту их непобедимого сопротивления. Те из них, кто едва знал, что было предметом долгих споров, возникших между Византией и Римом, проявляли не меньший фанатизм и неприятие, чем все остальные; в то время как те, кто вообще

не имел религии, с теплотой принимали мнения богословов и, казалось, сразу же были готовы умереть за дело, которое до того времени внушало им лишь безразличие. Одним словом, греческий народ, считавший себя выше всех других народов земли, с презрением отвергал все знания, приходившие с Запада, и не мог согласиться признать превосходство латинян. Крестоносцы, сменившие императоров и завоевавшие империю, были поражены тем, что не смогли подобным же образом изменить сердца людей; но, убежденные, что в конце концов все должно пасть перед их оружием, они применили для подчинения умов и мнений суровость, которая только усилила ненависть побежденных и подготовила падение императоров, которых победа сменила на троне.

Тем временем узурпатор Алексей, бежав из Константинополя, нашел убежище в провинции Фракия; несколько городов открыли ему свои ворота, и несколько сторонников собрались под его знаменем. Сын Исаака решил разыскать мятежников и дать им сражение. Генрих Эно, граф Сен-Поль, и многие рыцари сопровождали его в этом походе. При их приближении узурпатор, запертый в Адрианополе, быстро покинул город и бежал в сторону горы Хемус. Все повстанцы, у которых хватило смелости поджидать их, были либо побеждены, либо рассеяны. Но у юного Алексея и крестоносцев был гораздо более грозный враг, с которым им предстояло бороться: это была нация болгар. Эти дикие и свирепые люди, подчинявшиеся законам Константинополя во времена первого крестового похода, воспользовались бедами империи, чтобы сбросить иго ее правителей.^[109] Вождь болгар Иоаннис, непримиримый враг греков, принял веру Римской церкви и объявил себя вассалом суверенного понтифика, чтобы получить от него титул короля. Он скрыл под покровом новой религии самую мстительную ненависть и непомерное честолюбие и воспользовался поддержкой и кредитом римского двора, чтобы развязать войну против хозяев Византии. Иоаннис часто совершал набеги на страны, прилегающие к его собственным территориям, и угрожал вторжением самым богатым провинциям империи. Если бы юный Алексей руководствовался благоразумными советами, он бы воспользовался присутствием крестоносцев, чтобы запугать болгар и вынудить их остаться по другую сторону горы Хемус: эта экспедиция могла бы заслуженно снискать ему доверие и уважение греков и обеспечить спокойствие нескольких провинций; но то ли его не поддерживали крестоносцы, то ли он не понимал преимуществ такого предприятия, он удовлетворился угрозами Иоаннису; и, не заключив ни мира, ни войны, после получения клятв верности Иоаннису. в городах Фракии его единственным желанием было вернуться в Константинополь.

Столица империи, которая уже претерпела столько бедствий, только что пережила новое бедствие. Несколько фламандских солдат, поощряемых латинянами, обосновавшимися в Константинополе, провоцировали и оскорбляли евреев в их синагоге, и люди встали на защиту последней от агрессоров. Обе стороны прибегли к оружию и в суматохе боя, случайно или по злому умыслу, подожгли несколько соседних домов. Пожар распространялся со всех сторон, в течение ночи и следующего дня, с быстротой и неистовством, которые ничто не могло остановить или ограничить; пламя, сходясь с нескольких точек, распространялось со стремительностью потока, пожирая, словно солому, галереи, колонны, храмы и дворцы. Из недр этой ужасающей массы огня вылетали обломки горящего вещества, которые, падая на отдаленные дома, превращали их в пепел. Пламя, сначала гонимое северным ветром, затем было отброшено назад сильным ветром с юга и разлилось по местам, которые казались безопасными от опасности. Пожар начался в синагоге, недалеко от моря, в восточной части города, и распространил свои разрушения до церкви Святой Софии, на западной стороне, охватив пространство в две лиги, включая порт, где на воде погибло много кораблей.^[110]

В течение восьми дней страшная стихия продолжала разрушение; со всех сторон рушились дома и башни, рев ветра и пламени смешивались с криками разоренной и обезумевшей толпы. Толпы жителей метались по улицам, сталкиваясь друг с другом, спасаясь от преследующего их огня, одни несли свое добро и наиболее ценные пожитки, другие тащили за собой больных и престарелых. Те, кто погиб в пожаре, были наименее несчастными, ибо множество других, оплакивающих смерть своих родственников и друзей и потерю всего своего мирского имущества, многие из них были ранены, некоторые наполовину сгорели, в замешательстве бродили среди руин или сбивались в кучу в общественных местах, без каких-либо средств к существованию или надежды найти убежище.

Крестоносцы наблюдали за ходом этого ужасного бедствия с высот Галаты и выражали сожаление по поводу бедствий Константинополя. Множество рыцарей приложили все свои самые искренние усилия, чтобы усмирить разбушевавшуюся стихию, и сетовали на то, что им приходится сражаться с врагом, против которого доблесть бессильна. Князья и бароны отправили депутацию к императору Исааку, чтобы заверить его, насколько искренне они разделяют его горе, и заявить, что они накажут зачинщиков пожара со всей строгостью, если они окажутся среди их солдат. Протесты и помощь, которые они быстро и искренне предложили пострадавшим, не могли ни утешить, ни умиротворить греков, которые, созерцая руины и бедствия своей столицы, обвиняли двух императоров и извергали ужасные проклятия в адрес латинян.

Семьи франков, обосновавшихся в Константинополе, которые, несмотря на преследования, остались в городе, снова подверглись жестокому обращению со стороны населения; и, вынужденные искать убежища за стенами, они нашли убежище в Галатском предместье. Их стоны и жалобы возродили всю враждебность крестоносцев к грекам. Таким образом, все способствовало разжиганию ненависти двух народов, которых такие великие несчастья должны были бы теснее объединить, и разжиганию разногласий, которые были обречены привести за собой новые и неизлечимые бедствия.

Когда Алексей с триумфом вернулся в Константинополь, народ встретил его угрюмым молчанием; только крестоносцы аплодировали победам, которые он одержал над греками; и его триумф, который так резко контрастировал с общественными бедствиями, и его лавры, добытые в гражданской войне, только сделали его еще более ненавистным для жителей его столицы. Он был более чем когда-либо вынужден броситься в объятия латинян; он проводил дни и ночи в их лагере; он принимал участие в их воинственных играх и участвовал в их грубых оргиях. Среди опьянения пирами франкские воины обращались с Алексеем с дерзкой фамильярностью и не раз стаскивали с него украшенную драгоценными камнями диадему, чтобы надеть ему на голову шерстяную шапочку, которую носили венецианские моряки. Греки, которые очень гордились великолепием своих государей, испытывали еще большее презрение к государю, который, отрекшись от своей религии, унизил императорское достоинство и не постеснялся перенять нравы народов, известных в Константинополе только под именем варваров.

Никита, чьи мнения не лишены умеренности, никогда не говорит об этом принце иначе, как с каким-то гневом и жестокостью. Согласно историку Византии, “Алексий лицом напоминал ангела-истребителя; он был настоящим поджигателем; и он был далек от того, чтобы страдать от сожжения своей столицы, он желал бы видеть, как весь город превратится в пепел”. Сам Исаак

обвинял своего сына в пагубных наклонностях и в том, что он ежедневно развращается, общаясь с нечестивцами; он был возмущен тем, что имя Алексея провозглашалось при дворе и на публичных церемониях, в то время как имя Исаака упоминалось редко. В своем слепом гневе он осыпал молодого императора проклятиями; но, движимый тщетной ревностью гораздо больше, чем каким-либо надлежащим чувством собственного достоинства, хотя он и одобрял ненависть народа к Алексею, он уклонился от обязанностей государя и не сделал ничего, чтобы заслужить уважение достойных людей. Исаак жил уединенно в своем дворце, окруженный монахами и астрологами, которые, целуя его руки, все еще покрытые шрамами от кандалов заточения, прославляли его могущество, заставляли его верить, что он освободит Иерусалим, что он установит свой трон на горе Либан и будет править всей вселенной. Полный доверия к изображению Девы Марии, которое он всегда носил с собой, и хвастаясь тем, что знаком с помощью астрологии со всеми секретами политики, он все же не мог придумать для предотвращения мятежа ничего более эффективного, чем перевезти с ипподрома в свой дворец статую калидонского вепря, которая считалась символом восстания и образом разъяренного народа.

Жители Константинополя, не менее суеверные, чем Исаак, сожалея о бедствиях своей страны, возлагали вину как на мрамор, так и на медь. У статуи Минервы, украшавшей площадь Константина, глаза и руки были обращены на Запад; считалось, что она призвала варваров, и статуя была снесена и разбита на куски разъяренной толпой:^[111] “жестокая слепота греков”, - вопиет исторический *bel esprit*,^[112] “которые подняли оружие против самих себя и не смогли вынести в своем городе образ богини, покровительствующей благоразумию и доблести!”

В то время как столица империи была, таким образом, взбудоражена народными волнениями, министры Алексея и Исаака были заняты взиманием налогов для выплаты сумм, обещанных латинам. Расточительность, злоупотребления властью и многочисленные случаи несправедливости еще более усугубляли общественные бедствия; громкие жалобы раздавались от всех слоев населения. Сначала предполагалось возложить основное бремя налогов на народ; но народ, говорит Никита, поднялся подобно морю, взволнованному ветрами. Тогда, по необходимости, на богатых граждан были наложены чрезвычайные налоги, и церкви продолжали лишаться своих золотых и серебряных украшений. Всех сокровищ, которые они могли собрать, было недостаточно, чтобы удовлетворить ненасытные желания латинян, которые начали опустошать страну и грабить дома и монастыри Пропонтиды.

Враждебность и насилие крестоносцев возбудили негодование народа в большей степени, чем патриции и вельможи. В ходе стольких революций удивительно обнаруживать, что дух патриотизма так часто возрождается среди масс, в то время как в более возвышенных классах он угас. В развращенной нации, пока не вспыхнули революции и не настал день опасности и разрушения, богатство граждан является надежным залогом их преданности и патриотизма; но этот залог уже не тот, что на пике опасности, когда общество оказывается в антагонизме со всеми врагами своего существования и своего покоя; богатство, потери которого боятся, часто является причиной позорных сделок с партией победителей; оно скорее ослабляет, чем укрепляет моральное мужество. Среди величайших опасностей толпа, которой нечего терять, иногда сохраняет благородные страсти, которые умелая политика может направить с выгодой. К сожалению, та же самая толпа едва ли когда-либо повинуетя чему-либо, кроме слепого инстинкта, и в моменты кризиса становится опасным инструментом в руках честолюбцев, которые злоупотребляют именами свободы и патриотизма. Именно тогда нация имеет не

меньше оснований жаловаться на тех, кто не желает ее спасать, чем на тех, кто не осмеливается ее защищать; и она погибает, став жертвой преступного безразличия и бессмысленного рвения одновременно.

Жители Константинополя, раздраженные против врагов империи и подстегиваемые духом фракции, сначала пожаловались на своих вождей; и, вскоре перейдя от жалобы к восстанию, они толпой устремились ко дворцу императоров, упрекая их в том, что они отказались от дела Божьего и дела своей страны, и с громкими криками потребовали мстителей и оружия.

Среди тех, кто подбадривал толпу, выделялся молодой принц из прославленного рода Дукасов. Он носил имя Алексей, имя, которое всегда должно ассоциироваться с историей несчастий империи: кроме того, он получил фамилию *Мурзуфле*, греческое слово, означающее, что две его брови сошлись вместе. Mourzoufle^[113] скрывал тонкий дух под этим суровым видом, который вульгарные люди всегда принимают за признак откровенности. Слова "патриотизм" и "свобода", которые всегда соблазняют людей; слова "слава" и "религия", которые напоминают о благородных чувствах, всегда были у него на устах и служили только для прикрытия козней его честолюбия. Среди робкого и малодушного двора, в окружении принцев, которые, по выражению Никиты, *больше боялись войны с крестоносцами, чем олени нападения на льва*, Мурзуфль не испытывал недостатка в храбрости, и его репутации храбреца было вполне достаточно, чтобы привлечь к нему внимание всей столицы. Поскольку он обладал сильным голосом, надменным взглядом и властным тоном, его признали способным командовать. Чем яростнее он выступал против тирании, тем более горячими были желания толпы облечь его огромной властью. Ненависть, которую он притворялся, что питает к иностранцам, породила надежду, что однажды он защитит империю, и заставила его считаться будущим освободителем Константинополя.

Умело пользуясь каждым доступным шансом и следуя за всеми сторонами, после оказания преступных услуг узурпатору, Мурзуфль получил награду за них во время правления, последовавшего за узурпацией; и тот, кого повсюду обвиняли в том, что он был тюремщиком и палачом Исаака,^[114] стал любимцем юного Алексея. Он не пренебрегал никакими средствами понравиться толпе, чтобы сделать себя нужным государю, и знал, как в подходящих случаях противостоять ненависти придворных, чтобы повысить свой авторитет в народе. Он не замедлил воспользоваться этим двойным влиянием, чтобы посеять семена новых неприятностей и добиться триумфа своего честолюбия.

Его советы убедили молодого Алексея, что ему необходимо порвать с латинянами и доказать свою неблагодарность своим освободителям, чтобы завоевать доверие греков; он воспламенил умы народа и, чтобы окончательно покончить с разрывом, сам взялся за оружие. Его друзья и некоторые люди из народа последовали его примеру, и под предводительством Мурзуфля многочисленный отряд выступил из города в надежде застать латинян врасплох; но толпа, всегда готовая выступить против воинов Запада, не осмелилась встретиться с ними лицом к лицу. Мурзуфль, брошенный на поле битвы, едва не попал в руки крестоносцев. Этот опрометчивый поступок, который, как можно было ожидать, должен был погубить его, только увеличил его силу и влияние; его могли обвинить в том, что он рискнул безопасностью империи, спровоцировав войну, не имея средств для ее ведения; но народ хвастался героизмом молодого принца, который осмелился бросить вызов воинственному войску франков; и даже те, кто

покинул его в битве, прославляли его доблесть и поклялись, как и он, истреблять врагов своей страны.

Неистовство греков было в самом разгаре, и латиняне, со своей стороны, громко выражали свое недовольство. В Галатском предместье, населенном французами и венецианцами, так же как и в стенах Константинополя, не было слышно ничего, кроме призывов к войне, и никто не осмеливался говорить о мире. В это время в лагерь крестоносцев прибыла депутация от христиан Палестины. Депутаты, главным из которых был Мартин Литц, были одеты в траурные облачения, которые при всем печальном их виде достаточно ясно давали понять, что они пришли сообщить о новых несчастьях. Их рассказы вызвали слезы у всех паломников.

В год, предшествовавший экспедиции в Константинополь, фламандские и шампанские крестоносцы, сев на корабли в портах Брюгге и Марсея, высадились в Птолемаисе. В то же время прибыло много английских воинов под командованием графов Нортумберленда, Норвича и Солсбери; и большое количество паломников из Нижней Бретани, которые выбрали своим предводителем монаха Элена, одного из проповедников крестового похода. Этим крестоносцам, объединившимся с теми, кто покинул христианскую армию после осады Зары, не терпелось напасть на сарацин, и поскольку король Иерусалима не желал нарушать перемирие, заключенное с неверными, большая их часть покинула Палестину, чтобы сражаться под знаменами князя Антиохии, который находился в состоянии войны с князем Армении. Отказавшись взять проводников, они были застигнуты врасплох и рассеяны отрядом сарацин, посланных против них султаном Алеппо;^[115] те немногие, кому удалось спастись от резни, среди которых история называет двух сеньоров де Нейи, Бернара де Монмирайля и Ренара де Дампьера, остались в цепях неверных. Монах Элен с горечью увидела, как храбрейший из бретонских крестоносцев погиб на поле битвы, и почти в одиночку вернулась в Птолемаиду, чтобы объявить о кровавом поражении воинов креста. Ужасный голод в течение двух лет опустошал Египет и распространил свои опустошительные действия на Сирию. За массовым голодом последовали заразные болезни; чума унесла жителей Святой Земли; более двух тысяч христиан получили право на погребение в городе Птолемаиде за один день!

Депутаты от Святой Земли, представив свой печальный отчет, со слезами и стонами призвали на помощь армию крестоносцев; но бароны и рыцари не могли отказаться от начатого предприятия; они пообещали посланцам из Палестины, что обратят свое оружие против Сирии, как только покорят греков; и, указывая на стены Константинополя, сказали: *“Это путь к спасению; это путь в Иерусалим”*.

Алексий был обязан выплатить латинянам обещанные суммы; если он был верен своему слову, он должен был предвидеть восстание греков; если он не выполнял своих обязательств, он боялся оружия крестоносцев. Напуганные всеобщим волнением, которое царило, и скованные двойным страхом, оба императора бездействовали в своем дворце, не осмеливаясь искать мира или готовиться к войне.

Крестоносцы, недовольные поведением Алексия,^[116] поручили нескольким баронам и рыцарям безапелляционно потребовать от него, будет ли он их другом или врагом. Депутаты, въехав в Константинополь, на протяжении всего своего путешествия не слышали ничего, кроме оскорблений и угроз раздраженного населения. Принятые во Влахернском дворце, среди пышности трона и двора,^[117] Они обратились к императору Алексею и выразили жалобы своих соратников по оружию в следующих выражениях: “Мы посланы французскими баронами и

дожем Венеции напомнить вам о договоре, которому вы и ваш отец поклялись на Евангелии, и потребовать от вас соблюдать его". выполняйте свои обещания так же, как мы выполнили свои. Если вы окажете нам честь, нам останется только забыть прошлое и воздать должное вашей добросовестности; если вы не будете верны своим клятвам, крестоносцы больше не вспомнят, что они были вашими друзьями и союзниками, им придется прибегать не к молитвам, а к своим собственным добрым мечам. Они сочли своим долгом обратиться к вам со своими жалобами и предупредить вас о своих намерениях, ибо воины Запада с ужасом относятся к предательству и никогда не начинают войну, не объявив ее; мы предлагаем вам нашу дружбу, которая возвела вас на трон, или нашу ненависть, которая способна свергнуть вас с трона; мы несем вам войну со всеми ее бедствиями или мир со всеми его благословениями: вам выбирать и обдумывать ту роль, которую вы должны принять".

Эти жалобы крестоносцев были высказаны с таким неуважением, что, должно быть, были крайне оскорбительны для ушей императоров. В этом дворце, который постоянно оглашался одобрительными возгласами раболепствующего двора, монархи Византии никогда не слышали столь дерзких и надменных речей. Император Алексей, которому этот угрожающий тон, казалось, показал его собственную беспомощность и плачевное состояние его империи, не мог сдержать своего негодования; придворные полностью разделили гнев своих повелителей и желали наказать наглого латинского оратора на месте;^[118] но депутаты покинули Влахернский дворец, и поспешил вернуться в лагерь крестоносцев.

Совет Исаака и Алексея не дышал ничем, кроме мести; и по возвращении депутатов на совете баронов было принято решение о войне. Латиняне решили напасть на Константинополь; ничто не могло сравниться с ненавистью и неистовством греков; но ярость и ненависть не могут заменить мужества: не осмеливаясь встретиться со своим врагом в открытом поле, они решили сжечь флот венецианцев. Греки в этом случае снова прибегли к тому греческому огню, который не раз служил им вместо мужества и спасал их столицу. Этот ужасный огонь, искусно брошенный или направленный, пожирал суда, солдат и их оружие; подобно удару молнии с Небес, ничто не могло предотвратить его взрыва или остановить его разрушительные действия; морские волны, вместо того чтобы погасить его, удвоили его активность. Семнадцать кораблей, заряженных греческим огнем и горючими веществами, были отнесены попутным ветром к порту, в котором стояли на якоре венецианские суда. Чтобы обеспечить успех этой попытки, греки воспользовались ночной тьмой, и порт, залив и Галатское предместье были внезапно озарены угрожающим и зловещим светом. При виде опасности трубы возвестили тревогу в лагере латинян; французы схватились за оружие и приготовились к бою, в то время как венецианцы сели в свои барки и вышли навстречу судам, несущим на своих бортах разрушения и огонь.

Толпа греков, собравшихся на берегу, аплодировала этому зрелищу и наслаждалась ужасом крестоносцев. Многие из них сели в маленькие лодки и поплыли по морю, метая стрелы и пытаясь посеять смуту среди венецианцев. Крестоносцы подбадривали друг друга; они толпами устремлялись навстречу опасности, одни поднимали жалобные и пронзительные крики к Небесам, а другие произносили ужасные проклятия в адрес греков: на стенах Константинополя раздавались хлопки в ладоши и крики радости, которые усиливались по мере приближения объятых пламенем судов. Вильярдуэн, очевидец событий, говорит, что среди этого ужасного смятения природа, казалось, была в смятении, и море вот-вот поглотит землю. Тем не менее венецианцам с помощью сильных рук и бесчисленных весел удалось повернуть брандеры в

сторону от порта, и течение вынесло их за пределы канала. Крестоносцы в боевом порядке, стоя на своих судах или рассредоточившись по баркам, возносили благодарность Богу за то, что он спас их от столь великого бедствия; в то время как греки с ужасом смотрели, как их брандеры исчезают в водах Пропонтиды, не причинив ни малейшего вреда.

Раздраженные латиняне не могли простить вероломства и неблагодарности императора Алексея: “Ему было недостаточно потерпеть неудачу в своих обязательствах и нарушить свои клятвы, он пытался сжечь флот, который с триумфом доставил его в сердце его империи: теперь пришло время мечом пресечь предприятия изменников и наказать подлых врагов, которые не знали другого оружия, кроме предательства и лжи; и, подобно самым подлым разбойникам, они отваживались наносить свои удары только в темноте и тишине”. из ночи.” Алексей, напуганный этими угрозами, не мог придумать ничего другого, кроме как умолять крестоносцев о помиловании. Он принес им новые клятвы и обещания и возложил вину за военные действия на ярость народа, которую он был не в силах обуздать. Он призвал своих друзей, союзников, освободителей прийти и защитить трон, готовый развалиться под ним на куски, и предложил уступить им свой собственный дворец.

Мурзуфлю было поручено передать латинянам мольбы и предложения императора, и, воспользовавшись случаем усилить тревогу и недовольство толпы, он распространил слух, что собирается сдать Константинополь западным варварам. Узнав об этом, люди беспорядочно собрались на улицах и в общественных местах; распространился слух, что враги уже в городе, и все присоединилось к крику, что для предотвращения величайших бедствий нельзя терять ни минуты; империи нужен повелитель, способный защитить ее.

В то время как молодой принц, охваченный ужасом, заперся в своем дворце, толпа повстанцев устремилась к церкви Святой Софии, чтобы выбрать нового императора.

С тех пор как императорские династии превратились в игрушки каприза толпы и честолубия заговорщиков, греки превратили смену своих государей в настоящее развлечение, не задумываясь о том, что одна революция порождает другие революции, и, чтобы избежать нынешних бедствий, стремглав бросались в новые. Самые благоразумные из духовенства и патрициев собрались в церкви Святой Софии и усердно старались предотвратить бедствия, которые угрожали стране. Но напрасно они объясняли своей взволнованной публике, что, сменив своего хозяина, они наверняка свергнут и трон, и империю. “Когда они спросили моего мнения, ” говорит историк Никита, “ я был осторожен и не дал согласия на низложение Исаака и Алексея, потому что был уверен, что человек, которого они избрали бы на их место, был бы не самым способным. Но народ, ” добавляет тот же историк, “ единственным мотивом действия которого является страсть, — народ, который за двадцать лет до этого убил Андроника и короновал Исаака, не мог выносить своего собственного труда и жить под властью князей, которых они сами выбрали”. Толпа упрекала своего государя в своих страданиях, которые были горьким плодом войны, и в слабости своего правительства, которое было всего лишь результатом всеобщей коррупции. Победы латинян, неэффективность законов, капризы фортуны, сама воля Небес - все это было собрано в одно великое обвинение, которое должно было быть выдвинуто против тех, кто управлял империей. Обезумевшая толпа во всем надеялась на революцию; смена императоров казалась им единственным лекарством от бед, от которых они стонали. Они настаивали, они домогались патрициев и сенаторов — они едва знали имена

людей, которых хотели избрать в качестве учителей; но любой другой, кроме Исаака, любой другой, кроме Алексея, должен был заслужить уважение и любовь греков. Ношения пурпурной мантии было вполне достаточно, чтобы дать право мужчине взойти на трон Константина. Некоторые оправдывались возрастом, другие - предполагаемой недееспособностью. Народ с мечом в руке требовал от них признания суверенной власти. Наконец, после трех дней бурных дебатов, неосторожный молодой человек по имени Канабус позволил уговорить себя молитвам и угрозам народа. Призрак императора был коронован в церкви Святой Софии и провозглашен в Константинополе. Мурзуфле не был новичком в этой народной революции. Некоторые историки полагали, что он способствовал избранию малоизвестного человека, чтобы каким-то образом испытать опасность и познакомиться с властью и волей народа, чтобы однажды извлечь из этого выгоду самому.

Алексей, узнав об этом перевороте, затрепетал в укромных уголках своего опустевшего дворца; у него не было другой надежды, кроме как на латинян; он просил посланиями поддержки баронов; он умолял сжалиться маркиза Монферратского, который, тронутый его молитвами, ночью вошел в Константинополь и выступил во главе отборного войска, чтобы защитить трон и жизни императоров. Мурзуфл, который боялся присутствия латинян, полетел к Алексею, чтобы убедить его, что они были самыми опасными врагами, которые у него были, и сказал ему, что все неизбежно будет потеряно, если франки однажды появятся во дворце с оружием в руках.

Когда Бонифаций предстал перед Влахернским дворцом, он обнаружил, что все двери закрыты; Алексей сообщил ему, что больше не может принять его, и заклинал покинуть Константинополь со своими солдатами. Вид воинов Запада посеял ужас по всему городу; их отступление возродило мужество и ярость людей. Одновременно распространились тысячи различных слухов; общественные места оглашались жалобами и проклятиями; с каждой минутой толпа становилась все многочисленнее, а смятение нарастало. Среди всей этой неразберихи Мурзуфль никогда не упускал из виду осуществление своих замыслов; обещаниями и ласками он завоевал расположение императорской гвардии, в то время как его друзья наводнили столицу, возбуждая ярость толпы своими речами и инсинуациями. Вскоре перед Влахернским дворцом собралась огромная толпа, издававшая мятежные крики. Затем Мурзуфль предстал перед Алексеем: он использовал все средства, чтобы усилить тревогу молодого принца, и, под предлогом обеспечения его безопасности, заманил его в уединенное помещение, где его приспешники под его руководством заковали его в кандалы и бросили в темницу. Выйдя вперед, он смело сообщил народу, что он сделал для спасения империи; и трон, с которого он сверг своего учителя, благодетеля и друга, оказался всего лишь справедливой наградой за преданность его службе: его с триумфом внесли в церковь Святой Софии и короновали императором под одобрительные возгласы народа. Едва Мурзуфль облачился в императорский пурпур, как он решил безопасно завладеть плодами своего преступления; страшась каприза как фортуны, так и народа, он отправился в тюрьму Алексея, заставил его проглотить отравленное зелье, а поскольку смерть не поспевала за его нетерпением, задушил его собственными руками.

Так погиб после правления, длившегося шесть месяцев и несколько дней, император Алексей, которого одна революция возвела на трон и который исчез среди бурь другой революции, не вкусив ни одной из сладостей высшего положения и не имея возможности доказать, достоин ли он этого. Этот молодой принц, оказавшийся в крайне затруднительном положении, не имел ни сил, ни, возможно, желания, чтобы поднять греков на борьбу с крестоносцами. С другой

стороны, у него не хватило такта воспользоваться поддержкой латинян, чтобы удержать греков в рамках повиновения; руководимый вероломными советами, постоянно колеблясь между патриотизмом и благодарностью, поочередно опасаясь оттолкнуть своих несчастных подданных или рассердить своих грозных союзников, он погиб, став жертвой собственной слабости и нерешительности. Исаак Ангелус, узнав о трагическом конце своего сына, умер от ужаса и отчаяния, тем самым избавив Мурзуфля от еще одного отцеубийства, в виновности в котором его подозревали не меньше. История больше не упоминает о Канаве; смятение было настолько велико, что греки ничего не знали о судьбе человека, которого всего за несколько дней до этого они возвели в ранг своего государя; со времени прихода латинян четыре императора были насильно свергнуты с трона, и судьба уготовила ту же участь Мурзуфле.

Чтобы извлечь выгоду из преступления, которое отвечало его честолюбивым взглядам, убийца Алексея задумал совершить еще одно преступление и путем предательства привести к смерти всех главных предводителей армии крестоносцев. Офицеру, посланному в лагерь латинян, было приказано сказать, что он прибыл от имени императора Алексея, о смерти которого они ничего не знали, чтобы уговорить венецианского дожа и французскую знать прибыть во дворец во Влахерне, где все суммы, обещанные договорами, должны быть переданы в их руки. Бароны сначала согласились принять приглашение императора и с великой радостью приготовились отправиться в путь; но Дандоло, который, по словам Никиты, заслуженно получил прозвище *Благоразумного из Благоразумных*, пробудил в них недоверие и указал на веские причины опасаться нового вероломства греков. Прошло совсем немного времени, прежде чем они были полностью проинформированы о смерти Исаака, убийстве Алексия и всех преступлениях Мурзуфля. При этом известии негодование крестоносцев было сильным и всеобщим; рыцарям было трудно поверить в подобную низость; каждое новое сообщение заставляло их трепетать от ужаса; они забыли обиды Алексея по отношению к себе, сожалели о его несчастном конце и поклялись отомстить за него. На совете лидеры громко воскликнули, что против Мурзуфля должна быть развязана непримиримая война и что нация, совершившая предательство и отцеубийство, должна быть наказана. Прелаты и церковнослужители, более воодушевленные, чем все остальные, сразу призвали на помощь громы религии и земную войну против узурпатора императорского трона и против греков, неверных своему суверену, неверных самому Богу. Прежде всего, они не могли простить подданных Мурзуфля за то, что они добровольно оставались погруженными во тьму ереси и избежали нечестивого восстания из-под власти Святого Престола. Они обещали все снисхождения суверенного понтифика и все богатства Греции воинам, призванным отомстить за дело Бога и людей.

В то время как крестоносцы, таким образом, не дышали ничем, кроме войны против императора и народа Константинополя, Мурзуфль готовился отразить их атаки; он искренне старался привлечь жителей столицы на свою сторону; он упрекал великих в их равнодушии и изнеженности и подавал им пример толпы; чтобы увеличить свою популярность и пополнить казну, он преследовал придворных Алексея и Исаака и конфисковал имущество всех тех, кто обогатился на государственных должностях.^[119] Узурпатор в то же время занялся восстановлением дисциплины в войсках и укреплением городских укреплений; он больше не предавался удовольствиям и не позволял себе отдыхать; поскольку его обвиняли в величайших преступлениях, ему приходилось бороться не только за империю, но и за безнаказанность; угрызения совести удвоили его активность, возбудили его храбрость и доказал ему, что он не может быть в безопасности, кроме как в победе. Его постоянно видели расхаживающим по улицам с мечом на боку и железной дубинкой в руке, воодушевляя мужество народа и солдат.

Греки, однако, довольствовались выступлениями против крестоносцев. Предприняв еще одну попытку сжечь флот венецианцев, они заперлись в своих стенах и терпеливо сносили оскорбления и угрозы латинян.^[120] Крестоносцам, казалось, нечего было бояться, кроме голода; когда они начали испытывать нехватку провизии, Генрих Эно, брат графа Фландрии, предпринял, чтобы раздобыть припасы для армии, экспедицию к берегам Эвксинского моря; и, сопровождаемый несколькими рыцарями, осадил Филею. Город Филея был древним Филополем, прославленным в героические века античности дворцом, в котором были приняты Ясон и аргонавты, которые, подобно французским рыцарям, покинули свою страну в поисках далеких приключений и опасностей. Генрих Эно, после непродолжительного сопротивления жителей, овладел городом, в котором он встретил значительную добычу и нашел в изобилии провизию; последнюю он морем доставил в армию.

Мурзуфль, узнав об этой вылазке, выступил ночью с многочисленным отрядом и устроил засаду на пути, которым Генрих Энольский должен был следовать по возвращении в лагерь. Греки напали на крестоносцев неожиданно, в полном убеждении, что их победа будет легкой; но франкские воины, не выказывая ни малейшей тревоги, сомкнули свои ряды и оказали такое упорное и умелое сопротивление, что самим участникам засады пришлось очень быстро обратиться в бегство. Мурзуфль был на грани того, чтобы попасть в руки своих врагов, и спасением своим был обязан только быстроте своего коня; он оставил на поле битвы свой щит, свое оружие и знамя Пресвятой Девы, которое императоры привыкли носить перед собой во всех великих опасностях. Потеря этого древнего и почитаемого знамени стала источником большого сожаления для греков. Латиняне, со своей стороны, когда они увидели знамя и образ покровительницы Византии, реющие среди их победоносных рядов, были убеждены, что Богородица оставила греков и объявила себя благосклонной к их делу.

После этого поражения греки убедились, что для них не существует другого средства обеспечения безопасности, кроме укрепления своей столицы; им было гораздо легче найти рабочих, чем солдат, и сто тысяч человек день и ночь трудились над восстановлением стен. Подданные Мурзуфля, казалось, были довольны тем, что их крепостные стены защитят их, и обращались с каменными орудиями без отвращения, в надежде, что они избавят их от необходимости владеть мечом или копьем.

Мурзуфль научился опасаться мужества своих врагов и столь же сильно сомневался в доблести своих подданных; поэтому, прежде чем рисковать новыми военными действиями, он решил просить мира и потребовал встречи с предводителями крестоносцев. Лорды и бароны с ужасом отказались от свидания с узурпатором трона, убийцей, палачом Алексея; но миролюбие и интересы человечества побудили венецианского дожа согласиться выслушать предложения Мурзуфля. Генрих Дандоло направился на своей галере к выходу из залива, и узурпатор, оседлав коня, приблизился к нему как можно ближе. Совещание было долгим и оживленным. Дож потребовал, чтобы Мурзуфль немедленно выплатил пять тысяч фунтов золотом, чтобы помочь крестоносцам в их экспедиции в Сирию, и снова поклялся в послушании римской церкви. После долгих препирательств Мурзуфль пообещал дать латинянам деньги и помощь, которых они требовали; но он не мог согласиться подчиниться игу Римской церкви.^[121] Дож, удивленный тем, что, нарушив все законы Неба и природы, он должен придавать такое большое значение религиозным взглядам, бросив презрительный взгляд на Мурзуфля, спросил его, оправдывает ли греческая религия предательство и отцеубийство?^[122] Узурпатор, хотя и был

сильно раздражен, скрывал свой гнев и пытался оправдать свое поведение, когда совещание было прервано несколькими латинскими всадниками.

Мурзуфль по возвращении в Константинополь был убежден, что должен готовиться к войне, серьезно взялся за выполнение своей задачи и решил умереть с оружием в руках. По его приказу стены и башни, защищавшие город со стороны порта, были возведены на много футов. Он соорудил на стенах галереи в несколько ярусов, с которых солдаты могли пускать в ход стрелы и дротики и пользоваться балистами и другими боевыми машинами; на вершине каждой башни был установлен подъемный мост, который, будучи опущенным на корабли, мог предоставить осажденным средство преследовать своих врагов, вплоть до их собственного флота.

Крестоносцы, несмотря на свою природную храбрость, не могли равнодушно относиться ко всем этим приготовлениям.^[123] Самые отважные не могли не испытывать некоторого беспокойства, сравнивая малочисленность франков с императорской армией и населением Константинополя; все ресурсы, которые они до того времени находили в союзе с императорами, были готовы подвести их, и у них не было никакой надежды занять свое место, кроме как благодаря какой-нибудь чудесной победе: ибо им не на что было рассчитывать с Запада. С каждым днем война становилась все опаснее, а мир - все труднее; время для отступления уходило. В этой ситуации дух и характер героев этого крестового похода были таковы, что они черпали новые силы в тех самых обстоятельствах, которые, казалось бы, должны были угнетать их и наполнять ужасом; чем больше опасность, тем больше мужества и стойкости они проявляли; находясь под угрозой со всех сторон, не ожидая найти убежища ни на море, ни на суше, им не оставалось ничего другого, как осадить город, из которого они не могли безопасно удалиться: таким образом, ничто не могло преодолеть их непобедимую храбрость.^[124]

Увидев башни, которые греки считали определенным средством безопасности, вожди собрались в своем лагере и разделили между собой добычу империи и столицы, в завоевании которой они не сомневались. На совете принцев, баронов и рыцарей было решено, что вместо Мурзуфля должен быть назначен новый император и что этот император должен быть выбран из победоносной армии латинян. Глава новой империи должен был по праву владеть четвертой частью завоеванного, с двумя дворцами Влахерны и Буколеона. Города и земли империи, а также добыча, которую они должны были получить в столице, должны были быть распределены между франками и венецианцами с условием оказания почтения императору. На том же соборе были приняты постановления о распределении доли латинского духовенства, а также лордов и баронов. Они регулировали, в соответствии с феодальными законами, права и обязанности императоров и подданных, крупных и мелких вассалов.^[125] Таким образом, Константинополь, находившийся под властью греков, увидел перед своими стенами небольшой отряд воинов, которые в шлеме на голове и с мечом в руке отменили в своих стенах законодательство Греции и заранее навязали ей законы Запада. Посредством этого законодательного акта, который они заимствовали из Европы, рыцари и бароны, казалось, вступали во владение империей; и, ведя войну против жителей Константинополя, могли воображать, что они уже сражаются за безопасность и славу своей собственной страны.

Во время первой осады Византии французы хотели атаковать город с суши, но опыт научил их должным образом ценить мудрые советы венецианцев. Они единодушно решили направить все свои усилия на атаку с моря. Они погрузили на корабли оружие, провизию и всевозможные припасы; и вся армия отправилась в путь в четверг, 8 апреля 1204 года. На следующее утро, с первыми лучами солнца, флот, на борту которого были рыцари и их лошади, паломники и все, что у них было, палатки, машины крестоносцев, *и судьбы великой империи*, снялся с якоря и пересек залив. Корабли и галеры, выстроенные в линию, покрывали море на протяжении половины лиги. Вид башен и крепостных валов, оцетинившихся оружием и солдатами, покрытых смертоносными машинами и длинными медными трубами, из которых лился греческий огонь, несколько не устрасил воинов Запада. Греки задрожали от страха, увидев флот крестоносцев в движении; но поскольку они не могли ожидать никакой безопасности, кроме сопротивления, они, казалось, были готовы пойти на любые опасности, защищая свое имущество и свои семьи.

Мурзуфль разбил свои палатки в той части города, которая была опустошена пожаром; его армия расположилась лагерем среди руин, и перед глазами у его солдат не было ничего, кроме печальных картин, вид которых, по его мнению, обязательно должен был побудить их к мести. С вершины одного из семи холмов император мог наблюдать за ходом сражения, посылать помощь туда, где, по его мнению, в ней нуждались, и ежеминутно возрождать мужество тех, кто защищал стены и башни.

По первому сигналу греки привели в действие все свои машины и попытались защитить подходы к крепостным валам; но вскоре к берегу подошло несколько кораблей; приставлены лестницы, и стены сотрясаются под непрерывными ударами таранов. Атака и защита продолжаются с одинаковой яростью. Греки с преимуществом сражаются с вершин своих высоких башен; крестоносцы, повсюду подавленные численностью, не могут открыть себе проход и находят смерть у подножия крепостных валов, которые они сгорают, чтобы преодолеть. Жажда боя сама по себе вызвала беспорядок среди нападавших и замешательство в их флоте. Латиняне встречали все опасности лицом к лицу и выдерживали стремительный натиск греков до третьего часа вечера: “Именно тогда, - говорит маршал Шампани, - судьба и наши грехи распорядились так, что мы были отброшены”. Военачальники, опасаясь уничтожения своего флота и армии, приказали подать сигнал к отступлению. Когда греки увидели, что крестоносцы отступают, они поверили, что их столица спасена; жители Византии стекались в церкви, чтобы возблагодарить Небеса за столь великую победу, и своим чрезмерным воодушевлением доказали, насколько велик был страх, внушенный им латинянами.

Вечером того же дня дож и бароны собрались в церкви на берегу моря, чтобы обсудить свои дальнейшие действия; они с глубокой скорбью говорили о том испытании, которое им пришлось выдержать, и настойчиво подчеркивали необходимость незамедлительно исправить свое поражение.^[126] “Крестоносцы были все теми же людьми, которые уже преодолели крепостные стены Византии; греки были все той же легкомысленной, малодушной нацией, которая не могла противопоставить никакое другое оружие, кроме оружия хитрости, оружию доблести. Солдаты Мурзуфля смогли сопротивляться один день; но вскоре они вспомнят, что латиняне побеждали их много раз; воспоминаний о прошлом было достаточно, чтобы возродить уверенность одной стороны и вселить ужас в других. Кроме того, было хорошо известно, что греки боролись только за торжество узурпации и отцеубийства, в то время как крестоносцы

боролись за торжество человечности и справедливости. Бог признал бы своих истинных слуг и защитил бы свое собственное дело”.

Эти речи не могли успокоить всех крестоносцев, и многие предлагали изменить точку атаки и предпринять новый штурм на стороне пропонтиды. Венецианцы не были согласны с этим мнением и опасались, как бы флот не был унесен морскими течениями. Некоторые из вождей отчаялись в успехе предприятия; и в своем отчаянии, по словам очевидца, были бы очень рады, “чтобы ветры и волны унесли их за пределы архипелага”.^[127] Совет венецианцев был, однако, принят; и совет постановил, что нападение на Константинополь должно быть возобновлено с той же стороны и в то же время в том же месте, где армия была отброшена. Два дня ушло на ремонт судов и механизмов, а на третий день, 12 апреля, трубы еще раз протрубили сигнал к битве. Флот пришел в движение и в полном порядке двинулся к крепостным валам Константинополя. Греки, которые все еще радовались своему первому преимуществу, едва могли поверить, что приближение латинян было реальностью, и их удивление отнюдь не было лишено ужаса. С другой стороны, крестоносцы, встретившие сопротивление, которого они совсем не ожидали, с предосторожностями двинулись к крепостным валам, у подножия которых они тщетно сражались. Чтобы разжечь пыл и соперничество солдат, вожди латинян объявили через глашатая, что тот, кто первым водрузит знамя с крестом на башне города, получит сто пятьдесят марок серебром.

Бой вскоре начался и так же быстро принял всеобщий характер; защита была не менее энергичной, чем атака: балки, камни, дротики перебрасывались с одной стороны на другую, пересекались или встречались в воздухе и с громким шумом падали на валы и корабли; весь берег оглашался криками сражающихся и звоном мечей и копий. Во флоте суда были соединены вместе и двигались по двое, чтобы на каждом участке атаки количество нападающих соответствовало количеству осажденных. Подъемные мосты вскоре опускаются и покрываются бесстрашными воинами, которые угрожают вторжением в самые высокие башни. Солдаты выстраиваются в шеренгу и занимают зубчатые стены; противники ищут, атакуют и дают отпор друг другу в тысяче разных мест. Некоторые, уже готовые одержать победу, падают под тяжестью камня; других поглощает греческий огонь; но те, кто получает отпор, снова возвращаются в атаку, и вожди повсюду подают пример, поднимаясь на штурм, как простые солдаты.

Солнце прошло половину своего пути, и чудеса доблести не смогли одержать победу над сопротивлением осажденных, когда поднялся сильный северный ветер и поднес два корабля, сражавшихся вместе, вплотную к стенам. Епископ Труа и епископ Суассона находились на борту этих двух судов, которые назывались "*Пилигрим*" и "*Парадайз*". Едва были опущены подъемные мосты, как на одной из городских башен появились два франкских воина. Эти два воина, один из которых был французом по имени Д'Урбуаз, а другой венецианцем Пьетро Альберти, увлекли за собой толпу своих товарищей, и греки были перебиты или обратились в бегство. В суматохесхваткаххрабрый Альберти был убит французом, который принял его за грека и, обнаружив свою ошибку, в отчаянии попытался покончить с собой. Крестоносцы, возбужденные битвой, едва ли замечали эту печальную и трагическую сцену, но преследовали бегущего в беспорядке врага.

Знамена епископов Труа и Суассона были водружены на верхушки башен и привлекали жадные взоры всей армии. Это зрелище распаляет тех, кто все еще находится на борту судов; со всех

сторон они напирают, они устремляются вперед, они летят к эскаладе. Франки овладевают четырьмя башнями: среди греков царит ужас, и те немногие, кто сопротивляется, гибнут в каждом пункте, который они пытаются защитить; три городских ворот разваливаются на куски под ударами таранов; всадники сходят с кораблей вместе со своими лошадьми, и вся армия крестоносцев немедленно врывается в город.^[128] Всадник (Пьер Баше), шедший впереди своих товарищей, почти в одиночку добрался до холма, на котором стоял лагерь Мурзуфль, и греки в испуге приняли его за великана. Сам Никита говорит, что его шлем казался огромным, как башня; солдаты императора не смогли устоять против появления одного-единственного франкского всадника. Мурзуфль, брошенный своими войсками, бежал: крестоносцы овладели императорскими палатками, продолжили свой победоносный поход в город и предавали мечу каждого грека, с которым встречались. *“Это было ужасное зрелище, - говорит Вильярдуэн, - видеть женщин и маленьких детей, растерянно бегающих туда-сюда, дрожащих и полумертвых от страха, жалобно причитающих и молящих о пощаде.”*

Крестоносцы подожгли квартал, в который они вторглись,^[129] и пламя, гонимое ветром, возвестило другим концам города о присутствии раздраженного завоевателя. Ужас и отчаяние царили на каждой улице Константинополя. Некоторые греческие солдаты отступили во дворец, в то время как другие, чтобы избежать опознания, сбросили и одежду, и оружие. Народ и духовенство укрывались в церквях, а более состоятельные жители во всех частях света пытались скрыть свое самое ценное имущество, зарывая его в землю. Многие бросились вон из города, совершенно не зная, куда направить свои стопы.^[130]

В то время как все летели перед ними, крестоносцы были в состоянии изумления от собственной победы. С наступлением ночи они опасались засады и не отважились преследовать побежденного врага дальше; венецианцы расположились лагерем в пределах видимости своих кораблей; граф Фландрский, по счастливому предзнаменованию, занял императорские палатки, а маркиз Монферратский двинулся к Влахернскому дворцу. Латиняне понятия не имели, что конфликт окончен, и внимательно следили за укреплениями, на которые они вторглись и победили.

Мурзуфль прошел по многим кварталам города, пытаясь сплотить солдат: он говорил им о славе, он призывал имя их страны, он обещал богатые награды за доблесть; но к голосу патриотизма больше не прислушивались, и ни любовь к славе, ни надежды на награду не могли повлиять на людей, все мысли которых были заняты спасением своей жизни. Мурзуфль больше не внушал ни уважения, ни доверия, и народ в ответ на его увещевания упрекал его в отцеубийстве и приписывал ему все бедствия войны. Когда он оказался без надежды, стало необходимо попытаться спастись как от преследования завоевателей, так и от негодования побежденных, и он тайно отправился в Пропонтиду с целью найти армию или, скорее, убежище в горах Фракии. Когда о его бегстве стало известно в Константинополе, его имя было осыпано проклятиями, и, как будто императору было необходимо присутствовать при падении империи, обезумевшая толпа устремилась к церкви Святой Софии, чтобы выбрать нового повелителя.

Теодор Дукас и Теодор Ласкарис добивались голосования в ассамблее и боролись за трон, которого больше не существовало. Ласкарис был избран императором, но он не осмелился принять императорскую корону. Этот царевич обладал как твердостью, так и духом; греки даже хвастались его военным искусством, и он взялся возродить их мужество и пробудить патриотизм. *“Латинян, - сказал он, - мало, и они с трепетной осторожностью продвигаются к*

городу, у которого все еще есть бесчисленные защитники; крестоносцы боялись оставлять свои корабли на каком-либо расстоянии, так как знают, что они являются их единственным убежищем в случае поражения: придавленные приближением опасности, они призвали на помощь огонь как своего верного помощника и скрывают свои страхи за валом огня и грудой развалин. Воины Запада не сражаются ни за религию, ни за свою страну, ни за свою собственность, ни за честь своих семей. Греки, напротив, защищают все, что им дороже всего, и должны нести в борьбу все чувства, которые могут повысить мужество и воспламенить рвение граждан. Если вы все еще римляне, ” добавил Ласкарис, “ победа будет легкой; двадцать тысяч варваров заперлись в ваших стенах; судьба отдала их в руки нашего оружия”. Затем новый император обратился к солдатам и императорской гвардии; он объяснил им, что их безопасность неразрывно связана с безопасностью Константинополя, что враг никогда не простит, если они несколько раз будут отброшены от крепостных стен столицы; что в случае победы они обретут все преимущества удачи, все радости жизни: во время бегства ни суша, ни море не смогут предоставить им убежища, и что позор, нищета и сама смерть будут повсюду следовать за ними по пятам. Ласкарис не пренебрегал льстить самолюбию и старался разжечь рвение патрициев. Он напомнил им о героях древнего Рима и представил их доблести великие примеры из истории. “Именно их оружию Провидение доверило безопасность имперского города; если, вопреки всем надеждам, страна будет покорена, они мало о чем пожалеют, расставшись с жизнью, и, возможно, обретут некоторую славу, умерев в тот же день, когда старая империя Цезарей будет обречена на падение”.

Солдаты в ответ на его речь потребовали себе жалованья; народ слушал Ласкариса скорее с удивлением, чем с доверием, а патриции хранили мрачное молчание, не испытывая никаких других чувств, кроме глубокого отчаяния. Вскоре раздались звуки труб крестоносцев, и по этому сигналу ужас охватил даже самых храбрых; оспаривать победу у латинян больше не было никакой мысли. Ласкарис, оставшись один, сам был вынужден покинуть город, в защите которого он не мог найти никого, кто помог бы ему. Таким образом, Константинополь, видевший двух императоров за одну ночь, снова остался без хозяина и представлял собой подобие судна без руля, носящегося по ветру и готового погибнуть среди воя бури. Пожар, начатый латинянами, распространился на несколько других кварталов и поглотил, по признанию баронов, больше домов, чем вмещалось в трех величайших городах Франции или Германии. Пожар продолжал свои опустошительные действия в течение всей ночи, и еще до наступления дня крестоносцы приготовились при свете его пламени продолжить свою победу. Выстроившись в боевой порядок, они продвигались вперед с осторожностью и недоверием, когда до их ушей донеслись умоляющие голоса, наполнившие воздух причитаниями и молитвами. Женщины, дети и старики, сопровождаемые духовенством, несущими кресты и изображения святых, шли процессией, чтобы броситься к ногам победителей. Вожди позволили своим сердцам проникнуться криками и мольбами этой плачущей толпы, и военному герольду было приказано пройти по рядам и провозгласить законы милосердия; солдатам было приказано щадить жизни жителей и уважать честь женщин и девиц. Латинское духовенство присоединило свои увещания к увещаниям военачальников и пригрозило местью Церкви всем, кто злоупотребит победой, оскорбляя человечность.

Тем временем крестоносцы продвигались вперед под звуки труб и клиросов, и вскоре их знамена были водружены в главных кварталах города. Когда Бонифаций вошел во дворец Буколеон, который, как предполагалось, занимала императорская гвардия, он был удивлен, обнаружив огромное количество женщин из первых семей империи, единственной защитой

которых были их стоны и слезы. Маргарита, дочь короля Венгрии и жена Исаака, и Агнес, дочь короля Франции,^[131] жены двух императоров, бросились к ногам баронов и умоляли их о пощаде. Маркиз Монферратский отнесся с уважением к их несчастьям и поместил их под защиту стражи. В то время как Бонифаций занимал Буколеонский дворец, Генрих Эно завладел Влахернским дворцом; эти два дворца, наполненные огромными богатствами, были сохранены от разграбления, и были избавлены от прискорбных сцен, которые в течение нескольких дней опустошали Константинополь.^[132]

Крестоносцам не терпелось поскорее заполучить сокровища, которыми они поделились заранее, они рассредоточились по всем кварталам столицы и без жалости и соображения уносили все, что попадалось им на глаза. Дома самых бедных горожан пользовались не большим уважением, чем особняки богатых. Греки, лишенные своего имущества, подвергшиеся жестокому обращению со стороны завоевателей и изгнанные из своих домов, взывали к человеколюбию графов и баронов и теснились вокруг маркиза Монферратского, крича: *“Святой король маркиз, сжался над нами!”* Бонифаций был тронут их молитвами и попытался призвать крестоносцев к некоторым чувствам умеренности; но распущенность солдат усилилась при виде добычи; самые распутные и недисциплинированные подали сигнал и двинулись во главе их, и их пример повел за собой всех остальных: опьянение победой больше не сдерживалось, в нем не чувствовалось ни страха, ни жалости.^[133]

Когда крестоносцы прекратили резню, они прибегли ко всем видам бесчинств и насилия, чтобы разграбить побежденных; ни одно место в Константинополе не было свободным от жестоких обысков. Несмотря на часто повторяющиеся запреты своих лидеров и священников, они не уважали ни скромность женщин, ни святость церквей. Некоторые солдаты и приверженцы армии разграбили гробницы и гробы императоров; тело Юстиниана, которое сохранили века и которое предстало их взорам в свежем и не разложившемся виде, не могло оттолкнуть их святотатственных рук или заставить их уважать покой могилы; в каждом храме, где блестел лоскуток шелка или крупица золота, их жадные пальцы тянулись, чтобы схватить их. Алтарь Богородицы, украшавший церковь Святой Софии и которым восхищались как шедевром искусства, был разбит вдребезги, а завеса святилища разорвана в лохмотья. Победители играли в кости на мраморных столах, изображавших апостолов, и пили из чаш, предназначенных для богослужения. Лошадей и мулов, согнувшихся под тяжестью добычи, ввели в святилище и, пронзенные остриями мечей, обагрили своей кровью и навозом притвор Святой Софии. Девушка-проститутка, которую Никита называет приспешницей демонов, жрицей фурий, взошла на патриаршую кафедру, спела нескромную песню и танцевала в церкви среди толпы солдат, как бы оскорбляя религиозные обряды.

Греки не могли смотреть на эти нечестивые сцены без дрожи от ужаса. Никита, сожалея о несчастьях империи и греческой церкви, в то же время яростно выступает против варварской расы франков. “Вот, - говорит он, - что обещали это золотое ожерелье, эта надменная осанка, эти приподнятые брови, эта тщательно выбритая борода, эта рука, готовая пролить кровь, эти ноздри, дышащие гневом, этот гордый взгляд, этот жестокий нрав, эти быстрые слова”.^[134] Историк Византии упрекает крестоносцев в том, что они превзошли сарацин в варварстве, и напоминает им о примере воинов Саладина, которые, когда овладевали Иерусалимом, не нарушали скромности матрон и дев, не наполняли гроб Спасителя окровавленными тушами, не подвергали христиан огню, мечу, голоду, или наготу.

Страна на берегах Босфора представляла собой не менее прискорбное зрелище, чем столица. Деревни, церкви, загородные дома были опустошены и отданы на разграбление. Обезумевшая толпа запрудила дороги и бродила наугад, преследуемая страхом, сгибаясь от усталости и издавая крики отчаяния. Сенаторы, патриции, отпрыски императорского рода бродили без крова, одетые в лохмотья, ища хоть какого-нибудь жалкого убежища. Когда была разграблена церковь Святой Софии, патриарх бежал, умоляя пассажиров о милосердии; все богатые впали в нищету и не вызывали ничего, кроме презрения; самая прославленная знать, самые высокие достоинства, блеск талантов или добродетелей не обладали ничем, что вызывало бы уважение или восхищение. Нищета, подобная неизбежной смерти, стирала все различия и смешивала все звания; отбросы народа довершали разграбление беглецов, в то же время оскорбляя их несчастья. Бессмысленная толпа радовалась общественному злу, аплодировала деградации знати и богатых и называла эти катастрофические дни днями справедливости и равенства.

Никита описывает свое несчастье и свои собственные прискорбные приключения; дом, в котором он жил во времена правления императоров, был охвачен пламенем второго пожара: удалившись со своей семьей в другой дом, построенный недалеко от церкви Святой Софии, он вскоре оказался в опасности в этом последнем убежище и был обязан своей безопасностью только преданной дружбе и благодарности. Венецианский купец, которого он спас от ярости греков перед бегством Алексея, желал, в свою очередь, спасти своего благодетеля; он вооружился мечом и копьем, облачился в одежду воина креста и, говоря на языках Запада, защищал вход в дом Никиты, говоря, что это его, цена его крови, пролитой в бою. Этот бдительный страж сначала дал отпор всем агрессорам и выдержал тысячу опасностей; образец верности и добродетели среди ужасных беспорядков, опустошивших Константинополь.

Буйная толпа солдат, заполнившая улицы и проникшая повсюду, возмутилась тем, что ни один дом не был подвергнут их жестокому обыску. Наконец отчаявшийся венецианец пришел к Никите и сказал ему, что больше не в его силах защищать его. “Если ты останешься здесь, - сказал он, - то, возможно, завтра на тебя наденут цепи, а твоя семья станет добычей всех жестокостей завоевателей. Следуйте за мной, и я выведу вас за ворота Константинополя”. Никита со своей женой и детьми последовал за верными венецианцами; их освободитель в доспехах шел во главе их и вел их за собой, как пленников.

Эта несчастная семья продолжала свой путь, охваченная страхом, встречая на каждом шагу солдат, жадных до грабежей, которые жестоко обращались с греками, которых они грабили, и угрожали каждой женщине оскорблением. Никита и несколько его друзей, пришедших присоединиться к нему, несли на руках своих детей - единственное богатство, оставленное им Небом, - и защищались только жалостью, которую внушали их отчаяние и несчастье. Они шли вместе, поставив своих жен и дочерей в центре, предварительно посоветовав самым молодым намазать лица землей. Несмотря на эту предосторожность, красота одной молодой девушки привлекла внимание солдата, и ее унесли из рук отца, отягощенного возрастом и немощами. Никита, тронутый слезами старика, бросился вслед за насильником и, обращаясь ко всем воинам, которых встречал, умолял их сжалиться и заклинал их во имя Неба, покровителя добродетели, во имя их собственных семей вырвать дочь из бесчестия, спасти отца от отчаяния. Франкские воины были тронуты его молитвой, и вскоре несчастный отец увидел, что к нему вернулась его дочь, единственная надежда в его изгнании, последнее утешение в его седирах.

Никита и его товарищи по несчастью столкнулись с еще большими опасностями, но в конце концов благополучно выбрались из Константинополя через Золотые ворота, счастливые тем, что смогли покинуть страну, еще недавно бывшую предметом их привязанности. Великодушный венецианец получил их благословение и в ответ взмолился Небесам защитить их в изгнании.

Никита со слезами обнял своего освободителя, которого ему больше никогда не посчастливилось увидеть; затем, бросив взгляд на Константинополь, на свою несчастную страну, он обратился к ней с этими трогательными жалобами, которые выражают горести его изгнания и которые он сам передал нам:[\[135\]](#)— “О царица городов, какая сила смогла разлучить их?” мы от тебя! Какое утешение найдем мы, выйдя из твоих стен такими же нагими, какими мы вышли из лона наших матерей! Став забавой незнакомцев, спутниками диких животных, населяющих леса, мы никогда больше не посетим твои величественные купола и можем только в ужасе летать вокруг тебя, как воробьи вокруг места, где было разрушено их гнездо”.

Никита прибыл со своей семьей в Цилинрию, а затем удалился в Ниццу, где занялся восстановлением истории несчастий своей страны.

Константинополь не перестал быть театром ужасных актов насилия, которые влечет за собой война. Среди кровавых победных состязаний латиняне, чтобы оскорбить женоподобные нравы греков, облачились в длинные ниспадающие одежды, раскрашенные в разные цвета; они прикрепили к головам своих лошадей шелковыми шнурами полотняные капюшоны, в которые одеваются жители Востока; в то время как другие шествовали по улицам, неся в руках вместо меча бумагу и чернильницу; таким образом, высмеивая побежденных, которых они называли переписчиками.

Греки всегда оскорбляли невежество латинян; рыцари, не пытаясь возражать против спокойных мирных занятий. При таких раскладах было маловероятно, что они должны были щадить памятники, украшавшие общественные места, дворцы или здания Византии. Константинополь, который к этому периоду стоял на руинах нескольких империй, собрал в своих стенах разрозненные реликвии искусства и с гордостью выставлял шедевры, спасенные от разрушения в варварские века. Бронза, в которой дышал гений древности, была брошена в печь и превращена в деньги, чтобы удовлетворить жадных солдат. Герои и боги Нила, Древней Греции и древнего Рима, шедевры Праксителя, Фидия и самых знаменитых художников пали под ударами завоевателей.

Никита, сожалеющий об утрате этих памятников, оставил нам описание, из которого история искусства может извлечь некоторую пользу.[\[136\]](#) Историк Византии сообщает нам, что на месте Константина перед осадой стояли статуя Юноны и статуя Париса, предлагающего Венере награду за красоту, или яблоко раздора. Статуя Юноны, которая ранее украшала храм богини на Самосе, была настолько колоссальных размеров, что, когда она была разрушена крестоносцами, потребовалось восемь запряженных быков, чтобы дотащить гигантскую голову до дворца Буколеон. На том же месте был воздвигнут обелиск квадратной формы, который поражал зрителя множеством и разнообразием представляемых его взору объектов. По бокам этого обелиска художник изобразил барельефно всевозможных птиц, приветствующих возвращение солнца, сельских жителей, занятых своими сельскими работами, пастухов, играющих на свирелях, блеющих овец, ягнят, скачущих по траве; дальше - спокойное море и тысячи видов рыб, одних берут живыми, другие разрывают сети и возвращаются в свои глубокие убежища; в конце пейзажа обнаженные купидоны играют и бросают друг в друга

яблоками; на вершине обелиска, который завершается пирамидальной формой. , была фигурой женщины, которая поворачивалась при малейшем дуновении воздуха, которую называли *служительницей ветров*.

Конная статуя[137] украшала место на горе Таурус; конь, казалось, поднимал пыль ногами и обгонял ветер на своем пути. Поскольку всадник протянул руку к солнцу, некоторые предположили, что это изображение Иисуса Навина, приказывающего дневной звезде остановиться на равнинах Габаона; другие полагали, что художник имел в виду Беллерофонта верхом на Пегасе.[138]

Колоссальная статуя Геркулеса,[139] приписываемая Лисиппу, была одним из украшений Ипподрома; у полубога не было ни лука, ни дубинки; он сидел на ложе из ивняка;[140] его левое колено было согнуто и опиралось на локоть; голова покоилась на левой руке; задумчивый взгляд и вид выражали досаду и печаль, вызванные ревностью Эврисфея. Плечи и грудь Геркулеса были широкими, волосы - вьющимися, а конечности - большими и мускулистыми; одна только его нога превышала по высоте рост обычного человека. Шкура немейского льва, наброшенная на плечи сына Алемены, вздыбленная грива и голова животного, которые, как можно было подумать, все еще рычат и наводят ужас на прохожих, которые останавливались, чтобы полюбоваться статуей.

Недалеко от ужасного Геркулеса находилась группа ослов и их погонщика, которых Август поместил в своей колонии Никополь, чтобы увековечить память об исключительном обстоятельстве, предсказавшем ему победу Акциума. Рядом с этим были гиена или волчица, вскормившая Ромула и Рема, памятник древних народов Запада;[141] сфинкс с лицом женщины, тащащий за собой ужасных животных; крокодил, обитатель Нила, с хвостом, покрытым ужасной чешуей; мужчина, сражающийся со львом; слон с гибкими лапами. ствол; и античная Сцилла, изображающая впереди черты женщины с большой грудью и деформированной фигурой; а сзади - таких чудовищ, как те, что преследовали Улисса и его спутников. На том же месте был изображен орел, сжимающий в когтях змею и уносящий ее к лазурному своду; бронза прекрасно изображала боль рептилии и надменную свирепость птицы Юпитера. Когда солнце показывалось над горизонтом, распростертые крылья царя воздуха обозначали искусно прорисованными линиями двенадцать часов дня.

Все, кто в ту грубую эпоху сохранил хоть какой-то вкус к искусству, восхищались фигурой молодой женщины с волосами, заплетенными в косу на лбу и собранными сзади в узел, восседавшей на колонне Цирка; эта молодая женщина, словно по волшебству, держала в правой руке всадника, коня которого она держала за одну ногу; всадник, покрытый кирасой, и энергичный ржущий конь, казалось, прислушивались к воинственному звуку трубы и не дышали ничем, кроме рвения в бой. У восточной границы Цирка были изображены бронзовые возничие, получавшие призы и чьи триумфы в былые времена часто разделяли империю на две фракции; они появлялись стоящими в своих колесницах, бегущими по ристалищу, по очереди натягивая и ослабляя поводья своих скакунов и подбадривая их жестами и голосом. Недалеко от этого, на каменном основании, были изображены несколько египетских животных, аспик, василиск и крокодил, сошедшиеся в смертельной схватке, — образ войны, развязанной нечестивыми друг с другом; отвратительные формы этих животных, ярость и боль, пронизывающие их тела, багровый яд, который, казалось, исходил от их укусов, - все это внушало чувство отвращения и ужаса. Еще один шедевр, созданный для того, чтобы завораживать взор, должен был, по

крайней мере, тронуть и обезоружить завоевателей. Среди статуй, описанных Никитой, нет более заметной, чем Елена с ее очаровательной улыбкой и чувственной позой; Елена с совершенными правильными чертами лица, с развевающимися по ветру волосами, с глазами, полными томности, с губами, которые даже в бронзе были розовыми; с руками, белизна которых подчеркивалась даже в той же бронзе; короче говоря, Елена со всей своей красотой и такой, какой она предстала перед илионскими стариками, которые были восхищены ее присутствием.

В Константинополе было много других великолепных предметов искусства, которыми восхищались предыдущие века; почти все бронзовые были обречены на гибель, крестоносцы не видели в этих памятниках ничего, кроме металла, из которого они были сделаны. “То, что древность считала неоценимым, - говорит Никита, - внезапно стало обычным делом; а то, что стоило огромных сумм, было разменяно латинянами на монеты очень малой ценности!” Мраморные статуи представляли меньший соблазн для алчности завоевателей и не получили никаких других повреждений, кроме тех, которые были неотделимы от суматохи и беспорядков войны.

Греки, которые, казалось, так гордились своими знаниями, сами пренебрегали изящными искусствами. Греческие науки, светская мудрость Академии и Лицея уступили среди них место диспутам схоластического богословия, они равнодушно проходили мимо Ипподрома и не почитали ничего, кроме реликвий и изображений святых. Эти религиозные сокровища, бережно хранимые в церквях и дворцах Византии, на протяжении нескольких веков привлекали внимание христианского мира; в дни, последовавшие за завоеванием, они искушали благочестивую алчность крестоносцев. В то время как большая часть воинов уносила золото, драгоценности, ковры и богатые ткани Востока, наиболее набожные из паломников, особенно священнослужители, собирали добычу, гораздо более невинную и подходящую для воинов Христа. Многие пренебрегали запретами своих лидеров и начальников и не гнушались поочередно прибегать к мольбам и угрозам, хитрости или насилию, чтобы добыть реликвии, которые были объектами их уважения. Современная история приводит несколько примеров этого, которые помогают нам познакомиться с духом пилигримов-завоевателей Византии. Мартин Литц, аббат Парижа в епархии Бале, вошел в церковь, которая была отдана на разграбление, и незамеченным проник в уединенное место, где хранились многочисленные реликвии под опекой греческого монаха.^[142] Этот греческий монах тогда молился, умоляюще поднимая руки к небу. Его старость, его седые волосы, его пылкое благочестие и скорбь, запечатленная на его челе, должны были внушать как уважение, так и жалость; но Мартин, гневно приблизившись к почтенному хранителю сокровищ, воскликнул угрожающим тоном: “Несчастный старик, если ты немедленно не отведешь меня к месту, где спрятаны твои мощи, готовься умереть на месте!” Монах, испуганный этой угрозой, немедленно и с трепетом встал и указал на большой железный сундук, в который благочестивый настоятель нетерпеливо запустил обе руки и схватил все драгоценное, за что только смог ухватиться. Обрадованный этой победой, он поспешил спрятать свои сокровища на борту корабля и ухитрился с помощью священного обмана несколько дней скрывать их от военачальников и прелатов армии, которые строго приказали паломникам приносить в назначенное место все реликвии, попавшие к ним в руки.

Мартин Литц сначала вернулся к христианам Палестины, которые послали его в Константинополь; и вскоре после этого вернулся в Европу, нагруженный трофеями, полученными от византийского духовенства. Среди реликвий, которые он выставил по

возвращении, были частица истинного креста, кости святого Иоанна Крестителя и рука святого Иакова. Чудесное обретение этого сокровища с большой помпой празднуется монахом Гюнтером, у которого это вызвало больше удивления и радости, чем завоевание великой империи. Если мы можем поверить рассказу немецкого монаха, ангелы спустились с небес, чтобы охранять мощи Мартина Литца. На пути святого настоятеля океанские бури стихали, пираты застывали в неподвижности, а разбойники, эти досаждающие путешественникам, останавливались, охваченные уважением и страхом. Наконец Мартин Литц был с триумфом принят в Бале, и сокровища, которые он сохранил, несмотря на столько опасностей, были распределены между главными церквями епархии.

Другой священник, по имени Галон де Дампьер из епархии Лангра, менее ловкий или менее удачливый, чем Мартин Литц, не смог получить никакой доли церковной добычи; он пошел и бросился в ноги папскому легату и со слезами на глазах умолял его разрешить ему перевезти на родину главу святого Мамеса. Третий священнослужитель из Пикардии, обнаружив голову святого Георгия и голову святого Иоанна Крестителя, спрятанные среди развалин, поспешил покинуть Константинополь и, нагруженный столь богатой добычей, преподнес в дар собору Амьена, своей страны, бесценные реликвии, обладателем которых Провидение сделало его.

Принцы и бароны не пренебрегли этой священной добычей. Дандоло, получив в качестве своей доли^[143] частицу истинного креста, который император Константин обычно носил перед собой в битву, преподнес ее в дар Венецианской республике. Болдуин сохранил для себя терновый венец Христа и несколько других реликвий, найденных во дворце Буколеон. Он послал Филиппу Августу, королю Франции, часть истинного креста длиной в фут; немного волос Иисуса Христа, когда тот был младенцем; и полотно, в которое богочеловек был завернут в хлев, в котором он родился.

Греческие священники и монахи, разграбленные таким образом завоевателями, со слезами расставались с останками святых, которые были вверены им на хранение и которые каждый день исцеляли больных, заставляли ходить хромых, возвращали зрение слепым и силу парализованным. Эти священные трофеи, собранные преданными верующими со всех стран Востока, были украшением церквей Франции и Италии и были приняты христианами Запада как самые славные трофеи побед, которые Бог позволил одержать крестоносцам.

Константинополь перешел во власть латинян 10 апреля, ближе к концу Великого поста. Маршал Шампани, рассказав о некоторых из описанных нами сцен, говорит с большой простотой: “Так прошли великолепные празднества Пасхи”. Духовенство призывало крестоносцев к покаянию; голос религии был услышан в сердцах, ожесточенных победой; солдаты толпились у разрушенных ими церквей и праздновали страдания и смерть Христа на обломках его собственных алтарей.

Эта торжественная эпоха, без сомнения, внушала некоторые великодушные чувства; не все латиняне были глухи к языку милосердия Евангелия. Здесь мы чувствуем себя обязанными признать, что большая часть рыцарей и священнослужителей защищала свободу и жизни граждан, а также честь матрон и девственников; но таков был дух, который тогда владел воинами, что все крестоносцы позволили одолеть себя жажде добычи; и вожди наравне с солдатами без колебаний и угрызений совести воспользовались правом, которое дала им их победа, грабить побежденных. Было решено, что вся добыча будет храниться в трех церквях, выбранных для этой цели; и вожди приказали крестоносцам принести, сообщая, всю добычу, и пригрозили

смертью и отлучением от церкви всем, кто лишит чего-либо награды за доблесть и вознаграждения за труды всей армии. Многие солдаты и даже некоторые рыцари позволили увлечь себя алчностью и сохранили ценные предметы, которые попали к ним в руки. “Что, ” говорит маршал Шампани, “ заставило Господа начать любить их меньше”. Правосудие графов и баронов было непреклонным по отношению к виновным; граф Св. Поль приказал повесить одного из своих рыцарей, который утаил что-то из общей добычи, с гербом на шее.[144] Таким образом, греки, подвергшиеся насилию, могли присутствовать при наказании некоторых из тех, кто разорял их имущество, и могли с удивлением созерцать правила суровой справедливости, смешанные с беспорядками, вызванными победой и грабежом. После праздника Пасхи крестоносцы поделили захваченные богатства; четвертая часть добычи была выделена тому, кто должен был быть избран императором, а остальное было разделено между французами и венецианцами. Французские крестоносцы, завоевавшие Зару исключительно к выгоде венецианцев, были вынуждены выплатить республике пятьдесят тысяч марок серебром, которые они задолжали; эта сумма была заранее вычтена из части добычи, принадлежавшей им. В разделении, которое было произведено между воинами Ломбардии, Германии и Франции, каждый рыцарь имел долю, равную доле двух всадников, а каждый всадник - долю, равную доле двух пехотинцев. Вся награбленная греками добыча принесла только[145] четыреста тысяч марок серебром; но хотя эта сумма намного превышала доходы всех королевств Запада, она ни в коем случае не представляла ценности богатств, накопленных в Византии. Если бы князья и бароны, сделавшись хозяевами города, удовлетворились обложением жителей данью, они могли бы получить гораздо большую сумму; но такой мирный способ получения богатства не соответствовал ни их характеру, ни настроению, в котором они находились. История утверждает, что венецианцы в этих обстоятельствах дали им несколько очень разумных советов и выдвинули предложения, которые были отвергнуты с презрением. Франкские воины не могли снизойти до того, чтобы подчинить преимущества победы коммерческим расчетам; добыча всегда была в их глазах самым достойным плодом завоевания и самой благородной наградой за доблесть.

Разделив таким образом богатую добычу Восточной империи, крестоносцы предались самой экстравагантной радости, не понимая, что совершили большую ошибку, опустошив страну, которая вот-вот должна была стать их собственностью; они не задумывались о том, что разорение побежденных может однажды повлечь за собой разорение завоевателей, и что они могут стать такими же бедными, как греки, которых они только что ограбили. Без сожалений, как и без предвидения, надеясь на свои собственные хорошие мечи, они приступили к избранию лидера, который должен был править народом в трауре и опустошенным городом. Императорский пурпур все еще сиял в их глазах, и трон, хотя и сотрясаемый их руками, все еще был объектом их честолюбивых устремлений. Шесть выборщиков были выбраны из венецианской знати и шесть других из числа французских священнослужителей, чтобы назначить магистра Константинополю; двенадцать выборщиков собрались во дворце Буколеон и поклялись на Евангелии увенчивать только заслуги и добродетель.

Трое главных лидеров крестового похода имели равные права на голоса выборщиков. Если пурпур должен был быть наградой за опыт, способности в совете и заслуги, оказанные делу латиноамериканцев, то Генри Дандоло, который был движущей силой, самой душой предприятия, безусловно, имел на него первое право. Маркиз Монферратский также имел титулы, достойные большого уважения; латиняне избрали его своим лидером, а греки уже признали его своим господином. Его храбрость, доказанная в тысяче сражений, обещала

твердую и щедрую поддержку трону, который должен подняться из руин. Его благоразумие и умеренность могли бы дать латинянам и народу Греции повод надеяться, что, когда он однажды станет империей, он исправит зло войны. Притязания Болдуина на императорскую корону были не менее убедительными, чем притязания его единомышленников. Граф Фландрский состоял в родстве с самыми могущественными монархами Запада и происходил по женской линии от Карла Великого. Он был очень любим своими солдатами, с которыми всегда был готов разделить опасности; он заслуженно снискал уважение греков, которые даже среди беспорядков завоеваний прославляли его как поборника целомудрия и чести. Болдуин был защитником слабых, другом бедных; он любил справедливость и не боялся правды. Его молодость, которую он уже продемонстрировал блестящими подвигами и твердыми добродетелями, подарила подданным новой империи надежды на долгое и счастливое правление; ранг, который он занимал среди воинов, его благочестие, ум, любовь к учебе и образованным людям, сделали его достойным восхождения на трон Августа и Константина.

Избиратели сначала обратили свое внимание на достопочтенного Дандоло; но республиканцы Венеции трепетали при мысли увидеть императора среди своих сограждан: “Чего нам только не приходится бояться, - говорили они, - если венецианец станет хозяином Греции и части Востока? Будем ли мы подчиняться его законам, или он останется подчиненным законам нашей страны? При его правлении и при его преемниках кто поручится нам, что Венеция, Королева Морей, не станет одним из городов этой империи?” Венецианцы, говоря таким образом, воздали должное добродетели и характеру Дандоло; они добавили, что их дожу, который приближался к концу жизни, наполненной великими деяниями, ничего не оставалось, как закончить свои дни со славой, и что он сам считал бы более славным быть главой победоносной республики, чем сувереном покоренной нации. “Какой римлянин, - восклицали они, - захотел бы отказаться от титула гражданина Рима, чтобы стать королем Карфагена?”

Закончив свои речи, венецианцы призвали собрание избрать императора из числа других военачальников армии. После этого выбор выборщиков мог быть направлен только в сторону графа Фландрского и маркиза Монферратского; наиболее разумно было опасаться, что тот из двух соперников, который не получит империи, непременно даст выход своему недовольству и будет желать падения трона, занимаемого его соперником. Они все еще помнили ожесточенные споры, которые во время первого крестового похода последовали за избранием Готфрида Бульонского, и смуты, вызванные в молодом Иерусалимском королевстве ревнивым честолюбием Раймона де Сен-Жиля. Чтобы предотвратить последствия такого рокового раздора, было сочтено лучшим немедленно издать указ, согласно которому принц, который получит право голоса на императорском троне, должен уступить другому, при условии присяги и оммажа, собственность острова Кандия и всех земель империи, расположенных по другую сторону Босфора. После этого решения ассамблея обратила все свое внимание на избрание императора. Их выбор долгое время был неопределенным. Сначала казалось, что маркиз Монферратский получил большинство голосов; но венецианцы боялись видеть на константинопольском троне принца, у которого были какие-либо владения по соседству с их территориями, и заявили ассамблее, что избрание Болдуина было бы гораздо выгоднее для крестоносцев, особенно потому, что это заинтересует воинственные народы фламандцев и французов в славе и поддержке новой империи. Интересы и ревность политики, а также, без сомнения, мудрость и справедливость, в конце концов объединили все голоса в пользу графа Фландрского.

Крестоносцы, собравшиеся перед Буколеонским дворцом, с нетерпением ожидали решения выборщиков. Ровно в полночь епископ Суассонский вышел вперед в вестибюль и громким голосом произнес следующие слова: “Этот ночной час, ставший свидетелем рождения Спасителя мира, дает рождение новой империи под защитой Всемогущего. У вас есть император Балдуин, граф Фландрии и Эно”. Громкие крики радости раздались среди венецианцев и французов. Жители Константинополя, которые так часто меняли хозяев, приняли без отвращения нового, только что данного им, и смешали свои приветствия с приветствиями латинян. Болдуина подняли на щит и с триумфом понесли в церковь Святой Софии. Маркиз Монферратский следовал за своим соперником; великодушная покорность, примером которой он являл, вызвала большое восхищение его товарищей по оружию, и его присутствие привлекало едва ли меньше внимания, чем воинственная пышность, окружавшая нового императора.

Церемония коронации была отложена до четвертого воскресенья после Пасхи. Тем временем бракосочетание маркиза Монферратского с Маргаритой Венгерской, вдовой Исаака, было отпраздновано с большой пышностью. Константинополь видел в своих стенах празднества и зрелища Запада, и впервые греки слышали в своих церквях молитвы и гимны латинян. В день, назначенный для коронации императора, Балдуин отправился в Святую Софию в сопровождении баронов и духовенства. Во время богослужения император взошел на золотой трон и принял пурпур из рук папского легата, исполнявшего функции патриарха. Два рыцаря несли перед ним *латиклавскую тунику* римских консулов и императорский меч, снова оказавшийся в руках воинов и героев. Глава духовенства, стоя перед алтарем, произнес на греческом языке следующие слова: “Он достоин царствовать”; и все присутствующие хором повторили: “он достоин! он достоин!” Крестоносцы, выкрикивающие свои неистовые приветствия, рыцари, закованные в доспехи, толпа несчастных греков, святилище, лишенное своих древних украшений и украшенное чужеземной пышностью, в целом представляли собой зрелище торжественное и меланхоличное — все зло войны среди трофеев победы. Окруженные руинами империи, задумчивые зрители не могли не отметить среди церемоний этого дня ту, на которой, по обычаю греков, Болдуину преподносили маленькую вазу, наполненную пылью и костями, и прядь светлого льна,^[146] как символы краткости жизни и ничтожества человеческого величия.

Перед церемонией своей коронации новый император распределил главные награды империи между своими товарищами по оружию. Вильгардуэн, маршал Шампани, получил титул маршала Румынии; граф де Сен-Поль - звание констебля; обязанности мастера гардероба, великого виночерпия и дворецкого были возложены на каноника де Бетюна, Макэра де Сен-Менехуля и Майлза де Брабанта. Венецианский дож, ставший деспотом или принцем Румынии, имел право носить пурпурные косы - привилегию среди греков, предназначенную для членов императорской семьи. Генрих Дандоло представлял Венецианскую республику в Константинополе; половина города находилась под его властью и признавала его законы; он возвышался, благодаря достоинству своего характера, а также своим подвигам, над всеми принцами и всеизнатью двора Балдуина; он один был освобожден от присяги на верность императору за земли, которыми ему предстояло владеть.

Баронам стало не терпеться разделить города и провинции империи. На совете, состоящем из двенадцати венецианских патрициев и двенадцати французских рыцарей, все завоеванные земли были разделены между двумя нациями. Вифиния, Румыния или Фракия, Фессалоники, вся Греция от Фермопил до мыса Суний, с более крупными островами архипелага, достались на долю и под владычество французов. Венецианцы получили Киклады и Спорады в архипелаге; острова и восточное побережье Адриатического залива; побережья Пропонтиды и Эвксинского моря; берега Гебра и Варды; города Кипсед, Дидиматика и Адрианополь; приморские страны Фессалоники и т.д. и т.п. Таково было вначале распределение территорий империи. Но обстоятельства, которые нельзя было предвидеть, разнообразие интересов, соперничество амбиций, все шансы на удачу и войну вскоре произвели большие изменения в этом разделении владений. История напрасно пыталась бы следовать за завоевателями в отведенные им провинции; было бы легче отметить берега разлившегося потока или проследить путь бури, чем зафиксировать состояние ненадежных и преходящих владений византийских завоевателей.

Земли, расположенные за Босфором, были преобразованы в королевство и вместе с островом Кандия переданы маркизу Монферратскому. Бонифаций обменял их на провинцию Фессалоники и продал остров Кандия Венецианской республике за тридцать фунтов золота. Провинции Азии были оставлены графу Блуа, который принял титул герцога Ниццы и Вифинии. При распределении городов и земель империи каждый из лордов и баронов получил владения, соответствующие рангу и заслугам нового владельца. Когда воины Запада услышали рассказы о стольких странах, названий которых они едва знали, они были поражены их завоеваниями и поверили, что большая часть вселенной была обещана их честолюбию. В упоении своей радостью они объявили себя хозяевами всех провинций, составлявших империю Константина. Они бросили жребий за страны Мидян и парфян, а также королевства, находившиеся под властью турок и сарацин; [147] несколько баронов выразили большое желание править в Александрии; другие оспаривали дворец султанов Иконии; некоторые рыцари обменяли то, что было им выделено, на новые владения, в то время как другие жаловались на свою долю и требовали выкупа. увеличение территории. На деньги, полученные от разграбления столицы, завоеватели покупали провинции империи; они продавали, они играли в кости, целые города и их жителей. Константинополь в течение нескольких дней был рынком, на котором торговали морями и их островами, народами и их богатствами; на котором римский мир был выставлен на продажу и нашел покупателей среди безвестной толпы крестоносцев.

В то время как бароны таким образом распределяли города и королевства, честолюбие латинского духовенства ни в коем случае не было праздным, оно было занято вторжением в собственность греческой церкви. Все церкви Константинополя были разделены между французами и венецианцами; они назначили священников двух народов для служения в храмах, отторгнутых у завоеванных; и в стенах города не совершались никакие другие религиозные церемонии, кроме западных. Руководители крестового похода договорились между собой, что если император Константинополя будет избран из французов, то патриархом должен быть венецианец. Согласно этому соглашению, предшествовавшему завоеванию, Томас Морозини [148] был возведен на кафедру Святой Софии; священники и латинские епископы были одновременно отправлены в другие завоеванные города и завладели богатствами и привилегиями греческого духовенства. Таким образом, римский культ ассоциировался с победами крестоносцев и делал свою империю узнаваемой везде, где развевались знамена победителей.

Теперь ничто не противостояло оружию крестоносцев; все трепетали перед ними; повсюду разносилась слава об их подвигах и их могуществе; но, заглядывая в будущее, вожди имели большие основания опасаться, что отступление или смерть их воинов оставят империю, которую они основали, без защитников. Ослабленного и рассеянного населения не хватало ни для обработки земель, ни для работы в городах. В этой ситуации графы и бароны, которые всегда со страхом ожидали решений главы Церкви, удвоили свою покорность верховному понтифику и искали его поддержки в надежде, что Святой Престол заставит Запад вынести решение в их пользу и что по голосу отца верующих большое количество французов, итальянцев и немцев выйдут к народу и защитят новую империю.

После своей коронации Болдуин написал папе римскому, чтобы сообщить ему о выдающихся победах, которыми Богу было угодно увенчать усердие воинов креста. Новый император, принявший титул рыцаря Святого Престола, напомнил суверенному понтифику о вероломстве и длительном восстании греков. “Мы подчинили вашим законам,” сказал он, “этот город, который из ненависти к Святому Престолу едва ли хотел слышать имя князя апостолов и не предоставил ни одной церкви тому, кто получил от Господа верховенство над всеми церквями”. Болдуин в своем письме пригласил наместника Иисуса Христа последовать примеру своих предшественников, Иоанна, Агапета и Льва, которые лично посетили Византийскую церковь. Чтобы завершить оправдание паломников, сделавших себя хозяевами греческой империи, император сослался на свидетельство всех христиан Востока. “Когда мы вошли в эту столицу, - добавил он, - многие жители Святой Земли, которые были там, выразили большую радость, чем кто-либо другой, и громко заявили, что мы оказали Богу более приятную услугу, чем если бы отвоевали Иерусалим”.

В то же время маркиз Монферратский направил письмо суверенному понтифику, в котором выразил протест в своем смиренном повиновении всем решениям Святого Престола. “Что касается меня,” сказал царь Фессалоникийский, “который взял крест только для искупления своих грехов, а не для того, чтобы получить возможность грешить с большей распушенностью под предлогом религии, я слепо подчиняюсь твоей воле. Если вы считаете, что мое присутствие в Румынии может быть полезным, я умру там, сражаясь с вашими врагами и врагами Христа; если же вы, напротив, считаете, что я должен покинуть эти богатые страны, не обращая внимания на богатство или почести, которыми я там обладаю, я готов вернуться на Запад; ибо я не желаю делать ничего, что навлечет на меня гнев верховного судьи”.

Венецианский дож, который до этого времени с таким высокомерием противостоял угрозам и громам Церкви, признал суверенную власть папы и присоединил свои протесты к протестам Балдуина и Бонифация. Чтобы обезоружить гнев Иннокентия, они объяснили ему, что завоевание Константинополя подготовило освобождение Иерусалима, и хвастались богатствами страны, которую крестоносцы в конце концов привели в соответствие с законами Святого Престола. Во всех своих письмах папе римскому или верующим Запада завоеватели Византии говорили о греческой империи как о новой земле обетованной, которая ожидала слуг Божьих и воинов Христа.

Иннокентий долгое время был раздражен неповиновением крестоносцев; в своем ответе он с горечью упрекал победоносную армию латинян за то, что они предпочли богатства земли небесным;^[149] он сделал выговор лидерам за то, что они подвергли бесчинствам солдат и

приверженцев армии честь латинян. матроны, и девы, и девственницы, посвященные Господу; ибо разорили Константинополь, разграбили как *великих, так и малых*, осквернили святилище и подняли кощунственную руку на сокровища церквей. Тем не менее, отец верующих не стал бы заставлять его постигать суды Божьи; он был удовлетворен верой в то, что греки были справедливо наказаны за свои проступки и что крестоносцы были вознаграждены как орудия Провидения, как мстители за божественное правосудие. “Страшитесь, - сказал он, - гнева Господня; со страхом надейтесь, что он простит прошлое, если вы будете справедливо управлять народами; если вы будете верны Святому Престолу и, прежде всего, если вы твердо решите выполнить свой обет ради освобождения Святой Земли”.

Несмотря на это внешнее проявление гнева, суверенный понтифик был до глубины души удовлетворен молитвами и покорностью героев и принцев, чьи подвиги заставили содрогнуться восточный мир. Кардинал Петр Капуанский отпустил грехи венецианцам, отлученным от церкви после осады Зары. Иннокентий сначала обвинил своего легата в снисходительности, но в конце концов подтвердил помилование, дарованное Дандоло и его соотечественникам. Папа одобрил избрание Болдуина, который принял титул рыцаря Святого Престола, и согласился признать империю, которой он должен был дать законы. Чем более покорными проявляли себя крестоносцы перед его властью, тем яснее ему становилось, что их завоевания должны касаться славы Божьей и наместника Христа на земле. Он писал епископам Франции, что Богу было угодно утешить Церковь обращением еретиков; что Провидение смирило греков, нечестивый, гордый и мятежный народ; и снова передало империю в руки латинян, благочестивой, смиренной и покорной нации. Суверенный понтифик пригласил от имени императора Балдуина французов обоего пола и любого положения отправиться в Грецию, чтобы получить земли и богатства пропорционально их заслугам и качеству. Он пообещал индульгенции от крестового похода всем верующим, которые, разделяя славу крестоносцев, должны отправиться защищать и способствовать процветанию новой империи Востока.

Однако папа не упускал из виду сирийскую экспедицию и, по-видимому, был убежден, что помощь, направленная в Константинополь, должна способствовать освобождению святых мест. Король Иерусалима более чем когда-либо горячо умолял, как в письмах, так и через послов, об эффективной защите Святого Престола, а также князей Востока.

Новый император Византии не отказался от надежды оказать помощь христианским колониям Сирии; и чтобы поднять мужество своих братьев из Святой Земли, он послал в Птолемаиду цепь порта и ворота Константинополя. Когда эти трофеи достигли Палестины, нехватка, голод и все бедствия неудачной войны опустошили как города, так и равнины. При известии о приближающейся помощи жители Птолемаиды сразу перешли от чрезмерного горя и уныния ко всем проявлениям радости. Известность, вызванная публикациями о чудесных победах сподвижников Балдуина и Бонифация, принесла надежду на безопасность во все христианские города Сирии и посеяла ужас среди мусульман. Султан Дамаска недавно заключил перемирие с христианами и трепетал при мысли, что оно может быть нарушено, как вдруг оказалось, что своей безопасностью он обязан тому самому событию, которое вызвало его тревогу.

Большая часть защитников Святой Земли, не испытывавших ничего, кроме бедствий войны, возжелали разделить славу и везение французов и венецианцев. Даже те, кто покинул победоносную армию при Заре, которая так сурово осуждала поход на Константинополь,

верили, что воля Божья призвала их к берегам Босфора, и они покинули Святую Землю. Легат папы, Петр Капуанский, был увлечен примером других крестоносцев и отправился, чтобы своим присутствием воодушевить рвение латинского духовенства, которое трудилось над обращением греков; рыцари ордена Святого Иоанна и Храма также направились в Грецию, где слава и богатые владения были наградой за доблесть; а король Иерусалима остался почти один в Птолемаиде, без средств обеспечить соблюдение перемирия, которое он заключил с неверными.

Балдуин тепло приветствовал защитников Святой Земли; но радость, которую он испытал при их прибытии, была сильно омрачена известием о смерти его жены, Маргариты Фландрской. Эта принцесса отправилась во флоте Джона де Несля, полагая, что встретит своего мужа в Палестине; измученная долгим путешествием и, возможно, горем разочарования, она заболела в Птолемаиде и умерла в тот момент, когда узнала, что Балдуин коронован императором Константинополя. Судно, которому было суждено доставить новую императрицу к берегам Босфора, привезло лишь ее бранные останки. Болдуин, окруженный своими рыцарями, оплакивал потерю принцессы, которую он нежно любил и которая, как он надеялся, благодаря своим добродетелям и грации юности станет украшением и примером византийского двора. Он распорядился похоронить ее с большой пышностью в той же церкви, в которой всего за несколько дней до этого он принял императорскую корону. Таким образом, жители Константинополя почти в одно и то же время стали свидетелями коронации императора и похорон императрицы; дни радости и триумфа смешались с днями траура. Этот контраст зрелища смерти и пышности победы и трона, казалось, давал точное представление о славе победителей и будущей судьбе империи.

У императора и его баронов, несмотря на всю помощь, которую они получили с Востока, было едва ли двадцать тысяч человек, чтобы защищать свои завоевания и сдерживать население столицы и провинций. Султан Иконии и король болгар давно угрожали вторгнуться в земли, прилегающие к их государствам, и они думали, что раздоры и последующее падение греческой империи предоставили благоприятную возможность для вспышки их ревности и честолюбия. Народы Греции были завоеваны, но не были покорены. Поскольку в беспорядках, сопровождавших завоевание Византии, не признавалось никакого другого права, кроме права силы и меча, все греки, у которых еще было оружие в руках, желали создать княжество или королевство. Со всех сторон на руинах возникали новые государства и империи, которые уже угрожали тому, что крестоносцы так недавно основали.

Внук Андроника основал в греческой провинции Малая Азия Трапезундское княжество; Лео Сгурре, хозяин маленького города Неаполя, расширил свои владения несправедливостью и насилием, и, если воспользоваться сравнением, предложенным Никитой, он стал еще больше, подобно потоку, который вздувается во время шторма и расширяется от вод бури. Варвар-завоеватель, свирепый и жестокий тиран, он правил, или, скорее, сеял ужас, в Аргосе и на Коринфском перешейке. Михаил-Ангел Комнин, прибегнув к оружию предательства, завоевал Эпирское царство и подчинил своим законам дикий и воинственный народ. Феодор Ласкарис, который, как и Эней, бежал из своей охваченной пламенем страны, собрал несколько войск в Вифинии и добился провозглашения себя императором в Ницце, откуда его семье было суждено в будущем с триумфом вернуться в Константинополь.

Если бы отчаяние придало хоть какую-то степень мужества двум беглым императорам, они могли бы получить долю своей собственной добычи и сохранить остатки власти; но они не извлекли пользы из уроков несчастья. Мурзуфль, завершивший все преступления, начатые Алексеем, без колебаний отдал себя во власть своего несчастного соперника, на дочери которого он женился: нечестивые иногда берут на себя обязанность наказывать друг друга. Алексей, осыпав Мурзуфля ласками, заманил его в свой дом и приказал выколоть ему глаза. В таком состоянии Мурзуфль, покинутый своими последователями, для которых он теперь был не чем иным, как объектом отвращения, отправился скрывать свое существование и свои страдания в Азии; но по дороге попал в руки латинян. Когда его привели в Константинополь и приговорили к позорной смерти во искупление своих преступлений, он был сброшен с вершины колонны, воздвигнутой императором Феодосием на площади Тавр. Множество греков, поднесших пурпур Мурзуфлю, присутствовали при его трагическом конце и, казалось, были в ужасе от наказания, которое было для них гораздо более новым, чем преступления, за которые оно было назначено. После казни толпа с удивлением созерцала барельеф на колонне Феодосия,^[150] который изображал царя, падающего с очень высокого места, и город, охваченный морским штормом. В эти смутные времена повсюду обнаруживались предзнаменования. Казалось, что все, даже мрамор и камень, говорило о несчастьях Константинополя. Никита был поражен, что о таких великих несчастьях не возвестил кровавый дождь или какие-нибудь зловещие чудеса; самые просвещенные греки объясняли падение империи Константина стихами поэтов и сивилл или пророчествами Священного Писания; простые люди читали смерть тиранов и свои собственные страдания во взглядах статуй и на колоннах, которые остались стоять в столице.

Вероломство и жестокость Алексея недолго оставались безнаказанными; узурпатору пришлось скитаться из города в город и нередко скрывать императорский пурпур под одеждой нищего. Долгое время он был обязан своей безопасностью только презрению, с которым к нему относились завоеватели. После долгого скитания в состоянии нищеты он был выдан маркизу Монферратскому, который отправил его пленником в Италию; бежав оттуда, он снова перешел в Азию и нашел убежище у султана Иконии. Алексей не мог довольствоваться мирной жизнью в своем отступлении, но присоединился к туркам в нападении на своего зятя Ласкариса, которого он не мог простить за то, что он спас развалившуюся империю и правил Вифинией. Когда турки были разбиты, беглый принц наконец попал в руки императора Ниццы, который вынудил его удалиться в монастырь, где он и умер, забытый как греками, так и латинянами.

Таким образом, четыре императора были принесены в жертву честолюбию и мести: прискорбное зрелище, достойное сожаления! Посреди потрясений и падения империи мы видим, как принцы одной семьи ссорятся из-за призрака власти, по очереди вырывают друг у друга и скипетр, и жизнь, яростно подавляют население и не оставляют им возможности совершить ни преступление, ни отцеубийство.

Если верить Никите, Алексей был образцом мягкости и умеренности: он никогда не заставлял женщину надевать траур по своему мужу, он никогда не заставлял гражданина оплакивать потерю своего состояния. Этот панегирик Никите проливает гораздо больший свет на природу правительства, чем на качества монарха. Если верно, что мы должны быть благодарны деспотизму за каждое зло, которого он не совершил, мы не должны забывать, что Алексей

получил трон только позорным путем; что он не искупил своего отцеубийства никакой общественной добродетелью; и что преступление его узурпации породило тысячу других преступлений, вызвало ужасную революцию и стало причиной гибели нации. Никита относится к Мурзуфлю с гораздо большей суровостью; но некоторые современные историки, ослепленные несколькими проявлениями храбрости, взялись оправдывать принца, который всем пожертвовал ради своего честолюбия. Они без колебаний указали нам на жестокого, беспринципного тирана, образец и мученика патриотических добродетелей, как будто любовь к родине - это то же самое, что безграничная любовь к власти, и, возможно, она может сочетаться с предательством и отцеубийством.

В то время как греческие князья таким образом вели войну друг против друга и ссорились из-за крушения империи, французские графы и бароны покинули столицу, чтобы отправиться и завладеть городами и провинциями, выпавшими на их долю. Многие из них были вынуждены завоевывать с мечом в руке земли, которые были им отведены. Маркиз Монферратский отправился в свой поход, чтобы посетить королевство Фессалоники и принять дань уважения от своих новых подданных. Император Балдуин, сопровождаемый своим братом Генрихом Энольским и большим количеством рыцарей, проследовал через Фракию и Румынию, и повсюду на его пути раздавались шумные приветствия народа, который всегда был более искусен в подхалимаживании к своим завоевателям, чем в борьбе со своими врагами. Прибыв в Адрианополь, где его приняли с триумфом, новый император объявил о своем намерении продолжить поход до Фессалоник. Это неожиданное решение удивило маркиза Монферратского, который возымел желание отправиться в одиночку в свое собственное королевство. Бонифаций обещал быть верным императору, всегда быть готовым использовать свои силы против врагов империи; но он опасался присутствия армии Балдуина в своих городах, уже измученных войной. Между двумя принцами вспыхнула серьезная ссора. Маркиз Монферратский обвинил императора в желании завладеть его государствами; Балдуину казалось, что он усматривает в сопротивлении Бонифация тайный замысел отрицать суверенитет главы империи. Оба любили справедливость и не испытывали недостатка в умеренности; но теперь, когда один стал королем Фессалоник, а другой императором Константинополя, у них появились придворные, которые старались обострить их ссору и разжечь вражду. Некоторые говорили Бонифацию, что Балдуин был совершенно неправ и что он злоупотребил властью, которая должна была бы быть наградой за добродетели, сильно отличающиеся от его собственных. Другие упрекали императора в излишней щедрости по отношению к своим врагам и, в избытке своей лести, говорили, что он виновен только в одном проступке, а именно в том, что слишком долго щадил неверного вассала. Несмотря на все заверения маркиза Монферратского, Балдуин повел свою армию в королевство Фессалоники. Бонифаций расценил это упрямство императора как вопиющее оскорбление и поклялся отомстить своим мечом. Движимый страстью, он внезапно уехал с несколькими рыцарями, которые высказались в его пользу, и овладел Дидиматикой, городом, принадлежавшим императору.

Маркиз Монферратский взял с собой свою жену Марию Венгерскую, вдову Исаака; и присутствие этой принцессы в надежде сохранить раскол среди латинян привлекло многих греков под знамена Бонифация. Он объявил им, что сражался за их дело, и облачил в императорский пурпур молодого принца, сына Исаака и Марии Венгерских. Таща за собой в своей свите этот призрак императора, вокруг которого сплотились основные жители со всех концов Румынии, он возобновил путь к Адрианополю и начал приготовления к осаде этого

города. Бонифаций, с каждым днем становившийся все более раздраженным, не прислушивался ни к советам, ни к мольбам своих товарищей по оружию; и из-за разногласий могла пролиться кровь латинян, если бы дож Венеции, граф Блуа и бароны, оставшиеся в Константинополе, не использовали всерьез свой авторитет и кредит, чтобы предотвратить несчастья, которыми угрожала новая империя. Глубоко потрясенные тем, что они узнали, они послали депутатов к императору и маркизу Монферратскому. Маршал Шампани, посланник к Бонифацию, прямо упрекнул его в том, что он забыл славу и честь крестоносцев, предводителем которых он был; в том, что ради удовлетворения тщеславной гордыни он пошел на компромисс с делом Христа и безопасностью империи и готовил дни триумфа и радости для греков, болгар и сарацин. Маркиз Монферратский был тронут упреками Вильгардуэна, который был его другом и говорил от имени всех крестоносцев. Он пообещал положить конец войне и передать свою ссору с Балдуином на суд графов и баронов.

Тем временем Болдуин овладел Фессалониками. Как только он услышал о враждебных действиях маркиза Монферратского, он поспешно отправился обратно в Адрианополь. Он обдумывал планы мести и угрожал отразить силу силой и противопоставить войну войне, когда встретил депутатов, которые пришли от имени лидеров крестового похода, чтобы поговорить с ним о мире и напомнить его сердцу о чувствах справедливости и человечности. Рыцарь свиты графа Блуа обратился к императору с речью, которую сохранил Вильгардуэн, в которой нашим читателям, без сомнения, будет приятно познакомиться с картиной благородной откровенности завоевателей Византии. “Сир, ” сказал он, “ дож Венеции, граф Людовик Блуа, мой высокочтимый господин, и все бароны, находящиеся в Константинополе, приветствуют вас как своего суверена и жалуются Богу и вам на тех, кто своими злыми советами внес роковые разногласия. Вы, несомненно, поступили очень неправильно, прислушавшись к этим вероломным советникам, ибо они наши враги и ваши. Вы знаете, что маркиз Бонифаций передал свою ссору на рассмотрение баронов; лорды и принцы надеются, что вы поступите так же, как он, и что вы не станете сопротивляться правосудию. Они поклялись, и нам поручено заявить об этом от их имени, больше не терпеть скандала, связанного с войной, разоженной между крестоносцами”.

Балдуин сначала не ответил на эту речь и, казалось, был удивлен такими словами; но они говорили с ним таким образом от имени дожа Венеции, старость которого он уважал и которого нежно любил; от имени графов и баронов, без помощи которых он не мог надеяться сохранить свою империю, и, наконец, он прислушался к объединенным голосам разума и дружбы. Он обещал сложить оружие и отправиться в Константинополь, чтобы уладить ссору между собой и маркизом Монферратским. По его прибытии графы и бароны не жалели ни жалоб, ни молитв и обнаружили, что он послушен всем их советам. Маркиз Монферратский, который вскоре последовал за ним, въехал в столицу с некоторым недоверием; его сопровождала сотня рыцарей со своими латниками; но прием, оказанный ему Балдуином и другими вождями, полностью успокоил все его негодование и рассеял все его опасения. С этого времени восстановление гармонии и мира стало искренней целью крестоносцев. Венецианский дож, графы и бароны вместе с наиболее уважаемыми рыцарями, которые напоминали хозяевам новой империи о грозном институте ПЭРОВ Запада, вынесли решение в споре, который был передан им на рассмотрение и вынесен без права обжалования между королем Фессалоникским и императором Константинопольским. Два принца поклялись никогда больше не прислушиваться к вероломным советам и обнялись в присутствии армии, которая радовалась возвращению согласия, как радовалась бы великой победой, одержанной над

врагами империи. “Великое зло могли бы причинить те, - говорит Вильгардуэн, - кто возбудил этот раздор; ибо, если бы Бог не сжалился над крестоносцами, им грозила опасность потерять свои завоевания, и христианство могло бы погибнуть”.

Как только мир был восстановлен, рыцари и бароны снова покинули столицу, чтобы проехать по провинциям и усмирить непокорных. Граф Блуа, получивший Вифинию, отправил своих рыцарей через Босфор; войска крестоносцев получили ряд преимуществ перед войсками Ласкариса. Пенамена, Лопата, Никомедия и некоторые другие города открыли свои ворота завоевателям после слабого сопротивления. Латиняне подчинили своему владычеству все побережья Пропонтиды и Босфора, вплоть до древнего Эолиса. Генрих Эно не бездействовал в этой новой войне; пока воины графа Блуа продвигали свои завоевания к Ницце, он повел своих латников во Фригию, развернул свои победоносные знамена на равнинах, где когда-то стояла Троя, сражался одновременно с греками и турками на полях, по которым ходили армии Ксеркса и Александра, и овладел всей страной, простирающейся от Геллеспонта до горы Ида.

В то же время маркиз Монферратский, ныне миролюбивый хозяин Фессалоник, предпринял завоевание Греции.^[151] Он продвинулся в Фессалию, миновал цепь гор Олимп и Осса и овладел Лариссой. Бонифаций и его рыцари, не испытывая страха и опасности, прошли через узкий Фермопильский пролив и проникли в Беотию и Аттику. Они обратили в бегство Лео Сгурре, который был бичом обширной провинции; и их подвиги могли бы напомнить грекам о тех героях древних веков, которые путешествовали по миру, сражаясь с чудовищами и покоряя тиранов. Поскольку все греки, столь долгое время угнетенные, вздыхали о переменах, героев крестовых походов повсюду принимали как освободителей. В то время как Бонифаций овладевал прекрасными странами Греции, Жоффруа де Вильярдуэн, племянник маршала Шампани, установил власть латинян на Пелопоннесе. После того как он загнал войска Михаила Комнина в горы Эпира, он без боя занял Коронию и Патры и не встретил никакого сопротивления, за исключением кантона Лакедемония. Завоеванные земли и города были переданы баронам, которые присягнули на верность королю Фессалоникийскому и императору Константинопольскому.^[152] Затем Греция увидела владык Аргоса и Коринфа, великих сьеров Фив, герцогов Афин и принцев Ахайи. Французские рыцари диктовали законы в городе Агамемнон, в городе Минерва,^[153] в стране Ликурга и в стране Эпаминонда. Странная судьба у воинов этого крестового похода, которые покинули Запад, чтобы завоевать город и земли Иисуса Христа, и которых судьба привела в места, наполненные воспоминаниями о богах Гомера и славой мирской древности!

Крестоносцам не позволили долго радоваться своим завоеваниям. Обладатели империи, которую гораздо труднее сохранить, чем завоевать, они не имели возможности управлять судьбой, которая вскоре отняла у них все, что даровала победа. Они осуществляли свою власть с применением насилия и не примиряли ни своих подданных, ни соседей. Иоаннис, король болгар, отправил посла к Балдуину с предложениями дружбы; Балдуин ответил с большим высокомерием и пригрозил вынудить Джоанниса спуститься со своего узурпированного трона. Отнимая у греков их имущество, крестоносцы закрыли для себя все источники процветания и довели людей, которым они не оставили ничего, кроме жизни, до отчаяния. Чтобы восполнить меру своей неосторожности, они приняли в свои войска греков, к которым относились с презрением и которые стали их непримиримыми врагами. Не довольствуясь господством над городами, они желали подчинить сердца своей воле и пробудили фанатизм. Несправедливые

преследования приводили в ярость греческих священников, которые яростно выступали против тирании и которых, доведенных до нищеты, слушали как оракулов и почитали как мучеников.

Новая империя латинов, в которой были введены феодальные законы, была разделена на тысячу княжеств или владений и представляла собой не что иное, как разновидность республики, управлявшейся с большим трудом. Венецианцы обладали своей особой юрисдикцией, и большая часть городов по очереди регулировалась законодательством Венеции и кодексом феодализма. У лордов и баронов были между собой противоположные интересы и соперничество, которые каждый день могли привести к раздорам и гражданской войне. Латинские священнослужители, разделявшие добычу греческой церкви, своим примером вовсе не поддерживали мир, но переносили скандалы своих разногласий даже в святилище. Их постоянным желанием и стремлением было превознести законы и авторитет римского двора над законами и властью императоров. Многие из них узурпировали феоды баронов, и поскольку феоды, которыми они владели, были освобождены от военной службы, империя, таким образом, ослабла в своей естественной защите.

Восхитительный климат и богатства Греции, а также долгое пребывание в Константинополе ослабили мужество победителей и способствовали развращению воинов креста. Народы в конце концов перестали уважать власть и законы тех, чью мораль и манеры они презирали. Когда латиняне разделились, одни отправились в Грецию, а другие - в Малую Азию, греки, которые больше не видели больших армий и которые иногда с преимуществом сопротивлялись своим врагам, начали воображать, что воины Запада не были непобедимыми.

В своем отчаянии покоренный народ решил прибегнуть к оружию; и, оглядываясь вокруг в поисках врагов для крестоносцев, они умоляли царя болгар о союзе и защите. Был составлен широко распространенный заговор, в который вступили все, для кого рабство больше не было терпимым. Внезапно буря разразилась резней латинян; боевой клич разнесся от горы Хемус до Геллеспонта; крестоносцы, рассеянные по разным городам и странам, были застигнуты врасплох разъяренным и безжалостным врагом. Венецианцы и французы, охранявшие Адрианополь и Дидиматику, были не в состоянии противостоять множеству греков; некоторые были перебиты на улицах; другие в беспорядке отступили и, спасаясь бегством, с горечью смотрели, как их знамена сорваны с башен и заменены штандартами болгар. Дороги были покрыты беглыми воинами, которые не нашли убежища в стране, которая еще недавно трепетала от славы их оружия.

Каждый город, осажденный греками, не знал о судьбе других городов, вверенных защите латинян; сообщения были прерваны; в провинциях распространялись зловещие слухи, которые представляли столицу охваченной пламенем, все города отданными на разграбление, а все армии франков рассеянными или уничтоженными. Старые хроники, говоря о варварстве греков, также описывают ужас, охвативший некоторых баронов и рыцарей. Чувство опасности, похоже, заглушило в их сердцах все остальные чувства. В час опасности крестоносцы бросили своих товарищей по оружию, братья бросили братьев. Старый рыцарь Роберт де Трильс, который, несмотря на свои седые волосы, настоял на том, чтобы последовать за своим сыном в крестовый поход, был осажден греками в Филиппополе; город был окружен врагами, и у Роберта оставались лишь слабые надежды на безопасность. Даже в таких обстоятельствах его молитвы и слезы не смогли убедить ни его сына, ни зятя остаться с ним. Виллардуэн сообщает нам, что

эти воины-отступники были убиты во время своего бегства, ибо Бог не спас бы тех, кто отказался прийти на помощь собственному отцу.

Когда весть об этих бедствиях достигла Константинополя, Балдуин собрал графов и баронов; было решено применить самое быстрое средство от стольких бедствий и пустить в ход всю энергию империи, чтобы остановить развитие восстания. Крестоносцы, участвовавшие в военных экспедициях по другую сторону Босфора, получили приказ отказаться от своих завоеваний и немедленно вернуться под знамена основной армии. Балдуин ждал их несколько дней, но так как ему не терпелось начать войну и он хотел поразить врага быстротой своих действий, он выступил во главе рыцарей, оставшихся в столице, и через пять дней после своего отъезда предстал перед стенами Адрианополя.

Предводители крестового похода, привыкшие преодолевать любые препятствия, никогда не были остановлены ни малочисленностью их собственных солдат, ни многочисленностью их врагов. Столицу Фракии, окруженную неприступными валами, защищали сто тысяч греков, в которых жажда мести восполняла недостаток мужества. Болдуин собрал под свои знамена едва ли восемь тысяч человек. Вскоре прибыл венецианский дож с восемью тысячами венецианцев. Латинские беглецы стекались со всех концов, чтобы присоединиться к этой маленькой армии. Крестоносцы разбили свои палатки и приготовились к осаде города. Их приготовления продвигались медленно, и провизия начала подходить к концу, когда до них дошло известие о походе короля болгар. Джоаннис, вождь варварского народа, сам еще более варварский, чем его подданные, наступал с грозной армией. Он скрывал свои честолюбивые замыслы и жажду мести под маской религиозного рвения и велел нести перед собой знамя Святого Петра, полученное им от папы. Этот новый союзник греков хвастался тем, что возглавляет святое предприятие, и угрожал истребить франков, которых обвинял в том, что они приняли крест с целью опустошения провинций и разграбления городов христиан.

Королю болгар предшествовал в его походе многочисленный отряд татар и команчей, которых надежда пограбить привлекла с гор и лесов близ берегов Дуная и Борисфена. Команчи, более свирепые, чем народы горы Хемус, пили, как говорили, кровь своих пленников и приносили в жертву христиан на алтарях своих идолов. Подобно воинам Скифии, привыкшим сражаться на лету, татарские всадники получили приказ от Иоанниса спровоцировать врага даже в их лагере и попытаться заманить тяжелую кавалерию франков в засаду. Бароны знали об этой опасности и запретили крестоносцам покидать свои палатки или выходить за пределы своих укреплений. Но таков был характер французских воинов, что благоразумие в их глазах лишало доблесть всего ее блеска, и казалось позорным уклоняться от боя в присутствии врага и под насмешки.

Едва татары появились вблизи лагеря, как вид их заставил даже самих вождей забыть приказы, которые они отдали только накануне вечером. Император и граф Блуа вылетели навстречу врагу, обратили его в бегство и яростно преследовали на протяжении двух лье. Но внезапно татары сплотились и, в свою очередь, атаковали христиан. Последние, полагавшие, что одержали победу, были вынуждены защищаться в стране, с которой они не были знакомы. Их эскадроны, измученные усталостью, были застигнуты врасплох и окружены армией Иоанниса; теснимые со всех сторон, они предпринимали бесполезные попытки восстановить свой боевой порядок, но не имели сил ни бежать, ни сопротивляться варварам.

Граф Блуа пытался исправить свою роковую неосторожность чудес храбрости; когда, тяжело раненный, он был сброшен с лошади в ряды противника, один из его рыцарей поднял его и

хотел вывести из схватки: “Нет, ” воскликнул этот храбрый принц, “ предоставьте мне сражаться и умереть. Не дай Бог, меня когда-нибудь упрекнут в том, что я бежал с поля боя”. Едва он закончил эти слова, как граф Блуа упал, покрытый ранами, а его верный оруженосец скончался рядом с ним.

Император Балдуин все еще оспаривал победу; самые храбрые из его рыцарей и баронов последовали за ним в схватку, и ужасная резня ознаменовала их продвижение сквозь ряды варваров. Петр, епископ Вифлеемский, Стефан, граф Першский, Рено де Монмирайль, Матье де Валенкур, Робер де Ронсаи и толпа лордов и доблестных воинов отдали свои жизни, защищая своего государя. Болдуин остался почти один на поле битвы и все еще продолжал храбро сражаться; но в конце концов, побежденный численностью, он попал в руки болгар, которые заковали его в цепи. Остатки армии отступили в величайшем беспорядке и были обязаны своей безопасностью только предусмотрительной храбрости дожа Венеции и маршала Шампани, которые были оставлены охранять лагерь.

В ночь, последовавшую за битвой, крестоносцы сняли осаду Адрианополя и, преодолевая тысячи опасностей, отвоевали путь к столице. Болгары и команчи, гордые своей победой, без перерыва преследовали завоеванную ими армию; эта армия, потерявшая половину своей численности, испытывала большую нехватку провизии и с большим трудом тащила раненых и поклажу. Крестоносцы погрузились в меланхолическое молчание, их отчаяние было очевидно в их действиях и на их лицах. В Родосто они встретили Генриха Энольт-ского и нескольких других рыцарей, которые направлялись из провинций Азии, чтобы присоединиться к адрианопольской армии. Отступающие вожди со слезами рассказывали о своем поражении и пленении Болдуина. Все эти воины, которые не знали, что значит быть побежденными, сразу выразили свое изумление и свою скорбь; они смешали свои стенания и слезы и подняли руки и глаза к небу, моля о божественном милосердии. Крестоносцы, вернувшиеся с берегов Босфора, обратились к маршалу Румынии и, плача, сказали ему: “Прикажи нам туда, где существует наибольшая опасность, ибо мы больше не хотим жить: разве мы недостаточно несчастны из-за того, что не пришли вовремя на помощь нашему императору?” Таким образом, рыцари креста, хотя их и преследовал победоносный враг, все еще были чужды страха; горе, вызванное воспоминанием об их поражении, едва ли позволяло им осознавать опасности, которые им угрожали.

Однако не все крестоносцы проявили такую благородную степень мужества; многие рыцари^[154] которых Виллардуэн не желает называть имен, чтобы не опозорить их память, побросали знамена армии и бежали в Константинополь; они рассказали о бедствиях крестоносцев и, чтобы оправдать свое дезертирство, нарисовали прискорбную картину. картина несчастий, угрожавших империи. Все франки были охвачены горем и ужасом, узнав, что у них больше нет императора. Греки, населявшие столицу, втайне аплодировали триумфу болгар, и их плохо скрываемая радость еще больше усилила тревогу латинян. Множество рыцарей, побежденных столькими неудачами, не видели иного спасения, кроме бегства, и поспешно погрузились на борт венецианских судов. Напрасно папский легат и несколько военачальников пытались задержать их, угрожая гневом Божьим и презрением людей: они отреклись от собственной славы; они оставили империю, основанную их оружием, и

отправились объявить о пленении Балдуина в городах Запада, где все еще праздновались первые победы крестоносцев.

Тем временем Джоаннис продолжал преследовать побежденную армию. Греки, объединившись с болгарами, овладели всеми провинциями и не оставили латинянам покоя. Среди бедствий, о которых современная история оставила нам прискорбный отчет, мы не должны забывать о резне двадцати тысяч армян. Эта многочисленная колония покинула берега Евфрата и обосновалась в провинции Натолия. После завоевания Константинополя они перешли на сторону латинян, и когда последние потерпели неудачу, обнаружив, что греки угрожают им и преследуют их, они пересекли Босфор и последовали за Генрихом Эно, который направлялся к Адрианополю. Армяне взяли с собой свои стада и семьи: они погрузили в повозки все самое ценное, что у них было, и им было очень трудно во время своего марша через горы Фракии не отставать от армии крестоносцев. Эти несчастные люди были застигнуты татарами врасплох и все до единого погибли от мечей безжалостного завоевателя. Франки оплакивали поражение и гибель армян, не имея возможности отомстить за них: у них не было ничего, кроме врагов во всех обширных провинциях империи. За Босфором сохранился только замок Пежес: с европейской стороны - только Родосто и Селембрия. Болгары еще не угрожали их завоеваниям в Древней Греции, но эти отдаленные владения лишь разделяли их силы. Генрих Эно, принявший титул регента, проявил чудеса доблести, пытаясь отвоевать несколько городов Фракии; и потерял в различных сражениях большое количество воинов, оставшихся под его знаменами.

Епископ Суассонский и некоторые другие крестоносцы, обремененные доверием своих несчастных товарищей по оружию, были отправлены в Италию, Францию и графство Фландрия просить помощи у рыцарей и баронов, но помощь, на которую они надеялись, могла прибывать лишь медленно, и враг продолжал быстро продвигаться вперед. Армия болгар, подобно яростной буре, надвигалась со всех сторон; она опустошила берега Геллеспонта, распространила свои опустошительные действия на Фессалоникийское королевство, снова перешла гору Хемус и вернулась, более многочисленная и грозная, чем когда-либо, на берега Гебра. У латинской империи не было других защитников, кроме нескольких воинов, разбросанных по различным городам и крепостям, и каждый день войны и дезертирство уменьшали численность и силу неудачливых завоевателей Византии. Пятьсот рыцарей, отборных воинов армии крестоносцев, были атакованы у стен Русиума и изрублены на куски бесчисленным множеством болгар и команчей. Это поражение было не менее роковым, чем битва при Адрианополе; орды с горы Хемус и Борисфена наводили ужас повсюду. Когда они проходили мимо, страна была объята пламенем, а города не давали ни убежища, ни средств защиты. Земля была покрыта солдатами, которые убивали всех, кто попадался им на пути; море было покрыто пиратами, которые угрожали каждому побережью своим разбоем. Константинополь каждый день ожидал увидеть под своими стенами знамена победоносной Иоанницы и был обязан своей безопасностью только избытку зла, опустошившего все провинции империи.

Царь болгар щадил своих союзников не больше, чем своих врагов; он сжигал и разрушал все города, которые попадали в его руки. Он разорял жителей, тащил их за собой, как пленников, и заставлял их подвергаться, в дополнение к бедствиям войны, всем безобразиям ревнивой и

варварской тирании. Греки, которые просили его о помощи, в конце концов были вынуждены обратиться за помощью к латинянам против неумолимой ярости своих союзников. Крестоносцы с радостью приняли союз с греками, которым они никогда не должны были давать отпор, и снова вошли в Адрианополь. Дидиматика и большинство городов Румынии сбросили невыносимое иго болгар и подчинились латинянам. Греки, которых Иоаннида довела до отчаяния, проявили некоторую храбрость и стали полезными помощниками латинян; и новая империя могла бы надеяться на возвращение дней процветания и славы, если бы так много бедствий можно было исправить несколькими временными успехами. Но все провинции были покрыты руинами, а города и страны остались без жителей. Орды с горы Хемус, победоносные или покоренные, все еще продолжали свои хищнические привычки. Они легко оправились от своих потерь; потери франков с каждым днем становились все более невосполнимыми. Вождь болгар повсюду искал врагов новой империи; и, будучи покинут румынскими греками, он заключил союз с Ласкарисом, непримиримым врагом латинян.

Тщетно папа призывал народы Франции и Италии взяться за оружие для помощи завоевателям Византии; он не мог пробудить в них энтузиазма по отношению к делу, которое не представляло для его защитников ничего, кроме определенного зла и опасностей, не приносящих славы.

Среди опасностей, которые продолжали множиться, крестоносцы оставались в совершенном неведении о судьбе Балдуина; иногда говорили, что он разорвал свои оковы и его видели бродящим в лесах Сербии;^[155] иногда, что он умер от горя в тюрьме; иногда, что он был убит посреди банкета королем болгар; что его изуродованные члены были выброшены на скалы и что его череп, оправленный в золото, служил чашей для его варварского завоевателя. Несколько гонцов, посланных Генрихом Эно, объехали города Болгарии, чтобы узнать о судьбе Балдуина, но вернулись в Константинополь, так и не сумев ничего выяснить. Через год после битвы при Адрианополе папа по настоянию крестоносцев заклинал Иоанницу вернуть византийским латинянам главу их новой империи. Король болгар удовлетворился ответом, что Болдуин заплатил дань природе и что его освобождение больше не во власти смертных. Этот ответ разрушил все надежды снова увидеть заключенного монарха, и латиняне больше не сомневались в смерти своего императора. Генрих Энольский принял прискорбное наследство своего брата со слезами и глубоким сожалением и унаследовал империю среди всеобщего траура и скорби. В довершение своих несчастий латинянам пришлось оплакивать потерю Дандоло, который закончил свою славную карьеру в Константинополе и последний взгляд которого, должно быть, свидетельствовал о быстром упадке основанной им империи.^[156] Большая часть крестоносцев либо погибла в битве, либо вернулась на Запад. Бонифаций во время похода против родопских болгар получил смертельную рану, и его голову с триумфом отнесли свирепой Иоаннице, которая уже принесла монарха в жертву своему честолюбию и мести. Наследование престола Бонифация породило серьезные споры среди крестоносцев, и королевство Фессалоники, которое за время своего короткого существования продемонстрировало некоторое величие, исчезло среди неразберихи и бурь гражданской и иностранной войн. В брате и преемнике Балдуина были соединены гражданские и военные добродетели; но он едва ли мог надеяться восстановить власть, столь пошатнувшуюся со всех сторон.

У меня не хватает смелости продолжить эту историю и описать латинян во всей их крайней униженности и нищете. Начиная свое повествование, я сказал: *“Зло побежденным”*; заканчивая его, я не могу удержаться от слов: *“Зло победителям”*.

Старая империя, которая распадается, новая империя, готовая погрузиться в руины, - таковы картины, которые представляет нам этот крестовый поход; никогда ни одна эпоха не предлагала больших подвигов, вызывающих восхищение, или больших неприятностей, вызывающих сочувствие. Среди этих великолепных и трагических сцен воображение возбуждается самым живым образом и переходит, не переставая, от удивления к удивлению. Сначала мы были поражены, увидев тридцатитысячную армию, отправившуюся завоевывать страну, которая могла рассчитывать на многие миллионы защитников; буря, эпидемическая болезнь, нехватка провизии, разобщенность среди вождей, нерешительное сражение - все или что-либо из этого могло погубить армию крестоносцев и привести к провалу их предприятия. По неслыханной удаче, с ними не случилось ничего из того, чего они должны были бояться. Они одержали победу над всеми опасностями и преодолели все препятствия: не имея никакой партии среди греков, они овладели своей столицей и провинциями; и в тот момент, когда они увидели, что повсюду вокруг них развеваются их знамена, удача покинула их и началось их разорение. Это великий урок, данный народам Провидением, которое иногда использует завоевателей для наказания как людей, так и правителей, а затем, по своему усмотрению, уничтожает орудие своего правосудия! Нет сомнения, что Провидение, которое защищает империи, не допустит безнаказанного разрушения великих государств; и чтобы сдержать тех, кто желает завоевать все силой оружия, оно постановило, что победа иногда не принесет ничего, кроме очень горьких плодов.

Греки, выродившаяся нация, не почитали свои несчастья добродетелью; у них не было ни достаточного мужества, чтобы предотвратить неудачи войны, ни достаточной покорности, чтобы поддержать их. Доведенные до отчаяния, они проявляли некоторую отвагу; но эта отвага была опрометчивой и слепой; она ввергала их в новые бедствия и доставляла им хозяев, гораздо более варварских, чем те, чье иго они так стремились сбросить. У них не было лидера, способного управлять ими; не было чувства патриотизма, достаточно сильного, чтобы сплотить их: прискорбный пример нации, предоставленной самой себе, утратившей свою мораль и не доверяющей своим законам или своему правительству!

Франки имели точно такие же преимущества перед своими врагами, какие северные варвары имели перед римлянами Нижней империи. В этом ужасном конфликте простота нравов, стремление нового народа к цивилизации, страсть к грабежу и гордость победой, несомненно, возобладали над любовью к роскоши, привычками, сформировавшимися среди разврата, и тщеславием, которое придает значение самым легкомысленным вещам и сохраняет лишь безвкусное подобие истинного величия.

Описанных нами событий, несомненно, достаточно, чтобы познакомить нас с нравами и интеллектуальными способностями греков и латинян. Однако два историка, которые служили нам проводниками, могут даже своим стилем и характером своих работ дополнить сложившееся у нас представление о гении двух рас.

Грек Никита долго сокрушается о несчастьях побежденных; он с горечью сожалеет об утрате памятников, статуй, богатств, которые служили роскоши его соотечественников. Его рассказы, полные преувеличений и гипербол, пересыпанные повсюду отрывками из Священных Писаний и нечестивых авторов, почти всегда отступают от благородной простоты истории и лишь демонстрируют тщеславное притворство учености. Никита, в избытке своего тщеславия,^[157] не решается произнести имена даже франков и воображает, что налагает на них наказание,

сохраняя молчание относительно их подвигов; когда он описывает несчастья империи, он может только плакать и сокрушаться; но, сокрушаясь, он все еще стремится понравиться, и похоже, его книга интересует гораздо больше, чем его страна.

Маркиз Шампанский не кичится своей эрудицией, но даже, кажется, гордится своим невежеством. Говорили, что он не умел писать, и он сам признается, что диктовал свою историю. Его повествование, лишенное всякого исследовательского духа, но живое и одушевленное, постоянно напоминает язык и благородную откровенность *преукс-шевалье*. Виллардуэн особенно преуспевает в речах своих героев и с удовольствием восхваляет храбрость своих товарищей: если он никогда не называет имен греческих воинов, то это потому, что он не знал их и не хотел знать. Маршал Шампани не подвержен влиянию бедствий войны и лишь возвышает свой стиль, изображая черты героизма; один только энтузиазм победы может вызвать у него слезы. Когда латиняне терпели великие поражения, он не мог плакать, он молчал; и было ясно видно, что он отложил свою книгу, чтобы идти сражаться.^[158]

Есть еще один современный историк, характер которого также может помочь нам составить суждение о эпохе, в которую он жил, и о событиях, которые он описал. Гюнтер, монах ордена Сито, писавший под диктовку Мартина Литца, подробно рассказывает о проповедях крестового похода и о добродетелях своего настоятеля, который поставил себя во главе крестоносцев епархии Бале. Когда христианская армия направляется к столице греческой империи, Гюнтер вспоминает приказ папы и замолкает; если он скажет нам несколько слов о второй осаде Константинополя, он не сможет скрыть ужаса, который вызывает в нем это опрометчивое предприятие. В его рассказе доблесть крестоносцев едва ли заслуживает скромного восхваления; воображение историка поражено только трудностями и опасностями экспедиции; исполненный самых зловещих предчувствий, он постоянно повторяет, что у латинян нет надежды на успех. Когда они торжествуют, его страх сразу сменяется восхищением. Монах Гюнтер с энтузиазмом празднует неожиданный успех завоевателей Византии, среди которых он никогда не упускает из виду своего аббата Мартина Литца, нагруженного благочестивой добычей Греции.

Читая три истории, написанные одновременно с походом на Константинополь, мы ясно видим, что первая принадлежит греку, воспитанному при византийском дворе, вторая - французскому рыцарю, а третья - монаху. Если два первых историка своей манерой письма и выражаемыми ими чувствами дают нам правильное представление о греческой нации и героях Запада, то последний может также объяснить нам мнения и характер большей части тех крестоносцев, которые постоянно угрожали бросить армию после того, как она покинула Венецию, и которые, возможно, помнили о данной ими клятве отправиться в Святую Землю только потому, что одно название Константинополя вселяло в них ужас. Как можно ясно видеть, в христианской армии было очень мало таких робких крестоносцев, и даже ими руководил общий дух, который воодушевлял рыцарей и баронов. Другие крестовые походы проповедовались на соборах, этот крестовый поход провозглашался на турнирах; таким образом, большая часть крестоносцев оказалась более верной добродетелям и законам рыцарства, чем воле Святого Престола. Эти воины, такие гордые и отважные, были полны уважения к авторитету и суждениям папы; но, движимые честью, поставленной между их первыми обетами и словом, данным венецианцам, они часто клялись освободить Иерусалим, и их, не задумываясь об этом, вели к стенам Константинополя. Вооруженные, чтобы отомстить за дело Христа, они подчинились амбициям

Венеции, к республике которой, как они считали, были привязаны благодарностью, и свергли Константинопольский престол, чтобы выплатить долг в пятьдесят тысяч марок серебром.

Рыцарский дух, одна из характерных черт этой войны и эпохи, в которую она велась, поддерживал в сердцах крестоносцев честолюбие и любовь к славе. На заре рыцарства рыцари объявляли себя защитниками красоты и невинности; сначала к ним обращались за справедливостью в отношении оскорблений и грабежей; но вскоре принцы и принцессы, силой лишенные своих прав, стали требовать от них возвращения провинций и королевств. Тогда поборники несчастья и красоты стали прославленными освободителями и истинными завоевателями.

В то самое время, когда молодой принц пришел умолять крестоносцев помочь ему заменить своего отца на константинопольском троне, молодая принцесса, дочь Исаака, короля Кипра, ограбленного Ричардом Львиным, отправилась в Марсель, чтобы заручиться поддержкой крестоносцев, которые направлялись в Палестину. Она вышла замуж за фламандского рыцаря и поручила ему вернуть королевство ее отца. Этот фламандский рыцарь, имя которого история не упоминает, но который принадлежал к семье графа Болдуина, когда он прибыл на Восток, обратился к королю Иерусалима и потребовал от него Кипрского королевства; его требование было поддержано шатленом Брюгге и большей частью его товарищей, принявших крест. Амор, получивший от папы римского и императора Германии титул короля Кипра, отнюдь не уступая подобным притязаниям, приказал фламандскому рыцарю Джону Несльскому и их спутникам покинуть его владения. Рыцари, принявшие сторону дочери Исаака, отказались от идеи вернуть Кипрское королевство и, не останавливаясь в Святой Земле, направили свои стопы к берегам Евфрата и Оронта в поисках других стран для завоевания.

Прежде чем возник вопрос о нападении на Константинополь, мы видели, как дочь Танкреда, последнего короля Сицилии, вышла замуж за французского рыцаря и возложила на него обязанность отомстить за свою семью и заявить свои права на королевство, основанное нормандскими рыцарями. Готье де Бриенн после женитьбы отправился в Италию, получив тысячу *турских* ливров и в сопровождении шестидесяти рыцарей. Получив в Риме благословение папы римского, он объявил войну немцам, в то время владевшим Апулией и Сицилией; овладел главными крепостями,^[159] и, казалось, собирался мирно наслаждаться плодами своих побед, когда был застигнут врасплох в своей палатке и пал, покрытый ранами, в руки своих врагов. Ему предложили свободу при условии отказа от притязаний на корону Сицилии; но он предпочел свободе титул короля и позволил себе скорее умереть с голоду, чем отказаться от своих прав на королевство, дарованных ему победой.

Этот дух завоевания, который казался столь распространенным среди рыцарей, мог бы способствовать походу на Константинополь; но он наносил ущерб священной войне, отвлекая крестоносцев от основной цели крестового похода. Герои этой войны ничего не сделали для освобождения Иерусалима, о чем они постоянно говорили в своих письмах папе римскому. Завоевание Византии, весьма далекое от того, чтобы быть, как полагали рыцари, дорогой в страну Христа, было всего лишь новым препятствием для взятия святого города; их неосторожные подвиги подвергли христианские колонии еще большей опасности и закончились лишь полным ниспровержением, не заменив ее, силы, которая могла бы послужить преградой против сарацин.

Венецианцы умело воспользовались таким расположением французских рыцарей; Венеции удалось заглушить голос верховного понтифика, который часто давал крестоносцам советы, продиктованные духом Евангелия. Республика оказала наибольшее влияние на события этой войны и на умы баронов и рыцарей, которые поочередно позволяли управлять собой чувствам чести и желанию завоевать богатые владения, и, таким образом, демонстрировали во всем своем поведении непоследовательную смесь великодушия и скупости.

Стремление обогатиться за счет победы особенно не имело границ, когда крестоносцы однажды увидели Константинополь; честолюбие заняло место в их сердцах всех великодушных чувств и не оставило ничего от того энтузиазма, который был движущим принципом других крестовых походов. Никакое чудо, никакое чудесное явление не могло поддержать или стимулировать доблесть рыцарей, которым было вполне достаточно указать на богатство Греции. В предыдущих крестовых походах епископы и духовенство обещали воюющим индульгенции Церкви и вечную жизнь; но в этой войне, поскольку крестоносцы навлекли на себя неудовольствие главы верующих, их не могла поддержать в их опасностях надежда на мученическую смерть; и лидеры, которые были знакомы с духом, воодушевлявшим их последователей, удовлетворились тем, что предложили определенную сумму денег солдату, который первым взойдет на крепостные стены Константинополя. Когда они разграбили город, рыцари, бароны и солдаты воскликнули, опьяненные радостью: *"Такой богатой добычи не видели со времен сотворения мира!"*

Мы уже отмечали, что при завоевании провинций каждый рыцарь желал получить княжество; каждый граф, каждый сеньор желал королевства; само духовенство не было освобождено от этого честолюбия и часто жаловалось папе на то, что ему не оказали благосклонности при разделе добычи греческой империи.

Чтобы в нескольких слов резюмировать наше мнение о событиях и последствиях этого крестового похода, мы должны сказать, что дух рыцарства и завоевания поначалу породили чудеса; но их было недостаточно, чтобы удержать крестоносцев в их владениях. Этот дух завоевания, доведенный до крайности, не позволял им задуматься о том, что среди величайших триумфов есть момент, когда победа и сила сами по себе бессильны, если благоразумие и мудрость не приходят на помощь доблести.

Франкам, их предкам, которые отправились с Севера, чтобы вторгнуться в богатейшие провинции Римской империи, больше помогала удача, но в особенности их собственный гений. Уважая обычаи стран, покорившихся их оружию, они видели в побежденных только сограждан и сторонников своей собственной власти; они не создавали чужую нацию среди народов, которые они опустошили своими победами. Крестоносцы, напротив, проявляли глубокое презрение к грекам, союза и поддержки которых им следовало бы с нетерпением искать; они хотели изменить нравы и мнения — задача гораздо более трудная, чем завоевание империи, — и встретились с врагами только в стране, которая могла бы предоставить им полезных союзников.

Мы можем добавить, что политика Святого Престола, которая поначалу была направлена на то, чтобы отвлечь латинских воинов от похода на Константинополь, стала, в конце концов, одним из величайших препятствий на пути сохранения их завоеваний. Графы и бароны, которые упрекали себя в том, что не подчинились верховному понтифику, в конце концов скрупулезно выполнили его инструкции добиться своим оружием подчинения греческой церкви - единственного

условия, при котором святой отец простил бы войну, начатую вопреки его приказам. Чтобы получить его прощение и одобрение, они применили насилие против раскола и ереси и потеряли свою победу, пытаясь оправдать ее в глазах суверенного понтифика. Сам папа римский не получил того, чего он так страстно желал. Союз греческой и римской церквей никак не мог быть осуществлен среди ужасов победы и бедствий войны; оружие победителей имело меньше силы, чем анафемы Церкви, вернуть греков к поклонению латинянам. Насилие только раздражало умы людей и довершало разрыв, вместо того чтобы положить ему конец. Воспоминание о преследованиях и бесчинствах, взаимное презрение, непримиримая ненависть возникли и укоренились между двумя вероучениями и разделили их навсегда.

История не может подтвердить, что этот крестовый поход привел к большому прогрессу в цивилизации Европы. Греки сохранили юриспруденцию Юстиниана; империя обладала мудрыми правилами взимания податей и управления государственными доходами; но латиняне пренебрегали этими памятниками человеческой мудрости и многовекового опыта; они не желали ничего, чем обладали греки, кроме их территорий и богатств. Большинство рыцарей гордились своим невежеством и среди трофеев Константинополя не придавали никакого значения хитроумным произведениям Греции. Среди пожаров, охвативших особняки и дворцы столицы, они с безразличием взирали на большие и ценные библиотеки, преданные огню. Однако следует признать, что во время этих великих бедствий Музам не пришлось оплакивать потерю ни одного из шедевров, которые они вдохновили. Если завоеватели не умели ценить сокровища гения, то это богатое месторождение не должно было быть потеряно для их потомков. Все книги древности, которые были известны во времена Евстафия [750 г. н.э., пер.] и из которых этот ученый философ составил номенклатуру за несколько столетий до пятого крестового похода, обогатили Францию и Италию благодаря возрождению письменности.

Мы можем добавить, что необходимость общения как для завоевателей, так и для побежденных, должно быть, способствовала распространению латинского языка среди греков, а греков - среди латинян.[160] Народ Греции был вынужден выучить язык римского духовенства, чтобы обнародовать свои прошения и жалобы; священнослужители, которым папа поручил обратить греков, не могли обойтись без изучения языка Платона и Демосфена, чтобы научить учеников Фотия истинам римско-католической религии.

Мы говорили об уничтожении шедевров скульптуры; тем не менее мы должны признать, что некоторые из них избежали варварства завоевателей. Венецианцы, более просвещенные, чем другие крестоносцы, и родившиеся в городе, построенном и украшенном искусством, перевезли несколько памятников Византии в Италию. Четыре бронзовых коня,[161] которые во время переворотов империй перешли из Греции в Рим, из Рима в Константинополь, были отправлены для украшения площади Святого Марка: много веков спустя после этого крестового похода они были обречены быть унесенными из Венеции, в свою очередь захваченной победоносными армиями, и снова вернуться к берегам Адриатики, как вечные военные трофеи и верные спутники победы.

Крестоносцы также воспользовались несколькими полезными изобретениями и передали их своим соотечественникам; а поля и сады Италии и Франции обогатились некоторыми растениями, до того времени неизвестными на Западе. Бонифаций отправил в свой маркизат несколько семян кукурузы, которые никогда ранее не выращивались в Италии: публичный документ, который сохранился до сих пор, свидетельствует о благодарности жителей

Монферрата. Магистраты приняли невинные плоды победы с великой торжественностью и на своих алтарях воззвали к благословению греческого продукта, который в один прекрасный день станет богатством равнин Италии.[162]

Фландрия, Шампань и большинство провинций Франции, которые послали своих самых храбрых воинов в крестовый поход, напрасно растратили свое население и свои сокровища на завоевание Византии. Мы можем сказать, что наши бесстрашные предки ничего не выиграли в этой замечательной войне, кроме славы за то, что на мгновение дали хозяев Константинополю и владык Греции. И все же эти далекие завоевания и эта новая империя, которая привлекла из Франции своих мятежных и честолюбивых князей, должны были быть благоприятны французской монархии. Филипп Август, должно быть, был доволен отсутствием крупных вассалов короны и имел основания с радостью узнать, что граф Фландрии, беспокойный сосед и не очень покорный вассал, получил империю на Востоке. Французская монархия, таким образом, извлекла некоторую выгоду из этого крестового похода, но Венецианская республика извлекла из него гораздо больше пользы.

Эта республика, население которой едва составляло двести тысяч душ и которая, во-первых, не имела возможности добиться уважения своей власти на континенте, использовала оружие крестоносцев для покорения городов, владычицей которых без их помощи она никогда не смогла бы стать. Завоеванием Константинополя она расширила свой кредит и торговлю на Востоке и подчинила своим законам некоторые из богатейших владений греческих императоров. Она укрепила репутацию своего военно-морского флота и возвысила себя над всеми морскими державами Европы. Венецианцы, хотя и сражались под знаменами креста, никогда не пренебрегали интересами или славой своей собственной страны, в то время как французские рыцари едва ли когда-либо сражались ради какой-либо цели, кроме личной славы и своих собственных амбиций. Венецианская республика, привыкшая подсчитывать выгоды и издержки войны, немедленно отказалась от всех завоеваний, сохранение которых могло стать обременительным, и от своих новых владений на Востоке, сохранив только те, которые она сочла необходимыми для процветания своей торговли или содержания своего морского флота. Через три года после взятия Константинополя венецианский сенат издал эдикт, которым разрешал любому гражданину завоевывать острова Архипелага, передавая им в собственность все страны, которые они могли покорить. После этого вскоре появились принцы Наксоса, герцоги Пароса и владыки Миконы, как прежде были герцоги Афин, владыки Фив и князья Ахайи; но эти герцоги и принцы были всего лишь вассалами республики. Таким образом, Венеция, более удачливая, чем Франция, поставила доблесть и честолюбие своих граждан в зависимость от своих интересов.

ШЕСТОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1200-1215 гг. н. э.

В предыдущих книгах перед нашими глазами предстало впечатляющее зрелище падения старой империи и возвышения и быстрого упадка новой. Воображение человека любит останавливаться на руинах, и даже самые кровавые катастрофы рисуют ему в высшей степени привлекательные картины. У нас есть основания опасаться, что наше повествование вызовет меньший интерес, пробудит меньшее любопытство, когда после великих революций, которые мы описали, нашим долгом будет обратить наше внимание на маленькие государства, основанные христианами в Сирии, для безопасности которых народы Запада постоянно призывались оказывать военную помощь.

В наши дни нам очень трудно понять тот энтузиазм, который воодушевлял все слои общества в связи с освобождением святых мест, или тот мощный интерес, который направил мысли всех к странам, почти забытым современной Европой.^[163] В разгар крестовых походов взятие города Иудеи вызывало больше радости, чем взятие Византии; и Иерусалим был более дорог христианам Запада, чем их собственная страна. Этот энтузиазм, о котором наше безразличие едва ли может составить представление, затрудняет задачу историка и заставляет его часто колебаться в выборе событий, которые история должна зафиксировать: когда изменились мнения, вместе с ними изменилось и все: сама слава утратила свое величие, и то, что казалось великим в глазах людей, кажется лишь фантастикой или пошлостью; исторические эпохи наших летописей стали объектами нашего самого полновластного презрения; и когда, без должной ссылки на эпохи священных войн, мы хотим предоставить эти экстраординарные предприятия подсчетам ученых. поэтому мы похожи на тех современных путешественников, которые нашли всего лишь мелкий ручеек на месте знаменитого Скамандра, который воображение древних, а еще больше муза Гомера, превратили в величественную реку.

Но если у нас больше не будет задачи описывать революции и падения империй, эпоха, картину которой мы собираемся проследить, все равно представит нам слишком много тех великих бедствий, которыми человеческая жизнь снабжает историю: в то время как Греция была жертвой всех разрушительных войн, самые жестокие бедствия опустошили и Египет, и Сирию.

Нил приостановил свое обычное течение, и ему не удалось выйти из берегов и обеспечить обильный урожай. Последний год этого столетия (1200 год) заявил о себе, говорит арабский автор, подобно чудовищу, ярость которого угрожала поглотить все. Когда начал ощущаться голод, люди были вынуждены питаться травой на полях и экскрементами животных,^[164] бедняки разгромили кладбища и оспаривали у червей добычу в виде гробов. Когда это ужасное бедствие стало более повсеместным, население городов и деревень, словно преследуемое безжалостным врагом, в отчаянии бежало из своих домов и наугад скиталось из города в город, из деревни в деревню, повсюду встречаясь со злом, которого они хотели избежать; ни в одном населенном месте они не могли ступить и шага, не будучи пораженными видом разлагающегося трупа или какого-нибудь несчастного, находящегося на грани смерти.

Самым ужасным последствием этого всеобщего бедствия было то, что нехватка пищи породила величайшие преступления и сделала каждого человека врагом своих собратьев. В начале массового голода выражался большой ужас по поводу того, что некоторые были вынуждены питаться человеческим мясом, но случаи столь громкого скандала участились с такой

быстротой, что вскоре о нем заговорили с безразличием. Люди, борющиеся с голодом, который щадил богатых не больше, чем бедных, больше не были чувствительны к жалости, стыду или раскаянию, и их не сдерживали ни уважение к законам, ни страх наказания. В конце концов они пришли, чтобы пожирать друг друга, как дикие звери. В Каире тридцать женщин за один день погибли на костре, признанные виновными в убийстве и поедании собственных детей. Историк Абдаллатиф рассказывает о множестве варварских и чудовищных происшествий, от которых кровь стынет в жилах от ужаса, и которым мы не дадим места в нашей истории, опасаясь быть обвиненными в клевете на человеческую природу.

Вскоре к разрушениям голода добавилась чума. Как гласит современная история, только Богу известно количество тех, кто умер от голода и болезней. В столице Египта за несколько месяцев состоялось сто одиннадцать тысяч похорон. В конце концов оказалось невозможным хоронить мертвых, и перепуганные выжившие были вынуждены довольствоваться тем, что сбрасывали их с крепостных валов. Такая же смертность наблюдалась в Дамiette, Кусе и Александрии. Это было в период посева, когда чума была в самом разгаре; те, кто посеял семя, были уже не теми, кто вспахивал землю, и те, кто посеял, жили не для того, чтобы собрать урожай. Деревни были пустынные и напоминали путешественникам слова Корана: *“Мы всех их истребили; был услышан один крик, и все погибли”*. Мертвых тел, плававших по Нилу, было так же много, как луковичных растений, которые в определенное время года покрывают воды этой реки. Один рыбак насчитал более четырехсот проходивших перед его глазами за один день; повсюду встречались груды человеческих костей; дороги, по выражению арабских писателей, *“Были подобны полю, усеянному мертвыми телами, а самые густонаселенные провинции были как пиршественный зал для хищных птиц”*.

Египет потерял более миллиона своих жителей; голод и чума ощущались даже в Сирии, и христианские города страдали наравне с мусульманскими. От берегов Красного моря до берегов Евфрата и Оронта вся страна представляла собой одну картину запустения и траура. Как будто гнев Небес не был удовлетворен, вскоре в черед других последовало третье бедствие, не менее ужасное. Сильное землетрясение опустошило города и провинции, которые пощадили голод и чума; [165] толчки напоминали движение сита или то, которое совершает птица, когда поднимает и опускает крылья. Поднятие уровня моря и волнение волн представляли собой ужасный вид; корабли внезапно отнесло далеко к суше, и множество рыбы покрыло берег; высоты на Либане открылись и во многих местах затонули. Народы Сирии и Египта верили, что это землетрясение должно предшествовать судному дню. Многие населенные пункты полностью исчезли; погибло огромное количество людей; крепости Хамат, Барин и Бальбек были разрушены; единственной уцелевшей частью города Наплуза была улица самаритян; в Дамаске были разрушены все самые великолепные здания; в городе Тире уцелело всего несколько домов, а крепостные стены Птолемаиды и Триполи представляли собой не что иное, как груды развалин. Толчки ощущались с меньшей силой на территории Иерусалима, и во время общего бедствия как христиане, так и мусульмане возблагодарили Небеса за то, что они пощадили в своем гневe город пророков и чудес.

Такие ужасные бедствия должны были привести к соблюдению договоров, заключенных между баронами и неверными. Во время пятого крестового похода верховный понтифик убеждал христиан воспользоваться этими тяжелыми днями для вторжения в мусульманские провинции Сирии и Египта: но если бы совету папы последовали, если бы христианская армия, покинув Венецию, направила свой марш в страны, опустошенные эпидемией и голодом, наиболее

вероятно, что победители и побежденные погибли бы вместе. В тот период смерть, подобно грозному стражу, охраняла все границы христиан и мусульман. Все бичи природы стали грозными стражами провинций и защищали подходы и въезды в города лучше, чем это могли бы сделать величайшие армии.

Христианские колонии, однако, начали не возмещать свои потери, а забывать о том зле, которое они претерпели. Амор, король Иерусалима, подавал своим баронам пример мудрости и благочестивого смирения. Три военных ордена, которые израсходовали свои сокровища, чтобы прокормить своих рыцарей и солдат во время голода, обратились с настоятельным призывом через гонцов и письма к милосердию верующих Запада. Христианские города, разрушенные землетрясением, были восстановлены, а суммы, накопленные Фульком из Нейи, проповедником последнего крестового похода, были потрачены на восстановление стен Птолемаиды. Поскольку христианам нужны были работники, они заставили пленных-мусульман работать. Среди заключенных, приговоренных к этой службе, история не должна обойти вниманием знаменитого персидского поэта Саади, который попал в руки франков во время паломничества в Иерусалим.^[166] Автора “Сада роз” и нескольких других произведений, которым в будущем суждено было вызвать восхищение Востока и Запада, заковали в кандалы, отвели в Триполи и смешали с толпой пленников, занятых на восстановлении укреплений этого города.

Перемирие, заключенное с неверными, все еще действовало; но ежедневно возникали либо претензии, либо ссоры, за которыми часто следовали военные действия. Христиан постоянно держали под ружьем, и мир иногда был так же богат неприятностями и опасностями, как и открытая война. В то время также царила великая неразбериха среди христианских колоний и даже среди мусульманских держав. Султан Дамаска был в мире с королем Иерусалима, в то время как граф Триполи, князь Антиохии, с тамплиерами и госпитальерами воевал с князьями Хамата, Эдессы или некоторыми эмирами Сирии.^[167] Каждый, в зависимости от своего настроения, брал в руки или складывал оружие, при этом никакая власть не была достаточно сильной, чтобы обеспечить соблюдение международных договоров.

Крупных сражений не велось, но совершались постоянные набеги на территории врагов; города застигались врасплох, страны разорялись и добывалась огромная добыча. Среди этих беспорядков, которые были названы *Днями перемирия*, христианам Палестины пришлось оплакивать смерть своего короля. Амори, по обычаю верующих, отправился в Каифу на страстной неделе собирать пальму; но во время своего паломничества заболел и вернулся в Птолемаиду, чтобы умереть. Таким образом, скипетр Иерусалимского королевства снова остался в руках Изабеллы, которая не обладала ни властью, ни способностями, необходимыми для управления христианскими государствами. В то же время один из сыновей Боэмунда, принца Антиохийского, пал от кинжалов убийц, подосланных Горным Стариком. Боэмунд Третий в очень преклонном возрасте не смог отомстить за это убийство; и, кроме того, перед смертью он испытал унижение, увидев, как разразилась война между его вторым сыном, Раймондом, графом Триполийским, и Ливоном, принцем Армении. Орден тамплиеров, так же как и орден госпитальеров, был заинтересован в этой ссоре и противостоял друг другу. Султан Алеппо и турки из Малой Азии присоединились к разногласиям христиан и воспользовались их разногласиями, чтобы опустошить территорию Антиохии.^[168] Христианские государства Сирии больше не получали помощи от Запада. Воспоминание о бедствиях, опустошавших заморские страны, охладило рвение паломников; у воинов Европы, привыкших хладнокровно

встречать все опасности войны, не хватило мужества противостоять эпидемии и голоду. Огромное количество баронов и рыцарей Палестины сами покинули землю, слишком долго остававшуюся пустынной, одни, чтобы вернуться в Константинополь, а другие - в королевства Запада.

Иннокентий, который до этого времени прилагал тщетные усилия для освобождения святых мест и который не мог преодолеть своего сожаления по поводу того, что видел, как великие христианские армии были бесплодно растрачены при завоевании Греции, все же не отказался от своих грандиозных замыслов; с начала своего правления суверенный понтифик указал христианским народам Святую Землю как дорогу спасения. Следуя примеру своих предшественников, он призывал к защите христианских колоний не только благочестие и добродетель, но и раскаяние. Всем, кто приходил к нему исповедоваться в великих грехах, разрешалось только одно средство искупить свои преступления — пересечь море для борьбы с неверными.

Среди грешников, приговоренных к такому наказанию, история упоминает имена убийц Конрада, епископа Вюрцбургского и канцлера империи.^[169] Виновные предстали перед папой римским босиком, в панталонах и с поводками на шее, поклялись в присутствии кардиналов провести свою жизнь, совершая самые суровые умерщвления плоти, и носить оружие в течение четырех лет против сарацин. Рыцарь по имени Роберт шокировал весь римский двор, громко признавшись, что, будучи пленником в Египте во время голода, он убил свою жену и дочь, чтобы питаться их мясом. Папа наложил на Роберта самую строгую епитимью и приказал ему, чтобы завершить искупление столь тяжкого преступления, провести три года в посещении святых мест.

Иннокентий пытался такими средствами поддержать религиозность паломничества, которое дало начало крестовым походам, и могло бы снова возродить рвение к священным войнам. Согласно мнению, которое суверенный понтифик стремился распространить среди верующих и которым, по-видимому, проникся он сам, в этом развращенном мире не было преступлений, за которые Бог не открыл бы сокровищницы своего милосердия при условии, что преступники отправятся в путешествие на Восток. Однако люди были убеждены, что грехи и ошибки порочного поколения вызвали раздражение у Бога христиан и что слава завоевания Святой Земли была прибережена для другого, лучшего века, для поколения, более достойного привлечения взоров и благословений Небес.

Такое мнение народов Запада было очень не в пользу сирийских христиан, которые изо дня в день делали быстрые шаги навстречу своему падению. Изабелла, правившая только обезлюдившими городами, умерла вскоре после своего мужа. Сын, которого она родила от Амора, предшествовал ей в могиле; и Иерусалимское королевство стало наследием молодой принцессы, дочери Изабеллы и Конрада, маркиза Тирского. Бароны и рыцари, оставшиеся в Сирии, как никогда остро осознали необходимость иметь во главе себя принца, способного управлять ими, и немедленно приступили к выбору мужа для молодой королевы Иерусалима.

Их выбор мог бы пасть на кого-то из них самих; но они боялись, что зависть породит новые разногласия и что дух соперничества и фракции ослабит авторитет того, кто будет призван управлять королевством. Ассамблея решила искать короля на Западе и обратиться к стране Годфри и Болдуинов - к этой нации, которая дала так много героев для крестовых походов, так много прославленных защитников Святой Земли.

Это решение баронов Палестины имело преимущество не только в сохранении мира в Иерусалимском королевстве, но и в пробуждении рыцарского духа в Европе и привлечении его к делу христиан Востока. Эймар, сеньор Кесарии и епископ Птолемаиды, переплыли море и отправились от имени христиан Святой Земли просить Филиппа Августа прислать им рыцаря или барона, который мог бы спасти то небольшое, что осталось от несчастного Иерусалимского королевства. Рука молодой королевы, корона и благословения Небес были наградой за храбрость и преданность того, кто был готов сражаться за наследие Сына Божьего. Депутаты были приняты с большими почестями при дворе короля Франции. Хотя предложенная ими корона была не чем иным, как пустым титулом, она не менее ослепила воображение французских рыцарей; их доблестное честолюбие было соблазнено надеждой приобрести великую славу и восстановить трон, основанный храбростью Готфрида Бульонского.

Среди рыцарей своего двора Филипп сильно выделял Иоанна Бриенского,[170] брата Готье,[171] погибшего в Апулии с репутацией героя и титул короля. В юности Иоанну Бриеннскому было предназначено стать священнослужителем; но, воспитанный в семье воинов и менее чувствительный к прелестям благочестия, чем славы, он отказался повиноваться воле своих родителей; а так как его отец был склонен применить силу, чтобы обуздать его, он искал убежища от отцовского гнева в монастыре Сито. Иоанн Бриеннский смешался с толпой кенобитов и, как и они, предался посту и умерщвлению плоти. Суровость монастыря, однако, совершенно не вязалась с его растущей страстью к благородному занятию оружием; и часто среди молитв и религиозных церемоний образы турниров и сражений отвлекали его мысли и тревожили разум. Один из его дядей, обнаружив его у дверей монастыря в состоянии, весьма неподобающем джентльмену, сжалился над его слезами, забрал его с собой и поощрял его природные наклонности. С того времени слава сражений всецело занимала его мысли; и тот, кому было суждено жить в тишине монастырей и покое алтарей, вскоре своей храбростью и подвигами снискал себе великую и широко распространенную известность.

Во время последнего крестового похода Иоанн Бриенский сопровождал своего брата в его попытке получить Неаполитанское королевство и видел, как тот погиб, сражаясь за трон, который должен был стать наградой победителю. У него была та же удача, которая руководила его надеждами, и те же опасности, с которыми ему предстояло столкнуться, если бы он женился на наследнице Иерусалимского королевства. Он с радостью принял руку молодой королевы, за обладание чьими владениями ему предстояло бороться с сарацинами, он приказал послам вернуться и объявить о своем скором прибытии в Палестину и, полный уверенности в деле, которое он собирался защищать, пообещал последовать за ними во главе армии.

Когда Эмар Кесарийский и епископ Птолемаиды вернулись в Святую Землю, обещания Иоанна Бриенского подняли подавленное мужество христиан, и, как это часто бывает в периоды несчастий, они перешли от отчаяния к самым сумасбродным надеждам.

В Палестине распространился слух, что готовится крестовый поход под командованием самых могущественных монархов Запада; и сообщение о таком необычайном вооружении вызвало мгновенный ужас среди неверных. Малек-Адель, который после смерти Аль-Азиза правил Сирией и Египтом, опасался предприятий христиан; и поскольку срок перемирия, заключенного с франками, подходил к концу, он предложил возобновить его, предложив сдать десять замков или крепостей в залог своей доброй воли и желания продолжения мира. Христиане Палестины должны были бы приветствовать это предложение, но надежды на помощь с Запада изгнали

всякую умеренность и дальновидность из советов баронов и рыцарей. Наиболее мудрая часть христианских воинов, среди которых был великий магистр ордена Святого Иоанна, придерживалась мнения, что перемирие следует продлить. Они напомнили своим товарищам, что им часто обещали помощь с Запада, но эта помощь так и не достигла Святой Земли; и что в самом последнем крестовом походе грозная армия, которую уверенно ожидали в Палестине, направила свой марш на Константинополь. Они добавили, что неразумно рисковать шансами войны, полагаясь на пустые обещания, и что им следует дождаться событий, прежде чем принимать решение, от которого может зависеть безопасность или гибель христиан Востока. Эти речи были полны мудрости и здравого смысла, но в то время как госпитальеры выступали за перемирие, тамплиеры с большой теплотой высказались за войну: таков был дух христианских воинов, что благоразумие, умеренность или, более того, любая из добродетелей мира внушали им своего рода презрение; для них разум всегда был на стороне опасностей, и одного только слова о том, чтобы взяться за оружие, было вполне достаточно, чтобы завоевать все их голоса. Собрание баронов и рыцарей отказалось продлевать перемирие, заключенное с сарацинами.

Это решение стало тем более фатальным из-за ситуации во Франции и в Европе, которая едва ли могла позволить Иоанну Бриеннскому тешить себя надеждой выполнить свое обещание собрать армию для Святой Земли.

Германия все еще была взволнована соперничающими притязаниями Оттона и Филиппа Швабского: Иоанн Английский находился под проклятием отлучения, которое распространялось на его королевство. Филипп Август был усердно занят тем, что извлекал выгоду из всех смут, которые бушевали вокруг него в полную силу; с одной стороны, стремясь расширить свое влияние в Германии, а с другой - постоянными усилиями ослабить власть англичан, которые были хозяевами нескольких провинций его королевства. Иоанн Бриенский прибыл в Птолемаиду со свитой короля, но он привел с собой только триста рыцарей для защиты своего королевства; однако его новые подданные, все еще полные надежд, смотрели на него не меньше, чем на освободителя. Его бракосочетание было отпраздновано в присутствии баронов, принцев и епископов Птолемаиды. Поскольку срок перемирия подходил к концу, сарадины вновь взяли за оружие и нарушили торжества по случаю коронации. Малек-Адель вступил в Палестину во главе армии, и неверные не только осадили Триполи, но и угрожали Птолемаису.

Новый король во главе небольшого числа верных воинов вызвал всеобщее восхищение своей доблестью на поле битвы; но он был не в состоянии избавить христианские провинции от присутствия грозного врага. Когда защитники Палестины сравнили свои немногочисленные ряды с многочисленностью своих врагов, они сразу же впали в уныние; и даже те, кто так недавно презирал мысли о мире с неверными, не могли набраться ни сил, ни мужества, чтобы противостоять их атакам. Большинство французских рыцарей, сопровождавших нового короля, покинули королевство, в которое пришли на помощь, и вернулись в Европу. Владения Иоанна Бриенского состояли только из города Птолемаиса, и у него не было армии, чтобы защитить даже его; тогда он начал понимать, что взялся за опасную и трудную задачу и что он не сможет долго противостоять объединенным силам сарацин. В Рим были отправлены послы, чтобы сообщить папе о грозящей христианским государствам Азии опасности и еще раз обратиться за поддержкой к князьям Европы и, прежде всего, к французским рыцарям.

Эти новые крики тревоги едва ли были услышаны народами Запада. Беды, волновавшие Европу в период отъезда Иоанна Бриенского в Палестину, были далеки от того, чтобы утихнуть, и особенно мешали Франции оказывать какую-либо помощь христианским колониям. Лангедок и большинство южных провинций королевства были тогда опустошены религиозными войнами, в которых в полной мере проявилась храбрость французских рыцарей и дворян.

Дух любознательности и индокитайства, возникший среди верующих и в котором святой Бернард упрекал свой век, с каждым днем делал тревожный прогресс. Святейшие врачи уже много раз выражали свою скорбь по поводу принижения святого слова, судьей и арбитром которого каждый считал себя и к которому относились, как сказал Стефан Турнейский в своих письмах папе, с таким же пренебрежением, как *к святыням, отданным собакам, или жемчугу, брошенному к ногам свиней*. Этот дух независимости и гордости, соединенный с любовью к парадоксам и новизне, с упадком здравого смысла и ослаблением церковной дисциплины, породил ереси, которые раздирают лоно Церкви.

Самой опасной из всех новых сект была секта альбигойцев,[\[172\]](#) которая получила свое название от города Альби, в котором проводились ее первые собрания. Эти новые сектанты, будучи неспособными объяснить существование зла под властью справедливого и благого Бога, как это сделали манихеи, приняли два принципа. Согласно их вере, Бог сначала сотворил Люцифера и его ангелов; Люцифер восстал против Бога, был изгнан с небес и создал видимый мир, над которым он царствовал. Бог, чтобы восстановить порядок, создал своего второго сына, Иисуса Христа, гением добра, подобно тому как Люцифер был гением зла. Некоторые современные авторы представляют альбигойцев в самых отвратительных красках и описывают их как склонных ко всякого рода заблуждениям; но беспристрастная история не должна принимать это мнение во всей его строгости. К чести человеческой природы мы считаем своим долгом сказать, что никогда ни одна религиозная секта не осмеливалась пытаться завоевать одобрение человечества, представляя при этом пример порочности нравов; и что ни в одну эпоху, ни у одного народа ложная доктрина никогда не была способна ввести в заблуждение какое-либо количество людей, не будучи подкреплённой хотя бы видимостью добродетели.

Самые мудрые и ревностные христиане в то время желали реформы духовенства. “Но были, - говорит Боссюэ, - тщеславные и гордые умы,[\[173\]](#) полные горечи, которые, пораженные беспорядками, царившими в Церкви, и особенно среди ее служителей, не верили, что обещания о ее вечном существовании могут существовать среди этих злоупотреблений. Они стали гордыми, а следовательно, слабыми, поддались искушению, которое ведет к ненависти к Церкви из ненависти к тем, кто в ней председательствует; и как будто злоба человека могла уничтожить дело Божье, отвращение, которое они испытывали к учителям, заставило их одновременно возненавидеть и учение, которому они учили, и авторитет, который они получили от Бога”.

Такое расположение человеческих умов дало апостолам заблуждения самое прискорбное господство и умножило число их учеников. Среди новых сектантов наиболее примечательными были *водуа*, или *лионские бедняки*, которые посвятили себя праздной бедности и презирали духовенство, обвиняя его в роскоши и сластолюбии; *апостолики*, которые хвастались тем, что являются единственным мистическим телом Иисуса Христа; *папеликаны*, которые питали отвращение к евхаристии, браку и другим таинствам; *эмеристы*, чьи учителя возвещали миру о

том, что будущее установление чисто духовного культа и отрицание существования ада или рая убедили в том, что грех сам по себе находит свое наказание, а добродетель - свою награду.

Поскольку большая часть этих еретиков проявляла полновластное презрение к авторитету Церкви, которая тогда была первой из всех властей, все те, кто желал сбросить с себя ярмо божественных законов, и даже те, для кого их страсти делали невыносимыми ограничения человеческих законов, в конце концов встали под знамена этих новаторов и были радушно приняты сектой, стремившейся к росту и укреплению и всегда склонной считать своими сторонниками и защитниками людей, которых общество выбросило из своего лона, которые боялись правосудия и не могли выносить установленный порядок. Таким образом, мнимые реформаторы XIII века, в то время как сами изображали строгость нравов и провозглашали торжество добродетели и истины, впустили в свое лоно как разврат, так и распущенность, уничтожили все установления власти, отдали все на волю страстей и не оставили обществу никаких уз, никакой силы морали, никакого контроля над толпой.

Новые ереси были осуждены на нескольких соборах; но поскольку при исполнении решений Церкви иногда применялось насилие, преследования только омрачали умы людей, вместо того чтобы возвращать их к истине. Миссионеры и папские легаты были посланы в Лангедок, чтобы обратить заблудших странников из паствы; но их проповедь не принесла никаких плодов, и голос лжи возобладал над словом Божиим. Проповедники веры, которых еретики упрекали в роскоши, невежестве и порочности нравов, не обладали ни достаточной покорностью, ни достаточным смирением, чтобы поддержать подобные безобразия, или принести их в жертву Иисусу Христу, апостолами которого они были. Подвергаясь насмешкам сектантов и не получая от трудов своих миссий ничего, кроме унижения и презрения, они привыкли смотреть на людей, которых их послали обращать, как на личных врагов; и дух мщения и гордыни, который, конечно, исходил не с небес, заставил их поверить, что их долг - силой оружия наставлять на путь истинный всех, кто отрицал их власть или сопротивлялся их красноречию. Верховный понтифик, мысли которого постоянно были заняты войной в Азии, колебался, стоит ли отдавать приказ о проповеди крестового похода против альбигойцев; но его увели в сторону мнения духовенства, возможно, также и мнения его возраста, и в конце концов он пообещал всем христианам, которые возьмутся за оружие против альбигойцев, те же привилегии, что были предоставлены крестоносцам против сарацин.^[174] Симон де Монфор, герцог Бургундский и герцог Неверский подчинились приказам Святого Престола: ненависть, которую внушала эта новая секта, но еще больше легкость получения индульгенций от суверенного понтифика, не покидая пределов Европы, привлекла большое количество воинов под знамена этого крестового похода. Инквизиция обязана своим рождением этой войне; институт, одновременно губительный для человечества, религии и патриотизма. Со всех сторон появлялись сваи и колья, города брались штурмом, а их жители предавались мечу. Насилие и жестокости, сопровождавшие эту злополучную войну, были описаны даже теми, кто принимал в ней самое активное участие;^[175] их рассказы, в которые нам очень трудно поверить, часто напоминают язык лжи и преувеличений. В периоды головокружения и ярости, когда приходят неистовые страсти, вводящие в заблуждение как мнения, так и совесть, нередко можно встретить людей, которые преувеличивают крайности, которым они предали, и хвастаются большим злом, чем совершили.

Что касается нас, то катастрофическая война против альбигойцев не входит в план этой истории, и если мы говорили о ней здесь, то это было сделано только для того, чтобы лучше

описать положение Франции в этот период и препятствия, которые тогда возникали на пути всех предприятий за морем. Среди этих постоянно растущих препятствий Иннокентий III. был глубоко огорчен тем, что не смог послать помощь христианам Палестины, и его сожаление было еще большим из-за того обстоятельства, что в то самое время, когда альбигойцы и граф Тулузский подверглись этому ужасному крестовому походу, сарадины становились все более грозными в Испании. Король Кастилии, которому угрожала бесчисленная армия, только что призвал всех французов, способных носить оружие, прийти к нему на помощь. Сам папа написал всем епископам Франции, рекомендуя им призвать верующих своих епархий помочь в великой битве, которая должна была состояться между испанцами и маврами примерно в октаву Пятидесятницы (1212). Иннокентий пообещал воинам, которые отправятся в Испанию, обычные послабления в священных войнах, и в Рим отправилась торжественная процессия, чтобы молить Бога об уничтожении мавров и сарацин. Архиепископы Нарбонны и Бордо, епископ Нанта и большое количество французской знати перешли Пиренеи, сопровождаемые двумя тысячами рыцарей со своими оруженосцами и сержантами по оружию. Христианская армия встретилась с маврами на равнинах Лас-Навас-де-Толоса и вступила в сражение, в котором более двухсот тысяч неверных потеряли либо свои жизни, либо свободу. Победители, нагруженные добычей и окруженные мертвецами, пели на поле битвы *Te Deum*: знамя вождя Альмоадов было отправлено в Рим как трофей победы, дарованной молитвами христианской церкви.

Узнав о результатах битвы при Толозе, верховный понтифик среди собравшихся жителей Рима вознес благодарность Богу за то, что тот рассеял врагов его народа, и в то же время помолился, чтобы Небеса в своей милости, в конце концов, избавили христиан Сирии, как они только что избавили христиан Испании.

Глава Церкви возобновил свои увещевания к верующим о защите царства Иисуса Христа; но среди смут и гражданских войн, которые он сам развязал, он не мог привлечь внимания к жалобам Иерусалима и проливал слезы отчаяния из-за безразличия народов Запада. Примерно в этот период произошло такое обстоятельство, какого никогда не случалось даже во времена, столь изобилующие чудесами и экстраординарными событиями. Пятьдесят тысяч детей во Франции и Германии, бросив вызов отцовской власти, собрались вместе и распространились по городам и странам, распевая эти слова: “Господи Иисусе, верни нам твой святой крест!” Когда их спросили, куда они идут и что намерены делать, они ответили: “Мы идем в Иерусалим, чтобы освободить гроб нашего Спасителя”. Некоторые священнослужители, ослепленные ложным рвением, проповедовали этот крестовый поход; большинство верующих не видели в нем ничего, кроме вдохновения Небес, и думали, что Иисус Христос, чтобы показать свою божественную силу и посрамить гордыню величайших военачальников, мудрых и могущественных людей земли, передал свое дело в руки простого и робкого младенчества.

Многие женщины с дурным характером и нечестные мужчины проникли в толпу этих новых воинов креста, чтобы соблазнить и ограбить их. Значительная часть этого юношеского ополчения пересекла Альпы, чтобы сесть на корабль в итальянских портах; в то время как те, кто прибыл из провинций Франции, взяли курс на Марсель. На основании чудесного откровения их заставили поверить, что в этом году (1213) засуха будет настолько сильной, что солнце рассеет все воды моря, и, таким образом, будет открыта легкая дорога для паломников по дну Средиземного моря к берегам Сирии. Многие из этих молодых крестоносцев заблудились в лесах, тогда таких обильных и обширных, и, блуждая наугад, погибли от жары, голода, жажды и

усталости; другие вернулись в свои дома, стыдясь своей неосторожности, говоря, что *они действительно не знали, зачем ушли*. Среди тех, кто сел на корабль, некоторые потерпели кораблекрушение или были выданы сарацинам, против которых они намеревались сражаться; многие, как говорят старые хроники, приняли мученическую смерть и показали неверным поучительное зрелище твердости и мужества, которые христианская религия способна внушить как в самом нежном возрасте, так и в более зрелом.

Те из этих детей, которые добрались до Птолемаиды, должно быть, вызвали ужас и изумление, заставив христиан Востока поверить, что в Европе больше нет ни правительства, ни законов, ни мудрых или рассудительных людей ни в советах князей, ни в советах Церкви. Ничто так полно не отражает дух того времени, как безразличие, с которым наблюдались подобные беспорядки. Никакие власти не вмешивались, чтобы остановить это безумие; и когда папе было объявлено, что смерть унесла цвет молодежи Франции и Германии, он ограничился словами: “Эти дети упрекают нас в том, что мы заснули, в то время как они летели на помощь Святой Земле”.[\[176\]](#)

Верховный понтифик, чтобы осуществить свои замыслы и вновь разжечь энтузиазм верующих, считал необходимым ярко поразить воображение народов и представить грандиозное зрелище христианскому миру. Иннокентий решил созвать всеобщий собор в Риме, чтобы обсудить состояние Церкви и судьбу христиан Востока. “Необходимость оказать помощь Святой Земле, ” писал он в своих письмах “призывах, - и надежда победить сарацин велики, как никогда; мы возобновляем наши мольбы к вам, чтобы побудить вас к этому благородному предприятию. Никто не может себе представить, ” добавил Иннокентий, - что Богу нужно ваше оружие, чтобы освободить Иерусалим; но он дает вам возможность проявить свое раскаяние и доказать свою любовь к нему. О, братья мои, сколько преимуществ христианская Церковь уже извлекла из бедствий, которые опустошали ее и продолжают опустошать! Сколько преступлений было искуплено покаянием! Сколько добродетелей возрождается в огне милосердия! Сколько обращений совершается среди грешников жалобным голосом Иерусалима! Благословите же изощренное милосердие, великодушную хитрость Иисуса Христа, который стремится тронуть ваши сердца, соблазнить ваше благочестие и готов отдать своим введенным в заблуждение ученикам победу, которую он держит в своей всемогущей руке”.[\[177\]](#)

Впоследствии папа сравнивает Иисуса Христа, изгнанного из своего наследия, с одним из царей земли, который может быть изгнан из своих владений. “Где же вассалы, ” добавил он, - которые не рискнут своим состоянием и жизнью, чтобы вернуть своего государя в его королевство? Те из подданных и слуг монарха, которые ничего не сделали для его дела, не должны ли они быть причислены к мятежникам и подвергнуты наказанию за бунт и государственную измену? Именно так Иисус Христос поступит с теми, кто останется равнодушным к оскорблениям, обрушивающимся на него, и откажется взять в руки оружие для борьбы с его врагами”.

Чтобы вселить надежду и мужество в христиан, святой отец завершил свое обращение к верующим словами, что “власть Магомета приближалась к своему концу; ибо эта власть была не чем иным, как зверем Апокалипсиса, которому не суждено было продлиться более шестисот лет”,[\[178\]](#) и уже исполнилось шесть столетий”. Эти последние слова папы были подкреплены популярными предсказаниями, которые распространились по всему Западу и породили веру в то, что разгром сарацин близок.[\[179\]](#)

Как и в предыдущих крестовых походах, суверенный понтифик пообещал всем, кто возьмется за оружие против неверных, отпущение их грехов и особую защиту Церкви. По столь важному случаю глава христиан открыл сокровища божественного милосердия для всех верующих, пропорционально их усердию и их дарам. Всем прелатам и духовным лицам, а также жителям городов и стран было предложено набрать определенное количество воинов и содержать их в течение трех лет, в соответствии с их средствами. Папа увещевал принцев и дворян, которые не хотели брать крест, поддерживать рвение крестоносцев всеми доступными им способами; глава Церкви требовал от всех верующих молитв; от богатых - подаяния и дани; от рыцарей - примера мужества; от приморских городов - судов; он сам обязался принести величайшие жертвы. Процессии должны были совершаться каждый месяц во всех приходах, чтобы получить благословения Небес; все усилия, все обеты, все мысли христиан должны были быть направлены к цели священной войны. Чтобы ничто не могло отвлечь верующих от похода против сарацин, Святой Престол отменил индульгенции, предоставляемые тем, кто покидал свои дома, чтобы отправиться сражаться против альбигойцев в Лангедоке или мавров по другую сторону Пиренеев.

Очевидно, что суверенный понтифик не пренебрег ничем, что могло бы сделать успех священного предприятия более уверенным. Современный историк справедливо отмечает, что он использовал все средства, даже те, которые вряд ли увенчались успехом; ибо он написал султану Дамаска и Каира, приглашая его передать священный город в руки слуг истинного Бога. Иннокентий сказал в своем письме, что Бог избрал неверных в качестве своих орудий мести; что он позволил Саладину овладеть Иерусалимом, чтобы наказать грехи христиан; но что день освобождения настал, и что Господь, обезоруженный молитвами своего народа, вот-вот восстановит наследие Иисуса Христа. Верховный понтифик посоветовал султану избегать кровопролития и предотвратить опустошение его империи.

Это был не первый случай, когда глава Церкви обращался с молитвами и предостережениями к мусульманским властям. За два года до этого он написал султану Алеппо в надежде вернуть его на путь евангельской истины и сделать верным помощником христиан. Все эти попытки, окончившиеся ничем, ясно доказывают, что папа был совершенно не знаком с духом и характером мусульман. Верховному понтифику повезло не больше, когда в своих письмах он просил иерусалимского патриарха приложить все усилия, чтобы остановить распространение коррупции и распущенности среди христиан Палестины. Христиане Сирии не изменили своей морали, и все страсти продолжали господствовать среди них; в то время как мусульмане укрепили священный город, чего от них требовали, и занялись вооружением против нападений врагов исламизма.

Ничто не могло сравниться с рвением и активностью суверенного понтифика. История едва ли может следовать за ним, в то время как он повсюду ищет врагов против мусульман; апеллируя по очереди к патриархам Александрийским и Антиохийским и ко всем князьям Армении и Сирии. Его взор охватывал одновременно Восток и Запад. Его письма и послы непрерывно ходили по всей Европе. Он разослал призыв к собору и буллу о крестовом походе во все провинции христианского мира; и его апостольские увещевания звучали от берегов Дуная и Вислы до берегов Тигра и Темзы.^[180]

Комиссары были выбраны для того, чтобы сделать решения Святого Престола известными всем христианам: их миссия состояла в том, чтобы проповедовать священную войну и реформировать нравы; призывать одновременно к знаниям образованных и мужеству воинов. Во многих провинциях миссия проповеди крестового похода была возложена на епископов; кардинал Питер Робер де Курсон, который в то время находился во Франции в качестве легата папы римского, получил большие полномочия от Святого Престола и путешествовал по королевству, призывая христиан взять крест и оружие.

Кардинал де Курсон в юности был учеником Фулька из Нейи и приобрел большую известность благодаря своему красноречию. Толпа стекалась со всех концов, чтобы послушать столь выдающегося проповедника Слова, облаченного во все величие римской власти. “Легат, - говорит Флери, - обладал властью регулировать все, что было связано с турнирами; и, что покажется еще более странным, способностью предоставлять определенную снисходительность тем, кто присутствовал на проповедях, в которых он проповедовал крестовый поход.” Верный духу религии Иисуса Христа, кардинал де Курсон раздавал крест всем христианам, которые просили об этом, не задумываясь о том, что женщины, дети, старики, глухие, слепые, хромые не могли воевать против сарацин; или что армия не могла быть сформирована“. как в Евангелии составлен праздник отца семейства. Таким образом, эта свобода вступать в священные отряды, предоставляемая без различия или выбора, только вызвала отвращение у баронов и рыцарей и охлаждала пыл простых солдат.[181]

Среди ораторов, которых папа ассоциировал с кардиналом де Курсоном, одним из самых замечательных был Иаков Витрийский, которого Церковь уже причислила к своим знаменитым докторам. Пока он проповедовал крестовый поход в разных провинциях Франции,[182] слава о его добродетелях и талантах распространилась даже на Восток. Каноники Птолемаиды потребовали его от папы в качестве своего пастыря и епископа, и пожелания христиан Палестины были немедленно удовлетворены. Иаков Витрийский, побудивший воинов Запада взяться за оружие, впоследствии стал свидетелем их подвигов и описал их в истории, дошедшей до наших дней.

Проповедь священной войны повсюду пробуждала милосердие верующих. Филипп Август пожертвовал сороковой частью своих территориальных доходов на расходы крестового похода, и множество дворян и прелатов последовали его примеру.[183] Поскольку во всех церквях были установлены ящики для сбора милостыни, эти жертвования принесли значительные суммы в руки кардинала де Курсона, которого обвинили в присвоении себе даров, предложенных Иисусу Христу. Эти обвинения были встречены с еще большим энтузиазмом со стороны легата, взявшего на себя осуществление от имени Святого Престола полномочий, которые были неприятны как монарху, так и его народу. Кардинал без одобрения короля взимал налоги, набирал воинов, прощал долги, расточал как награды, так и наказания, одним словом, узурпировал все прерогативы суверенитета. Осуществление такой неограниченной власти стало причиной беспокойства во всех провинциях.[184] Для предотвращения беспорядков Филипп Август счел необходимым установить правила, которые должны были указывать генеральному совету индивидуальное положение крестоносцев, а также изъятия и привилегии, которыми они должны были пользоваться.

В то время как кардинал де Курсон продолжал проповедовать крестовый поход по всем провинциям Франции, архиепископ Кентерберийский был серьезно занят подстрекательством

народа Англии взяться за оружие против неверных. В течение длительного времени королевство Англия было обеспокоено ожесточенными спорами палаты общин, баронов и даже духовенства, которые воспользовались отлучением от церкви[185], выдвинутыми папой против короля Иоанна, чтобы получить подтверждение своих свобод. Английский монарх, соглашаясь на условия, которые были ему продиктованы, уступил гораздо больше необходимости и силе, чем своим собственным склонностям; он искренне желал отказаться от того, что даровал, и, чтобы отдать свою корону под защиту Церкви, он взял крест и поклялся идти сражаться против сарацин. Суверенный понтифик верил в покорность и обещания короля Англии; и после проповеди крестового похода против этого принца, которого он обвинил во враге Церкви, он использовал весь авторитет Святого Престола и все громы религии в его защиту.

У короля Иоанна не было иного мотива принять крест, кроме как обмануть папу и заручиться защитой Церкви; знак крестоносцев был принят им только как средство сохранения своей власти; ложная и лживая политика, которая вскоре была разоблачена и, без сомнения, во многом способствовала уменьшению общественного энтузиазма по поводу священной войны. Английские бароны, в свою очередь отлученные папой от церкви, занимались защитой своих свобод и не обращали внимания на святых ораторов, призывавших их отправиться в Азию.

Германская империя была встревожена не меньше, чем английское королевство. Оттон Саксонский, после того как в течение десяти лет был объектом всех пристрастий Святого Престола, сразу навлек на себя непримиримую ненависть Иннокентия, выдвинув некоторые претензии на определенные владения Церкви, а также на Неаполитанское королевство и Сицилию. Не только он сам был отлучен от церкви, но даже те города, которые остались верны ему, были подвергнуты интердикту. Суверенный понтифик противопоставил Фридриха II, сына Генриха VI, Отону точно так же, как он противопоставил Отону Филиппу Швабскому. Германия и Италия немедленно оказались в состоянии волнения и беспокойства. Фредерик, коронованный римским королем в Экс-ла-Шапель, принял крест из чувства благодарности и в надежде заручиться поддержкой Святого Престола при восшествии на императорский трон.

Отон тем временем не пренебрегал никакими средствами для сохранения империи и противодействия взглядам и начинаниям римского двора. Он развязал войну против папы и вступил в союз со всеми врагами Филиппа Августа, которые выступали за Фридриха. Грозная лига, состоящая из короля Англии и графов Фландрии, Голландии и Булони, угрожала Франции вторжением. Столица и провинции этого королевства уже были поделены между лидерами этой лиги, когда Филипп одержал победу в знаменитой битве при Бувине. Эта незабываемая победа[186] обеспечила независимость и честь французской монархии и восстановила мир в Европе. Победенный Отон потерял своих союзников и пал под раскатами грома Церкви.

Теперь наступил срок, в который должен был собраться созванный папой собор. Со всех концов Европы духовенство, знать, принцы и послы принцев направлялись в столицу христианского мира. Депутаты от Антиохии и Александрии вместе с патриархами Константинополя и Иерусалима прибыли в Рим, чтобы просить поддержки у народов христианского мира; послы Фридриха, Филиппа Августа и королей Англии и Венгрии от имени своих суверенов прибыли, чтобы занять свои места в совете. Это собрание, представлявшее Вселенскую Церковь и в котором участвовали почти пятьсот епископов и архиепископов и более сотни аббатов и прелатов из всех провинций Востока и Запада, проходило в Латеранской церкви,[187] и проходило под председательством суверенного понтифика. Иннокентий открыл собор

проповедью, в которой он выразил сожаление по поводу ошибок своего времени и несчастий Церкви. После того, как он призвал духовенство и верующих освятить своей моралью меры, которые он собирался предпринять против еретиков и сарацин, он представил Иерусалим облаченным в траур, демонстрируя цепи своего заточения и призывая всех пророков отдать свой голос, чтобы достичь сердец христиан.

“О! вы, - сказал Иерусалим устами понтифика, - кто проходит по общественным дорогам, взгляните и убедитесь, были ли вы когда-нибудь свидетелями горя, подобного моему. Поспешите же все, о вы, любящие меня, избавить меня от глубины моих страданий! Я, которая была царицей всех народов, теперь обложена данью; я, которая раньше была полна народа, теперь осталась опустошенной и почти одинокой! Дороги Сиона скорбят, потому что никто не приходит на мои торжества. Мои враги сокрушили мою голову; все мои святыни осквернены; Гроб Господень, некогда такой великолепный, покрыт позором; там, где недавно поклонялись Сыну Божьему, теперь поклоняются сыну погибели и ада. Дети чужеземца осыпают меня оскорблениями и, указывая на крест Иисуса, говорят мне: *”ты понадеялся на мерзкое дерево; посмотри, сможет ли это дерево спасти тебя в час опасности”*.”[188]

Иннокентий, сделав таким образом красноречивым скорбящий Иерусалим, призвал верующих сжалиться над ее несчастьями и вооружиться для ее освобождения. Он закончил свое увещание такими словами, которые дышат одновременно его горем и горячим рвением: “Мои возлюбленные братья, я всецело вверяю себя вам; если вы считаете, что так будет лучше, я обещаю лично отправиться с королями, принцами и народами; вы увидите, смогу ли я своими криками и молитвами побудить их сражаться за Господа, отомстить за оскорбления распятого, которого наши грехи изгнали с земли, омоченной его кровью и освященной тайной нашего искупления”.

Речь понтифика была выслушана в благоговейном молчании; но поскольку Иннокентий говорил о нескольких предметах одновременно и поскольку его ораторское искусство было полно аллегорий, ему вовсе не удалось пробудить энтузиазм собрания. Отцы собора, по-видимому, были не менее затронуты злоупотреблениями, допущенными в Церкви, чем неудачами христиан Востока; в первую очередь собрание занялось поисками средств для реформирования церковной дисциплины и сдерживания распространения ереси.

В декларации веры собор разъяснил доктрину христиан и напомнил им о символе евангельской веры. Они противопоставляли истину заблуждению, убеждение насилию, а евангельские добродетели страстям сектантов и новаторов: счастливой была бы христианская церковь, если бы папа последовал этому примеру умеренности и если бы, защищая права религии, он не забывал о правах суверенов и человечества. Апостольским декретом, провозглашенным на соборе, Иннокентий низложил графа Тулуза, считавшегося защитником ереси, и передал его владения Симону де Монфору, который сражался против альбигойцев или, скорее, вырезал их.

Иннокентий не мог простить графу Тулузскому того, что тот спровоцировал войну, взбудоражившую христианский мир, и приостановил осуществление своих планов относительно Восточного крестового похода. Насильственная политика суверенного понтифика была направлена на то, чтобы вселить ужас во всех еретиков и побудить христиан вооружаться для дела Иисуса Христа и его наместника на земле.

Осудив новые заблуждения и произнеся анафему Церкви против всех, кто сбился с пути веры, понтифик и отцы собора обратили свое внимание на христиан Востока и средства оперативной помощи Святой Земле. Все распоряжения, выраженные в булле о созыве, были подтверждены; было постановлено, что все священнослужители должны выплачивать двадцатую часть своих доходов на расходы крестового похода; что папа и кардиналы должны выплачивать десятую часть своих доходов и что между всеми христианскими князьями должно быть перемирие на четыре года. Собор провозгласил отлучение от церкви всех князей, которые будут препятствовать шествию паломников, и всего, что будет снабжать неверных провизией или оружием: верховный понтифик пообещал руководить приготовлениями к войне, внести три тысячи марок серебром и снабдить за свой счет несколько судов для перевозки крестоносцев.

Решения собора и речи папы произвели глубокое впечатление на умы западных христиан. Всем проповедникам священной войны было официально предписано призвать верующих к чувству раскаяния и запретить танцы, турниры и публичные забавы; реформировать мораль и возродить во всех сердцах любовь к религии и добродетели. Им было приказано, по примеру суверенного понтифика, сделать так, чтобы жалобы Иерусалима звучали во дворцах принцев; и искренне просить монархов и знать принять крест, чтобы побудить народ поступить так же.

Указы о священных войнах были опубликованы во всех церквях Запада; в нескольких провинциях, особенно на севере, Европы чудеса и чудесные явления, которые возбуждали энтузиазм во времена первых крестовых походов, снова стали обычным явлением; в небесах появились светящиеся кресты, которые заставили жителей Кельна и городов, расположенных вблизи Рейна, поверить, что Бог благоволит к святому предприятию и что божественная сила обещала поражение неверных оружию крестоносцев.

Ораторы удвоили свой пыл и рвение, чтобы привлечь верующих к участию в священной войне. С кафедр раздавались проклятия в адрес сарацин, всегда сопровождаемые повторением слов Христа: “Я пришел начать войну”. Красноречие прелатов, епископов и пасторов не имело иной цели, кроме как призвать всех христианских воинов к оружию. Голоса проповедников были не единственными звуками труб; сама поэзия, лишь недавно возродившаяся в южных провинциях Франции, избрала священные походы темами своих песен; и нечестивая муза трубадуров смешивала их ноты с одушевленными словами священных ораторов. Пьер д'Овернь, Понсес де Капдей, Народ Романо перестали воспевать любовь дам и учтивость рыцарей, чтобы воспевать в своих стихах страдания Христа и пленение Иерусалима. “Настали времена, ” сказали они, “ когда будет видно, кто такие люди, достойные служить Вечному. Теперь Бог призывает доблестных и рыцарственных; они навсегда останутся его солдатами, которые, зная, как страдать за свою веру и сражаться за Бога, проявят себя откровенными, великодушными, верными и храбрыми; пусть низменные жизнелюбы или искатели золота останутся позади. Теперь Бог взывает только к добрым и храбрым. Его воля в том, чтобы его верные слуги добились спасения благородными воинскими подвигами; и чтобы слава, добытая в бою, открыла им врата рая”.^[189]

Один из менестрелей священной войны воспевает в своих стихах рвение, благоразумие и отвагу главы Церкви; и, чтобы побудить верующих принять крест, поет: *“У нас есть надежный и доблестный проводник, суверенный понтифик иннокентий”*.

Тогда появилась надежда, что отец христиан сам возглавит крестоносцев и освятит азиатскую экспедицию своим присутствием. Папа на Латеранском соборе выразил желание принять крест

и лично отправиться во владение наследием Христа; но состояние Европы, распространение ереси, а также, несомненно, советы епископов и кардиналов помешали осуществлению его замысла.

Поскольку между несколькими европейскими государствами все еще сохранялись зародыши раздора, эти разногласия могли нанести ущерб успеху священной войны; и папа отправил эмиссаров действовать как ангелы мира; сам он отправился в Тоскану, чтобы унять раздоры, вспыхнувшие между пизанцами и генуэзцами. Его слова утихомирили все гневные страсти; при звуке его голоса самые непримиримые враги поклялись забыть свои споры и объединиться для борьбы с сарацинами. Казалось, что его самые горячие желания вот-вот исполнятся, и весь Запад, послушный его суверенной воле, был готов обрушиться на Азию, когда он внезапно заболел и умер, оставив своим преемникам заботу и честь завершить столь великое предприятие.

Как и все люди, пользовавшиеся огромной властью среди политических бурь, Иннокентия после его смерти поочередно восхваляли и порицали со всем преувеличением любви и ненависти. Некоторые говорили, что он был призван в небесный Иерусалим, поскольку Бог пожелал вознаградить его рвение к освобождению святых мест; в то время как другие прибегали к чудесным явлениям и заставляли святых говорить в осуждение его памяти; иногда его видели преследуемым драконом, целью которого было вершить над ним правосудие; а в других случаях он появлялся, окруженный пламенем чистилища. Европа находилась в состоянии постоянной тревоги во время его понтификата; едва ли было королевство, на которое не обрушился бы гнев понтифика; и так много эксцессов, так много несчастий ожесточили умы людей, что было естественно, что им доставляло удовольствие верить, что наместник Христа на земле искупает в другой жизни преступления этой. Невинный, тем не менее, был безупречен в своих манерах; поначалу он проявлял некоторую умеренность; он любил правду и справедливость; но несчастное состояние Церкви, всевозможные препятствия, с которыми он сталкивался в своей духовной жизни^[190] правительство, раздражило его характер и довело до крайностей насильственной политики; в конце концов, не соблюдая приличий или самообладания, он взорвался. выступи с приснопамятными и достойными порицания словами: *“Меч, меч, вынь из ножен и наточись, чтобы убивать”*.^[191] Поскольку он взял на себя слишком много, он поставил в серьезное затруднительное положение тех, кто мог бы взять бразды правления в свои руки после него; и такова была ситуация, в которую его политика поставила Святой Престол, что его преемники были вынуждены следовать его принципам и завершить как добро, так и зло, которое он начал. Начиная с этого периода история крестовых походов будет постоянно прерываться ссорами пап и князей, и мы будем следовать за паломниками в Святую Землю под раскаты грома, исходящие от различных глав Церкви.

Ченсиус Савелли, кардинал Сент-Люсии, был избран конклавом преемником Иннокентия и управлял Церковью под именем Гонорий III. На следующий день после своей коронации новый папа написал королю Иерусалима, чтобы объявить о своем возвышении и возродить надежды христиан Сирии. “Пусть смерть Иннокентия, - сказал он, - не лишит вас мужества; хотя я далек от того, чтобы быть равным ему по заслугам, я проявлю такое же рвение к освобождению Святой Земли; и когда наступит время, сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь вам”. Папское письмо, адресованное всем епископам, призывало их продолжать проповедовать крестовый поход.

Чтобы обеспечить успех восточной экспедиции, Иннокентий сначала попытался восстановить мир в Европе; и, конечно, необходимость, в которой оказались папы в такие времена, способствовать согласию между народами, была одним из величайших преимуществ священных войн. Гонорий последовал примеру своего предшественника и желал унять все разногласия, даже такие, которые были вызваны притязаниями Римского престола. Людовик VIII, сын Филиппа Августа, по настоянию понтифика поднял оружие против Англии и не желал отказываться от проекта вторжения в королевство, столь долго подвергавшееся гневу Церкви. Папа римский даже снизошел до мольб разоружить грозного врага короля Англии. Он надеялся, что Англия и Франция, приостановив военные действия, объединят свои усилия для освобождения святых мест; но этим надеждам так и не суждено было сбыться. Генрих III взошел на английский престол после смерти Иоанна и принял крест, чтобы заручиться благосклонностью суверенного понтифика; но у него и в мыслях не было покинуть свое королевство. Король Франции, постоянно занятый войной против альбигойцев и, возможно, также тайными замыслами своего честолюбия, удовлетворился выражением величайшего уважения к авторитету Святого Престола, но не принял участия в крестовом походе.^[192]

Большинство епископов и прелатов королевства, которых верховный понтифик умолял показать пример преданности, проявили в этом случае гораздо большее рвение, чем бароны и рыцари; многие из них взяли крест и приготовились отправиться на Восток. Фридрих, который был обязан императорской короной защите Церкви, на двух торжественных собраниях подтвердил свою клятву вести войну против сарацин. Пример и обещания императора, какие бы сомнения ни возникали в их искренности, оказали мощное воздействие на князей и народ Германии. Жители берегов Рейна, Фрисландии, Баварии, Саксонии и Норвегии; герцоги Австрии, Моравии, Брабанта и Лембурга; графы Жюлье, Холланд, Де Вит и Лоо; архиепископ Майнца и епископы Бамберга, Пассау, Страсбурга, Мюнстера и Утрехта дружно встали под знамена креста и приготовились покинуть Запад.

Среди князей, давших клятву сражаться против мусульман, был Андрей II, король Венгрии. Бела, отец венгерского монарха, дал обет отправиться в Святую Землю; но, не имея возможности совершить паломничество, он на смертном одре потребовал, чтобы его сын выполнил свою клятву. Эндрю, приняв крест, надолго задержался в своем государстве из-за проблем, которые породило его честолюбие и которые ему было очень трудно подавить. Гертруда, на которой он женился перед пятым крестовым походом, своей гордыней и интригами нажила врагов всему двору и знати. Эта властная принцесса^[193] совершила такие невероятные оскорбления в адрес магнатов королевства и внушила им такую яростную ненависть, что они составили заговор против ее жизни и внедрились убийцы даже в ее дворец. Беспорядки и несчастья без числа последовали за этими преступлениями, величайшим из которых, несомненно, была безнаказанность виновных.

При таких обстоятельствах политика, несомненно, указала бы королю Венгрии, как на его долг, оставаться в своих владениях; но зрелище стольких безнаказанных преступлений, без сомнения, встревожило его слабость и усилило его желание держаться подальше от двора, кишящего его врагами. Как и его мать, вдова Белы,^[194] он ожидал найти в местах, освященных страданиями Христа, убежище от горестей, которые окружают его жизнь; венгерский монарх, возможно, также думал, что святое паломничество сделает его более уважаемым своими подданными, и что Церковь, всегда вооруженная в пользу королевских крестоносцев, будет защищать права его короны лучше, чем он сам. В конце концов он решил исполнить

обет, данный им перед умирающим отцом, и серьезно приступил к приготовлениям к отъезду в Сирию.

Тогда Андрей правил обширным королевством: Венгрия, Далмация, Хорватия, Босния, Галиция и провинция Лодомира подчинялись его законам и платили ему дань; и во всех этих провинциях, столь недавно враждебных христианам, проповедовались крестовые походы. Орды, бродившие по лесам, выслушали жалобы Сиона и поклялись сражаться с неверными. Среди народов Венгрии, которые столетием ранее наводили ужас на спутников Петра Отшельника-паломников, толпа воинов с готовностью приняла крест и пообещала следовать за своим монархом в Святую Землю.

Суда и флотилии для перевозки крестоносцев были снаряжены во всех портах Балтики, океана и Средиземного моря; и все же, в то же самое время, проповедовался крестовый поход против жителей Пруссии, которые все еще оставались во тьме идолопоклонства. Польша, Саксония, Норвегия и Ливония вооружали своих воинов, чтобы свергнуть языческих идолов на берегах Одера и Вислы, в то время как другие народы Запада готовились к войне с сарацинами на равнинах Иудеи и Сирии.

Все еще дикий народ Пруссии, отделенный своей религией и обычаями от других жителей Европы, в XIII веке представлял в центре христианского мира живую картину древнего язычества и суеверий древних народов Севера. Их характер и манеры достойны пристального внимания как историка, так и его читателей, утомленных, возможно, постоянным повторением проповедей о священных войнах и дальних походах крестоносцев.

О происхождении древних жителей Пруссии велось много дискуссий, и у нас нет по этому поводу ничего, кроме догадок и систем. Пруссак внешне были похожи на немцев;[195] голубые глаза, энергичный взгляд, румяные щеки, высокий рост, крепкая фигура и светлые волосы: это сходство с немцами было вызвано климатом, а не смешением наций; жители Пруссии имели больше сходства с литовцами, на языке которых они говорили, и кому они подражали в своей одежде. Они жили охотой, рыбной ловлей и мясом своих стад; земледелие было им не чуждо; их кобылы давали им молоко, овцы - шерсть, пчелы - мед; в коммерческих сделках они имели очень мало общего с деньгами: заготовка льна и кожи, раскалывание камней, заточка оружия и изготовление желтого янтаря составляли всю их промышленность. Они обозначали время узлами, завязанными на ремешках, а часы словами "сумерки", "свет", "рассвет", "восход", "вечер", "первый сон" и т. Д. Появление Плеяд направило их в их трудах.

Месяцы года носили названия произведений земли и предметов, представляемых их взору каждым временем года; они знали месяц ворон, месяц голубей, месяц кукушек, месяц зеленых берез, лип, кукурузы, отлета птиц, опадания листьев и т. Д. Войны, пожары в огромных лесах, ураганы и наводнения составляли главные эпохи их истории.

Люди жили в земляных хижинах, богатые - в домах, построенных из дубовых бревен; в Пруссии не было ни одного города. На холмах появилось несколько крепких замков. Этот народ, хотя и дикий, признавал принцев и знатных людей; тот, кто побеждал врагов, и тот, кто преуспевал в укрощении лошадей, достигал благородства. Лорды имели право распоряжаться жизнью и смертью своих вассалов; пруссаки вели войны не с целью завоевания вражеской страны, а исключительно для защиты своих домов и своих богов. Их вооружение состояло из копья и дротика, с которыми они обращались с большим мастерством. Воины называли своего вождя,

который был благословлен первосвященником; прежде чем отправиться в бой, пруссаки выбрали одного из своих военнопленных, привязали его к дереву и пронзили стрелами.^[196] Они верили в приметы; орел, белый голубь, ворона, аист, дрофа сулили победу; олень, волк, рысь, мышь, вид больного человека или даже старухи предвещали поражения или невзгоды; протягивая руку, они предлагали мир; принося присягу в заключении договоров, они прикладывали одну руку к груди, а другую - к священному дубу. Одержав победу, они судили своих военнопленных, и самые выдающиеся из них умирали на костре — в жертву богам страны.

Несмотря на все свои варварские обычаи, пруссаки пользовались репутацией людей, уважающих законы гостеприимства. Чужестранец и моряк, потерпевший кораблекрушение, наверняка нашли бы у них убежище и поддержку; бесстрашные на войне, простые и кроткие в мирное время, благодарные, но мстительные, уважающие несчастья, они имели больше добродетелей, чем пороков, и были развращены только избытком своих суеверий.

Пруссаки верили в иную жизнь; они называли ад *Пеклой*; цепи, густая тьма и зловонные воды были наказанием нечестивых. На Елисейских полях, которые они называли *Рогус*, красивые женщины, пиры, вкусные напитки, танцы, мягкие ложа и изысканная одежда были наградой за добродетель.

В месте, называемом *Ремове*, вырос цветущий дуб, который был свидетелем смены ста поколений, на колоссальном стволе которого находились изображения трех их главных богов; с листвы ежедневно капала кровь принесенных в жертву жертв; там первосвященник основал свою обитель и там вершил правосудие. Только священники осмеливались приближаться к этому святому месту; виновные с трепетом убегали от него. *Перкунас*, бог грома и огня, был первым среди божеств пруссов; у него было лицо разгневанного человека, его борода была завита, а голова окружена языками пламени. В народе раскаты грома назывались маршем или шагами Перкунаса. Недалеко от рощи Ремове, на берегу сернистого источника, горел вечный огонь в честь бога грома.

Близ Перкунаса *появился* Потримпус в облике юноши в короне из пшеничных колосьев; ему поклонялись как богу вод и речек; он оберегал человечество от бедствий войны и руководил радостями мира. По странному противоречию, они приносили в жертву этому миролюбивому божеству кровь животных и пленников, убитых у подножия дуба; иногда ему приносили в жертву детей; жрецы посвящали ему змею как символ удачи.

В тени священного дерева находился еще один идол, по имени *Пиколлос*, бог мертвых; он имел вид старика с седыми волосами, ввалившимися глазами и бледным лицом, голова его была закутана в саван; его алтари представляли собой груды человеческих костей; адские божества были послушны его законам; он внушал одновременно горе и ужас.

Четвертое божество, *Курко*, чье изображение украшало ветви дуба в Ремове, обеспечило человечество всем необходимым для жизни. Каждый год, во время осеннего посева семян, его изображение обновлялось; оно состояло из козьей шкуры, водруженной на шест высотой восемь футов, увенчанной стеблями кукурузы; жрец приносил жертву на камне, меде, молоке и плодах земли, в то время как молодежь обоего пола образовывала круг вокруг идола.

Весной и летом пруссаки отмечали несколько других праздников в честь того же бога; на весеннем празднике, который состоялся 22 марта, они обратились к Курко со следующими словами: “Это ты прогнал зиму и вернул нам ясные дни; благодаря тебе сады и поля расцветают заново; благодаря тебе леса вновь обретают свою зелень”. У жителей Пруссии было множество других богов, которым они взывали о своих стадах, пчелах, лесах, водах, урожае, торговле, мире в семьях и супружеском счастье; божество с сотней глаз наблюдало за порогом дома; один бог охранял двор, другой - конюшню; охотник слышал, как дух леса воет среди верхушек деревьев; моряк рекомендовал себя богу моря. *К Лаймеле* обращались роженицы, и она перевернула жизнь человечества. Божества-покровители останавливали распространение пожаров, заставляли течь березовый сок, охраняли дороги и будили рабочих до рассвета. Воздух, земля, воды были населены гномами, или маленькими богами, а также призраками и гоблинами, которых они называли *арванами*. Все верили, что дуб был деревом, дорогим богам, и что его тень давала убежище от насилия людей или превратностей судьбы. В дополнение к дубу Ремове у пруссаков было несколько других деревьев того же вида, которые они считали святилищами своих божеств. Они освящали также липы, ели, клены и даже целые леса; они благоговели перед фонтанами, озерами и горами; они поклонялись змеям, совам, аистам и другим животным: короче говоря, в странах, населенных пруссаками, вся природа была наполнена божествами, и вплоть до четырнадцатого века о европейском народе можно было сказать, как сказал Боссюэ о древнем язычестве: *“Все там было богом, кроме самого Бога”*.

Задолго до крестовых походов святой Адальберт покинул свою родину, Богемию, чтобы проникнуть в леса Пруссии и попытаться обратить пруссаков в христианство; но его красноречие, его умеренность или его милосердие не могли обезоружить ярость священников Перкунаса. Адальберт умер, пронзенный стрелами, и получил пальму первенства мученичества; та же участь постигла и других миссионеров; их кровь восстала против их убийц, и весть об их смерти вместе с описанием жестокостей варварского народа повсюду громко взывала к христианам Севера об отмщении. Соседние народы постоянно вынашивали решение поднять оружие против идолопоклонников Пруссии. Аббат монастыря Олива, более способный и, более того, более удачливый, чем его предшественники, предпринял обращение язычников на Одере и Висле и преуспел, при содействии Святого Престола, в организации крестового похода против почитателей ложных богов; огромное количество христиан приняли крест по призыву папы, который пообещал им вечную жизнь, если они падут в бою, и земли и сокровища, если они одержат победу над врагами Христа. Рыцари Христа и рыцари меча, учрежденные для умирения язычников Ливонии, вместе с тевтонскими рыцарями, которые в Палестине соперничали в силе и славе с двумя другими орденами Храма и Госпитальеров, по первому сигналу устремились под знамена армии, собранной для вторжения в Пруссию и обращения ее жителей: эта война длилась более двух столетий. В этой кровопролитной борьбе, если христианская религия иногда вдохновляла своих противников своими добродетелями, то лидеры этого длительного крестового похода гораздо чаще находились под влиянием мести, честолюбия и алчности. Рыцари Тевтонского ордена, чья храбрость почти всегда приравнивалась к героизму, оставались хозяевами страны, завоеванной их оружием. Эти победоносные монахи никогда не наставляли покоренный ими народ ни своей умеренностью, ни своим милосердием; и их часто обвиняли перед трибуналом главы Церкви в том, что они обратили пруссаков не для того, чтобы сделать их слугами Христа, а для увеличения числа своих собственных подданных и рабов.

Мы рассказали о народе Пруссии и о войнах, развязанных против него, только для того, чтобы показать нашим читателям нацию и обычаи, почти неизвестные даже современным ученым, и показать, насколько амбиции и жажда завоеваний могли злоупотребить духом крестовых походов: мы спешим вернуться к экспедиции, которая готовилась против сарацин.

Германия считалась с Фридрихом II. как предводитель войны, которая вот-вот должна была начаться в Азии; но новый император, долгое время сидевший на троне, сотрясаемом гражданскими войнами, страшась предприятий итальянских республик и, возможно, пап, их покровителей, счел благоразумным отложить свой отъезд в Палестину.

Однако рвение крестоносцев не ослабевало, и в своем нетерпении они обратили свои взоры к королю Венгрии, чтобы тот принял командование в священной войне. Андрей в сопровождении герцога Баварского, герцога Австрийского и немецкой знати, принявшей крест, отправился на Восток во главе многочисленной армии и прибыл в Спалатро, где крестоносцев ожидали суда из Венеции, Зары, Анконы и других городов Адриатики, чтобы переправить их в Палестину.

Во всех странах, через которые он проходил, венгерского короля сопровождали благословения народа. Когда он приблизился к городу Спалатро, жители и духовенство вышли процессией ему навстречу и проводили его в свою главную церковь, где собрались все верующие, чтобы призвать милость Небес на христианских воинов. Через несколько дней флот крестоносцев покинул порт^[197] Спалатро и отправился на остров Кипр, где его встретили наместники короля и патриарха Иерусалимского, представители орденов Храма и Святого Иоанна, а также тевтонских рыцарей.

Толпа крестоносцев, высадившихся в Бриндизи, Генуе и Марселе, предшествовала королю Венгрии и его армии. Лузиньян, король Кипра, и большая часть его баронов, находясь под влиянием примера стольких прославленных принцев, приняли крест и пообещали последовать за ними в Святую Землю. Все крестоносцы вместе сели на корабль в порту Лемиссо и с триумфом высадились в Птолемаиде.

Арабский историк говорит, что со времен Саладина у христиан никогда не было такой многочисленной армии в Сирии.^[198] Во всех церквях возносилась благодарность Небу за мощную помощь, которую оно послало Святой Земле; но радость христиан Палестины быстро омрачилась серьезными трудностями, в которых они оказались, добывая провизию для такого множества паломников.

Этот год (1217) был бесплодным для самых богатых стран Сирии;^[199] а корабли с Запада были нагружены только военными машинами, оружием и багажом. Вскоре крестоносцы почувствовали нехватку продовольствия и подтолкнули солдат к распущенности и грабежу; баварцы учинили величайшие беспорядки, разграбляя дома и монастыри и опустошая соседнюю страну; у вождей не было другого средства восстановить порядок и мир в армии, кроме как дать сигнал к войне против сарацин; и, чтобы спасти земли и жилища христиан, они предложили своим солдатам разорить города и территории неверных.

Вся армия под командованием королей Иерусалима, Кипра и Венгрии расположилась лагерем на берегах реки Цизон. Патриарх святого города, чтобы поразить воображение крестоносцев и не дать им забыть о цели своего предприятия, отправился в лагерь, захватив с собой часть

дерева истинного креста, который, как он утверждал, был спасен в битве при Тивериаде. Короли и принцы вышли босиком ему навстречу и с уважением приняли знак искупления. Эта церемония возродила рвение и энтузиазм крестоносцев, чьим горячим желанием теперь было сражаться за Христа. Армия пересекла поток и двинулась к долине Хесраэль, между горой Хермон и горой Гелбоэ, не встретив врага. Вожди и воины искупались в Иордане и прошли по равнине Иерихона и вдоль берегов великого озера Генесарет. Христианская армия маршировала, распевая духовные песни; религия и ее воспоминания восстановили дисциплину и мир среди них. Каждый предмет и место, которые они видели вокруг себя, наполняли их благочестивым почитанием Святой Земли. В этом походе, который был настоящим паломничеством, они взяли большое количество пленных без единого сражения и вернулись в Птолемаиду, нагруженные добычей.

Во время этого крестового похода Малек-Адель больше не правил ни Сирией, ни Египтом. После того, как он взойшел на трон Саладина путем несправедливости и насилия, он добровольно сошел с него; преодолев все препятствия и не имея больше желания созидать, он осознал пустоту человеческого величия и передал бразды правления империей, которую никто не имел права оспаривать у него. Мелик Камель, старший из его сыновей, был султаном Каира; а Коррадин[200] был султаном Дамаска. Другие его сыновья получили в качестве своей доли империи княжества Босра, Баальбек, Месопотамия и т.д. Малек-Адель, освобожденный от забот правительства, по очереди навещал своих детей и сохранял мир между ними. Все, что он сохранил от своего прошлого могущества, - это господство великой известности и славы, приобретенной бесчисленными героическими подвигами; но это господство держало в подчинении князей, народ и армию. В минуты опасности его советы становились законами: солдаты по-прежнему считали его своим лидером, его сыновей - своим верховным арбитром, а всех мусульман - своими защитниками и поддержкой.

Новый крестовый поход посеял ужас среди неверных, но Малек-Адель успокоил их опасения, заверив их, что христиане скоро разделятся между собой, и сказав им, что этот грозный поход напоминает бури, которые бушуют над горой Либан и которые рассеиваются сами по себе: ни армии Египта, ни армии Сирии не появились в Иудее; и крестоносцы, собравшиеся в Птолемаиде, были поражены, не встретив врага, с которым можно было бы бороться. Предводители христианской армии решили направить свой марш к берегам Нила; но близившаяся зима не позволила им предпринять столь далекое предприятие. Чтобы нанять солдат, которых праздность всегда склоняла к распущенности, было решено совершить нападение на гору Фавор, где укрепились мусульмане.

Гора Фавор, столь прославленная в Ветхом и Новом Завете, возвышается подобно великолепному куполу среди обширной равнины Галилеи. Склон горы покрыт цветами и душистыми растениями; с вершины Фавора, которая образует уровень протяженностью в лигу, по словам путешественников, видны все берега Иордана, Тивериадское озеро, Сирийское море и большинство мест, в которых Христос творил свои чудеса.

Церковь, возведение которой было связано с благочестием Святой Елены, стояла на том самом месте, где произошло преображение Христа в присутствии его учеников, и долгое время привлекала толпы паломников. Два монастыря, построенные на вершине Фавора, веками увековечивали память о Моисее и Илии, чьи имена они носили; но со времен правления Саладина знамя Магомета реяло над этой святой горой; церковь Святой Елены и монастыри

Моисея и Илии были разрушены, и на их руинах была воздвигнута крепость, из которой мусульмане постоянно угрожали территориям Птолемаиды.

Невозможно было взойти на гору Фавор, не столкнувшись с тысячей опасностей; но христианских воинов ничто не устрашало: иерусалимский патриарх, шедший во главе их, показал им истинный крест и воодушевил их своим примером и красноречивыми словами. Огромные камни скатывались с высот, занятых неверными, которые обрушивали бесконечный ливень дротиков и стрел на все дороги, ведущие к вершине горы. Доблесть воинов креста превзошла все усилия сарацин; король Иерусалимский отличился необыкновенной храбростью и собственноручно убил двух эмиров. Достигнув вершины горы, крестоносцы рассеяли мусульман и преследовали их до ворот их крепости: ничто не могло устоять перед их оружием. Но внезапно у нескольких вождей возникли подозрения относительно намерений султана Дамаска; и страх перед неожиданностью тем сильнее подействовал на их умы, что никто этого не предвидел. В то время как мусульмане в ужасе отступали за свои крепостные валы, внезапная паника охватила победителей: крестоносцы отказались от атаки крепости, и вся христианская армия отступила, ничего не предприняв; как будто она всего лишь взойшла на гору Фавор, чтобы созерцать место, ставшее священным благодаря преображению Спасителя.

Мы вряд ли могли бы поверить рассказу об этом поспешном бегстве без свидетельств современных историков;[201] древние хроники, по своему обыкновению, не преминули приписать предательству событие, которое они не могут понять; однако нам кажется гораздо более естественным предположить, что отступление крестоносцев было вызвано разногласиями и недостатком предусмотрительности, которые привели к отступлению крестоносцев. одерживал верх во всех своих начинаниях.[202]

Это отступление имело самые роковые результаты; в то время как военачальники упрекали друг друга в позоре армии и совершенной ими вопиющей ошибке, рыцари и солдаты впали в состояние уныния. С тех пор иерусалимский патриарх отказался нести древо истинного креста в авангарде крестоносцев, поскольку обнаружил, что вид его не может ни возродить их благочестие, ни оживить их мужество. Короли и принцы, руководившие крестовым походом, желая исправить столь позорный провал, прежде чем вернуться в Палестину, повели армию в Финикию. В этой новой кампании ни один подвиг не свидетельствовал о том, что их вооружение было зимним, большое количество солдат, измученных холодом, остались брошенными на дорогах, в то время как другие попали в руки арабов-бедуинов. В канун Рождества крестоносцы, стоявшие лагерем между Тиром и Сарфатом, были застигнуты врасплох сильной бурей; ветер, дождь, град, вихри, непрекращающиеся раскаты грома убили их лошадей, унесли палатки и разбросали багаж. Эта катастрофа довершила их уныние и породила веру в то, что Небеса отказали им в своей поддержке.

Поскольку они испытывали серьезную нехватку провизии, а вся армия не могла прокормиться в одном месте, они решили разделить на четыре разных отряда до конца зимы. Это разделение, которое было произведено на фоне взаимных жалоб, оказалось скорее результатом разногласий, чем необходимостью. Король Иерусалима, герцог Австрии и великий магистр ордена Святого Иоанна расположились лагерем на равнинах Кесарии; король Венгрии, король Кипра и Раймонд, сын принца Антиохийского, удалились в Триполи;[203] великие магистры тамплиеров и тевтонских рыцарей и Эндрю д'Авеннес с фламандским полком

Крестоносцы отправились укреплять замок, построенный у подножия горы Кармель; другие крестоносцы удалились в Птолемаис с намерением вернуться в Европу.

Король Кипра заболел и умер как раз в тот момент, когда собирался отправиться в свое собственное королевство. Король Венгрии был обескуражен и начал отчаиваться в успехе войны, начатой так неудачно. Этот принц, пробыв три месяца в Палестине, счел свой обет выполненным и сразу же решил вернуться в свои владения.

Запад, несомненно, был удивлен, увидев, что Андрей покинул свое королевство, раздираемое фракциями, и отправился в Сирию; и восточные христиане были не менее удивлены, увидев, что этот принц покинул Палестину, ничего не сделав для освобождения святых мест. Патриарх Иерусалимский упрекнул его в непостоянстве и приложил все усилия, чтобы удержать его под знаменами креста; но, обнаружив, что Андрей не поддается его мольбам, он прибегнул к угрозам и продемонстрировал грозный набор церковного оружия. Ничто, однако, не могло поколебать решимости короля Венгрии, который удовлетворился тем, что не сделал вид, что покидает дело Христа, оставив половину своих войск под командованием короля Иерусалима.

Покинув Палестину, Андрей долгое время оставался в Армении, делая вид, что забыл своих собственных врагов, как забыл врагов Христа. Он возвращался в Европу через Малую Азию и, проезжая мимо Константинополя, увидел крушение латинской империи, которое должно было пробудить его от благочестивой праздности и напомнить ему об опасностях, подстерегающих его самого. Венгерский монарх, оставивший свою армию в Сирии, забрал с собой ряд реликвий; таких как голова святого Петра, правая рука апостола Фомы и одна из семи ваз, в которых Христос превращал воду в вино на свадьбе в Кане: его уверенность в этих почитаемых предметах заставила его пренебречь средствами человеческого благоразумия; и, если верить современной хронике,^[204] когда он вернулся в Венгрию, реликвий, которые он привез из Святой Земли, оказалось достаточно для подавления всех смут в его государствах и установления мира, законов и справедливости во всех его провинциях. Большая часть венгерских историков, однако, придерживается совсем другого языка,^[205] и упрекают своего монарха в том, что он растратил свои сокровища и свои армии в опрометчивой и неудачной экспедиции; знать и народ воспользовались его долгим отсутствием, чтобы навязать ему законы и получить свободы и привилегии, которые ослабили королевскую власть и посеяли зародыши быстрого упадка в королевстве из Венгрии.

После отъезда короля Венгрии из портов Голландии, Франции и Италии прибыло большое количество крестоносцев. Крестоносцы из Фрисландии, Кельна и с берегов Рейна остановились на побережье Португалии, где они победили мавров в нескольких крупных битвах, убили двух сарацинских принцев и водрузили знамена с крестом на стенах Алькасара. Они описывали чудеса, которыми Небеса поддержали их доблесть, и явление ангелов, облаченных в сверкающие доспехи, которые сражались на берегах Тежу в рядах воинов Христа.^[206] Прибытие этих воинов с рассказом об их победах возродило мужество крестоносцев, оставшихся в Палестине под командованием Леопольда, герцога Австрийского; с таким мощным подкреплением не говорилось ни о чем, кроме возобновления войны против мусульман.

Проект завоевания берегов Нила часто занимал мысли христиан; поскольку идея войны в Египте была выдвинута самим папой на Латеранском соборе, ее рассматривали как вдохновение с Небес; они думали только о преимуществах богатого завоевания, а опасности столь трудного предприятия не имели никакого значения в глазах воинов креста.

Христианская армия под командованием короля Иерусалима, герцога Австрийского и Вильгельма, графа Голландского, погрузилась в порту Птолемаиса и высадилась в пределах видимости Дамьетты, на северном берегу второго устья Нила. Город Дамьетта,^[207] расположенный на расстоянии мили от моря, имел двойной вал со стороны реки и тройную стену со стороны суши; башня возвышалась посреди Нила, а железная цепь, протянувшаяся от города к башне, препятствовала проходу судов. В городе находился многочисленный гарнизон с провизией и боевым снаряжением для длительной осады. Дамьетта уже несколько раз отражала грозные атаки христиан. Рожер, король Сицилии, овладел ею в предыдущем столетии, но он не смог удержать и защитить ее от объединенных сил мусульман.

Крестоносцы прибыли к Дамiette в начале апреля; разбив свои палатки на обширной равнине, они оставили позади озера и заводи, изобилующие всевозможной рыбой;^[208] перед ними протекал Нил, покрытый их судами; тысячи каналов, увенчанных вечнозеленым папирусом и тростником, пересекали земли и распространяли свежесть и плодородие вокруг. они. На полях, которые еще так недавно были театром кровавых сражений, не было видно никаких следов войны; урожаи риса покрывали равнины, на которых христианские армии погибли от голода; апельсиновые и лимонные рощи, усыпанные цветами и фруктами; пальмовые и платановые рощи, заросли жасмина и душистых кустарников, со множеством растений и чудес, неизвестных паломникам, создавали образ земного рая и наводили на мысль, что Дамьетта, должно быть, была первым жилищем человека в его невинном состоянии. Вид прекрасного неба и богатого климата опьянял их радостью, поддерживал надежду в их сердцах и приближал исполнение всех божественных обетований. В своем религиозном и воинственном энтузиазме они верили, что видят Провидение, расточающее свои чудеса ради успеха их оружия; едва они разбили свой лагерь на берегу Нила, как лунное затмение покрыло горизонт тьмой; и даже это явление воспламенило их мужество, поскольку показалось им предзнаменованием величайших побед.

Первые атаки^[209] были направлены против башни, построенной посреди Нила; к стенам подходили суда, в которых были размещены башни, лестницы и разводные мосты. Солдаты, которые их сопровождали, не обращая внимания на стрелы и смертоносные машины мусульман, предприняли несколько атак, но чудеса силы, мужества и мастерства были бесполезны. Самые бесстрашные из крестоносцев, жертвы собственной опрометчивой храбрости и преданности, погибли, поглощенные волнами, не имея возможности получить помощь или отомстить за своих товарищей. Во всех атаках ничто не могло сравниться с безудержной доблестью западных воинов; но эта доблесть не подкреплялась ни благоразумием командиров, ни дисциплиной солдат; у каждой нации был свой лидер, свои военные машины, свои дни для сражений; никакой приказ не определял ни атаку, ни отступление; солдаты на борту кораблей хотели управлять ими, моряки будут сражаться.

Однако частые проверки, которым они подвергались, в конце концов научили их благоразумию: самое легкое из их судов поднялось по Нилу и, вернувшись, чтобы бросить якорь над башней,

построенной посреди реки, атаковало и разломало лодочный мост, соединявший башню с городом. Промышленность также оказала свою помощь храбрости крестоносцев; были изобретены военные машины, моделей которых ранее не существовало. Огромный деревянный замок, построенный на двух судах, [210], соединенный балками, вызывал восхищение как чудесное изобретение и рассматривался как верный залог победы. Над этим плавучим замком был подъемный мост, который можно было опустить на сарацинскую башню, и галереи, предназначенные для приема солдат, которые должны были атаковать стены. Бедному священнику Кельнской церкви, [211] который проповедовал крестовый поход на берегах Рейна и последовал за христианской армией в Египет, было поручено руководить возведением этого грозного сооружения. Поскольку папы в своих письмах всегда советовали крестоносцам брать с собой на Восток людей, сведущих в механическом искусстве, [212] Христианская армия не испытывала недостатка в рабочих для выполнения самых сложных работ; щедрость руководителей и солдат покрывала все необходимые расходы.

Вся армия с нетерпением ожидала момента, когда огромная крепость приблизится к башне на Ниле; в лагере возносились молитвы о защите Небес; патриарх и король Иерусалимский, духовенство и солдаты в течение нескольких дней подвергались всем суровым казням — все босиком прошли процессией к берегу моря. Вожди выбрали праздник апостола Святого Варфоломея днем штурма, и крестоносцы были полны надежды и рвения. Они соперничали друг с другом в стремлении попасть в атакующую группу, для которой были отобраны лучшие солдаты каждой нации, и Леопольд, герцог Австрийский, образец христианских рыцарей, удостоился чести командовать экспедицией, с которой был связан первый успех крестового похода.

В назначенный день два судна, увенчанные деревянной башней, получили сигнал к отправлению. С ними были триста воинов в полном вооружении, и неисчислимое множество мусульман, собравшихся на стенах, созерцали это зрелище с удивлением, смешанным со страхом. Два корабля бесшумно плыли вверх по середине реки, в то время как все крестоносцы, либо построившиеся в боевой порядок на левом берегу Нила, либо рассредоточившиеся по соседним холмам, громкими возгласами приветствовали движущуюся крепость, которая несла в себе судьбу и надежды христианской армии. Приблизившись к стенам, оба корабля бросили якорь, и солдаты приготовились к штурму. Пока христиане метали свои дротики и готовили свои копья и мечи, сарацины поливали их потоками греческого огня и прилагали все усилия, чтобы деревянный замок, в котором сражались их враги, стал добычей пламени. Одна сторона была воодушевлена криками и аплодисментами христианской армии, другая - тысячекратно повторенными возгласами жителей Дамииетты. Посреди боя машина крестоносцев внезапно оказалась объята пламенем; подъемный мост, опущенный на стены башни, дрогнул и стал неустойчивым; древко флага герцога Австрийского упало в Нил, а знамя христиан осталось в руках мусульман. При этом зрелище сарацины испустили самые необузданные крики радости, в то время как на берегу, на котором стояли лагерем крестоносцы, слышались стоны и звуки скорби; патриарх Иерусалимский, духовенство, вся армия упали на колени и воздели умоляющие руки к небу.

Но вскоре, как будто Бог был благосклонен к их молитвам, пламя было потушено, машина отремонтирована, подъемный мост заменен, и спутники Леопольда возобновили атаку с еще большим рвением, чем когда-либо. С вершины своей крепости они командовали стенами башни и наносили могучие удары саблей, копьем, боевым топором и железной булавой. Два

солдата вскочили на платформу, на которой защищались сарацины ; они посеяли ужас среди осажденных, которые в смятении спустились на первую ступень башни; последние подожгли пол и попытались воздвигнуть огненный вал между собой и врагами, которые бросились вниз в погоню за ними; но эти последние усилия отчаяния и храбрости оказали лишь тщетное сопротивление христианским воинам. Мусульмане подверглись нападению со всех сторон башни; и их стены, сотрясаемые машинами, казалось, оседали вокруг них и собирались похоронить их под руинами: в этом безнадежном состоянии они сложили оружие и подали иск своим победителям о пожизненном заключении.

После этой памятной победы христиане, хозяева башни на Ниле, разорвали цепь, препятствующую проходу судов, и их флот смог подойти вплотную к крепостным валам города.

Примерно в то же время (сентябрь 1217 г.) Малек-Адель, который представлял собой такую угрозу для христиан, умер в столице Египта. Перед смертью он услышал о победе, одержанной христианами при Дамiette; и крестоносцы не преминули сказать, что он пал под влиянием отчаяния и что он унес с собой в могилу силу и славу мусульман.

Христиане в своих историях изображают Малек-Аделя амбициозным, жестоким и суровым принцем; восточные писатели восхваляют его благочестие и кротость. Арабский историк хвастается своей любовью к справедливости и истине,^[213] и описывает одной чертой умеренность абсолютных монархов Азии, когда он говорит, “что брат Саладина без гнева выслушивал то, что вызывало его неудовольствие”.

Историки единодушно восхваляют храбрость мусульманского принца и способности, которые он проявил при осуществлении всех своих замыслов. Ни один правитель не знал лучше, как заставить повиноваться себе или придать верховной власти ту блестящую внешность, которая поражает воображение народов и располагает их к подчинению. При своем дворе он всегда казался окруженным восточной пышностью: его дворец был святилищем, к которому никто не осмеливался приблизиться; он редко появлялся на публике; когда он это делал, это вызывало страх: поскольку ему везло во всех его начинаниях, мусульманам было нетрудно поверить, что любимец фортуны был любимцем Небес: багдадский халиф отправил послов приветствовать его, *царя царей*. Малек-Аделю было приятно, что в лагерях его называли Сеиф Эддин^[214] (меч религии), и это славное имя, которое он заслужил своими сражениями с христианами, привлекло к нему любовь и доверие воинов исламизма. Он поразил Восток своим отречением так же сильно, как он поразил его своими победами; удивление, которое он вызвал, только увеличило его славу, равно как и его могущество; и, чтобы его судьба во всем была необыкновенной, судьба распорядилась так, что, когда он сойдет с трона, он по-прежнему останется хозяином. Его пятнадцать сыновей, из которых несколько были монархами, все еще трепетали перед ним; народы падали ниц при его появлении; до того самого часа, когда он закрыл глаза, его присутствие, только его имя поддерживали мир в его семье и провинциях, а также порядок и дисциплину в армиях.

После его смерти облик всего начал меняться; империя айубитов, которую он поддерживал своими подвигами, пришла в упадок; амбиции эмиров, долгое время сдерживаемые, вылились в заговоры против верховной власти; дух вседозволенности начал проявляться в мусульманских армиях, и особенно среди войск, защищавших Египет.

Крестоносцы должны были извлечь выгоду из смерти Малек-Аделя и тех последствий, к которым она, несомненно, привела, без перерыва нападая на обескураженных мусульман. Но вместо того, чтобы развить свой успех, после того как они овладели Башней Нила, они все сразу же пренебрегли трудами осады и, казалось, заснули после своих первых побед. Многие из них, убежденные, что они сделали достаточно для дела Христа, думали только о том, чтобы отправиться обратно в Европу. Каждое судно, покидавшее порт, вызывало у паломников воспоминания о доме; и прекрасного неба Дамьетты, которое воспламенило их воображение в начале осады, было недостаточно, чтобы удержать их в стране, которую они начали рассматривать как место ссылки.

Духовенство, однако, горячо осудило отступление и дезертирство крестоносцев и умоляло Небеса наказать подлых солдат, которые таким образом отказались от знамени креста. Шесть тысяч паломников из Бретани, возвращавшихся в Европу, потерпели кораблекрушение у берегов Италии, и почти все погибли; и церковники вместе с самыми ярыми крестоносцами не преминули увидеть в столь великом бедствии проявление божественного гнева. Когда крестоносцы Фрисландии, покинув знамена Святой Земли, вернулись на Запад, океан внезапно прорвал дамбы и вышел за свои обычные границы; богатейшие провинции Голландии были затоплены, и сто тысяч жителей вместе с целыми городами исчезли под водой. Многие христиане приписывали это бедствие преступному отступлению фрисонских и голландских крестоносцев.

Папа с болью наблюдал за возвращением пилигримов-дезертиров из дела Христова. Гонорий не пренебрегал ничем, чтобы обеспечить успех войны, которую он проповедовал; и он каждый день, как молитвами, так и угрозами, добивался ухода тех, кто, приняв крест, откладывал выполнение своего обета.

По обычаю мореплавателей, были установлены два периода в году, в которые лучше всего пересекать море. Паломники почти всегда садились на пароход в марте и сентябре месяце, направляясь либо на Восток, либо обратно в Европу; из-за этого их сравнивали с теми перелетными птицами, которые меняют климат с приближением нового сезона и к концу хорошей погоды.^[215] При каждом переходе Средиземное море было покрыто судами, которые перевозили крестоносцев, одни возвращались в свои дома, другие отправлялись сражаться с неверными. В тот самый момент, когда христиане оплакивали гибель фрисонских и голландских воинов, их боевой дух восстановился, когда крестоносцы из Германии, Пизы, Генуи, Венеции и нескольких провинций Франции прибыли в лагерь в Дамьетте.

Среди французских воинов история называет имена Эрве, графа Неверского; Гуго, графа де ла Марш; Майлза де Бар-сюр-Сен; лордов Джона Артуа и Понсе де Кранси; Итье де Таси и Савари де Молеона; их сопровождали архиепископ Бордо, епископы Анже, Отена, Бове, Парижа, Мо, Нуайона и др. Англия также послала в Египет самых храбрых из своих рыцарей. Генрих III. принял крест после Латеранского собора; но поскольку он не мог покинуть свои владения, в то время ставшие жертвой гражданских войн и раздираемые раздорами, графы Харкорт, Честер и Арундел вместе с принцем Оливером,^[216] были удостоены обвинения в оправдании от его имени клятвы, которую он дал сражаться на Востоке ради дела Христова.

Во главе паломников, прибывших в то время в Египет, были два кардинала, которых папа направил в христианскую армию. Роберу де Курсону, одному из проповедников крестового похода, была поручена миссия по распространению нравственных заповедей Христа в лагере

крестоносцев и воодушевлению рвения и преданности солдат своим красноречием. Кардинал Пелагий, епископ Альбано, пользовался полным доверием Святого Престола; он привез с собой сокровища, которые должны были покрыть военные расходы; крестоносцы из Рима и нескольких других городов Италии выступили в поход по его приказу и признали его своим военачальником.

Кардинал Пелагиус, по своему положению, был наделен большим авторитетом в христианской армии, и его от природы властный характер привел к тому, что он получил еще большую власть, чем он получил от Святого Престола. В каком бы деле он ни был занят, он не признавал себе равных и не терпел начальства. Было известно, что он выступал против суверенного понтифика в недрах конклава; он оказал бы сопротивление самым могущественным монархам, даже в их собственных советах. Кардинал Пелагиус, убежденный, что Провидение намерено использовать его для осуществления великих замыслов, считал себя пригодным для любых дел и обреченным на всевозможную славу; приняв решение, он отстаивал его с непобедимым упрямством, и на него не влияли ни препятствия, ни опасности, ни даже уроки опыта. Если Пелагий и давал какой-либо совет на соборе, он поддерживал его всеми угрозами римского двора и часто давал повод полагать, что громы Церкви были вверены только ему, чтобы он мог обеспечить торжество своих собственных мнений.

Едва Пелагий прибыл в Египет, как в качестве папского легата оспорил командование армией у Иоанна Бриенского. В подтверждение своих притязаний он утверждал, что крестоносцы взяли за оружие по желанию суверенного понтифика; что они были солдатами Церкви и не должны признавать никакого другого главы, кроме легата Святого Престола: эти предположения сильно оскорбляли баронов и главных лидеров. С того времени было легко предвидеть, что раздор будет внесен тем, чьей миссией было установление мира; и что посланник папы римского, которому было поручено проповедовать смирение среди христиан, собирался все разрушить своей безумной самонадеянностью.^[217] Кардинал де Курсон скончался вскоре после своего прибытия.

Продолжатель Вильгельма Тирского, сожалея о смерти этого легата, который отличался умеренностью, одним словом характеризует поведение Пелагия и последствия, которые можно было ожидать от него, говоря: “Затем умер кардинал Питер, а Пелагий остался жив, что было очень прискорбно”.

Тем временем приближение опасности воссоединило мусульманских князей. Халиф Багдада, на которого Джеймс Витрийский^[218] Называет *папой неверных*, призвал народы взяться за оружие против христиан. Все сыновья Малек-Аделя, правившие провинциями Сирии и Йемена, приготовились выступить на помощь Египту. Султан Дамаска, совершив несколько вторжений на территорию Птолемаиды, собрал всю свою армию и решил идти защищать Дамиеетту. Поскольку у него были основания опасаться, что христиане могут воспользоваться его отсутствием, чтобы захватить Иерусалим и укрепиться в нем, он приказал снести крепостные валы святого города. Он также приказал разрушить крепость Фавор и все те, которые мусульмане удерживали вдоль берегов Палестины; решительная мера, которая огорчила неверных, но была рассчитана на то, чтобы еще больше огорчить христиан, поскольку она доказала им, что они должны бороться с врагами, воодушевленными отчаянием и готовыми пожертвовать всем, чтобы обеспечить свою собственную безопасность.

Султан Каира расположился лагерем в окрестностях Дамьетты, где ожидал принцев своей семьи. Гарнизон города каждый день получал провизию и подкрепления и был в состоянии длительное время оказывать сопротивление христианской армии. Приготовления и приближение мусульман наконец вывели крестоносцев из состояния бездействия. Воодушевленные своими вождями, но еще больше видимостью опасности и присутствием грозного врага; по-прежнему возглавляемые королем Иерусалима, который сопротивлялся притязаниям Пелагия, христианские солдаты возобновили осаду и предприняли несколько штурмов города на берегу реки. Только что наступившая зима несколько не помешала их атакам; ничто не могло сравниться с героическим постоянством, с которым они в течение нескольких месяцев противостояли холоду, дождю, голоду, всем тяготам войны и всем суровостям времени года. Заразная болезнь произвела большие опустошения в христианской армии: страшная буря, длившаяся три дня, унесла палатки и поклажу как вождей, так и солдат; но ничто не уменьшало ярости сражений, которые возобновлялись непрерывно.

В конце концов христиане, став хозяевами всего западного берега Нила, решили переправиться через реку и напасть на город со стороны суши. Переход был трудным и опасным; султан Каира разбил свой лагерь на противоположном берегу; равнина, на которой крестоносцы хотели разбить свои палатки, была покрыта мусульманскими солдатами; неожиданное событие устранило все препятствия.

Мы говорили о мятежном духе эмиров, которые после смерти Малек-Аделя открыто демонстрировали свои честолюбивые замыслы и стремились внести раскол в мусульманские армии. Самым замечательным среди этих эмиров был предводитель отряда курдов по имени Эмад-эддин,^[219] который принимал участие во всех революциях Египта и Сирии. Связанный с судьбами сыновей Айюба, этот эмир был свидетелем взлета и падения нескольких мусульманских династий и с презрением относился к власти, истоки которой ему были известны. Бесстрашный солдат, вероломный подданный, всегда готовый служить своим государям в бою или предать их в заговоре, Эмад-эддин не мог терпеть принца, правившего по законам мира, или признавать власть, которая не была плодом его интриг или революции. Поскольку удача всегда была благосклонна к его дерзости и поскольку все его предательства были щедро вознаграждены, каждое новое восстание увеличивало его авторитет и славу; враг общепризнанной власти, надежда всех, кто стремился к империи, он был почти таким же грозным, как Горный Старец, угрозы которого заставляли трепетать самых могущественных монархов. Эмад-эддин решил сменить правительство Египта и задумал свергнуть султана Каира и заменить его другим из сыновей Малек-Аделя.

В этот заговор были вовлечены несколько эмиров. В назначенный день они должны были войти в шатер Мелик-Камеля и силой заставить его отказаться от верховной власти. Султан был предупрежден о готовящемся против него заговоре, и накануне дня, когда он должен был привести его в исполнение, он покинул свой лагерь посреди ночи. На следующий день, на рассвете, заговорщикам стало известно, что их замыслы раскрыты; они тщетно пытались склонить солдат к восстанию; в лагере царило величайшее смятение; среди эмиров одни собрались вокруг Эмад-эддина и поклялись последовать его примеру; другие, сомневаясь в успехе его предприятия, хранили молчание; многие дали клятву защищать Мелик-Камеля. Посреди этих дебатов мусульманская армия, сознавая, что у нее нет предводителя, опасалась, что христиане могут застать их врасплох. Внезапно панический ужасохватил солдат, которые

побросали свои палатки и поклажу и в величайшем беспорядке бросились по следам своего беглого султана.

Это отступление, причину которого христиане не могли себе представить и которое их историки объясняют чудом с небес,[220] открыло им проход через Нил. Армия поспешила переправиться через реку, овладела мусульманским лагерем, захватила огромную добычу и приблизилась к стенам Дамииетты.

Однако паника, обратившая мусульманские войска в бегство, никак не передалась гарнизону города: этот бесстрашный гарнизон оказал самое энергичное сопротивление и дал армии Мелик-Камеля[221] время оправиться от испуга. Султан Дамаска вскоре присоединился к своему брату, султану Каира. Эмад-эддин и другие лидеры заговора были арестованы и закованы в цепи. Порядок и дисциплина среди сарацин были восстановлены, и христианской армии пришлось сражаться со всеми объединенными силами неверных, которым не терпелось восстановить нанесенный им удар и вернуть утраченные преимущества.

Приближались жаркие дни лета: Нил, разлившийся из-за тропических дождей, начал выходить из своего русла. Христианская армия стояла лагерем под стенами Дамииетты, имея в тылу озеро Мензале. Сарацины пришли и разбили свои палатки недалеко от лагеря христиан, которые, измученные изнуряющей жарой того времени года и климатом, каждый день подвергались яростным нападениям неверных. В одном из таких столкновений мусульмане овладели мостом, который крестоносцы перебросили через Нил; берега реки были покрыты убитыми, и христианская армия была обязана своей безопасностью только героической храбрости герцога Австрийского, короля Иерусалимского и великих магистров Святого Иоанна и Храма. Вскоре после этого произошла еще одна битва, еще более кровопролитная, чем первая. В этой битве, как ее описывает Иаков из Витри, очевидец, ни один человек из христиан не бездействовал: духовенство молилось или ухаживало за ранеными; в то время как женщины и дети носили сражающимся воду, вино, еду, камни и дротики. Вихри раскаленной пыли поднялись в воздух и окутали две армии. Крики раненых и умирающих, звуки труб и лязг оружия доносились с соседних холмов и с обоих берегов Нила. Иногда сарацины обращались в бегство, и целые батальоны, говорит Иаков Витрийский, исчезали, затопленные Нилом, как некогда армии фараона погибли в Красном море. Иногда христиане, в свою очередь, получали отпор и оставляли на поле боя большое количество своих воинов: резня продолжалась целый день, ни одна из сторон не могла заявить о победе. Пока две армии с такой яростью сражались на берегах, генуэзцы и пизанцы с борта своих кораблей предприняли атаку на крепостные стены города. Несколько их кораблей были сожжены греческим огнем, а самые храбрые из их солдат были раздавлены балками и камнями, сброшенными с вершины стен. С приближением ночи крестоносцы вернулись в свои палатки, отчаявшись когда-либо победить сарацин и упрекая друг друга в недостатке мужества в этот злополучный день.

На следующий день между конными и пешими солдатами возникли новые споры,[222] каждый из этих органов обвинял другого в том, что он был причиной потерь, понесенных армией. Эти споры стали такими жаркими, что, наконец, и пешие, и конные с громкими криками потребовали, чтобы их снова вели в бой, и в смятении выбежали из лагеря, чтобы представить убедительные доказательства своей храбрости; вожди не могли ни обуздать, ни направить пыл и стремительность своих солдат, которые сражались в беспорядке и были отброшены сарацинами после ужасной резни.

В этот период в христианской армии появился святой человек по имени Франциск Ассизский, чья репутация благочестивого человека распространилась по всему христианскому миру и предшествовала ему на Востоке. С самой ранней юности Фрэнсис покинул отцовский кров, чтобы вести назидательную жизнь. Однажды, находясь на мессе в церкви в Италии, он был поражен отрывком из Евангелия, в котором наш Спаситель говорит: “Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни других денег; ни сумы на дорогу, ни сандалий, ни посоха”. С того периода Франциск презирал все богатства этого мира и посвятил себя бедности апостолов; он путешествовал по странам и городам, призывая всех людей к покаянию. Последовавшие за ним ученики не побоялись презрения толпы и прославили себя этим перед Богом: когда их спрашивали, откуда они пришли, они обычно отвечали: “Мы бедные кающиеся из Ассизы”.

Франциска привела в Египет слава крестового похода и надежда добиться там какого-нибудь великого обращения. За день до последней битвы он чудесным образом предчувствовал поражение христиан и поделился своим предсказанием с военачальниками армии, которые выслушали его с безразличием. Неудовлетворенный крестоносцами и охваченный рвением к миссии, посланной Богом, он тогда задумал проект обеспечения торжества веры только своим красноречием и оружием Евангелия. Он направился к вражескому лагерю, подставил себя под удар сарацинских солдат и был приведен в присутствие султана. Затем Франциск обратился к Мелик-Камелю,^[223] и сказал ему: “Это Бог посылает меня к тебе, чтобы указать тебе путь к спасению”. После этих слов миссионер призвал султана^[224] принять Евангелие; он бросил вызов в его присутствии всем докторам права и, чтобы опровергнуть обман и доказать истинность христианской религии, предложил бросить себя в самую середину горящего погребального костра. Удивленный султан приказал ретивому проповеднику удалиться от него, но тот не получил ни одного из объектов своих желаний, поскольку не обратился к султану в свою веру и не получил пальму первенства мученичества.

После этого приключения святой Франциск вернулся в Европу, где основал религиозный орден Кордельеров, которые поначалу, не имея ни церквей, ни монастырей, ни земель, ни стад, распространились по всему Западу, трудясь над обращением кающихся. Ученики святого Франциска иногда несли слово Божье среди диких народов; некоторые отправлялись в Африку и Азию, ища, как это делал их учитель, ошибок, которые можно опровергнуть, и зла, которое можно претерпеть; они часто водружали крест Христов на землях неверных и в своих безобидных паломничествах постоянно повторяли слова Священного Писания: *Мир да пребудет с вами*; они были вооружены только своими молитвами и не стремились ни к какой славе, кроме смерти за веру.

Крестоносцы стояли лагерем семнадцать месяцев перед стенами Дамииетты, и ни одного дня не проходило без кровопролитных столкновений. Мусульмане, хотя и получили некоторые преимущества, начали терять всякую надежду одержать победу над врагом, защищенным от бедствий войны и нездорового климата. Весть возвещала о приближающемся прибытии императора Германии, принявшего крест, и это известие, хотя и придавало христианам мужества, заставляло мусульман трепетать при мысли о необходимости бороться с самым могущественным из монархов Запада. Султан Дамаска от имени всех принцев своей семьи отправил послов в лагерь крестоносцев просить мира. Он предложил франкам оставить город и королевство Иерусалим и оставить за собой только места Крак и Монреаль, за которые они собирались платить дань. Поскольку крепостные валы и башни святого города были недавно

разрушены, мусульмане обязались заплатить двести тысяч динаров за их восстановление; кроме того, они согласились выдать всех христиан, взятых в плен после смерти Саладина.

Главные военачальники христианской армии были созваны для обсуждения предложений мусульман. Король Иерусалима, французские бароны, англичане, голландцы и немцы придерживались мнения, что к условиям следует присоединиться и принять мир: король Иерусалима вернет себе свое королевство, а бароны Запада увидят счастливый конец войны, которая так долго удерживала их вдали от своих домов.

“Приняв мир, они достигли цели крестового похода — освобождения святых мест. Христианские воины осаждали Дамием в течение семнадцати месяцев, и осада могла затянуться еще больше. Многие крестоносцы ежедневно возвращались в Европу, в то время как толпы мусульманских воинов так же постоянно становились под знамена султанов Каира и Дамаска. Если бы они взяли Дамием, они были бы слишком счастливы обменять ее на Иерусалим. Мусульмане предложили дать до победы ровно столько, сколько они могли потребовать после того, как покорили их. Было неразумно отказываться от того, что предлагала им судьба без конфликтов и опасностей. Следует избегать пролития крови, и они должны размышлять о том, что победы, приобретенные смертью воинов креста, были такими, которые были наиболее приемлемы для Бога христиан”.

Король Иерусалимский и большинство баронов говорили именно так и пытались склонить к своему мнению итальянскую знать и группу прелатов, которых кардинал Пелагиус повел в противоположном направлении. Легат папы считал себя главой этой войны и желал, чтобы она продолжалась, чтобы продлить его власть и снискать ему дополнительную известность. “Он не мог видеть в предложениях врага ничего, кроме новой уловки, чтобы отсрочить захват Дамием и выиграть время. Сарацины не предлагали ничего, кроме пустынных земель и разрушенных городов, которые снова попадут в их власть. Их единственной целью было разоружить христиан и предоставить им предлог для возвращения на Запад. Все зашло слишком далеко, чтобы позволить им отступить без позора. Для христиан было позором отказаться от завоевания города, который они осаждали семнадцать месяцев и который больше не мог держаться. Сначала они должны завладеть им, а затем они должны знать, что лучше всего сделать — овладев Дамием, крестоносцы могли бы заключить славный мир и воспользоваться всеми преимуществами победы”.

Мотивы, о которых говорил кардинал Пелагиус, не были необоснованными, но в совете руководителей крестового похода царил партийный дух. Как это всегда бывает в подобных обстоятельствах, каждый составил свое мнение не о том, что он считал полезным и справедливым, а о том, что казалось наиболее благоприятным для партии, которую он принял; некоторые советовали продолжить осаду, поскольку король Иерусалима высказал противоположное мнение; другие желали, чтобы предложенная капитуляция была принята, поскольку эта капитуляция была отвергнута папским легатом. Христианская армия являла собой странное зрелище. С одной стороны, Иоанн Бриенский и самые прославленные воины были сторонниками мира; с другой стороны, легат и большинство духовных лиц с большой теплотой требовали продолжения войны: они совещались в течение нескольких дней, не имея ни малейшего шанса привести обе стороны к соглашению; и хотя дискуссии становились все более ожесточенными, военные действия возобновились: затем все крестоносцы объединились, чтобы продолжить осаду Дамием.

Султан Каира использовал все средства, чтобы подбросить в город помощь и поддержать мужество гарнизона и жителей. Несколько мусульманских солдат, воспользовавшись ночной темнотой, попытались проникнуть в это место; нескольким удалось проникнуть в ворота, но гораздо большее число было застигнуто врасплох и перебито крестоносцами, которые постоянно и пристально наблюдали за стенами.

Известия, которые султан Мелик-Камель получал из Дамииетты, с каждым днем становились все более тревожными, мусульманская армия, не осмеливаясь прийти на помощь осажденным, бездействовала и ограничивалась защитой своих собственных укреплений. Вскоре сообщение между этим местом и лагерем неверных было полностью прервано; несколько ныряльщиков пересекли Нил с помощью христианского флота, достигли Дамииетты и вернулись, чтобы сообщить султану, что в городе царили мор, голод и отчаяние. Мусульмане прибегали ко всевозможным уловкам, чтобы доставить продовольствие гарнизону; иногда они наполняли провизией кожаные мешки, которые, будучи брошенными в поток Нила, всплывали под крепостными валами города; в других случаях они прятали хлебцы в простынях, которыми были обернуты мертвые тела, которые, будучи унесенными водой, были остановлены на своем пути осажденными. Вскоре христиане обнаружили эти уловки, и тогда голод начал причинять ужасные опустошения; у солдат, одолеваемых усталостью и ослабленных голодом, не было сил сражаться или охранять башни и крепостные валы. Жители, доведенные до отчаяния, покинули свои дома и бежали из города, который представлял собой не что иное, как образы смерти: многие пришли умолять крестоносцев сжалиться над ними. Командующий Дамииеттой, чье имя история не сохранила, тщетно пытался поддержать мужество народа и солдат. Чтобы предотвратить дезертирство, он приказал замуровать ворота города; и с этого периода ни султан Каира, ни крестоносцы не могли знать, что происходило в осажденном месте, в котором царила мрачная тишина и которое, по выражению одного арабского автора, *было уже не чем иным, как закрытой гробницей*.

Христиане разместили свои машины у подножия башни, и поскольку они не видели никого, кто ее защищал, легат во главе итальянских крестоносцев воспользовался темной и ненастной ночью, чтобы проникнуть за первый выступ стен. Король Иерусалима и другие вожди одновременно решили пойти на штурм и войти в город с мечом в руке. Как только рассвело, самые смелые поднялись в башню, которую они обнаружили опустевшей, и громко позвали своих товарищей присоединиться к ним. Христианская армия приветствовала их успех аплодисментами и ответила криками радости; солдаты схватились за оружие и немедленно привели в действие тараны. Стены были взяты штурмом, ворота разбиты вдребезги, и открылся проход; нетерпеливые крестоносцы бросились вперед с обнаженными мечами и копьями наготове, чтобы встретить врага; но когда они вышли на улицы, их окутал зловонный запах, и ужасное зрелище заставило их отшатнуться от ужаса! Общественные места, мечети, дома, весь город был усеян мертвецами!^[225] Старость, младенчество, зрелость, девичья красота, грация матроны — все погибло в ужасах осады! К моменту прибытия крестоносцев в Дамииетте насчитывалось семьдесят тысяч жителей; из них осталось только три тысячи самых крепких, которые, готовые умереть, скользили подобно бледным, исчезающим теням среди гробниц и руин.

Это ужасное зрелище тронуло сердца крестоносцев и смешало чувство печали с радостью, которую вызвала их победа. Завоеватели обнаружили в Дамииетте огромные запасы специй, алмазов и драгоценных тканей. Когда они разграбили город, можно было подумать, говорит

историк, что воины Запада завоевали Персию, Аравию и Индию. Духовенство обрушило громы отлучения от церкви на всех, кто утаивал какую-либо часть добычи; но эти угрозы не возымели действия на алчность солдат: все богатство, поступившее в общественный фонд, принесло только двести тысяч крон, которые были распределены между войсками победоносной армии.

Дамиетта могла похвастаться знаменитой мечетью, украшенной шестью обширными галереями и ста пятьюдесятью мраморными колоннами, увенчанными великолепным куполом, который возвышался над всеми другими зданиями города. Эта мечеть, в которой накануне вечером мусульмане поднимали свои умоляющие, полные слез глаза к своему пророку, была посвящена деве мариин Христовой, и вся христианская армия пришла туда, чтобы вознести благодарность Небу за победу, дарованную оружием. На следующий день бароны и прелаты собрались в том же месте, чтобы обсудить вопрос о своем завоевании, и по единодушному решению город Дамиетта был передан королю Иерусалима. Затем они обратили свое внимание на судьбу несчастных жителей, избежавших эпидемии и голода. Джеймс Витрийский, описывая страдания Дамиетты и говоря об ужасном голоде, унесшем жизни стольких семей во время осады, проливает слезы по маленьким детям, которые тщетно просили хлеба у своих умерших родителей.^[226] Судьба тех, кто остался в живых, внушила добродетельному епископу Птолемаиды сострадание, и он купил многих из них, чтобы крестить и воспитывать в христианской религии. Однако благочестивое милосердие прелата могло обеспечить им только вечную жизнь, поскольку почти все они умерли после крещения. Все мусульмане, у которых было достаточно сил для работы, получили свободу и хлеб и были заняты уборкой города. В то время как вожди таким образом наблюдали за скорбящим городом и проявляли свое тревожное внимание к предотвращению новых бедствий, зрелище, которое представляла Дамиетта, и отравленный воздух, которым они дышали в ее стенах, вынудили христианскую армию вернуться в свой лагерь и ждать времени, когда завоеванный город можно будет заселить без опасности.

Когда весть о взятии Дамиетты распространилась по Сирии и Верхнему Египту, мусульманские народы, охваченные ужасом, устремились к своим мечетям, чтобы умолять своего пророка о вмешательстве против врагов исламизма. Султаны Каира и Дамаска отправили послов к багдадскому халифу, умоляя его призвать всех истинно верующих взяться за оружие для защиты религии Магомета. Халиф с грустью размышлял о бедствиях, которые вот-вот обрушатся на принцев семьи Саладина; но другие опасности угрожали ему гораздо больше. Татарские орды спустились со своих гор, вторглись в несколько провинций Персии и продвигались к Евфрату. Халиф, далекий от того, чтобы помочь мусульманам Сирии и Египта своими молитвами и увещеваниями, призвал их на помощь, чтобы защитить свою столицу и отвлечь бунт, готовую разразиться над всем Востоком. Когда мусульманские послы вернулись в Дамаск и Каир, их отчеты добавили новых тревог к тем, которые уже вызывали завоевания христиан.

Князя Айубитов, однако, не замедлили объединить все свои усилия против крестоносцев, отложив до более благоприятного момента защиту главы исламизма. Мусульманские народы гораздо больше боялись вторжения христиан, чем вторжения татарских орд. Завоеватели, которых народы боятся больше всего, - это те, кто желает изменить законы и религию завоеванной страны. Татары, чьи привычки и манеры не были сформированы, легко подчинялись привычкам покоренного ими народа; христиане, напротив, воевали только для того, чтобы уничтожить всех и поработить всех. Богатые города, великие провинции уже находились в их власти: под их господством все изменило свою форму. Таким образом,

мусульманские князья и народы от Евфрата до Красного моря забыли или пренебрегли бурей, которая бушевала над Персией и медленно продвигалась к Сирии, и решили взяться за оружие против крестоносцев, которые были хозяевами Нила.

После взятия Дамьетты мусульманские солдаты, защищавшие Египет, были охвачены таким чрезмерным страхом, что в течение нескольких дней ни один из них не осмеливался встретиться лицом к лицу с христианским солдатом. Египетские воины, охранявшие крепость Таннис, построенную за озером Мензале, покинули свои укрепления при приближении нескольких крестоносцев, и таким образом один из самых прочных бастионов мусульманской империи оказался без защиты в руках франков. С этого времени у христиан были основания полагать, что у них больше не было врагов на берегах Нила, и во время суровой зимы многие паломники вернулись в Европу. Половина армии воспользовалась маршевым переходом, чтобы покинуть Египет; те, кто остался под знаменами крестового похода, забыли о трудах и опасностях войны и отдались потворству своим желаниям и сладострастию, всему тому удовольствию, которое доставляли приближение весны, прекрасный климат и прекрасное небо Дамьетты.

В мирное время разногласия, которые так часто прерывали ход войны, вскоре возобновились; взятие Дамьетты воспламенило гордость кардинала Пелагиуса, который в христианской армии говорил как победитель и командовал как повелитель. Король Иерусалима был так недоволен, что оставил город, который был ему отдан, и оставил армию, которую он возглавлял, чтобы удалиться в Птолемаиду.

Однако новые крестоносцы, стремившиеся продемонстрировать свою доблесть в борьбе с мусульманами, прибывали ежедневно. Герцог Баварский с четырьмя сотнями немецких рыцарей и баронов, посланных Фридрихом II, высадился на берегах Нила. Вскоре после этого христианская армия приняла в свои ряды крестоносцев из Милана, Пизы и Генуи, а прелаты и архиепископы возглавили толпу защитников креста, прибывших из различных провинций Германии, а также из Франции и Италии. Верховный понтифик не пренебрег ничем, чтобы обеспечить успех священной войны; он послал кардиналу Пелагию провизию для армии и значительную сумму денег, частично из своей собственной казны, а частично из благотворительности верующих Запада.^[227] Легат желал воспользоваться помощью, которую он только что получил, и предложил продолжить войну и выступить непосредственно против столицы Египта. Духовенство последовало совету Пелагия, но те из крестоносцев, которые с отвращением смотрели на прелата во главе воинов, отказались брать в руки оружие. Герцог Баварский, бароны и рыцари не желали признавать другого вождя, кроме короля Иерусалимского; легат Пелагий был вынужден послать депутатов к Иоанну Бриеннскому, которого, под давлением самого папы, в конце концов уговорили, и он согласился после нескольких месяцев отсутствия вернуться и принять командование армией.

Пока крестоносцы пребывали в бездействии, все мусульмане взяли за оружие: султаны Дамаска и Алеппо, принцы Хамы, Бальбека и Аравии собрали свежие армии. После взятия Дамьетты султан Каира удалился со своими войсками к месту, где разделяются два восточных рукава Нила: там он ежедневно наблюдал, как отряды мусульманских воинов встают под его знамена, и, ожидая благоприятной возможности, построил в центре своего лагеря дворец, окруженный стенами.

Мусульмане построили там дома, бани и базары, а лагерь султана превратился в город под названием Мансура, которому суждено было войти в историю поражением христианских армий.

Как только король Иерусалима вернулся в Дамьетту, предводители крестоносцев собрались на совет, чтобы обсудить, что им делать: папский легат первым высказал свое мнение и предложил выступить в поход на столицу Египта. “Мы должны атаковать зло в его источнике и, чтобы победить сарацин, разрушить основу их могущества. Египет поставляет им солдат, провизию и оружие. Завладев Египтом, мы лишим его всех ресурсов. Никогда еще воины креста не были воодушевлены таким рвением; никогда неверные не были так подавлены. Упустить такую возможность означало предать общее дело. Когда нападали на великую империю, благоразумие повелевало нападающим не складывать оружия, пока они не покорят ее; остановившись после первой победы, они проявили больше слабости, чем умеренности. Взоры всего христианского мира были устремлены на армию крестоносцев; от их доблести ожидали не только освобождения святых мест, но и смерти всех врагов Христа, уничтожения каждого народа, который наложил святотатственное иго на град Божий”.

Епископы, прелаты и большинство духовных лиц громко приветствовали речь легата; но Иоанн Бриеннский, который вовсе не разделял их мнения, встал и, заявляя о своей преданности делу Христа, начал с обращения к собранию, что если кто-либо может быть более заинтересован в завоеваниях христиан на Востоке, чем человек, имевший честь быть королем Иерусалима. Затем он указал, насколько неосмотрительно было бы подниматься вверх по Нилу в тот самый момент, когда эта река начинает разливаться и, скорее всего, затопит дороги, ведущие в Каир. “Запомни, ” сказал он, - все опасности экспедиции, которые тебе предстоят. Мы должны идти в неизвестную страну, через середину вражеской страны: если мы будем побеждены, для нас не будет убежища; если мы победители, наши победы только ослабят нашу армию. Как бы легко нам ни было завоевывать провинции, нам будет почти невозможно их защитить. Крестоносцы, всегда стремящиеся вернуться в Европу, неизмеримо более полезны в победных сражениях, чем в закреплении за собой завоеванных стран. Никто не может предположить, что с храбрыми отрядами, которые нас окружают, мы испытываем какой-либо страх перед мусульманскими армиями, которые собираются со всех сторон; но чтобы обеспечить нашу безопасность, мы должны не только подчинить наших врагов, мы должны уничтожить их — мы должны иметь дело не с армией, а с целой нацией, одушевленной отчаянием. Вся мусульманская раса вот-вот превратится в бесстрашных солдат, которым не терпится пролить свою кровь на поле битвы. Но что я могу сказать? нам гораздо меньше следует опасаться их мужества, чем их робкого благоразумия. Они не преминут уклониться от борьбы и будут ждать, пока болезни, нужда, переутомление, раздоры, непостоянство человеческих умов, разлив Нила и жаркий климат не одержат верх над нашими усилиями и не приведут к провалу все наши предприятия”.

Иоанн Бриеннский укрепился в своем мнении другими мотивами, которыми снабдило его знание военного искусства, и закончил свою речь словами, “что Дамьетта и Таннис были достаточно могущественны, чтобы обуздать народ Египта; что было необходимо вернуть города, которые они потеряли, прежде чем они подумали о завоевании стран, которые никогда не были в их владении; и что, короче говоря, они собрались под знаменами креста не для осады Фив, Вавилона или Мемфиса, но для освобождения Иерусалима, который открыл свои ворота

христианам и который никогда не был в их власти". они могли бы укрепиться против всех нападений неверных".

Этот умеренный и миролюбивый язык вполне подошел бы устам посланника папы; но Пелагий слушал короля Иерусалимского с явным нетерпением: он ответил, что слабость и робость скрываются за покровом умеренности и благоразумия; что Христос призвал к себе на защиту не таких мудрых и дальновидных воинов, а воинов, которые искали битвы, а не доводов разума, и которые могли видеть славу предприятия и быть слепыми к его опасностям. Легат добавил еще несколько доводов к тем, которые он уже выдвинул, и высказал их с большой горечью; наконец, увлекшись горячностью дискуссии, он пригрозил всем тем, кто не разделял его мнения, отлучением от церкви. Большинство вождей и сам король Иерусалима, опасаясь быть отлученными от церкви, но гораздо больше страшась увидеть малейшее подозрение, брошенное на их храбрость, в конце концов уступили упрямой воле Пелагия: совет баронов и епископов постановил, что христианская армия должна покинуть Дамиеетту и выступить против столицы Египта.

Эта армия, насчитывавшая более семидесяти тысяч человек, продвигалась вверх по берегам Нила. В то же время многочисленный флот, груженный провизией, оружием и боевыми машинами, поднялся по реке. Христианская армия прошла через Фарескур и несколько других деревень, покинутых их жителями; все они бежали при приближении крестоносцев, которые начали верить, что не встретят препятствий для своих побед, и заранее отпраздновали завоевание Мемфиса и Каира. Папский легат ликовал по поводу решения, которое он продиктовал христианской армии; и, полный доверия к предсказанию, сделанному относительно него в юности, самонадеянный кардинал льстил себя надеждой, что он собирается ниспровергнуть культ Магомета, и позволял себе самые оскорбительные насмешки над теми, кто был против войны. Без единого сражения христиане достигли оконечности дельты, под углом, образованным рукавом реки, спускающимся к Дамиеетте, и каналом Алмон, воды которого впадают в море на восточной стороне. Сарацины расположились лагерем на равнине Мансура, на противоположном берегу реки; крестоносцы остановились на соседнем берегу, и их флот бросил якорь как можно ближе к ним.

Султан Дамаска и принцы Алеппо, Бальбека, Хамы и Босры объединили свои войска с войсками султана Каира. Нил, берега которого были покрыты укреплениями, представлял собой барьер, преодолеть который было очень трудно. Но Мелик-Камель не осмеливался померяться силами с крестоносцами, страшась их опрометчивой храбрости, столь привычной к опасностям и победе над любыми препятствиями. Известия о прибытии Фридриха и о приближении татар постоянно держали мусульман в состоянии тревоги и заставляли их стремиться прекратить войну, которая истощала их ресурсы, отнимала силы и не сулила им, даже в случае победы, компенсации за столькие усилия и столькие жертвы.

Были отправлены послы с предложением мира командирам христианской армии: мусульмане предложили своим врагам, если те согласятся на полное прекращение военных действий, уступить им Дамиеетту и ее территории и восстановить Иерусалим со всеми местами Палестины, завоеванными Саладином.

Эти условия обеспечивали христианам все преимущества как войны, так и мира. Король Иерусалима и большинство баронов, видевших трудности и опасности экспедиции, в которую они отправились, выслушали предложения неверных со столь же удивлением, сколь и

радостью, и без колебаний приняли их; но у них не было абсолютно никакой власти в армии. Легат, пользовавшийся произвольной властью и постоянно мечтавший о завоеваниях, упорно думал, что эти мирные предложения были всего лишь следствием страха и что враг, требующий мира, был тем, с кем войну следует вести наиболее энергично.

Послы вернулись в лагерь мусульман, чтобы объявить, что христиане отказались от мира: их рассказ вызвал негодование, а негодование придало мужества. Когда князья Айубитов предложили мир, у них было достаточно средств, чтобы вести войну с выгодой; они каждый день получали подкрепления, и их лагерь быстро приобретал все более грозный вид; но вскоре на помощь мусульманам пришли ужасные вспомогательные силы, против атак которых у Пелагия не было защиты, и они обеспечили им полную победу без сражений и опасностей.

Христианские воины, которые льстили себе, что теперь им приходится иметь дело только с побежденным врагом, удовлетворились тем, что окружили свой лагерь рвом и стеной; армия несколько дней оставалась на этой позиции, не предпринимая попыток ни атаковать сарацин, ни перейти Нил. Пелагий, который постоянно обещал победу своим солдатам, оставался, тем не менее, в состоянии бездействия в своей палатке. В этот период многие крестоносцы устали от войны, в которой не велось сражений; некоторые полагали, что дело больше не нуждается в их помощи; в то время как другие, более дальновидные, опасались грядущих неудач: более десяти тысяч крестоносцев покинули лагерь и вернулись в Дамиемту.

Христианская армия уже больше месяца находилась лицом к лицу с врагом, всегда ожидая обещанных ей побед. В конце концов, разлив Нила самым тревожным образом нарушил их воображаемую безопасность. Сарацины открыли шлюзы и заполнили все каналы Нижнего Египта. Мусульманский флот, который не смог подняться по Нилу через Дамиемту, воспользовался каналами и догнал христианские корабли. В одном-единственном сражении корабли крестоносцев почти все были рассеяны и сожжены греческим огнем: с этого момента христиан охватил ужас, ибо они испытывали нужду в провизии и не имели ни средств, ни надежды ее добыть. Сарацины, переправившись через Нил по мостам, заняли все окрестные холмы. Христианские солдаты бродили по полям наугад, преследуемые волнами разлившейся реки и мусульманами, к храбрости которых они так недавно относились с презрением. Вся армия была на грани затопления или гибели от голода, и у нее не было другой надежды, кроме как на милосердие врага, с которым они недавно отказались заключить мир.

В этой крайней ситуации король Иерусалима и главные вожди христиан послали нескольких своих рыцарей предложить сарацинам сражение; но последние не были ни достаточно безрассудны, ни достаточно великодушны, чтобы принять предложение, продиктованное отчаянием. Крестоносцы были измучены голодом и усталостью; кавалерия увязла в грязи и слизи и не могла ни наступать, ни отступать; пехотинцы побросали оружие; обоз армии уплыл по воде, и не было слышно ничего, кроме стонов и причитаний. “Когда христианские воины, - говорит арабский историк, - не увидели перед собой ничего, кроме смерти, их умы впали в состояние уныния, а спины согнулись под жезлом Бога, которому вся хвала!”

Тогда Пелагий, должно быть, осознал всю степень своей ошибки: в его проекте похода на Каир, несомненно, было что-то грандиозное, если бы его можно было осуществить; но самонадеянный легат пренебрег всеми советами, всеми уроками опыта и не предвидел ни

одного препятствия, с которым он наверняка столкнется на своем пути; он вел армию, полную недовольства; у солдат не было ни той уверенности, ни того энтузиазма, которые побуждают людей отважно идти на опасности или бодро встречать усталость. Король Иерусалимский, герцог Баварский и большое количество баронов были его личными врагами и проявляли очень мало интереса к успеху предприятия, которое они не одобряли.

Среди криков и стенаний армии, которой он обещал победу, Пелагий был вынужден вести переговоры о мире, и его гордость унизилась до того, что он стал умолять сарацин о милосердии. Христианские послы, среди которых был епископ Птолемаиды, отправились предложить завоевателям капитуляцию; они предложили сдать город Дамьетту и попросили только предоставить христианской армии свободу вернуться в Птолемаиду.

Мусульманские князья собрались на совет, чтобы обсудить предложения крестоносцев. Некоторые придерживались мнения, что их следует принять; другие заявляли, что все христиане должны быть взяты в плен. Среди тех, кто предлагал самые суровые меры, выделялся султан Дамаска, непримиримый враг франков. “Никакой договор не может быть заключен, - сказал он, - с воинами без человечности и без веры. Мы должны помнить об их варварстве на войне и их предательстве в мирное время. Они вооружились, чтобы опустошать провинции, разрушать города и ниспровергать культ Магомета. Поскольку судьба отдала этих самых жестоких врагов исламизма, этих опустошителей Востока, в руки *истинно верующих*, мы должны принести их в жертву ради безопасности мусульманских народов и воспользоваться нашей победой, которая навсегда посеет ужас среди народов Запада”.

Большинство принцев и эмиров, движимых фанатизмом и жаждой мести, приветствовали эту яростную речь аплодисментами. Султан Каира, более умеренный и, несомненно, более дальновидный, чем другие вожди, также опасавшийся прибытия Фридриха и нашествия татар, выступил против мнения султана Дамаска и посоветовал принять капитуляцию франков. “Не все франки входили в эту армию, которая теперь была в их власти; другие крестоносцы охраняли Дамьетту и, возможно, смогли бы ее защитить; мусульмане выдержали восьмимесячную осаду, христиане могли продержаться столько же. Принцам семьи Саладина было выгоднее вернуться в свои города, чем держать нескольких своих врагов в цепях. Если они уничтожали одну христианскую армию, Запад, чтобы отомстить за поражение своих воинов, мог послать бесчисленные легионы на Восток. Им не следовало забывать, что мусульманские армии частично утратили тот дух послушания и дисциплины, который был единственной гарантией победы; что они были измучены усталостью и жаждали отдыха. Другие враги, помимо ныне разоруженных христиан, другие опасности, помимо тех, которых они только что избежали, вскоре могут нависнуть и над Сирией, и над Египтом. [228] Было мудро заключить мир в этот момент, чтобы подготовиться к новым столкновениям, к новым войнам, возможно, гораздо более жестоким, чем та, которую они теперь имели возможность завершить с такой славой для мусульманского оружия”.

Речь Мелик-Камеля вернула принцев его семьи к чувствам умеренности. [229] Капитуляция была принята; султан Каира отправил своего собственного сына в лагерь христиан в качестве залога своего слова. Король Иерусалимский, герцог Баварский, папский легат и главные военачальники отправились в лагерь сарацин и оставались там в качестве заложников до заключения договора.

Когда представители плененной армии прибыли в Дамием и объявили о бедствиях и пленении христиан, их рассказ вызвал слезы у толпы крестоносцев, которые в то время прибыли с Запада. Когда те же самые депутаты сообщили им, что город должен быть сдан неверным, самые бесстрашные из франков не могли сдержать своего негодования и отказались признать договор, столь позорный для воинов креста. Величайшее смятение царило по всему городу. Некоторые, охваченные отчаянием, решили вернуться в Европу и были готовы покинуть знамена креста; другие побежали к крепостным валам и, овладев башнями, поклялись защищать их.

Через несколько дней прибыли новые депутаты, чтобы объявить, что король Иерусалима и другие военачальники армии будут вынуждены уступить мусульманам Птолемаиду, если они откажутся сдать Дамием. Чтобы преодолеть упорное сопротивление тех, кто хотел защитить город и кто упрекал плененную армию в том, что она позорит христиан, они добавили, что эта армия, хотя и потерпела поражение, получила награду, достойную их прежних подвигов, поскольку сарацины обязались вернуть им истинный крест Спасителя, который попал в руки Саладина в битве при Тивериаде. Страх потерять Птолемаиду, надежда вновь обрести крест Христов вместе с речами депутатов вернули дух мира и смирения в умы самых пылких крестоносцев и расположили их к выполнению условий договора.

Тем временем христианская армия, потеряв свои палатки и поклажу, провела много дней и ночей на равнине, покрытой водами Нила. Голод, болезни и наводнения угрожали их полному уничтожению. Король Иерусалима, находившийся тогда в лагере сарацин, получив известие об ужасном положении христиан, отправился умолять Мелик-Камеля сжалиться над своими обезоруженными врагами. Продолжатель Вильгельма Тирского, который является нашим гидом в этой части нашей истории, сообщает на своем старом, причудливом языке о трогательной беседе Иоанна Бриенского с султаном Египта. “Король сел перед султаном и начал плакать; султан, увидев, что король плачет, сказал: ‘Сир, почему вы плачете?’ ‘Сир, у меня есть веская причина,’ ответил король, ‘ибо я вижу, как люди, которых Бог доверил мне, гибнут среди вод и умирают от голода’. Султан почувствовал великую жалость, увидев, что король плачет, и он тоже заплакал; затем он послал тридцать тысяч буханок как бедным, так и богатым; и столько же посылал ежедневно в течение четырех дней”.[230]

Мелик-Камель приказал закрыть шлюзы, и вода быстро ушла с равнины; как только Дамием была сдана мусульманам, христианская армия начала отступление. Крестоносцы, обязанные своей свободой и жизнями милосердию сарацин, прошли через город, который стоил им стольких сражений и стольких трудов; и, плача, покинули берега Нила, где так недавно они поклялись торжествовать дело Христа. В печали они уносили с собой древо истинного креста, личность которого у них были основания подозревать, поскольку он больше не творил чудес и не был для них теперь сигналом победы. Султан Египта приказал, чтобы их сопровождал его сын, которому было приказано обеспечивать все их потребности по пути следования. Сарацинским вождям не терпелось избавиться от армии, угрожавшей их империи; они едва ли могли поверить в свой собственный триумф, и к жалости, которую внушали им побежденные враги, несомненно, примешивалось некоторое опасение.

В Птолемаиде царило великое ликование по поводу побед, одержанных христианами на берегах Нила; они верили, что уже видели освобождение святых мест и уничтожение сарацинской империи. Ужас сменился их радостью при виде возвращения армии. Как и во всех других неудачах, с которыми сталкивалось их оружие, христиане взаимно упрекали друг друга в своем

поражении; они обвиняли вождей в честолюбии, а короля Иерусалимского - в слабости; тамплиеры и госпитальеры, которые во всех случаях подавали пример мужества и самой великодушной преданности, были вынуждены принести публичные извинения за свое поведение. Когда на Западе стало известно, что Дамьетта снова попала в руки сарацин, все верующие были охвачены глубочайшим горем,^[231] и стремились своими молитвами смягчить гнев Небес. Поднялся яростный ропот против легата Пелагия, который представлял его верховному понтифику виновником всех бедствий крестового похода; но Гонорий не пожелал осудить своего министра и упрекнул Фридриха, который трижды возобновлял свою клятву сражаться против неверных, в том, что он оставался праздным зрителем неудачной войны и пренебрег оказанием помощи своим восточным братьям.

Фридрих, отправивший корабли, провизию и солдат на священную войну, думал, что полностью выполнил свою роль в крестовом походе, и поначалу был сильно удивлен упреками Святого Престола. Когда папа пригрозил ему гневом Небес и громами Рима, он не мог сдержать своего негодования; в своих письмах император горько жалуется на тиранию как Иннокентия, так и Гонория и говорит о противостоянии войны войне и мести несправедливости. После этого Гонорий, который действовал не столько по велению собственного разума, сколько в соответствии с политикой своих предшественников, изменил свой тон, попытался оправдать как Иннокентия, так и самого себя и, используя молитвы вместо угроз, призвал Фридриха сжалиться над Восточной Церковью.

Эти отеческие слова успокоили Фридриха; в беседе, которую он имел с папой в Вероли, император Германии повторил свою клятву отправиться в Палестину во главе армии. На другом собрании, которое состоялось некоторое время спустя в Вероне, папа попытался привлечь Фридриха, исходя из его собственных интересов; он предложил ему жениться на Иоланде, дочери Иоанна Бриенского и наследнице Иерусалимского королевства. Великие магистры тамплиеров, госпитальеров и Тевтонского ордена вместе с патриархом и королем Иерусалима были вызваны в Италию для обсуждения вопросов крестового похода и одобрили союз, который обеспечил бы им помощь могущественного монарха. Фридрих принял королевство, которое обещал защищать, и согласился подвергнуться отлучению от церкви, если не выполнит своих обещаний.

После Веронской конференции король Иоанн Бриенский посетил основные государства Европы с целью обращения за помощью к Святой Земле. Во время прибытия Джона во Францию французы оплакивали смерть Филиппа Августа. Король Иерусалима присутствовал на церемонии похорон своего господина и благодетеля, который после своей смерти завещал защитникам Палестины три тысячи марок серебром. Уплатив последние пошлины Филиппу, Иоанн отправился сначала в Англию, а затем в Германию, в обеих этих странах его присутствие и проповеди сильно взволновали христиан несчастьями Святой Земли.

Император Фридрих, со своей стороны, сделал все необходимые приготовления к экспедиции, которую ему предстояло возглавить лично; он приказал построить суда во всех портах Сицилии для перевозки крестоносцев. “Небо и земля,” писал он папе, - являются свидетелями того, что я всей душой желаю успеха христианскому оружию и что я не пренебрегу ничем, что может способствовать успеху святого предприятия”. Во всех своих письмах Фридрих призывал суверенного понтифика использовать все средства для увеличения численности воинов Христа. Внезапно став более ревностным сторонником крестового похода, чем сам папа, он упрекнул

римский двор в скупости на индульгенции и в том, что он доверил проповедь крестового похода вульгарным ораторам; он посоветовал папе удвоить свои усилия, чтобы унять раздоры христианских князей, и заставить королей Франции и Англии подписать мир, чтобы знать и народ этих двух королевств могли принять участие в крестовом походе. Фридрих, не имея возможности отправиться в Германию, послал туда великого магистра Тевтонского ордена с поручением призвать ландграфа Тюрингии, герцога Австрии, короля Венгрии и других князей империи принести присягу сражаться против неверных. Он взялся снабдить крестоносцев судами, провизией, оружием и всем необходимым для похода за море; короче говоря, он проявил такую активность и столько пыла и рвения, что все внимание христиан было направлено на него, и его считали душой, движущим началом и главой святого предприятия.

Христиане Палестины возлагали на него все свои надежды; александрийский патриарх в письме папе римскому сказал, что они ожидают появления императора Германии на берегах Нила и Иордана, *как некогда святые ожидали пришествия Мессии или Спасителя мира*. Патриарх со скорбью говорил о притеснениях и порабощении, которым подверглись христиане, обосновавшиеся в Египте со времени последнего вторжения крестоносцев. Несчастливым ученикам Христа не разрешалось держать в своих жилищах ни оружие, ни лошадей, ни даже нести распятие в похоронных процессиях своих родственников; сто пятнадцать их церквей были разрушены со времени завоевания Дамииетты. Угнетенные данью, [\[232\]](#) приговоренные к позорным трудам, изгнанные из своих домов, бродящие вокруг своих храмов и своих алтарей, они взывали к милосердию Небес и доблести воинов Запада для своего освобождения.

Весть о приготовлениях Фридриха распространилась даже среди отдаленных народов Грузии; и королева этой страны написала главе Римской церкви, что коннетабль ее королевства и большое количество воинов ждут только прибытия императора Германии, чтобы отправиться на помощь Палестине. Грузины имели репутацию воинственного народа, и мусульмане их побаивались; их паломники пользовались привилегией входить в Иерусалим, не платя дани, налагаемой на других христиан. Когда султан Дамаска разрушил крепостные стены святого города, воины Грузии поклялись отомстить за надругательство, совершенное над городом Бога; но вторжение татар помешало им покинуть свои собственные территории. [\[233\]](#) С того периода, когда орды Татарии направили свои опустошительные действия на другие страны, крестоносцы Кавказа и берегов Каспийского моря пообещали объединиться на равнинах Сирии и Египта с крестоносцами с берегов Рейна и Дуная.

Фридрих, однако, был еще не в состоянии выполнить свои так часто повторяемые обещания; Сицилийское и Неаполитанское королевства содержали в себе зародыши раздора и мятежа; Ломбардские республики открыто выступали против императора Германии; а Святой Престол, с тревогой наблюдавший за честолюбивыми планами Фридриха в отношении Италии, поощрял всех врагов державы, слишком близкого соседства с которой он опасался. Таким образом, политика Римского двора, восстания на Сицилии и предприятия итальянских республик не позволили императору повести свои армии в Азию. Фридрих потребовал от папы отсрочки на два года для исполнения своего обета; обосновывая свою просьбу сроком, необходимым для сбора своих армий, он заявил, что не желает начинать войну до истечения срока перемирия, заключенного с мусульманами; таким образом, проявляя гораздо большее уважение к договорам с неверными, чем это было до того времени принято среди христиан, более того, большее уважение, чем он сам проявлял. Папа, хотя и был сильно недоволен, не мог отказаться от отсрочки, которой требовал император; он, однако, скрыл свой гнев и удовлетворился

требованием новых обещаний, которые были даны, как и все остальное, с величайшей торжественностью.

Новые клятвы Фридриха были укреплены его браком с наследницей короля Иерусалимского. Свадьба была отпразднована в Риме под благословения духовенства и одобрительные возгласы народа; все христиане Запада услышали об этом с радостью, и этот союз показался им самым верным залогом побед, которые крестоносцы одержат над неверными. Иоанн Бриенский, присутствовавший на церемонии, поздравил себя с тем, что заполучил императора в качестве зятя и сторонника, но радость его была недолгой. Фредерик после женитьбы видел в нем только брата того Готье де Бриенна, который носил титул короля Неаполя и Сицилии; он считал его врагом своей власти, опасным соперником и оспаривал у него владение Иерусалимским королевством. Папа втайне был доволен этим заявлением, поскольку надеялся, что оно послужит интересам крестового похода. Гонорий был в восторге, увидев, что честолубие императора смешалось с великими планами, к осуществлению которых он так стремился. Таким образом, Фридрих был признан королем Иерусалима. Таким образом, Иоанн Бриенский, который всегда проявлял себя самым ревностным сторонником священной войны, лишенный своей короны и с того времени посторонний к делам Палестины, был вынужден в уединении и молчании ждать благоприятной возможности отомстить своему зятю и вернуть себе королевство.

Фридрих продолжал свои приготовления к священной войне и, казалось, более чем когда-либо был расположен отправиться на Восток. От имени главы Церкви во всех королевствах Европы проповедовался крестовый поход; верховный понтифик написал князьям, призывая их прекратить свои разногласия и заняться исключительно войной за морем.

Поскольку между Англией и Францией только что возобновились военные действия, Гонорий приказал Людовику VIII. сложить оружие и пригрозил ему отлучением от церкви, если он немедленно не заключит мир. Король Франции, прежде чем подчиниться приказам папы, желал завершить завоевание Пуату; и пока над его головой гремели римские раскаты грома, народ и духовенство в каждой церкви его королевства благодарили Небеса за его победы.

Война против англичан была не единственным препятствием на пути французских крестоносцев в Святую Землю; истребительный крестовый поход против альбигойцев все еще продолжался, и Людовик VIII. проявлял к этому более активный интерес, чем его отец Филипп. При Людовике VIII. заключив перемирие с Англией, он, наконец, решил принять крест и дал обет сражаться не против сарацин в Азии, а против еретиков в Лангедоке. В этом крестовом походе король Франции имел двойное преимущество: он почти не выходил за пределы своих собственных территорий и совершал завоевания, которые, возможно, когда-нибудь расширят его королевство. Лорды и бароны последовали за Людовиком в южные провинции и больше не думали об освобождении Иерусалима.

В то же время посланцы папы и императора были заняты тем, что призывали народы Германии прийти на помощь христианам Палестины. Их речи, которые поначалу имели большой успех, закончились тем, что уверенность и энтузиазм поубавились. Поскольку папа рекомендовал проповедникам расточать церковные индульгенции, люди с изумлением наблюдали, как величайшие преступники берут крест и клянутся искупить свои грехи святым паломничеством.

Они помнили, что святой Бернар призывал воров и убийц на защиту Христа; но мнения и мораль начали меняться, и то, что имело успех в предыдущем столетии, теперь было лишь источником порицания. Современный автор, монах из Упсберга, сообщает нам, что возможность, предоставленная самым порочным представителям человечества искупить свои преступления, взяв в руки оружие и крест, только усилила тяжкие преступления и охладила рвение истинных защитников Христа.^[234]

Ораторы, проповедовавшие крестовый поход в Англии, принесли больше плодов от своих трудов, но во многом своим успехом были обязаны небесным явлениям, которые очень кстати подкрепили их красноречие. Внезапно на небесах появилось светящееся распятие со следами пяти ран Спасителя. Это чудесное зрелище сильно воспламенило энтузиазм народа, и, если верить Мэтью Пэрису, более шестидесяти тысяч англичан дали клятву вооружиться для освобождения гробницы Христа.

Испания постоянно была ареной кровопролитных войн между маврами и христианами; одна сторона, поддерживаемая воинами из Африки, другая - рыцарями и солдатами из провинций Франции, каждый день вела сражения, не уничтожая своих средств ни нападения, ни защиты: среди таких войн, в которых поочередно взывали к Магомету и Христу, Испания вряд ли услышала жалобы и мольбы Иерусалима и обратила на них внимание.

Другой энтузиазм, отличный от энтузиазма крестовых походов, — горячее стремление к свободе — волновал тогда лучшие страны Италии. Большая часть городов, движимых завистью и другими страстями республик, находились в состоянии войны между собой; иногда они сражались за территорию, а иногда за независимость. Во всех этих маленьких государствах стороны с яростью нападали и преследовали друг друга и оспаривали право распоряжаться властью с мечом в руке. Некоторые города, княжества и баронства ссылались на власть папы римского, другие - на власть императора Германии; фракции гвельфов и гибеллинов беспокоили каждый город и создавали разногласия в большинстве семей. Эти раздоры и гражданские войны, естественно, отвлекли внимание христианских народов от крестовых походов.

Города Ломбардии образовали могущественную конфедерацию, которая давала Фридриху постоянный повод для беспокойства и удерживала его на Западе; Гонорий использовал все доступные ему средства, чтобы восстановить мир и направить умы людей к своей заветной цели; и, наконец, ему удалось склонить ломбардские республики присоединиться к императору Германии для освобождения святых мест.

Хотя люди утратили некоторую часть своего энтузиазма по поводу священной войны, все еще было возможно сформировать грозную армию, собрав вместе всех воинов, принявших крест в различных странах Европы; и новым крестоносцам было приказано встретиться в порту Бриндизи, где готовились суда для их транспортировки на Восток. По прибытии в Неаполитанское королевство император Германии снабдил их провизией и оружием; все было готово, и папа был близок к тому, чтобы наконец исполнить свои желания и получить награду за все свои труды и проповеди, когда неумолимая смерть лишила христианский мир его главы.

Григорий IX, сменивший его, обладал всеми способностями, добродетелями и честолюбием Иннокентия III. При осуществлении своих замыслов он не боялся ни трудностей, ни опасностей; самые жестокие меры не пугали его упрямства или дерзости, когда торжество его воли было

под вопросом. Едва Григорий взошел на папский престол, как приготовления к священной войне поглотили все его мысли и стали главным объектом его активной заботы.

Крестоносцы, собравшиеся в Апулии, сильно пострадали от влияния климата и времени года; верховный понтифик не пренебрегал ничем, чтобы облегчить их страдания и ускорить их отъезд. Он призвал императора отправиться в путь, сказав ему: “Господь поместил тебя в этот мир как херувима с пылающим мечом, чтобы направлять тех, кто сбивается с пути к древу жизни”. Фридрих, наконец, уступил молитвам папы и отплыл из порта Бриндизи со своим флотом и армией. Во всех провинциях его империи возносились молитвы о благополучии его путешествия и успехе экспедиции, когда по прошествии трех дней, пораженный болезнью, которая произвела такие опустошения в христианской армии, он повернул обратно и высадился в порту Отранто.

Григорий праздновал уход Фридриха как триумф Церкви; он рассматривал его возвращение как абсолютный бунт против Святого Престола. Маленький городок Аньяни, в который удалился папа, был свидетелем ярости понтифика и зарождения той грозной бури, которая так долго тревожила христианский мир. В сопровождении кардиналов и нескольких епископов Григорий отправился в главную церковь и, взойдя на кафедру перед собравшимся народом, произнес проповедь, текст которой гласил: “Необходимо, чтобы возникли скандалы”. После того, как он призвал пророков и рассказал о победе святого Михаила над драконом, он обрушил на Фридриха все церковные анафемы.

Император сначала отправил гонцов к папе, чтобы объяснить и оправдать свое поведение; но неумолимый Григорий отказался их слушать и пожаловался всем государям Европы, представляя Фридриха как неверного и лжесвидетельствующего принца. Он обвинил его в том, что он отправил свою жену Иоланду в строгое заточение, в котором она умерла от горя; в том, что он оставил крестоносцев умирать от голода, жажды и жары на равнинах Апулии; и в том, что, наконец, под надуманным предлогом болезни нарушил свою клятву и покинул знамена Христа, *чтобы вернуться к обычным удовольствиям своего королевства*. Он сделал ему много других упреков и в своем гневе призвал на него проклятия всех христиан.

Фредерик, чрезвычайно раздраженный, ответил на обвинения Григори с большой горечью. В своей апологии, которую он разослал всем князьям христианского мира, он сильно жаловался на узурпацию Святого Престола и в самых одиозных красках разоблачал политику и честолюбивые замыслы римского двора. “Римская церковь, - сказал он, - повсюду посылает легатов, наделенных властью наказывать, приостанавливать деятельность и отлучать от церкви не с целью распространения слова Божьего, а для того, чтобы накопить денег и пожать то, чего они не сеяли”. Император напомнил принцам в своих письмах о насилии, которое папа применил против графа Тулузы и короля Англии; он сказал, что владения духовенства теперь не удовлетворяют честолюбию Святого Престола и что суверенные понтифики желают наложить свои руки на каждое королевство. С этого момента между папой и императором была объявлена открытая война; ни один из них не обладал миролюбивым характером или любовью к спокойствию; оба были движимы безграничным честолюбием, ревнивыми до чрезмерности своей власти, неумолимыми в своей мести и всегда готовыми пустить в ход оружие, которое Церковь или фортуна вложили в их руки. Григорий проявил неутомимую активность, не давая покоя своим врагам, но преследуя их в то же время громом религии и войны. В дополнение к красноречию понтифик не брезговал прибегать к сатире;

манифесты, которые он публиковал против своих противников, постоянно напоминали о духе обличений, сделанных пророками. Эти обвинения, смешанные с неясными аллегориями, придавали его словам мрачный и таинственный оттенок, из-за чего его считали толкователем разгневанных Небес. Фридрих не был ни менее способным правителем, ни менее грозным врагом: в военном искусстве не было стратагем или секретов, с которыми он не был бы знаком; политика не диктовала средств, которые он брезговал использовать. Наделенный всеми дарами ума и острым духом остроумия, он был столь же компетентен ставить своих врагов в тупик в дискуссии, как и побеждать их на поле боя. Происходя по женской линии от тех знаменитых норманнов, которые завоевали Сицилию и Неаполитанское королевство, он, как и они, объединил мужество с хитростью, а дерзость с притворством: чтобы угодить римскому двору, он издал варварские законы против еретиков; и теперь, став врагом пап, он не побоялся вооружить еретиков или сарацин против римского двора. Когда ему предложили Иерусалимское королевство, он не придал этому приобретению большого значения, но принял его с радостью, чтобы увеличить свою популярность в христианском мире и однажды вооружиться против суверенного понтифика титулом, который тогда пользовался всеобщим почитанием.

Война между такими врагами обязательно должна быть ужасной и посеять опустошение и смятение по всему христианскому миру. Григорий, вернувшись в Рим, повторил свое отлучение от церкви Святого Петра; Фридрих, чтобы отомстить, привлек на свою сторону большую часть римской знати, которая взялась за оружие, оскорбила суверенного понтифика у самого подножия алтаря и вынудила его покинуть столицу христианского мира. Папа, изгнанный из своих владений, преследовал своего врага с большей яростью, чем когда-либо; и, воспользовавшись грозным авторитетом Церкви, он освободил подданных Фридриха от их клятвы верности, напомнив им, что они не могут быть обязаны повиноваться тем, *кто противопоставляет себя Богу и его святым*. Со своей стороны, Фридрих изгнал тамплиеров и госпитальеров из Неаполитанского королевства, разграбил церкви и жестоко обращался со всеми священнослужителями, которых подозревал в принадлежности к партии Святого Престола. Он послал войска разорить вотчину святого Петра и привлек сарацин, обосновавшихся на Сицилии, под знамена христианского князя для борьбы с главой христианской церкви. Римские государства были разорены и преданы ужасам войны. Взоры всей Европы были прикованы к этим прискорбным сценам, и все, казалось, забыли о священной войне.

Однако христиане Палестины никогда не переставали молить о помощи Запад. Письмо папе от патриарха Иерусалимского, епископов Кесарийского и Вифлеемского и великих магистров трех военных орденов в ярких красках описывало отчаяние, в которое впали христиане Востока, когда они узнали, что Фридрих отложил свой отъезд. Папа выслушал их жалобы с выражением скорби и доброты и с еще большим рвением передал их верующим, поскольку они предоставили ему новую возможность обвинить императора Германии. Но народы Запада, занятые своими опасностями и напуганные видом недавно разразившихся жестоких бурь, нисколько не были тронуты ни жалобами из Палестины, ни настоятельными увещеваниями Григория. При таком неблагоприятном положении европейских дел христианские колонии, предоставленные самим себе и своим собственным скудным ресурсам и ставшие жертвой величайших беспорядков, должны были быть захвачены и полностью разрушены, если бы Провидение не посеяло новые раздоры среди их врагов.

Во время осады Дамииетты общая опасность объединила детей Малек-Аделя; после победы честолюбие снова уступило место страху, и князья Айубитов ссорились из-за провинций, которые их союз отнял у власти или спас от вторжения христиан. Конраддин, султан Дамаска, опасаясь взглядов Мелик-Камеля, призвал Джелаледдина, принца обширной империи Каризмия, к себе на помощь. Султан Каира, сильно опасаясь последствий этого союза, обратил свой взор на принцев Запада. В течение нескольких лет одно только сообщение о приготовлениях Фридриха было источником ужаса для мусульманских держав. Император Германии считался на Востоке главой всех народов Европы. Султан Египта придавал величайшее значение разоружению грозного врага; и когда жалобы папы и слухи о раздорах, вспыхнувших среди христиан, достигли его ушей, он загорелся надеждой найти во Фридрихе искреннего союзника и могущественного помощника.^[235]

Мелик-Камель отправил подарки и послов императору Германии; он пригласил Фридриха отправиться на Восток и обещал передать ему Иерусалим. Это предложение вызвало у императора столько же удивления, сколько и радости; и он в ответ отправил посла в Египет, чтобы выяснить точные намерения султана Каира и предложить ему свою дружбу. Посланник Фридриха был принят при дворе султана с величайшими почестями и, вернувшись, объявил своему повелителю, что Мелик-Камель готов одобрить его экспедицию в Палестину.

Эти переговоры, с которыми папа и христиане Запада были совершенно незнакомы, побудили Фридриха принять решение продолжить проект крестового похода: у него было, кроме того, несколько других мотивов не отказываться от восточного предприятия. Он знал, что Иоанн Бриенский собирался вернуться в Палестину и возобновить владение Иерусалимским королевством. Папа продолжал представлять его врагом Христа и бичом христиан. Чтобы обеспечить провал плана Иоанна Бриенского и в то же время победоносно ответить верховному понтифику, Фридрих решил отправиться в Святую Землю. Он желал провозгласить свое намерение с величайшей помпой и приказал воздвигнуть великолепный трон на равнине Барлетта, на который он вззошел в присутствии огромной толпы зрителей. Во всем блеске императорского великолепия он предстал, облеченный крестом паломника, и объявил собравшемуся народу, что собирается отправиться в Сирию. Чтобы придать больше торжественности этой помпезной церемонии и тронуть сердца толпы, император приказал громким голосом зачитать свое завещание, и бароны и знать поклялись у подножия трона проследить за исполнением его последних приказаний, если ему доведется расстаться с жизнью либо в опасностях на море, либо в войнах на Востоке.

Когда папа узнал об этом решении Фридриха, он послал духовных лиц запретить ему садиться на корабль. Суверенный понтифик упрекнул императора в том, что он представил христианскому миру скандал, связанный с крестовым походом, возглавляемым принцем, осужденным Богом: поскольку флот Фридриха состоял всего из двадцати галер и поскольку он взял с собой всего шестьсот рыцарей, Григорий упрекнул его в невыполнении своих обещаний и сравнил его неосмотрительные попытки с экспедицией капитана пиратов. Император не снизошел до того, чтобы дать какой-либо ответ посланцам папы; чем больше глава Церкви противодействовал его отъезду, тем нетерпеливее казался Фридрих, намереваясь осуществить свой замысел: в своем негодовании он поздравлял себя с тем, что ему пришлось одновременно противостоять гневу Церкви и оружию сарацин. Он оставил большую часть своей армии на

Сицилии, поручив своему наместнику, герцогу Сполето, вести переговоры о мире с папой римским, но в то же время с неослабевающей энергией продолжать войну, начатую против римских государств.

Когда Григорий услышал об отъезде императора, он находился в маленьком городе Ассизи, занятом канонизацией святого Франциска. В течение нескольких дней он не пел ничего, кроме гимнов надежды и радости: “Франциск, - сказал он, - явился, как утренняя звезда, как светило дня, как луна в своем великолепии”. Эти мирные речи, эта праздничная пышность были внезапно прерваны проклятиями, которые папа произнес в адрес Фридриха: верховный понтифик направился к подножию алтаря и там умолял Небо посрамить гордыню нечестивых монархов и помешать всем их святотатственным начинаниям.

Император, несмотря ни на что, благополучно прибыл на побережье Сирии и был принят в Птолемаиде патриархом, духовенством и великими магистрами военных орденов. В течение нескольких дней христиане Востока смотрели на него как на освободителя и короля Иерусалима, но вскоре произошла перемена. Два ученика святого Франциска, посланные папой римским, пришли объявить верующим, что они приняли принца, непокорного воле Церкви. С этого момента презрение, ненависть и недоверие сменились уважением и покорностью. Они начали с того, что поняли, что за Фридрихом следует лишь небольшое количество воинов и что у него недостаточно войск, чтобы сделать его грозным ни для сарацин, ни для христиан. В Птолемаиде не говорили ни о чем, кроме отлучения папы от церкви и способов выйти из повиновения еретическому монарху: никогда еще об освобождении Иерусалима не думали так много.

В тот момент, когда Фридрих прибыл в Сирию, умер Конраддин, султан Дамаска; и смерть этого принца породила новые разногласия среди мусульманских держав. Дамасским княжеством управлял молодой неопытный принц, и дух распущенности и неподчинения, который во время последних войн уже наблюдался среди войск Сирии и Египта, с каждым днем усиливался и подвергал опасности все мусульманские престолы.

Султан Каира, узнав о прибытии Фридриха, прибыл в Палестину во главе армии. Некоторые утверждали, что он пришел защищать Иерусалим и сражаться с христианами; но его истинным намерением было воспользоваться шансами войны и царящими повсюду раздорами, завладеть Дамаском и расстроить планы врагов, которых зависть и честолюбие воздвигли против него среди мусульман и князей его семьи.

Император Германии выступил из Птолемаиды во главе своей небольшой армии и направился к горам Наплуза. Он послал графа Томаса де Челано в Мелик-Камель напомнить ему о своих обещаниях и сказать ему, что, будучи хозяином самых обширных провинций Запада, он прибыл в Азию не с целью завоеваний; что у него не было другой цели, кроме посещения святых мест и вступления во владение Иерусалимским королевством, которое принадлежало ему.^[236] Султан принял посла Фридриха с должным уважением; но то ли ему было стыдно заключать мир до того, как он начал войну, то ли он боялся навлечь на себя ненависть мусульман, проявляя слишком большое почтение к христианскому принцу, он сначала ничего не ответил на сделанные ему предложения.

Тем не менее оба принца отправили новых послов, которым с обеих сторон было поручено выразить желание мира; оба оказались в затруднительных обстоятельствах, будучи окружены

врагами, которые обвиняли их действия и не позволяли им свободно выражать все свои чувства. Мусульманская армия из Дамаска, стоявшая лагерем в окрестностях Иерусалима, наблюдала за всеми передвижениями египетского султана и, казалось, была гораздо более расположена сражаться с ним, чем давать отпор христианам. Император Германии оказался в присутствии двух враждебных армий, и то, чем он сам командовал, внушало ему не больше доверия, чем он внушал ей. Госпитальеры и тамплиеры оставили его и последовали за ним на некотором расстоянии; в лагере христиан никто не осмеливался произнести имя принца, командовавшего армией. Фридрих был вынужден снять знамя империи, и его приказы отдавались только солдатам креста во имя Бога и христианской республики.

В этой сложной ситуации Фридрих и Мелик-Камель одинаково осознавали необходимость мира и опасность начала войны; поэтому они давали больше работы своим послам, чем своим солдатам; этот крестовый поход был не чем иным, как длительными переговорами, которые не одобрялись как христианами, так и неверными. Поскольку два монарха прикрывали свою политику завесой глубокой тайны, ненависти было легко распространяться и вызывать одобрение зловещих слухов. Преступные намерения обнаруживались в самых простых действиях. В христианской армии считалось, что Фридрих совершил преступление, отправив свой меч и кирасу султану Каира в качестве залога своего стремления к миру. Среди мусульман Мелик-Камеля упрекали в том, что он стремился к союзу с врагами исламизма, отправив вождю франков слона, несколько верблюдов и редчайшие продукты Аравии, Индии и Египта. Скандал достиг апогея, когда император получил в подарок от султана Каира группу девушек, воспитанных, согласно обычаю народов Востока, петь и танцевать в банкетном зале.

В конце концов предрассудки с обеих сторон зашли так далеко, что враги относились к Фридриху более благосклонно, чем его собственная армия; и Мелик-Камель скорее обрел бы благосклонность среди христиан, чем среди своих собственных войск. Неверные считали императора Германии государем, исполненным мудрости и умеренности; Абульфед и все арабские авторы восхваляли качества и добродетели монарха франков, в то время как продолжатель Вильгельма Тирского говорит об этом государе только с горечью и сообщает в своей истории, что все апостолы и другие христиане испытывали большие сомнения в том, что он зашел слишком далеко в неверии, и горячо верил в закон Магомета.

Ненависть вскоре вылилась в акты предательства и самые одиозные заговоры. Поскольку император выразил намерение совершить омовение в водах Иордана, тамплиеры направили Мелик-Камелю письмо, в котором указывали, каким образом заставить врасплох главу христианского сообщества во время его паломничества: султан Каира презрел такое предательство и отправил полученное им письмо Фридриху. В то же время Мелик-Камель узнал, что султан Дамаска объявил ему войну, и к нему присоединятся несколько других мусульманских князей. Султан Каира и император Германии вели свои переговоры о мире в течение нескольких месяцев, но теперь, теснимые со всех сторон врагами и окруженные опасностями даже в своем собственном лагере, они, наконец, решили покончить с этим делом и заключить договор, который позволил бы им распоряжаться своими силами ради своей безопасности или ради своих личных амбиций. Они договорились между собой, что заключат перемирие на десять лет и что Иерусалим, Назарет, Вифлеем и Торон должны быть переданы Фридриху или его приближенным.^[237] Согласно условиям договора, мусульмане должны были сохранить в священном городе мечеть Омара и право свободного отправления культа: княжество Антиохия и графство Триполи не были включены в договор. Император Германии

предпринял попытку отвлечь франков от всякого рода враждебности по отношению к подданным или землям египетского султана.

Когда статьи договора стали известны в обоих лагерях, оба сочли мир нечестивым и святотатственным.^[238] Имауны и кади, призывая имя халифа Багдада, громко осудили перемирие, которое отняло у мусульман священный город, который они называли *домом Божиим, городом пророка*. Прелаты и епископы, выступая от имени римского первосвященника, яростно выступали против договора, который оставлял мечети стоять рядом с Гробом Господним и в некотором роде смешивал поклонение Магомету с поклонением Христу. Когда посланник императора Германии отправился в Дамаск, чтобы добиться ратификации заключенного договора, султан и его визирь отказались его слушать. Мир, заключенный с христианами, был предметом скорби и скандала для всех истинно верующих. Один из самых знаменитых ораторов исламизма произнес панегирик Иерусалиму в большой мечети; и, вспоминая в трогательных выражениях о потере, которую пережили мусульмане, он вызвал слезы у всех собравшихся людей.

Патриарх Иерусалимский наложил запрет на восстановленные святые места и отказал паломникам в разрешении посетить гроб Христа. Иерусалим больше не был в глазах христиан святым городом и наследием Сына Божьего; когда император совершил свой публичный въезд, верующие хранили угрюмое и меланхолическое молчание, когда он проходил мимо. В сопровождении немецких баронов и тевтонских рыцарей он направился в церковь Гроба Господня, которая была окутана трауром и выглядела так, словно ее охранял ангел осуждения; все духовенство покинуло святилище, и все вокруг носило вид мерзости и запустения. Фридрих сам принял корону и, возложив ее себе на голову, был провозглашен королем Иерусалима без всякой религиозной церемонии; изображения апостолов были скрыты вуалью; вокруг алтарей не было видно ничего, кроме мечей и копий, и священные своды не издавали никаких звуков, кроме шумных приветствий воинов.

После своей коронации Фридрих написал папе римскому и всем князьям Запада, что он отвоевал Иерусалим без пролития крови; в своем отчете он старался подчеркнуть великолепие и заслуги этой победы, которая должна оправдать все надежды христианского мира. В то же время патриарх написал Григорию и всем верующим христианского мира, чтобы показать им нечестие и позор договора, который только что заключил Фридрих. Услышав об успехе императора, верховный понтифик выразил сожаление по поводу завоевания Иерусалима так, как он сожалел бы о его потере, и сравнил нового царя Иудеи с теми нечестивыми монархами, которых гнев Божий возвел на трон Давида.

Фридрих не смог долго оставаться в святом городе, который оглашался проклятиями в его адрес. Он вернулся в Птолемаиду, где нашел только взбунтовавшихся подданных и христиан, возмущенных его успехами. Патриарх и духовенство наложили интердикт на город на время пребывания в нем императора; всякое религиозное богослужение было приостановлено; с алтарей сняли украшения, а кресты, реликвии и изображения святых были брошены на землю; больше не было слышно ни колоколов, ни религиозных гимнов; в святилище царила печальная тишина, мессы служили вполголоса и при закрытых дверях. Мертвых хоронили в полях, без погребальных церемоний и монументальных камней; короче говоря, все указывало на время великих бедствий и страх перед местью Небес: именно так освободителя Иерусалима приветствовали в Птолемаиде.

Это была Страстная седмица, и этот религиозный период придавал дополнительное влияние духовенству и большую торжественность церковным проклятиям. Фридрих оказался вынужденным вести переговоры о мире с христианами, как он это сделал с неверными, и, будучи не в состоянии вернуть себе их расположение, он еще больше разозлил их своим насилием. Он приказал закрыть городские ворота и запретил ввозить провизию; он расставил лучников и арбалетчиков повсюду, где они могли оскорбить тамплиеров и паломников; и по его приказу нищенствующих монахов-проповедников оттаскивали от подножия алтаря и били розгами в общественных местах города.

Ненависть и месть были доведены с обеих сторон до крайности. Император, окруженный врагами, не мог долго оставаться в Птолемаиде, вдобавок к этому он ежедневно получал письма из Европы, призывающие его вернуться. Две грозные армии под знаменами Святого Престола вторглись в Неаполитанское королевство, разграбили города, опустошили страну, изувечили пленных и совершили всевозможные чудовищные поступки. Этими армиями командовали Иоанн Бриенский, которому не терпелось отомстить за нанесенные ему обиды, и два сицилийских графа, которых император Германии изгнал из Неаполитанского королевства.

Наконец Фридрих покинул Палестину и вернулся в свои владения. Когда он покидал Птолемаис, жители распевали гимны освобождения и радости. Он обвинил тамплиеров в попытке выдать его сарацинам; тамплиеры, со своей стороны, обвинили его в желании сдать все христианские города султану Каира: эти обвинения и тысячи других, продиктованных ненавистью, должны внушить историку большие и справедливые подозрения. Христиане могли бы выдвинуть против Фридриха гораздо более обоснованный упрек; он не предпринял никаких средств для обеспечения своей победы, и у них были основания полагать, что он совершил свой триумфальный въезд в Иерусалим только с целью досадить Святому Престолу и датировать ответ на призывы Григория из святых мест: достигнув своей цели, он обманул верующих, пригласив их в город, который он не был расположен ни защищать, ни укреплять. Вдобавок к этому, сам Фридрих очень мало гордился преимуществами, которые он с такой помпой демонстрировал по всей Европе; и крестовый поход, в котором он принимал участие, часто был объектом его шуток и сарказмов.

Вернувшись в Италию, он застал там гораздо более серьезную войну, чем та, которую он вел в Азии. Папа не только набрал войска, чтобы опустошить свои государства, он побудил ломбардские республики поднять против него оружие. Иоанн Бриенский, лишенный титула короля Иерусалимского, решил попытаться быть признанным императором, и его притязания поддерживались всем, что тогда считалось самым священным, - авторитетом Церкви и правом победы. Присутствие Фридриха вернуло мужество его подданным, чья верность все еще была непоколебима; он встретился со своими врагами в нескольких сражениях, в которых всегда одерживал верх. Армия Иоанна Бриенского была рассеяна, и папские войска оставили все завоеванные ими города и провинции в величайшем беспорядке.

Папа, узнав, что фортуна покинула его знамена, снова обратился к грому религии и обрушил на Фридриха самые страшные из ее обличений. Он объявил, что отлучаются от церкви все, кто будет вести какие-либо дела с императором, все, кто будет сидеть за его столом, присутствовать на его советах, совершать перед ним богослужение или оказывать ему какой-либо знак привязанности или уважения. Фридрих пришел в ужас от этого приговора, который был с большой торжественностью обнародован во всех частях Европы, особенно в его собственных

владениях, и отправил послов к папе, который, несмотря на громы, которыми он был вооружен, опасался последствий войны и выказал готовность принять покорность врага, которого он боялся.

После нескольких дней переговоров был заключен договор, по которому побежденный папа диктовал законы своему завоевателю и, получив мир, явился, чтобы даровать прощение. Но, несмотря на этот мирный договор, последствия раздора все еще сохранялись и ощущались даже на Востоке, где споры, поднятые от имени Церкви, разделили умы людей и подавили всеобщее мужество; и где христианские государства, за которые Европа взялась с оружием в руках, остались без поддержки и без защиты. Поскольку Фридрих покинул Иерусалим, не укрепив его,^[239] Христиане пребывали в постоянном страхе перед вторжением мусульманских крестьян, которых надежды на грабеж привлекли с гор Наплуза. Большой колокол церкви Гроба Господня часто предупреждал о приближении врага, жаждущего резни; и большинство жителей удалились со своими перепуганными семьями, одни в крепость Святого Давида, которая все еще стояла среди руин, а другие в пустынные места.

Патриарх Иерусалимский, прелаты, бароны и народ Палестины, у которых больше не было ни вождя, ни короля, тщетно зывали о помощи к воинам и князьям Запада: молитвы и жалобы, столь часто повторявшиеся, не имели силы пробудить в сердцах верующих ни чувства жалости, ни энтузиазма, которые так часто заставляли их брать в руки оружие и крест. Они не могли поверить в опасности, которые так часто следовали за победой; и они отчаялись когда-либо быть в состоянии обеспечить освобождение страны, которая так часто нуждалась в освобождении.

Папа, однако, не отказался от проекта крестового похода и по-прежнему лелеял надежду возродить пыл и рвение христианских воинов своими увещеваниями. Он созвал ассамблею в Сполето, на которой присутствовал Фридрих с патриархами Константинопольским, Антиохийским и Иерусалимским. На этом собрании было решено возобновить войну в Палестине, несмотря на перемирие, заключенное с султаном Каира.

Григорию не терпелось осуществить свои замыслы и провозгласить законы Церкви в богатых странах Востока; и, чтобы использовать время, пока можно было собрать воинов, он послал нескольких миссионеров за море, вооруженных мечом и словом, попытаться обратить неверных Сирии и Египта. Верховный понтифик был настолько убежден в успехе этого мирного крестового похода, что написал халифу Багдада, султану Дамаска и главным мусульманским вождям, призывая их принять христианство.^[240] История не говорит, какова была судьба этих нищенствующих проповедников на Востоке; но багдадский халиф и мусульманские князья не перестали быть заклятыми врагами христиан. Григорий IX. он был более вдохновлен и более удачлив, когда послал священных ораторов в несколько провинций Запада, чтобы унять смуты и гражданские войны, которые были столь пагубны для дела религии и отвлекали умы людей от великого предприятия священных войн.

Ученики святого Доминика и святого Франциска Ассизских, на которых была возложена миссия, достойная Евангелия, путешествовали по городам и странам, проповедуя мир и согласие. Среди проповедников, посланных таким образом для умиротворения штатов, брат Иоанн Висентийский выделялся чудесами, совершаемыми его красноречием.^[241] Во всех странах, которые он посещал, знать, крестьяне, горожане и воины стекались послушать его и клялись простить все обиды и прекратить все ссоры. Восстановив мир в нескольких городах, охваченных

духом ревности и воодушевленных бурными страстями неопределенной, плохо понимаемой свободы, он объявил, что будет проповедовать на равнине Пескьера, на берегах Адидже. Все жители соседних городов во главе со своим духовенством и магистратами отправились в назначенное место, чтобы послушать *Ангела Согласия*^[242] и проповедника общественного спокойствия. В присутствии более чем четырехсот тысяч слушателей брат Джон взошел на кафедру, возвышавшуюся в центре равнины Пескьера; глубокое молчание царило во всем собрании; все взоры были прикованы к святому проповеднику; его слова, казалось, нисходили с небес. Он взял для своего текста эти слова из Священного Писания: “Я даю вам мой мир, я оставляю вам мой мир”. Нарисовав ужасающую картину бедствий войны и последствий раздоров, он приказал ломбардским городам отказаться от своей вражды и продиктовал им от имени Церкви договор о всеобщем умиротворении. Ни в какой период средние века не представляли более возвышенного и трогательного зрелища; историк того времени, которому нечего описывать, кроме смут и войн, должен быть рад возможности рассказать о такой внушительной и торжественной сцене, когда религия напомнила собравшимся народам о том, что все содержащиеся в ее максимах принципы являются наиболее утешительными и спасительными. Речь брата Джона наполнила его аудиторию святой любовью к миру, и города, находившиеся в то время в состоянии войны, поклялись перед ним навсегда забыть о своих давних разногласиях и вечном соперничестве.

Эти евангельские проповеди вернули Италии несколько дней мира и дали Святому Престолу возможность успешно проповедовать о новом крестовом походе. Григорий обратился с пастырскими наставлениями ко всем епископам и прелатам Христианского мира. В своих письмах французским епископам он применил эти слова Христа к священной войне: “Если кто-нибудь хочет пойти со мной, пусть отречется от себя, пусть возьмет мой крест и следует за мной”. Суверенный понтифик объявил всех, кто не приложит максимум усилий для завоевания наследия Христа, виновными в государственной измене. Циркуляры папы предписывали всем верующим обоего пола выплачивать по деньге в неделю на расходы крестового похода. Глава Церкви сравнил эту милостыню с той, которую святой Павел просил для иерусалимских бедняков, и не побоялся заранее заявить, что ее хватит на содержание армии крестоносцев в течение десяти лет.

Проповедь этого крестового похода была доверена братствам Святого Доминика и Святого Франциска, которые имели в Азии миссионеров для обращения неверных, а на Западе проповедников для восстановления мира среди христиан; новые апостолы священной войны получили от папы власть не только вручать крест, но и заменять обет паломничества денежной милостыней, чего не было никогда со времен начала крестовых походов; они также имели право предоставлять индульгенции на несколько дней всем, кто приходил в церковь. послушайте их проповеди. Согласно духу своих учреждений, ученики святого Франциска и Святого Доминика жили среди аскез и покаяния; они посвятили себя бедности и были обязаны подавать постоянный пример христианского смирения; но в данном случае папа пожелал, чтобы их принимали в монастырях и городах с помпой и церемониями; и чтобы духовенство вышло им навстречу со знаменами и самыми великолепными украшениями их церквей. То ли это великолепие изменило простоту их нравов, то ли людям не нравилось видеть, как с людьми, которых они недавно видели преданными евангельской бедности, обращаются с церемониальной помпой, проповедники крестового похода не внушали своим слушателям ни почтения, ни почтительности, и толпа уменьшалась с каждым днем. Поскольку они получали обильную милостыню, назначение которой никто не мог предвидеть, ни торжественность их

миссии, ни святость их характера не могли защитить их от подозрений и обвинений толпы: ропот и жалобы, раздававшиеся со всех сторон, в конце концов ослабили авторитет их слов и помогли охладить рвение и преданность христиан священной войне.

Энтузиазм народа, который христианское красноречие не могло возродить, нуждался в примере самых прославленных князей и воинов. Во Франции тогда царил мир; война с альбигойцами приближалась к концу: большинство рыцарей и баронов, воспитанных среди сражений, не могли выносить отдыха и вздыхали о возможности проявить свой воинственный темперамент. Они дали клятву отправиться в Азию и сражаться против сарацин.

Тибо V., граф Шампани и король Наварры, сын Тибо, умершего перед пятым крестовым походом, обязался исполнить обет, данный его отцом Церкви и Христу. Король Наваррский был прославлен среди рыцарей и трубадуров; его муза, воспевавшая мирскую любовь, теперь озвучила жалобы Иерусалима и пробудила христианскими песнями пыл воинов креста. "Знайте," сказал он, "что небеса закрыты для всех тех, кто не пересечет моря, чтобы посетить гробницу Божью и защитить ее. Да, все храбрые, все, кто любит Бога и славу, без колебаний возьмут крест и оружие. Те, кто предпочитает покой почестям, те, кто страшится опасностей, останутся одни в своих домах. Иисус Христос в судный день скажет одной стороне: "Вы, которые помогли мне нести мой крест, идите в место, где обитают ангелы и моя мать Мария"; он скажет другим: "Вы, которые не помогли мне, спуститесь в обитель нечестивых". "[243] Пример и значение увещевания Тибо привлекли принцев, баронов и рыцарей из всех провинций Франции.

Пьер де Дре, герцог Бретани, которого духовенство прозвало Моклерком, потому что в юности он оставил церковное государство, хотел искупить свои многочисленные преступления, свои несправедливые войны, свою тиранию по отношению к своим подданным, свое вероломство по отношению к своим союзникам святым паломничеством. Гуго IV, герцог Бургундский, графы Бар, Ферез, Макон, Жуаньи, Санкур и Невер; Симон де Монфор, Эндрю де Витри, Амори Филс, Жоффруа д'Анкен и толпа баронов и рыцарей приняли крест и обязались следовать за герцогом Бретани и королем Наварры в Палестину.

Поскольку проповедь крестового похода сопровождалась рядом злоупотреблений, которые могли нанести ущерб успеху священного похода, совет, собранный в Туре, занялся устранением и пресечением зла в его источнике. Мы видели в предыдущих случаях, что проповедники крестовых походов, принимая преступников под знамена креста, шокировали христианских рыцарей; а крестовые походы, как это было видно в двенадцатом веке, не рассматривались как средство спасения для верующих и как путь Господень, по которому мог вступить весь мир. Великим преступникам больше не находилось места в рядах благочестивых защитников Христа. Турский собор постановил, что крестоносцы, арестованные правосудием, должны быть переданы в руки церковного судьи, который не будет уважать их привилегии и даже должен отнять у них крест, если он признает их виновными в человекоубийстве или любом другом тяжком преступлении, совершенном против божественных и человеческих законов.

Как и в других крестовых походах, люди были вовлечены в жестокие выходки против евреев, которых они обвиняли в том, что они принесли в жертву Бога, за которого они собирались сражаться, и которые сохранили в своих руках огромные сокровища, в то время как крестоносцы были вынуждены заложить свое имущество для совершения путешествия в Палестину. Чтобы остановить ход этих народных волнений, собор запретил любое жестокое

обращение с евреями, будь то путем разграбления их богатств или причинения им личного вреда, под страхом суровых церковных порицаний.

Подобным же образом было замечено и другое злоупотребление, не менее пагубное для крестоносцев, чем все остальные. Проповедники священных войн и многие другие богословы разрешили крестоносцам откупиться от своего обета, заплатив сумму денег, равную той, которую они потратили бы на свое паломничество:[\[244\]](#) это злоупотребление вызвало большой скандал среди верующих, но Святой Престол, получивший от этого значительные суммы, не обратил внимания на жалобы, поданные по этому поводу в Англии и многих других государствах Африки. Европа.

Крестоносцы готовились к отъезду, когда внезапно на Западе раздался новый крик тревоги. Империя латинян в Константинополе была доведена до крайности. После правления Балдуина Фландрского и его сына Генриха семья Куртенэ, призванная на трон, не получила от их возвышения ничего, кроме горестей и неудач, неотделимых от управления империей, которая стремительно приходит в упадок. Питер де Куртене, граф Осерский, направляясь вступить во владение троном Балдуина, был застигнут врасплох и убит в Македонии по приказу Теодора Комнина, принца Эпирского. Вскоре после этого императрица, прибывшая в Константинополь морем, умерла от горя, узнав о трагической кончине своего мужа. Роберт де Куртенэ, второй сын Петра, вззошел на трон только для того, чтобы испытать быстрый упадок империи; побежденный в великой битве Ватакесом, преемником Ласкариса, он потерял все провинции, расположенные за Босфором и Геллеспонтом; в то время как, с другой стороны, эпирский принц овладел Фессалией и значительной частью Фракии. Константинополю, которому угрожали грозные враги, со своих башен были видны штандарты греков из Ниццы и варваров с горы Хемус, развевающиеся у его стен и оскорбляющие его величие. Среди этих различных бедствий Роберт умер, оставив своим единственным преемником своего брата Болдуина, все еще пребывавшего в детском возрасте. Иоанн Бриенский, которого судьба на короткий период сделала королем Иерусалима, был призван на пошатнувшийся трон Константинополя в тот момент, когда греки и болгары, воодушевленные жадной грабежа, были у ворот столицы. Их флоты проникли в порт, их многочисленные батальоны готовились взобраться на крепостные валы; но новый император провел с ними несколько сражений, завладел их кораблями и рассеял их армии. Чудесные победы Иоанна Бриенского значительно увеличили его славу, но только уменьшили его силы: после победы над своими врагами он оказался без армии; и пока поэты сравнивали его с Гектором, Роландом и Иудой Махабеем,[\[245\]](#) он был вынужден ждать в своей столице обещанной ему помощи, и который так и не прибыл. Ему было более восьмидесяти лет, и он завершил свою активную карьеру, сражаясь с варварами за остатки державы, которая была основана с помощью оружия и жалкие развалины которой могли быть спасены только чудодейственной доблестью.

Руины, окружавшие его в последние минуты жизни, должно быть, заставили его осознать ничтожество человеческого величия и пробудить чувство христианского смирения. Первые дни своей жизни он провел среди аскетизма монастыря. На смертном одре он снял императорский пурпур и пожелал испустить свой последний вздох в одежде кордельера. Простой французский рыцарь, несколько дней восседавший на двух тронах, оба готовые к смерти, зять двух королей,[\[246\]](#) тесть двух императоров, Иоанн Бриенский, умирая, оставил только воспоминание

о своих выдающихся подвигах и пример чудесной судьбы. Молодой Болдуин, женившийся на его дочери и который должен был стать его преемником, не смог получить свое наследство; и, покинув свою столицу как беглец, он скитался по Европе как проситель, не боясь презрения князей и народов. Зрелище, достойное жалости! преемник цезарей, облаченный в пурпур, был замечен взывающим к милосердию верующих, умоляющим о помощи, оказанной самым нуждающимся, и часто не получающим того, о чем он просил.

В то время как восточный император путешествовал таким образом по Италии, Франции и Англии, Константинополь остался без армии и пожертвовал для защиты государства даже своими реликвиями, предметами народного почитания и последними сокровищами империи. Верховный понтифик был тронут страданиями и деградацией Балдуина и в то же время не мог без жалости выслушивать жалобы латинской церкви Византии: он объявил новый крестовый поход для защиты Восточной империи.

Крестоносцам, которые собирались отправиться в Святую Землю, было предложено оказать помощь своим братьям из Константинополя; но молитвы и увещевания Святого Престола произвели лишь очень слабый эффект; мнения разделились; одни хотели защищать империю латинян, другие - Иерусалимское королевство.

Однако французские принцы и знать настаивали на своем решении отправиться воевать против сарацин в Азию. Бароны и рыцари либо закладывали, либо продавали свои земли, чтобы купить лошадей и оружие, покидали свои донжоны и замки и вырывались из объятий своих жен. Тибо, их лидер и переводчик, попрощался с Францией в стихах, которые сохранились до наших дней и которые выражают одновременно преданность христианина и дух рыцарства. Его муза, одновременно благочестивая и нечестивая, сожалеет о муках любви, горестях разлуки и прославляет славу воинов Христа; чтобы утешиться тем, что покинул даму своих мыслей, король Наваррский взывает к Деве Марии, *владычице небес*, и заканчивает свои жалобы этим стихом, который так превосходно описывает нравы того времени:

Quand dame perds, Dame me soit aidant.[247]

Другие трубадуры, по примеру короля Наваррского, воспевали отъезд паломников; они обещали в своих стихах индульгенции от крестового похода воинам, которые отправятся в Сирию, советуя дамам и демазель не слушать тех, кого следует оставить в Европе; ибо, говорили они, не останется никого, кроме трусов: все храбрые отправятся искать славы в битвах на Востоке. В то время как Франция повторяла песни трубадуров, а в церквях возносились молитвы к Небу об успехе экспедиций, крестоносцы из всех провинций королевства начали свой поход, направляясь к Марсельскому порту, где ожидали суда, чтобы переправить их в Азию; все были воодушевлены самым горячим рвением к освобождению святых мест; но папа, по голосу которого они взяли за оружие, больше не одобрял их энтузиазма. Григори, наживший себе множество грозных врагов на Западе, казалось, забыл о войне, которую он так горячо пропагандировал, и был полностью поглощен собственными опасностями.

Большинство руководителей крестового похода собрались в Лионе, чтобы обсудить наилучшие способы осуществления своего предприятия, когда они получили нунция от суверенного понтифика, который приказал им возвращаться по домам. Этот неожиданный приказ Григория IX сильно оскорбил князей и баронов, которые заявили посланнику римского двора, что папа

может изменить свою политику и не одобрить то, что он сам начал; но что защитники креста, посвятившие себя служению Христу, останутся непоколебимыми в своих намерениях. “Мы сделали, - добавили они, - все наши приготовления; мы заложили или продали наши земли, наши дома и наше имущество; мы оставили наших друзей и наши семьи, объявив о нашем отъезде в Палестину: религия и честь запрещают нам вернуться по нашим следам”.[248]

Поскольку папский нунций хотел высказаться и поддержать авторитет Церкви, и поскольку он обвинил баронов в предательстве дела, которое они собирались защищать, христианские воины не могли сдержать своего негодования; солдаты и вожди были настолько раздражены, что даже жестоко обошлись с послом понтифика; и, если бы не заступничество и молитвы прелатов и епископов, они принесли бы его в жертву своему гневу.

Едва крестоносцы с презрением отклонили папского нунция, как от императора Германии прибыли депутаты, в равной степени умолявшие их приостановить поход и подождать, пока он соберет свои войска, чтобы встать во главе них. Рыцари и бароны, воодушевленные искренним рвением к целям своего похода, не могли понять значения задержек, которые таким образом пытались создать на пути к нему, и вздыхали о слепоте властей, желавших сбить их с пути к спасению. Король Наварры, герцоги Бретани и Бургундии вместе с большинством дворян, принявших крест, настаивали на исполнении своего обета и отплыли в Сирию из Марсельского порта.

Между папой и Фридрихом вспыхнуло новое недоразумение, оспаривавшее суверенитет Сардинии; вскоре все страсти были вовлечены в эту ссору и вооружались по очереди местью Небес и фуриями войны. Григорий, после того как вновь отлучил Фридриха от церкви, был полон решимости нанести удар по его репутации и унизить его в глазах современников. Мониторы и записки папы были зачитаны во всех церквях Европы, в которых император был представлен как нечестивый человек, пособник еретиков и сарацин, угнетатель религии и человечества. Фридрих ответил на обвинения суверенного понтифика самыми яростными оскорблениями; он обратился к римлянам, чтобы возбудить их против Святого Престола, и призвал всех князей Европы защищать его дело как свое собственное.[249] “Короли и принцы земли, - сказал он, - смотрите на нанесенный нам вред как на свой собственный, *принесите воды, чтобы потушить пожар, который разгорелся по соседству с нами*; подобная опасность угрожает и вам”. Раздраженный папа обрушил на своего противника все громы Церкви и даже зашел так далеко, что проповедовал крестовый поход против императора, говоря: “Было больше заслуги в борьбе с князем, который был непокорен преемникам святого Петра, чем в освобождении Иерусалима”. На протяжении всего этого скандального противостояния Церкви не было позволено обладать ничем священным, власти князей - ничем законным; с одной стороны, суверенный понтифик считал всех, кто оставался верными подданными императора, служителями и пособниками демона; с другой стороны, император не признавал папу как наместника Христа. Наконец, Григорий пообещал императорскую корону любому христианскому монарху, который поднимет оружие против императора и свергнет его с трона: Людовик IX, более мудрый, чем сама Церковь, отказался от империи, предложенной ему в обмен на его брата Роберта, и предпринял серьезные, но тщетные попытки восстановить мир в Европе, нарушенный притязаниями и угрозами папы.

Вскоре дело дошло до военных действий; и Фридрих, одержав великую победу над миланцами и посеяв ужас во всех республиках Ломбардии, двинулся на Рим во главе армии. Григорий, у которого вообще не было войск, прошел по улицам своей столицы во главе процессии; он показал римлянам мощи апостолов и, заливаясь слезами, сказал им, что у него нет средств защитить это священное хранилище без их помощи. Знать и народ, тронутые молитвами папы, поклялись умереть, защищая Святой Престол. Они приступили к приготовлениям к войне, они укрепили город с величайшей поспешностью; и когда император приблизился к воротам, он увидел тех самых римлян, которые незадолго до этого встали на его сторону против папы, выстроившихся в боевой порядок на крепостных валах, преисполненных решимости умереть за главу Церкви. Фридрих осадил город, не имея возможности овладеть им; в гневе он обвинил римлян в вероломстве и отомстил, применив ужасные жестокости к своим пленникам. Ненависть, вспыхнувшая между папой и императором, вскоре проникла в умы людей, и ярость гражданской войны опустошила всю Италию.

Среди такого всеобщего беспорядка и возбуждения крики и молитвы христиан Палестины были едва слышны. По истечении срока перемирия, заключенного с Фридрихом, султан Дамаска вернулся в Иерусалим и разрушил башню Давида и слабые укрепления, возведенные христианами: это завоевание, возродившее мужество мусульман, неизбежно вызвало более чем соответствующее отчаяние среди несчастных жителей Святой Земли. Вместо того чтобы принять в своих стенах бесчисленные армии, о которых возвещала слава, Птолемаиде пришлось лишь приветствовать прибытие нескольких безоружных паломников, которым нечего было рассказать, кроме прискорбных распрей христианских монархов и принцев. Большая часть сообщений с Востоком была закрыта; все морские державы Италии боролись за господство на море; иногда в союзе с верховным понтификом, иногда с императором. Несколько крестоносцев, поклявшихся идти на Константинополь или Птолемаиду, приняли участие в крестовом походе, который проповедовался против Фридриха; другие решили отправиться в Сирию по суше, и почти все погибли в горах и пустынях Малой Азии; французские лорды и принцы, которые, несмотря на приказ папы, отправились в Азию из портов Прованса, смогли привести с собой в Палестину лишь очень небольшое количество воинов.

В период прибытия этих крестоносцев на Востоке царило не меньшее беспокойство, чем на Западе. Мелик-Камель, султан Каира, недавно скончался, и его смерть стала сигналом ко многим кровопролитным войнам между принцами его семьи, которые по очереди оспаривали Египетское королевство и княжества Дамаск, Алеппо и Хама. В условиях этих разногласий эмиры и мамлюки, опасной поддержки которых постоянно искали, привыкли распоряжаться властью и показали себя более грозными для своих государей, чем для врагов исламизма. Верховная власть, казалось, была наградой за победу или мастерство в предательстве; мусульманские троны были окружены таким количеством опасностей, что видели, как султан Дамаска бросал свой скипетр и уходил на покой, говоря: “ястреб и гончая доставляли ему больше удовольствия, чем империя”. Разделенные между собой князья призывали на помощь каризмийцев и другие варварские народы, которые сожгли их города, разграбили их провинции, довершили уничтожение держав, которые они пришли защищать, и довели до совершенства все зло, порожденное раздором.

Крестоносцы могли бы воспользоваться всеми этими неприятностями, но они никогда не объединяли свои силы против врага, с которым они поклялись бороться; в Иерусалимском королевстве не было правительства, способного направлять силы крестового похода; у толпы

паломников не было связи, общих интересов, которые могли бы объединить их на какое-то время под одними и теми же стандартами: были видны разрозненные отряды солдат, но нигде не было армии; каждый из лидеров и принцев следовал своему собственному плану, объявлял войну или провозглашал мир от своего имени и, казалось, сражался исключительно ради собственных амбиций или известность.

Герцог Бретани, сопровождаемый своими рыцарями, совершил вторжение в земли Дамаска и вернулся в Птолемаиду с богатой добычей; другие крестоносцы, завидовавшие успеху этой экспедиции, желали отличиться подвигами и составили план нападения на город Газу. Когда они шли без порядка или предосторожностей, сарадины застали их врасплох и изрубили на куски. Герцог Бургундский, возглавлявший эту экспедицию, почти в одиночку избежал преследования завоевателей и вернулся в Птолемаис, чтобы оплакать потерю своих рыцарей и баронов, которые все были обращены в рабство или погибли на поле битвы. Эта перемена, вместо того чтобы еще теснее объединить христиан, только усилила их раздоры; не имея возможности добиться какой-либо победы для своего оружия, они обошлись с неверными порознь и заключили мир, как они заключили войну. Тамплиеры и некоторые военачальники согласились на перемирие с султаном Дамаска и добились возвращения святых мест; со своей стороны, госпитальеры вместе с графом Шампанским и герцогами Бургундии и Бретани заключили договор с султаном Египта и обязались защищать его от сарацин, которые только что отдали Иерусалим христианам.

Потревожив Палестину своими беспорядками, крестоносцы покинули ее, чтобы вернуться в Европу, и были заменены в Птолемаисе несколькими англичанами, прибывшими под командованием Ричарда Корнуоллского, брата Генриха III. Ричард, владевший оловянными и свинцовыми рудниками в графстве Корнуолл, был одним из богатейших принцев Запада: если верить старым хроникам, Григорий запретил ему ехать на Восток, надеясь, что он согласится остаться в Европе и передаст часть своих сокровищ Святому Престолу для получения индульгенций на крестовый поход. Когда Ричард прибыл в Птолемаис, он был встречен народом и духовенством, которые вышли ему навстречу, распевая: “Благословен грядущий во имя Господне”. Этот принц был внуком Ричарда Львиного, [250], мужество и подвиги которого сделали его столь известным на Востоке. Одно имя Ричарда наводило ужас на сарацин; принц Корнуоллский не уступал своему предку в храбрости; он был полон рвения, и его армия разделяла его стремление к религии и славе. Он приготовился начать кампанию, и все, казалось, сулило успех; но после нескольких дней марша и нескольких преимуществ, полученных над врагом, обнаружив, что христиане Палестины очень плохо поддерживают его, он был вынужден возобновить перемирие, заключенное с султаном Египта. В результате своей экспедиции он смог добиться только обмена пленными и разрешения воздать почести при погребении христиан, погибших в битве при Газе.

Не увидев ни стен Иерусалима, ни берегов Иордана, Ричард отправился в Италию, где обнаружил, что папа все еще занят войной против Фридриха. Вся Европа была охвачена пламенем; собор, созванный ради мира Церкви, не смог собраться; император все еще осаждал город Рим и угрожал главе христианского мира. Среди этого всеобщего беспорядка Григорий умер, проклиная своего непримиримого противника, и ему наследовал Целестин IV, который носил тиару всего шестнадцать дней. Война продолжалась с новой яростью, Церковь осталась без главы, а Христос - без наместника на земле; кардиналы бродили рассеянные; Фридрих держал нескольких из них в цепях. “Римский двор, ” говорит Флери, “ был опустошен и

пользовался большим презрением”. Эта прискорбная анархия длилась почти два года; весь христианский мир громко жаловался и требовал от Небес папу, способного исправить зло, постигшее Европу и Церковь.

Конклав, наконец, собрался, но избрание Иннокентия IV, состоявшееся среди смуты и раздоров, не положило конца ни общественному скандалу, ни яростям войны, которые опечалили всех истинных христиан. Новый понтифик последовал примеру Иннокентия III. и Григория IX., и вскоре превзошел все их излишества. При его понтификате беспорядки продолжали нарастать, пока не достигли своего апогея. Христиане Греции и Палестины были совершенно забыты. Миссионеры напрасно бродили по королевствам Запада, увещевая верующих заключить мир между собой и обратить оружие против сарацин; многие из этих ангелов мира были изгнаны Фридрихом, который сразу же вступил в войну с верховным понтификом, императором Востока, и со всеми теми, кто, принимая крест, поклялся защищать Рим или освободить Константинополь или Иерусалим. Мы не будем пытаться описывать сцены насилия, театром которых был Запад, но особенно Италия. Внимание утомляется от долгого созерцания одних и тех же картин; войны и революции, которые придают столько жизни истории, в конечном итоге представляют собой лишь утомительную, дважды рассказанную историю; и таким же образом читатель может ощутить, что страсти обладают единообразием, а бури - монотонностью.

Каждый из предыдущих крестовых походов имел определенную цель, поход, за которым можно было легко проследить, и был примечателен только великими подвигами или великими поражениями. То, что мы только что описали, охватывающее тридцатилетний период, смешано с таким количеством различных событий, с таким количеством сталкивающихся интересов, с таким количеством страстей, чуждых священным войнам, что на первый взгляд кажется, что это представляет собой лишь запутанную картину; и историка, постоянно занятого описанием революций Востока и Запада, можно с полным основанием обвинить в том, что он, как европейский христианин, забыл Иерусалим и дело Христа.

Когда мы читаем двенадцатую книгу этой истории, мы понимаем, что мы уже далеки от эпохи, породившей крестовые походы, и были свидетелями их блестящего прогресса. Сравнивая эту войну с теми, что ей предшествовали, легко увидеть, что она имеет иной характер не только по способу ведения, но и по средствам, использованным для разжигания рвения христиан и побуждения их взяться за оружие.

Когда мы наблюдаем невероятные усилия пап по вооружению народов Запада, мы сначала поражаемся малому успеху, которого достигли их увещевания, угрозы и молитвы. Нам достаточно сравнить Клермонский собор, возглавляемый Урбаном, с Латеранским собором под председательством Григория. В первом случае жалобы Иерусалима вызывают слезы и рыдания у слушателей; во втором вторгаются тысячи различных предметов, чтобы привлечь внимание отцов Церкви, которые высказываются о несчастьях Святой Земли без эмоций и боли. По голосу Урбана рыцари, бароны и священнослужители все вместе поклялись идти и сражаться против неверных; собор в одно мгновение превратился в собранное воинство бесстрашных воинов: этого не было на Латеранском соборе, на котором никто не взял креста и не разразился выражением того высокого энтузиазма, который папа желал пробудить во всех сердцах.

В ходе нашего рассказа мы обратили внимание на то обстоятельство, что проповедники священной войны разрешили паломникам откупиться от своего обета, заплатив определенную сумму денег; этот способ искупления грехов оказался скандальным нововведением, а снисходительность миссионеров священной войны, которые таким образом освободили верующих от паломничества, заставила их потерять значительную часть своего влияния. Они не были, как прежде, посланниками Небес; толпа больше не наделяла их способностью творить чудеса; иногда им даже приходилось прибегать к угрозам и обещаниям Церкви, чтобы привлечь слушателей к своим проповедям; короче говоря, в конце концов народ перестал считать их толкователями Евангелия и видел в них только сборщиков податей Святому Престолу. Эта продажа привилегий крестового похода, купленная за непомерную цену, неизбежно сдерживала действие всех великодушных страстей и в умах христиан смешивала то, что принадлежало Небесам, с тем, что принадлежало земле.

Предшествующие эпохи не знали никаких других мотивов, кроме религии и ее обещаний.^[251] Спутники Петра Отшельника и Годфри, воины, последовавшие за Людовиком Молодым, Филиппом Августом, Ричардом Львиным, Бонифацием и Балдуином Фландрским, никак не могли поверить, что золото может заменить заслуги и славу священной войны.

Мы находим еще одно замечательное отличие в проповеди этого крестового похода — отказ принимать великих преступников под знамена креста. Изумления, которое вызвало среди христианских рыцарей зачисление в священное ополчение толпы малоизвестных личностей, достаточно, чтобы указать на большую перемену в нравах и мнениях крестоносцев. Чувство чести, которое связано с любовью к славе и имеет тенденцию устанавливать различия между людьми, по-видимому, возобладало над чисто религиозным чувством, которое внушает смирение, признает равные права всех христиан и смешивает покаяние с добродетелью. Крестовый поход, в который допускались только люди признанной храбрости и хорошего поведения, в некотором роде перестал быть просто религиозной войной и стал напоминать другие войны, в которых лидеры имеют право выбирать солдат, которыми они должны командовать.

Энтузиазм по поводу священных войн возрождался лишь время от времени, подобно огню, готовому вот-вот погаснуть; людям требовалось какое-нибудь великое событие, какое-нибудь экстраординарное обстоятельство, какой-нибудь поразительный пример князей или воинов, чтобы побудить их взяться за оружие против неверных; изощренность теологов, которые настаивали на том, чтобы все было подчинено их дискуссиям, способствовала охлаждению остатков того благочестивого и воинственного пыла, который до того времени считалось необходимым умерять и сдерживать в справедливых пределах. В школах начались споры по таким вопросам, как эти: в каком случае христианин освобождался от исполнения своего обета? Какой суммы было достаточно, чтобы искупить обещание, данное Христу? Можно ли заменить паломничество определенными благочестивыми упражнениями? Обязан ли наследник выполнять клятву завещателя? Имел ли паломник, умерший на своем пути в Святую Землю, больше заслуг в глазах Бога, чем тот, кто умер по возвращении?^[252] Может ли жена принять крест без согласия своего мужа или муж без согласия жены? и т.д. С того момента, как все эти вопросы были торжественно обсуждены и по некоторым пунктам мнения богословов разошлись, энтузиазм, который никогда не вызывал сомнений, ослабел из-за холодных аргументов врачей; и паломники, казалось, все меньше поддавались на уговоры. Это скорее

проявление великодушного чувства, чем необходимость выполнения долга или следования установленному правилу.

Этот шестой крестовый поход был более богат интригами и скандальными ссорами, чем военными подвигами; христиане никогда не объединяли все свои усилия против неверных; дух порядка не руководил их предприятиями; крестоносцы, которые выполняли свою миссию только из своего рвения, отправлялись в путь в то время, когда того требовала их воля или фантазия; некоторые возвращались в Европу, так и не встретившись с сарацинами в бою; другие отказывались от цветов креста после победы или поражения; и новые крестоносцы постоянно призывались для защиты завоеваний или исправления ошибок тех, кто предшествовал им. Они. Хотя Запад насчитал в этом крестовом походе более пятисот тысяч своих воинов, отправившихся в Палестину или Египет, большие армии редко собирались на берегах Нила или Иордана. Поскольку крестоносцы никогда не собирались большими группами, они не подвергались голоду или другим бедствиям, которые так страшно проредили ряды первых защитников креста; но если бы они пережили меньше неудач, если бы они были лучше дисциплинированы, мы могли бы сказать, что они не проявили ни того пыла, ни тех живых страстей, которые люди передают друг другу и которые приобретают новую степень силы и активности среди множества людей, собравшихся для того же дела и под теми же знаменами.

Перенеся театр военных действий в Египет, христиане больше не имели перед глазами, как в Палестине, почитаемых мест и памятников, которые могли напомнить им религию и Бога, за которого они собирались сражаться; перед ними больше не было реки Иордан, Ливана, Табора или горы Сион, вид которых так живо поразил воображение первых крестоносцев.

Когда народы Европы слышали, как глава Церкви призывает верующих к завоеванию Иерусалима и в то же время проклинает Фридриха, освободителя святого города, цель крестового похода потеряла свой священный характер в глазах христиан. Император Германии после своего возвращения из похода иногда говорил: “Если бы Бог был знаком с Неаполитанским королевством, он никогда бы не предпочел ему бесплодные скалы Иерусалима”. Эти кощунственные слова Фридриха, должно быть, сильно оскорбили паломников; но, действительно, этот государь отправлял в Святую Землю только тех своих подданных, которыми был недоволен или хотел наказать. Папы также приговаривали к паломничеству великих преступников, которых общество отвергало из своего лона, что было очень противно нравам и мнениям знати и рыцарей Европы. Как главное несчастье, неудачи или подвиги крестоносцев за морями часто приводили к разногласиям между князьями Запада. С того времени Палестина больше не была в глазах верующих страной блаженства, текущей молоком и медом, а местом изгнания. С того времени Иерусалим считался не столько городом Божьим и наследием Христа, сколько предметом раздора или местом, в котором зародились все бури, тревожившие христианский мир.

В других крестовых походах папы довольствовались пробуждением энтузиазма паломников и обращением молитв к Небесам за успех крестоносцев; но в этой войне главы Церкви настояли на том, чтобы руководить всеми экспедициями и командовать через своих легатов операциями христианских армий. Решение о вторжении в Египет было принято на Латеранском совете, без мысли спрашивать совета или мнения кого-либо из искусных военачальников того времени. Когда начались военные действия, посланцы папы римского руководили всеми событиями войны, ослабляя пыл воинов креста своими честолюбивыми притязаниями, а также своим

невежеством. Они позволили всем плодам победы ускользнуть из их рук и породили пагубное соперничество между духовными и светскими силами. Это соперничество, это взаимное недоверие зашли так далеко, что верховный понтифик и император Германии по очереди остановили шествие паломников; первый опасался, что крестоносцы, отправившись в Палестину, станут солдатами Фридриха; второй - что те же самые солдаты могут стать защитниками светской власти пап.

В период, о котором мы только что рассказали, одновременно проповедовалось так много крестовых походов, что взоры верующих поневоле отвлекались от первой цели этих священных экспедиций. Призванный защищать так много причин, никто не мог различить, какая из них была причиной Бога и Иисуса Христа; так много интересов одновременно привлекало внимание христиан и были рекомендованы для храбрости воинов, что они породили колебания и размышления, а это привело к безразличию. Европа, долгое время находившаяся в состоянии брожения, переживала смутную неопределенность перемен; государства начали больше думать о своей независимости, люди - о своей свободе. Страсти, порождаемые политикой, заняли место страстей, мотивом которых является религия.

Кровавые распри императора и пап внесли большой вклад в революцию, которая произошла в умах людей: мотив, воодушевлявший глав Церкви, не всегда был религиозным; император Германии и понтифики Рима претендовали на господство в Италии и долгое время были вовлечены в честолубивое соперничество. Григорий не мог без боли видеть Фридриха хозяином Неаполитанского королевства; и когда он уговаривал его отправиться в Азию войной на сарацин, его можно было бы сравнить с персонажем древней басни, который, чтобы избавиться от своего соперника, послал его сразиться с Химерой.

Четыре папы, хотя и разного характера, оказавшись в одинаковых обстоятельствах, проводили одну и ту же политику. Фридрих своими жестокостями, несправедливостью и непомерными амбициями часто оправдывал насилие Святого Престола, в котором он поочередно был опекуном, защитником и врагом; подобно своим предшественникам, он не делал секрета из своего проекта восстановления империи Цезарей; и, если бы не папы, не исключено, что Европа оказалась бы под игом императоров Германии.

Политика суверенных понтификов, ослабляя императорскую власть, способствовала в Германии свободе городов, росту и продолжительности существования небольших государств; мы не колеблясь добавим, что громы Церкви сохранили независимость Италии и, возможно, Франции, с которой римский двор обращался менее жестоко, чем с соседними нациями. Французская монархия воспользовалась смутами, которые существовали по ту сторону Рейна, и интердиктом, наложенным на Англию, для отражения вторжений англичан и немцев; и в то же время воспользовалась отсутствием короля Наварры, герцогов Бретани и Бургундии, а также нескольких других крупных вассалов, которых крестовый поход привлек за моря, чтобы увеличить prerogatives королевской власти и расширить пределы королевства.

Сама Англия кое-чем обязана авторитету пап, которые, ошелолив Джона Лэкланда отлучением от церкви, сделали его бессильным в его попытках поработить английский народ или сопротивляться требованиям баронов и общин. Это истина, которую беспристрастная история не может отрицать или подвергать сомнению, и которая располагает нас не одобрять, а с

меньшей горечью обвинять эксцессы и злоупотребления властью, последствия которых не были плачевными.[253] Жители Лондона, которые каждый год сжигают изображение папы римского, были бы очень удивлены, если бы среди фанатичного бреда им сказали, что армия, которая когда-то сражалась за независимость Великобритании, называлась *армией Бога и Святой Церкви*; если бы им напомнили, что великая хартия леса, первый памятник британскому праву, была провозглашена "армией Бога". свобода была счастливым плодом угроз и громов Римской церкви, и что эта хартия никогда не была бы дарована Иоанном без грозного влияния и властных советов суверенного понтифика.[254]

Не желая оправдывать господство пап, мы можем сказать, что к тому, чтобы ухватиться за верховную власть, их побудили обстоятельства, в которых оказалась Европа в одиннадцатом и двенадцатом веках. Европейское общество, лишенное опыта и законов, погрязшее в невежестве и анархии, бросилось в объятия пап и поверило, что находится под защитой Небес.

Поскольку у народов не было иных представлений о цивилизации, кроме тех, которые они получили от христианской религии, верховные понтифики, естественно, стали верховными арбитрами между соперничающими или соседними странами; среди тьмы, которую свет Евангелия имел постоянную и нескончаемую тенденцию уменьшать, их авторитет, естественно, должен был быть первым установленным и первым признанным; светская власть нуждалась в их санкции; народ и короли умоляли их о поддержке и советовались с их мудростью: они считали себя уполномоченными осуществлять суверенную диктатуру.

Эта диктатура часто использовалась в интересах общественной морали и общественного порядка; она часто защищала слабых от сильных; она пресекала исполнение преступных заговоров; она восстанавливала мир между государствами; и она оберегала молодое общество от излишеств амбиций, распущенности и варварства. Когда мы обращаем свой взор к летописям средних веков, мы не можем не быть поражены одним из самых прекрасных зрелищ, которые когда—либо представляло человеческое общество, - это зрелище христианской Европы, признающей только одну религию, имеющей только один закон, образующей как бы единую империю, управляемую одним главой, который говорил от имени Бога и чья миссия заключалась в том, чтобы Евангелие воцарилось на земле.

В общих размышлениях, которыми мы завершим эту работу, мы коснемся гораздо более важных событий на эту тему; мы сравним современную Европу с Европой средних веков и проясним, что, если мы и приобрели некоторую мудрость в искусстве цивилизации, мы все еще далеки от того, чтобы использовать ее в интересах общественной свободы: народы в наши дни увлечены духом французской революции, как в средние века они были увлечены духом римского двора и энтузиазмом крестовых походов. Французская революция началась с либеральных идей, она была продолжена победами. Военный дух объединился с фанатизмом новых идей, как раньше он объединился с религиозным энтузиазмом. Окидывая взглядом нашу Европу, мы поражаемся, видя две противоречивые вещи, которые, естественно, должны были бы исключать друг друга; мы видим почти везде тенденцию к распространению либеральных идей, и в то же время склонность к увеличению массы армий; трудно объяснить политику, которая стремится, с одной стороны, умножать апостолов свободы, с другой - умножать солдат; которая, по очереди, провозглашает принцип и набирает полк; которая говорит одновременно о рекрутском наборе и о конституции; в которой, по-видимому, никогда не бывает достаточно законов, и все же ненасытен к пушкам и штыкам. Нетрудно предвидеть близкие и отдаленные результаты такого

чудовищного слияния.^[255] Все заставляет нас полагать, что эти результаты, подобно результатам крестовых походов и влиянию папы римского в средние века, не обернутся *полностью* на пользу цивилизации.

Но, не останавливаясь больше на этих печальных размышлениях, мы вернемся к нашей теме, от которой, возможно, слишком надолго отклонились. В одиннадцатом и двенадцатом веках народы Европы, подвластные власти святого Петра, были объединены узами более прочными, чем узы свободы. Этот мотив, эта связь, которая была связью Вселенской Церкви, долгое время поддерживала энтузиазм священных войн и способствовала их продвижению. Каким бы ни было происхождение крестовых походов, несомненно, что они никогда бы не были предприняты без того единства религиозных чувств, которое удвоило силу христианской республики. Христианские нации, в согласии своих чувств и страстей, показали миру все, что можно сделать с помощью энтузиазма, который усиливается благодаря общению, и той живой веры, которая, распространяясь среди людей, является чудесной силой, поскольку Евангелие наделяет ее способностью *сдвигать горы*. По мере того как люди, объединенные одним духом, разделялись и переставали делать одно общее дело, становилось все труднее объединять силы Запада и осуществлять те гигантские предприятия, о возможности которых наш век едва ли может догадываться.

Можно было заметить, что папская власть и энтузиазм по поводу крестовых походов испытывали одни и те же превратности судьбы; мнения и возвышение религиозного духа, которые заставляли людей браться за оружие, неизбежно, в то же время, усиливали влияние суверенных понтификов. Но столь активные и мощные пружины не могли просуществовать долго; они сломались из-за насилия, с которым их использовали.

Папы, облеченные безграничной властью, пользовались этой властью без всякой меры; и поскольку злоупотребление властью рано или поздно приводит к ее собственному краху, империя суверенных понтификов пришла в упадок, как и другие империи. Их падение началось с их долгой борьбы с Фридрихом; вся Европа была призвана судить их дело; их власть, основанная на мнении, происхождение которого было исключительно религиозным, потеряла большую часть своего престижа, уступив место дискуссиям светских людей.

В то же самое время, когда суверенные понтифики злоупотребляли своей властью, дух и энтузиазм, породившие священные войны, также подвергались злоупотреблениям. Многие христианские князья приняли крест, иногда для того, чтобы заручиться защитой пап, иногда как предлог для сбора армий и наслаждения мирскими преимуществами, предоставленными воинам Христа. Лидеры христианского мира, не будучи инициаторами войн на Востоке, стремились извлечь из них выгоду; во-первых, расширить свои владения, а во-вторых, удовлетворить неистовые страсти. С этого момента общество искало иной поддержки, чем у Святого Престола, а воины - иной славы, чем у крестовых походов.

Тибо, король Наваррский, который в своих стихах проповедовал войну за морями, испытывал отвращение к смутам, вызванным в Европе главами Церкви, и с горечью сожалел о *времени, полном преступлений, зависти и предательства*. Он обвинил принцев и баронов в отсутствии *куртуазии* и упрекнул пап в отлучении от церкви тех, кто был наиболее прав (*причина очевидна и разумна*). Если несколько трубадуров все еще возвышали свои голоса, призывая христиан взять крест и оружие, то большая часть не разделяла их энтузиазма по поводу

священных войн и не видела в этих паломничествах за моря ничего, кроме горестей долгого отсутствия и тягот благочестивого изгнания.

В тенсонной[256], дошедшей до нас, Фольке де Римлянин спрашивает Блаккаса, образец трубадуров и рыцарей, отправится ли он в Святую Землю? Ответив, что он любит и является любимым, и что он останется дома со своей возлюбленной (она была графиней Прованской), Блаккас так заканчивает свою простую песню: —

“Je ferai ma pénitence,
Entre mer et Durance,
Auprès de son manoir.”[257]

- Я совершу свое покаяние
Между морем и свифт-Дюрансом,
Недалеко от убежища моей госпожи.

Эти чувства принадлежали к нравам трубадуров и рыцарей; но во времена первых крестовых походов религиозные идеи были гораздо более перемешаны с идеями доблести; поэт, приглашенный принять крест, не осмелился бы говорить о своей возлюбленной,[258] не упомянув также о милосердии Божьем и пленении Иерусалима.

Во время других крестовых походов религия и нравственность Евангелия восстановили свою власть и распространили свои блага повсюду; по голосу святых ораторов христиане раскаялись и изменили свою мораль; все политические бури были улажены простым именем Иерусалима, и на Западе царил глубокий мир.[259] В только что описанный нами период все было не так; Европа, пожалуй, никогда не была более взволнованной или, возможно, более развращенной, чем в течение тридцати лет, которые длился этот крестовый поход.

В отношениях между христианами и мусульманами до этого времени, конечно, мало уважения уделялось международным договорам; но в этом крестовом походе презрение к присяге и забвение законов народов были доведены до крайности: подписание перемирия было подготовкой к войне; — христианские армии были обязаны своей безопасностью мирному договору; и суверенный понтифик, далекий от соблюдения его условий, проповедовал новый крестовый поход против неверных. Следует также допустить, что мусульмане часто нарушали самые торжественные договоры. Продолжительность мира зависела исключительно от недостатка сил у обеих сторон для возобновления военных действий с преимуществом. Малейшей надежды на успех было достаточно, чтобы побудить их взяться за оружие; малейшее обстоятельство служило предлогом для того, чтобы вновь разжечь пламя войны. Продолжатель Вильгельма Тирского с большой прямоотой говорит о смерти султана Дамаска: “Когда султан умер, все перемирия умерли вместе с ним”. Одних этих слов достаточно, чтобы дать представление о состоянии Востока во время шестого крестового похода и о малой степени уважения, которое тогда проявлялось к законам мира и войны.

Если во время предыдущего крестового похода экспедиция воинов креста против Греции не принесла больших преимуществ Западу, то, по крайней мере, она продемонстрировала вооружение венецианцев и французов. В войне, которую мы только что описали, рыцари и бароны, принявшие крест, ничего не прибавили к своей славе. Крестоносцы, которым посчастливилось вернуться в свои дома, не привезли с собой ничего, кроме воспоминаний о

самых постыдных беспорядках. Многим из них нечего было показать своим соотечественникам, кроме цепей своего заточения; им нечего было сообщить, кроме заразных болезней Востока.

Историки, которым мы следовали, умалчивают о разрушительных последствиях проказы среди народов Запада; но завещание Людовика VIII, исторический памятник того периода, свидетельствует о существовании двух тысяч *lèproseries* (больниц для прокаженных) только в королевстве Франция. Это ужасное зрелище, должно быть, внушало ужас самым ревностным христианам; и его было достаточно, чтобы разочаровать в их глазах те регионы Востока, где до того времени их воображение не видело ничего, кроме чудес.

Среди злоупотреблений, совершавшихся тогда над духом крестовых походов, и несчастий, которые они приносили с собой, мы не должны забывать о гражданских и религиозных войнах, театром которых были Франция и несколько других стран Европы. В своих экспедициях на Восток христиане познакомились с идеей применения силы для изменения человеческих сердец и мнений. Поскольку они давно вели войну против неверных, они были готовы вести ее таким же образом и против еретиков; сначала они взялись за оружие против альбигойцев, затем против язычников Пруссии; по той же причине и тем же способом, что они вооружились против мусульман.

Современные писатели с большой горячностью и красноречием выступают против этих разрушительных войн; но задолго до эпохи, в которую мы живем, Церковь осудила проявления слепого фанатизма. [260] Святой Августин, святой Амвросий, отцы соборов долгое время учили христианский мир, что заблуждение не уничтожается мечом и что истины Евангелия не следует проповедовать человечеству среди угроз и насилия.

Крестовый поход против пруссаков показывает нам все, что могут проявить самые жестокие и варварские амбиции, алчность и тирания; трибунал истории не может судить со слишком большой строгостью лидеров этой войны, опустошения и ярости которой продолжались более столетия; но, осуждая бесчинства завоевателей Пруссии, мы должны признать преимущества, которые Европа получила благодаря их победам и подвигам. Нация, которая была отделена от всех других наций своими нравами и обычаями, перестала быть чужой в христианской республике. Промышленность, законы, религия, которые шли вслед за завоевателями, чтобы смягчить и устранить зло войны, распространяли свои благословения среди орд дикарей. Многие цветущие города возникли из пепла лесов, а дуб Удаленный, [261], под сенью которого приносились человеческие жертвы, был заменен церквями, в которых проповедовались евангельские добродетели и милосердие. Завоевания римлян были иногда более несправедливыми, войны - более варварскими; они приносили меньше преимуществ цивилизованному миру, и все же они никогда не переставали быть объектами восхищения и восхвалений потомков.

Война против альбигойцев была более жестокой и неудачной, чем крестовый поход, направленный против народов Пруссии. Миссионеры и воины своим поведением возмущали все законы справедливости и религии, к торжеству которой они якобы стремились. Еретики, естественно, иногда прибегали к репрессиям против своих врагов; обе стороны были вооружены сталью и топорами убийц и палачей, человечество должно было сожалеть о самых преступных эксцессах.

Бросая ретроспективный взгляд на летописи средних веков, мы особенно огорчаемся, видя, что кровопролитные войны начинались и ведутся во имя религии мира, в то время как мы едва ли можем найти пример религиозной войны среди древних и по законам язычества.^[262] Мы должны верить, что современные народы и народы древности имеют одни и те же страсти; но среди древних религия менее глубоко проникала в сердце человека или в дух социальных институтов. Поклонение ложным богам не имело позитивной догмы; оно ничего не добавляло к морали; оно не предписывало никаких обязанностей гражданину; оно не было связано с нормами законодательства и существовало, в некотором роде, только на поверхности общества. Когда язычество подвергалось нападкам или когда происходили изменения в поклонении ложным богам, привязанности, мораль и интересы языческого общества не были глубоко задеты. Иначе обстояло дело с христианством, которое, особенно в средние века, смешалось со всеми гражданскими законами, напомнило человеку о всех обязанностях перед своей страной и объединилось со всеми принципами общественного устройства. Среди растущей цивилизации Европы христианская религия была тесно связана со всеми интересами наций; она была, в некотором смысле, основой всего общества; это было само общество: поэтому мы не можем удивляться, что люди были страстны в его защите. Тогда все, кто отделил себя от христианской религии, отделили себя от общества; и все, кто отвергал законы Церкви, перестали признавать законы своей страны. Мы должны рассматривать войны против альбигойцев и пруссаков в этом свете; это были скорее социальные войны, чем религиозные.

КНИГА XIII.

СЕДЬМОЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

1242-1245 гг. н. э.

Когда я начинал эту работу, я был далек от осознания задачи, которую возлагал на себя; воодушевленный интересом к моему предмету, полный слишком большой уверенности в своих силах, подобно тем деревенским жителям, которые, отправляясь в первый крестовый поход, принимали каждый город, который они видели, за Иерусалим, я постоянно верил, что приближаюсь к концу своих трудов. По мере того как я продвигался по карьерной лестнице, горизонты передо мной расширялись, трудности множились на каждом шагу, так что, чтобы поддержать свое мужество, мне часто приходилось вспоминать о доброте, с которой публика приняла первые тома этой истории.

Трудность заключалась не в том, чтобы представить нашим читателям повествование о священных войнах; стало необходимым представить точные представления о нравах и характерах народов, которые так или иначе принимали в них участие. Мы постарались познакомить вас со всеми народами, которые в свою очередь проходили через сцену:

франками с их солдатской грубостью, их любовью к славе и их великодушными страстями; турками и сарацинами с их военной религией и их варварской доблестью; греками с их развращенными манерами, их характером, одновременно суеверным и легкомысленным, и их тщеславием, которое у них заменяло патриотизм: новая нация сейчас готова подставить себя под карандаш истории и принять участие в событиях, картину которых мы пытаемся обрисовать. Мы собираемся сказать несколько слов о нравах и завоеваниях татар в средние века.

Орды этого народа в период шестого крестового похода вторглись в несколько стран Азии, и успехи их вооружения оказали большое влияние на политику мусульманских держав Сирии и Египта, которые в то время находились в состоянии войны с христианами. В то время, о котором мы говорим, слава об их победах наполнила Восток и посеяла ужас даже в самых отдаленных странах Европы.

Татары населяли обширные области, лежащие между древним Эмаем, Сибирью, Китаем и Камчатским морем; они были разделены на несколько народов, которые все хвастались одинаковым происхождением; каждый из этих народов, управляемый ханом, или верховным вождем, состоял из большого числа племен, каждым племенем командовал особый вождь по имени Мирза. Добыча охоты, молоко их кобыл и мясо их стад удовлетворяли простые потребности татар; они жили в палатках со своими семьями, а передвижные жилища, запряженные волами, перевозили с одного места на другое их жен, детей и все, чем они владели. Летом все племя направлялось в северные страны и разбивало лагерь на берегах реки или озера; зимой они направлялись на юг и искали убежища в горах, которые могли защитить их от ледяных северных ветров.

Татарские орды собирались каждый год, осенью или весной. На этих собраниях, которые они называли *Куралтаи*, они обсуждали верхом на лошадях вопросы о походе племен, распределении пастбищ, о мире и войне. Именно из недр этого шумного собрания вышло законодательство народа Татарии; простое и лаконичное законодательство, подобное законодательству всех варварских народов, единственной целью которого является поддержание власти вождей и поддержание дисциплины и соперничества среди воинов.

Народы Татарии признавали единого Бога, владыку небес, которому они не возносили ни благовоний, ни молитв. Их поклонение предназначалось для толпы гениев, которые, как они верили, были распространены по воздуху, по земле и среди вод; огромное количество идолов, грубых изделий их собственных рук, заполняли их жилища, следовали за ними по их пути и присматривали за их стадами, их рабами и их семьями. Их жрецы, воспитанные на занятиях магией, изучали движение звезд, предсказывали будущие события и занимались тем, что манипулировали умами людей с помощью колдовства. Их религиозное поклонение, не прививавшее никакой морали, не смягчило их грубых манер и не улучшило их характер, который был таким же неистовым и недоброжелательным, как и их климат. Ни один памятник, воздвигнутый под эгидой религии, ни одна книга, вдохновленная ею, не напоминали им о славных деяниях и не представляли перед ними заповедей и примеров добродетели. В течение их кочевой жизни мертвецы, которых они иногда тащили с собой в своих повозках, казались им досадной обузой, и они поспешно хоронили их в уединенных местах; где, засыпая их песками пустыни, они довольствовались тем, что скрывали их от глаз или от бесчинств живых.

Все, что могло привязать их к одному месту, а не к другому, или побудить их изменить свой образ жизни, вызывало неприязнь и презрение со стороны этих рас. Из всех племен, населявших

могольскую Татарию, только одно было знакомо с письменностью и совершенствовало ее; все остальные презирали торговлю, искусства и ученость, которые составляют истинное величие утонченных обществ. Татары презирали идею строительства; в двенадцатом веке в их обширной стране был только один город, [263] протяженность которого, по словам монаха Рубруки, не равнялась размерам маленького городка Сен-Дени. Ограничиваясь заботой о своих стадах, они рассматривали сельское хозяйство как унижительное занятие, пригодное только для использования в промышленности рабов или покоренных народов. Их необъятные равнины никогда не желтели от урожаев, посеянных рукой человека; там не созрел ни один плод, который он посадил. Зрелище, наиболее приятное для татарина, - это пустыня, на которой трава росла без возделывания, или поле битвы, покрытое руинами и резней.

Поскольку границы их пастбищ не подлежали никакому регулированию, среди татар неизбежно возникали частые ссоры; дух ревности постоянно волновал кочующие орды; честлюбивые вожди не могли выносить ни соседей, ни соперников. Отсюда гражданские войны; и из недр гражданских войн вышел во всеоружии деспотизм, на поддержку которого люди стекались с радостью, потому что это сулило им завоевания. Все население было военными, для которых борьба казалась единственной истинной славой и самым благородным занятием человека. Татарские лагеря, их походы, их охотничьи отряды напоминали военные учения. Привычка придавала им такую легкость и твердость в сидении верхом, что они принимали пищу и даже предавались сну, не спешиваясь. Их лук огромных размеров свидетельствовал об их силе и мастерстве; их острые стрелы со стальными наконечниками летели на огромное расстояние и поражали птицу во время ее стремительного полета или пронзали насквозь медведя или тигра пустыни; они превосходили своих врагов в быстроте их эволюции; они превосходили их в коварном искусстве сражаться в полете; и отступление часто было для них сигналом победы. Все военные хитрости казались им знакомыми; и, как будто роковой инстинкт научил их всему, что могло способствовать уничтожению человеческого рода, татары, которые не строили городов, знали, как сконструировать самые грозные военные машины, и не были незнакомы с любыми средствами, которые могли посеять ужас и опустошение среди их врагов. В своих экспедициях они никогда не сталкивались со сменой времен года, глубиной рек, крутизной пропастей или высотой гор. Небольшого количества затвердевшего молока, разбавленного водой, хватало для пропитания всадника в течение нескольких дней; шкура овцы или медведя, несколько полос грубого войлока служили ему одеждой. Воины проявляли самое слепое повиновение своим вождям и по малейшему сигналу были готовы встретить смерть в любом обличье. Они были разделены на десятки, сотни, тысячи и еще раз на десятки тысяч; их армии состояли из всех, кто мог обращаться с луком или копьем; и что, должно быть, вызывало у их врагов столько же удивления, сколько и ужаса, так это порядок и дисциплина, царившие во множестве, которое, казалось, случайно собралось вместе. Согласно их военному законодательству, татарам разрешалось заключать мир только с побежденным врагом; тот, кто бежал с поля боя или бросал своих товарищей в опасности, наказывался смертью; они проливали кровь людей с таким же равнодушием, как и диких зверей, и их свирепость значительно усиливала ужас, который они внушали своими предприятиями.

Татары в своей гордыне презирали все другие народы и верили, что весь мир должен быть им подвластен. Согласно определенным мнениям, передаваемым из века в век, орды моголов оставили север мертвым, которых они оставили позади себя в пустынях, и постоянно обращали

свои лица на юг, что было обещано их доблести. Территории и богатства других народов возбуждали их честолюбие; и, не обладая ни самими территориями, ни богатствами, им почти нечего было бояться завоевателей. Не только их военное воспитание, но и их предрассудки, их обычаи, непостоянство их характера - все в них, казалось, благоприятствовало дальним походам и воинственным вторжениям. Они не принесли с собой ни сожалений, ни приятных воспоминаний о странах, которые они покинули; и если верно, когда мы говорим, что эта страна находится не в стенах города или в пределах провинции, а в привязанностях и семейных узах, в законах, нравах и обычаях нации, то татары, меняя климат, всегда оставляли свою страну при себе. Присутствие их жен, их детей, вид их стад и их идолов повсюду воспламеняли их патриотизм, или любовь к своей нации, и поддерживали их мужество. Привыкшие считать себя со своими собственными склонностями и принимать их за единственное правило поведения, они никогда не были ограничены законами морали или чувствами человечности; поскольку они питали глубокое безразличие ко всем религиям земли, даже это безразличие, не вызывавшее ненависти у других народов, облегчало их завоевания, предоставляя им свободу с готовностью принимать мнения и вероисповедания покоренных ими людей, которых они таким образом полностью подчинили своим законам.

В очень отдаленной древности татарские орды несколько раз вторгались в обширные области Индии, Китая и Персии и распространяли свои опустошительные действия даже на Запад: честолюбия или каприза искусного вождя, избытка населения, нехватки пастбищ, предсказаний волшебника было вполне достаточно, чтобы воспламенить эту буйную расу и направить ее массово в отдаленные регионы. Горе людям, которых татары встретили на своем пути! При их приближении империи рушились с ужасающим грохотом; нации были отброшены друг на друга, подобно волнам моря; мир был потрясен и покрыт руинами. История сохранила память о нескольких из их вторжений; самые отдаленные потомки никогда не произнесут без некоторого ужаса имени аваров, гуннов, герулов, всех тех кочующих народов, которые, одни из которых вышли из глубин Татарики, а другие тащились вслед за завоевателями или гнались перед ними, обрушились на пошатнувшуюся империю римлян и разделили между собой добычу цивилизованного мира: в средние века войны татар сравнивались с бурями, наводнениями или прорывом ледяного покрова. вулканы; и смилившиеся народы верили, что правосудие Божье держит эти бесчисленные полчища варваров в резерве на севере, чтобы излить свой гнев на остальную землю и покарать развращенные народы их руками.

Татары никогда не проявляли себя более грозно, чем во времена правления Чингисхана. Тэмуджин, таково было первое имя героического варвара, родился в семье принца, правившего несколькими ордами древнего Могулистана.^[264] Традиции гласят, что седьмой из его предков был зачат в утробе своей матери чудесным влиянием лучей солнца. При рождении Тэмуджина его семья с радостью заметила немного свернувшейся крови на руках младенца - зловещее предзнаменование для рода человеческого, в котором лень или суеверие видели будущую славу завоевателя. Некоторые историки сообщают нам, что в образовании Тэмуджина ничем не пренебрегали; другие, более заслуживающие доверия, утверждают, что он не умел читать; но все сходятся в том, что он был рожден для войны и командовать воинственным народом. Наделенный большой проницательностью ума и своего рода красноречием, умеющий вовремя лукавить, искусный воздействовать на страсти, соединяющий храбрость с безграничным честолюбием, которое никогда не сдерживалось никакими угрызениями совести, он обладал всеми качествами и всеми пороками, которые приводят к империи среди варваров, а иногда даже среди утонченных наций. Его природные склонности проявились в невзгодах, которые

закалили его характер и научили его отваживаться на все, чтобы осуществить свои замыслы. С четырнадцатилетнего возраста, лишенный отцовского наследия и скрывавшийся от караимского хана, он без боли пожертвовал самыми святыми обязанностями гостеприимства ради своего будущего величия. Хан караимов был известен среди христиан средневековья под именем пресвитера Иоанна,^[265] который отпраздновал свое обращение в христианство и считал его одним из самых ревностных апостолов Евангелия, которого, несомненно, он никогда не знал. Он доверил заботу о своих государствах молодому Тэмуджину, который втерся в доверие к армии и сверг своего благодетеля с престола. Поскольку он нарушил все законы морали, чтобы узурпировать империю, он нарушил все законы человечества, чтобы сохранить в ней себя. Семьдесят его врагов были погружены в семьдесят котлов с кипящей водой, а череп вождя караимов, заключенный в золотую шкатулку, очень ясно свидетельствовал о том, что это был за господин, которого судьба собиралась поставить над народами Азии.

Победа должна была привести к тому, с чего начались предательство, насилие и неблагодарность; оружие Тэмуджина и его помощников последовательно покорило все орды, лагеря которых располагались между Китайской стеной и Волгой. Темугин был всемогущим вождем многих миллионов пастухов и воинов, которым не терпелось покинуть свой собственный климат и вторгнуться в южные регионы. Чтобы присоединить соратников по своим победам к своему богатству, он пожелал править с помощью их избирательного права и созвал куралтай, или всеобщий сейм, на котором он был провозглашен сувереном Моголов. Честолюбивый Тэмуджин не пренебрег влиянием суеверий; он принял титул Чингиса, *царя царей*, или *повелителя мира*, и слава свидетельствовала о том, что он получил этот напыщенный титул от пророка, спустившегося с небес на белом коне.

Восточные историки восхваляли Чингисхана за то, что он дал законы покоренным им народам. Эти законы, целью которых было поддерживать мир в семьях и направлять умы людей к войне, на долгое время вызвали повиновение и уважение моголов. Поскольку Чингисхан в своем законодательстве признавал единого Бога, владыку земли и небес, и в то же время допускал все виды вероучений, некоторые современные авторы воспользовались случаем похвастаться его религиозной терпимостью. Но какой могла быть терпимость дикаря-завоевателя, который заставил называть себя сыном солнца, сыном Бога; который сам не следовал никакому богослужению и которому все религии были одинаково безразличны, при условии, что они не противоречили ни его честолюбию, ни его гордыне?

Военачальники и воины Чингисхана с еще большей радостью признали его всеобщим завоевателем и хозяином земли, поскольку надеялись обогатиться добычей всех народов, покоренных его оружием. Его первые предприятия были направлены против Китая, вассалом империи которого он был. Ни барьер великой китайской стены, ни господство знаний и искусств, ни использование пороха, которые, как говорят, были тогда известны китайцам, не смогли защитить процветающую империю от нападений толпы, которую жажда добычи и воинственный инстинкт гнали вперед навстречу опасностям и делали непобедимой.

Войны, которые мы видели в наши дни и о бедствиях которых мы сожалеем, дают лишь слабое представление об этих гигантских вторжениях, в которых многие миллионы людей погибли от меча и голода. Китай дважды пережил все бедствия, неотделимые от войны, которой, казалось, руководил гений разрушения; и в течение нескольких лет самое древнее и могущественное

королевство Азии, залитое кровью и руинами и лишенное половины своего населения, стало одной из провинций новой империи, основанной пастухами Могулистана.

Завоевание Каризмии вскоре последовало за завоеванием Китая; Каризмия находилась недалеко от границ империи Великих Моголов и простиралась, с одной стороны, до Персидского залива, а с другой - до пределов Индии и Туркестана. Чингис узнал, что татарский караван и трое его послов были убиты в одном из городов карисмян. Легко представить, какой эффект произвело бы это известие на императора Великих Моголов, который сам сравнивал гнев королей с огнем пожарищ, который может разжечь самый легкий ветер.^[266] После поста и молитв в течение трех дней и трех ночей на горе, где отшельник объявил ему во второй раз о завоевании всего мира, грозный Чингисхан начал свой поход во главе семисот тысяч татар. Эта армия встретила с армией каризмийцев на берегах Яксарта; Магомет, султан Каризмии, который несколько раз вводил свое победоносное оружие в Туркестан и Персию, командовал войском каризмийцев. Равнина, на которой разыгралось это сражение, была покрыта тысячами двенадцатью тысячами сражающихся; потрясение было ужасным, резня ужасной; победа была не на стороне Магомета, который с того дня вместе со своей семьей и всем своим народом погрузился в глубочайшую пропасть несчастий.

Города Отрар, Бочара, Самарканд, Кандагар и Карисмия, осажденные бесчисленным множеством людей, по очереди попали во власть завоевателя и стали свидетелями истребления их гарнизонов и жителей. Мы не можем подавить чувство жалости, когда история представляет нам, с одной стороны, целое население, бегущее из своих разрушенных домов в поисках убежища в пустынях и горах; а с другой - семью могущественного монарха, обращенного в рабство или стонущего в изгнании; и самого этого монарха, процветанием которого хвасталась или завидовала вся Азия, покинутого своими подданными и умирающего в нищете и отчаянии на острове Каспийского моря.

Армия Чингисхана вернулась в Татарию, нагруженная добычей Каризмии: повелитель Моголов^[267], по-видимому, стремился управлять своими завоеваниями в мирных условиях; но мир, взволнованный его победами и всегда стремившийся сбросить его иго, вместе с воинственным духом его нации, которой он подчинялся. Это дало ему возможность взглянуть на богатства других людей, но не позволило ему снова наслаждаться покоем; он был готов предпринять третью экспедицию против Китая, который, казалось, был настроен восстать, когда смерть положила конец его карьере. Некоторые историки утверждают, что он был убит громом, как будто Небеса решили сами сокрушить орудие своего гнева;^[268] другие, гораздо более заслуживающие доверия, сообщают нам, что татарский герой умер в своей постели, окруженный своими детьми, которым он рекомендовал сохранить союз между собой, чтобы они могли добиться завоевания мира. Окай, старший из его сыновей, наследовал ему власть в империи, и, согласно обычаю великих моголов, великие люди собрались и сказали ему: “Мы желаем, мы молим, мы приказываем тебе принять всю полноту власти над нами”. Новый император ответил следующей формулой, в которой заключен весь дух деспотических правительств Востока: “Если вы хотите, чтобы я был вашим ханом, полны ли вы решимости повиноваться мне во всем; приходите, когда я позову вас, идти, куда я пошлю вас, и предавать смерти всех, кого я прикажу вам убить?” После того, как они ответили “Да”, он сказал им: “Отныне мое простое слово будет служить мне как меч”. Таково было правление татар. Окай собирался править империей, состоящей из нескольких великих империй; его братья и племянники командовали бесчисленными армиями, завоевавшими Китай и Каризмию; они

правили от его имени на севере, юге и востоке, королевствами, размеры которых были едва известны; каждый из его наместников был могущественнее величайших королей земли, и все повиновались ему как рабы. Возможно, впервые среди завоевателей сохранилось согласие; и этот чудовищный союз привел к гибели все народы Азии: Туркестан, Персия, Индия, южные провинции Китая, избежавшие опустошений первого нашествия, все, что осталось от империи абасидов и сельджукидов, — все пало от рук грозного потомства Чингисхана. Многие из монархов, которых в эти дни беспорядка и бедствий случайность войны свергла с их тронов, обратились за помощью к моголам и поддержали предприятия этого воинственного народа против соседних или соперничающих держав. Судьба постигла их всех в одинаковых руинах, и восточная история сравнивает их с тремя дервишами, чьи неосторожные желания и молитвы оживили в пустыне кости льва, который выскочил из недр песка и пожрал их.

Завоевание богатейших стран Азии до такой степени воспламенило энтузиазм татар, что их вождям было бы невозможно удержать их в пределах их собственных территорий или вернуть к мирным трудам скотоводческой жизни. Октай, то ли желая повиноваться отеческим наставлениям, то ли чувствуя необходимость воспользоваться беспокойной и бурной деятельностью моголов, решил обратить свое оружие на Запад. Полторы тысячи пастухов или воинов внесли свои имена в военный реестр; пятьсот тысяч самых сильных были отобраны для великого похода; остальные должны были остаться в Азии, чтобы поддерживать покорность побежденных народов и завершить завоевания, начатые Чингисханом. Ликования, длившиеся сорок дней, предшествовали уходу армии Великих Моголов и были сигналом о том запустении, которое они собирались распространить по странам Европы.

В своем стремительном движении татары переправились через Волгу и почти беспрепятственно проникли в Московию, которая в то время была жертвой ярости гражданской войны. Опустошение их страны, пожары Кайова и Москвы и позорное иго, которое так долго угнетало эти северные регионы, были наказанием за слабое сопротивление москвичей. После завоевания России множество моголов во главе с Бату, сыном Тули, направили свой победоносный курс на Польшу и границы Германии и повсюду повторяли ужасы Аттилы и его гуннов. Города Люблин и Варшава исчезли во время их плавания, и они опустошили оба берега Балтийского моря. Напрасно герцог Силезии, польские палатины и великий магистр Тевтонского ордена объединили свои силы, чтобы остановить распространение этого нового бича Божьего;[269] великодушные защитники Европы пали на равнинах Лигница, и девять мешков, наполненных человеческими ушами, стали трофеем победы варваров. Карпатские горы представляли собой лишь слабую преграду для этих непобедимых орд, и вскоре татары, подобно страшной буре, ворвались на земли тех венгров, которые за два столетия до этого, подобно им, покинули пустыни Скифии и завоевали плодородные берега Дуная. Бела, король Венгрии, недавно привлек в свои владения сорок тысяч семейств команчей, которые предали его; палатины и магнаты королевства были разделены между собой, и даже вид опасности не мог заставить их объединиться или подчиниться законам монарха. Неповиновение, предательство и раздоры отдали все королевство на растерзание безжалостному врагу; стада, урожаи, все богатства страны стали добычей моголов; половина населения была истреблена. Из всех городов Венгрии только три оказали серьезное и подлинное сопротивление и таким образом избежали сцен резни и разрушений. Скифские пастухи, которые не умели читать, оставили побежденным задачу описания своих завоеваний, и нам очень трудно поверить рассказам старых венгерских хроник, когда они описывают неслыханные жестокости, которыми моголы опозорили свои победы;[270] но несколько провинций полностью обезлюдели и

превратились в пустыни, руины двух тысяч церквей, пятидесяти разрушенных городов, предания об этих великих бедствиях, передаваемые из века в век, и ужас, охвативший Европу, являются доказательствами, настолько достойными веры, что мы не можем их отвергнуть.

При всеобщем смятении удивительно, что моголы не направили свое оружие против латинской империи Константинополь, которой тогда угрожали греки и которая была немногим лучше руин; но пастухи пустыни не занимались расспросами о внутренних переворотах государств или о признаках их упадка; они сохранили, как и все народы Азии, смутное представление о мощи армий древней Византии, но мало заботились о том, не наступил ли момент напасть на нее и завоевать. Огромные преимущества, которые имперский город извлекал из своего положения между Европой и Азией, нисколько не поражали татар, которые были несведущи ни в мореплавании, ни в торговле и бесконечно предпочитали богатые пастбища роскошным зданиям великих столиц. Таким образом, мы в равной степени можем полагать, что либо город Константина был защищен в этом случае воспоминаниями о своем былом величии, либо что своей безопасностью он был обязан презрению и безразличию варваров.

Франки, обосновавшиеся в Сирии, пользовались той же удачей, что и византийские греки. Армии Великих Моголов еще не переправились через Евфрат.

В то время как шум войны и падение империй раздавались от Желтой реки до Дуная, христиане Палестины, защищенные раздорами сарацин, возобновили владение Иерусалимом: они начали восстанавливать стены святого города и отстраивать церкви; и благодарили Небеса в мире за то, что они сохранили их от бедствий, которые опустошали остальной мир. Татары едва ли знали о существовании или названии страны, за которую было пролито столько крови, и вряд ли их привлекали к почитаемым, но бесплодным берегам Иордана ни надежды на добычу, ни воспоминания, возбуждавшие воинственный энтузиазм народов Запада. Христианские колонии были бы счастливы, если бы народ, покоренный моголами, изгнанный со своих территорий и повсюду ищущий убежища, не пришел нарушить их временную безопасность и не свергнуть град Христа в новые бедствия.

После смерти Магомета, султана Каризмии, его сын Джелаледдин собрал армию. Доблесть, которую он проявил в нескольких битвах, изумила его врагов и на мгновение вернула под его знамена печальные остатки его империи; удача благоприятствовала его походам в Грузию и Индию; но в конце концов он забыл уроки невзгод среди упоения удовольствиями; он потерял все свои завоевания и жалко погиб среди Творога, где искал убежища. Каризмийские воины, постоянно преследуемые татарами, покинули страну, которую они больше не могли защищать, и под командованием одного из своих вождей по имени Барбакан распространились по Малой Азии и Сирии.

Эти орды, изгнанные из своей собственной страны, маршировали с мечом и факелом в руках и, казалось, в своем отчаянии хотели отомстить другим народам за зло, причиненное им татарами. История описывает эти разъяренные банды, бродившие по берегам Оронта и Евфрата, волоча за собой множество мужчин и женщин, попавших к ним в руки; огромное количество повозок везли добычу из разоренных провинций, через которые они проходили. Самые храбрые из них украсили свои копья волосами тех, кого они принесли в жертву в бою. Одета в награбленное, их армия представляла собой зрелище одновременно ужасающее и нелепое. У каризмийских воинов не было иного выхода, кроме победы, и все разглагольствования их лидеров состояли из следующих слов: *Ты победишь или умрешь*. Они не давали пощады своим врагам на поле

битвы; когда побеждали сами, они безропотно принимали смерть. Их ярость не щадила ни христиан, ни мусульман; все, кого они встречали на своем пути, были их враги; их приближение сеяло повсюду ужас, обращало обезумевшие народы в бегство и превращало города в пустыни.

Мусульманские державы Сирии несколько раз объединялись в союз против карисмитов и оттесняли их на другой берег Евфрата. Но дух соперничества, который во все времена разделял принцев семьи Саладина, вскоре напомнил о враге, всегда грозном, несмотря на поражения. В период, о котором мы говорим, князья Дамаска, Карака и Эмессы только что заключили союз с христианами Палестины; они не только вернули им Иерусалим, Тиверию и Галилейское княжество, но и пообещали присоединиться к ним в завоевании Египта, завоевании, к которому готовилась вся Сирия. Султан Каира, чтобы отомстить христианам, нарушившим заключенные с ним договоры, наказать их новых союзников и защититься от их вторжения, решил обратиться за помощью к ордам Каризмии и послал представителей к вождям этих варваров, обещая оставить им Палестину, если они покорят ее.

Это предложение было принято с радостью, и двадцать тысяч всадников, движимых жадной добычи и резни, поспешили из отдаленных частей Месопотамии, готовые подчиниться мести или гневу египетского монарха. В своем походе они опустошили территорию Триполи и Галилейского княжества, и пламя, повсюду сопровождавшее их шаги, возвестило жителям Иерусалима об их прибытии.

Строительство укреплений едва началось, а небольшое количество воинов в святом городе не оставляло ни малейшей надежды на то, что они смогут отразить неожиданные атаки такого грозного врага. Все население Иерусалима решило бежать под руководством рыцарей Госпиталя и Храма. В городе остались только больные и несколько жителей, которые не могли решиться покинуть свои дома и своих немощных родственников. Вскоре прибыли каризмийцы и, разрушив несколько укреплений, возведенных на их пути, они вошли в Иерусалим с мечами в руках, вырезали всех, кого встретили, а поскольку в опустевшем городе завоеватели не нашли жертв, которыми можно было бы насытить свою месть, они прибегли к самой отвратительной уловке, чтобы заманить обратно жителей, которые обратились в бегство. Они подняли знамена с крестом на каждой башне и зазвонили во все колокола. Толпа христиан, удалявшихся в сторону Яффы, шла молча и продвигалась медленно, постоянно надеясь, что Небеса будут тронуты их страданиями и каким-нибудь чудом приведут их обратно в дома, которые они покинули: время от времени их взгляды невольно обращались к святому городу. Внезапно они увидели развернутые знамена Креста, и в их ушах зазвучал звон священной меди, который каждый день призывал их к молитве. Вскоре распространилась весть, что либо варвары повели свою армию в другом направлении, либо что они были отброшены христианами, оставшимися в городе. Вскоре они убедились, что Бог сжалился над своим народом и не допустит, чтобы город Христа был осквернен присутствием кощунственной орды. Семь тысяч беглецов, обманутых этой надеждой, вернулись в Иерусалим и предалися ярости каризмийцев, которые предали их всех мечу. Потоки крови лились по улицам и вдоль дорог. Отряд монахинь, детей и стариков, нашедших убежище в храме Гроба Господня, был убит у подножия алтарей. Каризмийцы, не найдя среди живых ничего, что могло бы утолить их ярость, вскрыли склепы и предали огню гробы и останки мертвых; гробница Христа, гробница Готфрида Бульонского, священные мощи мучеников и героев веры - ничто не было почитаемо, и тогда Иерусалим стал свидетелем в своих стенах таких жестокостей и осквернений, каких не было ни в самых варварских войнах, ни в дни, отмеченные гневом Божиим.[\[271\]](#)

Тем временем великие магистры тамплиеров и госпитальеров, собравшись вместе с патриархом Иерусалимским и знатью королевства в Птолемаиде, пытались разработать средства, с помощью которых каризмианцы могли бы быть отброшены и Палестина была бы спасена. Все жители Тира, Сидона, Птолемаиды и других христианских городов, способные носить оружие, встали под их знамена. Князья Дамаска, Карака и Эмессы, к помощи которых обратились христиане, объединили свои силы и собрали армию, чтобы остановить всеобщее опустошение. Эта мусульманская армия вскоре прибыла в Палестину. Его появление у стен Птолемаиды подняло мужество франков, которые, несмотря на столь серьезную опасность, казалось, не испытывали отвращения к сражению бок о бок с неверными. Альмансор, принц Эмессы, командовавший мусульманскими воинами, недавно продемонстрировал свою доблесть в борьбе с ордами Каризмии. Христиане с удовольствием рассказывали о его победах на равнинах Алеппо и на берегах Евфрата. В Палестине его встретили как освободителя, и при его проезде были расстелены ковры, окаймленные золотом и шелком. “Народ, - говорит Жуанвиль, - считал его одним из *лучших баронов язычества*”.

Приготовления христиан, рвение и горячность военных орденов, баронов и прелатов; союз, существовавший между франками и их новыми союзниками, в целом, казалось, служили предзнаменованием успеха в войне, начатой во имя религии, гуманности и патриотизма. Христианская и мусульманская армии, объединенные под одними знаменами, выступили из Птолемаиды и расположились лагерем на равнинах Аскалона. Армия каризмианцев продвигалась к Газе, где они должны были получить провизию и подкрепление, присланные султаном Египта. Франкам не терпелось встретиться со своими врагами и отомстить за смерть своих товарищей и братьев, убитых в Иерусалиме. Был созван совет, чтобы обсудить наилучший способ действий. Принц Эмессы и более мудрые из баронов сочли неразумным подвергать безопасность христиан и их союзников риску сражения. Им казалось наиболее целесообразным занять выгодную позицию и ждать, не давая сражения, до тех пор, пока естественное непостоянство каризмийцев, нехватка провизии или раздоры не помогут рассеять эту бродячую толпу или не уведут ее в другие страны.

Большинство других вождей, среди которых был патриарх Иерусалимский, не соглашались с этим мнением и не могли видеть в каризмианцах ничего, кроме недисциплинированной орды, которую было бы очень легко покорить и обратить в бегство: любая задержка с нападением на них только подняла бы их гордыню и удвоила бы их дерзость. С каждым днем зло войны возрастало; гуманность и безопасность христианских колоний требовали, чтобы они как можно скорее положили конец столь многочисленным опустошениям и поспешили наказать разбойников, присутствие которых было одновременно позором и бедствием для христиан и всех союзников христиан.

Это мнение, слишком совпадавшее с нетерпеливой доблестью франков, возобладало на совете. Было решено выступить в поход и дать врагу сражение.

Две армии встретились в стране древних филистимлян. Несколькоими годами ранее герцог Бургундский и король Наваррский, застигнутые врасплох на песчаных равнинах Газы, потеряли лучших своих рыцарей и солдат. Ни вид мест, где крестоносцы потерпели поражение, ни воспоминание об их недавнем поражении не уменьшили безрассудного пыла христианских воинов; как только они заметили врага, они с нетерпением ждали сигнала к битве. Христианская армия была разделена на три отряда; левым крылом, в котором находились

рыцари Святого Иоанна, командовал Готье де Бриенн, граф Яффский, племянник короля Иоанна и сын того самого Готье, который погиб при завоевании Неаполя. Мусульманские войска под командованием принца Эмесского образовали правое крыло. Патриарх Иерусалимский, окруженный своим духовенством, с древом истинного креста, которое несли перед ним, великий магистр тамплиеров со своими рыцарями и бароны Палестины со своими вассалами занимали центр армии.

Каризмийцы медленно выстраивались в боевую линию, и в их рядах наблюдался некоторый беспорядок. Готье де Бриенн стремился воспользоваться этим обстоятельством и с выгодой для себя напасть на них; но патриарх сдержал его храбрость суровостью, не менее противоречащей интересам христиан, чем духу Евангелия.[\[272\]](#)

Граф Яффо, будучи отлучен от церкви за удержание в своих руках замка, на который претендовал прелат, попросил, прежде чем начать столкновение, в котором он мог лишиться жизни, освободить его от отлучения. Патриарх дважды отклонил его молитву и отказался отпустить ему грехи. Армия, получившая благословения священников и епископов, поднявшись с колен, в молчании ожидала сигнала к битве. Каризмианцы выстроились в линию и двинулись вперед, издавая громкие крики и выпуская тучу стрел. Затем епископ Рамы, в полном вооружении, горя желанием продемонстрировать свою храбрость в борьбе с врагами христиан, приблизился к графу Яффо, воскликнув: “Выступаем, патриарх неправ: я отпускаю вам грехи во имя Отца, Сына и Святого Духа”. Произнеся эти слова, бесстрашный епископ Рамы и Готье де Бриенн, сопровождаемый своими товарищами по оружию, ринулся в ряды врага, горя желанием одержать победу или увенчаться мученическим венцом.

Вскоре обе армии вступили в бой и смешались на поле боя. Стремление к победе было равным с обеих сторон; ни христиане, ни их враги не могли не понимать, что одно-единственное поражение приведет к их гибели и что их единственная безопасность - в победе. По этому поводу в “анналах войны” нет примера более кровопролитного и упорного сражения; битва началась на рассвете и закончилась только на закате. На следующее утро сражение возобновилось с той же яростью; принц Эмессы, потеряв две тысячи своих всадников, покинул поле битвы и бежал в сторону Дамаска. Это отступление мусульман решило победу карисмийцев; христиане в течение длительного времени выдерживали неоднократные удары врага; но, наконец, измученные усталостью и подавленные толпой, почти все были либо убиты, либо взяты в плен. Это кровопролитное сражение стоило жизни или свободы более чем тридцати тысячам христианских и мусульманских воинов; князь Тирский, патриарх Иерусалимский и некоторые прелаты с большим трудом избежали резни и удалились в Птолемаиду. Среди воинов, вернувших себе христианские города, было всего тридцать три рыцаря Храма, двадцать шесть госпитальеров и три тевтонских рыцаря.

Когда весть об этой победе достигла Египта, она вызвала всеобщую радость; о ней было объявлено народу звуками барабанов и труб; султан приказал устроить публичные ликования по всем провинциям, и все общественные здания столицы были освещены в течение трех ночей. Вскоре пленники прибыли в Каир верхом на верблюдах, преследуемые оскорбительными криками толпы. До их прибытия на стенах были выставлены головы их товарищей и братьев, погибших в битве при Газе. Этот ужасный памятник их поражению предвещал все, чего они должны были опасаться для себя из-за варварства завоевателей. Их бросили в темницы, где они были брошены на милость жестоких тюремщиков и где они

испытали меланхолическое удовлетворение, обнимая баронов и рыцарей, попавших в плен во время последнего крестового похода.

В то время как весь Египет праздновал победу в Газе, жители Палестины оплакивали смерть и плен своих самых храбрых воинов. Пока существовала какая-либо надежда победить каризмитов с помощью мусульман Сирии, их союз не вызывал ни недоверия, ни колебаний; но неудачи быстро возродили предрассудки; последнюю катастрофу приписали божественному правосудию, раздраженному тем, что знамена Христа смешались со знаменами Магомета. С другой стороны, мусульмане считали, что они предали дело исламизма, объединившись с христианами; вид креста на поле битвы пробудил их фанатизм и уменьшил их рвение к делу, которое, казалось, принадлежало их врагам. Было слышно, как в момент начала битвы принц Эмессы произнес следующие слова: “Я вооружен для битвы, и все же Бог говорит мне в глубине моего сердца, что мы не победим, потому что искали дружбы франков”.

Победа каризмианцев отдала большую часть Палестины в руки самых грозных врагов христианских колоний. Египтяне овладели Иерусалимом, Тверией и городами, переданными франкам принцем Дамаска. Орды Каризмии разорили все берега Иордана, включая территории Аскалона и Птолемаиды, и осадили Яффу. Они затащили несчастного Готье де Бриенна в свой поезд, надеясь, что он заставит принадлежащий ему город открыть им свои ворота: этот образец христианских героев был прикреплен к кресту перед стенами. Находясь таким образом на виду у своих верных вассалов, каризмианцы осыпали его оскорблениями и угрожали немедленной смертью, если город Яффа окажет хоть малейшее сопротивление. Готье, не боясь смерти, громким голосом призвал жителей и гарнизон. защищаться до последней крайности. “Твой долг,” воскликнул он, “ защищать христианский город; мой - умереть за тебя и Иисуса Христа”. Город Яффо не попал в руки каризмианцев, и вскоре Готье получил награду за свою великодушную преданность. Посланный к султану Каира, он погиб под жестокими ударами разъяренной толпы и таким образом получил пальму первенства мученичества, о которой мечтал.

Тем временем удача, или, скорее, непостоянство варваров, пришла на помощь франкам и избавила Палестину от врага, перед которым ничто не могло устоять. Султан Каира послал вождям победоносных орд почетные одежды и великолепные подарки, предлагая им увенчать свои подвиги тем, что направить оружие против города Дамаска. Каризмийцы немедленно осадили столицу Сирии. Дамаск, который был наспех укреплен, смог оказать лишь очень слабое сопротивление их стремительным атакам. Не имея надежды на помощь, они открыли свои ворота и признали власть султана Египта. Именно тогда каризмийцы, воодушевленные своей победой, угрожающим тоном потребовали, чтобы им немедленно были отданы земли, которые были им обещаны в Палестине. Султан Каира, который боялся таких соседей, попытался отсрочить выполнение своего обещания. В ярости, вызванной его отказом, варвары предложили свои услуги князю, у которого они только что отняли его владения, и вновь осадили Дамаск, чтобы лишить его египтян. Гарнизон и жители защищались с упорством; страх попасть в руки безжалостного врага заменял мужество. Все зло, которое несет с собой война, даже сам голод, казались им менее страшным бедствием, чем орды, собравшиеся под их крепостными валами.

Султан Египта направил на помощь городу армию, которая была дополнена войсками Алеппо и нескольких сирийских княжеств. Каризмийцы были побеждены в двух битвах. После этого

двойного поражения восточная история почти не упоминает их имени и не предоставляет нам средств проследить их путь. Большая часть тех, кто избежал меча, погибла от голода и нищеты в странах, которые они опустошили; самые храбрые и наиболее дисциплинированные отправились искать убежища в государствах султана Иконии: и если можно верить домыслам некоторых историков,^[273] они были неясным источником могущественной династии османов.

Христиане Палестины, должно быть, были благодарны Небесам за уничтожение каризмианцев; но потеря Иерусалима и разгром Газы не могли позволить им предаваться многим радостным ощущениям. Они потеряли своих союзников и не могли рассчитывать ни на кого, кроме врагов среди мусульман. Султан Египта, союз с которым они отвергли, расширял свои владения в Сирии, и его власть с каждым днем становилась все более грозной. Города, которые христиане все еще удерживали на морских побережьях, почти все были без защитников. Ордена Святого Иоанна и Храма предложили султану Каира значительную сумму для выкупа его пленников; но султан отказался выслушать их послов и пригрозил им всеми ужасами своего гнева: эти две организации, которых прежде так боялись мусульмане, больше не могли с какой-либо пользой служить делу христиан и были вынуждены в состоянии бездействия ждать, пока воинственная знать Европы придет на смену рыцарям, взятым в плен неверными, или будет сметена на поле битвы. Император Германии не предпринял ни малейших усилий, чтобы спасти руины своего слабого королевства; он послал нескольких воинов защищать свои права в Птолемаиде; но поскольку эти права не были признаны, присутствие императорских войск только усилило другие бедствия, опустошавшие Святую Землю, - раздоры и гражданскую войну.

Палестина, которой каждый день угрожало новое вторжение, не могла питать ни малейшей надежды на помощь со стороны других христианских государств Востока. Команчи, варварский народ с границ Татарии, превосходивший по свирепости орды Каризмии, опустошали берега Оронта и предавали огню и мечу все в Антиохийском княжестве; царь Армении в то же время боялся опустошительных действий татар и агрессивных действий турок в Малой Азии; Кипрское королевство, ставшее добычей различных группировок, недавно стало театром гражданской войны и имело основания опасаться вторжений римлян. Мусульманские народы Сирии и Египта. В этой прискорбной ситуации можно было бы поверить, что королевство Годфри находится на пороге полной гибели и что все, что осталось от христиан в Святой Земле, вскоре разделит судьбу каризмианцев. Но, обратив свои взоры к Западу, франки Палестины снова почувствовали возрождение своих надежд и мужества; не раз христианские государства Сирии были обязаны своей безопасностью и даже несколькими днями процветания и славы чрезмерному унижению и нищете. Их стоны и жалобы редко оказывались напрасными для воинственных народов Европы, и их крайнее бедствие почти всегда становилось сигналом к новому крестовому походу, самого сообщения о котором было достаточно, чтобы заставить сарацин трепетать.

Валеран, епископ Беритуса, был послан на Запад просить защиты у папы римского и помощи князей и воинов. Папа благосклонно принял посланника христиан и пообещал свою помощь Святой Земле. Но Запад в тот период был взбудоражен смутами: ссора, вспыхнувшая между Святым Престолом и императором Германии, велась с враждебностью, которая позорила как религию, так и человечество. Фридрих II применял всевозможные насилия против римского двора и сторонников суверенного понтифика; папа, с каждым днем все более раздражаясь, призвал христианское оружие против своего врага и пообещал индульгенции в крестовом походе всем, кто вызовет его гнев.

С другой стороны, латиняне, обосновавшиеся в Константинополе, были окружены величайшими опасностями. Император Балдуин II, после того как привел слабое подкрепление в свою столицу, вернулся на Запад и во второй раз просил милостыню и помощи у верующих, чтобы поддержать жалкие остатки своей империи, почти беззащитной перед нападениями греков и болгар. В то же время татары продолжали опустошать берега Дуная и угрожать Германии; их варварские подвиги наводили ужас на самые окраины Европы; повсюду возбужденное воображение народов представляло этих ужасных завоевателей чудовищами, извергнутыми адом, облаченными в отвратительные формы и наделенными силой, с которой ни один человек не был в состоянии бороться. Недостаток средств связи, которые не позволяли получить точной информации об их походе, породил самые ужасные слухи. Одно время было объявлено, что они вторгаются в Италию, а сразу после этого - что они опустошают берега Рейна; каждая нация боялась их скорого прибытия, каждый город верил, что они у его ворот.

Именно среди этого всеобщего беспорядка и смятения Иннокентий IV, беженец из Лиона, решил созвать в этом городе вселенский собор, чтобы устранить зло, опустошившее христианский мир как на Востоке, так и на Западе.^[274] Суверенный понтифик в своих письмах, адресованных верующим, разоблачил плачевное положение Римской церкви и призвал епископов собраться вокруг него и просветить его своими советами. Патриархи Константинопольский, Антиохийский и Аквилейский, множество прелатов и врачей, а также несколько светских князей откликнулись на приглашение главы Церкви. Среди толпы епископов только один, казалось, привлекал всеобщее внимание; это был епископ Беритус; его присутствие и скорбь, отразившаяся на его челе, напомнили собранию обо всех несчастьях Святой Земли. Балдуин II, император Византии, привлекал к себе немногим меньше внимания, и его просительное отношение слишком явно показывало, во что превратилась империя, основанная шестым крестовым походом.

Большинство западных монархов направили своих послов на это собрание, на котором предстояло обсудить безопасность и великие интересы христианского мира. В частности, Фридрих, который так долго был объектом гнева суверенного понтифика, ничем не пренебрегал, чтобы отвратить раскаты грома, нависшие над его головой, и министрам, облеченным его доверием, было поручено защищать его перед отцами собора. Среди наместников императора Германии история называет Пьера Девиня, написавшего от имени Фридриха красноречивые письма ко всем государям Европы с жалобами на тиранию, осуществляемую Святым Престолом; и Тадеуша Суэссенского, которому военная профессия не помешала применить искусство красноречия или проникнуть в глубины изучения законов. Последний часто со славой служил своему господину среди опасностей войны, но у него никогда не было возможности проявить столько твердости, мужества и преданности, как на этом собрании, на котором римский двор собирался проявить всю свою мощь и осуществить все свои угрозы.

Перед открытием собора папа провел собрание в монастыре Сен-Жюст, где он выбрал место своей резиденции. Константинопольский патриарх разоблачил плачевное состояние своей церкви: ересь восстановила свое господство в значительной части Греции, и враги латинской церкви подступали к самым воротам Константинополя; епископ Беритский зачитал письмо, в котором иерусалимский патриарх, бароны и прелаты Палестины описывали опустошительные действия каризмианцев и показывали, что наследие Христа вот-вот станет добычей варваров, если Запад не возьмется за оружие для его защиты. Опасности и несчастья, постигшие христиан Востока, глубоко затронули отцов собора. Фадей, воспользовавшись их волнением,

объявил, что император, его повелитель, полностью разделяет их глубокую скорбь и что он готов употребить все свои силы для защиты христианского мира. Фридрих обещал остановить нашествие татар, восстановить господство латинян в Греции, лично отправиться в Святую Землю и освободить Иерусалимское королевство; он еще больше обещал, чтобы положить конец всем разделениям, вернуть Святому Престолу все, что он у него отнял, и исправить все обиды, причиненные верховному понтифику. Такие возвышенные обещания, данные самым могущественным монархом христианского мира, вызвали столько же радости, сколько и удивления у большей части епископов; казалось, всему собранию не терпелось узнать, каким будет ответ Иннокентия. Папа оказался непреклонным и с презрением отверг предложения, которые, по его словам, уже делались несколько раз и которые не имели никакой другой гарантии, кроме слишком подозрительной лояльности Фридриха. Он был полон решимости рассматривать новые заявления императора не более чем как новую уловку, направленную на то, чтобы обмануть Церковь и свернуть с пути ее правосудия. *“Топор, - добавил он, - уже поднят и готов обрубить корни дерева”*; слова, очень плохо сочетающиеся с евангельским милосердием и которые ясно показывают, что Иннокентий готовил торжественный собор с меньшей целью выступить против врагов христианского мира, чем подготовить падение и завершить гибель своего личного врага.

Папа провел это подготовительное заседание для того, чтобы испытать свои силы и ознакомиться с позицией епископов. Несколько дней спустя собор был открыт с большой торжественностью в столичной церкви Святого Иоанна; суверенный понтифик, облаченный в тиару и папские одежды, был посажен на возвышение, по правую руку от него находился император Константинополя, а по левую - граф Прованский и граф Тулузский. После того, как он произнес *Имя Творца* и призвал просветление от Святого Духа, он произнес речь, в качестве предмета которой он взял пять скорбей, которыми был поражен, и сравнил их с пятью ранами Спасителя мира на кресте. Первым было вторжение татар; вторым - раскол греков; третьим - вторжение каризмийцев в Святую Землю; четвертым - ослабление церковной дисциплины и распространение ереси; и пятым - гонения, которые он перенес от Фридриха.

Описывая несчастья христианского мира, понтифик не мог сдержать слез. Его голос, если можно верить современному историку, часто прерывался рыданиями; он доносил до всех сердец чувства, которые его волновали; но вскоре он отказался от языка сострадания и отчаяния и перешел на язык гнева и угрозы. Татары, каризмийцы и мусульмане внушали ему меньшую ненависть, чем император Германии, и именно для этого государя он приберег все громы своего красноречия. Он упрекал его в самых яростных выражениях во всех преступлениях, которые могли навлечь на его голову проклятия его эпохи, ненависть современников и презрение потомков. Когда папа произнес свою речь, в собрании воцарилось глубокое молчание; большей части перепуганных епископов показалось, что глас Небес был услышан с целью осудить Фридриха: все взоры были обращены на заместителей императора, и никто не мог поверить, что кто-либо из них осмелится ответить толкователю гнева Небес. Внезапно встал Фадей Суэссенский и обратился к собору, призывая Бога, испытующего все сердца, в свидетели того, что император был верен всем своим обещаниям и никогда не переставал стараться служить делу христиан. Он опроверг все обвинения суверенного понтифика и в своем ответе без колебаний сослался на многочисленные жалобы на римский суд.^[275] Разгневанный папа ответил со своего высокого трона; он снова обвинил императора и выказал, но слишком большое желание признать его виновным: первое заседание собора, всецело занятое этими ожесточенными дебатами, продемонстрировало поучительное зрелище

состязания между главой верующих, который обвинил христианского князя в лжесвидетельстве, уголовном преступлении, ереси и святотатстве; и министр императора, который упрекал римский двор в осуществлении отвратительного деспотизма и совершении отвратительных беззаконий.

Это состязание, результаты которого, вероятно, оказались бы одинаково пагубными как для главы Церкви, так и для главы Империи, затянулось на несколько дней; оно, несомненно, шокировало всех тех, кого папа не поддерживал в своем негодовании, и большинство епископов, должно быть, были огорчены тем, что их таким образом отвлекли от главной цели собрания.

В конце концов, однако, бедствия восточных христиан, пленение Иерусалима и опасности Византии привлекли внимание отцов собора. Папа и ассамблея прелатов решили, что следует проповедовать новый крестовый поход для освобождения Святой Земли и латинской империи Константинополя. Они возобновили все привилегии, предоставленные крестоносцам предыдущими папами и соборами, а также все наказания, направленные против тех, кто должен был покровительствовать пиратам или сарацинам: в течение трех лет все, кто должен был принять крест, освобождались от всех видов налогов или государственных должностей; но если после принятия обета они его не выполняли, они подвергались отлучению от церкви. Собор рекомендовал баронам и рыцарям изменить роскошь своих столов и пышность своей одежды; он посоветовал всем верующим, и особенно священнослужителям, заниматься благотворительностью и вооружиться всеми аскезами покаяния против врагов Божьих. Чтобы получить защиту Небес благодаря заступничеству Святой Девы, папа и отцы собора распорядились отмечать в церкви октаву Рождества Христова. На нескольких соборах рыцарям-христианам запрещалось участвовать в светских торжествах турниров; Лионский собор возобновил запрет, убедившись, что эти военные празднества могут отвлечь умы воинов от благочестивых мыслей о крестовых походах и что расходы, которые они повлекут, сделают невозможными для храбрейших из лордов и баронов необходимые приготовления к паломничеству за моря. Совет постановил, что духовенство должно выплачивать двадцатую часть своих доходов, а суверенный понтифик и кардиналы - десятую часть своих, чтобы покрыть расходы на священную войну. Половина доходов всех бенефициаров-нерезидентов была специально зарезервирована для помощи Константинопольской империи. Постановления собора предписывали всем, чьей миссией было проповедовать слово Божье, призывать князей, графов, баронов и корпорации городов вносить по мере своих сил вклад в успех священной войны; те же уставы рекомендовали духовенству показывать верующим, что жертвы, приносимые на крестовый поход, были самым надежным средством искупления их грехов; но прежде всего они рекомендовали духовенству побуждать верующих в трибунале покаяния умножать свои пожертвования или, по крайней мере, завещать в своих завещаниях что-либо для помощи христианам Востока.

Таким образом, собор объявил войну народам, враждебным христианам, и подготовил средства для обеспечения триумфа воинов Христа. Тем не менее мы удивлены, что папа ничего не сказал о проповеди крестового похода против татар, вторжение которых он сравнил с одной из ран Спасителя на кресте. В состоянии запустения, в котором тогда находилась Венгрия, ни один из епископов этого несчастного королевства не смог появиться на соборе, и не было поднято ни одного дружеского голоса, чтобы привлечь внимание к венгерской нации или умолять о милости к ней. Татары, правда, отброшенные герцогом Нойштадтским, отступили с берегов

Дуная; но была большая причина опасаться их возвращения: чтобы предотвратить новые вторжения, совет ограничился советом немцам рыть рвы и возводить стены на дорогах, по которым, вероятно, могли пройти татарские орды. Эти меры, которые даже тогда, должно быть, были известны как недостаточные, помогают нам в наши дни составить мнение о духе непредусмотрительности и слепоты, который тогда царил в политических советах. Кто не удивится, увидев, что в таком серьезном собрании, как совет, Европа вынуждена расточать свои сокровища и жертвовать своими армиями ради освобождения Константинополя и Иерусалима, в то время как самые грозные из варваров были у их дверей и угрожали вторгнуться на их собственные территории?

Мы можем, однако, заметить, что сам Фридрих просил европейские державы помочь ему в отражении татар; и папа был гораздо менее заинтересован в поддержке империи, чем в попытках вырвать ее у Фридриха. Иннокентий, казалось, был очень не расположен подавать пример того духа согласия и милосердия, который собор только что рекомендовал христианским государям; история может лишь сожалеть о том рвении, которое он проявил в осуществлении своих планов мести императору Германии, рискуя возбудить злые страсти, увековечить раздор и, таким образом, предоставить Запад вторжению варваров. На втором заседании собора он готовился сокрушить своего врага и полностью подавить его весом церковной власти, когда Фадей Суэссенский потребовал отсрочки на несколько дней, чтобы позволить императору прибыть лично, чтобы оправдать свое поведение и продемонстрировать свою лояльность. Защитник Фридриха надеялся, что присутствие могущественного монарха, пробудив в умах собрания уважение, подобающее величию королей, приведет к торжеству справедливости. Папа согласился, хотя и очень неохотно, отложить исполнение своих угроз; но император не мог снизойти до того, чтобы предстать в качестве просителя перед собранием, созванным самым непримиримым из его врагов: он не явился на собор, и когда требуемый срок отсрочки истек, суверенный понтифик воспользовался его отсутствием, чтобы снова упрекнуть его в недобросовестности и сопротивлении законам Церкви.

В тот момент, когда собрание епископов с трепетом ожидало страшного приговора, английские послы поднялись, чтобы пожаловаться на агентов римского двора, чьи амбиции и алчность разоряли английское королевство; в то же время они протестовали против феодального господства, которое папа, вследствие уступки, сделанной королем Иоанном, претендовал осуществлять над английской монархией и нацией. Эти заявления не могли сдерживать постоянно закипающего гнева суверенного понтифика. Напрасно Фадей снова настаивал на том, что отсутствует большое количество епископов, что несколько князей не прислали своих послов на собор; напрасно он заявлял, что должен апеллировать к более многочисленному и более торжественному собору; ничто не могло отвратить бурю или отсрочить час отмщения. Иннокентий сначала сдержанно отвечал английским депутатам и даже депутатам Фредерика; но вскоре, приняв тон судьи и повелителя, сказал: “Я, - сказал он, - наместник Иисуса Христа; все, что Я свяжу на земле, будет связано на небесах, согласно обещаниям Сына Божьего, данным князю апостолов; и поэтому, обсудив это с нашими братьями кардиналами и советом, я объявляю Фредерика осужденным за святотатство и ересь, подлежащим отлучению и низложению. от империи; я навсегда освобождаю от клятв всех, кто присягал ему на верность; я запрещаю кому бы то ни было под страхом отлучения от церкви, вызванного этим единственным проступком, впредь уступать ему в повиновении; в заключение я приказываю выборщикам

избрать другого императора и оставляю за собой право распоряжаться королевством Сицилия”.

Во время чтения этого предложения папа и прелаты держали в руках зажженные восковые свечи и склонились к земле в знак проклятия. Послы Фридриха удалились, полные смятения и отчаяния; было слышно, как Фадей Суэссенский произносил эти слова из Священного Писания: *“О ужасный день! О день гнева и бедствия!”* Глубокое и меланхолическое молчание царило во всем этом собрании, в лоно которого, казалось, только что упали небесные молнии среди ужасных раскатов. Один папа казался собранным, и лицо его сияло радостью; он произнес *“Те Деум”*, как будто одержал победу над неверными, и объявил, что собор прекратил свою работу.

Таков был Лионский собор, слишком прославленный в средневековых анналах, который часто давал врагам религии предлог для нападков на решения Церкви. Папа в своей вступительной речи выразил сожаление по поводу распространения ереси; но, всегда более стремясь бороться с врагами своей власти, чем с врагами религии, он не предложил ни одной меры, чтобы остановить распространение новых заблуждений. На этом соборе, который не имел тенденции к просвещению верующих, было жестоко оскорблено величие королей; все принципы прав народов и все заповеди библейского милосердия были попорчены. Когда Иннокентий объявил о намерении низложить императора, ни один епископ не повысил голоса, чтобы отвлечь суверенного понтифика от этого отвратительного использования своей власти. Реальные обиды, которые Фридрих совершил против Церкви; воспоминание о преследованиях, которые он осуществлял против нескольких епископов; намерение, которое, по их мнению, он вынашивал ограбить духовенство; угрожающий язык и тон папы; то непреодолимое влияние, под которым все чувствуют себя в многочисленном собрании, — все это помогло помешать кому-либо из епископов сослаться на доводы разума или напомнить разгневанному понтифику евангельские максимы. Тем не менее отцы собора, какими бы ни были их предубеждения или обиды, не принимали участия во всей ярости Иннокентия и не оказывали активной помощи в совершении им актов несправедливости и насилия.

Папа не взывал к их мудрости и, казалось, боялся спросить их мнения. Не повторяя здесь того, что часто говорилось в богословских школах, беспристрастная история должна осудить молчаливый нейтралитет собора; но в то же время она должна утверждать, что гнусный декрет против Фридриха не был актом Церкви; что епископы и прелаты не дали ему своего официального одобрения; и что позор этого великого беззакония полностью ложится на память о Иннокентии.[\[276\]](#)

Именно в этот прискорбный период кардиналы по приказу папы впервые облачились в алую мантию, символ преследований и печальное предзнаменование крови, которая вот-вот должна была пролиться. Фридрих был в Турине, когда услышал о своем приговоре; при этом известии он потребовал свою императорскую корону и, возложив ее себе на голову, воскликнул громким и гневным голосом: *“Вот она, и прежде чем она будет отнята у меня, мои враги должны хорошо узнать ужас моего оружия; пусть трепещет этот понтифик, который разорвал все узы, связывавшие меня с ним; наконец, он позволяет мне отныне не слушать ничего, кроме веления моего справедливого гнева”*. Эти угрожающие слова возвестили о грозном противостоянии, и каждого сторонника мира, должно быть, охватил ужас: ярость, одушевлявшая императора и папу, быстро овладела умами людей; в провинциях Германии и Италии все взялись за оружие.

Среди волнений, в которые был тогда погружен Запад, вполне вероятно, что Иерусалим и Святая Земля были бы совершенно забыты, если бы могущественный и высоко почитаемый монарх не встал во главе крестового похода, который был провозглашен на Лионском соборе.

Годом ранее, в тот самый момент, когда народы Запада слышали о последних несчастьях Палестины, король Франции Людовик IX опасно заболел. Жители его королевства возносили самые искренние молитвы о сохранении добродетельного монарха. Болезнь, приступы которой с каждым днем становились все более жестокими, в конце концов вызвала серьезную тревогу. Людовик впал в смертельную летаргию, и вскоре распространился слух, что он мертв. Двор, столица, провинции были поражены глубочайшим горем; тем не менее король Франции, как будто Небеса не смогли устоять перед молитвами и слезами целого народа, выздоровел, даже когда, по-видимому, находился у дверей гробницы. Первое, что он произнес, после того как снова узрел свет, было попросить крест и выразить свою решимость отправиться в Святую Землю.

Те, кто окружал его, считали его возвращение к жизни чудом, совершенным терновым венцом Христа и защитой апостолов Франции; они падали на колени, чтобы возблагодарить небеса, и в радости, которую они испытывали, едва обратили внимание на клятву Людовика покинуть свое королевство и отправиться сражаться против неверных на Востоке. Когда к королю начали возвращаться силы, он повторил свой обет и снова попросил крест крестоносцев.^[277] Королева Бланш, его мать, принцы его семьи и Пьер д'Овернь, епископ Парижский, тогда попытались отвлечь его от его цели и со слезами на глазах заклинали подождать, пока он полностью поправится, прежде чем направлять свои мысли на столь опасное предприятие; но Людовик думал, что он всего лишь повинуюсь воле Небес. Бедствия Святой Земли сильно повлияли на его воображение; Иерусалим, отданный на разграбление, оскверненная гробница Христа постоянно стояли перед его мысленным взором. В разгар жгучей лихорадки ему почудилось, что он слышит голос, доносящийся с Востока и обращенный к нему со следующими словами: *“Король Франции, ты видишь бесчинства, нанесенные городу Христа; именно тебе Небо назначило отомстить за них.”* Этот небесный голос все еще звучал в его ушах и не позволял ему прислушиваться к дружеским мольбам или советам человеческой мудрости. Непокколебимый в своем решении, он принял крест из рук Пьера д'Оверни и приказал объявить христианам Палестины, одновременно отправив им помощь как людьми, так и деньгами, что он пересечет моря, как только сможет собрать армию и восстановит мир в своих владениях.

Эта новость, которая принесла такую радость христианским колониям, посеяла горе и ужас во всех провинциях Франции. Сьер де Жуанвиль тепло выражает сожаление королевской семьи, особенно отчаяние королевы-матери,^[278] сказав, что, когда эта принцесса увидела своего сына с крестом, *она была поражена таким страхом, как если бы увидела его мертвым.* Недавние бедствия в Иерусалиме вызвали слезы у большинства христиан на Западе, но не внушили им, как в предшествующую эпоху, сколько-нибудь серьезного желания идти сражаться с неверными. В этих далеких экспедициях невозможно было увидеть ничего, кроме больших опасностей и неизбежных поражений; и проект возвращения града Божьего вызывал скорее тревогу, чем энтузиазм.

Однако верховный понтифик разослал священнослужителей по всем христианским государствам с поручением проповедовать священную войну. Кардинал Эд из Шатору прибыл во Францию с особым поручением опубликовать и привести в исполнение декреты Лионского собора, касающиеся крестового похода. О священном походе проповедовалось во всех церквях королевства. Современная история почти не упоминает о влиянии этих проповедей, и все приводит нас к мысли, что тех, кто тогда давал клятву сражаться против сарацин, побудил к этому скорее пример короля, чем красноречие святых ораторов.

Чтобы придать большую торжественность объявлению о крестовом походе и возбудить в воинах стремление освободить святые места, Людовик IX созвал в своей столице парламент, в котором собрались прелаты и магнаты королевства. Кардинал-легат повторил увещевания, с которыми глава Церкви обратился к верующим. Людовик IX выступил после кардинала Шатору и описал картину бедствий Палестины. “По выражению Давида, нечестивый народ вошел в храм Господень; кровь, как вода, растеклась по Иерусалиму; слуги Божьи были убиты в святилище; и останки их, лишенные погребения, брошены птицам небесным”. После того, как Людовик IX выразил сожаление по поводу бедствий Сиона, напомнил своим баронам и рыцарям пример Людовика Молодого и Филиппа Августа; он призывал каждого великодушного солдата, который его слушал, взяться за оружие, отправиться за моря, сражаться против неверных и защищать славу Божью и имя Франции на Востоке. Людовик, взывая поочередно к милосердию и воинственным добродетелям своей аудитории, старался пробудить во всех сердцах как вдохновение благочестия, так и рыцарские чувства. Нет необходимости повторять, какой эффект произвели увещевания и молитвы короля Франции, который обращался к чести и взывал к храбрости своих подданных. Едва он закончил говорить, как три его брата, Роберт, граф д'Артуа, Альфонс, герцог Пуатье, и Шарль, герцог Анжуйский, принесли клятву идти защищать наследие Христа и французские колонии в Азии. Королева Маргарита, графиня д'Артуа и герцогиня Пуатье также приняли крест и решили сопровождать своих мужей. Большинство епископов и прелатов, присутствовавших на этом собрании, под влиянием речи короля и примера кардинала-легата, без колебаний вступили в войну, к которой, правда, было проявлено меньше энтузиазма, чем в прежние времена, но которая все еще называлась *войной Бога*. Среди великих вассалов короны, поклявшихся покинуть Францию ради борьбы с сарацинами в Азии, среди друзей французской монархии, должно быть, с большой радостью были Пьер де Дре, герцог Бретани, Гуго, граф де ла Марш и несколько других лордов, чьи ревнивые амбиции так долго тревожили королевство. Вскоре после них были замечены герцог Бургундский, Гуго де Шатийон, граф де Сен-Поль, графы Дре, Бар, Суассон, Блуа, Ротель, Монфор и Вандом; сеньор де Божо, коннетабль Франции, и Джон де Бомон, великий адмирал и великий камергер; Филипп де Куртенэ, Ги Фландрский, Аршамбо де Бурбон, молодой Рауль де Куси, Джон де Баррес, Жиль де Майи, Робер де Бетюн и Оливер де Термы. В королевстве не было ни одной прославленной семьи, которая не поставила бы ни одного героя для крестового похода. В толпе этих благородных крестоносцев история с удовлетворением отмечает знаменитого Буалева, который впоследствии стал главой парижских торговцев, и сьера де Жуанвиля, чье имя навсегда войдет в историю Франции рядом с именем Людовика IX.

Собранием прелатов и баронов был принят ряд мер по поддержанию общественного спокойствия и подготовке к священной войне. Огромное количество процессов в тот период нарушали мир в семьях, и эти процессы, многие из которых решались мечом, часто приравнивались к настоящим войнам. Трибуналам было предписано прекратить все дела, переданные на их рассмотрение, а в тех случаях, когда они не могли обязать стороны

согласиться с определенным решением, судьям было предписано заставить их поклясться в перемирии сроком на пять лет. В соответствии с авторитетом папы римского и постановлениями Лионского собора было приказано, чтобы священнослужители выплачивали королю десятую часть своих доходов, что вызвало недовольство духовенства, которое Людовику с большим трудом удалось рассеять. Проскрипт, изданный королевской властью в согласии с волей папы римского, постановил, что крестоносцы должны быть защищены в течение трех лет от преследований их кредиторов, считая со дня их отъезда в Святую Землю; этот проскрипт, который также вызвал много ропота, оказал большое влияние на решение многих баронов и рыцарей покинуть Запад.

Людовик IX. постоянно был занят приведением своего замысла в исполнение и не пренебрегал никакими средствами, чтобы привлечь к своей цели всю знать своего королевства; его благочестие не гнушалось использовать для того, что он считал священным делом, всю власть, которой короли обычно обладают над своими придворными; иногда он даже опускался до обольщения и хитрости, убежденный, что святость крестового похода все оправдает. По древнему обычаю, короли Франции при больших торжествах дарили своим подданным, находившимся при дворе, определенные накидки или отороченные мехом мантии, в которые последние немедленно облачались, прежде чем покинуть двор. В древних *счетах* (своего рода ревизиях) эти накидки назывались *livrées* (отсюда, без сомнения, и наше слово ливрея), потому что монарх сам дарил их (*les livrait*). Людовик приказал приготовить к Сочельнику огромное их количество, на которых золотом и шелком были вышиты кресты. Когда момент настал, каждый накинул на себя выданную ему мантию и последовал за монархом в часовню. Каково же было их изумление, когда при свете восковых свечей они сразу же увидели на всех перед собой, а затем и на самих себе, знак помолвки, которой они никогда не заключали. Однако таков был характер французских рыцарей, что они считали себя обязанными откликнуться на этот призыв к своей храбрости; все придворные, как только богослужение закончилось, присоединились к смеху *искусного ловца людей*,^[279] и поклялись сопровождать его в Азию.

Несмотря на все эти усилия, публикация "Священной войны" вызвала в нации гораздо больше горя, чем воинственного пыла, и приближающийся отъезд монарха потряс всю Францию. Королева Бланш и самый благоразумный из министров, которые сначала пытались отвлечь Людовика IX от крестового похода, повторили свои попытки несколько раз: решившись на последнее усилие, они всем скопом отправились к королю. Епископ Парижский был во главе их и говорил от имени всех; этот добродетельный прелат объяснил Людовику, что обет, данный в разгар болезни, не должен связывать его окончательно, особенно если интересы его королевства налагают на него обязанность отказаться от него. "Все требовало присутствия монарха в его владениях; пуатевинцы угрожали снова взяться за оружие; война альбигойцев была готова разгореться вновь; враждебности Англии всегда следовало опасаться, поскольку она мало обращала внимания на договоры; войны, вызванные притязаниями папы и императора, воспламенили все государства, прилегающие к Франции, и пожар, скорее всего, распространится и на это королевство". Многие из дворян, которым Людовик доверил важнейшие государственные функции, говорили после епископ Парижский и представил монарху, что все учреждения, основанные его мудростью, погибли в его отсутствие; что Франция потеряет с его уходом плоды побед при Сент-Луисе и Тайллубуре вместе со всеми надеждами, которые заставляли ее питать добродетели великого князя. Последней заговорила королева Бланш. "Сын мой," сказала она, "если Провидение использовало меня, чтобы присмотреть за твоим младенчеством и сохранить твою корону, я, возможно, имею право

напомнить тебе об обязанностях монарха и о тех обязательствах, которые налагает на тебя безопасность королевства, на которое Бог возложил тебя; но я предпочитаю говорить с тобой с материнской нежностью. Ты знаешь, сын мой, что жить мне осталось совсем немного, и твой отъезд оставляет мне только мысль о вечной разлуке: я все равно буду счастлив, если умру до того, как слава, возможно, разнесет по Европе весть о каких-нибудь великих бедствиях. До сего дня вы пренебрегали и моими советами, и моими молитвами; но если вы не хотите сжалиться над моими горестями, подумайте хотя бы о своих детях, которых вы оставляете в колыбели; они нуждаются в ваших уроках и вашей помощи; что с ними будет в ваше отсутствие? разве они не так же дороги вам, как христиане Востока? Если бы вы были сейчас в Азии и вам сообщили, что ваша покинутая семья стала забавой и добычей различных группировок, вы бы не преминули поспешить к нам. Что ж! все это зло, которого моя нежность заставляет меня бояться, скорее всего, породит твой отъезд. Оставайтесь тогда в Европе, где у вас будет так много возможностей продемонстрировать добродетели великого короля, короля-отца своих подданных, образца и поддержки принцев своего дома. Если Христос требует, чтобы его наследие было возвращено, пошлите свои сокровища и свои армии на Восток; Бог благословит войну, начатую во имя его. Но этот Бог, который слышит меня, поверьте мне, никогда не повелевает выполнять обет, противоречащий великим замыслам его провидения. Нет; этот милосердный Бог, который не позволил Аврааму завершить свое жертвоприношение, не позволяет вам завершить свое и подвергнуть опасности жизнь, от которой так всецело зависят как судьба вашей семьи, так и благополучие вашего королевства”.

Закончив эти слова, королева Бланш не смогла сдержать слез; сам Людовик был глубоко тронут и бросился в объятия своей матери; но вскоре, приняв спокойное выражение лица, он сказал: “Мои дорогие друзья, вы знаете, что весь христианский мир знаком с моим решением; в течение нескольких месяцев по моему приказу велись приготовления к крестовому походу. Я написал всем князьям Европы, что собираюсь покинуть свои владения и отправиться в Азию; я объявил христианам Палестины, чтолично окажу им помощь; я сам проповедовал крестовый поход в своих королевствах; множество баронов и рыцарей послушались моего голоса, последовали моему примеру и поклялись сопровождать меня на Восток. Что ты теперь мне предлагаешь? изменить мои публично провозглашенные проекты, не сделать ничего из того, что я обещал сделать, или из того, чего ожидает от меня Европа, и сразу обмануть надежды Церкви, христиан Палестины и моей верной знати”.

“Тем не менее, поскольку вы думаете, что я не был в здравом уме, когда брал крест, что ж, я возвращаю его вам; вот тот крест, который вызывает у вас такую тревогу, и который я взял, как вы говорите, только в припадке бреда. Но теперь, когда я в полном здравом уме, я снова прошу вас об этом и торжественно заявляю, что никакая пища не попадет мне в рот, пока вы не вернете ее мне. Ваши упреки и ваши жалобы причиняют мне глубочайшую боль; но научитесь лучше понимать мои обязанности и свои собственные; помогите мне в поисках истинной славы; поддержите меня в том могущественном деле, в котором я участвую, и не тревожьтесь о моей судьбе или судьбе моей семьи и народа. Бог, который даровал мне победу при Тайллубуре, будет следить за замыслами и кознями наших врагов; да, Бог, который посылает меня в Азию, чтобы вернуть его наследие, защитит наследие моих детей и исполнит свои благословения на Францию. Разве у нас все еще нет той, кто была опорой моего детства и наставницей моей юности, той, чья мудрость спасла государство от стольких опасностей, и кому в мое отсутствие не понадобятся ни мужество, ни способность сокрушать фракции? Позвольте мне тогда сдержать все обещания, которые я дал перед Богом и перед людьми; и не забывайте, что есть

обязательства, которые священны для меня и должны быть священны для вас — я имею в виду клятву христианина и слово короля!”

Так говорил Людовик IX. Королева Бланш, епископ Парижский и другие советники короля хранили религиозное молчание и с того времени думали только о том, чтобы поддержать усилия монарха по ускорению исполнения обязательства, которое, казалось, исходило от Бога.^[280]

В то время во всех странах Европы проповедовался крестовый поход; но поскольку большинство государств были полны волнений и раздоров, голоса священных ораторов терялись среди шума фракций и бряцания оружия. Когда епископ Беритский отправился в Англию, чтобы умолять английского монарха помочь христианам Востока, Генриха III. был полностью занят отражением агрессии короля Шотландии и улаживанием проблем Уэльса. Бароны угрожали его власти и не позволили ему участвовать в далекой войне. Этот принц не только отказался принять крест, но и запретил проповедовать крестовый поход в своем королевстве.

Вся Германия была охвачена пламенем из-за ссоры между Церковью и Империей. После низложения императора на Лионском соборе Иннокентий IV предложил императорскую корону любому, кто поднимет оружие против отлученного от церкви принца и добьется триумфа Святого Престола. Генрих, ландграф Тюрингии, позволил соблазнить себя обещаниями суверенного понтифика и был коронован императором архиепископами Майнца и Кельна и несколькими другими церковными выборщиками. С этого события во всех частях света вспыхнула гражданская война; Германия наполнилась миссионерами от папы римского, обрушившими силу евангельского слова на Фридриха, которого они называли самым грозным из неверных. Сокровища, собранные для снаряжения священной войны, использовались для подрыва верности, составления заговоров, разжигания измены и поддержания смут и раздоров; так что вполне можно предположить, что дело Христа и освобождение Иерусалима были полностью забыты.

Италия была взволнована не меньше Германии; громы Рима, так часто обрушивавшиеся на Фридриха, удвоили ярость гвельфов и гибеллинов. Все республики Ломбардии объединились в оппозицию партии императора; угрозы и манифесты папы не позволили ни одному городу остаться нейтральным или предоставить убежище миру в странах, расположенных между Альпами и Сицилией. Миссионеры Иннокентия использовали, по очереди, оружие религии и политики; после того как они объявили императора еретиком и врагом Церкви, они представили его плохим правителем и тираном и ослепили глаза людей прелестями свободы, которые всегда были столь сильным побуждением для умов народов. Суверенный понтифик направил двух легатов в королевство Сицилия с письмами для духовенства, знати и жителей городов и деревень. “Мы не могли без некоторого удивления видеть, ” писал Иннокентий, “ что, будучи обремененными, живя под гнетом рабства и угнетенные лично и в своем имуществе, вы до сих пор пренебрегали средствами обеспечения себе сладостей свободы. Многие другие народы подавали вам пример; но Святой Престол далек от того, чтобы обвинять вас, он довольствуется сочувствием к вам и находит ваше оправдание в страхе, который, должно быть, овладел вашими сердцами под игом нового Нерона ”. Заканчивая свое письмо сицилийцам, папа попытался дать им понять, что Бог поместил их в плодородный край под улыбающимся небом не для того, чтобы они носили позорные цепи; и что, сбросив иго германского императора, они лишь поддержат взгляды Провидения.

Фридрих, который поначалу бросил вызов громам Рима, был в ужасе от новой войны, объявленной против него папой. Интердикт, наложенный на его государства, ужасный набор церковных проклятий сильно повлияли на умы толпы и могли, в конце концов, поколебать верность его подданных; он сам чувствовал, что мужество покидает его; его партия в Италии слабела с каждым днем; его армии подвергались некоторым испытаниям в Германии; против его жизни было составлено множество заговоров, и среди заговорщиков он с горечью обнаружил некоторых из своих слуг, которых он одаривал добротой. Этот надменный монарх убедился, что у него нет иного выхода, кроме как искать примирения с Церковью, и обратился к Людовику IX, чья мудрость и благочестие сделали его арбитром государей и народов. Фридрих в своих письмах обещал подчиниться решению короля Франции и его баронов и заранее обещал лично отправиться на завоевание Святой Земли или послать своего сына, короля римлян. Чтобы заинтересовать Людовика в его деле, император предложил снабдить его провизией, судами и всем, в чем он может понадобится в экспедиции на Восток.

Людовик с готовностью воспользовался этой возможностью для восстановления мира в Европе и обеспечения успеха священной войны. К папе в Лион было отправлено несколько послов, умолявших отца верующих прислушаться к голосу милосердия, а не гнева. Король Франции дважды долго беседовал с Иннокентием в монастыре Ключи и снова умолял его смягчить своим милосердием беды христианского мира; но вражда зашла слишком далеко, чтобы оставить какие-либо надежды на мир; Иннокентий и Фридрих не могли искренне простить друг другу те оскорбления, которые они совершили друг против друга. Император не жалел ни угроз, ни насилия в адрес пап; он ненавидел их больше не за те обиды, которые получил от них, а за те, которые он им нанес. С другой стороны, на римских соборах в течение длительного времени было решено осуществить свержение Швабского дома, который подозревался, и не без оснований, в вынашивании проекта вторжения в Италию и установления центра имперского господства в городе Святого Петра. Эта политика, горячо поддержанная, приобрела в сознании Иннокентия характер личной мести. Даже триумф понтифика, льстивший его гордости и честолюбию, казалось, удвоил его ненависть, а надежда довершить разгром своего врага сделала его неумолимым.

Напрасно император Германии, охваченный скорее страхом, чем миролюбием, обещал сойти со своего трона и провести остаток своих дней в Палестине при условии, что он получит благословение папы и что его сын Конрад будет возведен на трон империи. Все это отречение от власти, это странное принижение королевского величия не произвело никакого впечатления на Иннокентия, который не верил или делал вид, что не верит обещаниям Фридриха; напрасно Людовик IX, чей разум был неспособен заподозрить обман, расписывал папе преимущества, которые Европа, христианский мир и сам римский двор могли извлечь из покаяния и предложений императора; напрасно он говорил ему о клятвах и безопасности паломников, о славе и мире Церкви; речи святого короля были напрасны. его едва слушали, и его благочестивый ум не мог смотреть без отвращения на эту непреклонную строгость отца христианского мира.

В то время как весть об этих разногласиях, распространившаяся на Востоке, вызвала радость среди неверных, несчастные жители Палестины впали в отчаяние, узнав, что так много неблагоприятных событий задержали подготовку к крестовому походу. Верховному понтифику было отправлено несколько посланий от христиан из-за морей с просьбой заступиться за принца, от которого они надеялись на столь могущественную помощь. Патриарх Армении

написал римскому двору, требуя милости для Фридриха; он требовал ее во имя христианских колоний, которым угрожала опасность; во имя города Божьего, превратившегося в руины; во имя гроба Христова, оскверненного варварами. Папа ничего не ответил армянскому патриарху и, казалось, забыл Иерусалим, гроб господень и христиан Сирии; на самом деле у него была только одна мысль — продолжить войну против Фридриха. Иннокентий преследовал своего грозного врага даже на Востоке и пытался убедить султана Каира разорвать свои обязательства перед императором Германии. Султан Каира воспринял со столь же великой радостью, сколь и удивлением послание, которое столь достоверно информировало его о разногласиях, существовавших среди христианских монархов; он ответил папе со строгостью, полной презрения; и чем больше на него давили, убеждая быть неверным договорам, заключенным с Фридрихом, тем больше он притворялся, что демонстрирует верность, от которой надеялся получить преимущество перед христианской церковью.

Именно в этот период император Германии, доведенный до отчаяния, в некотором роде оправдал своим поведением самые жестокие разбирательства Римского двора. Он не мог простить Людовика IX. за то, что он остался нейтральным в ссоре, которая интересовала весь христианский мир, и, если верить арабскому историку Яфею, он тайно отправил посла в Азию, чтобы предупредить мусульманские державы об экспедиции, планируемой королем Франции. Сразу отбросив тон подчинения папе, он решил отразить силу силой и насилуе насилуем. Некоторые успехи, которых он добился в Германии, подняли его мужество и полностью рассеяли все сомнения. Он осадил город Парму во главе грозной армии. Ужасные жестокости ознаменовали его первые триумфы; епископ Ареццо, попавший в его руки вместе со многими другими военнопленными, был закован в кандалы и передан палачу даже без церемонии суда.

В упоении успехом Фридрих пригрозил перейти Альпы и напасть на Иннокентия под стенами Лиона. Небеса, однако, не позволили осуществить проект, основанный на ненависти и мести. Гвельфы разбили и рассеяли имперскую армию. Фортуна изменилась, и вместе с ней столь же внезапно изменился нерешительный характер Фредерика. Победа воспламенила его гордыню и удвоила его ярость; единственное поражение повергло его в уныние и снова сделало доступным страху. С этого времени он снова стал играть роль просителя у папы; с того времени протесты и молитвы, казалось, не стоили его охваченному ужасом разуму никаких усилий.

Поскольку масштабы его империи вызвали недовольство римского двора, Фридрих пообещал разделить свои владения и отдать Сицилию своему сыну Генриху, а Германию - своему сыну Конраду. Он представил свои религиозные убеждения на рассмотрение нескольких епископов и отправил их решение папе римскому. В конце концов он зашел даже так далеко, что пообещал лично приехать, чтобы просить о помиловании Иннокентия. Суверенный понтифик только что назначил графа Голландии императором вместо ландграфа Тюрингии, погибшего на поле битвы. При таком положении вещей он меньше боялся враждебности и гневных угроз Фридриха, чем его заявлений о покорности и раскаянии. Мольбы князей и народов, требовавших милости для державы, которую он хотел уничтожить, раздражали Иннокентия; они, казалось, обвиняли его в глазах христианского мира в упорстве в его отказе и, не побуждая его отказаться от своей политики, только мешали ему в осуществлении его замыслов.

Папа постоянно оставался непреклонным; но изумленная Европа начала задаваться вопросом, какие могущественные интересы требовали всех этих строгостей. Фредерик, преследуемый с таким упорством, в конце концов обнаружил, что число и рвение его друзей и приверженцев

увеличиваются. Германия, Кельн и несколько других городов отвергли указы Святого Престола и приступили к насильственным эксцессам. Разгневанный папа обрушил все свои громы на виновных, и по несправедливости, характерной для этих времен раздора и мести, многие из вынесенных им наказаний распространились на четвертое поколение. Эта бессмысленная ярость довершила отчуждение человеческих умов, и к ярости гражданской войны добавился фанатизм ереси.

Поскольку римский двор под внушительным предлогом крестового похода взимал дань во всех государствах Европы, чтобы поддерживать огонь мятежа, так много насилия и несправедливости вызвали недовольство повсюду и породили дух противостояния даже среди народов, которые не были затронуты последствиями ужасной ссоры. Комиссары Святого Престола разорили провинции Франции; они наводнили города и страны, заставляя викариев и капелланов знати продавать все свое небольшое имущество; они требовали от всех церковных взносов; и от религиозных общин, теперь двадцатых за крестовый поход против Константинополя, затем десятых за поход в Палестину и, наконец, взносов на ведение войны против императора. Французская знать, побуждаемая чувством патриотизма, рыцарским духом, который побуждал всех *preux* того времени выступать на ристалище против беззакония любого рода, а также, возможно, страхом подвергнуться в свою очередь притеснениям, громко высказывалась в пользу Фридриха и выражала свой гнев по поводу того, что французское королевство стало добычей агентов папы. Сначала были сделаны справедливые увещевания; но вскоре никаких мер не было соблюдено, и они зашли так далеко, что возник вопрос, должны ли они признавать понтифика, поведение которого казалось настолько противоречащим духу Евангелия, наместником Иисуса Христа. Виднейшие французские дворяне в конце концов образовали конфедерацию против действий папы и духовенства. На протяжении всей этой новой борьбы Людовик IX, в равной степени далекий от того святотатственного нечестия, которое претендует на то, чтобы противостоять всему, и от того суеверного малодушия, которое считает себя обязанным все терпеть, сумел обуздать крайности обеих сторон и сохранить мир; образованная тогда лига, не озлобляя умы людей, преуспела в их просвещении; во время отсутствия короля она служила для подавления предприятий Святого Престола, и многие авторы относят к этому периоду происхождение тех галликанских свобод, которые составляли славу французского духовенства вплоть до наших дней. к современности.

Тем не менее Людовик IX. был постоянно занят приготовлениями к своему отъезду. Поскольку не было другого пути на Восток, кроме морского, и поскольку у французского королевства не было порта в Средиземном море, Людовик приобрел территорию Эг-Морт в Провансе; порт, засыпанный песком, был очищен, а на берегу был построен город, достаточно большой, чтобы принять толпу паломников. Людовик в то же время занимался снабжением своей армии и подготовкой складов на острове Кипр, где он намеревался высадиться. Тибо, граф де Бар и сьер де Божо, посланные в Италию, нашли все необходимое для снабжения и транспортировки армии либо в Венецианской республике, либо в богатых провинциях Апулия и Сицилия, куда им предшествовали указания императора Фридриха.

Слава об этих приготовлениях вскоре достигла Сирии, и авторы "Таймс" описывают мусульманские державы как охваченные ужасом, которые немедленно и серьезно приступили к укреплению своих городов и границ против приближающегося вторжения франков. Ходившие тогда популярные слухи, которые история сохранила, обвиняют сарацин в том, что они использовали вероломные средства и отвратительные уловки, чтобы отомстить за себя

христианским народам и погубить их предприятие. Утверждалось, что при жизни Людовика IX. был в опасности от эмиссаров Горного Старца; в городах ходили слухи, и толпа не преминула отдать им должное, что перец, привезенный с Востока, был отравлен; и Мэтью Пэрис, серьезный историк, без колебаний утверждает, что от него умерло множество людей, прежде чем было обнаружено это ужасное изобретение. Мы вполне можем поверить, что политика того времени сама придумала эти грубые небылицы, чтобы сделать врагов, с которыми они собирались сразиться, более одиозными, и чтобы негодование могло усилить мужество воинов. Естественно также предположить, что подобные слухи возникли из-за невежества населения и что они получили подтверждение благодаря сложившемуся тогда мнению о нравах и характерах неверных народов.

Прошло три года с тех пор, как король Франции принял крест. Он созвал новый парламент в Париже, в котором, наконец, назначил отправку священной экспедиции на июнь следующего года (1248). Бароны и прелаты возобновили вместе с ним обещания сражаться против неверных и обязались выступить в назначенный срок под страхом навлечь на себя церковные порицания. Людовик воспользовался моментом, когда магнаты его королевства собрались во имя религии, чтобы потребовать, чтобы они принесли клятву верности и почитания его детям, и заставить их поклясться (по выражению Жуанвиля), “что они будут верны его семье, если какое-либо несчастье постигнет его особу в священном путешествии за моря”.^[281]

Именно тогда папа обратился с письмом к знати и народу Франции, в котором в торжественных выражениях восхвалял храбрость и другие воинственные добродетели французской нации и ее благочестивого монарха. Суверенный понтифик дал свое благословение французским крестоносцам и пригрозил громами Церкви всем, кто, дав обет паломничества, откладывал свой отъезд. Людовик IX, который, без сомнения, просил папу об этом предостережении, с радостью увидел, как вся знать его королевства поспешила встать под его знамена; многие дворяне, честолубие которых он подавил, первыми подали пример, опасаясь пробудить старое недоверие или навлечь на себя новые немилости; другие, соблазненные обычным духом дворов, с жаром объявили себя защитниками креста в надежде получить награды не Небесные, а земные. Характер Людовика IX внушал величайшее доверие всем христианским воинам. “Если до сего времени, — говорили они, — Бог допускал, чтобы крестовые походы были не чем иным, как долгой чередой неудач и бедствий, то это потому, что неосторожность вождей поставила под угрозу безопасность христианских армий; это потому, что раздор и распущенность нравов слишком долго царили среди защитников креста; но каких зол нам следует опасаться при правителе, которого Небеса, по-видимому, вдохновили своей собственной мудростью, — при правителе, который своей твердостью преуспел в подавлении всякого раскола в своей собственной стране и вот-вот продемонстрирует христианам?” Восток — пример всех добродетелей?”

Многие английские дворяне, среди которых были графы Солсбери и Лестер, решили сопровождать короля Франции и разделить с ним опасности крестового похода. Граф Солсбери, внук “Прекрасной Розамонды”, получивший за свои подвиги прозвище “Длинный меч”, только что был лишен всех своих владений Генрихом III. Чтобы привести себя в состояние подготовиться к войне, он обратился к папе римскому и сказал ему: “Каким бы нищим я ни был, я дал обет совершить паломничество в Святую Землю. Если принц Ричард, брат короля Англии, смог получить, не принимая креста, привилегию взимать налог с тех, кто только что возложил

его, я подумал, что мог бы добиться подобной милости; я, у кого нет иного источника, кроме милосердия к верующим”. Эта речь, сообщающая нам об очень любопытном факте, заставила суверенного понтифика улыбнуться: граф Солсбери получил милость, о которой просил, и счел своим долгом отправиться на Восток.

Проповеди священной войны, которые не произвели большого эффекта в Италии и Германии, тем не менее имели успех во Фрисландии и Голландии, а также в некоторых северных королевствах. Хако, король Норвегии, прославленный своей храбростью и подвигами, дал клятву сражаться с неверными; и норвежцы, которые несколько раз отличились в священных войнах, последовали примеру своего монарха. Хако, завершив свои приготовления, написал Людовику IX. чтобы сообщить о своем приближающемся отъезде. Он попросил у него разрешения высадиться на побережье Франции и снабдить себя там припасами, необходимыми для его армии. Людовик дал самый сердечный ответ и предложил норвежскому принцу разделить с ним командование крестовым походом. Мэтью Пэрис, которому было поручено передать послание Людовика IX, сообщает нам в своей "Истории", что король Норвегии отклонил великодушное предложение французского короля, убежденный, по его словам, в том, что гармония между норвежцами и французами не может долго сохраняться — первые обладали порывистым, беспокойным и ревнивым характером, остальные - полны гордости и высокомерия.

После этого ответа Хако и не думал больше о том, чтобы отправиться в путь, и спокойно оставался в своем королевстве, поскольку история совершенно неспособна раскрыть мотивы, вызвавшие эту внезапную перемену. Можно полагать, что в соответствии с примером нескольких других христианских монархов этот принц использовал крестовый поход как прикрытие для своих политических замыслов. Обложив налогом в треть доходов духовенства, он накопил сокровища, которые мог бы использовать для укрепления своей власти. Армия, которую он собрал во имя Христа, могла бы гораздо эффективнее послужить его честолюбию в Европе, чем на равнинах Азии. Папа, от которого он получил титул короля, сначала увещевал его принять знак крестоносцев; но все заставляет нас полагать, что впоследствии он посоветовал ему остаться на Западе, где надеялся воспитать в нем еще одного врага против императора Германии. Так, король Норвегии пообещал отправиться на Восток в надежде заручиться благосклонностью и защитой римского двора; и чтобы сохранить эту благосклонность и эту поддержку, ему оставалось только одно - забыть о своих обещаниях.

Как бы то ни было, несомненно, что папа в то время очень мало интересовался успехом восточного крестового похода. Мы можем судить об этом по легкости, с которой он освободил столько людей от их клятвы сражаться с неверными: он зашел даже так далеко, что запретил крестоносцам из Фрисландии и Голландии отправляться в Палестину. Напрасно Людовик IX делал какие-то серьезные увещевания на этот счет; Иннокентий не желал его слушать. Охваченный одной страстью, он счел гораздо более выгодным предоставить разрешения на путешествие в Сирию; ибо, с одной стороны, эти разрешения, купленные за солидные деньги, способствовали пополнению его казны, а с другой, они оставили солдат в Европе, которых он мог вооружить против своих личных врагов.

Таким образом, Франция была единственной страной, в которой крестовый поход действительно вызывал интерес; благочестие и рвение Людовика IX вернули обратно всех тех, кого охладило равнодушие папы; а любви французов к своему королю, заменившей

религиозный энтузиазм, было достаточно для устранения всех препятствий. Города, чьи свободы защищал монарх, добровольно присылали ему значительные суммы. Фермеры королевских владений, которые в то время были очень обширными, авансировали годовой доход. Богатые облагали себя налогами и складывали свои сбережения в королевскую казну; бедность вносила свою лепту в церковные копилки для пожертвований; и мы можем добавить, что в тот период в королевстве едва ли было составлено завешание, в котором не содержалось какого-либо завешания на расходы священной войны. Духовенство не довольствовалось обращением молитв к Небесам о крестовом походе, оно платило десятую часть своих доходов на поддержку воинов креста.

Бароны, дворяне и принцы, снаряжавшиеся за свой собственный счет, обложили налогами своих вассалов и нашли, по примеру короля Франции, деньги, необходимые для путешествия, в доходах своих владений и в благочестивой щедрости поселков. Многие, как и в других крестовых походах, закладывали свои земли, продавали свое имущество и разорялись, чтобы обеспечить средствами к существованию своих солдат и рыцарей. Они забыли свои семьи, они забыли самих себя в печальных приготовлениях к отъезду и, казалось, никогда с нетерпением не ждали возвращения. Многие готовились к путешествию так, как готовились бы к изгнанию или смерти; самые благочестивые из крестоносцев, как будто они отправлялись на Восток только для того, чтобы найти могилу, особенно стремились предстать перед Богом в состоянии благодати; они искупали свои грехи покаянием; они прощали проступки, исправляли причиненное зло, распоряжались своим имуществом, раздавали его бедным или делили между своими естественными наследниками.

Такое расположение умов людей было в значительной степени на пользу гуманности и справедливости; оно внушало людям щедрые чувства к собственности, в то время как в нечестивых оно пробуждало раскаяние, почти родственное добродетели. Посреди гражданских войн и феодальной анархии толпа людей обогатилась на раздорах, грабежах и разбоях; религия внушила им спасительное раскаяние, и это время покаяния было отмечено большим количеством восстановлений, которые на мгновение заставили забыть о триумфах беззакония. Знаменитый граф де ла Марш подавал пример; его заговоры, мятежи, несправедливые предприятия часто нарушали мир в королевстве и разорили множество семей; он возжелал искупить свои проступки; и чтобы смягчить справедливый гнев Божий, он своей волей приказал полностью возместить все имущество, нажитое им несправедливостью и насилием.^[282] Сьер де Жуанвиль с большой простотой рассказывает нам в своей Истории, что его совесть не упрекала его ни в чем серьезном, но, тем не менее, он собрал своих вассалов и соседей, чтобы предложить им возмещение за зло, которое он, возможно, причинил им, не подозревая об этом.

В те дни покаяния были основаны монастыри и церкви щедро пожертвовали сокровища: “Самое верное средство, “ говорил Людовик IX, - избежать гибели подобно нечестивцам, - это любить и обогащать место, в котором обитает слава Господня”. Благочестие крестоносцев не забывало бедных и немощных; их многочисленные жертвования использовались в качестве приютов для нуждающихся; странноприимных домов, или небольших монастырей, для приема паломников; и особенно больниц для прокаженных, которые были открыты во всех провинциях, печальных обитателей жертв священных войн.

Людовик IX отличался своей щедростью по отношению к церквям и монастырям; но то, что, должно быть, особенно привлекло к нему благословение его народа, было заботой, которую он проявлял, чтобы исправить всю несправедливость, допущенную при отправлении правительства. Святой монарх знал, что если короли и являются образами Бога на земле, то они никогда не бывают такими истинными, как тогда, когда правосудие восседает рядом с ними на троне. Бюро по возмещению ущерба, учрежденные по его приказу в королевских владениях, были призваны исправлять все ошибки, которые могли быть совершены агентами или фермерами короля. В большинстве крупных городов обязанностью двух комиссаров, одного священнослужителя, другого мирянина, было заслушивать жалобы, поданные на его министров и должностных лиц, и принимать по ним решения: благородное проявление верховной власти, которая скорее занимается поиском несчастных, чтобы помочь им, чем наказанием виновных! который прислушивается к ропоту бедных, поощряет слабых и отдает себя на суд закона! Людовику было недостаточно установить правила отправления правосудия, — их исполнение вызывало у него самую трепетную озабоченность. Проповедники объявляли о намерениях короля во всех церквях, и, как будто считая себя ответственным перед Богом за все приговоры, произносимые от его имени, монарх тайно посылал святых священнослужителей и добрых монахов сделать свежие наблюдения и узнать от верных репортеров, не были ли судьи, которых он считал достойными людьми, сами продажными. Историк самодовольно останавливается над этой трогательной картиной; столь благородный пример, поданный королям земли, по-видимому, должен был ниспослать благословение Небес на Святого Людовика; и когда мы размышляем о плачевных результатах этого крестового похода вместе с летописцами его времени, мы поражаемся, что столь многочисленные бедствия были наградой за столь возвышенную добродетель.[\[283\]](#)

Теперь приготовления велись с удвоенным рвением и активностью; все провинции Франции, казалось, были вооружены; жители городов и деревень думали только об одном - о крестовом походе. Великие вассалы собирали своих рыцарей и войска; дворяне и бароны навещали друг друга или обменивались посольными, чтобы договориться о дне своего отъезда. Родственники и друзья объединили свои знамена и объединили все - деньги, славу и опасности. Религиозные обряды чередовались с военными приготовлениями. Было видно, как воины снимали кирасу и меч и шли босиком и в одних рубашках, посещая монастыри и церкви, куда мощи святых привлекали толпы верующих. В каждом приходе были организованы процессии; все крестоносцы появлялись у подножия алтарей и получали символы паломничества из рук духовенства. Во всех церквях были вознесены молитвы за успех экспедиции. В семьях было пролито много слез в момент отъезда; и большинство паломников, получив эти последние ласковые слова от своих друзей, казалось, больше, чем когда-либо, почувствовали ценность всего, что они оставляли позади. Историк Людовика Святого сообщает нам, что после посещения Бланшикура и Сен-Урбена, где хранились святые мощи, он ни разу не взглянул в сторону Жуанвиля, ибо сердце его смягчилось при мысли о прекрасном замке, который он покидал, и о двух своих детях.[\[284\]](#) Руководители крестового похода забрали с собой всю воинственную молодежь и не оставили во многих странах ничего, кроме слабого и безоружного населения; многие заброшенные замки и крепости, естественно, должны были превратиться в руины; многие цветущие земли должны были превратиться в пустыню, и огромное количество семей должно было остаться без поддержки. У народа, без сомнения, были причины сожалеть о дворянах, чья власть поддерживалась добротой и которые, по примеру Людовика Святого, любили правду и правосудие и защищали слабых и невинных; но были и такие, чей уход был

встречен с радостью; и не один город, не одна деревня радовались, видя донжон, из которого они привыкли испытывать все невзгоды рабства, пустым и покинутым.

Это было трогательное зрелище - видеть, как семьи ремесленников и бедных крестьян приводят своих детей к баронам и рыцарям и говорят им: “Вы будете их отцами; вы будете защищать их среди опасностей войны и моря”. Бароны и рыцари обещали вернуть своих солдат на Запад или погибнуть вместе с ними в бою; и мнение народа, дворянства и духовенства заранее предавало всех, кто нарушит это священное обещание, гневу Божьему и презрению людей.

Среди этих приготовлений во всем королевстве царил глубочайшее спокойствие. Во всех предыдущих крестовых походах толпа применяла большое насилие против евреев; но благодаря твердости и мудрости Людовика Святого евреи, хотя и были хранителями огромных богатств и всегда умело пользовались обстоятельствами для собственного обогащения, пользовались уважением среди нации, которую они ограбили и которая теперь довершала свое собственное разорение священной войной. Авантюристы и бродяги не допускались под знамена креста, и по требованию Людовика Святого папа запретил всем, кто совершил тяжкие преступления, брать в руки оружие во имя Христа. Эти меры предосторожности, которые никогда не соблюдались в прежних крестовых походах, были в высшей степени рассчитаны на поддержание порядка и дисциплины в христианской армии. Среди толпы, собиравшейся отправиться в Азию, ремесленники и чернорабочие встретили наилучший прием, что является замечательным обстоятельством и ясно доказывает, что взгляды на мудрую политику смешивались с чувствами благочестия и что, хотя очевидной целью было освобождение Иерусалима, лелеялись надежды на основание полезных колоний на Востоке.

В назначенное время Людовик IX в сопровождении своих братьев, герцога Анжуйского и графа д'Артуа, отправился в аббатство Сен-Дени.^[285] Заручившись поддержкой апостолов Франции, он получил из рук легата посох паломника, а также ту орифламму, которую его предшественники уже дважды разворачивали перед народами Востока. Затем Людовик вернулся в Париж, где отслужил мессу в церкви Нотр-Дам. В тот же день он покинул свою столицу, чтобы больше не заходить в нее до своего возвращения из Святой Земли. Народ и духовенство смягчились до слез и сопровождали его в аббатство Сент-Антуан, попутно распевая псалмы. Там он сел на коня, чтобы отправиться в Корбей, где его должны были встретить королева Бланш и королева Маргарита.

Король уделил еще два дня делам своего королевства и доверил регентство своей матери, чья твердость и мудрость защищали корону во время его малолетства. Если что и могло извинить Людовика IX и оправдать его благочестивое упрямство, так это то, что он оставил свою страну в глубоком мире. Он возобновил перемирие с королем Англии, а Германия и Италия были так заняты своими собственными внутренними раздорами, что не могли дать Франции ни малейшего повода для беспокойства. Людовик, приняв все меры предосторожности против духа недовольства, взял с собой в Святую Землю почти всю могущественную знать, которая тревожила королевство. Графство Макон, проданное в конце предыдущего крестового похода, недавно вернулось к короне; Нормандия вырвалась из-под ига англичан; графства Тулуз и Прованс, благодаря браку графов Анжу и Пуатье, вот-вот должны были стать владениями принцев королевской семьи. Людовик IX, приняв крест, никогда не прекращал своих усилий сохранить недавние завоевания Франции, успокоить ропот народа и устранить любой предлог для восстания. Дух справедливости, который был замечен во всех его учреждениях; память о его

добродетелях, которые казались более ценными среди общего горя, вызванного его уходом; религия, процветанию которой он способствовал своим примером, были вполне достаточны для поддержания порядка и мира во время его отсутствия.

Как только Людовик передал управление своим королевством в другие руки, он предался упражнениям в благочестии и казался не более чем самым кротким из христиан. Одежда и атрибуты паломника стали единственными украшениями могущественного монарха. На нем больше не было ни великолепных одежд, ни ценных мехов; даже его оружие и сбруя его лошадей не блистали ничем, кроме блеска стали и железа. По словам Жуанвиля, его пример оказал такое большое влияние, что во время путешествия не было замечено ни единого экземпляра расшитого камзола ни на короле, ни на ком другом. Пытаясь придать пышность экипажам или одежде, Людовик распорядился, чтобы деньги, которые он привык тратить на них, были розданы бедным. Таким образом, царственное великолепие было для него не чем иным, как роскошью милосердия.

Королева Бланш сопровождала его до самого Клуни. Эта принцесса была убеждена, что никогда больше не увидит своего сына, пока они не встретятся на небесах, и простилась с ним самым нежным образом; слезы матери и сына свидетельствовали об истинности их горя при расставании. По дороге он встретился с папой в Лионе и в последний раз заклинал его быть милосердным к Фридриху, которого унизили неудачи и который умолял о прощении. После того, как он представлял великие интересы крестового похода, после того, как говорил от имени многочисленных паломников, которые бросали все ради дела Христа, благочестивый ум короля был поражен, обнаружив, что понтифик по-прежнему неумолим. Затем король сосредоточил все свое внимание на продолжении своего путешествия. Иннокентий пообещал защитить королевство Франция от еретика Фридриха и короля Англии, последнего он всегда называл своим вассалом: он без сожаления стал свидетелем ухода принца, которого почитали за его любовь к справедливости, чье присутствие в Европе могло стать препятствием для его политики. Верховному понтифику не составило большого труда сдержать свое обещание защищать независимость и мир Франции, поскольку раздоры, которые он вызвал в других государствах, защитили это королевство от всех внешних посягательств во время крестового похода.

Флот, ожидавший Людовика в Эг-Морте, состоял из двадцати восьми судов, не считая тех, которые должны были перевозить лошадей и провизию. Король поднялся на борт, за ним последовали два его брата, Карл, герцог Анжуйский, и Роберт, граф д'Артуа, а также королева Маргарита, которую мысль о том, чтобы остаться с свекровью, пугала не меньше, чем мысль о том, чтобы жить вдали от мужа. [286] Альфонс, граф Пуатье, отложил свой отъезд до следующего года и вернулся в Париж, чтобы помогать королеве-регентше своими советами и властью. Когда вся армия крестоносцев погрузилась на борт, был подан сигнал, священники, по обычаю морских экспедиций, пропели "*Вени Творец*", и флот отплыл.

Во Франции тогда не было морской пехоты, почти все моряки и пилоты были испанцами или итальянцами. Два генуэзца выполняли функции командиров или адмиралов. Большая часть баронов и рыцарей никогда прежде не видела моря, и все, что они увидели, наполнило их удивлением и ужасом; они призвали всех святых Рая и посвятили свои души Богу. Добрый Жуанвиль несколько не скрывает своего испуга и не может удержаться, чтобы не сказать: "Большой глупец тот, кто, имея на душе какой-либо грех, подвергает себя такой опасности; ведь

если он ложится спать ночью, он не может быть уверен, что утром не окажется на дне моря”.[287]

Людовик IX сел на корабль в Эг-Морте 25 августа и прибыл на Кипр 21 сентября.[288] Генрих, внук Ги де Лузиньяна, получивший королевство Кипр в третьем крестовом походе, принял короля Франции в Лимиссо и проводил его в свою столицу Никосию под одобрительные возгласы народа, знати и духовенства.

Вскоре после прибытия крестоносцев на соборе было решено, что оружие христиан в первую очередь должно быть направлено против Египта. Неудачи, с которыми столкнулись на берегах Нила в предшествующих войнах, нисколько не встревожили короля Франции и его баронов; даже более чем вероятно, что Людовик, прежде чем покинуть свое королевство, задумал перенести войну в страну, из которой мусульмане черпали свои богатства и силу. Король Кипра, недавно получивший от папы титул короля Иерусалима, тем более горячо приветствовал эту решимость, что она давала ему основание надеяться на избавление от самого грозного из его соседей и самого жестокого врага христианских колоний в Сирии. Этот принц также стал причиной проповеди крестового похода в своем королевстве, чтобы иметь возможность сопровождать французских крестоносцев и с пользой участвовать в их завоеваниях. Он предложил королю Франции и его баронам подождать, пока он не завершит свои приготовления. “Лорды и прелаты Кипра, - говорит Вильгельм Нангисский, - все взяли крест, предстали перед Людовиком и сказали ему, что пойдут с ним, куда ему будет угодно вести их, если он останется до конца зимы”. Поскольку Людовик и виднейшие французские вельможи, казалось, были не расположены задерживать их поход, киприоты не жалели ни заверений в дружбе, ни ласк, ни молитв, чтобы задержать их. Каждый день был посвящен веселью и пиршествам, на которых знать и богатые люди королевства демонстрировали величие восточных дворов. Чарующий вид острова, страны, богатой всеми восхитительными произведениями природы, особенно кипрским вином, которым не побрезговал похвалиться сам Соломон, убедительным образом поддержал просьбы и обольщения никосийского двора. Было решено, что христианская армия не должна уходить раньше следующей весны.

Прошло совсем немного времени, прежде чем они полностью осознали совершенную ими ошибку. Среди чрезмерного изобилия, царившего в их лагере, крестоносцы предались невоздержанности; в стране, где языческие басни воздвигли алтари сладострастия, добродетель паломников каждый день подвергалась новым испытаниям; затянувшееся безделье ослабило дисциплину в армии, и, в довершение всех этих зол, чумная болезнь нанесла большой урон защитникам креста. Паломникам пришлось оплакивать гибель более двухсот пятидесяти рыцарей в результате этого бедствия. Современные хроники упоминают среди лордов и прелатов, ставших жертвами этого, графов Дре и Вандома, Робера, епископа Бове, и храброго Уильяма де Барре; армия также должна была сожалеть о потере последнего представителя рода Аршамбо де Бурбонов, чье графство впоследствии стало наследием детей Людовика Святого и дало королевской семье Франции имя, которое навсегда прославилось в летописях этой страны.

Огромное количество баронов и рыцарей нуждались в деньгах для содержания своих войск, и Людовик свободно открыл им свою казну. Сьер де Жуанвиль, у которого осталось не более ста

двадцати турнских ливров[289], получил от монарха восемьсот ливров; значительная сумма по тем временам.

Многие дворяне жаловались на то, что продали свои земли и разорились, чтобы последовать за королем в крестовый поход. Щедрость Людовика вряд ли могла удовлетворить всех этих жалобщиков. Множество рыцарей, разорившихся из-за пребывания на острове Кипр, не могли выносить праздности, на которую они были обречены, но стремились отправиться в Сирию или Египет, надеясь заставить сарацин оплатить военные расходы. Людовику стоило больших трудов обуздать их; историки сходятся во мнении, что ему *повиновались только наполовину*; следовательно, у него было гораздо больше возможностей проявлять свое терпение и евангелическую мягкость, чем свой авторитет; и если ему удавалось унять все разногласия и подавить любой ропот, то это происходило не столько благодаря его силе, сколько благодаря его добродетели.

Между греческим духовенством и латинским духовенством острова Кипр возникли разногласия. Людовику удалось положить им конец. Тамплиеры и госпитальеры обращались к нему как к судье в своих постоянно возобновляющихся ссорах; он заставил их поклясться примириться и не иметь других врагов, кроме врагов Христа. Между генуэзцами и пизанцами, проживавшими в Птолемаиде, были длительные и серьезные споры, обе стороны прибегали к оружию, и ничто, казалось, не могло остановить ярость и скандал гражданской войны в христианском городе. Мудрое посредничество Людовика восстановило мир. Айтон, король Армении, и Боэмунд, принц Антиохии и Триполи, непримиримые враги, оба отправили послов к королю Франции: он убедил их заключить перемирие: таким образом, Людовик IX явился среди народов Востока как ангел мира и согласия.

В этот период территория Антиохии была разорена бродячими бандами туркмен; Людовик послал Боэмунду пятьсот арбалетчиков. Айто только что заключил союз с татарами и готовился вторгнуться в владения султана Иконии в Малой Азии. Поскольку армянский принц пользовался большой репутацией на Востоке за свое мастерство и храбрость, многие французские рыцари, горя желанием продемонстрировать свою доблесть, покинули Кипр, чтобы присоединиться к его знамени и разделить плоды его побед. Жуанвиль, рассказав об их отъезде, ничего не говорит об их подвигах и только сообщает нам об их несчастной судьбе следующими словами: “ни один из них так и не вернулся”. [290]

Слава о прибытии Людовика разнеслась по всем странам Востока, и это известие произвело большую сенсацию как среди мусульман, так и среди христиан. Предсказание, которому поверили в самых отдаленных регионах и которое, как обнаружили миссионеры, распространилось даже по Персии, возвещало, что королю франков суждено быстро рассеять всех неверных и избавить Азию от кощунственного богослужения и законов Магомета. Считалось, что теперь настало время для исполнения этого предсказания. Толпа христиан поспешила из Сирии, Египта и всех стран Востока приветствовать того, кого Бог послал исполнить свои божественные обетования.

Именно в этот период Людовик принял посольство, которое в высшей степени возбудило любопытство и внимание крестоносцев; чудесный рассказ об этом занимает видное место в средневековых хрониках. [291] Это посольство прибыло от татарского князя по имени Экалтай, [292] который объявил себя обращенным в христианскую веру и проявил самое горячее рвение к торжеству Евангелия. Глава этой депутации, по имени Дэвид, отправил королю

письмо, наполненное чувствами, выраженными с таким количеством преувеличений, которые должны были бы поставить его под сомнение; в нем говорилось, что великий хан принял крещение три года назад и что он готов помочь экспедиции французских крестоносцев всеми своими силами. Весть об этом посольстве вскоре распространилась по армии, и с тех пор ни о чем не говорили, кроме обещанной помощи великого хана или императора татар; вожди и солдаты стекались в резиденцию Людовика, чтобы повидать посла принца Экалтая, которого они считали *одним из первых баронов Татарии*.

Король Франции несколько раз расспрашивал депутатов об их путешествии, об их стране, о характере и расположении их государя; и поскольку все, что он услышал, льстило его самым сокровенным мыслям, он не испытывал недоверия и не обнаружил в их ответах признаков обмана. Татарские послы были приняты при его дворе и допущены к его столу; он сам проводил их на богослужение в столичной церкви Никосии, где весь народ был назидаем своей набожностью.

При их отъезде король Франции и легат папы римского передали им несколько писем^[293] для принца Экалтай и великого татарского хана. К этим письмам были приложены великолепные подарки, среди которых был алый шатер, на котором Людовик приказал вышить “Благовещение Девы Марии, Матери Божьей, и все другие символы веры”. Король написал королеве Бланш, как и легат суверенному понтифику, чтобы сообщить о чрезвычайном посольстве, прибывшем из самых отдаленных регионов Востока. Благоприятные вести о союзе с татарами, на которых тогда смотрели как на самый грозный из всех народов, посеяли радость среди народов Запада и усилили их надежды на успех крестового похода.

Миссионеры, посланные Людовиком в Татарию, очень скоро убедились, что обращение великого хана было не более чем басней. Послы Великих Моголов в своих отчетах приводили множество других обманов, что побудило некоторых современных ученых думать, что это великое посольство^[294] было не чем иным, как уловкой, изобретательность которой можно приписать некоторым армянским монахам. Как бы то ни было, не может быть никаких сомнений в том, что моголы, находившиеся в состоянии войны с мусульманами, могли быть заинтересованы в примирении христиан, и с того времени они могли рассматривать франков как полезных союзников.

Тем временем зима подходила к концу, и приближался срок, назначенный для ухода французских крестоносцев. Король Франции приказал построить большое количество плоскодонных лодок, чтобы облегчить высадку христианской армии на побережье Египта. Поскольку генуэзский флот, на который французы сели в Эг-Морте, покинул порт Лемиссо, потребовались значительные усилия, чтобы собрать из всех частей суда, достаточные для перевозки армии и многочисленных складов, сформированных на острове Кипр. Людовик IX обратился к генуэзцам и венецианцам, обосновавшимся на побережье Сирии, которые, к великому возмущению рыцарей и баронов, проявили в этом случае больше алчности, чем преданности, и назначили непомерную цену за услуги, которые от них требовали во имя Христа.

В это время Людовик получил послание от императора Германии, все еще преследуемого римскими раскатами грома. Этот принц посылал провизию крестоносцам и выражал в своих письмах глубокую скорбь по поводу того, что не может разделить опасности священной войны. Король Франции поблагодарил Фридриха и вздохнул по поводу упрямства папы, лишившего защитников креста такого могущественного помощника.

Приготовления продолжались с величайшей активностью; каждый день прибывали новые крестоносцы, которые прибыли из портов Запада или провели зиму на островах Архипелага или на побережьях Греции. Вся кипрская знать приняла крест и готовилась к конфликту с неверными. Между двумя народами царило величайшее согласие; как в греческой, так и в латинской церквях возносились к Небу молитвы об успехе христианского оружия, и во всем войске не говорили ни о чем, кроме чудес Востока и богатств Египта, который они собирались завоевать.

В то время как энтузиазм и радость были столь велики среди христианских воинов, великие магистры ордена Святого Иоанна и Храма написали Людовику IX письмо, чтобы проконсультироваться с ним о возможности начала переговоров с султаном Каира. Лидеры этих двух орденов страстно желали разорвать цепи своих рыцарей, находившихся в плену после поражения при Газе; в остальном они не разделяли с крестоносцами их слепой уверенности в победе; опыт других крестовых походов научил их, что воины Запада, поначалу очень грозные, почти всегда начинали свои войны с блеском, но что впоследствии, ослабленные раздорами, измученные тяготами дальних походов, а иногда и сбитые с толку своим природным непостоянством, они думали только о возвращении в Европу, оставив христианские колонии на растерзание всем фуриям древнего мира. враг раздражен прежними поражениями. Согласно этим соображениям, два великих магистра хотели бы воспользоваться мощной помощью с Запада, чтобы заключить полезный и прочный мир. Способ ведения переговоров давал им гораздо больше преимуществ в будущем, чем война, шансы на которую были сомнительны и все опасности которой могли, в конце концов, обернуться против них самих.

Их миролюбивое послание пришло в тот момент, когда в христианской армии не говорили ни о чем, кроме завоеваний, которые они собирались совершить; когда все умы были разгорячены жадной славой и надеждой на богатую добычу. Одно только предложение о мире с неверными было истинным предметом скандала для этих воинов, которые считали себя призванными уничтожить по всему Востоку господство и мощь всех врагов Христа. Всеобщее удивление и негодование придали правдоподобия самой черной клевете на великого магистра Храма, которого громогласно обвиняли в тайных сношениях с султаном Каира и в участии в варварских церемониях, чтобы скрепить этот нечестивый союз. Людовик IX, который прибыл на Восток не для подписания мирного договора и не для освобождения лишь нескольких пленных, разделял негодование своих товарищей по оружию и запретил великим магистрам Тампля и святому Иоанну повторять предложения, оскорбительные для христианских воинов, оскорбительные для него.

Крестоносцы, опьяненные своим будущим успехом, не подозревали и о половине препятствий, с которыми им предстояло столкнуться; они больше думали о богатстве, чем о силе своих врагов; они не были знакомы ни с климатом, ни со страной, в которую направлялись их желания, их невежество удваивало их безопасность и питало надежды, которые были обречены вскоре угаснуть.

Лидеры крестового похода были особенно оптимистичны в отношении разногласий мусульманских принцев, которые враждовали из-за провинций Сирии и Египта: фактически, после смерти Саладина разногласия редко переставали беспокоить семью Айубитов. Но по мере того, как их раздоры выливались в гражданские войны и поскольку гражданские войны делали население более воинственным, их империя, которая слабела с каждым днем

внутренне, часто, следовательно, становилась сильнее внешне; когда общая опасность объединяла мусульманские державы или когда одна из этих держав побеждала остальные, всего следовало опасаться в империи, всегда пребывавшей в состоянии мира, но, казалось, черпавшей новую силу из вражды и опасностей войны против христиан.

Малек Салех Негмеддин, правивший тогда в Египте, был сыном султана Верблюда, прославленного победой, одержанной при Мансуре над армией Иоанна Бриенского и легата Пелагия. Свергнутый с трона в результате заговора, он пытался вернуть его себе с помощью оружия; побежденный, он попал в оковы своего соперника и извлек пользу из уроков невзгод. Очень скоро уважение, которым пользовались его способности; ненависть, которую внушал правивший вместо него принц; нежелание перемен и, возможно, определенная склонность к бунту и измене, вернули его в империю. Новый государь показал себя гораздо более искусным и удачливым, чем его предшественники; он знал, как сохранить повиновение в провинциях, поддерживать дисциплину в своей армии и вселять страх в своих врагов. Он воспользовался оружием каризмианцев, чтобы овладеть Дамаском и сокрушить как христиан, так и их союзников. С этого периода Негмеддин расширил свои завоевания на берегах Евфрата и, наконец, подчинил своим законам большую часть империи Саладина.

В тот момент, когда Людовик IX высадился на острове Кипр, султан Каира находился в Сирии, где вел войну против принца Алеппо и держал в осаде город Эмессу. Он был знаком со всеми планами христиан и отдавал приказы об обороне всех улиц Египта. Когда он узнал, что христианская армия вот-вот отправится в путь, он немедленно снял осаду Эмессы и заключил перемирие с врагами, которых он почти не боялся, чтобы вернуться в свои государства, которым угрожало вторжение.

Жители Востока считали французов самыми храбрыми представителями расы франков, а короля Франции - самым грозным монархом Запада. Приготовления Негмеддина были соизмеримы с тем ужасом, который, естественно, внушали эти новые враги. Он ничем не пренебрегал ни в укреплении побережья, ни в снабжении Дамииетты, которая, скорее всего, должна была стать объектом первых военных действий. Был снаряжен многочисленный флот, который спустился по Нилу и был размещен в устье реки; армия под командованием Факреддина, самого искусного из эмиров, расположилась лагерем на побережье, к западу от устья реки, в том самом месте, где тридцать три года назад высадилась армия Иоанна Бриенского.

Всех этих приготовлений, без сомнения, было бы достаточно, чтобы отразить первые атаки крестоносцев, если бы султан Каира мог сам руководить ими и лично командовать своими войсками; но на него напала болезнь, которую его врачи признали смертельной. При таком положении вещей, когда все зависело от присутствия и жизни принца, уверенность в его близком конце неизбежно ослабляла уверенность и рвение, охлаждала всеобщее мужество и вредила осуществлению всех мер, принятых для обороны страны.

Таково было военное и политическое положение Египта в то время, когда Людовик отплыл из портов острова Кипр. Многие историки утверждают, что перед своим отъездом, по обычаю рыцарства, он послал латного герольда к султану Негмеддину, чтобы объявить ему войну. В начале крестовых походов многие христианские князья подобным образом адресовали рыцарские послания мусульманским державам, на которые они собирались напасть: вполне возможно, что Людовик мог подражать этому примеру; но письмо, приписываемое ему, не

имеет ни малейшего отношения к правде. Те же историки добавляют, что султан Каира не смог удержаться от слез, прочитав письмо Людовика Святого. Его ответ, процитированный в "Макриси", по крайней мере, соответствует его известному характеру и духу мусульманских князей. Он делал вид, что не боится неожиданных угроз и нападений учеников Христа; он с гордостью упоминал о победах мусульман над христианами; и, упрекая короля Франции в несправедливости его агрессивных действий, он процитировал в своем письме следующий отрывок из Корана: "Те, кто сражается несправедливо, погибнут".

Это послание содержало предсказания, которые в конце концов сбылись слишком полно. Однако нет ничего, что заставило бы нас поверить, что тогда между Людовиком и султаном Каира была установлена какая-либо переписка. Благоразумие, по крайней мере, требовало от короля Франции послать гонцов и эмиссаров в Египет, чтобы разведать состояние, силу и ресурсы страны. Более чем вероятно, что в предшествующие крестовые походы отправлялись послы не только из повиновения духу рыцарства, но и для выяснения положения своих врагов; однако мы должны признать, что ни в одной хронике того времени мы не можем найти свидетельств принятия ими каких-либо мер предосторожности такого рода.

Предусмотрительность, которая могла иметь малейшую связь с робостью, хитростью или даже политикой, ни в малейшей степени не соответствовала характеру Людовика и его рыцарей. История без колебаний утверждает, что крестоносцы, готовые в тот период отправиться в Египет, ничего не знали о странах, в которые они собирались везти свое оружие, кроме того, что они узнали из неопределенных сообщений обычных людей.

Сигнал к отправлению был дан в пятницу перед Пятидесятницей; и многочисленный флот, в который погрузились французская армия и воины острова Кипр,^[295] доблестно отплыл из порта Лимиссо. "Это было самое прекрасное зрелище, - говорит Жуанвиль, - ибо казалось, что море, насколько хватало глаз, было покрыто парусами судов, которых было до восьмисот, как больших, так и малых". Внезапно сильный ветер, дувший с берегов Египта, вызвал сильный шторм, который разметал весь флот; и Людовик IX, который был вынужден вернуться в порт, с большим огорчением обнаружил, что по меньшей мере половину его судов ветром отнесло к берегам Сирии. Однако в этот момент разочарования прибыло неожиданное подкрепление, которое вернуло надежды Людовику и его капитанам. Они состояли из герцога Бургундского, который провел зиму в Мореи; Вильгельма Солсберийского во главе двухсот английских рыцарей; и Вильгельма Вильгардуэн, принца Ахайского, который забыл об опасностях, грозивших латинской империи Константинополя, чтобы отправиться сражаться с неверными на берегах Нила и Иордана. Не дожидаясь судов, разогнанных бурей, они снова подняли паруса, и флот при попутном ветре взял курс на Египет. На четвертый день, на рассвете, вахтенный на палубе крикнул: "Земля! земля!" Матрос, служивший лоцманом, поднялся на круглый верх головного судна, и таково было чувство, которое вид земли, населенной неверными, внушил христианам, что этот человек воскликнул: "Нам ничего не остается, как обратиться к Богу; ибо мы здесь, перед Дамией". Эти слова передавались от шеренги к шеренге, и весь флот подошел как можно ближе к кораблю Людовика IX. Главные вожди пытались встать на сторону; король ожидал их в воинственной позе и увещевал их возносить благодарность Богу за то, что он привел их лицом к лицу с врагами Иисуса Христа. Поскольку большая часть лидеров, казалось, опасалась, что его жизнь будет слишком подвержена риску в ходе войны, которая, должно быть, ужасна: "Следуйте моему примеру, - сказал он им. - Предоставьте мне противостоять всем опасностям и в разгар самой жаркой битвы ни разу не подумайте, что безопасность государства и Церкви зависит от меня лично; вы сами являетесь государством и

Церковью, и вы должны видеть во мне не что иное, как человека, чья жизнь, как и жизнь любого другого, может рассеяться, как тень, когда это будет угодно Богу, за которого мы сражаемся”. Таким образом, Людовик забыл о себе и своем государстве, и перед неверными король Франции был всего лишь простым солдатом Иисуса Христа.

Эта речь воодушевила баронов и рыцарей; всему флоту был отдан приказ готовиться к бою. На каждом корабле воины радостно обнимали друг друга при приближении опасности; те, кого разлучили ссоры, клялись забыть все разногласия и обиды и победить или умереть вместе. Жуанвиль говорит, что он вынудил двух рыцарей, которые были непримиримыми врагами, заключить мир, убедив их, что их раздор может снять проклятие Небес и что союз христианских воинов единственный может открыть им дорогу в Египет.

Пока крестоносцы готовились таким образом, мусульмане ничем не пренебрегали для своей защиты; их часовые заметили христианский флот со стен Дамьетты, и весть об этом вскоре распространилась по городу; колокол, который оставался в большой мечети со времен завоевания Иоанна Бриенского, подал сигнал об опасности, и его слышали по обе стороны реки. Четыре мусульманские галеры выдвинулись вперед, чтобы разведать силы крестоносцев; три из них были потоплены, а четвертая, с большим трудом вернувшись к Нилу, объявила неверным, с какими врагами им предстоит сражаться.

Тем временем христианский флот выдвинулся в боевом порядке и бросил якорь в четверти лиги от берега, в тот момент, когда солнце совершило половину своего суточного хода. Берег и море представляли собой самое впечатляющее зрелище; побережье Египта было *усеяно всеми силами султана, на которых было приятно смотреть*. Море, казалось, было покрыто кораблями, над которыми развевались знамена креста. Мусульманский флот, нагруженный солдатами и боевыми машинами, защищал вход в Нил. Факреддин, предводитель армии неверных, появился в их рядах в доспехах столь великолепных, что Жуанвиль в своем удивлении сравнивает его с солнцем. Небеса и земля огласились шумом изогнутых рожков и накерков,^[296] нечто вроде огромной литавры, вещь, очень страшную на слух и очень странную для французов.^[297]

Все вожди собрались на совет на королевском корабле; некоторые предлагали отложить спуск до тех пор, пока корабли, рассеянные бурей, не присоединятся к ним: “Атаковать неверных, не имея всех их сил, значило бы дать им преимущество, которое могло бы значительно поднять их гордость; и даже если успех был бы несомненным, казалось, что нужно просто подождать, чтобы все крестоносцы могли получить свою долю славы, за которой они зашли так далеко”. Некоторые пошли еще дальше и говорили о затруднениях и опасностях высадки в незнакомой стране; о беспорядках, которые должны сопровождать первую атаку; и о трудностях объединения армии и флота, если препятствия, с которыми они столкнутся, окажутся непреодолимыми. Людовик IX вовсе не был согласен с этим мнением: “Мы зашли так далеко не для того, - сказал он, - чтобы хладнокровно выслушивать угрозы и оскорбления наших врагов или оставаться в течение нескольких дней неподвижными зрителями их приготовлений. Тянуть время - значит повышать их мужество и ослаблять пыл французских воинов. У нас нет ни дороги, ни порта, в котором мы могли бы укрыться от ветров или от неожиданных нападений сарацин; вторая буря может снова рассеять остатки нашего флота и лишить нас всех средств начать

войну с шансом на успех. Сегодня Бог предлагает нам победу; позже он накажет нас за то, что мы пренебрегли возможностью победить”.

Большинство командиров разделили мнение Людовика IX, и было решено, что спуск должен быть произведен завтра. Ночью соблюдалась строгая стража; горело огромное количество факелов, а у устья Нила были расставлены суда для наблюдения за передвижениями сарацин.

На рассвете весь флот снялся с якоря, и мусульмане одновременно взяли за оружие. Их пехота и кавалерия заняли весь берег того места, в котором они ожидали высадки крестоносцев.

Когда суда приблизились к берегу, воины-христиане сели в барки, сопровождавшие флот, и выстроились в две линии. Людовик IX, сопровождаемый двумя принцами, своими братьями, и избранными рыцарями, занял нужное место. Кардинал-легат нес крест Спасителя по правую руку от него, а на корме перед ним плыла орифламма Франции.

Граф Яффский из прославленного рода Бриенн был слева, у устья Нила; он появился во главе рыцарей с острова Кипр и баронов Палестины. Он находился на борту самого легкого барка флотилии. На корме и носу этого судна был нарисован герб графов Яффо. Вокруг его штандарта развевались повязки тысячи цветов, и триста гребцов гнали судно по волнам, подобно полету ласточки над ручьем. Эрард Бриенский, окруженный отборным отрядом, занимал центр строя вместе с Балдуином Реймским, командовавшим тысячей воинов. Рыцари и бароны стояли прямо в своих лодках, пристально глядя на берег с копьями в руках, рядом с ними стояли их лошади. Впереди и на флангах армии была расставлена толпа арбалетчиков, чтобы сдерживать натиск врага.^[298]

Как только они оказались на расстоянии выстрела из лука, в то же мгновение с берега и из строя крестоносцев посыпался ливень камней, стрел и дротиков. Ряды христиан, казалось, на мгновение поколебались. Король приказал гребцам удвоить усилия, чтобы добраться до берега. Он сам подал первый пример; несмотря на попытки легата удержать его, он бросился в волны в полном вооружении, со щитом на груди и мечом в руке; вода доходила ему до плеч; вся христианская армия по примеру короля бросилась в море с криками: *“Монжуа! Сен-Дени!* Это множество людей и лошадей, пытавшихся добраться до берега, подняло волны, которые разбивались у ног сарацин; воины продвигались вперед, сталкиваясь друг с другом в своем продвижении — ничего не было слышно, кроме шума волн и гребков, криков солдат и матросов и грохота барк и судов, которые продвигались в беспорядке.

Мусульманские батальоны, собранные на берегу, не смогли остановить французских воинов. Жуанвиль и Балдуин Реймский высадились первыми; за ними прибыл граф Яффский. Они выстраивались в боевой порядок, когда на них обрушилась сарацинская кавалерия; крестоносцы сомкнули свои ряды, прикрылись щитами и, выставив острия своих копий, сдержали стремительность врага. Все их товарищи, добравшиеся до берега, немедленно сформировались в тылу этого батальона.

Орифламма уже была водружена на берег; Луи высадился на берег. Нисколько не задумываясь об опасности, он немедленно упал на колени, чтобы вознести благодарность Небесам; и, вскочив снова, преисполненный нового рвения, созвал вокруг себя своих самых храбрых рыцарей. Арабский историк рассказывает, что затем король франков приказал разбить свой ярко-алый шатер, привлекавший всеобщее внимание. Наконец, когда все войско высадилось

на берег, на всех участках побережья началось кровопролитное сражение; сарацины и франки искали и нападали друг на друга, образовав единую враждующую массу. Никто не оставался бездействующим; два флота быстро вступили в бой в устье Нила. В то время как берег и море сотрясались от звона оружия, королева Маргарита и герцогиня Анжуйская, оставшиеся на борту корабля в отдалении, в страшной тревоге ожидали исхода двойного сражения; они возносили горячие молитвы, а благочестивые священнослужители, собравшиеся вокруг них, пели святыя псалмы, чтобы получить защиту Бога воинств.

Флот сарацин вскоре был рассеян; многие суда были потоплены, остальные спаслись вверх по реке. Тем временем войска Факреддина, разбитые во всех направлениях, отступили в величайшем замешательстве; французы преследовали их до самых укреплений. После последней отчаянной борьбы мусульмане покинули свой лагерь и западный берег Нила, оставив на поле боя нескольких своих эмиров: ничто не могло противостоять французам, воодушевленным присутствием и примером их короля.

В ходе битвы несколько почтовых голубей были отправлены султану Каира, чья болезнь приковала его к маленькому городку, расположенному между Дамьеттой и Мансурой: поскольку ответа получено не было, стало распространяться сообщение о его смерти, которое окончательно обескуражило египетские войска. Многим эмирам не терпелось узнать об этом, и в то же время они сомневались в судьбе, которая ожидала их при новом правлении. Некоторые бросили свои знамена и тем самым усилили беспорядок: к вечеру вся армия рассеялась, и солдаты, покинутые своими предводителями, не думали ни о чем, кроме как искать спасения в бегстве.^[299] Крестоносцы оставались хозяевами побережья и обоих берегов Нила; и эта славная победа стоила христианам лишь небольшой крови, ибо были убиты всего два или три рыцаря: из французской знати армии оставалось только сожалеть о графе де ла Марше, который, казалось, искал смерти и, умерев таким образом рядом со своим королем, искупил, как говорят наши историки, свои многочисленные измены и преступления.

К концу дня на поле битвы были разбиты палатки; духовенство пропело *Te Deum*, и ночь прошла в ликовании. В то время как победоносная армия предавалась ликованию, в Дамьете царило величайшее смятение; беглецы прошли через город, распространяя по пути заразу преследующего их страха. Сам Факреддин не отдавал никаких приказов о безопасности этого места: жители каждую минуту ожидали, что французы войдут; одни опасались неожиданности, другие - осады; некому было их успокоить, и наступившая ночная тьма довершила их ужас и замешательство. Страх превратил их в варваров; они безжалостно вырезали всех христиан, находившихся в городе; войска, отступая, грабили дома и поджигали общественные здания; целые семьи покидали свои дома, унося с собой мебель и движимое имущество. Гарнизон состоял из самых храбрых представителей арабского племени Бену-Кенане;^[300] но страх овладел ими, как и остальными; они бросили башни и крепостные валы, вверенные их попечению, и бежали с армией Факреддина. Еще до рассвета город остался без защитников и почти без жителей.

Столбы пламени, поднявшиеся из недр города, вскоре были замечены в лагере христиан; весь горизонт был в огне. На следующий день, на рассвете, солдаты двинулись к городу, все ворота которого они обнаружили открытыми. На улицах они не встретили ничего, кроме трупов жертв, принесенных в жертву отчаянием и фанатизмом неверных, и нескольких живых христиан, которые, ухитрившись скрыться от убийц и палачей, в свою очередь перебили всех мусульман,

которым возраст и немощи помешали бежать со своими соотечественниками. Солдаты вернулись, чтобы сообщить о том, что они видели, и едва смогли добиться признания от своих товарищей. Армия осторожно продвигалась в боевом порядке. Когда они убедились, что город опустел, крестоносцы овладели им. В первую очередь они занялись тем, что остановили распространение огня; затем солдаты рассредоточились по городу с целью его разграбления, и все, кто избежал пожара, стало наградой за победу.

Тем временем король Франции, папский легат и патриарх Иерусалимский, сопровождаемые толпой прелатов и духовенства, процессией вошли в Дамьетту и направились к большой мечети, которая была вновь преобразована в церковь и посвящена Святой Деве, матери Иисуса Христа. Французский монарх, духовенство и все военачальники армии маршировали с непокрытыми головами и босиком, распевая благодарственные псалмы и приписывая Богу всю славу этого чудесного завоевания.

Весть об этой победе вскоре разнеслась по всем египетским провинциям. Продолжатель Табари, находившийся тогда в Каире, сообщает нам в своей Истории, что это событие рассматривалось как одно из величайших бедствий. Все мусульмане были погружены в уныние и страх; самые храбрые даже отчаялись спасти Египет.

Негмеддин все еще был болен и не мог сесть верхом; о поражении его армии и победе христиан ему сообщили солдаты и жители, бежавшие из Дамьетты. Он пришел в ярость против гарнизона и вынес приговор о немедленной смерти пятидесяти четверем наиболее виновным: напрасно они ссылались на отступление эмира Факреддина как на оправдание; султан сказал, что они заслуживают смерти за то, что боялись оружия своих врагов больше, чем гнева своего господина. Один из них, приговоренный к страданиям вместе со своим сыном, молодой человек необычайной красоты, умолял султана позволить ему умереть первым; султан отказался даже от этой милости, и несчастный отец испытал агонию, увидев, как на его глазах убивают его сына, прежде чем он сам был передан палачу. Когда мы размышляем о варварстве этих казней, мы поражаемся тому, что правитель без армии нашел инструменты для осуществления своего гнева или даже тому, что он осмелился проявить его таким ужасным образом по отношению к дезертирам и трусам; но это публичное и ужасное проявление наказания, которое поддерживало веру в могущество повелителя, сильно подействовало на умы толпы и помогло вернуть черствую толпу мусульманской солдатни к дисциплине и порядку. Но это было не так с главными эмирами; они уже были мало расположены трепетать перед государем, которого они считали своим собственным творением и который так нуждался в их поддержке. Султан охотно наказал бы Факреддина, но обстоятельства, по словам арабского историка, требовали терпения. Он ограничился несколькими упреками в его адрес. “В присутствии этих франков, - сказал он ему, - должно быть, есть что-то очень ужасное, раз такие люди, как ты, не могут выдержать этого в течение целого дня”. Эти слова вызвали больше негодования, чем страха среди присутствовавших эмиров, и некоторые из них посмотрели на Факреддина, как бы говоря ему, что они готовы принести в жертву султана; но отпечаток холодной руки смерти был на челе султана, и вид умирающего человека отбил желание совершить бесполезное преступление: плачевное положение принца, у которого в нескольких лигах от него был грозный враг, с которым он был не в состоянии бороться; рядом с ним предатели, которых он не осмеливался наказывать; и который, видя его власть каждый день уменьшающийся и чувствующий, что ежечасно умирает, казалось, не мог ожидать спасения ни для себя, ни для своей империи!

За это время крестоносцы беспрепятственно обосновались в Дамьетте; королева Маргарита и другие принцессы вместе с легатом и духовенством заняли дворцы и главные дома; остальная часть города была предоставлена паломникам, которые не носили оружия: башни и крепостные валы охранялись пятью сотнями рыцарей, а христианская армия расположилась лагерем на равнине на берегу Нила. В этой ситуации крестоносцы думали только о том, чтобы мирно насладиться плодами своей победы, и, казалось, забыли, что у них все еще есть враги, с которыми нужно бороться.

Султан Каира приказал перевезти себя в Мансуру, где он попытался сплотить свою армию и восстановить дисциплину в войсках. То ли он оправился от пережитого ужаса, то ли хотел скрыть свою тревогу и прогрессирование болезни, но он отправил Людовику IX несколько посланий. В одном из этих писем Негмеддин, сочетая угрозы с иронией, поздравил короля Франции с его прибытием в Египет и спросил его, в какое время он хотел бы снова отбыть. Мусульманский принц добавил, среди прочего, что количество провизии и сельскохозяйственных орудий, которыми крестоносцы нагроулили свои суда, показалось ему бесполезной предосторожностью; и, чтобы выполнить долг гостеприимства по отношению к франкам достойным его и их образом, он обязался снабжать их зерном во время их пребывания в его государствах. Негмеддин в другом послании предлагал королю Франции провести генеральное сражение 25 июня в месте, которое должно быть определено заранее. Людовик IX ответил на первое письмо султана, сказав, что он высадился в Египте в назначенный им день, а что касается дня его отъезда, то он должен подумать об этом на досуге. Что касается предполагаемого сражения, король ограничился ответом, что он не будет ни назначать день, ни выбирать место, потому что все дни и все места одинаково подходят для сражения с неверными. Французский монарх добавил, что он нападет на султана, где бы он с ним ни встретился; что он будет преследовать его всегда и без перерыва; и будет обращаться с ним как с врагом, пока Бог не коснется его сердца, и христиане не смогут считать его братом.

Судьба предоставила королю Людовику возможность и средства для осуществления его угроз. Крестоносцы, которых буря отделила от флота, продолжали прибывать каждый день, и рыцари Храма и Святого Иоанна, которых обвиняли в стремлении к миру, встали под знамена армии и не дышали ничем, кроме войны. Они были знакомы со страной и с лучшими способами борьбы с неверными; и с этим полезным подкреплением царь смог предпринять экспедицию против Александрии или, завладев Мансурой, сделать себя хозяином пути на Каир. После взятия Дамьетты несколько вождей предложили преследовать мусульман и воспользоваться ужасом, который вызвала первая победа христиан. Но приближался период, когда воды Нила начали подниматься, и воспоминание о свержении Пелагия и Иоанна Бриеннских развеяло мысль о походе на столицу Египта. Прежде чем продолжить свои завоевания, Людовик пожелал дожидаться прибытия своего брата, графа Пуатье, который должен был отправиться *сарьером* баном французского королевства. Большинство историков видят в этой задержке причину всех бед, которые впоследствии постигли крестоносцев. У нас нет ничего лучше достаточных положительных документов, чтобы проверить истинность их мнения; но мы можем с уверенностью сказать, что бездействие христианской армии стало с того времени источником самых фатальных беспорядков.

Эти беспорядки начали вспыхивать, когда произошел раздел добычи, полученной при взятии Дамьетты. Чтобы подбодрить мужество крестоносцев, часто хвастались сокровищами этого города, главного источника восточных товаров; но поскольку самые богатые кварталы были

уничтожены пожаром, а жители, спасаясь бегством, прихватили с собой самое ценное, добыча была очень далека от того, чтобы оправдать надежды победоносной армии. Несмотря на угрозы легата, некоторые крестоносцы не отнесли все, что попало им в руки, в общий фонд. Вся добыча, добытая в городе, составила всего шесть тысяч *турнских ливров*,^[301] для раздела между крестоносцами, чье удивление и возмущение нашли выход в бурном ропоте.

Поскольку было решено, что провизия не должна распределяться, но что она должна храниться в королевских хранилищах для поддержки армии, это постановление, столь противоречащее древним обычаям, вызвало громкие жалобы. Жуанвиль сообщает нам, что *благоразумный* Иоанн де Валери, чья суровая честность и храбрость вызывали восхищение всей армии, обратился к королю с несколькими теплыми замечаниями по этому поводу. Иоанн Валерийский ссылаясь на законы Святой Земли и обычаи, существовавшие до того времени в крестовых походах; он привел в пример Иоанна Бриенского, который при первом завоевании Дамьетты сохранил только треть богатств и провизии, найденных в городе, оставив остальное общей армии. Этот обычай был еще менее освящен священными войнами, чем феодальными законами, согласно которым каждый лорд вел войну за свой счет и по праву имел долю во всей добыче, полученной от врага. Но можно было бы возразить, что Людовик IX. снабдил большинство военачальников деньгами, и тем самым графы и бароны отказались от условий феодального договора. Этот закон распределения провизии, который, фактически, соблюдался в предыдущих крестовых походах, в достаточной степени объясняет нехватку провизии, которая так часто приводила к опустошению христианские армии. Благочестивый монарх стремился избежать бедствий, которые были плодом недостатка благоразумия и предусмотрительности, и отказался прислушиваться к жалобам большинства французских дворян. Таким образом, говорит Жуанвиль, дефицит продолжался и вызывал у людей сильное недовольство.^[302]

К этому духу неудовлетворенности быстро присоединились другие беспорядки, последствия которых были еще более плачевными. В своем фатальном бездействии рыцари забыли как о своих воинских доблестях, так и о цели священной войны. Поскольку им были обещаны богатства Египта и Востока, лорды и бароны поспешили потратить на празднества и удовольствия деньги, полученные ими от щедрости короля или от продажи своих земель и замков. Страсть к азартным играм полностью овладела как лидерами, так и солдатами; потеряв свое состояние, они рисковали даже своими лошадьми и оружием. Даже под сенью знамен Христа крестоносцы предавались всем излишествам разврата; зараза самых отвратительных пороков охватила все сословия, и места проституции были обнаружены даже в непосредственной близости от павильона, в котором жил благочестивый монарх Франции.

Чтобы удовлетворить безграничный вкус к роскоши и удовольствиям, приходилось прибегать ко всевозможным насильственным средствам. Предводители армии грабили торговцев, снабжавших лагерь и город провизией; они обложили их огромной данью, и это в значительной степени способствовало возникновению дефицита. Самые пылкие совершали дальние походы, нападали на караваны, опустошали города и равнины и увозили мусульманских женщин, которых с триумфом привозили в Дамьетту. Дележ даже такой добычи часто приводил к ожесточенным ссорам, и весь лагерь оглашался жалобами, угрозами и смятением.

Одним из наиболее прискорбных аспектов этой картины было то, что власть короля с каждым днем становилась все менее уважаемой; по мере роста коррупции привычки к повиновению приходили в упадок; законы утратили силу, а добродетель больше не имела никакого влияния.

Людовик IX столкнулся с противодействием своим желаниям даже со стороны принцев своей собственной семьи. Граф д'Артуа, молодой, пылкий и самонадеянный принц, неспособный выносить ни соперничества, ни противоречий, гордый своей военной славой и чрезмерно ревнивый к другим, имел привычку постоянно провоцировать других военачальников и без всякой причины осыпать их самыми возмутительными оскорблениями. Граф Солсбери, по отношению к которому он вел себя очень дурно, пожаловался на него Людовику и, будучи не в состоянии получить удовлетворение, которого требовал, в гневе произнес те памятные слова: *“Значит, ты не король, если не способен вершить правосудие”*. Эта индокитайность князей и распущенность знати довершили беспорядок; с каждым днем наблюдалось все большее ослабление дисциплины; охране лагеря, который простирался далеко по равнинам и вдоль берегов Нила, почти не уделялось внимания; передовые посты христианской армии постоянно подвергались нападениям врага, не имея возможности противопоставить никаких других средств сопротивления, кроме неосторожной и опрометчивой храбрости, которая только увеличивала опасность.

Среди мусульманских солдат, посланных преследовать крестоносцев, наиболее успешными в своей миссии были арабы-бедуины; бесстрашные воины, неутомимые всадники, у которых не было другой страны, кроме пустыни, никакого другого имущества, кроме своих лошадей и оружия, надежда на добычу поддерживала их во всех трудах и учила их преодолевать все опасности. К арабам пустыни присоединились несколько каризмийских всадников, спасшихся от гибели своего воинственного народа. Привыкшие жить разбоем, оба они день и ночь следили за христианскими солдатами и, по-видимому, обладали инстинктом и активностью тех диких животных, которые постоянно рыщут вокруг жилищ человека в поисках своей добычи. Султан Каира пообещал золотой визант за каждую христианскую голову, которая будет доставлена в его лагерь; иногда арабы и каризмийцы застигали врасплох крестоносцев, которые отходили от армии, и часто пользовались ночной темнотой, чтобы проникнуть в лагерь; часовые, спящие на своих постах, рыцари, спящие в своих палатках, были поражены невидимыми руками, и когда появился день, чтобы осветить сцену резни, варвары бежали вдоль берегов Нила, чтобы потребовать плату у султана Египта.

Эти неожиданности и ночные нападения оказали значительное влияние на возрождение мужества мусульман. Чтобы поднять доверие толпы и армии, было проявлено большое внимание к тому, чтобы выставить головы христиан; всех пленников с триумфом обошли парадом, и малейшее преимущество, полученное над франками, праздновалось по всему Египту. Современные историки, увлекаемые обычным преувеличением, говорят о самых незначительных сражениях как о незабываемых победах; и в наши дни мы с удивлением читаем в истории периода, столь богатого великими военными событиями, что в месяц Рамадан тридцать семь христиан были доставлены в цепях в Каир, а несколько дней спустя за ними последовали тридцать восемь других пленников, среди которых были выдающиеся пять рыцарей. Активность Негмеддина, казалось, возрастала по мере приближения его конца. Он приложил величайшие усилия, чтобы собрать все свои войска; был неутомимо внимателен, наблюдая за передвижениями крестоносцев, и редко упускал возможность воспользоваться их ошибками. День и ночь люди были заняты ремонтом башен и укреплений Мансуры; мусульманский флот, поднявшийся по Нилу, бросил якорь прямо перед городом. Пока шли эти приготовления, пришло известие, что гарнизон Дамаска овладел городом Сидон, принадлежащим франкам, и что важный город Карак только что перешел на сторону Негмеддина. Это неожиданное известие, вид пленных, но прежде всего бездействие

христианской армии, которое объяснялось страхом, довершили рассеяние ужаса мусульман. В то время как в лагерь султана каждый день прибывали новые подкрепления, люди толпами стекались в мечети Каира и других городов Египта, чтобы призвать покровительство Небес и возблагодарить Бога Магомета за то, что он помешал христианам воспользоваться своими победами.

КНИГА XIV.

1248-1255 гг. н. э.

В то время как христианская армия, находясь в Дамьетте, забывала как о законах дисциплины, так и о цели священной войны, Альфонс, граф Пуатье, готовился отправиться на Восток. Все церкви Франции все еще оглашались патетическими увещеваниями, обращенными к христианским воинам; епископы от имени суверенного понтифика призывали верующих поддержать посредством милосердия предприятие против сарацин; апостольским указом брату короля была дарована не только дань, наложенная на крестоносцев, нарушивших свой обет, но и все суммы, предназначенные по завещанию для совершения благочестивых поступков, цель которых не была четко обозначена. Эти суммы, должно быть, были значительными, но их едва ли могло хватить на расходы экспедиции, которая выглядела как очередной крестовый поход. Рыцари и бароны, на которых не подействовал пример Людовика IX, проявляли, но очень мало энтузиазма, или же нуждались в деньгах для столь длительного путешествия. Благочестие и любовь к славе были недостаточно сильны, чтобы соблазнить их встать под знамена священной войны. История сохранила соглашение, по которому Гюго Лебрэн, граф Ангулемский, согласился отправиться в крестовый поход с двенадцатью рыцарями, но при четком условии, что граф Пуатье будет кормить их за своим столом во время похода; что он выдаст сеньору Гюго Лебрэну сумму в четыре тысячи ливров и будет выплачивать ему бессрочную пенсию в размере шестисот турнских ливров. Это соглашение и несколько других подобных были нововведениями в военных обычаях феодализма и даже в обычаях, освященных священными войнами.

Английским дворянам, однако, не терпелось последовать примеру Людовика IX. Мы читаем в Евангелии от Матфея, Пэрис, что английские лорды и рыцари уже продали или освободили свои земли и полностью отдали себя на милость евреев; что, по-видимому, было предварительным этапом отъезда в Святую Землю. Нелишне добавить здесь, что это нетерпение отправиться на Восток проистекало не столько из религиозных побуждений, сколько из духа оппозиции, который воодушевлял баронов против их монарха Генриха III., которого обвиняли в желании воспользоваться отсутствием Людовика IX., и который делал все, что было в его силах, чтобы удержать баронов и лордов своего королевства; и поскольку последний с презрением отвергал его просьбы, он решил использовать влияние Церкви; “так что, - говорит Мэтью Пэрис, -

подобно маленькому ребенку, который, переболев, сделал все, что было в его силах, чтобы удержать баронов и лордов своего королевства”. -привыкший, что он идет к своей матери жаловаться, король Англии передал свои жалобы суверенному понтифику, добавив, что он предложил отправиться туда сам и вскоре повести своих баронов в Святую Землю“. Папа в своих ответах запретил Генриху III. предпринять что-либо против французского королевства; но в то же время он угрожал громами Церкви всем рыцарям и баронам, которые должны покинуть королевство против воли короля. Генрих, опираясь на авторитет папы римского, приказал командирам в Дувре и других портах принять меры, чтобы ни один крестоносец не пустился в путь. Таким образом, римский двор, с одной стороны, проповедовал крестовый поход, а с другой - препятствовал уходу воинов креста, что должно было рассеять все иллюзии и уничтожить дух священной войны.

Баймуд, граф Тулузский, также дал клятву сражаться с неверными; но непостоянство его характера и политика папы вскоре побудили его заняться другими делами. В его возрасте он поочередно был полон рвения к Церкви, пылко преследовал ее; апостол ереси и ужас еретиков; иногда предавался ярости восстания, иногда подчинялся рабству; бросал вызов громам римского двора, впоследствии добивался благосклонности понтификов; был преследуем несправедливыми войнами и сам объявлял войну без мотива. В эпоху, о которой мы говорим, граф Тулузский отказался от всякой мысли о борьбе с неверными и готовился послужить личной мести Иннокентию IV, обратив свое оружие против Томаса Савойского, который недавно женился на дочери императора Фридриха вопреки приказам папы. Он уже получил от папы деньги, необходимые для своих приготовлений, и простился со своей дочерью, графиней Пуатье, собираясь отправиться на Восток, когда заболел в Милане. С этого времени все его честолюбивые замыслы сошли на нет, и, по выражению современного историка, *он ушел в другой мир, чтобы узнать, к чему привело непостижимое разнообразие его жизни.*

Вместе с ним исчез прославленный дом Тулузов, несколько принцев которого были героями священных войн, другие - прискорбными жертвами крестовых походов. Таким образом, графство Тулуз перешло в собственность семьи короля Франции при Людовике IX. растрачивал свои армии и сокровища в тщетных попытках совершить завоевания на Востоке, завоевания менее блестящие, но и менее дорогостоящие, более полезные и долговечные, увеличивали могущество монархии и расширяли пределы королевства.

Германия, Голландия и Италия, охваченные смутами, в то время занимали все внимание Фридриха II и не позволяли ему обратить свои мысли к Востоку. Он послал графу Пуатье пятьдесят лошадей и некоторое количество провизии, радуясь, как он сказал, возможности выполнить некоторые обязательства, полученные им от Франции; он возносил молитвы за успех крестового похода и глубоко сожалел о своей неспособности принять в нем участие. Фредерик жил так, как жил граф Тулузский, и, подобно ему, вскоре оказался в другом мире, где увидел конец своим амбициям, непостоянству своих замыслов и превратностям судьбы.

Хотя обстоятельства мало благоприятствовали графу Пуатье, он закончил приготовления и собрал армию. Новые крестоносцы поднялись на борт в Эг-Мор, как раз в тот момент, когда на Запад пришло известие о взятии Дамьетты. Христианская армия ожидала их в Египте с еще большим беспокойством из-за того, что Дамьеттское море уже более месяца непрерывно волновалось из-за яростной бури. За три недели до их прибытия все паломники возносили молитвы за них; каждую субботу они процессией отправлялись на берег моря, чтобы просить

защиты у Небес в пользу воинов, которые собирались присоединиться к христианской армии. Наконец, по прошествии двух месяцев, граф Пуатье высадился перед Дамьеттой, и его прибытие не только вселило радость и надежду в крестоносцев, но и позволило им выйти из своего долгого и пагубного состояния бездействия.

Людовик IX собрал совет принцев и баронов, чтобы посоветоваться с ними о наиболее целесообразном направлении марша и о мерах по завершению завоевания Египта. Некоторые из вождей предлагали осадить Александрию: они утверждали, что в этом городе есть удобный порт; что христианский флот найдет там надежное убежище; и что они смогут там с большой легкостью доставать боеприпасы и провизию: таково было мнение всех, кто имел опыт ведения войны. Своевольная молодежь армии, убежденная, что они достаточно пожертвовали благоразумием, оставаясь несколько месяцев в бездействии, настаивала на том, что они должны немедленно выступить против Каира; они не думали об опасностях, с которыми христианская армия должна столкнуться в незнакомой стране, где они должны ожидать встречи с врагами, разъяренными фанатизмом и отчаянием. Граф д'Артуа особенно выделялся среди тех, кто желал, чтобы они напали на столицу Египта. “Когда ты хочешь убить змею, - воскликнул он, - ты всегда должен сначала попытаться разморозить ей голову”. Это мнение, высказанное с жаром, возобладало в совете; сам Людовик разделил пыл и надежды близорукой молодежи, и был отдан приказ выступить в поход на Каир.^[303]

Армия крестоносцев состояла из шестидесяти тысяч бойцов, более двадцати тысяч из которых были конными. Многочисленный флот поднялся по Нилу, нагруженный провизией, багажом и боевыми машинами. Королева Маргарита с графинями Артуа, Анжу и Пуатье остались в Дамьетте, где король оставил гарнизон под командованием Оливье де Терм.

Крестоносцы расположились лагерем в Фарескуре 7 декабря; ужас предшествовал их триумфальному шествию, и все, казалось, благоприятствовало их предприятию. Одно обстоятельство, о котором они не знали, увеличило бы безопасность и радость христианских рыцарей, если бы они узнали об этом; Негмеддин, после долгой борьбы с жестокой болезнью, в конце концов умер. Эта смерть могла бы вызвать серьезные волнения как в египетском народе, так и в армии, если бы ее не тщательно скрывали в течение нескольких дней. После того, как султан испустил дух, мамелюки охраняли ворота его дворца так, как если бы он был еще жив; от его имени возносились молитвы и отдавались приказы: у мусульман ничто не мешало приготовлениям к обороне или вниманию к войне против христиан. Все эти предосторожности были делом рук женщины — женщины, которая была куплена в рабство и стала любимой женой Негмеддина. Арабские историки красноречиво восхваляют мужество и таланты Чеггер-Эддур и сходятся во мнении, что ни одна женщина не превзошла ее красотой, и ни один мужчина не превзошел ее гениальностью.

После смерти Негмеддина султанша собрала главных эмиров; на этом совете командование Египтом было передано Факреддину, и они признали султаном Альмоадама Тураншаха, которого его отец сослал в Месопотамию: некоторые авторы утверждают, что на этом совете было решено отправить послов к королю франков с предложением мира от имени принца, о смерти которого он все еще не знал. Послы, чтобы добиться перемирия, должны были предложить христианам Дамьетту с ее территориями и Иерусалим с несколькими другими городами Палестины. Было маловероятно, что эти переговоры увенчаются успехом; христиане

продвинулись слишком далеко и слишком полагались на свое оружие, чтобы прислушаться к какому-либо предложению.

Христианская армия продолжила свой марш вдоль берегов Нила и вошла в город Шармеса, не встретив никакого другого врага, кроме пятисот мусульманских всадников. Эти всадники поначалу не проявляли ничего, кроме мирных намерений, и из-за малочисленности они не внушали страха.^[304] Людовик IX, защиты которого они, казалось, умоляли, запретил крестоносцам нападать на них; но мамелюки, злоупотребив оказанным им доверием и воспользовавшись благоприятной возможностью, внезапно напали на тамплиеров и убили рыцаря этого ордена. По французской армии немедленно пронесся клич к оружию, и мусульманский батальон подвергся нападению со всех сторон: те, кто не пал под мечами крестоносцев, утонули в Ниле. По мере приближения христиан к Мансуре тревога и ужас египтян возрастали: эмир Факреддин разоблачал опасности, грозящие стране, в письме, которое было зачитано в час молитвы в большой мечети столицы. После формулы *“Во имя Бога и Магомета, пророка его”* письмо Факреддина начиналось следующими словами Корана: *“Спешите, великие и малые, дело Божье нуждается в вашем оружии и вашем богатстве.”* “Франки, - добавил эмир, - франки (будь они прокляты Небом) прибыли в нашу страну со своими знаменами и мечами; они хотят завладеть нашими городами и разорить наши провинции: какой мусульманин может отказаться выступить против них и отомстить за славу исламизма?”

Услышав это письмо, весь народ расплакался; величайшее волнение царило по всему городу Каиру; смерть султана, о которой стало известно, усилила всеобщее смятение; были разосланы приказы о наборе войск во все египетские провинции; во всех мечетях проповедовалась война, и имауны всеми средствами пытались пробудить фанатизм, чтобы бороться с депрессией отчаяния.

Христианская армия прибыла к каналу Ашмум Терия 19 декабря. Мусульманская армия стояла лагерем на противоположном берегу, слева от нее был Нил, а за ним город Мансура; недалеко от них, в направлении Каира, сарацины располагали многочисленным флотом на реке. Часть христиан продвинулась к устью канала. Все, казалось, говорило о том, что судьба войны решится на этом месте. Крестоносцы разбили свой лагерь на том месте, где тридцать лет назад стояла лагерем армия Иоанна Бриенского. Воспоминание о великой катастрофе должно было послужить им уроком и, по крайней мере, умерить чрезмерную уверенность, которую вселило в них слишком легкое завоевание Дамьетты.

Ашмумский канал был шириной с Сену, его русло было глубоким, а берега крутыми. Чтобы пересечь его, необходимо было построить дамбу: работы были начаты, но по мере того, как они насыпали песок и камни, сарацины выкапывали землю перед дамбой и, таким образом, отодвигали дальше противоположный берег канала; напрасно продвигалась дамба, крестоносцам всегда приходилось засыпать одно и то же расстояние, и каждая из траншей, вырытых врагом, делала их труд бесполезным. Вдобавок к этому, их работа прерывалась днем и ночью, и они постоянно подвергались стрелам и дротикам сарацин.

Хотя мусульманский полководец бежал без боя при первом появлении франков, хроники того времени очень высоко отзываются о его храбрости и военных талантах. Они добавляют, что Фридрих II произвел его в рыцари и что на его гербе был герб императора Германии с гербами султанов Каира и Дамаска. Эти отличия могли бы привлечь внимание толпы; но что было для

Факреддина истинным титулом славы, так это то, что он смог своими речами и своим примером возродить мужество и уверенность побежденной армии.

Едва крестоносцы расположились в своем лагере и приступили к работам, необходимым для переправы через Ашмум, как Факреддин послал отряд войск в Шармесах, чтобы напасть в тыл христианской армии. Сарацины этим неожиданным нападением посеяли беспорядок и ужас в стане своих врагов. Первое преимущество удвоило их дерзость, и вскоре после этого на христиан было совершено нападение по всей линии их лагеря, простиравшейся от канала до Нила. Мусульмане несколько раз проходили мимо укреплений крестоносцев; герцог Анжуйский, Ги граф Форест, сьер де Жуанвиль и несколько других рыцарей были вынуждены приложить всю свою храбрость, чтобы изгнать из своего лагеря врага, который с каждым новым боем убеждался, что французы не непобедимы и что, по крайней мере, возможно остановить их в пути.

Конфликты происходили каждый день на равнине и у реки. Несколько судов, принадлежавших христианам, попали в руки мусульман; арабы, постоянно рыскавшие вокруг лагеря, уводили в плен каждого человека, который осмеливался отступать от своих знамен. Поскольку эмир Факреддин мог узнать о состоянии и расположении христианской армии только из рассказов пленных, он пообещал вознаграждение за каждого пленника, который будет доставлен в его палатки: были использованы все средства, какие только могли предложить дерзость и хитрость, чтобы застать крестоносцев врасплох. Рассказывают, что солдат-мусульманин, зарывшись головой в выдолбленную дыню, бросился в Нил и поплыл вниз по течению. Дыня, которая, казалось, плыла по воде, привлекла внимание христианского воина, который прыгнул в реку, и когда он протянул руку, чтобы схватить плавающую дыню, его самого схватили и потащили в лагерь мусульман. Этот анекдот, скорее причудливый, чем поучительный, передан несколькими арабскими историками, которые почти ничего не говорят о предшествующих сражениях. Таковы дух и характер большей части восточных историй, в которых самые несерьезные подробности часто занимают место полезных истин и важных событий.

Пока армии стояли друг против друга, крестоносцы продолжали работу, которую они начали в Ашмуме. Были построены башни из дерева и машин для защиты рабочих, занятых возведением дамбы, по которой христиане должны были перейти канал. Со своей стороны, мусульмане удвоили свои усилия, чтобы помешать своим врагам завершить свою работу. Дамба продвигалась, но очень медленно, и деревянные башни, построенные перед дамбой, не могли защитить ни рабочих, ни солдат от стрел, камней и раскаленных дротиков, которые постоянно летели из лагеря египтян. Ничто не могло сравниться с тем удивлением и ужасом, которые вызывал в христианской армии один только вид греческого огня. Согласно показаниям очевидцев, этот устрашающий огонь, извергавшийся иногда через медную трубку, а иногда с помощью инструмента, который назывался *perrière*, был размером с бочку; пылающий хвост, который он тащил за собой, был многих футов в длину; крестоносцам казалось, что они видят летящего по воздуху огненного дракона; звук его взрыва напоминал раскаты грома, которые раздавались повторяющимися раскатами. Когда его спустили на воду ночью, он окутал весь лагерь зловещим сиянием. При первом виде этого ужасного пожара рыцари, приставленные охранять башни, забегали туда-сюда, как сбитые с толку люди; одни звали своих товарищей на помощь, в то время как другие бросались на землю или падали на колени, взывая к небесным силам. Жуанвиль не мог скрыть своего испуга и от всего сердца благодарил Небо, когда греческий огонь упал на некотором расстоянии от него. Людовик IX. он был напуган не меньше

своих баронов и рыцарей, и когда услышал взрыв, то разрыдался, восклицая: “Великий Боже! Иисус Христос, защити меня и весь мой народ!”[305]

“Добрые молитвы и молебны короля, - говорит его историк, - оказали нам большую услугу”; тем не менее, они не смогли спасти башни и деревянные сооружения, построенные крестоносцами: все было охвачено пламенем на глазах у христианской армии, и у них не было никакой силы остановить разрушение. Это несчастье было уроком, которым они должны были воспользоваться; христиане должны были понять, что они предприняли невыполнимое предприятие и что им следует искать какие-нибудь более легкие и надежные способы переправы через канал. Но, к несчастью, лидеры упорно добивались возведения других сооружений, которые разделили судьбу первого. Таким образом, они потеряли много времени, и тщетность их попыток способствовала росту гордости и уверенности сарацин.

В это время мамлюки узнали, что их новый государь прибыл в Дамаск и что его с часу на час ожидают в его столице. Это прибытие вселило в них новые надежды и укрепило уверенность в победе. Чтобы удвоить пыл своих солдат, Факреддин часто повторял уверенным тоном, что скоро он отправится спать в шатер короля франков.

Христиане были за месяц до Ашмума, изнуряя себя бесполезными усилиями. Их предводители никогда не брали на себя труд проверить, можно ли перейти канал вброд или пересечь его вплавь, как это сделала египетская кавалерия. Они уже начинали отчаиваться, когда случай подсказал им средство выпутаться из затруднительного положения, средство, которое они могли бы найти гораздо раньше, если бы обладали меньшим упрямством и большей предусмотрительностью. Один араб-бедуин пришел предложить Имберту де Божо, коннетаблю Франции, показать ему на расстоянии полулиги от лагеря брод, по которому крестоносцы могли бы без опасности и препятствий переправиться на противоположный берег Ашмума. Убедившись, что араб сказал правду, они выплатили ему сумму в пятьсот византов золотом, которую он потребовал, и христианская армия приготовилась воспользоваться этим счастливым, но запоздалым открытием.

Король и принцы, его братья, со всей кавалерией выступили в поход посреди ночи; герцог Бургундский остался в лагере с пехотой, чтобы наблюдать за противником и охранять машины и обоз. На рассвете все эскадрильи, которым предстояло пересечь канал, ждали сигнала на берегу. Граф д'Артуа намеревался переправиться первым; король, знавший вспыльчивый характер своего брата, сначала хотел удержать его; но Роберт горячо настаивал и поклялся на Евангелии, что, когда он прибудет на противоположный берег, он подождет, пока пройдет христианская армия. Людовик опрометчиво поверил обещанию молодого, пылкого и надменного рыцаря овладеть своим воинственным обликом и противостоять всем искушениям славы на поле битвы. Граф д'Артуа встал во главе авангарда, в котором находились госпитальеры, тамплиеры и англичане. Этот авангард пересек Ашмум и обратил в бегство триста сарацинских всадников. При виде бегущих мусульман молодой Роберт загорелся желанием преследовать их. Напрасно два великих магистра убеждали его, что бегство врага, возможно, было не чем иным, как военной хитростью, и что он должен дожидаться армии и следовать приказам короля. Роберт боялся упустить возможность одержать победу над неверными и не желал слушать ничего, кроме своего рвения к завоеваниям. Он бросился на равнину с мечом в руке, увлекая за собой весь авангард и преследуя сарацин до их лагеря, в который и вошел вместе с ними.

Факреддин, предводитель мусульманской армии, в этот момент находился в бане и, по обычаю народов Востока, красил бороду. Он вскочил на коня, почти голый, собрал свои войска и некоторое время сопротивлялся; но вскоре, оставшись почти один на поле битвы, он был окружен и умер, покрытый тысячью ран.

Вся мусульманская армия бежала в сторону Мансуры. Как можно было устоять перед желанием преследовать их? Чего следовало опасаться от врагов, покинувших свой лагерь? Разве нельзя было поверить, что сарацины бежали, как они это сделали при Дамiette, и что ужас помешает им сплотиться? Все эти мысли возникли в голове графа д'Артуа и не позволили ему ждать, пока остальная армия завершит его победу. Напрасно великий магистр Храма возобновлял свои объяснения; молодой принц с большим жаром откликался на советы опыта. В своей ярости он обвинил тамплиеров и госпитальеров в поддержании тайных отношений с неверными и в желании увековечить войну, которая была выгодна их честолобию. “Таким образом, ” ответили два великих магистра, “ получается, что мы и наши рыцари бросили наши семьи и нашу страну и хотели бы провести наши дни в чужой стране, среди тягот и опасностей войны, чтобы предать дело христианской церкви!” Закончив эти слова, магистр тамплиеров строго приказал знаменосцу своего ордена развернуть боевое знамя. Граф Солсбери, командовавший англичанами, осмелился заговорить об опасности, которой подвергнется армия, оторванная таким образом от своего авангарда; но граф д'Артуа прервал его, резко сказав: “Робкие советы нам не к лицу!” Затем возобновились ссоры, которые так часто нарушали дисциплину в армии, и жар споров полностью заглушил голос благоразумия. Пока они таким образом распаляли друг друга, старый наместник графа д'Артуа, который был глух и который думал, что они готовятся к битве, не переставал кричать: “Ores à eux, ores à eux!”^[306] (Ура! на них! ура! на них!) Эти слова стали роковым сигналом для воинов, подстегиваемых одновременно гневом и нетерпением победы. Тамплиеры, англичане, французы - все вместе двинулись вперед, все устремились к Мансуре и проникли в город, оставленный врагом; некоторые остановились, чтобы пограбить, в то время как другие преследовали сарацин по дороге в Каир.

Если бы все христианские войска перешли канал в тот момент, когда граф д'Артуа вступил в Мансуру, разгром врага мог бы быть полным. Но переход был совершен с большими трудностями и неразберихой, и когда французская армия пересекла Ашмун, ее отделяло от авангарда расстояние в два лье.

Мусульмане, изгнанные из своего лагеря, сначала думали, что сражались со всеми силами крестоносцев под командованием короля Франции; но вскоре они осознали малочисленность своих врагов и были поражены тем, что были обращены в бегство. Из самой гущи опасностей и беспорядков среди них возник искусный лидер, чье присутствие духа сразу же возродило их мужество.^[307] Бибарс Бондокдар, которого мамлюки недавно поставили во главе своих войск, осознав неосторожность христиан, сплотил мусульман, повел часть своей армии между каналом и Мансурой, овладел воротами города и с отборной частью своих войск обрушился на крестоносцев, которые грабили дворец о султана. “Мамлюки, львы сражений, - говорит арабский историк, -бросились на франков подобно яростной буре; их ужасные булавы наносили смерти и раны во всех направлениях”. Христиане, рассеянные по городу, едва успели сплотиться; прижатые друг к другу на узких улочках, они не могли ни сражаться верхом, ни пустить в ход свои мечи. С крыш домов и из окон мусульмане бросали камни и другие послания или обливали их раскаленным песком и кипятком. Ворота города были закрыты, множество

мусульман заняло все дороги, и не оставалось ни единой надежды на спасение у воинов, которые так недавно обратили в бегство целую армию.

Это первое бедствие повлекло за собой несколько других, и вскоре христианская армия, только что переправившаяся через канал, оказалась в величайшей опасности. Как только крестоносцы прибыли на другой берег Ашмума, некоторые узнали, что граф д'Артуа преследует врага, другие - что он заперт в Мансуре, и большинство баронов и рыцарей, которые горели желанием, согласно тому, что они слышали, разделить его славу или помочь ему в опасности, не дожидаясь тех, кто следовал за ними, побежали сначала к лагерю сарацин, а затем к городу.

Граф Бретани был одним из первых, кто двинулся вперед, и за ним быстро последовали Ги де Мальвуазен, сьер де Жуанвиль и самые храбрые рыцари христианской армии. Они продвигались в большой спешке и без малейших предосторожностей по стране, покрытой врагами; вскоре они были разлучены друг с другом, когда некоторые вернулись по своим следам, но большая часть была окружена мусульманами. На равнине одновременно происходили тысячи сражений; здесь христиане были победителями, дальше они были побеждены; во всех направлениях они по очереди нападали на своих врагов или защищались, в один момент обращая сарацин в бегство, а в следующий - разбегаясь перед ними.

Внезапно с берега Ашмума поднялось облако пыли, послышались звуки труб и клиросов, смешанные с ржанием лошадей и криками воинов; это приближались основные силы христианской армии. Людовик Святой, шедший во главе кавалерии, остановился на вершине холма, где все взоры были обращены к нему. Рыцари, рассеянные у подножия холма, не в силах больше сопротивляться сарацинам, поверили, что видят ангела битв, пришедшего к ним на помощь; в частности, Жуанвиль, который, хотя и был сильно тесним врагом, был, тем не менее, поражен величественным видом монарха. Людовик носил золотой шлем и держал в руке немецкий меч; его доспехи были великолепны, а благородная осанка воодушевляла всех его воинов; “Короче говоря, - говорит простодушный сенешаль, в котором, возможно, чувство опасности усилило восхищение, - я заявляю, что никогда не видел более благородно вооруженного человека”.[\[308\]](#)

Многие рыцари, сопровождавшие французского короля, видя, что христианские воины сражаются с сарацинами со всех сторон, вырвались из своих рядов и бросились в бой. Затем замешательство быстро достигло своей кульминации; все бросились вперед, не зная, где находится вражеская армия, и очень скоро они также не знали, где находится армия христиан или король, командовавший ею; некому было отдать приказ, и не было подано никакого сигнала, кроме сигнала опасности. В этой ужасной суматохе благоразумие и осторожность были бесполезны, торжествовали только сила и искусство владения оружием; булава и боевой топор разбивали вдребезги начищенные шлемы и гордо выставленные щиты; некоторые рыцари падали, покрытые ранами, других насмерть топтали копыта лошадей; крик французов: “Монжуа, Сен-Дени!” - и крик мусульман: “Ислам! Ислам!” смешиваются воедино и смешиваются с жалобными голосами умирающих и угрожающими криками триумфаторов, со звоном кирас, копий и мечей. От канала до Мансуры, и от Нила до берега, на который только что высадились крестоносцы, страна представляла собой лишь одно обширное поле битвы, где ярость и отчаяние поочередно воодушевляли сражающихся, где с обеих сторон проливались потоки крови, не позволяя ни христианам, ни мусульманам претендовать на победу.

Крестоносцы имели преимущество почти во всех боях, или, точнее, дуэлях, поскольку бои, как правило, велись один на один; но их армия была в значительной степени рассеяна. В этот момент Бибарс, оставив в Мансуре достаточное количество войск, чтобы одержать победу над сопротивлением графа д'Артуа и его рыцарей, выступил вперед со всеми своими силами, направляя свой курс к каналу, с целью поддержать мусульман, которые начали разбегаться, или вызвать решающую битву. Людовик и окружавшие его вожди сразу же уловили движение и планы врага. Было немедленно решено, что христианская армия должна подойти поближе к каналу, чтобы предотвратить ее окружение и в то же время сохранить некоторую связь с герцогом Бургундским, который оставался на противоположном берегу. Орифламма, стоявшая во главе батальонов, уже указала направление, в котором должна была двигаться армия, когда графы Пуатье и Фландрии, вышедшие на равнину, послали королю весточку, что они должны сдаться, если не будет быстро оказана помощь: в тот же момент Имберт де Божо прибыл сообщить, что Роберт Артуа погибает в Мансуре. Пораженный противоречивыми требованиями, Людовик на мгновение заколебался, и в этот момент толпа пылких воинов, не в силах ждать его приказов, поскакала галопом, одни на помощь пуатевинцам и фламандцам, другие на помощь графу д'Артуа; сарацины полностью покрыли страну, и французские воины, которые таким образом отделились от короля, были совершенно неспособны бороться с таким множеством врагов и, обрушившись на христианскую армию, произвели беспорядок и посеяли ужас.

Среди всеобщего замешательства распространился слух, что мусульмане повсюду одерживают победы и что король отдал приказ к отступлению. Несколько эскадронов были расформированы и устремились к каналу. В одно мгновение воды оказались покрытыми тонущими людьми и лошадьми. Находясь в такой крайней опасности, Людовик тщетно пытался собрать свои войска. Его голос был едва слышен, никто не выполнял приказов, которые он пытался отдать. Затем он бросился в самую гущу сражения, и его пыл так стремительно увлекал его вперед, что его оруженосцам было очень трудно поспевать за ним; наконец он остался один, окруженный со всех сторон сарацинами. Находясь в таком положении, он должен был защищаться от шести мусульманских всадников, которые были полны решимости взять его в плен. Людовик пресек все их попытки, ему удалось освободиться и обратить их в бегство. Этот блестящий акт храбрости оживил бегущих крестоносцев, которые были свидетелями этого; они столпились за своим доблестным королем, возобновили бой и еще раз рассеяли мусульманские батальоны.

В то время как вся христианская армия сражалась таким образом, чтобы исправить ошибки и спасти жизнь графа д'Артуа, этот несчастный принц защищался с героической храбростью; но все его усилия вне стен и в стенах Мансуры не могли освободить его от полчища сарацин, которых он по своей неосторожности навлек на себя. Роберт со своими рыцарями, тамплиерами и англичанами, забыв все свои роковые распри, решил умереть вместе, как рыцари и христианские воины. Сражение длилось с десяти часов утра до трех часов дня; крестоносцы, покрытые ранами, запятнанные кровью и пылью, храбро сражались, хотя их поддерживали лишь угасающие силы истощенной жизни. Они пали почти все одновременно; Солсбери был убит во главе воинов, которыми он командовал; Роберт де Вэр, несший английское знамя, обернул его вокруг себя перед смертью; Рауль де Куси испустил дух на груди трупов; граф д'Артуа, укрепившийся в доме, долго защищался, но в конце концов пал среди резни и руин. Христианские воины численностью в полторы тысячи человек вошли в Мансуру, и почти все встретили там смерть. Великий магистр госпитальеров, оставшийся один на поле битвы, был взят в плен. Магистр тамплиеров чудом спасся и вечером вернулся в христианский лагерь,

раненный в лицо, его облачение было разорвано в лохмотья, а кираса пробита в нескольких местах. Он видел, как двести восемьдесят его рыцарей пали вокруг него.

Большинство из тех, кто двинулся к Мансуре на помощь графу д'Артуа, пали жертвами их неустрашимого рвения. Храброму Ги де Мальвуазену удалось добраться до стен, но не войти в город. Герцог Бретани приложил невероятные усилия, чтобы добраться до места сражения; он слышал угрозы, крики и суматоху, которыми оглашался город, не будучи в состоянии ни взломать ворота, ни взобраться на крепостной вал. Он вернулся ближе к вечеру; его рвало кровью ручьями; его лошадь, вся утыканная стрелами, потеряла уздечку и часть снаряжения; и каждый воин, следовавший за ним, был ранен. Даже в таком состоянии он показал себя ужасным для врага, убивая или прогоняя мощными ударами своего копья всех, кто осмеливался преследовать его или противостоять ему, и насмехаясь над их безуспешными попытками.[309]

Когда ночь разлучила сражающихся, приор госпиталя Росне подошел к королю и, поцеловав ему руку, спросил, получил ли он какие-либо известия о графе д'Артуа. “Все, что я знаю, ” ответил благочестивый монарх, - это то, что сейчас он в Раю”. Добрый рыцарь, чтобы отвлечься от столь печальных мыслей, собрался было рассказать о преимуществах, которые они получили, но тут Людовик, подняв глаза к небу, разрыдался. Приор Рознейский замолчал; бароны и лорды, собравшиеся вокруг короля, не могли вымолвить ни слова утешения, но все были подавлены болью, состраданием и жалостью, видя, как он плачет.[310]

Христианская армия, хотя и была вынуждена упрекать графа д'Артуа во всех несчастьях сегодняшнего конфликта, сочувствовала горестям Людовика. Храбрость французских воинов была так велика, что им казалось, что величайшие проступки искупаются славной смертью. Точно так же во всех крестовых походах признавалось, что те, кто погиб с оружием в руках, были возведены в ранг мучеников. Христианские воины считали графа д'Артуа только воином Христа, которого Бог призвал к себе в лоно: таким образом, благочестие сочеталось со славой, и люди почитали как святых тех же людей, которыми они восхищались как героями. Мэтью Пэрис утверждает в своей Истории, что мать Солсбери видела, как ее сын возносился на небеса в день битвы при Мансуре. Такое же мнение утвердилось и среди сарацин; все, кто пал на поле боя в войнах против христиан, считались мучениками исламизма. “Франки, - говорит продолжатель Табари, - отправили Факреддина на берега небесной реки, и его конец был славным”.

История не сохранила имен всех воинов, проявивших свою доблесть в битве при Мансуре. Сенешаль Шампани был не из тех, кто отстал в поисках опасности или проявлял недостаток храбрости; один из шести, он защищал мост от полчища сарацин. Он дважды выбивался из седла. В таком великом горе благочестивый рыцарь не забыл своего святого покровителя и воскликнул к нему: “Мой господин, великий сир, Святой Иаков, я умоляю тебя, помоги мне в этой моей нужде”. Жуанвиль продолжал сражаться в течение всего дня; его лошадь получила пятнадцать ран, а сам он был пронзен пятью стрелами.

Сенешаль сообщает нам, что во время битвы в этот памятный день он видел, как несколько выдающихся людей позорно убегали в общей суматохе: он не называет их имен, потому что в то время, когда он писал, они были мертвы, и ему, по-видимому, не подобало плохо отзываться об ушедших. Сдержанность, с которой здесь высказывается историк, достаточно ясно показывает, каков был общий дух французской армии, в которой считалось невыразимым позором и величайшим из несчастий когда-либо испытать хотя бы мгновение страха.

Большую часть французских воинов, находясь в опасности, никогда не покидало то чувство чести, которое составляло дух и характер рыцарства. Эрард де Севери, храбро сражаясь с небольшим количеством рыцарей, получил удар саблей в лицо; у него быстро текла кровь, и казалось маловероятным, что он выживет после этой раны; когда, обращаясь к рыцарям, сражавшимся рядом с ним, он сказал: “Если вы заверите меня, что я и мои дети будем свободны от всякой вины, я пойду и попрошу помощи для вас у герцога Анжуйского, которого я вижу вон там, на равнине”. Все высоко оценили эту решимость, и он немедленно вскочил на коня, прорвался сквозь вражеские эскадроны, добрался до герцога Анжуйского и вернулся с ним, чтобы спасти своих товарищей, которые были близки к гибели. Эрар де Севери скончался вскоре после этого героического подвига: он умер, унеся с собой не чувство тщетной славы, а утешительную уверенность в том, что никакая вина, как он того желал, не запятнает его имя или имя его детей.

Что в то же время поражает и очаровывает нас в рассказах старых хронистов, рассказывающих о битве при Мансуре, так это то, что среди сцен резни мы находим следы французского веселья, того веселья, которое презирает смерть и смеется над опасностью. Мы говорили о шести рыцарях, которые защищали проход по мосту от множества сарацин; в то время как эти *благородные шевалье*, окруженные врагами, занимали столь опасный пост, граф де Суассон, обращаясь к Жуанвилю, воскликнул: “Сенешаль, давайте оставим эту негодную *канальюлю* плакать и реветь, как им заблагорассудится, мы с вами еще поговорим об этом дне, и в дамских беседах тоже”.

Мусульмане отступили, христианская армия заняла их лагерь, которым утром овладел ван и который арабы разграбили во время битвы. Лагерь врага и боевые машины, которые они оставили в нем, были единственным плодом подвигов этого дня. Крестоносцы показали, на что способна доблесть, и их триумф был бы полным, если бы они смогли сплотиться и сразаться вместе. Их лидеры не обладали достаточными способностями или влиянием, чтобы исправить ошибку графа д'Артуа; мусульманские лидеры, которые показали себя более искусными, также были лучше поддержаны дисциплиной и послушанием мамлюков.

Когда христиане полностью осознали понесенные ими потери, они отказались от всякой идеи праздновать свою победу. Чтобы оценить результат стольких кровавых конфликтов, было вполне достаточно поразмыслить над контрастом между чувствами, которые одушевляли две армии. Меланхолическая печаль царила среди победителей; в то время как сарацины, напротив, хотя и были изгнаны из своего лагеря и вынуждены отступить к Мансуре, считали триумфом остановить продвижение своих врагов; и, успокоенные относительно исхода войны, они предались еще большей радости оттого, что перед битвой тешили себя самыми гнетущими страхами.

На самом деле, ничто не может передать того смятения, которое вызвало среди неверных первое нападение графа д'Артуа. В начале дня голубь, который был отправлен в Каир, передал сообщение, выраженное в следующих словах: “В тот момент, когда эта птица отправлена, враг атакует Мансуру; между христианами и мусульманами произошла ужасная битва”. При этом известии жители Каира были охвачены величайшим ужасом, и вскоре зловещие слухи усилили тревогу. Ворота города оставались открытыми всю ночь, чтобы принять тех, кто мог сбежать; и все это преувеличивало опасность, чтобы оправдать их дезертирство. Считалось, что дни исламизма сочтены, и многие уже покидали столицу в поисках убежища в Верхнем Египте, когда

на следующее утро прилетел еще один голубь с новостями, призванными поднять дух мусульман. Новое сообщение возвестило, что Бог Магомета объявил себя противником христиан; тогда все страхи рассеялись, и исход битвы при Мансуре, по словам арабского автора, *стал поводом для радости для всех истинно верующих*.

В течение той же ночи, последовавшей за битвой, мусульмане предприняли несколько попыток вернуть свой лагерь и боевые машины, которые оставались в руках франков. Христианские воины, измученные усталостью, неоднократно просыпались от призывов к оружию; непрерывные атаки врага не позволяли им восстанавливать силы сном; многие из них были настолько ослаблены своими ранами, что едва могли надеть кирасы; тем не менее, они защищались со своей обычной храбростью.

На следующий день после битвы была Пепельная среда, и священники совершали предписанные религией церемонии открытия Великого поста. Христианская армия провела часть дня в молитве, а остальную часть - в приготовлениях к обороне. В то время как воины креста простирались ниц у подножия своих алтарей или готовились дать отпор неверным, образы скорби смешивались в их сердцах с чувствами благочестия и храбрости. Вспоминая свои прошлые победы, они не могли не страшиться будущего; и символ человеческой хрупкости, который Церковь преподносит каждому из своих детей в этот торжественный день, должно быть, поддерживал их печальные предчувствия.

В тот же день они занялись наведением моста через Ашмум, чтобы образовать соединение с лагерем герцога Бургундского. Все командиры и солдаты приложили руку к этой работе, которая была закончена в течение нескольких часов. Пехота, оставленная на другом берегу канала, прибыла на подкрепление армии, которой было суждено вскоре ввязаться в новые бои.

Бибарс, командовавший мамлюками, поспешил воспользоваться своими первыми успехами. Когда было найдено тело графа д'Артуа, мамелюки выставили напоказ его кирасу, украшенную *лилиями*, и заявили, что это добыча короля Франции. Они с триумфом пронесли головы нескольких рыцарей, и латные герольды громким голосом повторили: "Христианская армия - это не что иное, как туловище без жизни, подобное головам, которые вы видите на наконечниках этих копий".

Это зрелище окончательно распалило пыл мусульман. Вожди и солдаты с громкими криками требовали, чтобы их повели против христиан. Мусульманская армия получила приказ быть готовыми к бою завтра, в первую пятницу Великого поста.

Людовик IX. был предупрежден о намерении сарацин; он отдал приказ вождям укрепить лагерь и подготовить свои войска к сражению. В пятницу, на рассвете, все христиане были при оружии; и в то же время предводитель мусульман появился на равнине, выстраивая своих людей в боевой порядок. Он разместил свою кавалерию впереди, за ней пехоту, а еще дальше - резерв. Он расширял или укреплял свои линии в соответствии с позициями, которые, по его мнению, занимали его враги. Его армия занимала равнину от канала до реки. В полдень он развернул знамена и протрубил атаку.

Герцог Анжуйский находился во главе лагеря на стороне, обращенной к Нилу; на него напали первым. Сарацинская пехота начала с запуска греческого огня. Этот огонь охватил одежду солдат и попоны лошадей. Солдаты, объятые пламенем, которое они не могли потушить, носились вокруг, издавая самые страшные крики; лошади вырвались, и в рядах воцарилось

замешательство. Посредством этого беспорядка кавалерия противника открыла себе проход, рассеяла тех, кто все еще сражался, и проникла внутрь укреплений. Герцог Анжуйский был не в состоянии противостоять многочисленным атакам сарацин; его лошадь была убита под ним, он сражался пешим и, почти сокрушенный числом своих врагов, в конце концов обратился к Людовику IX. за помощью.

Король, сам вступивший в бой с мусульманами, удваивает свой пыл и усилия, выгоняет врага обратно на равнину, а затем бежит туда, куда его призывают другие опасности. Рыцари, следующие за ним, бросаются в атаку на мусульманские батальоны, атаковавшие квартал герцога Анжуйского. Людовика не останавливают ни бесчисленные стрелы, выпущенные в него, ни греческий огонь, покрывающий его руки и попону его лошади. В рассказе об этой битве Жуанвиль поражен тем, что король Франции избежал гибели, и не может иначе объяснить это чудо, как приписав его силе Божьей: “Тогда вполне можно поверить” (мы позволяем сенешалю Шампани говорить) “что святой король помнил своего Бога и желал его: ибо, по правде говоря, наш Господь был тогда большим другом ему в его нужде и помог ему так эффективно, что он освободил своего брата, герцога Анжуйского, и прогнал турок”.

Слева от герцога Анжуйского расположились лагерем крестоносцы с острова Кипр и Палестины под командованием Ги д'Ибелина и его брата Балдуина. Эти крестоносцы не участвовали в последней битве и не потеряли ни своих лошадей, ни оружия. Рядом с ними сражался храбрый Готье де Шатильон во главе отборного отряда. Эти бесстрашные воины были надежны против любых нападений и, твердо оставаясь на вверенном им посту, внесли большой вклад в спасение как лагеря, так и армии.

Тамплиеры, потерявшие большую часть своих рыцарей при Мансуре, соорудили перед собой укрепление или баррикаду из дерева от машин, взятых у сарацин; но эта слабая защита была малоэффективна против греческого огня. Враг ворвался в лагерь сквозь пламя; тамплиеры образовали непроницаемый вал из своих тел и в течение нескольких часов сопротивлялись яростным атакам нападавших. Конфликт был настолько ожесточенным в этот момент, что земля едва виднелась за местом, занятым тамплиерами, настолько полностью она была покрыта стрелами и дротиками. Великий магистр тамплиеров погиб в схватке, и множество рыцарей погибло, защищая его или мстя за него. Чудеса их храбрости, наконец, остановили продвижение врага, и последний, кто пал в этой почти безжалостной битве, умирая, имел утешение увидеть, как сарацины обратились в бегство.

Ги де Мальвуазен был поставлен недалеко от поста, который рыцари Храма так храбро защищали; батальон, которым он командовал, состоял почти полностью из его родственников и в бою представлял собой семью воинов, всегда сплоченных и всегда непобедимых. Гай подвергся наибольшей опасности; он был несколько раз ранен, но никогда не мечтал о том, чтобы сняться с соревнований. Его пример и вид его ран удвоили мужество его товарищей, которые, в конце концов, отбросили мусульман. Недалеко от Ги де Мальвуазена, спускаясь к каналу, расположились фламандские крестоносцы. Вильгельм, их граф, был во главе их; они выдержали яростный натиск мусульман, не уступая ни в малейшей степени; Жуанвиль с несколькими другими рыцарями сражался слева от них и в этом случае был обязан своей безопасностью воинам Фландрии, которым он воздает самые теплые почести. Фламандцы, объединившись с шампенуа, обратили в бегство мусульманскую кавалерию и пехоту,

преследовали их вне лагеря и вернулись, нагруженные щитами и кирасами, которые они отняли у своих врагов.

Граф Пуатье занимал левое крыло армии; но так как у этого принца под командованием была только пехота, он не смог противостоять сарацинской кавалерии. Таковы были воины тех далеких времен, что, когда они не были верхом, они казались безоружными и не могли сражаться даже для защиты укреплений. Квартал, вверенный пуатевенцам, был атакован мусульманами в начале сражения; мамелюки разграбили палатки христиан, несколько сарацинских всадников выволокли брата короля из лагеря и увозили пленником. Находясь в такой крайней опасности, граф Пуатье не мог рассчитывать на Людовика IX. за какой-либо помощью, поскольку он пришел на помощь графу Анжуйскому; ни к другим предводителям христианской армии, которые сами были так тесно прижаты врагом. Этот принц был обожаем народом за его доброту; и в этом случае он получил награду за свои добродетели, объяснив свое освобождение любовью, которую он внушал всем крестоносцам. Когда рабочие, маркитанты и женщины, следовавшие за армией, увидели, что его взяли в плен, они собрались в величайшей ярости и, вооружившись топорами, дубинками, палками и всем, что попадалось им на пути, бросились в погоню за мусульманами, освободили графа Пуатье и с триумфом привезли его обратно.

На краю лагеря, недалеко от жилищ пуатевинцев, сражался Жоссеран де Брансон со своим сыном и рыцарями. Все товарищи по оружию Жоссерана покинули Европу на хороших лошадях и в великолепном снаряжении; теперь все они сражались пешими, и у них не осталось ничего, кроме копья и меча. Один только их предводитель был верхом и разъезжал от шеренги к шеренге, возбуждая солдат и устремляясь во все точки, где опасность казалась наиболее серьезной. Этот слабый отряд полностью погиб бы, если бы Генрих Бриенский, оставшийся в лагере герцога Бургундского, не приказывал своим арбалетчикам стрелять через рукав реки каждый раз, когда сарацины возобновляли свои атаки. Из двадцати рыцарей, сопровождавших Жоссеранта, двенадцать остались на поле битвы. Этот старый воин участвовал в тридцати шести битвах, и во всех из них он получил награду за доблесть. Жуанвиль, рассказывая о подвигах того дня, вспоминает, что он когда-то видел, как Жоссеран де Брансон вышел победителем из боя с немцами, грабившими церковь Макона; он видел, как тот пал ниц у подножия алтаря и горячо молился о милости умереть в бою с врагами Христа. И Жоссеран получил благословение, которого просил у Бога; через несколько дней после битвы он скончался от ран.

Таково было состязание, о котором Людовик IX в отчете, отправленном им во Францию, говорит с такой восхитительной простотой. “В первую пятницу Великого поста на лагерь напали, Бог благоволил французам, и неверные были отброшены с большими потерями”.

В этой битве, как и в предыдущей, вся слава принадлежала христианам, все преимущество - сарацинам. Христианская армия потеряла большое количество своих воинов и почти всех лошадей: враг получал подкрепления каждый день; крестоносцы не могли попытаться двинуться на Каир, и благоразумие, казалось, подсказывало им вернуться по своим следам в Дамьетту. Отступление, все еще легкое, предлагало средство сохранить армию до более благоприятного периода; но к такому плану могло привести только отчаяние, а отчаянию очень трудно овладеть сердцами храбрецов. Ничто не могло показаться французам более позорным, чем летать или делать вид, что летаешь, перед побежденным врагом: они решили остаться.

Ближе к концу февраля Альмоадам, которого Чиггер-Эддур и главные вожди мамлюков призвали на трон его отца, прибыл в Египет и был встречен громкими приветствиями народа, всегда желавшего перемен и всегда радовавшегося новому правлению. Эмиры и вельможи также выказывали большую радость, но их демонстрации были менее искренними; они ожидали прихода преемника Негмеддина скорее с тревогой, чем с нетерпением; придавая очень большое значение тому, что они сделали для него, они заранее ожидали его неблагодарности. С другой стороны, молодой принц ревниво относился к своей власти, и могущество эмиров, даже характер их услуг внушали ему тревогу, которую у него не хватало благоразумия скрывать. Вскоре между Альмоадамом и лидерами мусульманской армии возникли взаимное недоверие и отчуждение; последний раскаивался в том, что возвел к власти принца, который проявлял склонность править единолично, а первый был полон решимости защищать свою власть даже от тех, кто даровал ее ему. Такое положение вещей и расположение умов людей казалось зловещим предзнаменованием новых революций в Египте; к несчастью, эти революции вспыхнули слишком поздно, чтобы позволить христианам извлечь из них какую-либо выгоду.

Крестоносцам также вскоре пришлось столкнуться с бедствиями, более разрушительными для них, чем даже сила или вооружение мусульман; в христианской армии появилась заразная болезнь. Они забыли похоронить погибших после двух последних битв; тела, беспорядочно и неосторожно брошенные в Ашмун и плывущие по его водам, останавливались перед лодочным мостом, построенным крестоносцами, и покрывали поверхность канала от одного берега до другого. От этой кучи туш быстро поднимались зловонные испарения. Людовик IX приказал похоронить тела христиан во рвах, вырытых сарацинами на берегу; но эти мертвые трофеи, перемещенные без всяких предосторожностей, только способствовали распространению эпидемии. Зрелище, которое затем предстало глазам крестоносцев, вызвало глубочайшую скорбь во всем лагере и пробудило более совершенное осознание своих потерь. Было видно, как солдаты-христиане искали среди тел, изуродованных ранами, оттенками смерти, воздействием солнца и воздуха, жалкие останки своих друзей или товарищей. Многие из тех, на кого дружба возлагала эту благочестивую задачу, заболели и умерли почти мгновенно. Преданность и горе одного из рыцарей Робера, графа д'Артуа, были заметны среди этих трогательных примеров. Этот безутешный рыцарь проводил целые ночи и дни на берегу канала, не сводя глаз с воды, не обращая внимания на заразу и смерть, в надежде вылечить и похоронить молодого принца, о потере которого так глубоко сожалела французская армия.

Тяготы войны несколько не мешали благочестивым воинам соблюдать воздержание Великого поста, а лишения и аскетизм покаяния довели до истощения их сил. Зараза поразила как самых крепких, так и самых слабых; [311] их плоть увяла, кожа приобрела багровый оттенок и была покрыта черными пятнами; их десны были воспалены и опухли, препятствуя прохождению пищи; выделение крови из носа было признаком приближающейся смерти. Большинство больных смотрели на сурового монарха без страха и считали его владения желанным концом всех своих страданий.

К вышеупомянутому недугу вскоре добавились дизентерия и опасные лихорадки; в лагере христиан не было слышно ничего, кроме молитв за умирающих; не было видно ничего, кроме бледных и изможденных лиц несчастных существ, которые сопровождали своих товарищей к могиле и чья смерть вскоре должна была, в свою очередь, унести. Солдат, способных носить оружие, было недостаточно для охраны аллей лагеря. Нечто неслыханное в

христианских армиях: конюхи рыцарей были облачены в доспехи своих хозяев и занимали их места на опасном посту. Духовенство, ухаживавшее за больными и хоронившее умерших, сильно пострадало от эпидемии; очень быстро стало недостаточно священнослужителей, чтобы служить у алтарей и совершать христианские церемонии. Однажды сьер де Жуанвиль, сам больной и слушавший мессу в своей постели, был вынужден встать и поддержать своего подателя милостыни, готового упасть в обморок на ступенях алтаря. *“Поддержанный таким образом, — добавляет добродушный историк, — он закончил причастие, отслужил мессу до конца, но больше никогда не пел”*.^[312]

Мы видели в прежних священных войнах, как множество крестоносцев становилось жертвой самых жестоких наказаний; храбрейшие из воинов часто отчаивались в деле паломников и бросали знамена креста; и много раз чрезмерность их страданий вызывала у них проклятия и богохульства. Здесь мы должны отметить, что солдаты и сподвижники Людовика IX относились к своему злу с большим терпением и покорностью. Ни один рыцарь не помышлял о том, чтобы покинуть знамена крестового похода, и в армии не было услышано ни одной крамольной или святотатственной жалобы; пример благочестивого монарха, несомненно, укрепил мужество крестоносцев и уберег их от крайностей отчаяния. Людовик IX, глубоко потрясенный бедствиями, обрушившимися на его армию, приложил все усилия, чтобы смягчить их и положить конец им. Если что-то и могло утешить крестоносцев в том жалком положении, в котором они оказались, так это, должно быть, то, что король Франции сам ухаживал за больными, оказывал им всевозможную помощь и готовил их к смерти. Напрасно его уговаривали не подвергать себя опасностям еще большим, чем на поле боя; ничто не могло поколебать его мужества или обуздать пыл его милосердия; он считал своим долгом (так он сам выражался) рисковать своей жизнью ради тех, кто каждый день рисковал своей ради него. Один из его слуг, достойный человек, находясь при смерти и увещиваемый священником встретить свою судьбу как христианин, ответил: *“Я не умру, пока не увижу короля”*. Король исполнил его желание, и человек умер с миром, утешенный присутствием и словами своего доброго хозяина. Но в конце концов тот, кто утешал всех остальных, сам заболел. Король не мог покинуть свой шатер; опустошение становилось все более глубоким и повсеместным; те, кто страдал, начали терять всякую надежду; казалось, что Провидение покинуло их и что небеса больше не защищают воинов креста.

Сарацины оставались неподвижными в своем лагере, предоставив своим ужасным помощникам, болезням, беспрепятственно выполнять свою миссию; только Альмоадам, чтобы добавить голод к другим бедствиям, которые испытывали его враги, решил прервать всякое сообщение между христианами и Дамьеттой, откуда они получали провизию по Нилу. Собрав большое количество лодок, султан приказал разобрать их на части, а затем перевезти по суше к устью канала Мехалла. Французская флотилия незамеченной поднялась вверх по реке, везя провизию для лагеря, и попала прямо в засаду галер, устроенную за небольшим островом. Внезапно появляются враги, застают христиан врасплох, с яростью нападают на них, убивают тысячу солдат и захватывают пятьдесят судов, груженными провизией. Несколько дней спустя та же участь постигла и другие суда, следовавшие вверх по реке в направлении Мансуры. Никто не прибыл в лагерь; из Дамьеты не поступало никаких известий, и христиане предавались самым печальным предчувствиям, когда судно, принадлежащее графу Фландрскому, чудом спасшемуся от врага, подошло и объявило им, что все суда крестоносцев захвачены и что мусульманский флаг развевается по всему течению реки.

Голод вскоре произвел ужасные опустошения в армии; и тем, кого пощадила болезнь, угрожала смерть от нищеты и голода. И вожди, и солдаты были охвачены глубочайшим унынием, и король, наконец, счел за лучшее попытаться заключить перемирие с мусульманами. Филипп де Монфор служил в посольстве к султану Египта; с обеих сторон были назначены уполномоченные для заключения мирного договора. Сторонники короля Франции предложили сдать Дамьетту султану при условии, что Иерусалим и все другие места в Палестине, попавшие в руки мусульман во время последних войн, будут переданы христианам. Султан, который опасался храбрости и отчаяния крестоносцев, у которого, кроме того, были основания опасаться, что его враги могут получить подкрепление и что Дамьетта может продержаться значительное время, принял предложенные условия. Когда дело дошло до обсуждения вопроса о заложниках, король предложил двух своих братьев; но то ли султан не верил в лояльность своих врагов, то ли ему самому этого не хватало, он потребовал, чтобы король Франции оставался в его руках в качестве гарантии заключения договора. Сержинес, один из членов комиссии, не мог выслушать это предложение без гнева. “Вам следовало бы лучше знать французов, - воскликнул он, - чтобы предположить, что они когда-нибудь позволят своему королю оставаться в плену у мусульман”. По этому поводу в христианской армии был проведен совет. Король согласился на все, но лорды и бароны яростно протестовали против отречения от своего государя. С одной стороны, монарх был готов купить безопасность своего народа своей личной опасностью; с другой стороны, толпа воинов горячо заявляла, что они не могут вынести такого позора и что *они скорее умрут, чем отдадут своего короля в залог*. Чем больше Людовика любили его воины, тем меньше он был хозяином положения в этих обстоятельствах; и каждый, считая, что не повиноваться ему - дело его чести и почти совместимое с его долгом, - отказался от переговоров.

Чтобы описать ужасающую нужду, охватившую христианский лагерь, современные хроники сообщают, как о чем-то экстраординарном, что овца была продана за целых десять крон, бык - за восемьдесят ливров, а яйцо - за двенадцать денье. Такие высокие цены превышали возможности большинства паломников; одни были вынуждены питаться рыбой, выловленной в Ниле, другие - травами и кореньями.

Людовик IX, сохраняя мужество и душевное спокойствие среди всеобщего траура и депрессии, чтобы попытаться спасти жалкие остатки своей армии, решил вернуться на другой берег Ашмума. Когда христиане переходили по деревянному мосту, переброшенному через канал, они подверглись жестокому нападению со стороны мусульман. Гоше де Шатийон, командовавший арьергардом, сначала отбил их; но поскольку сарацины несколько раз возвращались в атаку и поскольку у них было значительное численное преимущество, победа оказалась на грани поражения крестоносцев. Блестящая доблесть графа Анжуйского сдержала порывистость мусульман. Эрард и Джон де Валери проявили чудеса храбрости. Джеффруа де Хассембург также отличился героическими действиями и заслужил пальму первенства в бою того дня. Таким образом, слава всегда смешивалась с несчастьями французских крестоносцев, но победа не давала им никаких преимуществ и всегда оставляла их все теми же опасностями, все той же жертвой одних и тех же бедствий. На одном берегу Ашмума им повезло не больше, чем на другом; и, пробыв несколько дней в своем старом лагере, они были вынуждены, наконец, принять обескураживающее решение вернуться в Дамьетту.

Как только Альмоадаму сообщили об этих последних действиях христиан, он сам обратился к своим войскам с речью, раздал им провизию и деньги и усилил их большим количеством

арабов, привлеченных под его знамена надеждой на добычу. По его приказу лодки, груженные солдатами, спустились по Нилу и присоединились к мусульманскому флоту, который перехватил конвои крестоносцев. Отряды легкой кавалерии были распределены по всем дорогам, по которым французская армия должна была отступать.

Пятого апреля,^[313] во вторник после октавы Пасхи Людовик IX приказал подготовить все к отправлению своей армии: женщин, детей и больных погрузили на Нил; они ждали до наступления ночи, чтобы скрыть эти печальные приготовления от врага. Берег Нила представлял собой самое душераздирающее зрелище; нельзя было видеть ничего, кроме крестоносцев, подавленных своими страданиями, со слезами на глазах расстававшихся с друзьями, которых они были обречены никогда больше не увидеть. Посреди этих мучительных сцен арабы, воспользовавшись ночной темнотой, проникли в лагерь, разграбили поклажу и перебили все живое, что им встретилось. Перепуганная толпа разбежалась во все стороны, и крики тревоги раздались по всему берегу реки. Моряки, увидев при свете костров в лодках этот ужасный беспорядок и то, что христиан убивают, сами испугались за себя и приготовились отплыть. Король, который, несмотря на свою слабость, присутствовал повсюду и наблюдал за всем, изгнал неверных из лагеря, успокоил толпу христиан и приказал судам, отошедшим от берега, вернуться и принять на борт остальных больных.

Папский легат и несколько французских дворян поднялись на борт большого судна. Короля уговаривали последовать этому примеру, но он не мог решиться бросить свою армию. Напрасно его встревоженные и любящие друзья уверяли его, что состояние его слабости не позволит ему сражаться и подвергнет риску попасть в руки сарацин; напрасно они добавляли, что, подвергая таким образом опасности свою жизнь, он ставит под угрозу безопасность армии. Эти и многие другие увещевания, продиктованные искренней привязанностью к его персоне, не смогли заставить его изменить свое решение. Он ответил, что никакая опасность не должна разлучить его со своими верными воинами; что он привел их с собой; что он вернется с ними или, если это окажется необходимым, умрет среди них. Это героическое решение, неизбежные последствия которого были предвидены, повергло всех его рыцарей в ужас и скорбь. Солдаты, разделяя чувства рыцарей, побежали вдоль берега Нила, изо всех сил крича тем, кто спускался вниз по реке: “Подождите короля! ждите короля!”^[314] Стрелы и дротики густо сыпались на суда, которые продолжали плыть вниз по реке. Многие остановились, но Людовик настоял на том, чтобы они продолжали свой путь.

Большинство французских воинов были убиты болезнями и ослаблены голодом. Усталость и новые опасности, которым им предстояло подвергнуться, несколько не уменьшили их мужества; но они не могли вынести мысли о том, чтобы покинуть места, ставшие им дорогими благодаря воспоминаниям об их победах. Герцог Бургундский выступил в поход с наступлением темноты, и вскоре после этого остальные войска покинули лагерь, забрав свои палатки и багаж. Людовик, который был полон решимости идти с арьергардом, оставил при себе только храбрых Сержинов и нескольких других рыцарей и баронов, которым все еще посчастливилось обзавестись лошадьми. Король, едва державшийся в седле, появился среди них верхом на арабском коне; на нем не было ни шлема, ни кирасы, и у него не было другого оружия, кроме меча. Воины, окружавшие его, молча последовали за ним; и в том плачевном состоянии, до которого они были доведены, они все еще выражали некоторую радость от того, что их выбрали защищать своего короля и умереть рядом с ним.

Отступление христианской армии уже было известно сарацинам. Король приказал разрушить Ашмумский мост, но этот приказ не был выполнен, и это дало мусульманам легкое средство переправиться через канал. В одно мгновение вся равнина, простиравшаяся со стороны Дамьетты, была покрыта врагами. Арьергард христиан был остановлен на каждом шагу своего пути, иногда при переправе через речушку, но чаще всего атакой мусульманской кавалерии. Среди ночной тьмы крестоносцы не могли видеть, в какую сторону направить свои удары, и когда они все же получили какое-то незначительное преимущество, они не осмелились преследовать своего врага; они продвигались вперед с боем и в беспорядке; боясь заблудиться, те, кто находился на некотором расстоянии от своих товарищей, окликали их по имени; те, кто тесно держался знамени, сталкивались и мешали друг другу в их движении: по всей равнине не было слышно ничего, кроме ржания лошадей, бряцания оружия и криков ярости и отчаяния; но самым прискорбным зрелищем в этом поражении было то, что это раненые, растянувшиеся вдоль дорог, протягивающие руки к своим товарищам и со слезами умоляющие их не оставлять их беззащитными перед яростью сарацин. Они ожидали рассвета с самым тревожным нетерпением; но дневной свет, обнаружив малочисленность христиан, удвоил уверенность мусульман: первых он наполнил соответствующим страхом, поскольку показал им многочисленность их врагов.

Подвергавшиеся угрозам и преследуемые со всех сторон рыцари, отправившиеся в путь по суше, завидовали тем, кто плыл по Нилу; но эти последние подвергались не меньшей опасности, чем их несчастные товарищи. Вскоре после их отплытия поднялся сильный ветер и погнал суда обратно к Мансуре: некоторые из них сели на мель, другие были сильно разбиты о сопровождающие лодки и были близки к затоплению. К рассвету их флотилия прибыла к Мехалле, месту, роковому для христиан. Там их ждал мусульманский флот. Лучники, которым было поручено двигаться вдоль берега и защищать их, обратились в бегство, а на их месте появилось множество мусульманских всадников, выпустивших такое количество стрел, вооруженных греческим огнем, что, по словам Жуанвиля, “можно было поверить, что падают все звезды с небес”..

Ветер привел в замешательство все маневры моряков. Крестоносцы, тесно сидевшие на своих судах, едва могли стоять прямо, и большинство из них были без оружия. Обращая свои взоры иногда к берегу, где они видели вдалеке облака пыли, а иногда к небесам, о милосердии которых они молили, они все еще надеялись, что какое-нибудь неожиданное событие спасет их или же что армия, продвигающаяся к Дамьетте, придет им на помощь; таким образом, возлагая свои последние надежды на чудеса Провидения и на храбрость. Обманчивые иллюзии! одно подразделение христианских войск было рассеяно; арьергард, ободренный присутствием короля, прилагал невероятные, но бесполезные усилия, чтобы дать отпор толпе сарацин, которая увеличивалась с каждой минутой. Отчаяние французских воинов породило тысячи славных поступков; но такой большой героизм смог обеспечить им пальму первенства только в мученичестве. Ги дю Шатель, епископ Суассонский, отказавшись от всякой надежды завоевать Дамьетту или вернуться во Францию, решил искать смерти и бросился в сопровождении нескольких рыцарей в самую гущу сарацин, которые, по выражению Жуанвиля, *убили их и отправили в общество Бога*. Гоше де Шатийон и Сержин все еще сражались в надежде спасти жизнь короля Франции. Сержинес, державшийся вплотную к королю, отгонял врагов могучими ударами меча; опасность, казалось, удвоила его силы. Современная история, которая описывает нам, как он прогонял сарацин, окружавших Людовика, сравнивает его с бдительным слугой, который тщательно отгоняет мух от чашки своего господина.

Тем временем надежда на победу воспламенила энтузиазм и фанатизм мусульман; они были убеждены, что сражаются за дело своего пророка: их дервиши и имауны, проповедовавшие войну против христиан, следовали за ними на поле боя, проникали в ряды армии и побуждали солдат к резне.[315] Арабский историк, смешивая чудесное со своим рассказом, рассказывает, что шейх Эззедин, видя, что победа на мгновение склонилась в сторону христиан, потому что вихрь пыли накрыл мусульман и помешал им сражаться, обращается с такими словами к ветру: *“О ветер, направь свое дыхание против наших врагов!”* Буря, добавляет тот же историк, повиновалась голосу этого святого человека, и победа была наградой воинам исламизма. Мы сообщаем здесь об этом обстоятельстве только для того, чтобы показать дух, который воодушевлял мусульман в их войнах против христиан. Сарацинам не требовалось чуда, чтобы одержать победу над рассеянной армией, состоящей из столь небольшого числа бойцов. Арьергард христиан, постоянно преследуемый и непрестанно атакованный, с большим трудом добрался до маленького городка Миниех.[316] Король в сопровождении нескольких рыцарей вошел перед войсками в город, где он приземлился слабым, “как ребенок на коленях матери”, - говорит Жуанвиль. Усталость, болезнь и горе, которые причиняли ему подобные бедствия, настолько одолели его, что все поверили (мы по-прежнему цитируем того же автора), что он вот-вот умрет.

Бесстрашный Гоше де Шатийон следил за его безопасностью; в одиночку он долгое время защищал вход в узкую улочку, которая вела к дому, в котором его верные слуги пытались вернуть измученного монарха к жизни. В какой-то момент он молниеносно бросился на неверных, рассеял их, изрубил; затем, повернувшись, чтобы вытащить из своей кирасы и даже из своего тела стрелы, которыми он был утыкан, он снова бросился на врага, время от времени приподнимаясь на стременах и крича изо всех сил: “Шатийон, рыцари! Шатийон, спешите на помощь! Где вы, мои доблестные люди?” Остатки арьергарда все еще были на некотором расстоянии; никто не появился, но сарацины, напротив, подошли толпами; наконец, подавленный численностью, оцетинившийся стрелами и покрытый ранами, он упал; никто из крестоносцев не смог прийти ему на помощь, никто не смог стать свидетелем его героического конца! Его конь, покрытый кровью и пеной, стал добычей неверных, а о его последних подвигах поведал мусульманский воин, который обнажил свой меч и хвастался тем, что убил храбрейшего из христиан.

Арьергард отступил на соседний холм и все еще оборонялся с некоторым преимуществом. Филипп де Монфор, командовавший ими, пришел сообщить королю, что он только что видел эмира, с которым они договаривались о приостановке военных действий в лагере Мансура; и если ему будет угодно, он пойдет и поговорит с ним об этом снова. Монарх согласился, пообещав подчиниться условиям, которые сначала выдвинул султан. Каким бы плачевным ни было положение крестоносцев, они все равно внушали немалый страх своим врагам. Пятьсот рыцарей остались при оружии, и многие из тех, кто прошел мимо Миниех, вернулись, чтобы оспорить победу у сарацин. Эмир принял предложение о перемирии. Монфор, в залог своего слова, подарил ему кольцо, которое он носил на пальце. Их руки уже соприкоснулись, когда *предатель, негодяй-привратник* по имени Марсель, громко закричал: “Сеньоры, благородные французские рыцари, сдавайтесь все, король приказывает вам через меня; не дайте его убить!” При этих последних словах ужас стал всеобщим; они поверили, что жизнь монарха в большой опасности, и все вожди, офицеры и солдаты сложили оружие.

Эмир, который начал вести переговоры о мире, заметил эту внезапную перемену и прервал переговоры, сказав: “Не принято вести переговоры с побежденными врагами”. Вскоре после этого один из главных эмиров, Джемаль-эддин, вошел в Миниех. Найдя короля в окружении его плачущих слуг, он овладел его персоной и, не обращая никакого внимания на королевское величие, без всякого уважения к величайшим несчастьям, приказал надеть цепи на его руки и ноги; с этого момента крестоносцы не были в безопасности. Оба брата короля попали в руки неверных; все те, кто добрался до Фарескура, были схвачены и лишились либо жизни, либо свободы. Многие из них могли бы добраться до Дамьетты, но когда они узнали о пленении короля, они потеряли все силы или присутствие духа, чтобы продолжать свой путь или защищаться. Эти рыцари, еще недавно такие бесстрашные, оставались неподвижными на больших дорогах и позволяли убивать себя или заковывать в кандалы, не высказывая ни малейшей жалобы или не оказывая ни малейшего сопротивления. Орифламма, другие штандарты и багаж - все стало добычей сарацин. Среди сцен резни мусульманские воины произносили самые ужасные проклятия в адрес Иисуса Христа и его защитников: они топтали ногами, они оскверняли оскорблениями кресты и священные изображения - главный повод для скандала и отчаяния христиан, которые, увидев своего короля, закованного в цепи, увидели, что их Бог предан бесчинствам завоевателя!

Крестоносцев, вышедших на берег Нила, постигла не лучшая участь; все суда христиан, за исключением корабля легата, были потоплены бурей, сожжены греческим огнем или захвачены мусульманами. Толпы сарацин, собравшиеся на берегу или на борту баркасов, приносили в жертву все, что попадалось под руку. Они не щадили ни женщин, ни больных. Жадность, а не человечность, спасала тех, кто мог рассчитывать на выкуп. Сьер де Жуанвиль, все еще страдавший от своих ран и болезни, свирепствовавшей в лагере Мансуры, сел на корабль с двумя единственными оставшимися у него рыцарями и несколькими своими слугами. Четыре мусульманские галеры подошли к его судну, которое только что бросило якорь посреди реки, и солдаты пригрозили им немедленной смертью, если они немедленно не сдадутся. Сенешаль обсудил со своей свитой, что лучше всего предпринять в условиях такой неминуемой опасности: все согласились, что самым благоразумным было бы сдаться, за исключением одного из его духовных лиц, который сказал, что лучше всего было бы быть убитым, чтобы они могли сразу попасть в Рай; но остальные не пожелали подчиниться. Затем Жуанвиль взял небольшой сундучок и, вынув из него драгоценности и реликвии, которые в нем находились, бросил их в воду и сдался по своему усмотрению. Вопреки законам военного времени, сенешаль был бы убит, если бы ренегат, знавший его, не закрыл его своим телом, крича: “Это кузен короля!” Жуанвиля, едва державшегося на ногах, втащили на мусульманскую галеру, а оттуда перевезли в дом недалеко от берега. Поскольку они сняли с него кольчугу и он остался почти без прикрытия, сарацины, пленником которых он был, дали ему маленькую шапочку, которую он надел себе на голову, а на плечи набросил свой собственный алый плащ, отороченный мехом миневры, который дала ему его мать: он весь дрожал, как от болезни, так и от великого страха, овладевшего им. Будучи не в состоянии проглотить стакан воды, который ему дали, он решил, что умирает, и созвал вокруг себя своих слуг, которые все заплакали. Среди тех, кто плакал горше всех, был маленький мальчик, внебрачный сын сеньора Монфокона. Этот ребенок, увидев гибель людей, которые заботились о нем, бросился в объятия Жуанвиля и под его защиту. Вид покинутого младенца и отчаяние достойного сенешаля возбудили сострадание некоторых присутствовавших эмиров, и один из них, которого Жуанвиль в одно время называл *добрым сарацином*, а в другое - *бедным сарацином*, сжалился над мальчиком, и когда он уходил

от сенешаля, он сказал ему: “Обязательно держи этого маленького ребенка постоянно за руку, или я уверен, сарацины убьют его”.

Резня затянулась на значительное время после битвы; она продолжалась в течение многих дней. Все пленники, избежавшие первой ярости мусульманских солдат, были высажены на берег; и горе тем, кто ослабел от болезни или обнаружил признаки бедности! чем более достойными жалости были жертвы, тем больше они возбуждали варварство завоевателей. Воины, вооруженные мечами и булавами, призванные привести в исполнение страшный приговор победы, ожидали пленников на берегу. Иоанн де Ваасси, священник, и несколько других слуг, принадлежавших Жуанвилю, выползли с кораблей в предсмертном состоянии: сарацины завершили работу на глазах у своего господина, заявив, что эти бедняги ни на что не годны и не могут заплатить ни за свою свободу, ни за свои жизни.

В эти дни бедствий более тридцати тысяч христиан лишились своих жизней, были убиты на поле боя, утонули в Ниле или были убиты после боя. Весть об этой победе, одержанной мусульманами, вскоре распространилась по всему Египту. Султан Каира написал губернатору Дамаска, чтобы сообщить ему о последних победах исламизма. “Давайте возблагодарим, ” сказал он в своем письме, “ Всемогущего, который превратил нашу печаль в радость; только ему одному мы обязаны славой нашего оружия; благословения, которыми он соизволил одарить нас, неисчислимы, и последнее - самое драгоценное из всех. Ты объявишь народу Дамаска, или, скорее, всем мусульманам, что Бог позволил нам одержать полную победу над христианами в тот момент, когда они замыслили наше разорение”.^[317]

На следующий день после того, как христианская армия сложила оружие, король Франции был доставлен в Мансуру на борту военного корабля, сопровождаемого большим количеством египетских судов. Трубы и барабаны разносили звуки триумфа на огромное расстояние. Египетская армия в боевом порядке прошла вдоль восточного берега Нила по мере продвижения флота. Все пленные, которых пощадила ярость врага, последовали за мусульманскими войсками со связанными за спиной руками. Арабы были с оружием в руках на западном берегу, и толпа стекалась отовсюду, чтобы стать свидетелями этого странного зрелища. По прибытии в Мансуру Людовик IX. был заключен в доме Факреддина бен Локмана, секретаря султана, и отдан под охрану евнуха Сабиха. Остальных военнопленных приняли на обширном участке, окруженном земляными стенами и охраняемом самыми свирепыми мусульманскими воинами.

Известие об этих бедствиях вызвало ужас и отчаяние в городе Дамьетта, над стенами которого все еще развевался французский штандарт. Сначала ходили сбивчивые сообщения, но вскоре несколько крестоносцев, спасшихся от резни, объявили, что вся христианская армия погибла. Королева Маргарита была на грани заключения: ее охваченное ужасом воображение в один момент представило ей своего мужа, падающего от мечей врага, а в следующий - сарацин у ворот города. Ее эмоции стали настолько сильными, что слуги подумали, что она умирает. Рыцарь более восьмидесяти лет служил ей в качестве оруженосца и не покидал ее ни днем, ни ночью. Эта несчастная принцесса, после того как на мгновение заснула, рыдая, вскочила в величайшем ужасе, вообразив, что ее комната полна сарацин, собирающихся убить ее. Старый рыцарь, который держал ее за руку, пока она спала, пожал ее и сказал: “Не бойтесь, мадам, я с вами”. Через мгновение после того, как она снова закрыла глаза, она снова проснулась и издала громкие и полные страха крики, а серьезный оруженосец снова успокоил ее. Наконец,

чтобы освободить себя от этих жестоких будильников, королева приказала каждый покинуть ее покои, кроме своего рыцаря, а затем, бросив сама встала на колени перед ним, с глазами, полными слез, она воскликнула: “сэр рыцарь, обещать, что вы будет предоставлять услугу я собираюсь тебя попросить.” Он обещал после своей присяги. Затем Маргарита продолжила: “Я требую от вас, на основании того, что вы поклялись мне, что, если сарацины возьмут этот город, вы скорее отрубите мне голову, чем позволите мне стать их пленницей”. “Конечно, я сделаю это, - ответил старый рыцарь. - Я намеревался сделать это, если это случится!”[318]

На следующий день королеве принесли в постель сына, которого называли Жан Тристан из-за печальных обстоятельств, в которых он родился. В тот же день ее слуги сообщили ей, что пизанцы и многие крестоносцы из приморских городов Европы желают покинуть Дамиетту и вернуться в свои дома. Маргарита приказала привести к ее постели их предводителей и сказала им: “Сеньоры, ради всего Святого, не покидайте этот город; его потеря повлечет за собой гибель короля и всей христианской армии. Будьте тронуты моими слезами, сжальтесь над бедным ребенком, которого вы видите лежащим рядом со мной!” Генуэзских и пизанских купцов эти слова поначалу почти не тронули. Жуанвиль с горечью упрекает их в недостатке сочувствия к делу Христа или к делу человечества. Когда они ответили королеве, что у них не осталось провизии, эта принцесса приказала немедленно скупить всю провизию в Дамиетте и велела объявить генуэзцам и пизанцам, что с этого времени они должны содержаться за счет короля. Таким образом, город Дамиетта сохранил гарнизон и защитников, чье присутствие произвело на сарацин большее впечатление, чем их доблесть. Утверждается даже, что мусульмане после победы при Минихе, желая застать врасплох Дамиетту, предстали перед стенами, облаченные в доспехи и неся знамена побежденных христиан; но их выдавал их язык, длинные бороды и бронзовые лица. Когда христиане в большом количестве показались на крепостных валах, враг поспешно отступил из города, который, как они полагали, был настроен защищаться, но в котором на самом деле царили только уныние и страх.

В это время Людовик IX. в Мансуре было спокойнее, чем в Дамьетте. То, что несчастье является самым горьким для возвышенных мира сего, только способствовало развитию в нем добродетели христианского героя и характера великого короля. Ночью на нем не было ничего, кроме грубой сутаны, которой он был обязан милосердию другого заключенного. В таком состоянии он ни разу не обратился с петицией к своим врагам, и тон его речи не выражал ни страха, ни покорности. Один из его жертвователей впоследствии засвидетельствовал под присягой, что Людовик никогда не выказывал ни малейшего отчаяния или нетерпения вырваться от него. Мусульмане были поражены такой покорностью и говорили между собой, что если когда-нибудь их пророк оставит их жертвами таких великих невзгод, они откажутся от его веры и поклонения. Из всех своих богатств Людовик сохранил только книгу псалмов, слишком бесплодную добычу, чтобы заслуживать внимания сарацин; и когда весь мир, казалось, покинул его, только эта книга утешала его в несчастьях. Он каждый день читал гимны пророков, в которых сам Бог говорит о своей справедливости и милосердии, успокаивает добродетель, которая страдает от его имени, и угрожает своим гневом тем, кого опьяняет процветание и кто злоупотребляет своим триумфом.

Таким образом, религиозные чувства и воспоминания поддерживали мужество Людовика даже в оковах; и благочестивый монарх, каждый день подвергавшийся новым опасностям среди мусульманской армии, которую он раздражал своими победами, все еще мог восклицать

вместе с королем-пророком: “Поддерживаемый живым Богом, который является моим щитом и моей славой, я не побоюсь толпы врагов, расположившихся лагерем вокруг меня”.

Султан Каира, по-видимому, склонный смягчить свою жесткую политику, прислал Людовику пятьдесят великолепных платьев для себя и придворных из его свиты. Людовик отказался облачиться в них, заявив, что он правитель более великого королевства, чем Египет, и что он никогда не наденет ливрею иностранного принца. Альмоадам приказал приготовить большой пир, на который пригласил короля. Но Людовик не принял этого приглашения, так как был убежден, что оно было сделано только для того, чтобы выставить его в качестве зрелища для мусульманской армии. Наконец султан прислал к нему своих самых искусных лекарей и сделал все, что мог, чтобы спасти принца, которому он предназначил украсить свой триумф и с помощью которого он надеялся получить преимущества, связанные с его последней победой. Вскоре он предложил королю разорвать свои цепи при условии, что тот отдаст Дамиетту и города Палестины, которые все еще находились под властью франков. Людовик ответил, что христианские города Палестины ему не принадлежат; что Бог недавно передал Дамиетту в руки христиан и что никакая человеческая сила не имеет права распоряжаться ею. Султан, раздраженный этим отказом, решил прибегнуть к насилию. В одно время он угрожал Людовику отправить его к багдадскому халифу, который заключит его в темницу до самой смерти; в другое время он объявил о намерении провести своего прославленного пленника по всему Востоку и показать всей Азии царя христиан, обращенных в рабство. Наконец он зашел так далеко, что пригрозил поместить его в “*Берниклз*”,^[319] страшное наказание, предназначенное для величайших преступников. Людовик по-прежнему проявлял твердость и в качестве единственного ответа на все эти угрозы сказал: “Я пленник султана, он может делать со мной все, что ему заблагорассудится”.

Король Франции страдал, хотя и не жаловался; он ничего не боялся за себя, но когда он думал о своей верной армии и о судьбе других пленников, его сердце наполнялось глубочайшей скорбью. Пленники-христиане были сгрудлены в одном открытом дворе, одни больные, другие раненые, большая часть голых, и все они подвергались голоду, повреждениям от непогоды и жестокому обращению со стороны своих безжалостных охранников. Мусульманину было приказано написать имена всех этих несчастных пленников, число которых составляло более десяти тысяч. Они привели всех, кто мог купить себе свободу, в огромную палатку; остальные остались на том месте, куда их загнали, как стадо животных, обреченных на мучительную гибель. Каждый день эмир по приказу султана входил в эту обитель отчаяния и приказывал выволакивать из ограды две или три сотни заключенных. Их спросили, отрекутся ли они от религии Христа, и те, кого страх смерти побудил оставить свою веру, получили свободу; остальные были преданы мечу, а их тела брошены в Нил. Их убивали ночью; тишина и темнота усугубляли ужасы казни. В течение нескольких дней стала палача таким образом истребляла несчастных узников. Никто никогда не видел, чтобы вернулся тот, кто вышел из ограды. Их печальные товарищи, прощаясь с ними, заранее оплакивали их трагический конец и жили в некотором ожидании подобной участи. В конце концов, усталость от резни привела к тому, что тех, кто остался, пришлось пощадить. Их увели в Каир; и столица Египта, в которую они тешили себя надеждой, что войдут с триумфом, увидела, как они прибыли, одетые в лохмотья и увешанные цепями. Их бросили в темницы, где многие умерли от голода и горя; остальные, приговоренные к рабству в чужой стране, лишены всякой помощи и всякой связи со своими лидерами, не зная, что стало с их королем, были лишены надежды когда-либо обрести свободу или вернуться на Запад.

Восточные историки относятся к только что описанным нами сценам с безразличием; многие даже, кажется, рассматривают массовое убийство военнопленных как вторую победу; и, как будто несчастье и убийство безоружного врага могли приумножить славу завоевателя, они преувеличивают в своих рассказах страдания побежденных, и особенно количество жертв, принесенных в жертву исламу.

Бароны и рыцари, запертые в шатре, не были в неведении о судьбе своих товарищей по оружию; они проводили свои дни и ночи в непрерывных страхах. Султан хотел получить от них то, чего он не смог добиться от Людовика IX. Он послал эмира сообщить им, что отпустит их на свободу, если Дамietta и христианские города Палестины будут возвращены мусульманам. Граф Бретани ответил от имени всех пленных, что то, о чем их просят, не в их власти и что у французских воинов нет иной воли, кроме воли своего короля. “Совершенно очевидно, - сказал посланник Альмоадама, - что вы очень мало заботитесь о свободе или жизни. *Вы увидите людей, привыкших к игре на мечах.* Эмир удалился, оставив пленников в ожидании скорой смерти. Орудие наказания было выставлено перед ними. Меч несколько дней оставался подвешенным над их головами; но Альмоадам не смог повлиять на их стойкость. Таким образом, ни пленение целой армии, ни гибель стольких воинов не смогли лишить христиан ни одного из их завоеваний, и один из оплотов Египта все еще был в их руках. Победители молились и угрожали по очереди; побежденные сопротивлялись всем их попыткам и всегда казались хозяевами.

Тем временем несколько французских дворян предложили заплатить выкуп за себя. Людовику сообщили об этом; и поскольку он опасался, что многие, не имея средств искупить свою вину, останутся в цепях, он запретил какой-либо конкретный договор. Бароны и рыцари, еще недавно такие несговорчивые, не стали упорствовать в противодействии воле несчастного короля и немедленно отказались от всякой мысли о сепаратных переговорах. Король сказал, что заплатит за всех и что он никогда не будет думать о своей собственной свободе, пока не убедится в этом для всех остальных.

Пока султан Каира предпринимал таким образом бесполезные попытки побороть гордыню и принизить мужество Людовика и его рыцарей, фавориты, которых он привез с собой из Месопотамии, настаивали на скорейшем заключении мира. “У тебя есть, - сказали они ему, - враги гораздо более опасные, чем христиане; это эмиры, которые хотят царствовать вместо тебя и которые не перестают хвастаться своими победами, как будто ты сам не победил франков, как будто Бог Магомета не наслал мор и голод, чтобы помочь тебе одержать победу над защитниками Христа: поспеши же прекратить войну, чтобы ты мог укрепить свою власть внутри и начать царствовать”. Эти речи, льстившие самолюбию Альмоадама, побудили его сделать своим врагам гораздо более разумные предложения. Султан ограничил свое требование выкупом в миллион золотых византов и возвращением Дамiette. Людовик, понимая, что город Дамietta не сможет устоять, согласился на предложения, которые были ему сделаны, *если королева одобрит их*. Поскольку мусульмане выразили некоторое удивление по этому поводу, король добавил: “Королева - моя госпожа, я ничего не могу сделать без ее согласия.” Министры султана вернулись во второй раз и сказали французскому монарху, что, если королева выплатит оговоренную сумму, он будет свободен. “Короля Франции, - ответил он, - нельзя выкупить деньгами; город Дамietta будет отдан за мое освобождение”,^[320] и миллион византийских золотых, заплаченных за содержание моей армии”. Султан согласился на все; и, то ли он был доволен прекращением переговоров, то ли его тронул благородный характер, проявленный

пленным монархом, он уменьшил сумму, назначенную в качестве выкупа христианской армии, на пятую часть.

Рыцари и бароны все еще не знали о заключении договора и предавались своим обычным меланхолическим размышлениям, когда увидели старого сарацина, входящего в их шатер. Его почтенная фигура и серьезность осанки внушали уважение. Его свита, состоящая из вооруженных людей, внушала страх. Старик без всякой предварительной беседы спросил заключенных через переводчика, правда ли, что они верят в Бога, рожденного женщиной, распятого ради спасения рода человеческого и воскрешенного на третий день? Все сразу ответили, что такова была их вера: “В таком случае, - добавил он, - поздравьте себя с тем, что вы пострадали за своего Бога; вы еще далеки от того, чтобы страдать за него так же сильно, как он страдал за вас. Возлагайте на него свои надежды, и если он смог вернуть себя к жизни, он не захочет власти, чтобы положить конец злу, от которого вы сейчас страдаете ”.

Сказав эти слова, старый мусульманин удалился, оставив крестоносцев раздираемыми между удивлением, страхом и надеждой. На следующий день им объявили, что король заключил перемирие и желает посоветоваться со своими баронами. Иоанн де Валлери, Филипп де Монфор, а также Ги и Болдуин д'Ибелен были отправлены прислуживать королю. Прошло незадолго до того, как крестоносцы узнали, что их плену вот-вот придет конец и что король выплатил выкуп как бедным, так и богатым. Когда эти храбрые рыцари обращали свои мысли к своим победам, они никак не могли понять, как это могло случиться, что они попали в руки неверных; и когда они размышляли о своих недавних несчастьях, их освобождение казалось им столь же чудесным. Все возвысили свои голоса, вознося хвалу Богу и благословляя короля Франции.

Все города Палестины, принадлежавшие христианам к моменту прихода крестоносцев на Восток, были включены в договор. С обеих сторон военнопленные, взятые после перемирия, заключенного между императором Фридрихом и Мелик-Камелем, должны были быть выданы. Было также решено, что военное снаряжение и машины, принадлежащие христианской армии, временно останутся в Дамiette под охраной султана Египта.

Затем это стало целью выполнения условий мирного договора. Были подготовлены четыре большие галеры для перевозки основных заключенных в устье Нила. Султан покинул Мансуру и направился в Фарескур по суше.

После битвы при Минихе в этом городе был возведен огромный дворец, построенный из еловых бревен, помпезные описания которого сохранились в хрониках того времени. Именно в этом дворце Альмоадам принимал поздравления мусульман по случаю счастливого исхода войны с врагами исламизма. Все города, все княжества Сирии прислали послов, чтобы приветствовать победителя христиан. Губернатор Дамаска, которому он послал шлем, найденный на поле битвы и принадлежавший королю Франции, ответил ему так: “Нет сомнения, что Бог предназначает тебе завоевание вселенной или что ты будешь идти от победы к победе; кто может сомневаться в этом, когда мы уже видим твоих рабов, одетых в трофеи побежденных королей?” Так молодой султан упивался опьяняющими звуками похвал и проводил время в празднествах и удовольствиях мира, забыв о заботах своей империи и не предвидя ни одной из опасностей, которые угрожали ему во время его триумфов.

Альмоадам опозорил и лишил своих должностей многих министров своего отца; большинство эмиров боялись подобного падения, и этот страх даже побудил их пойти на все ради сохранения своего состояния и своих жизней. Среди этих недовольных наиболее заметными были мамлюки и их лидер. Это военное подразделение было обязано своим происхождением Саладину, и они пользовались величайшими привилегиями при предыдущем правлении. Они упрекали султана в том, что он предпочитает молодых фавориток старым воинам, опоре трона и спасителям Египта. Они упрекали его в том, что он заключил мир, не посоветовавшись с теми, кто нес бремя войны, и в том, что он раздал добычу побежденных придворным, которые заслужили ее только тем, что пришли с берегов Евфрата на берега Нила. Чтобы заранее оправдать все, что они могли предпринять против принца, они приписывали ему проекты самого зловещего характера; и зарождающееся восстание разожглось перечислением будущих преследований. Были назначены эмиры, которым предстояло умереть; были названы орудия смерти, был назначен день, все было назначено, все было готово. Утверждалось, что султан во время одной из своих ночных оргий срезал верхушки факелов в своих покоях, восклицая: “Так полетят головы всех мамлюков”. Женщина оживляла умы воинов своими речами: это был Чеггер-Эддур, который, расправившись с империей, не мог вынести пренебрежения со стороны нового султана. От жалоб они вскоре перешли к открытому бунту, ибо было менее опасно нападать на принца с мечом в руке, чем сколь угодно долго выступать против него. Был составлен заговор, в котором участвовали мамлюки и все эмиры, которым было за что мстить или которых они боялись. Заговорщикам не терпелось осуществить свой план, и, опасаясь, что султан, если он прибудет в Дамьетту, может ускользнуть от них, они решили довести его до конца в Фарескуре.

Галеры, перевозившие христианских пленников, прибыли к этому городу. Король высадился вместе с принцами, своими братьями, и был принят в павильоне, где у него состоялась беседа с султаном. История ничего не говорит об этой встрече двух государей, которые в равной степени привлекали к себе внимание и чье положение было столь разным: один, опьяненный своими победами, ослепленный своим процветанием; другой, победивший неудачу, гораздо лучше выдержал испытание невзгодами.

Два монарха назначили субботу, канун Вознесения Господня, для оставления Дамьетты. Согласно этому соглашению, крестоносцам, которых более месяца держали в цепях, оставалось только терпеть муки плена еще три дня; но их ждали новые несчастья, и их мужество и покорность были обречены на дальнейшие испытания. На следующий день после их прибытия в Фарескур султан Каира в ознаменование заключения мира решил устроить банкет для высших офицеров мусульманской армии. Заговорщики воспользовались этой возможностью, и ближе к концу трапезы все бросились на него с мечами в руках. Бендокдар нанес первый удар. Альмоадам, будучи всего лишь ранен в руку, встает в состоянии испуганного изумления, сбегает через своих неподвижных охранников, находит убежище в башне, закрывает за собой дверь и появляется в окне, иногда умоляя о помощи, а иногда требуя от заговорщиков того, чего они от него требовали. Посланник багдадского халифа находился в Фарескуре. Он сел на коня, но мамлюки пригрозили ему немедленной смертью, если он не вернется в свой шатер. В тот же момент зазвучали барабаны, подавая сигнал к сбору войск; но руководители заговора сообщили солдатам, что Дамьетта взята, и немедленно вся армия бросилась по дороге к этому городу, оставив султана на милость людей, жаждавших его крови. Мамлюки обвиняют и угрожают ему. Он пытается оправдаться, но его слова тонут в шуме. Тысячи голосов взывают к нему, чтобы он спустился; он колеблется; он стонет; он плачет; стрелы ливнем летят в башню; греческий огонь, летящий со всех сторон, порождает пожар.

Альмоадам, почти окруженный пламенем, выпрыгивает из окна; гвоздь цепляется за его мантию, и он на мгновение застывает в подвешенном состоянии. Наконец он падает на землю; сабли и обнаженные мечи взмахивают над ним со всех сторон; он бросается на колени к ногам Октая, одного из главных офицеров его гвардии, который с презрением отталкивает его. Несчастный принц встает, простирая свои умоляющие руки ко всему собранию, говоря, что он готов отказаться от египетского трона и вернуться в Месопотамию. Эти мольбы, недостойные принца, внушают скорее презрение, чем жалость; тем не менее толпа заговорщиков колеблется; но лидеры слишком хорошо знают, что для них не может быть никакой безопасности, кроме как завершить начатое ими преступление. Бендокдар, нанесший первый удар, наносит ему второй удар своей саблей; Альмоадам, истекая кровью, бросается в Нил и пытается догнать несколько судов, которые, по-видимому, приближаются к берегу, чтобы принять его; девять мамелюков следуют за ним в воду и осыпают его тысячью ударов в пределах видимости галеры, на борту которой был Жуанвиль!^[321]

Таков был конец Альмоадама, который не знал ни как править, ни как умереть. Арабские авторы указывают как на примечательное обстоятельство, что он погиб сразу от меча, огня и воды. Те же авторы сходятся во мнении, что он сам спровоцировал свою гибель своей неосторожностью и несправедливостью. Но восточная история, привыкшая превозносить успех и обвинять всех, кто уступает, повторяет жалобы мамлюков, не рассматривая их; и, легкомысленно касаясь этой революции, довольствуется словами: *“Когда Бог желает события, он заранее подготавливает причины”*.

Нил и его берега представляли в тот момент два совершенно разных зрелища: на одной стороне был принц, наслаждающийся всей пышностью величия, всеми триумфами победы, убитый собственной стражей; на другой - несчастный король, окруженный своими рыцарями, такими же несчастными, как и он сам, внушающий им больше уважения в своих невзгодах, чем когда он был окружен всем блеском процветания и власти. Французские рыцари и бароны, хотя они и были жертвами варварства султана, испытывали скорее изумление, чем радость при виде его трагической смерти; они не могли постичь убийственного нападения мамлюков; и эти революции военного деспотизма, находящегося в состоянии войны с самим собой, наполняли их ужасом.

После этой кровавой сцены тридцать сарацинских офицеров с мечами в руках и боевыми топорами на плечах вошли на галеру, на которой находились графы Бретань и де Монфор, Болдуин и Ги д'Ибелен, а также сьер де Жуанвиль. Эти разъяренные люди изрыгали проклятия и, угрожая пленникам голосом и жестами, заставляли их поверить, что настал их последний час. Воины-христиане приготовились к смерти и, упав на колени перед монахом Троицы, попросили у него отпущения своих грехов; но так как священник не мог расслышать их всех сразу, они исповедались друг другу. Ги д'Ибелен, констебль Кипра, признался Жуанвилю, который дал ему “такое отпущение грехов, какое Бог дал ему в силах дать”. Таким образом, в последующие времена история представляет шевалье Байяра, смертельно раненного и готового умереть, исповедующимся у подножия дуба одному из своих верных товарищей по оружию.^[322]

Но эти угрозы и насилие эмиров могли иметь политическую цель. По завершении заговора, разделившего умы людей, чтобы пробудить новые страсти, вождям было необходимо возбудить фанатизм толпы и направить всеобщую ярость против христиан. Для них было важно заставить

других поверить, и они могли бы поверить в это сами, что Альмоадам пытался найти убежище среди врагов исламизма.

Лордов и баронов постигла не та участь, которой они ожидали; но, как будто их взаимопонимание с Альмоадамом действительно вызывало опасения, их бросили в трюм судна, где они провели ночь с ужасными образами смерти, постоянно стоящими у них перед глазами.

Людовик, запершийся в своей палатке вместе с братьями, услышал шум. Не зная о происходящем, он пришел к выводу, что либо они убивали французских пленных, либо Дамьетта была взята. Его охватил тысячу ужасов, когда он увидел Октая, вождя мамлюков, входящего в его палатку. Этот эмир приказал стражникам удалиться и, указывая на свой окровавленный меч, воскликнул: “Альмоадама больше нет; что ты дашь мне за то, что я избавил тебя от врага, который замышлял уничтожить тебя так же, как и нас?” Луис ничего не ответил. Тогда разъяренный эмир, выставив острие своего меча, воскликнул: “Разве ты не знаешь, что я хозяин твоей особы? Сделай меня рыцарем, или ты покойник”. “Сделай себя христианином, - ответил монарх, - и я сделаю тебя рыцарем”.^[323] Не настаивая больше, Октай удалился, и за очень короткое время палатка короля наполнилась сарацинскими воинами, вооруженными саблями и мечами. Их поведение, их крики, ярость, написанная на их лицах, достаточно ясно свидетельствовали о том, что они только что совершили великое преступление и что они готовы совершить другие; но каким-то чудом, внезапно изменив и выражение лица, и речь при виде короля, они подошли к нему с уважением; затем, как будто почувствовав в присутствии Людовика необходимость оправдаться, они сказали ему, что были вынуждены убить тирана, который стремился уничтожить их так же, как христиан; теперь, добавили они, им осталось только забыть прошлое; все, что им требовалось на будущее, - это добросовестное выполнение договора, заключенного с Альмоадамом. Затем, подняв руки к своим тюрбанам и опустив брови к земле, они молча удалились, оставив монарха в состоянии изумления при виде того, как они таким образом разом перешли от приступов ярости к чувствам, по-видимому, самым уважительным.

Эта необычная сцена заставила некоторых историков сказать, что мамлюки предложили трон Египта Людовику Святому. Это мнение довольно укрепилось в наши дни, настолько легко нам верить всему, что кажется благоприятным для славы французского имени. Сьер де Жуанвиль, которого цитируют в подтверждение этого утверждения, лишь пересказывает свой разговор с Луи. Король спросил его, что, по его мнению, он должен был бы сделать, если бы эмиры предложили ему верховную власть. Добрый сенешаль понимал, что невозможно принять корону из рук этих мятежных эмиров, убивших своего государя. Людовик не придерживался такого мнения и сказал, что, действительно, если бы они предложили ему стать преемником султана, он бы ни в малейшей степени не отказался от этого (*что такое отказ*).^[324] Одни только эти слова достаточно доказывают, что пленному монарху они ничего не предлагали. Жуанвиль, правда, добавляет к этому рассказу, что, согласно сообщениям, которые были распространены в христианской армии, эмиры приказали трубить в трубы и бить в барабаны перед палаткой короля Франции, и что в то же время они обсуждали между собой, не лучше ли было бы разорвать цепи своего пленника и сделать его своим повелителем. Сьер де Жуанвиль сообщает об этом факте, не подтверждая его; и поскольку восточная история хранит по этому поводу глубочайшее молчание, историк наших дней не может принять его, не поставив под угрозу свою правдивость. Без сомнения, возможно, что эмиры выразили желание иметь среди себя принца, обладающего твердостью, храбростью и добродетелями Людовика IX.; но как можно поверить,

что мусульмане, воодушевленные двойным фанатизмом религии и войны, могли хотя бы на мгновение помыслить о выборе абсолютного повелителя среди христиан, с которыми они только что обошлись с беспримерным варварством; и таким образом отдать свою собственность, свою свободу, свою жизнь в руки самых непримиримых врагов своей страны, своих законов и своей религии? вера?

Верховная власть, к которой эмиры проявляли такую ревность и которую они с таким насилием вырвали из рук Альмоадама, поначалу, казалось, устрасила их честолюбие, когда в их власти было распорядиться ею. На совете, созванном для назначения султана, мудрейший отказался править страной, полной проблем, или командовать армией, охваченной духом мятежа. После их отказа корона была передана Чеггер-Эддуру, который внес столь большой вклад сначала в возвышение, а затем и в падение Альмоадама. Наместником при ней в качестве атабека они выбрали Эзз-Эддина Айбека, которого привезли рабом в Египет и чье варварское происхождение принесло ему фамилию *туркмена*.

Новая султанша вскоре прибыла в Фарескур и была провозглашена под именем Мостассемие Салехие, королевы мусульман, матери Малек-Альмансора Халила. Альмансор Халил, молодой принц, сын Негмеддина, проводил своего отца до гробницы. Так закончилась могущественная династия айубитов, династия, основанная победой и свергнутая армией, которую гордость победой сделала мятежной. Пока они таким образом формировали новое правительство, тело Альмоадама было оставлено на берегу Нила, где оно оставалось два дня без погребения. Посол от халифа Багдада, наконец, получил разрешение похоронить его и поместил в неизвестном месте печальные останки последнего преемника Саладина.

Возвышение Чеггер-Эддура поразило мусульман; до того времени имя женщины или рабыни никогда не было выгравировано на монетах или произнесено в публичных молитвах. Халиф Багдада протестовал против скандального нововведения; и когда он впоследствии написал эмирам, он спросил их, не смогли ли они найти ни одного человека во всем Египте, который управлял бы ими. Верховная власть, переданная в руки женщины, не могла ни обуздать страсти, волновавшие империю, ни добиться соблюдения международных договоров, что стало весьма пагубным для христиан, обреченных поочередно страдать от восстания и покорности, от союза и раздора их врагов.

Среди эмиров некоторые желали, чтобы договор, заключенный с султаном, был приведен в исполнение; в то время как другие желали, чтобы был заключен новый: многие были возмущены тем, что с христианами вообще так обращаются. После долгих дебатов они вернулись к тому, что было сделано вначале, добавив к этому условие, что король Франции должен выдать Дамьетту до того, как его освободят, и что он должен заплатить половину согласованной суммы для выкупа себя и своей армии, прежде чем покинет берега Нила. Эти последние условия свидетельствовали о недоверии эмиров и могли дать пленным христианам повод опасаться, что день их освобождения еще не наступил.

Когда требовалось принести присягу в соблюдении договора, формы присяг вызвали некоторую дискуссию. Эмиры поклялись, что, если они не выполнят своих обещаний, “они согласятся, чтобы над ними насмеялись, как над паломником, совершающим путешествие в Мекку с непокрытой головой; или же чтобы их презирали так же сильно, как того, кто забирает своих женщин после того, как бросил их”. Мусульмане, согласно их манерам и обычаям, не имели более торжественного выражения, которым можно было бы подтвердить свою клятвенную веру.

Они предложили Людовику IX. следующую формулу: “Если я не сдержу свою клятву, я буду подобен тому, кто отвергает своего Бога, кто плюет на крест и попирает его ногами”. Эта формула клятвы, которую они хотели, чтобы король принес, показалась ему оскорблением Бога и его самого. Он отказался произнести ее. Напрасно эмиры выказывали свой гнев и свою страсть; он не обращал внимания на все их угрозы. Это сопротивление Людовика Святого, прославляемое его современниками, возможно, не удостоится таких восхвалений в эпоху, в которую мы сейчас живем; тем не менее следует учитывать, что в тот раз короля сдерживали не только угрызения совести из-за преувеличенной преданности, но и чувство королевского достоинства. Можно вспомнить, что во время третьего крестового похода Ричард и Саладин сочли недостойным величия королей низводить свое слово до формулы клятвы и удовлетворились прикосновением руки, чтобы скрепить мир. Мятежные эмиры, все еще запятнанные кровью своего повелителя, могли недооценивать достоинство высшего ранга; но в важных случаях Людовик никогда не забывал, что он великий король; и предположение о лжесвидетельстве, даже мысль о богохульстве не могли сочетаться в его сознании с характером христианского монарха и короля Франции.

Мусульмане, раздраженные тем, что царь в оковах диктует им законы и сопротивляется всем их требованиям, начали поговаривать о предании его смерти с применением пыток. “Вы хозяева моего тела,” ответил он, “но у вас нет власти над моей волей”. Принцы, его братья, умоляли его произнести требуемую формулу; но он был так же тверд против мольб о дружбе и привязанности, как и против угроз своих врагов. Даже увещевания прелатов больше не возымели действия. В конце концов мамелюки, приписав столь упорное сопротивление иерусалимскому патриарху, схватили этого прелата, которому было более восьмидесяти лет, привязали его к столбу и так крепко связали ему руки за спиной, что из-под ногтей выступила кровь. Патриарх, охваченный болью, воскликнул: “Сир! Сир! поклянись; я возьму грех на себя”. Но Людовик, который все это время был убежден, что они оскорбили его добрую волю и что они требовали от него чего-то несправедливого и бесчестного, оставался непоколебимым. Эмиры, наконец, покоренные такой твердостью, согласились принять простое слово короля и удалились, сказав, что “этот франкский принц был самым надменным христианином, которого когда-либо видели на Востоке”.

Теперь все обратили свое внимание на выполнение договора. Галеры, на борту которых находились пленники, снялись с якоря и направились к устью Нила; мусульманская армия сопровождала их по суше. Христиане должны были освободить Дамьетту на следующее утро на рассвете. Невозможно описать беспокойство, ужас и отчаяние, царившие в городе всю ночь. Несчастные жители бегали по улицам, задавая друг другу вопросы и делясь своими страхами, затаив дыхание от волнения. Ходили самые зловещие слухи; говорили, что вся христианская армия была перебита мусульманами и что король Франции был отравлен. Когда они получили приказ покинуть это место, большинство воинов громко заявили, что не будут подчиняться и что они предпочитают умереть на крепостных валах, чем быть убитыми как военнопленные.

В то же время в мусульманской армии начало царить возбуждение. Ходили слухи, что король Франции отказался выполнять мирный договор и что он приказал гарнизону Дамьетты защищаться. Солдаты и их предводители раскисали в том, что заключили перемирие с франками, и, казалось, были полны решимости воспользоваться малейшим предлогом для его нарушения.

Однако уполномоченные Людовика IX в конце концов убедили христиан Дамьетты покинуть город. Королева Маргарита, едва оправившаяся после родов, поднялась на борт гинуэзского судна. Ее сопровождали герцогиня Анжуйская, графиня Пуатье и несчастная вдова графа д'Артуа, которая, несмотря на нынешние бедствия, все еще оплакивала первое несчастье войны. Ближе к вечеру Оливье де Терм, командовавший гарнизоном, герцог Бургундский, папский легат и все франки, за исключением больных, оставшихся в городе, отправились по Нилу.

Жоффруа де Сержин, войдя в Дамьетту, принес ключи эмирам; и когда рассвело, над башнями и крепостными валами развевались мусульманские штандарты. При виде этого вся египетская армия в беспорядке ворвалась в город. Сообщения, распространившиеся ночью, привели в ярость солдат, и они вошли в Дамьетту так, словно открытие ворот было результатом кровопролитного сражения; они убивали больных везде, где находили их, они грабили дома и предавали огню боевые машины, оружие и все снаряжение, принадлежавшие христианам.

Это раннее нарушение договора, опьянение кровавой резней и безнаказанность распушенности только еще больше распалили умы мусульман и привели их к еще большим эксцессам. Эмиры, разделяя ярость солдат, задумали предать смерти всех пленных христиан. Галеры, на которых находились французские бароны и рыцари, немедленно получили приказ переправляться по реке в направлении Фарескура, “что вызвало среди нас великое горе, - говорит Жуанвиль, - и много слез потекло из наших глаз; ибо мы все думали, что они собираются убить нас”.

Пока галеры поднимались по Нилу, мусульманские вожди совещались на совете о судьбе короля Франции и французских воинов. “Теперь мы хозяева Дамьетты, - сказал один из эмиров, - и могущественный монарх франков с храбрейшими из своих воинов может получить из наших рук смерть или свободу. Судьба предоставляет нам возможность обеспечить Египту вечный мир, а вместе с ним и триумф исламизма. Мы без зазрения совести проливали кровь мусульманских князей; почему же тогда мы должны уважать кровь христианских князей, которые пришли на Восток, чтобы поджечь наши города и обратить наши провинции в рабство?” Таково было мнение народа и армии; и большинство эмиров, движимых общим настроением, придерживались аналогичного мнения. Эмир Мавритании, имя которого Жуанвиль не сохранил, почти в одиночку выступил против этого нарушения законов войны и мира. “Вы, - сказал он, - предали смерти вашего принца, которого Коран повелевает вам *беречь как зеницу ока*. Эта смерть, несомненно, могла бы быть необходима для вашей собственной безопасности; но чего вы можете ожидать от действий, которые вам предлагаются, кроме гнева Божьего и проклятий людей?” Эта речь была прервана ропотом; язык разума только подлил масла в огонь ненависти и фанатизма. Поскольку неистовые страсти никогда не угасают из-за мотивов самооправдания или оправдания своих эксцессов, крестоносцев обвинили в вероломстве и во всех преступлениях, которые они сами замыслили против себя. Не было ни одного обвинения, которое не казалось бы вероятным, следовательно, не было и насилия, которое не казалось бы справедливым. “Если Коран предписывает мусульманам следить за жизнью своих принцев, он также предписывает им следить за сохранением мусульманской веры: смерть должна быть наградой тем, кто пришел принести смерть, и их кости должны белеть на тех же равнинах, которые они опустошили. Безопасность Египта и законы пророка требовали, чтобы так и было”.

После очень бурного обсуждения должен был быть вынесен ужасный приговор пленным; но алчность пришла на помощь справедливости и человечности;[325] эмир, выступавший в защиту пленников-христиан, в своей речи не раз повторил слова: "*Мертвецы выкупа не платят*"; и они, наконец, признали, что меч был убит. , принеся в жертву крестоносцев, только лишил бы победу ее заслуг и лишил победителей плодов их трудов. Это замечание в конце концов успокоило умы собравшихся и привело к изменению мнений. Страх потерять восемьсот тысяч золотых византов заставил соблюдать мирный договор и спас жизни короля Франции и его товарищей по несчастью.

Эмиры отдали приказ вернуть галеры в Дамьетту. Мамлюками, по-видимому, сразу же овладели самые миролюбивые чувства; и поскольку для толпы естественно бросаться из крайности в крайность, они оказали все знаки гостеприимства тем самым людям, которых несколько часов назад хотели предать смерти. По прибытии в город заключенных угостили оладьями, приготовленными на солнце, и яйцами вкрутую, "которые, - говорит Жуанвиль, - в честь наших личностей были раскрашены в разные цвета".

Рыцари и бароны, наконец, получили разрешение покинуть корабли, которые были их тюрьмами, отправиться к королю, которого многие из них не видели со времен катастрофы при Минихе. Когда они сошли со своих кораблей, Людовик направлялся к устью Нила в сопровождении мусульманских воинов; неисчислимая толпа следовала за ним и в молчании созерцала черты лица, осанку и оружие христианского монарха. Его ждала генуэзская галера; как только он поднялся на борт, на палубе судна внезапно появились восемьдесят лучников с натянутыми арбалетами; толпа египтян немедленно рассеялась, и корабль заскользил прочь от берега. С Людовиком были граф Анжуйский, граф де Суассон, Жоффруа де Сержин, Филипп де Немур и сенешаль де Жуанвиль. Граф Пуатье оставался в качестве заложника в Дамьетте до тех пор, пока не будет завершена выплата четырехсот тысяч золотых византов, которые король должен был выплатить эмирам перед выходом в море. Людовику не хватило тридцати тысяч ливров; эту сумму запросили у тамплиеров, которые, к великому возмущению лордов и баронов, сначала отказались от нее. Им угрожали, что они будут вынуждены предоставить его; и затем они подчинились. Сумма, оговоренная в договоре, была выплачена сарацинам. Граф Пуатье покинул Дамьетту, и все было готово к отъезду крестоносцев, когда Филипп де Монфор, которому было поручено произвести выплату, вернулся, чтобы отчитаться о своей миссии, и сказал королю, что ему удалось обманом выманить у эмиров десять тысяч ливров. Людовик выразил крайнее недовольство таким порядком, и отправил Филиппа де Монфора обратно в Дамьетту, чтобы вернуть деньги, которые он утаил, — урок справедливости, который он хотел преподать как своим врагам, так и своим слугам. Об этой последней миссии говорит арабский автор, который объясняет ее очень причудливым и необычным мотивом. Он говорит, что Филипп де Монфор был послан к эмирам, чтобы сказать им, что им не хватает религии и здравого смысла; в религии, потому что они убили своего государя; в здравом смысле, потому что за умеренную сумму они освободили могущественного принца, который отдал бы половину своего королевства, чтобы вернуть себе свободу. Это объяснение, каким бы невероятным оно ни было, по крайней мере информирует нас о распространенном тогда на Востоке мнении, что египетских эмиров упрекали в том, что они уничтожили своего султана и позволили своему врагу сбежать.

Людовик IX с жалкими остатками своей армии вскоре потерял сознание в устье Нила и через несколько дней прибыл в Птолемаиду, где народ и духовенство все еще возносили молитвы о его освобождении.

Египтяне отпраздновали возвращение Дамьетты публичными ликованиями; мусульманская армия свернула свой лагерь и вернулась к столице. Султанша Чеггер-Эддур распорядилась раздать вождям золотые и серебряные жилеты, и ее щедрость распространилась даже на солдат. Арабский поэт сочинил по этому поводу несколько стихотворений, которые сохранила история и которые содержат следующий замечательный отрывок:

“Когда ты увидишь этого француза (короля Франции), скажи ему эти слова устами искреннего друга:

Ты пришел в Египет, ты жаждал его богатств; ты верил, что его могущество рассеется, как дым.

Взгляни теперь на свое войско! посмотри, как твое неосторожное поведение низвергло его в лоно могилы!

Пятьдесят тысяч человек! и ни одного, который не был бы убит, пленен или покрыт ранами!

И если у него когда-нибудь возникнет искушение приехать, чтобы отомстить за свое поражение; если какой-либо мотив приведет его обратно в эти места;

Скажи ему, что дом сына Локмана зарезервирован для него; что он все еще найдет там и свои цепи, и евнуха Сабиха”.[\[326\]](#)

При Людовике IX. во время высадки в Птолемаиде на Западе царил всеобщий ужас; как это всегда бывает в далеких войнах, слава распространила самые необычные сообщения о походе крестоносцев. Сначала считалось, что христианские штандарты развеваются на стенах Каира и Александрии; но вскоре к этим новостям добавились другие слухи, возвещавшие о великих бедствиях. Самые удивительные рассказы нашли отклик у многих легковверных умов во Франции; они отказывались верить в неудачи, и первые, кто заговорил о них, были переданы в руки правосудия как враги религии и королевства. Зловещие слухи, однако, не заставили себя долго ждать; люди перешли от избытка радости к избытку горя; в королевстве не было семьи, которой не приходилось оплакивать потерю в результате бедствий, в которых они приобрели болезненную уверенность. Но для французов то, что сделало так много несчастий непоправимыми и в чем никто не мог найти утешения, было пленение короля! Танцы, празднества, зрелища,[\[327\]](#) все, что носило характер радости или увеселения, было запрещено: королевство, погруженное в печаль и уничижение, внезапно стало похоже на один из тех городов, о которых говорит Писание, — под угрозой гнева Божьего они предались скорби и покрылись траурными одеждами покаяния.

Вся Церковь обливалась слезами из-за столь великого несчастья; отец верующих был почти в отчаянии за безопасность христианского мира. Он адресовал письма, полные скорби, всем прелатам Запада. Он приказал духовенству возносить публичные молитвы; он призвал верующих взяться за оружие. Иннокентий написал Бланш, чтобы утешить ее, и Людовику, чтобы

поддержать его в его невзгодах. Обращаясь к королю Франции, он поражен тем, что нашел одного человека, угнетенного столькими бедствиями и наделенного столькими добродетелями; и требует от Бога, какую справедливость удалось найти в самом христианском из королей, заслужившем искупления столь великими несчастьями.

Англия также была сильно огорчена пленением французского монарха; бароны и рыцари были возмущены тем, что их король помешал им отправиться на Восток, чтобы разделить опасности, подстерегавшие крестоносцев. Король Кастилии, находившийся в то время в состоянии войны с маврами, сознавал только зло, творимое христианами за морями, и поклялся отправиться сражаться с победоносными неверными на берегах Нила или Иордана. Ни один монарх Запада не выражал большего горя, чем Фридрих II, император Германии; в своих письмах он говорил о короле Франции как о своем лучшем друге и с горечью сожалел о бедствиях крестового похода. Фридрих, все еще пребывавший в разногласиях с папой, не пренебрег этой возможностью обвинить Иннокентия, которого он упрекал в гибели христиан. Фридрих отправился на Сицилию с целью вооружить флот, который мог бы быстро оказать помощь крестоносцам; и пока корабли готовились, он отправил посольство на Восток, чтобы просить султана Египта об освобождении короля Франции и его армии.

Среди всеобщего запустения единственный христианский город демонстрировал радость: Флоренция, по словам Виллани, праздновала поражение французских крестоносцев. Некоторые пираты из Генуи, Пизы и Венеции воспользовались бедствиями Людовика IX, чтобы выйти в море и грабить крестоносцев, которые возвращались в Европу. Радость флорентийцев и разбои итальянских пиратов вызвали большой скандал во всем христианском мире.

Людовик IX по прибытии в Птолемаис смог удержать лишь небольшое количество верных рыцарей; многие французские дворяне, товарищи его по плену, вместо того чтобы последовать за ним в Палестину, вернулись на Запад. Среди тех, кто покинул знамя крестового похода, были герцог Бургундский и храбрый граф Бретани: последний, измученный болезнью и покрытый ранами, скончался по пути: его бранные останки, сохраненные его рыцарями, были перевезены в аббатство Вильнев близ Нанта, где много веков спустя все еще можно увидеть его могилу.

Вид печальных остатков христианской армии, должно быть, возбудил сострадание жителей Птолемаиды. И рыцари, и солдаты были почти обнажены; сенешаль Шампани, чтобы появиться за королевским столом, был вынужден соорудить себе облачение из обрывков одеяла. Среди крестоносцев вспыхнула эпидемия, вызванная затянувшимися страданиями и всевозможными лишениями, и вскоре ее опустошительные действия распространились на город. Жуанвиль, живший в доме птолемаидского кюре, сообщает нам, что ежедневно видел, как под его окнами проезжало двадцать автоколонн; и что каждый раз, когда он слышал похоронные слова: *“Освободи меня, домине”*, он заливался слезами и обращался к Богу с воплем: *“Помилуй!”*

Тем временем король Франции был занят освобождением пленников, которые все еще оставались в Египте. Этих пленников было двенадцать тысяч, и большинство из них, возможно, смогли бы вновь взяться за оружие и служить под знаменем крестового похода. Людовик отправил своих послов выплатить четыреста тысяч франков, которые он все еще был должен сарацинам, и настаивать на исполнении последних договоров. Эти послы нашли Египет охваченным смутой; эмиры были разделены на несколько фракций, все из которых боролись за власть; фанатизм оживлял эти разногласия; они взаимно обвиняли друг друга в том, что они благоволили христианам или щадили их. Во время этих дебатов многие пленники были убиты, а

некоторых вынудили отречься от веры Христовой. Посланцы Людовика IX. едва удалось добиться слушания; в ответ на их требования им сказали, что король Франции может считать себя счастливым, вернув себе свободу, и что мамелюки вскоре пойдут и осадят его в Птолемаиде. В конце концов христианские послы были вынуждены покинуть Египет, так ничего и не добившись, и привезли обратно в Палестину только четыреста пленных, большая часть из которых заплатила выкуп за себя.

По возвращении Людовик IX. был повергнут в глубочайшее отчаяние; он только что получил письмо от королевы Бланш, которая призывала его покинуть Восток. Вслед за этим он пожелал вернуться во Францию; но как он мог решиться бросить двенадцать тысяч христиан в рабстве или покинуть Святую Землю, когда ей угрожало вторжение? Три военных ордена, бароны и знать Палестины, умоляли Людовика не покидать их, повторяя с оттенком отчаяния, что, если они будут лишены его поддержки, у христиан Сирии не останется другого выхода, кроме как последовать за ним на Запад.

Людовик был тронут их молитвами, но прежде чем принять решение, он пожелал посоветоваться с двумя своими братьями и главными дворянами, которые остались с ним. Он изложил им причины, по которым он вернулся во Францию, и те, которые побудили бы его остаться в Палестине: с одной стороны, его королевству угрожает король Англии, и невозможность предпринять что-либо против неверных должна побудить его покинуть Восток; с другой стороны, недостаток доброй воли у эмиров, которые не выполнили первые условия договора; опасности, которым подвергнется Святая Земля в результате его отъезда; короче говоря, надежда получить помощь и воспользоваться ею, чтобы разорвать цепи христианского мира. пленники и освобождение Иерусалима, в некотором роде, налагали на него обязательство отложить свое возвращение.

Описав таким образом положение вещей, не сказав ни слова, которое могло бы выдать его собственное мнение, он попросил своих рыцарей и баронов серьезно подумать о том, какой линии действий им лучше всего придерживаться. В следующее воскресенье он снова созвал их и поинтересовался их мнением. Первым заговорил Ги де Мальвуазен, чьей храбростью в бою и мудростью в совете восхищались и уважали все крестоносцы. “Сир, ” сказал он, обращаясь к Людовику, “ когда я думаю о чести вашей особы и славе вашего правления, я не думаю, что вам следует оставаться в этой стране. Вспомни ту цветущую армию, с которой ты покинул порты Кипра, а затем обрати свой взор на воинов, которые были с тобой; в тот день мы насчитали в христианской армии две тысячи восьмьсот рыцарей со знаменами; теперь сто рыцарей составляют все твои силы; большинство из них больны; у них нет ни оружия, ни лошадей, ни средств их раздобыть; они не в состоянии служить тебе ни с честью, ни с преимуществом. У вас нет ни одного военного города на Востоке; тот, в котором вы сейчас находитесь, принадлежит нескольким разным нациям; оставаясь здесь, вы не внушаете страха неверным и позволяете возрастать дерзости ваших врагов в Европе; вы подвергаете себя риску потерять как королевство Франция, где ваше отсутствие может ободрить честолюбивых соседей, так и королевство Иисуса Христа, на которое ваше присутствие навлечет нападения мусульман. Мы все убеждены, что гордыня сарацин должна быть наказана; но не в стране, находящейся далеко от дома, можно продолжать подготовку к решающей и славной войне. Таким образом, мы советуем вам вернуться на Запад, где вы будете в безопасности следить за благосостоянием ваших государств; где вы получите, среди мира, который является вашим собственным делом,

необходимые средства для отмщения за наши поражения и, когда-нибудь, исправления неудач, которые мы претерпели”.

Герцог Анжуйский, герцог Пуатье и большинство французских дворян, выступавших после Ги де Мальвуазена, высказали то же мнение. Когда они пришли к графу Яффо, он отказался говорить, заявив, “что ему принадлежит несколько замков в Палестине, и его могут обвинить в защите его личных интересов”. Когда король потребовал высказать свое мнение, как это сделали другие, он ограничился словами, “что слава христианского оружия, что безопасность земли Иисуса Христа требовала, чтобы крестоносцы в то время не возвращались в Европу”. Когда дошла очередь Жуанвиля, добрый сенешаль вспомнил совет, который дал ему его двоюродный брат, сеньор де Болленкур, накануне его отъезда в крестовый поход. “Вы отправляетесь за моря”, — так выразился добрый сеньор Болленкур, — “но позаботьтесь о том, как вы вернетесь; ни один рыцарь, ни бедный, ни богатый, не сможет вернуться без стыда, если он оставит кого-либо из простых людей, в компании которых покидает Францию, в руках сарацин”. Жуанвиль, преисполненный памяти об этих словах, заявил, что они не могли без стыда бросить огромное количество христианских пленников. “Эти несчастные пленники, — добавил он, — были на службе у короля так же, как и у Бога; и они никогда не вырвутся из своего плена, если король уйдет”. Не было ни одного лорда и рыцаря, у которого не было бы родственников или друзей среди заключенных; поэтому многие из них не могли сдержать слез, слушая Жуанвиля; но это доброе чувство было недостаточно сильным, чтобы заглушить в их сердцах желание вновь посетить свою страну. Тщетно сенешаль добавлял, что у короля еще осталась часть его сокровищ; что он может собрать войска в Мореи и других странах; и что с помощью, которая придет из Европы, они вскоре будут в состоянии возобновить войну. Эти причины, как и многие другие, не произвели никакого впечатления на большую часть собрания: они могли рассматривать крестовый поход только как долгое и мучительное изгнание. Сьер де Шастене и маршал Франции Бомон были единственными, кто согласился с мнением Жуанвиля. “Что мы ответим,” — сказали они, — тем, кто спросит нас по возвращении, что мы сделали с наследием и воинами Иисуса Христа? Послушайте несчастных жителей Палестины: они обвиняют нас в том, что мы навлекли на них войну, и упрекают нас в том, что своим уходом мы подготовили всю их гибель. Если мы не получим помощи, то у нас будет достаточно времени, чтобы уйти; но зачем предвкушать дни отчаяния? Крестоносцы, это правда, немногочисленны; но можем ли мы забыть, что их предводитель, даже будучи в цепях, заслужил уважение сарацин? В донесениях также говорится, что среди наших врагов царит раздор и что султан Дамаска объявил войну мамлюкам Египта”. Эти два рыцаря говорили среди перешептываний своих товарищей; и чем более разумными казались высказанные ими мнения, тем с большим нетерпением их выслушивали. Сеньор де Бомон собирался продолжить, но его с большой горячностью прервал его дядя, Джон де Бомон, который осыпал его самыми горькими упреками. Напрасно король настаивал на праве каждого высказывать свое мнение; авторитет крови возобладал над авторитетом короля; суровый старик продолжал повышать голос и заставил своего племянника замолчать. Выслушав мнения собрания, король распустил его и снова созвал на следующее воскресенье. Покинув совет, Жуанвиль оказался объектом насмешек и оскорблений рыцарей за то, что высказал мнение, противоречащее мнению общего собрания. К довершению своего огорчения, он подумал, что навлек на себя неудовольствие короля, и в своем отчаянии принял решение присоединиться к князю Антиохийскому, своему родственнику. Пока он прокручивал в уме эти мрачные мысли, король отвел его в сторону и, открыв ему свое сердце, заявил, что намерен еще некоторое время побыть в Палестине. Тогда Жуанвиль забыл обо всех насмешках

баронов и рыцарей; он был так рад тому, что сказал ему король, что всем его горестям пришел конец. В следующее воскресенье бароны собрались в третий раз. Король Франции призвал вдохновение Святого Духа крестным знаменем и произнес следующие слова: “Сеньоры, я благодарю в равной степени тех, кто посоветовал мне остаться в Азии, и тех, кто посоветовал мне вернуться на Запад. Я убежден, что у обоих не было никаких других взглядов, кроме интересов моего царства и славы Иисуса Христа. После самых серьезных и продолжительных размышлений я думаю, что могу, без ущерба для моих штатов, продлить свое пребывание в этой стране. Королева, моя мать, защищала честь моей короны в трудные времена; теперь она проявит такую же твердость и встретит меньше препятствий. Нет, мое королевство не пострадает от моего отсутствия; но если я покину эту землю, ради которой Европа принесла так много жертв, кто защитит ее от врагов? Следует ли желать, чтобы, придя сюда защищать Иерусалимское королевство, я впоследствии был обвинен в его разрушении? Итак, я остаюсь, чтобы спасти то, что осталось, освободить наших пленников и, если возможно, воспользоваться раздорами сарацин. Однако я не желаю никого ограничивать; те, кто желает покинуть Восток, вольны уехать; что касается тех, кто решит остаться под знаменами креста, я обещаю, что они ни в чем не будут нуждаться и что я всегда буду делить с ними как удачу, так и невзгоды”.

После этих слов, говорит Жуанвиль, большинство были поражены, и многие начали лить горячие слезы. С этого времени герцоги Анжуйский и Пуатье вместе с большим количеством военачальников начали готовиться к своему отъезду. Людовик поручил им написать письмо, адресованное духовенству, знати и народу его королевства. В этом письме Людовик с благородной простотой описывал победы, поражения и плен христианских рыцарей и призывал своих подданных всех сословий взяться за оружие для помощи Святой Земле.

Как только два брата короля ушли, начался набор солдат, и Палестина была переведена в состояние обороны. Но то, что больше всего материально благоприятствовало крестоносцам и давало шанс на безопасность христианским колониям, было раздором, который тогда царил среди сарацин. После убийства Альмоадама мусульмане Сирии отказались признать власть мамлюков. Княжество и город Дамаск недавно были переданы Насеру, который готовился выступить на Каир во главе грозной армии; величайшее волнение царило среди египетских мамлюков, в которых раскаяние, казалось, сопровождалось страхом. Султанша Чеггер-Эддур была вынуждена сойти с трона и уступить верховную власть туркмену Эзз-Эддину, женой которого она стала. Эта перемена на время утихомирила волнения, но при таком положении вещей одна революция, казалось, немедленно влекла за собой другую. Буйная, неугомонная солдатня, свергнувшая империю айюбитов, не могла вынести ни того, что было древним, ни того, что было новым. Чтобы подавить мятеж, вожди однажды показали толпе отпрыска той семьи, которую они объявили вне закона, и наградили его тщеславным титулом султана. Впоследствии они заявили, что Египет принадлежит халифу Багдада и что они правят им от его имени.

Именно в этот период султан Алеппо и Дамаска отправил послов к Людовику IX. пригласить французского монарха объединиться с ним, чтобы покарать гордыню и бунтарство солдат Каира. Он пообещал христианам поделиться с ними добычей побежденных и вернуть им Иерусалимское королевство. Эти блестящие обещания, вероятно, произвели впечатление на короля Франции и, по крайней мере, заслужили все его внимание. Эмиры Египта также стремились к союзу с христианами и предлагали очень выгодные условия. В стоявшем перед ним выборе были веские мотивы склонить короля на сторону султана Дамаска. С одной

стороны, ему приходилось иметь дело с эмирами, чья добрая воля была очень неопределенной, чье состояние могло быть преходящим, а авторитет находился под угрозой и пошатнулся. С другой стороны, ему приходилось иметь дело с могущественным принцем, чья власть, будучи гораздо более прочной, давала более надежную гарантию его союзникам. Другой мотив, который не мог быть безразличным в глазах добродетельного монарха, заключался в том, что единственной целью политики мамлюков было обеспечить безнаказанность за великое преступление, и что правитель Дамаска стремился отомстить за дело принцев. Все эти соображения, без сомнения, были представлены на совете Людовика, и, должно быть, вызвали у монарха большие затруднения при принятии решения, чью сторону ему было бы лучше принять. Но он не мог забыть, что подписал договор с эмирами и что ничто не могло освободить его от его клятвы; но прежде всего он не мог забыть, что мамлюки все еще держали в своих руках судьбу двенадцати тысяч христианских пленников и что, порвав с ними, он должен был отказаться от надежды освободить несчастных товарищей из своего плена. Людовик ответил сирийским послам, что он охотно объединил бы свое оружие с оружием султана Дамаска, если мамлюки не выполняют своих договоров. В то же время он отправил Джона де Валенса в Каир с указанием предложить эмирам мир или войну. Последний, наконец, пообещал выполнить все условия договора, если Людовик согласится стать их союзником и помощником: более двухсот рыцарей были немедленно освобождены.

Эти несчастные жертвы крестового похода прибыли в Птолемаис примерно в октябре месяце (1251 г.): люди толпами стекались посмотреть, как они высаживаются на берег; они демонстрировали слишком явные признаки своего недавнего плена, и воспоминание о том, что они пережили, вместе с их нынешним несчастьем, вызвало слезы сострадания у всех зрителей. Эти пленники, цепи которых Людовику удалось разорвать, принесли с собой, как бы торжествуя, гроб с костями Готье де Бриенна, который попал в руки неверных в битве при Газе и был убит разъяренной толпой в Каире. Духовенство сопровождало останки христианского героя в церковь госпитальеров, а соратники Готье по оружию рассказали о его подвигах и славной смерти, которую он претерпел за дело Христа. Религия демонстрировала все свое величие и в своих священных песнях воспевала славу мученика и преданность, которую он один внушал. Милосердие верующих облегчало страдания пленников, и Людовик брал к себе на службу всех, кого возраст или немощи делали неспособными носить оружие.

Царь с большой болью узнал, что в Египте все еще остается много христианских пленников. Когда египетские послы прибыли в то время в Птолемаис, Людовик IX заявил, что они вообще не должны зависеть от союза, которого они пришли просить, если эмиры не поспешат освободить всех пленников и всех детей христиан, воспитанных в мусульманской вере, и даже не пришлют ему головы крестоносцев, выставленные на стенах Каира.

Таким образом, положение христиан с каждым днем улучшалось из-за разногласий между их врагами. Король Франции диктовал условия эмирам, и если бы у него были войска, он мог бы исправить некоторые неудачи, с которыми столкнулся в Египте; но Восток предоставил ему лишь очень небольшое количество солдат, а Запад, казалось, вообще не был расположен присылать ему какие-либо припасы.

Король Кастилии, принявший крест, умер в тот момент, когда готовился к отъезду. В Англии Генрих III, который также принял крест, получил от папы и парламента право взимать десятую часть со своего народа и духовенства; в то же время он обложил огромными налогами евреев

своего королевства. Проповедникам крестового похода было приказано объявить о его приближающемся отбытии на Восток, и он сам поклялся на Евангелии в присутствии собравшихся баронов и народа, что отправится в Святую Землю во главе своей армии; но, получив желаемое, он забыл все свои обещания.

Фридрих II, в тот момент, когда он собирался оказать помощь Людовику IX, умер в Неаполе; и его смерть оказалась новым источником беспокойства и волнений для христианского мира. Хотя, умирая, он завещал сто тысяч унций золота на помощь Святой Земле и своим завещанием вернул Церкви все, что ей принадлежало, Иннокентий воспринял известие о его смерти с радостью, которую не пытался скрыть. “Пусть возрадуются Небеса!” - писал он духовенству и народу Сицилии. “Пусть земля будет в радости!” и он предавал анафеме память принца, который носил титул короля Иерусалима в течение тридцати восьми лет. Он отлучил от церкви Конрада, которого Фридрих назначил своим преемником в империи; он послал эмиссаров в Неаполитанское королевство, чтобы подкупить верность народа; и духовенство в Германии получило миссию проповедовать крестовый поход против князей Швабского дома.

Франция была не менее взволнована, чем другие страны, по поводу возвращения герцогов Анжуйского и Пуатье, письмо Людовика, адресованное его подданным, было зачитано во всех церквях. Это письмо возродило всю ту скорбь, которая была испытана, когда было получено сообщение о пленении короля и его армии. Призывы, с которыми Людовик обращался к французам с просьбой о помощи, вместе с новостями, ежедневно поступавшими с Востока, затронули все сердца; и поскольку люди не имеют представления об умеренности ни в горе, ни в радости, дух мятежа, смешанный с энтузиазмом по поводу крестового похода, взволновал города, проник в провинции и на какое-то время подверг королевство опасности.

Принцы и магнаты потерпели неудачу в своем предприятии, и толпу заставили поверить, что Христос отверг великих людей земли от своего служения и хотел иметь в качестве защитников только смиренных людей, пастухов и тружеников. Появился человек, который взялся с помощью этого популярного мнения воспламенить общественное сознание и создать всеобщее движение. Говорили, что этот человек по имени Якоб, родившийся в Венгрии и далеко преклонного возраста, проповедовал крестовый поход детей, о котором мы говорили в двенадцатой книге этого труда. Длинная борода, спускавшаяся до пояса, бледное лицо и таинственный язык придавали ему вид пророка. Он переходил от деревушки к деревушке, говоря, что он послан Небом, чтобы освободить город Божий и отомстить за короля Франции. Пастухи покидали свои стада, работники откладывали плуг, чтобы последовать по его стопам. Иаков, которого называли мастером Венгрии, велел нести перед ним знамя, на котором был нарисован агнец, символ Спасителя мира; ему приносили провизию со всех концов света, и его ученики утверждали, что, подобно Христу, он обладал даром умножать количество хлебов.

Этим деревенским крестоносцам было дано имя *Пасторов*. Их первые собрания, на которые было обращено мало внимания, состоялись в провинциях Фландрия и Пикардия; затем они направились к Амьену, а затем к столице; по мере продвижения толпа бродяг, воров и проституток увеличивалась. Хотя они совершили некоторые беспорядки, королева Бланш терпела их в надежде, что они смогут оказать некоторую помощь королю. Подразумеваемая защита королевы-регентши распаляла их гордыню, а безнаказанность увеличивала их распущенность и удваивала их дерзость. Самозванец Иаков и другие главари его шайки, с которыми его свел случай или коррупция, яростно выступали против богатства и превосходства

духовенства, что нравилось толпе, которую они тянули за собой по пятам; к великому возмущению всех благочестивых людей, они сами исполняли священнические функции и занимали место за кафедрами священных ораторов, применяя насилие против служителей алтарей и стремясь пробудить страсти народа. Наконец, собравшись числом более ста тысяч человек, эти грозные паломники покинули Париж и, разделившись на несколько отрядов, направились к побережью, откуда должны были отправиться на Восток. Город Орлеан, случайно оказавшийся у них на пути, превратился в театр ужасных беспорядков. В конце концов их чудовищный размах вызвал серьезную тревогу в правительстве и магистратуре; в провинции были разосланы приказы преследовать и рассеять эти буйные и мятежные банды. Самое многочисленное собрание пасторов должно было состояться в Бурже, где владыка Венгрии должен был творить чудеса и сообщать волю Небес. Их прибытие в этот город послужило сигналом к убийствам, пожарам и грабежам. Раздраженный народ взялся за оружие и выступил маршем против этих нарушителей общественного спокойствия; они настигли их между Мортимером и Вильнев-сюр-ле-Шер, где, несмотря на их многочисленность, они были разбиты и понесли заслуженное наказание за свои разбои. Иакову отрубили голову ударом топора; многие из его товарищей и учеников встретили смерть на поле битвы или были преданы наказанию; остальные обратились в бегство.[\[328\]](#)

Таким образом, эта буря, возникшая так внезапно, была рассеяна таким же образом; другой отряд, направившийся к Бордо, был точно так же усмирен; некоторым из пасторов, которым удалось добраться до Англии, оказали такую же услугу. Был распространен слух, что у их лидеров была обнаружена переписка с сарацинами, и их обвинили в том, что они составили план предания христиан мечам неверных; это обвинение, каким бы невероятным оно ни было, довершило ненависть, которую народ начал испытывать к ним. Правительство, у которого поначалу не было достаточно сил, чтобы противостоять им, вооружило против них страсти толпы, и вскоре в королевстве восстановилось спокойствие.

Тем временем крестовый поход на Восток проповедовался в большинстве стран Европы; к тем, которые были предоставлены воинам Христа, были добавлены новые индульгенции; епископ Авиньона получил власть отпускать грехи тем, кто бил клерков или сжигал церкви; тот же епископ имел право преобразовывать все обеты, кроме религиозных, в обет крестового похода: аналогичные полномочия были даны приору якобинцев в Париже. Эти новые ободрения могли бы вызвать кратковременный пыл у верующих, если бы римский двор не был постоянно отвлечен от забот о крестовом походе на Восток войной, которую он объявил швабскому дому. Святой Престол охотно предоставлял разрешения крестоносцам, которые принимали участие в его деле или платили ему дань; что заставило доброго епископа Линкольнского обвинить Иннокентия в обмене небесных сокровищ на земные и в продаже крестоносцев, как раньше продавались в Храме телки и жертвенные дожди. Наконец, больше не скрывая ни своей ненависти, ни своих амбиций, суверенный понтифик приказал Кордельерам проповедовать крестовый поход против наследника и преемницы Фридриха; снисхождение к тем, кто принял крест, распространялось на отца и мать крестоносцев, чего никогда не было ни в одном другом крестовом походе. В тот момент, когда Людовик IX. проповедь этого нечестивого крестового похода, столь искренне просившего о помощи, вызвала большой скандал среди французской знати; с новыми крестоносцами обращались как с мятежниками; королева Бланш приказала захватить их земли; и принцы и лорды последовали примеру королевы в своих владениях. Кордельеры получили строгий выговор, и их проповедь оказалась безрезультатной.

Пока подавлялся крестовый поход против Конрада, не проявлялось особого рвения к войне на Востоке. Те, кто питал самую горячую привязанность к Людовику IX, могли бы с полным правом полагать, что, послав ему помощь, они продлят его отсутствие. Таким образом, несмотря на неоднократные молитвы короля, Франция, пролившая столько слез по поводу его пленения, не могла решиться взяться за оружие, чтобы помочь ему, и удовлетворилась тем, что дала обеты за его возвращение.

Все, что Бланш смогла сделать для своего сына, - это прислать ему судно, груженное деньгами, которое затерялось у берегов Сирии. Небольшое число тех, кто принял крест на Западе, были полны решимости пересечь море; молодой граф Эу и Раймонд, граф Тюренн, которым королева приказала отправиться в Палестину, были почти единственными дворянами из этой партии. Большинство рыцарей и баронов, оставшихся в Палестине с королем, истратив все и полностью разорившись, назначили столь высокую цену за свои услуги и, по выражению комиссаров Людовика, *сделали себя такими дорогими*, что казны монарха не хватило бы на их содержание.^[329] В Греции, на Кипре и в христианских городах Сирии были произведены сборы; но эти сборы привели под знамена крестового похода лишь нескольких авантюристов, очень плохо рассчитанных на то, чтобы разделить труды и опасности великого предприятия.

Среди воинов, которых любовь к опасности и далеким приключениям привела в то время в Святую Землю, история упоминает Алемара Селинганского. Этот рыцарь прибыл из страны на Западе,^[330] в которой летом, по его словам, почти не бывает ночей. Селинган и его спутники искали любую возможность продемонстрировать свое мастерство владения оружием и романтическую храбрость. Ожидая счастливого момента, когда они могли бы сразиться с сарацинами, они пошли войной на львов, которых преследовали верхом в пустынях и убивали их стрелами; что было предметом великого удивления и восхищения французских воинов.

Прибыл также другой очень благородный рыцарь, говорит Жуанвиль, которого звали Де Туси. Шевалье де Туси был регентом латинской империи в Константинополе в отсутствие Балдуина и гордился своей принадлежностью к семье королей Франции. Вместе с девятью другими рыцарями он покинул империю, которая быстро приходила в упадок, чтобы попытаться поддержать жалкие остатки Иерусалимского королевства. Туси рассказал о несчастьях Балдуина и прискорбных обстоятельствах, которые вынудили христианского императора вступить в союз с вождем команчей. По обычаю варваров, князь команчей и император Константинополя прокололись и, смешав кровь в кубке, оба выпили ее в знак союза и братства. Рыцари, сопровождавшие сеньора де Туси, позаимствовали этот обычай у варваров: французские воины сначала испытывали к нему отвращение; но вскоре, увлеченные странной новизной этого занятия, они сами смешали свою кровь с кровью своих товарищей и, разбавляя ее вином, вместе опьянели от мистического напитка, который, по их словам, сделал их братьями.

Нравы и обычаи восточных народов сильно возбудили любопытство и привлекли внимание крестоносцев. Когда миссионеры, которых Людовик IX. посланные в Татарию французские воины вернулись в Птолемаиду, и им никогда не надоедало допрашивать и выслушивать их. Эндрю де Лонжюмо, возглавлявший миссию, отправился из Антиохии и, преодолевая каждый день по десять лье, проделывал свой путь в течение года, прежде чем прибыл в то место, где проживал великий татарский хан. Миссионеры пересекали пустыни, где им встречались огромные кучи человеческих костей — печальные памятники побед варварского народа: они

рассказывали удивительные вещи о дворе монарха Великих Моголов, о нравах и обычаях стран, через которые они путешествовали, о завоеваниях и законодательстве Чингисхана и о чудесах, которые подготовили могущество и величие завоевателя Азии. Среди необычайных и несколько сказочных обстоятельств, о которых они рассказывали, христиане с большой радостью узнали, что религия Христа распространяет свою империю на самые отдаленные народы; миссионеры заявили, что они видели в одной татарской орде более восьмисот часовен, в которых возносились хвалы истинному Богу. Людовик IX. надеялся, что моголы когда-нибудь станут помощниками христиан в великой борьбе с неверными; и эта надежда побудила его принять решение послать новых миссионеров в Татарию.

Но если крестоносцы были так поражены всем, что они слышали о самых отдаленных регионах Азии, то рядом с ними была варварская колония, которая, должно быть, возбудила их удивление в еще большей степени. Через несколько месяцев после своего прибытия Людовик принял посольство от Горного Старца, который, как мы уже говорили, правил примерно тридцатью деревнями или городками, построенными на южном склоне горы Либан. Посланцы принца Ассасинов, когда их допустили к королю Франции, спросили его, знаком ли он с их повелителем. “Я слышал о нем”, - ответил монарх. “Почему же тогда, ” добавил один из послов, - вы не искали его дружбы, посылая ему подарки, как это делали император Германии, король Венгрии, султан Каира и многие другие великие князья?” Король выслушал этот странный язык без гнева и назначил послам еще одну аудиенцию, на которой присутствовали великие магистры тамплиеров и госпитальеров. Одно только название двух военных орденов, на которые кинжал ассасинов не отважился напасть, внушало некоторый ужас Старику Горы, который был вынужден платить им дань. На второй аудиенции два великих магистра сурово отчитали послов и сказали им, что, если владыка Горы не пошлет подарков королю Франции, его дерзость навлечет на него быстрое и справедливое наказание. Послы повторили эти угрожающие слова своему повелителю, который сам испытывал некоторый страх, который хотел внушить, и отослали их обратно Людовику, чтобы выразить гораздо более миролюбивые чувства. Среди подарков, которые им было поручено преподнести королю франков, были несколько ваз, шахматная доска и слон из горного хрусталя; к ним владыка Горы добавил рубашку и кольцо как символы союза, согласно которому, сказали послы французскому монарху, “вы и наш повелитель останетесь едины, как пальцы на руке и как рубашка на теле”.[\[331\]](#)

Людовик IX. приняли это новое посольство с отличием, и они сами послали принцу Ассасинов золотые и серебряные вазы, а также алые ткани и шелка; он приказал брату Иву, человеку, знающему арабский, сопровождать их. Ив, пробывший некоторое время при дворе Горного Старца, по возвращении рассказал много любопытных подробностей, которыми история не пренебрегла. Принц ассасинов принадлежал к секте Али и выражал некоторое восхищение Евангелием. Он, в частности, благоговел перед *монсеньором Святым Петром*, который, согласно его вере, все еще был жив и чья душа, по его словам, была душой Авеля, Ноя и Авраама. Брат Ив красноречиво говорил о том ужасе, который внушал своим подданным Горный Старец. Страшная тишина царила вокруг его дворца, и когда он появлялся на публике, ему предшествовал глашатай, который громким голосом кричал: “Кем бы ты ни был, бойся предстать перед тем, кто держит в своих руках жизнь и смерть королей”.

Пока эти чудесные концерты развлекали досуг крестоносцев, между султанами Дамаска и Каира была объявлена война. Христианские воины, нетерпеливые к битве, вздыхали из-за того,

что были таким образом обречены тратить свое время в вялом безделье. Но они собрали едва ли семьсот рыцарей под знаменами креста, и их малочисленность не позволяла Людовику думать о каком-либо важном предприятии.

С тревогой ожидая опасностей войны, святой монарх никогда не ослабевал в своих попытках улучшить судьбу и разорвать цепи пленников, которые все еще оставались в руках мусульман. Но плен христианских воинов был не единственным горем, которое терзало его сердце: его горе значительно усилилось, когда он узнал, что многие из его товарищей по оружию приняли исламизм. Следует отметить особое обстоятельство,^[332] что крестоносцы, целью которых всегда было обеспечить триумф христианства, представляют нам частые примеры отступничества, и история без колебаний подтверждает, что в ходе священных войн больше христиан стали мусульманами, чем мусульман - христианами. Жуанвиль сообщает нам в своих Мемуарах, что большинство моряков, сопровождавших христианский флот при отступлении из Мансуры, отреклись от своей веры, чтобы спасти свои жизни: в те катастрофические дни многие воины не смогли противостоять угрозам сарацин, и страх смерти заставил их забыть религию, ради которой они взялись за оружие. Мы видели, с каким злом пришлось столкнуться крестоносцам во время походов на Восток; среди толпы паломников всегда были те, у кого не хватало добродетели пройти через испытание великими несчастьями: с прибытием Людовика IX в Египте, этой стране, уже проживало много таких лжесвидетельных и неверных христиан, которые в опасностях и бедствиях предыдущих войн оставили Бога своих отцов. Сарацины презирали всех этих ренегатов. Восточные авторы цитируют высказывание Саладина по этому поводу, которое выражает общепринятое мнение, которого придерживались до самых последних дней крестовых походов; он сказал, что *хорошего христианина никогда не делают из плохого мусульманина, а хорошего мусульманина - из плохого христианина*. История сообщает несколько подробностей о жизни этих выродившихся франков, которые отреклись от своей религии и своей страны; многие занимались сельским хозяйством и механическим искусством; многие были зачислены в мусульманские армии; некоторые получили работу и преуспели в накоплении большого состояния. Однако мы вполне можем полагать, что угрызения совести отравляли каждое мгновение их жизни и не позволяли им пользоваться преимуществами, которые они приобрели среди неверных:^[333] религия, которую они оставили, все еще внушала им уважение, а присутствие и язык франков, которые были их братьями, вызывали у них самые печальные воспоминания; но, удерживаемые не знаю каким ложным стыдом, и как будто Бог поразил их вечным осуждением, они оставались прикованными к своему заблуждению нерушимыми узами, и хотя понимали всю нищету жизни в чужой стране, они не осмеливались даже помыслить о возвращении в свою страну.

Один из этих ренегатов, уроженец Провена, сражавшийся под знаменами Иоанна Бриенского, пришел приветствовать Людовика IX и принести ему подарки в тот момент, когда монарх отправлялся по Нилу в Палестину. Когда Жуанвиль сказал ему, что если он будет упорствовать в исповедании религии Магомета, *то после своей смерти отправится прямоком в ад*; он ответил, что считает религию Христа лучшей, чем религия пророка из Мекки; но, добавил он, что если он вернется к вере христиан, то погрузится в нищету и что всю оставшуюся жизнь его будут осыпать позорными упреками и повсюду будут восхвалять как ренегата! отступник! Таким образом, страх бедности вместе со страхом перед судом мира удерживали отступников от христианской веры и препятствовали их возвращению к вере, которую они оставили. Людовик IX не пренебрегал никакими средствами, чтобы вернуть их на правильный путь; его щедрость всегда встречала на полпути тех, кто был склонен вернуться к христианству; и чтобы защитить их

от презрения людей, он издал указ, согласно которому никто не должен был упрекать их в отступничестве.

Король Франции потратил значительные суммы на приведение нескольких христианских городов в состояние обороны; башни и стены Кесарии, а также Птолемаиды были укреплены и расширены; стены и укрепления Яффы и Каифы, которые были почти в руинах, были отремонтированы. Среди этих полезных трудов, выполняемых в мирных условиях, воины оставались праздными, и многие из них начали забывать как о военной дисциплине, так и о евангельской морали. Предосторожность, которую предпринял сьер де Жуанвиль, разместив свою постель таким образом, чтобы изгнать все дурные мысли относительно его близости с женщинами, доказывает, что мораль христианских рыцарей, по крайней мере, не была полностью свободна от подозрений. Людовик был гораздо более суров к распущенности манер, чем во время своего пребывания в Дамьетте. История упоминает несколько примеров его суровости; и такова была странность уголовных законов, призванных защищать общественную порядочность и мораль, что чрезмерное распутство в наши дни показалось бы менее скандальным, чем наказания, которым тогда подвергались виновные.

Духовенство, однако, никогда не ослабевало в своих попытках напомнить крестоносцам о принципах христианской религии, и их усилия не были бесплодными. Не было ни одного города, ни одного места в Палестине, которое не напоминало бы воинам о священных традициях Священного Писания или о милосердии и справедливости Божьей. Многие французские дворяне, бывшие образцами мужества, показали столь же яркий пример преданности и благочестия; было обычным делом видеть, как самые храбрые рыцари складывают оружие и, взяв сумы и посох паломника, отправляются в места, освященные чудесами и присутствием Христа и святых личностей, память о которых хранит религия. Сам Людовик несколько раз посещал гору Табор и деревню Кана, а также совершал паломничество в Назарет. Султан Дамаска, который искал любой возможности заключить с ним союз, пригласил его приехать в Иерусалим; и это паломничество увенчало бы желания благочестивого монарха; но его бароны, и особенно епископы, объяснили ему, что ему не подобает входить в Иерусалим как простому паломнику и что он прибыл на Восток не только для того, чтобы посетить святую гробницу, но и для того, чтобы доставить ее. Они добавили, что западные князья, которые должны будут принять крест вслед за ним, на его примере поверят, что они выполнили свой долг и свою клятву, просто посетив святой город; и, таким образом, целью преданности крестоносцев больше не будет освобождение гроба Христова. Людовик IX. уступил представлениям прелатов и согласился не посещать Иерусалим в то время, поскольку все еще лелеял надежду однажды войти в него с мечом в руке. Но этой надежде было суждено вскоре угаснуть — впоследствии Бог так и не позволил освободить святой город от ига неверных.

Султаны Каира и Дамаска продолжали вести переговоры с монархом франков. Каждый из этих двух мусульманских князей надеялся заполучить христиан в союзники, и особенно стремился не иметь их во врагах. Каждый раз, когда они испытывали страх быть побежденными, эмиры Египта возобновляли свои предложения, и в конце концов они приняли все условия, которых требовали христиане. Был заключен договор, по которому мамлюки обязались освободить всех пленников, оставшихся в Египте, детей христиан, воспитанных в мусульманской вере, и, чего часто требовал Людовик, головы крестных мучеников, которые были выставлены на стенах Каира. Иерусалим и все города Палестины, за исключением Газы, Дарума и двух других крепостей, должны были перейти в руки франков. В договоре также оговаривалось, что в

течение пятнадцати лет Иерусалимское королевство не должно воевать с Египтом; что два государства должны объединить свои силы; и что все завоевания должны быть разделены между христианами и мамлюками. Некоторые священнослужители выражали свои сомнения по поводу союза с врагами Христа; но благочестивый монарх пренебрег их заявлениями; ни один международный договор никогда не давал столько преимуществ христианскому делу, если бы его исполнением руководила добрая воля; но великодушная лояльность Людовика делала его неспособным заподозрить обман или вероломство ни в своих союзниках, ни даже во врагах.

Вожди мусульман должны были отправиться в Газу, а оттуда в Яффу, чтобы подтвердить союз, который они только что заключили, и согласовать с французским королем план ведения войны. Когда султан Дамаска услышал о заключенном таким образом договоре, он послал двадцатитысячную армию занять позицию между Газой и Дарумом, чтобы предотвратить соединение египтян и франков. То ли мамлюкам помешали их внутренние разногласия, то ли они не осмелились встретиться лицом к лицу с войсками Дамаска, но они *не* появились в Яффо в согласованное время. Они, однако, выполнили все остальные условия договора и добавили к конвою с пленными и погребальными реликвиями в подарок слона, которого Людовик отправил Генриху III. король Англии. Поскольку они часто повторяли свое обещание приехать в Яффо, Людовик постоянно ждал их и ждал целый год. Французский монарх, обманутый таким образом в своих надеждах, мог бы, без всякой несправедливости, отказаться от договора, который другая договаривающаяся сторона не выполняла; он мог бы снова вступить в сношения с султаном Дамаска, который предлагал те же преимущества, с гораздо большей вероятностью выполнения своих обещаний. Эмиры Египта искали союза с христианами, когда их собственное положение казалось отчаянным, и когда у них были основания полагать, что король Франции получит помощь с Запада; видя, однако, что у Людовика не было армии и что все силы, которые он мог собрать, насчитывали не более семисот рыцарей, они боялись слишком глубоко ввязываться в сражения, которые навлекли бы на них ненависть мусульман, не оказывая им какой-либо существенной поддержки против их врагов. Кроме того, все эти эмиры сражались только для того, чтобы обеспечить себе безнаказанность за свое преступление и спокойно пользоваться плодами своего восстания. Они в любое время были готовы сложить оружие, если бы добились прощения за прошлое и отдали им Египет. Багдадский халиф всегда стремился установить мир между мусульманскими державами; он убедил султана Дамаска и Алеппо забыть причины своего недовольства, а эмиров Египта выразить раскаяние в желании мира. Было проведено несколько сражений без каких-либо решающих результатов; в одном из этих сражений отряд сирийских войск был разбит мамлюками и бежал в сторону Дамаска; в то время как другие отряды мамлюков были разбиты сирийцами и преследовались до ворот Каира. Война, в которой победа всегда была неопределенной, неизбежно ослабляла мужество и истощала терпение обеих сторон; и они обратились к духовному отцу мусульман с просьбой стать арбитром между ними. Султаны Сирии и Египта, наконец, заключили мир и согласились объединить свое оружие против христиан. С этого времени все надежды крестоносцев рухнули; король Франции, так долго медливший и в то же время пренебрегавший благоприятной возможностью, внезапно столкнулся с двумя объединенными врагами, которых следовало опасаться. Необходимо быть в совершенстве знакомым с положением и политикой мусульманских держав, чтобы убедиться, насколько история имеет основания винить нерешительность и медлительность Людовика IX. Отец Мамбур не стесняется обвинять его с особой суровостью и прямо заявляет, *что для того, чтобы быть святым, не обязательно быть непогрешимым, особенно в политических делах, и еще меньше в делах военных.*

Мирный договор, заключенный между мамлюками и сирийцами, послужил сигналом к войне; султан Дамаска во главе армии подошел к самым стенам Птолемаиды и пригрозил разорить сады и поля, снабжавшие город провизией, если жители не заплатят ему дань в пятьдесят тысяч византов золотом. Христиане были не в состоянии оказать сопротивление своим врагам, если бы у последних тогда было какое-либо намерение напасть на них всерьез; но сирийцы, измученные усталостью, испытывали недостаток в провизии и вернулись в Дамаск, в то время как мамелюки в то же время вновь взяли курс на Каир; оба они ушли с намерением вернуться при первом благоприятном случае, чтобы вторгнуться в Палестину и опустошить ее.

Угрозы мусульман удвоили рвение и усилия Людовика по приведению христианских городов в состояние обороны; он решил восстановить укрепления Сидона, которые были разрушены сарацинами Дамаска в то время, когда крестоносцы высадились в Египте. Он послал в этот город большое количество рабочих, и работы быстро продвигались вперед, как вдруг все они были внезапно прерваны самым прискорбным происшествием. Это место, имевшее слабый гарнизон, было застигнуто врасплох, и каждый христианин, находившийся в нем, был предан мечу туркменами, бродячей, свирепой расой, привыкшей жить убийствами и грабежами. Людовик был в Тире, когда узнал эту ужасную новость, и собирался отправиться в Сидон. Некоторые из немногих сирийских жителей, избежавших резни, рассказали ему о неслыханной жестокости варваров; ярость туркмен не пощадила ни возраста, ни пола, и при отступлении они перебили две тысячи пленных. Людовик, глубоко потрясенный услышанным, сразу же принял решение отправиться и напасть на туркмен в Белинасе, куда они удалились. По первому сигналу все сопровождавшие его воины с готовностью облачились в доспехи. Король хотел поставить себя во главе их, но бароны решительно воспротивились его намерению, заявив, “что он не должен подвергать опасности жизнь, имеющую столь большое значение для Святой Земли, в такой экспедиции”. Воины-христиане выступили в свой поход. Белинас, или Кесария Филиппова, был построен на склоне горы Либан, недалеко от истоков Иордана: к этому месту можно было подойти только по узким дорогам и крутым подъемам; но ничто не могло остановить крестоносцев, горящих желанием отомстить за своих убитых братьев. По прибытии в Белинас враг бежал во всех направлениях; город был взят, и эта победа была бы полной, если бы христианские воины соблюдали законы дисциплины и выполняли приказы своих вождей. Пока французы овладевали Белинасом, тевтонские рыцари пошли на штурм мусульманского замка, построенного на соседних высотах, башни которого, казалось, сливались с вершинами Либана. Сарацины, собравшиеся в этом месте и начавшие набираться храбрости, дали отпор нападавшим и преследовали их по скалам и пропастям. Поспешное отступление тевтонских рыцарей привело других христианских воинов в замешательство; эти последние были сбиты в кучу на гористом участке местности, где они не могли ни сражаться верхом, ни выстроиться в боевую линию. Сьер де Жуанвиль, командовавший королевской гвардией, не раз был на волосок от того, чтобы расстаться с жизнью или попасть в руки туркмен. Наконец французы упорным боем исправили ошибку немцев; Оливье де Терм и воины, которыми он командовал, преуспели в отражении нападения мусульман. Крестоносцы, разграбив Белинас, покинули его и вернулись в Сидон.

Людовик IX прибыл туда раньше них: каково же было его горе при приближении к городу, когда он увидел на своем пути землю, покрытую разграбленными и окровавленными телами! Это были жалкие останки христиан, убитых туркменами.^[334] Они быстро разлагались, и некому было взять на себя ответственность за их захоронение. Людовик остановился, созерцая это печальное зрелище, и, повернувшись к легату, попросил его освятить кладбище, а затем отдал

приказ о погребении мертвых, устлавших дороги; но вместо того, чтобы повиноваться ему, все отвели глаза и с отвращением отшатнулись. Затем Людовик спрыгнул с лошади и, взяв в руки одно из тел, от которого исходил заразительный запах, воскликнул: *“Идемте, друзья мои, идемте, давайте пожертвуем немного земли мученикам Иисуса Христа”*. Пример короля оживил мужество и милосердие лиц из его свиты; все стремились подражать ему, и христиане, которых перебили варвары, получили, таким образом, почести погребения. Это акт благочестивой преданности Людовика IX. память его товарищей по оружию отмечена всеми историками; это представляет странный контраст с бесчувственностью героя современности, который при почти сходных обстоятельствах и в той же стране отравил всех раненых, оставшихся на поле боя.

Царь несколько месяцев оставался в Сидоне, занятый укреплением города. Тем временем королева Бланш постоянно писала ему и умоляла вернуться во Францию, поскольку очень боялась, что больше никогда не увидит своего сына.

Ее предчувствия сбылись слишком быстро. Людовик все еще находился в Сидоне, когда в Палестину прибыло сообщение, в котором сообщалось, что королевы-регентши больше нет. Первым это печальное известие получил папский легат. Он отправился на поиски короля в сопровождении архиепископа Тирского и Жоффруа де Болье, духовника Людовика. Когда прелат объявил, что ему нужно сообщить нечто важное, и в то же время изобразил на лице выражение глубокой скорби, монарх повел его в свою часовню, которая, по словам старого автора, *“была его арсеналом против всех напастей мира”*. Прелат начал с напоминания королю, что все, что человек любит на земле, бrenно; *“Будь благодарен Богу, - добавил он, - за то, что он дал тебе мать, которая с такой трепетной заботой и такими способностями заботилась о твоей семье и твоём королевстве”*. Легат на мгновение замолчал, а затем, глубоко вздохнув, продолжил: *“Эта нежная мать, эта добродетельная принцесса сейчас на небесах”*. При этих словах Людовик издал пронзительный крик, а затем разразился потоком слез. Как только он немного пришел в себя, он упал на колени перед алтарем и, соединив и воздев руки, воскликнул: *“Благодарю тебя, о мой Бог! за то, что ты дал мне такую хорошую мать; это был дар твоей милости; сегодня ты принимаешь ее обратно как свою собственную; ты знаешь, что я любил ее превыше всего на свете; но поскольку, прежде всего, твои постановления должны быть исполнены, о Господи! да будет благословенно твое имя во веки веков!”* Людовик отослал двух прелатов и, оставшись наедине со своим духовником, прочел панихиду по усопшим. Прошло два дня, прежде чем он кого-нибудь увидел. Затем он попросил позвать Жуанвиля и, увидев его, сказал: *“Ах, сенешаль, я потерял свою мать”*. *“Сир,”* ответил Жуанвиль, *“меня это не удивляет; вы знали, что рано или поздно она должна умереть; но я поражаюсь той великой и непомерной скорби, которую вы испытываете по этому поводу, вы, который всегда был таким мудрым принцем”*. Когда Жуанвиль покинул короля, *мадам Мари де Боннес Вертюс* пришла просить его прийти к королеве и попытаться утешить ее. Добрый сенешаль застал Маргариту залитой слезами и не смог удержаться от выражения своего удивления, сказав ей: *“По вашим слезам трудно поверить, что вы женщина, потому что вы скорбите о потере женщины, которую вы ненавидели больше всех на свете”*. Маргарита ответила, что на самом деле она оплакивала не смерть Бланш, *“а великое беспокойство, в котором я вижу короля, а также нашу дочь, оставшуюся под опекой мужчин”*.

Людовик IX. каждый день присутствовал на заупокойной службе, отслуженной в память о его матери. Он отправил на Запад большое количество драгоценностей для распределения среди

главных церквей Франции, одновременно призывая духовенство возносить молитвы за него и за упокой королевы Бланш. По мере того, как он пытался вознести молитвы за свою мать, его горе уступало место надежде снова увидеть ее на небесах; и его разум, успокоенный смирением, находил свое самое действенное утешение в той таинственной связи, которая все еще соединяет нас с теми, кого мы потеряли, в том религиозном чувстве, которое смешивается с нашими привязанностями, чтобы очистить их, и с нашими сожалениями, чтобы смягчить их.

Смерть королевы Бланш, казалось, налагала определенные обязательства на Людовика IX. вернуться в свои владения; и новости, которые он получал с Запада, убеждали его, что его присутствие с каждым днем становится все более необходимым. Снова разразилась война за наследование Фландрии; срок перемирия с Англией только что истек; народ роптал; с другой стороны, Людовику теперь нечего было предпринять в Палестине. Поэтому он уделил серьезное внимание вопросу своего возвращения; но, как будто в данном случае он не доверял своему собственному пониманию, он решил, прежде чем принять окончательное решение, посоветоваться с волей Божьей. Были совершены процессии и вознесены молитвы во всех христианских городах Палестины, чтобы Небеса соизволили просветить тех, кому было поручено руководить войной, развязанной от их имени. Духовенство и бароны Иерусалимского королевства, убежденные, что в присутствии Людовика больше нет необходимости и что его возвращение на Запад может пробудить энтузиазм французских воинов к новому крестовому походу, посоветовали ему отправиться в Европу, одновременно выразив свою горячую благодарность за все услуги, которые он оказывал делу Иисуса Христа в течение пяти лет. Готовясь к своему отъезду, Людовик оставил в Святой Земле сотню рыцарей под командованием Жоффруа де Сержина, который тридцать лет сражался с сарацинами, а на старости лет стал вице-королем Иерусалима. Людовик покинул Сидон и весной 1254 года вместе с королевой и тремя детьми, которые родились у него на Востоке, отправился в Птолемаиду. Флот из четырнадцати судов был готов принять его и все, что осталось от воинов крестового похода. Когда настал день (24 апреля), король, идущий пешком, сопровождаемый легатом, патриархом Иерусалимским и всей знатью и рыцарями Палестины, направился по дороге в порт среди огромной толпы, собравшейся при его проезде. Все классы, провожая его взглядом, вспоминали о добродетелях, которым он подавал такой яркий пример, особенно о его доброте к жителям Палестины, с которыми он обращался как со своими подданными. Одни выражали свою благодарность горячими возгласами, другие - печальным молчанием; но все провозглашали его *отцом христиан* и умоляли Небо излить свои благословения на добродетельного монарха и на королевство Франция. Выражение лица Людовика ясно указывало на то, что он полностью разделяет сожаления христиан Святой Земли; он обратился к ним с несколькими утешительными словами, дал им полезные советы, упрекнул себя в том, что недостаточно сделал для их дела, и выразил искреннее желание, чтобы Бог когда-нибудь счел его достойным завершить дело их освобождения.

Наконец флот поднял паруса. Людовик получил разрешение легата взять с собой на свое судно Святые Дары для помощи умирающим и больным; поэтому, созерцая алтари, воздвигнутые на борту корабля, священников, облаченных в священнические одежды, совершающих божественную службу и вызывающих к защите Небес в любое время суток, было легко узнать благочестивые обломки крестового похода и последние трофеи войны Иисуса Христа.^[335] Когда флот приблизился к острову Кипр, судно, на котором находился король, сильно ударилось о песчаную отмель; вся команда была охвачена ужасом; королева и ее дети издали пронзительные крики; но Людовик пал ниц у подножия алтаря и обратился к Тому, кто

повелевает морем. Когда судно было осмотрено, оказалось, что оно получило значительные повреждения, и лоцманы настаивали на том, чтобы король покинул его; но, видя, что они сами не собирались покидать корабль, он решил остаться на нем. “Здесь нет никого, - сказал он, - кто не любил бы свое тело так же нежно, как я свое; если я уйду, они тоже уйдут и, возможно, долгое время не увидят свою страну; я предпочитаю верить себя, мою королеву и моих детей в руки Божьи, чем причинять такой вред такому большому количеству людей, как здесь”. Эти слова, вдохновленные героическим милосердием, возродили мужество моряков и паломников, и они возобновили свой путь. Покидая берега Сицилии, флот очень тщательно держался подальше от берегов Туниса, как будто тайное предчувствие предупреждало французских крестоносцев о несчастьях, которые ожидали их на этом берегу в еще более катастрофической экспедиции. Буря подвергла флот большой опасности; именно по этому случаю королева Маргарита дала обет подарить серебряный корабль святому Николаю Лотарингскому и попросила Жуанвиля стать ее защитником у святого покровителя потерпевших кораблекрушение. В то время как все остальные были в отчаянии, Людовик обрел спокойствие в философии, заимствованной из религии; и когда опасность миновала, он сказал своим спутникам: “Посмотрите, разве Бог не доказал нам, насколько велика его власть, когда с помощью одного из четырех ветров король Франции, королева, их дети и так много других людей избежали гибели”. Плавание длилось более двух месяцев, в течение которых паломники пережили множество удивительных приключений и несчастных случаев, о которых сохранилась история и которые достойно вошли бы в христианскую одиссею.

Флот, наконец, бросил якорь у островов Йер. Людовик пересек Прованс и, миновав Овернь, прибыл в Венсен 5 сентября 1254 года. Люди стекались со всех концов, чтобы поприветствовать его в пути; чем больше они, казалось, забывали о его неудачах, тем сильнее на Людовика действовали воспоминания о его погибших товарищах; и меланхолия, омрачавшая его лицо, составляла болезненный контраст с всеобщей радостью. Первой его заботой было отправиться в Сен-Дени, чтобы пасть ниц к ногам апостола Франции; на следующий день он совершил свой публичный въезд в свою столицу в сопровождении духовенства, знати и народа. Он продолжал носить крест на плече, вид которого, напоминая о причине его долгого отсутствия, давал его подданным повод опасаться, что он еще не отказался от своего предприятия - крестового похода. Большинство баронов и рыцарей, ушедших с Людовиком, нашли могилу либо в Сирии, либо в Египте. Те, кто пережил столько бедствий, вернулись в свои замки, которые они нашли опустевшими и превратившимися в руины. Добрый сенешаль, вернувшись домой, босиком отправился в церковь Святого Николая Лотарингского, чтобы исполнить обет, данный королевой Маргаритой. Затем он серьезно взялся за исправление причиненного его отсутствием зла и поклялся никогда больше не покидать замок Жуанвиль в поисках приключений в Азии.

Так закончилась эта священная война, начало которой наполнило христианские народы таким восторгом и которая, в конце концов, повергла в траур весь Запад. На протяжении всех событий, которые я только что описал, сенешаль де Жуанвиль был моим гидом, и я не могу закончить свой рассказ, не воздав ему должное в виде моей благодарности. Неприятельный тон его повествования, простота его стиля, веселость его характера принесли мне счастливое облегчение среди работы, всегда сухой, а иногда и отвратительной. Я получаю удовольствие, наблюдая за тем, как он бесстрашен на поле битвы, сохраняет бодрость духа среди военных невзгод, смирился в плену и всеми своими действиями напоминает нам об истинном духе рыцарства. Подобно своему соотечественнику Вильгардуэнзу, он часто заставляет плакать своих

героев, и так же часто плачет сам. Он отваживается на опасность, когда опасность присутствует; но он от всего сердца благодарит Бога, когда ему больше нечего бояться.

Когда я читаю его мемуары, я переношусь в тринадцатый век, и мне кажется, что я слушаю рыцаря, вернувшегося из крестового похода и рассказывающего мне обо всем, что он видел и что делал. У него нет ни метода, ни правила; он опускает линию своей речи и берется за нее снова; и он расширяет или сокращает свое повествование по мере того, как то, что он рассказывает, более или менее поражает его воображение. Когда мы читаем рассказы Жуанвиля, нас не удивляет, что Людовик получал столько удовольствия от его беседы; нет ни одного из его читателей, кто не испытывал бы к нему такого же доверия и дружбы, какие оказывал ему добродетельный монарх, и история без колебаний принимает все, что он утверждает, *клянясь своей честью*, убежденная, что тот, кто был достаточно смел говорить правду при королевском дворе, не обманет потомков.

Крестовый поход Людовика Святого был похож на тот, что непосредственно предшествовал ему. Энтузиазм по поводу этих дальних походов с каждым днем терял свою живость и энергию: крестовый поход больше не казался рыцарям ничем иным, как обычной войной, в которой рыцарский дух был более могущественным принципом, чем религия. Для Людовика IX это было всего лишь религиозным делом.

Способ, которым проповедовался этот крестовый поход в Европе, проблемы, среди которых раздавались голоса проповедников, и особенно средства, которые использовались для взимания дани на Западе, были рассчитаны на то, чтобы отвратить все умы от цели, которая, как предполагалось, была руководящей в священном походе.

И все же Людовик принял меры предосторожности, которыми пренебрегали в предыдущих войнах. Три года ушло на подготовку этого великого предприятия; рыцари, прибывшие на остров Кипр, не могли выразить своего изумления, увидев бочки с вином, поставленные друг на друга так высоко, что *они казались домами*; и кучи пшеницы, ячменя и других злаков, такие огромные, что *их можно было принять за горы*. Нет сомнений, что принцы и знать, сопровождавшие Людовика, подражали его примеру: счастливы были бы крестоносцы, если бы их предводители проявили на войне такое же благоразумие и дальновидность, какие они проявили при подготовке к своему походу!

Французские воины при любых обстоятельствах проявляли свою обычную храбрость; но на протяжении всего крестового похода не было ни одного случая проявления гения великого полководца; сам Людовик, находясь в опасности, не подавал своим войскам никакого примера, кроме мужества и стойкости. Мы рассказали о чудесах французской доблести и описали чудеса благочестивого смирения при неудачах; крестоносцы и их вожди заслуживали, даже в своих бедствиях и в глубине своих невзгод, уважения и восхищения своих врагов; и именно здесь история представляет самое прекрасное зрелище, которое она может предложить человеку: *“Слава, верный спутник несчастий”*.

В ходе нашего повествования мы имели случай отметить, что французское веселье никогда не покидало крестоносцев в их дальних походах. Эта веселость часто смешивалась с самыми печальными образами, а иногда даже нарушала строгие приличия. Мы просим разрешения повторить по этому поводу необычный анекдот, рассказанный Жуанвилем. Накануне битвы при Мансуре один из рыцарей сенешаля Шампани по имени Ландрикур умер; и пока ему

воздавались погребальные почести, шестеро его товарищей по оружию разговаривали так громко, что перебили священника, читавшего мессу. Жуанвиль горячо упрекнул их, и тогда они громко рассмеялись, сказав, что говорили о повторном браке с женой мессира Хью де Ландрикура, *который лежал там на носилках*. Добрый Жуанвиль был очень возмущен такими разговорами и приказал им хранить молчание. Говоря об этом нескромном веселье своих рыцарей, сенешаль не забывает добавить, что Бог наказал их в день битвы; ибо из всех шестерых, по его словам, не было ни одного, который не был бы убит и похоронен, и жена которого впоследствии не сочла бы удобным снова выйти замуж.

Манеры европейских рыцарей составляли разительный контраст с манерами мусульман, которые всегда были серьезны, даже среди празднеств, на которых они праздновали освобождение своей страны и поражение христиан.

Мы много раз говорили о недостатке дисциплины у крестоносцев; сарацины были немногим лучше в этом отношении; но в дополнение к преимуществу сражаться в своей собственной стране, каждый шаг по которой был им знаком, судьба дала им, несмотря на величайшие опасности, умелых и опытных вождей, которые знали, как воспользоваться всеми ошибками христиан и вернуть под свои знамена победу, которая, казалось, была утеряна доблестью их врагов.

История описывает, как весь египетский народ был охвачен ужасом при первом появлении крестоносцев; но мусульмане, успокоенные своими лидерами, вскоре почувствовали такую же безопасность и самоуверенность, какую испытывали до тревоги; и, как будто ничто так легко не забывается людьми, как опасность, через год после взятия Дамииетты они не могли понять, что за безумие привело короля Франции на берега Нила. Продолжатель Табари приводит обстоятельство по этому поводу, которое сразу рисует мнение и характер мусульман. Эмир Хоссам-Эддин в ходе беседы с пленным монархом сказал ему: “Как это могло прийти в голову царю, который, как я вижу, наделен мудростью и хорошими качествами, — как ему вообще могло прийти в голову довериться хрупкой деревянной коре, броситься на морские скалы, отправиться в страну, полную воинов, горящих нетерпением сражаться за мусульманскую веру; как он мог поверить, что сможет завладеть Египтом или высадиться на этих берегах, не подвергая опасности ни себя, ни свой народ навстречу величайшим опасностям? Король Франции улыбнулся, но ничего не ответил; и эмир так продолжил: “Некоторые из докторов нашего права решили, что тот, кто дважды подряд выходит в море, подвергая таким образом опасности свою жизнь и свое состояние, делает себя непригодным для дачи показаний в суде, потому что такая вопиющая неосторожность достаточно доказывает слабость его разума и несостоятельность его суждений”. Людовик IX снова улыбнулся и ответил эмиру: “Тот, кто так сказал, не был обманут; это мудрое решение”.^[336]

Мы переписали рассказ арабского историка, не придавая ему большего значения, чем он того заслуживает. Христианские авторы были не менее суровы по отношению к Людовику Святому и не могут найти оправдания его экспедиции за моря. Не пытаюсь оправдать этот крестовый поход, мы удовлетворимся здесь утверждением, что целью Людовика IX. цель состояла не только в том, чтобы защищать христианские государства Сирии и сражаться с врагами веры, но и в том, чтобы основать колонию, которая могла бы объединить Восток и Запад путем счастливого обмена произведениями и знаниями. В тринадцатой книге этой истории мы привели письмо султана Каира, из которого можно ясно понять, что у короля Франции были

иные взгляды, чем у простого завоевателя. Историк Мезераи официально утверждает, что проект короля Франции состоял в том, чтобы основать колонию в Египте, проект, который пытались осуществить в наше время. “Для этой цели,” говорит Мезераи, “он взял с собой большое количество рабочих и ремесленников, способных, тем не менее, носить оружие и сражаться в случае необходимости”. В подтверждение нашего мнения мы могли бы добавить к авторитету Мезераи авторитет Лейбница, который в мемуарах, адресованных Людовику XIV, без колебаний утверждает, что мотивы, определявшие Людовика IX. чтобы предпринять завоевание Египта, они были вдохновлены глубокой мудростью и заслуживали внимания самых искусных государственных деятелей и самых просвещенных политических писателей.

Мы должны, однако, полагать, что Людовик IX не рассматривал в полной мере преимущества, которые могли быть извлечены из его экспедиции или которые были открыты в наш век. Вся политика тех далеких эпох заключалась в религиозных идеях, которые проникали в человеческие дела и часто направляли их к цели, которую человеческий разум был неспособен постичь. То, что мы делаем сейчас в интересах торговли или цивилизации, тогда делалось в интересах христианства; и результаты часто были теми же самыми. Религия в те времена варварства и невежества была подобна таинственному разуму, подобному возвышенному инстинкту, данному человеку для того, чтобы помогать ему в его поисках всего, что было обречено стать хорошим и полезным для него. Мы не должны забывать, что христианская религия всегда направляла поведение Людовика IX. и что именно религиозному вдохновению этого монарха Франция обязана теми договорами, в которых главенствовали откровенность и добросовестность; теми учреждениями, которые освящали принципы справедливости; и всеми теми памятниками мудрой политики, которым современные философы не смогли отказать в своем восхищении.

Экспедиция Людовика IX привела к двум результатам для Египта, которых совсем не ожидали. Через два года после освобождения короля, когда он все еще находился в Палестине, мамелюки, опасаясь нового вторжения франков, чтобы помешать своим врагам захватить Дамьетту и укрепиться в этом городе, полностью разрушили его. Несколько лет спустя, когда их опасения все еще не рассеялись, а второй крестовый поход Людовика IX посеял новую тревогу по всему Востоку, египтяне забросали устье Нила огромными грудями камней, чтобы христианские флоты не могли плыть вверх по реке. С тех пор на небольшом расстоянии от места бывшего города была построена новая Дамьетта; но вход в Нил и в наши дни закрыт для всех судов, что является печальным свидетельством ужаса, который некогда внушало оружие франков.

История должна выразить более глубокую скорбь по поводу второго последствия этого крестового похода. Несомненно, что это внесло большой вклад в изменение формы египетского правительства и наполнило эту несчастную страну всеми бедствиями, которые несет с собой военный деспотизм. Это было зрелище, достойное нашего внимания и нашей жалости, - видеть, как после кровавой революции богатая и обширная страна в одночасье была отдана рабам, купленным в самых варварских регионах Азии. Деспотизм, который всегда подозревает все, что к нему приближается, боялся естественных защитников Египта и был готов доверить его безопасность людям без родины и семьи; тем людям, которые, по выражению Тацита, говоря о стражах Артабана, не имеют ни малейшего представления о добродетели, неспособны к

раскаянию, являются орудиями, всегда готовыми к преступлению, и знают только ту руку, которая им платит. Большинство сирийских династий уже погибли жертвами своего опрометчивого доверия к иностранным солдатам. Крепость Саладина постигла та же участь и была, как и все остальные, свергнута варварами, которым она доверила свою защиту. Династии бахаритских мамлюков, сменившей династию Аюба, не суждено было просуществовать долго; и группа рабов, купленных в Черкесии, в свою очередь завладела силой, которая вооружила их. Два столетия спустя Османская империя победила вторую династию Мамлюков; но их военное правительство, среди преступлений тирании и крайних беспорядков, долгое время противостояло власти завоевателя и просуществовало до конца восемнадцатого века, когда присутствие французской армии довершило его уничтожение. Таким образом, две французские экспедиции в Египет были отмечены: одна - восстанием и возвышением мамлюков, другая - их уничтожением.

Философия и гуманизм, однако, извлекли некоторые преимущества из экспедиции Сент-Луиса, которые история не оспаривает. Французский монарх услышал в Сирии, что могущественный эмир собирает огромное количество книг и формирует библиотеку, которая должна быть открыта для всех образованных и для всех желающих получить знания. Он загорелся желанием подражать этому благородному примеру и распорядился переписать все рукописи, хранящиеся в монастырях. Это литературное сокровище, вверенное попечению Винсента де Бове, было помещено в помещении рядом с часовней святого и стало первым образцом тех библиографических учреждений, тех драгоценных хранилищ литературы и наук, которыми сегодня по праву гордится столица Франции.

Часто говорили, что госпиталь Квинзевинов был основан Людовиком IX. как приют для трехсот джентльменов, вернувшихся слепыми со священной войны. Постановление, которым Людовик основал эту больницу, ничего не говорит о том, что подтверждает мнение, первоначально распространенное несколькими авторами и которое с тех пор стало популярной традицией. [337] Жуанвиль говорит об учреждении квинзевинов; но он ничего не говорит о мотивах, побудивших благочестивого монарха основать это учреждение. Кроме того, мы должны добавить, что происхождение Квинце-Вингца произошло на несколько лет позже его возвращения из крестового похода. Мезераи рассказывает в своей истории, что в середине XII века в Руане была основана больница для слепых; и этот древний памятник благотворительности мог бы натолкнуть Людовика на мысль основать подобное учреждение в своей столице.

До этого крестового похода Татария была известна только благодаря многочисленным эмиграциям Великих Моголов. Этот обширный регион был в некотором роде открыт Западу миссионерами, посланными туда королем Франции. Уильям де Лонжюмо, отплывший с острова Кипр, за время своего путешествия собрал множество сказочных преданий; но он также привез с собой несколько любопытных заметок и несколько точных наблюдений. Рубруки, отправившийся во время пребывания короля в Палестине и вернувшийся после ухода крестоносцев, не преуспел в своем посольстве к могущественному императору Великих Моголов; но как путешественник он проникательно изучил страну, нравы и законы татар; и его рассказ до сих пор является ценным памятником, который не предали забвению более поздние путешествия.

Летописцы того времени, даже сам Жуанвиль, которые никогда не обращали своего внимания ни на что, кроме событий войны, и не обращали внимания на прогресс цивилизации, ничего не сказали о знаниях, которые Людовик мог приобрести относительно законодательства Востока. Каким интересом не обладали бы в наших глазах старые хроники, если бы в них сообщалось о беседах королевского законодателя с восточными христианами, сведущими в изучении законов и обычаев, царивших в колониях франков! Именно во время пребывания короля в Сирии канцлер королевства Кипр собрал все законы, которые легли в основу *судебных заседаний Иерусалима*. Не должны ли мы тогда с полным основанием сказать, что этой драгоценной коллекцией мы обязаны советам и, еще больше, поощрению Людовика IX? Несомненно, что благочестивый монарх не пренебрегал ничем, что позволило бы ему ознакомиться с обычаями стран, которые он посетил, и что судебные заседания в Иерусалиме послужили образцом для создания памятника законодательства, которое впоследствии составило величайшую славу его правления.

Одним из преимуществ этого крестового похода, и, несомненно, самым большим из всех, было то, что Людовик вернулся гораздо лучше, чем был, когда уезжал, и что невзгоды развили и усовершенствовали в нем все качества, на которые рассчитывали его подданные для своего будущего процветания. Протестантский историк, говоря об этом предмете, использует следующие замечательные слова: “Плодом его путешествия и его невзгод было то, что он вернулся гораздо лучшим человеком, возросшим в усердии, скромности, благоразумии и прилежании; и что он был более почитаем и любим своим народом, чем когда-либо до своего отъезда; и вся земля восхищалась его хорошей жизнью и постоянством среди опасностей, как чудом среди королей”.[\[338\]](#)

Луи был далек от того, чтобы пытаться забыть свои несчастья, он постоянно ссылаясь на них как на великий пример, который Бог пожелал показать миру. Он приписывал их главным образом своим собственным недостаткам; и аскетизм, на который он обрек себя до конца своей жизни, был, по словам отца Даниэля, своего рода трауром, который он всегда носил по храбрецам, погибшим в крестовом походе. По возвращении он изменил чеканку монет, и по его приказу были отчеканены серебряные парижские и Гро-турнуа, на которых были изображены цепочки, чтобы сохранить память о его пленении. Эти воспоминания сделали его еще более дорогим своему народу и возвышенным в глазах всех христиан. Счастливы князья, для которых уроки несчастья не пропали даром! счастлив также век, в котором о людях судят не по милостям судьбы, и в котором невзгоды великих мира сего заключают в себе нечто почтенное и священное!

Несчастья того времени, как мы уже говорили, разорили множество самых знатных семей королевства. Мы знаем, что многие дворяне продали свои земли, чтобы обеспечить средства для проведения крестового похода; и история сохранила акты, принятые в лагере, даже при Мансуре, по которым несколько дворян продали свои владения короне. Людовик вовсе не желал, чтобы его товарищи по оружию были обречены на нищету за то, что последовали за ним на Восток и разделили с ним труды и опасности священной войны; поэтому он приказал составить список неимущей знати и изыскал средства помочь им из своих собственных доходов; он с трогательной добротой помог вдовам и сиротам храбрых рыцарей, на его глазах павших рядом с ним; и его забота распространялась даже на бедных рабочих, которые пострадали либо в войне Пастырей, либо из-за его отсутствия, либо из-за того, что он был убит. неэффективность законов. “Крепостные, - сказал он, - принадлежат Иисусу Христу так же, как и

нам, и в христианском королевстве мы никогда не должны забывать, что они наши братья”. После своей войны с мусульманами он не мог смириться с мыслью о том, что в битве прольется кровь христиан. Его указы запрещали войну между отдельными лицами во всех королевских владениях, а авторитет его примера способствовал поддержанию порядка и мира во всех провинциях.

Перед своим отъездом Людовик отправил комиссаров исправить беззакония, совершенные в правительстве его королевства. По возвращении он был полон решимости увидеть все сам и объехал свои провинции, будучи убежден, что Бог не простит королей, которые пренебрегли любой возможностью или средством познакомиться с истиной. Каким трогательным зрелищем, должно быть, было видеть короля, который так же стремился обнаружить все зло, совершенное от его имени, как другие люди стремятся выявить любую несправедливость, допущенную по отношению к ним самим! Короче говоря, его отеческая бдительность привела к уничтожению всех злоупотреблений и исправлению всех недостатков; “и, наконец, - говорит благородный собеседник его мыслей, - со временем королевство Франция так сильно умножилось благодаря справедливости и прямоте, которые в нем царили, что владения, феодальные штрафы, арендная плата и доходы увеличились за один год в полтора раза и значительно улучшили состояние королевства Франции”.

Мы не можем закончить рассказ об этом крестовом походе, не упомянув императоров Фридриха II и Иннокентия IV, которые оказали такое большое влияние на описанные нами события. О Фридрихе можно сказать, что его слава претерпела столько же превратностей, сколько и его судьба. Современные хроники иногда преувеличенно восхваляют его, а в других безмерно порицают. Такова судьба принцев, которые жили в условиях конфликта партий. Партийный дух, который судил их при жизни, не оставляет истории ничего, кроме неопределенности, и, по-видимому, все еще существует для них в потомстве. Ни один историк не отрицал таланта или гениальности Фридриха; он был одним из самых прославленных военачальников своего времени; его причисляют к тем князьям, которые своим примером и щедростью способствовали возрождению литературы в средние века. Он проявил великие качества на троне, но не знал, как привести себя в гармонию с духом своих современников; [339] у него не было ни недостатков, ни добродетелей своего времени, и это причина, по которой он уступил в упорной борьбе с папами. Если бы эта борьба не тревожила и не разделяла Европу, и если бы Фридрих был движим теми же чувствами, что и Людовик Святой, нет сомнений, что христианство восторжествовало бы над исламизмом и что крестоносцы покорили бы значительную часть Востока.

Память Иннокентия IV. Оценивалась столь же по-разному, как и память о его грозном противнике. Глядя на его манифесты, его воинственные предприятия, его духовные и светские триумфы, мы могли бы поверить, что самый способный и честолюбивый из завоевателей восседал на троне святого Петра. События, с которыми он связал свое имя и которыми руководил в соответствии со своей политикой, не оставляют нам ничего сказать о его гении или его характере. После смерти Фридриха этот понтифик вернулся в Италию, по которой он проехал с триумфом; но по странному контрасту он, поколебавший власть императоров, лишь с трепетом вступил в Рим. Римляне отправили к нему послов, чтобы выразить свое удивление по поводу того, что он ведет бродячую жизнь вдали от своей столицы и от паствы, за которую ему придется отчитываться перед верховным судьей.

Хотя Иннокентий и был послушен в этом отношении воле римского народа, он продолжал свои проекты против остатков императорской семьи, и смерть застала его врасплох в неаполитанском королевстве, которым он завладел от имени Церкви, потеряв всякую заботу о судьбе христианских колоний Востока. Сменивший его понтифик, хотя у него не было ни его честолюбия, ни его авторитета, ни его гения, тем не менее следовал намеченной для него карьере. Он стремился воплотить в жизнь все угрозы Святого Престола, и громы Рима находились в руках Александра VI не больше, чем в руках его предшественников.

Что могло бы оправдать настойчивый, упрямый пыл, с которым папы преследовали потомство Фридриха, так это то, что этим они освободили Италию от ига германских императоров; и что эта богатая страна шестьдесят лет не видела армий германской империи. Но, с другой стороны, это преимущество было приобретено таким количеством насилия и столькими бедствиями, что народы так и не смогли насладиться им или познать его ценность. Папы, которые не всегда были достаточно сильны, чтобы проводить свою политику в жизнь, иногда были вынуждены призывать на помощь иностранных князей, которые вносили в Италию новые смуты. Война постоянно влекла за собой войну; завоеватели были изгнаны другими завоевателями. Эта революция длилась несколько столетий и стала роковой не только для Италии, но и для Германии, Франции и Испании, для всех, кто желал разделить добычу швабского дома.

В нашу задачу не входит описывать эти прискорбные сцены: чтобы вернуться к тому, что более конкретно относится к нашей теме, мы, заканчивая эти общие рассуждения, взглянем на крестовый поход, который тогда проповедовался во всех городах Италии против Эчелино де Романо, которого голос народа, равно как и голос Церкви, объявил врагом Бога и людей.

Этот итальянский аристократ воспользовался беспорядками гражданских войн, чтобы узурпировать тираническое господство над несколькими городами Ломбардии и Тревизано. Все, что нам рассказывают о тиранах сказочной древности, не дотягивает до жестокости Эчелино. Современная история сравнивает его варварское правление с эпидемиями, наводнениями, пожарами и самыми ужасными потрясениями природы. Папа сначала отлучил Эчелино от церкви, *в котором он не видел ничего, кроме дикого зверя в человеческом обличье*; вскоре после этого он объявил крестовый поход против этого бича Бога и человечества. Иоанн из Виченцы, проповедовавший общественный мир двадцать лет назад, был первым проповедником этой священной войны. Верующие, поднявшие оружие против Эчелино, должны были получить те же индульгенции, что и те, кто отправился в Палестину. Этот крестовый поход, предпринятый во имя человечности и свободы, проповедовался во всех республиках Италии: красноречие святых ораторов легко возобладало над толпой; но то, что больше всего воспламенило рвение и пыл народа, было зрелищем несчастных, которых Эчелино изувечил во время пыток, а также столами и причитаниями семей, из которых тиран выбирал своих жертв. В большинстве провинций Италии жители городов и деревень взяли за оружие, чтобы защитить дело религии и свою родину; они жаждали получить гражданскую корону, если одержат победу над тиранией, и венец мученичества, если им случится пасть.

Знамя с крестом было выставлено во главе армии; толпа крестоносцев двинулась на Эчелино, распевая этот церковный гимн:

“Vexilla regis prodeunt,
Fulget crucis mysterium.”

Армия верующих поначалу добивалась быстрых успехов; но поскольку командовавшему ею архиепископу Равенны не хватало мастерства, а у крестоносцев в каждом городе не было предводителей, кроме монахов и духовенства, они не воспользовались своими ранними преимуществами. Политические интриги и дух соперничества ослабляли пыл сражающихся; победа иногда уравнивалась поражениями: четырех лет трудов и опасностей едва хватило для подавления нечестивого господства или для того, чтобы отомстить человечеству за поражение и смерть Эчелино.

Я сожалею, что план этой работы не позволяет мне более подробно рассказать об этой войне, в которой религия так счастливо помогла делу свободы и которая так сильно контрастирует с большинством современных событий. В этот период проповедовалось такое количество крестовых походов, что история едва ли может уследить за ними, и мы поражаемся, что население Запада не было истощено таким количеством неудачных войн. При Людовике IX. когда он возвращался с Востока, где оставил свою армию, и в Италии формировалась священная лига против тирана Эчелино, шестьдесят тысяч крестоносцев под командованием короля Богемии выступили против народа Литвы, все еще пристрастившегося к поклонению идолам; и другая армия крестоносцев покидала берега Одера и Вислы, чтобы сразиться с язычниками Пруссии, на которые столько раз нападали и побеждали тевтонские рыцари. История с удовлетворением отмечает, что в ходе этой последней экспедиции были основаны города Браунсбад и Кенигсберг; но основание двух процветающих городов не может стереть память об опустошении многих провинций. Если из этих кровавых походов и могли возникнуть какие-либо выгоды, то это, несомненно, были прогрессивные шаги христианства, которые объединили людей, до того времени разделенных различиями в нравах и религиозных верованиях; это были уроки несчастья и плоды опыта, которые в конце концов просветили Европу и дали человеческому разуму новое направление, более соответствующее законам справедливости и разума, более благоприятное интересам человечества. Именно таким образом Провидение, всегда смешивающее добро со злом, обновляет человеческие общества и сеет плодотворные семена цивилизации в самом сердце беспорядка и варварства.

КОНЕЦ ТОМА II.

ИЗДАНИЕ ЧАРЛЬЗА ЛЭМБА ОТ ЭЙНДЖЕРА.

(По договоренности с господами . Macmillan & Co., Лондон.)

СТИХИ, ПЬЕСЫ ЧАРЛЬЗА ЛЭМБА
И РАЗНЫЕ ЭССЕ.

**С 50 страницами введения и примечаний АЛЬФРЕДА АЙНГЕРА, редактора "Очерков Элии".
12 страниц, ткань, позолоченный верх. 432 страницы. \$1.50.**

“В этом томе стихи Лэмба расположены в хронологическом порядке, и читатель может проследить различные события жизни поэта по его произведениям.” —N. Y. Examiner.

“Работа мистера Эйнджера была выполнена весьма разумно и удовлетворительно. Это издание можно смело рекомендовать за точность и полноту”. —*Boston Courier*.

“Эта книга доставит бесконечное удовольствие тысячам людей — сделает Лэмба больше не просто именем, а другом. Те читатели, которые знают Лэмба как поэта только по его стихам, немногочисленным, но изысканной красоты, будут удивлены, обнаружив размах его поэтической силы. Эссе в прозе, включенные в этот том, изобилуют восхитительным юмором”. — *Журнал "Провиденс"*.

Лондонская академия говорит: “В прошлом году у нас была несравненная “Элия” - здесь представлены все разнообразные работы Лэмба, которые он сам отобрал для сохранения в неизменном виде. Никому и никогда не понадобится более удовлетворительное издание, чем это. В интересах любознательных мы должны добавить, что мистер Эйнджер здесь впервые печатает копию стихов из альбома, написанных для миссис Де Морган и письмо Додуэллу, старому приятелю Лэмба, клерку в Индийском доме.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ (С новых пластинок)

ОЧЕРКИ ЭЛИИ ЛЭМБА.

С 50 страницами введения и примечаний Альфреда Айнгера. 12то, тканевый позолоченный верх. 550 страниц. \$1.50.

Нью-Йоркский христианский союз заявляет: “Ценность этого издания во многом повышается благодаря заметкам мистера Эйнджера, которые на сегодняшний день являются лучшим комментарием к Лэмбу, который был дан миру. Мистер Эйнджер досконально владеет всей информацией, относящейся к Лэмбу и его работе; он изучил все связанные с этим вопросы, изучил всевозможные неясные и второстепенные факты и придает эссе в некоторых частях гораздо более свежий смысл”.

ЭТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ включает заметки мистера Эйнджера, о которых “*The Nation*” говорит: “Они достойны восхищения. Они занимают почти пятьдесят страниц и **СОДЕРЖАТ МАССУ ИНТЕРЕСНОЙ ИНФОРМАЦИИ О ЛЭМБЕ, ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И ЕГО ДРУЗЬЯХ.** Библиографические сведения о первых публикациях эссе приведены здесь и там. Объясняются многие неясности и намеки, и раскрываются многие мистификации Лэмба. мистер Эйнджер использовал ключи (написанные рукой Лэмба) к различным первым сериям эссе”.

Копии отправляются по получении цены с предоплатой, по

Эй Си Армстронг и сын, Бродвей, 714, Нью-Йорк.

РАБОТАЕТ СТАНДАРТ ВЫБОРА.

НОВОЕ И КРАСИВОЕ БИБЛИОТЕЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ МИЛЬМАНА,

С оглавлением и полными указателями.

В 8 т., КОРОНА 8 В., ТКАНЬ.

ЦЕНА, 12,00 долларов ЗА комплект. (Снижена с 24,50 долларов.)

(Дополнительно из телячьей кожи, 25,00 долларов за комплект.)

Настоящее издание работ Мильмана, тщательно переработанное и исправленное, включает

История евреев, 2 тома.

История христианства, 2 тома.

История латинского христианства, 4 тома.

Доктор Мильман завоевал устойчивую популярность как историк своими тремя великими работами "История евреев", "История христианства" и "История латинского христианства". Эти произведения связаны друг с другом и ведут повествование от начала всей истории до среднего периода современной эпохи. Это работа ученого, добросовестного студента и христианского философа. доктор Милман подготовил это новое издание таким образом, чтобы в нем были использованы результаты более поздних исследований. В примечаниях и в отдельных приложениях к главам критически обсуждается множество очень важных вопросов.

Автор известен своим спокойствием и жесткой беспристрастностью, бесстрашным разоблачением плохого и оценкой хорошего как в учреждениях, так и в людях, а также своей целью всегда говорить правду с милосердием. Лучшие источники обо всех рассказанных событиях были тщательно отобраны, и их результаты представлены в стиле, замечательном своей ясностью, силой и одушевлением.

РАБОТЫ МИЛМАНА ЗАНЯЛИ СВОЕ МЕСТО Среди ПРИЗНАННЫХ КЛАССИКОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА. Общая точность его высказываний, искренность его критики и широта его милосердия повсюду очевидны в его произведениях. Кажется, что он всегда искал истину, и то, что он находит, он излагает с простой ясностью и бесстрашной честностью. ЕГО РАБОТЫ В ИХ ИСТОРИЧЕСКОМ ОТДЕЛЕ ТАК ЖЕ ЦЕННЫ, КАК ТОМА ГИББОНА В СВЕТСКОЙ ИСТОРИИ. ОНИ ЗАСЛУЖИВАЮТ МЕСТА В КАЖДОЙ БИБЛИОТЕКЕ СТРАНЫ. ЭТО НОВОЕ ИЗДАНИЕ в 8 томах содержит В среднем БОЛЕЕ 900 страниц в томе. ЦЕНА 12,00 долларов ЗА комплект (ранее публиковалось в 14 томах). за 24,50 доллара.)

Отправлено при получении цены с предоплатой, по
Эй Си АРМСТРОНГ И СЫН, Бродвей, 714, Нью-Йорк.

СНОСКИ:

[1] Автор написал историю четвертого, пятого и шестого крестовых походов во время последней узурпации власти Бонапарте. [Как легко наблюдательный читатель может определить, когда была опубликована книга — приведенная выше заметка, несомненно, была написана после провала Бонапарта.— Пер. с англ.]

[2] Алмелик-Алазоз, Эмад-эддин Отсман. Мы привели имена мусульманских князей в том виде, в каком их пишет большая часть наших историков; мы позаботимся указать в примечаниях, как они произносятся арабскими авторами.

[3] Алемелек Альмансур, Нассир-эддин Мохаммед.

[4] Альмелек Аладель Сейф-эддин Абен-беер Мохаммед.

[5] Абульфедда и некоторые другие арабские историки достаточно кратко указывают на разделение, которое айубитские принцы провели на обширных провинциях, образовавших империю Саладина. Эта империя включала Сирию, Египет, почти всю Месопотамию и даже значительную часть Аравии.

Азиз, как мы уже говорили, обосновался в Египте; Афдал и Тахер поделили Сирию между собой, один правил в Дамаске, а другой в Алеппо. Адель сохранил за собой города, расположенные за Евфратом, которые составляли *восточные провинции*, то есть собственно Месопотамию. К этим трем большим подразделениям были присоединены несколько феодальных князей, которые управляли в качестве феодальных владений различными городами империи. Хама, Саламиак, Моана и Мамбедж принадлежали Мансуру; именно от этой ветви произошла знаменитая Абульфедда: семья Чиркоух основалась в Эмессе; Тахер, сын Саладина, наслаждался Босрой; Амджед, правнук Аюба, был принцем Бальбека; Шейзер, Абу Кобаис, Сахьун, Телль-Бахер, Каубеб, Аджлун, Барин, Кафар-Таб и Фамие принадлежали различным эмирам, которые служил в войсках Саладина.

Что касается Йемена, провинции Аравии, в которой обосновался Туран-чах, семья Айубитов правила там до 1239 года.

[6] Алмелек Алафдал, Нуреддин Али.

[7] После смерти Саладина Иерусалим перешел во владение Афдаля, его сына, который передал его в феод эмиру Азз-эддину Джердику. Азиз стал хозяином Дамаска, священный город перешел в руки другого эмира, Ильм-эдина Кессера; ему наследовал Абулхедж, любимец

Аделя; ибо при разделе, который этот принц и его племянник Азиз произвели между Египтом и Сирией, Палестина оставалась во власти Аделя. Абу-л-Хеджа, в свою очередь, сменил знаменитый эмир Аксанкар-эль-Кебир, а его самого - Меймун в 1197 году. Когда империя воссоединилась под властью Аделя, его сын Моаддхем получил Дамаск, от которого зависели Палестина и Иерусалим.

[8] Вот текст присяги в том виде, в каком он был сохранен историком: "С этого момента я полностью посвящаю себя службе султану Эльмелеку Альнасеру Салак-эддину, пока он жив. Я клянусь посвятить свою жизнь, свое имущество, свой меч и свои силы защите его империи и всегда быть послушным его приказам. Я клянусь соблюдать те же обязательства после него по отношению к его сыну и наследнику Алмелеку Алафдалу. Я клянусь подчиниться ему, сражаться за его империю и государства своей жизнью, своим богатством, своим мечом и своими войсками. Я клянусь повиноваться ему во всем; я посвящаю себя ему внутренне и внешне и беру Бога в свидетели этого обязательства".

[9] Этого визиря звали Наср-аллах, и он носил фамилию Диаддин, "сияние религии"; он был братом знаменитого историка Ибн-Элатзира, автора "*Тарих Камель*", и сам успешно занимался литературой. Изучение большинства наук занимало его юность, и его память была украшена самыми прекрасными отрывками из древней и современной поэзии его народа. Саладин назначил его визирем своего сына, и Наср-аллах доказал своим поведением, что он достоин этой чести. Если он и совершал ошибки на посту министра, то, по крайней мере, чтит свой характер, оставаясь верным своему господину, разделяя его несчастья и следуя за ним в изгнание. Пробыв некоторое время в Самосате, куда был сослан Афдал, он прибыл в Алеппо и поступил на службу к Тахеру, который там правил; и, будучи недоволен его поведением, он покинул двор и удалился в Моссул, где поселился. Он умер в Багдаде в 1239 году, выполняя дипломатическую миссию, которую ему поручил принц Моссула. Наср-аллах оставил несколько литературных произведений, номенклатура которых содержится в биографии Ибн-Хилькана.

[10] М. А. Журден опубликовал любопытный отчет об Абульфеде и его семье, материалы для которого были предоставлены самими работами этого историка: он напечатан в четырнадцатом томе "*Анналов путешествий*" и др. М. Мальтебрана.

[11] Госпитальеры тогда владели в пределах Христианского мира *девятнадцатью тысячами поместий*; у тамплиеров было только *девять тысяч*. Matthew Paris expresses himself thus:—Habent insuper Templarii in Christianitate novem millia maneriorum; Hospitalii vero novem decem, præter emolumenta et varios proventus ex fraternitatibus et prædicationibus provenientes, et per privilegia sua accrescentes.—*Matth. Париж.*, 1244 год н.э., в книге "Генрих III", lib. xi. стр. 615. Поместье в средние века *создавалось трудом одного плуга*.

[12] У нас есть два письма, написанные Селестиной Хьюберту, архиепископу Кентерберийскому, с просьбой привлечь его к проповеди крестового похода. Папа повелевает архиепископу применить церковные порицания к тем, кто, приняв крест, задержал свой отъезд в Святую Землю; и потребовать от тех, кто не смог отправиться в путь, отправить за свой счет одного или двух человек сражаться против неверных.

[13] Это напоминает нам о завоевательных планах, вынашиваемых Пирром, царем Эпира, — и о путешественнике, который намеревался обойти земной шар, — чтобы в конце своих странствий *посадить капусту в Ганновере*.—Пер.

[14] Все факты, относящиеся к проповеди этого крестового похода, можно найти у Роджера де Ховедена, Мэтью Пэриса, Годфри Мойна, Уильяма Ньюбриджского, Оттона Сен-Блезского и Арнольда Любекского. Последний сообщает больше всего подробностей; он не преминул сообщить нам, что сорок горожан Любека приняли крест по этому случаю.

[15] Длинные списки имен и титулов крестоносцев могут на первый взгляд показаться читателю утомительными; но поскольку каждое имя представляет территорию или поместье, списки, по сути, являются лучшим средством досконального ознакомления с масштабами этой поразительной мании.—Пер.

[16] Роже де Ховеден приводит этот отчет о смерти Генриха Шампанского. Арнольд Любекский говорит, что этот принц встал у окна, чтобы подышать свежим воздухом. Тот же Арнольд добавляет, что многие думали, что Бог наказал Генриха за сожаление, которое он проявил по поводу прихода немцев, которым он завидовал за славу освобождения царства Христова.

[17] У нас есть очень ценный памятник, посвященный битве при Сидоне; это письмо герцога Саксонии, написанное архиепископу Кельна. Герцог присутствовал при битве.

[18] Арнольд, который рассказывает об этом сообщении голубя, похоже, опасается, что ему не поверят. This is the manner in which he expresses himself in the third chapter:—Hic quiddam dicturus sum non ridiculum, sed ridiculè à gentibus tractum, qui quoniam sapientiores filiis iucis in generatione suâ sunt, multa excogitant, quæ nostrates non noverunt, nisi fortè ab eis didicerint. Solent enim ex untes ad quælibet negotia secum exportare columbas, quæ domi aut ova aut pullos noviter habent creates, et si in viâ fortè accelerare volunt nuncium, scriptas literas sub umbilico columbæ subtiliter ponunt, et eam avolare permittunt. Quæ cum ad suos fœtus properat, celeriter amicis desideratum nuncium apportat.

[19] Изображение Фальканда совершенно пророческое и описывает события, в точности подобные тем, которые произошли после него. We will quote the most curious passages:—Intueri mihi jam videor turbulentas barbarorum acies, eo qua feruntur impetu irruentes, civitates opulentas et loca diuturnâ pace florentia metu concutere, cæde vastare, rapinis atterere, et fœdare luxuriâ. Ingerit se mihi, et lachrymas a nolente futuræ species calamitatis extorquet. Occurrunt hinc cives aut resistendo gladiis intercepti, aut se dedendo miserâ servitute depressi. Illine virgines in ipsis parentum conspectibus constupratæ; matronæ post varia et preciosa capitis, colli, et pectoris ornamenta direpta, ludibrio habitæ defixis in terrâ oculis inconsolabiliter deplorantes, venerabile fœdus conjugii fœdissimæ gentis libidine violari. Nec enim aut rationis ordine regi, aut miseratione deflecti, aut religione terreri Theutonica novit insania, quam et innatus furor exagitat, et rapacitas stimulat, et libido præcipitat. Hæc autem in Apuliâ vicinisque provinciis geri, licet horrendum ac triste sit facinus, et multo cum mœrore deflendum, utcunque tamen tolerabile putaretur, si in cispharinis tantum partibus barbarorum immanitas desæviret. Servire barbaris jam cogetur antiqua illa Corinthiorum nobilitas qui patriis olim relictis sedibus, in Siciliam transuentes, et urbi construendæ locum idoneum perquirentes, tandem in optimâ et pulcherrimâ parte Siciliæ inter inæquales portus mœnia sua loco tutissimo construxerunt. Quid tibi nunc prodest philosophorum quondam floruisse doctrinis, et poëtarum ora vatifici fontis nectare proluisse? satiùs tibi quidem esset ac tutiùs, Siculorum adhuc tyrannorum sævitiam pati, quam barbaræ fœdæque gentis tyrannidem experiri. Væ tibi fons celebris et præclari nominis Arethusa, quæ ad hanc devoluta est miseriam, ut quæ poëtarum solebas carmina modulari, nunc Theutonicorum ebrietatem mitiges, et eorum servias fœditati.—См. *Сицилийскую историю*, ар. Муратори, том vii.

[20] Роджер де Ховеден говорит, что мусульманский принц Иерусалима предложил сдать город франкам и даже стать христианином. Если мусульманский принц действительно сделал такое предложение, мы не можем легко догадаться, почему христиане не должны были принять его. Но Роджер - единственный историк, который упоминает это совершенно невероятное обстоятельство: восточные историки молчат.

[21] Оттон из Сент—Блеза говорит, что после первого крестового похода сарацины укрепили Иерусалим: Языческую сумму гражданской индустрии и кастеллу, которая является продолжением Иерусалима, муниверунт и проповедь Иерусалима, дубликаты мира, антемурали напротив, и глубокие окаменелости. чингентес, невыразимый преступник, дато Кристианис, секьюриссимус, проводящий визенди гроб Господень, задание благодарности.—См. *Другое послание Святого Блеза* ап. Собирай урции.

[22] Арнольд Любецкий наиболее полно описывает детали этой осады: этот историк - почти наш единственный проводник в этой части нашего повествования. Мы нашли несколько полезных документов в продолжении Tabary.

[23] После описания развращения крестоносцев Арнольд добавляет: —Вениамин не пето, не эним ут кемпиам конфундам, геку скрибо, сед дилектос в Христо монео.

[24] Восточные историки мало что говорят об осаде Торона; продолжатель Табари выражается так: “Франки атаковали Тебнин (Торон) и пробили бреши с разных сторон. Когда Малек-Адель узнал об этом, он написал Мелик-Алазизу, султану Египта, с просьбой пригласить его лично; ‘ибо, если ты не приедешь, ‘ сказал он, - мы не сможем защитить пограничную страну’. Затем пришел Алазиз со своими войсками. Что касается мусульман, находившихся в замке, то, когда они увидели бреши, проделанные в его стенах, и у них не было никакой надежды, кроме как защищаться острием меча, многие из них сдались франкам и потребовали защиты для себя и своего имущества, предлагая сдать замок. Командование было отдано священнику Канделяру (Конраду), немцу; но франк с Сахеля (побережья Сирии) сказал мусульманам: ‘Если вы сдадите крепость, эти люди возьмут вас в плен и убьют: тогда сохраняйте свои дни’. Мусульмане покинули их, как бы собираясь сдать крепость; но когда они снова поднялись, они продолжали защищаться и сражались в отчаянии, так что удерживали замок до прибытия Мелик-Алазиза в Аскалон”.

[25] Nec inter ista defuit spiritus procellæ, tonitruis et coruscationibus, et pluviarum inundationibus et grandine de cœlo fugientes infestandâ.—*Арнольд Луб.* глава 5.

[26] Отто де Сен-Блез, похоже, убежден, что тамплиеры получили деньги, чтобы предать дело христиан. He expresses himself as follows:—Nam sicut fertur, quidam de militibus Templi, à paganis corrupti pecuniâ, animam Conradi cancellarii, qui in hâc ipsâ obsidione præcipuè clarebat, cum quibusdam aliis inflexerunt, eisque auri maximo pondere collocato, obsidionem solvere persuaserunt; sicque vendito Christo tradito paganis per castellum, sicut olim Judæis, recesserunt. Nec tamen de pretio taliter acquisito aliquod emolumentum, sicut nec Judas de triginta argenteis, consecuti sunt. Si quidem pretio corrupti, corruptum à paganis aurum metallo sophistico, auro in superficie colorato receperunt; sicque in opprobrium sempiternum cum notâ infamiæ meritò consecuti sunt.—См. *Другого де Сен-Блезав* собрании Уртия.

[27] Мы поражены, обнаружив так мало сведений об этом крестовом походе у продолжателя Вильгельма Тирского. Он говорит об этой битве и о разделении среди христиан, но без каких-либо обстоятельств, достойных того, чтобы о них рассказали нашим читателям.

[28] Арнольд Любекский говорит, что известие о смерти императора Германии пришло до осады Торона; но маловероятно, что крестоносцы, которым внезапно так захотелось вернуться на Запад из-за проблем, угрожавших Германии, должны были предпринять осаду Торона после известия о смерти, которая должна была вызвать большие события в Европе. Генрих умер в сентябре 1196 года; осада Торона началась почти в то же время; таким образом, крестоносцы в то время не могли быть проинформированы об обстоятельствах, которые заставили их так внезапно отказаться от священной войны.

[29] Отец Мамбур воздает величайшую хвалу вдове Белы. “Этот пример, - говорит он, - делает очевидным то, что часто наблюдалось у других принцесс, а именно, что героическая добродетель вовсе не зависит от пола и что слабость темперамента и тела можно компенсировать величию души и силой ума”.

[30] Английский историк Фуллер очень подробно рассказывает об этой катастрофе. Поскольку его труд немногочислен, я переведу отрывок из него, касающийся этого крестового похода, в котором беспристрастный читатель найдет грубые искажения, сделанные яростным врагом крестоносцев. “В этой войне, - говорит он, - мы можем рассматривать епископальную армию, которая могла бы служить синоду; или, что более верно, она предлагает нам картину *воинствующей Церкви*. Многие капитаны тайно вернулись домой, и когда солдаты захотели сражаться, офицеры ушли: то, что осталось от этой армии, укрепились в Яффе. Праздник святого Мартина, этого великого святого Германии, пришлось на это время. Этот святой человек, немец по происхождению, епископ Турский во Франции, в высшей степени отличился своим милосердием. Немцы превратили его благотворительность к бедным в излишество для себя, отмечая 11 ноября таким образом, что его следовало бы называть не днем святого, а праздничным днем. Пьянство довело их до такого состояния, что турки, напав на них, убили более двадцати тысяч из них. Этот день, который немцы вписывают красными буквами в свои календари, окрашен их собственной кровью, и поскольку их лагерь был бойней, турки были их мясниками. Мы можем сравнить их с волами Святого Мартина, которые мало чем отличаются от толп пьяниц”. —*Никол. Фуллер*, Б. ii. глава xvi. стр. 133. [Я действительно не могу понять, что старина Фуллер настолько сильно ошибается.— Пер.]

[31] Вот изображение немцев в хронике Ушперга: Воинственные, грубые, рачительные, разумные эксперты, добровольные защитники закона, энсибус непобедимый; в нулевых — низший человек, доверенный человек; *ducibus suis fidelissimi* и др. вопрос жизни города, в котором живет фидем, принадлежит всем.

[32] Латинские и греческие хроники описывают жестокость Генриха VI на Сицилии. Никита в своей “истории” приводит длинный перечень наказаний, изобретенных императором Германии, и говорит, что Греция была накануне того, как все бедствия, обрушившиеся на Сицилию, обрушились на ее территорию, когда Генрих VI. был удален, словно благодаря экстраординарному вмешательству Провидения.

[33] В конце концов, мы увидим, что Сицилия стоила Фридриху II, но особенно молодому Конраду, последнему принцу швабской династии, многих затруднений и несчастий.

[34] Наш замечательный автор питает к "крестовым походам" своего рода родительскую привязанность, которая делает его слепым к их недостаткам. Если мы говорим о духе христианства, то, безусловно, женеvский философ имеет перед ним преимущество, как показывают его собственные страницы. Лишенные своих мирских мотивов, крестовые походы были не чем иным, как "диким фанатизмом". По крайней мере, столько же религиозных заслуг было у мусульман, которые сражались, защищая свою веру. Философ может сделать вывод о благотворных результатах крестовых походов, особенно в Европу; но он будет сильно озадачен, если докажет, что то, что мы сейчас считаем истинно христианским духом, повлияло на многих воинов, которые их совершали, или церковников, которые их продвигали. Инквизиция и крестовый поход против альбигойцев были одного возраста, и главные их участники в равной степени prostituteировали имя религии в своих ужасах.—Пер.

[35] У нас есть жизнеописание Иннокентия III. которое продолжается до тринадцатого года его понтификата. Эта жизнь, *Gesta Innocentii*, тем ценнее, что написана современником.

[36] Мы можем ознакомиться с проповедями этого крестового похода в письмах Иннокентия III. Некоторые подробности можно найти у Роджера де Ховедена, Мэтью Париса и др.

[37] Виллардуэн выражается таким образом, говоря об индульгенциях папы римского: — Для того, чтобы помиловать, это великое дело, оно является неотложным, а не поводом для помилования, и для того, чтобы оно было срочным. (Прощение было настолько велико, что сердца людей были тронуты, и многие приняли крест, потому что прощение было таким великим или полным.)

[38] Грецер очень долго говорил об индульгенциях, предоставленных крестоносцам.—*De Cruce*, vol. iii. b. ii. c. 3.

[39] Хроника Сен—Виктора так отзывается о Фульке де Нейи: "И верба, которую я называю стреловидностью, острый потенциал, человек прав, корда консуэтодина, тупая, проникающая, и слезы, и воспаление".

[40] Если мы можем верить современным хроникам, Фульк обратился к Ричарду Лионскому и сказал ему: "У тебя есть три дочери, которыми ты можешь распоряжаться в браке, Алчности, Гордыне и Роскоши". "Что ж," ответил Ричард, "я отдаю свою гордость тамплиерам, свою алчность монахам Сито, а свою роскошь епископам". Этот анекдот цитирует Rigord.

[41] Латинская история Парижской епархии, таким образом, обозначает prostituteток—*Multæ mulierculæ quæ corpore quæstum faciebant*.

[42] Альберик, Ригорд, Оттон из Сен-Блеза, Джеймс из Витри, рукописная хроника автора *Радульфо Коггехаленси*, Хроника Бромптона и Марин Санул оставили подробные сведения о жизни Фулька. В *Церковной истории* Флери, том xvi, собраны все материалы, разбросанные по старым хроникам. Аббат Лебеф в своей *Истории Парижа* цитирует *Жизнь Фулька*, 1 том. в 12 часов утра. Париж, 1620 год, который мы тщетно пытались раздобыть.

[43] Монах Гюнтер дает некоторый отчет об этой проповеди в оставленной им нам истории завоевания Константинополя. Монах Гюнтер воздает самые теплые почести Мартину Литцу, который был его настоятелем, и приводит любопытные подробности проповедей последнего. Он вкладывает в уста проповедника крестового похода речь, в которой мы находим те же

доводы и почти те же слова, что и во всех выступлениях тех, кто ранее проповедовал священные войны; вероятно, на людей больше повлиял дух, царивший в Европе, чем красноречие ораторов.— Смотри Гюнтера в *Коллекции* Канизиуса.

[44] Замок Экри располагался на реке Эна, недалеко от замка Порсьен.

[45] Автор "*Истории Иерусалима*", писавший в двенадцатом веке, говоря о шампенуа, говорит: "И мы, французы, победили в Кампании, и мы, регион, изучаем оружие флорентийцев, и мы, ополченцы, обладаем исключительными привилегиями и превосходством". прецеллит; когда марсия достигает полового созревания, она нуждается в тироцинийских упражнениях, в том, чтобы мы горячо упражнялись, и в воображении, что у нас прекрасная перспектива, что мы боремся друг с другом до истинных намерений мартина.

[46] Имя Вильярдуэн произошло от деревни или замка епархии Труа, расположенной между Баром и Арси; старшая ветвь, к которой принадлежал историк, просуществовала только до 1400 года; младшая, получившая княжество Ахайя, волилась в савойскую семью. Дюканж оставил очень длинную историческую справку о генеалогии этой семьи.

[47] Complures tantâ pontificii indulgentissimi gratiâ illecti, et Fulconis persuasionibus excitati, rubram crucem amiculo, quo dexter humerus tegitur, certatim consuere.—*Рамнусий де Белл. Постоянный. lib. i.*

[48] Рамнусий приводит очень подробный список рыцарей и баронов, принявших крест. Отец д'Утреман также приводит очень обширный список. В заметках, сопровождающих историю Вильгардуэна, Дюканж оставил нам много любопытных сведений о рыцарях и баронах Фландрии и Шампани, принимавших участие в этом крестовом походе.

[49] Вильярдуэн сохранил имена шести депутатов. Граф Тибо назвал двоих: Жоффруа Вильярдуэн, Майлз из Брабанта. Балдуин Фландрский, двое других: каноник де Бетюн и Алард де Макерио; и граф Блуа, двое: Жан де Фриэз и Готье де Гудонвиль.

[50] Иннокентий III. сказал о венецианской республике: "Не в интересах сельского хозяйства, а в интересах навигации по потиусу и мерсимонии".—Смотрите первую книгу *Сборника писем Иннокентия*.

[51] Никита говорит в своей истории, что Дандоло был назван "Благоразумным из благоразумных".

[52] Несколько историков утверждают, что Дандоло был слеп и что император Мануил Комнин лишил его зрения во время пребывания в Константинополе. Один из его потомков, Андре Дандоло, просто говорит в своей истории, что его предок был близорук (*visu debilis*). Часть истории, связанная с Мануилом Комнином, кажется басней. Историки расходятся во мнениях относительно возраста Дандоло: Дюканж в период крестового похода дает ему девяносто четыре года. Гиббон не сомневается в его слепоте, хотя и не верит в то, что она была вызвана Мануэлем; но он определенно приписывает ему действия, которые вряд ли мог совершить слепой человек. Он не верит рассказам о своем очень преклонном возрасте, говоря: "Едва ли возможно, чтобы силы ума и тела поддерживали себя сами в таком возрасте". — Пер.

[53] Вес Кельна или Женевы. Ознакомьтесь с условиями договора.

[54] В договоре венецианцы обязались раздать каждому военному служащему армии крестоносцев шесть наборов хлеба, кукурузы, пшена или овощей и половину кувшина (полукружья) вина; на каждую лошадь по три бушеля, венецианскую меру и воду в достаточном количестве. Мы не в состоянии оценить шесть сетев кукурузы или пол-кувшина вина, не имея возможности определить венецианские меры.

[55] Оригинал договора можно увидеть в *Хронике Эндрю Дандоло*, страницы 325, 328 тома xii. из Муратори.

[56] С тринадцатого века аристократия начала в Венеции брать верх над демократией.— Смотрите *Историю Венеции*, Лоджье.

[57] Несколько авторов считали, что Виллардуэн не умел писать; и они пришли к своему мнению по поводу того, что он сам говорит: “Я, кто продиктовал эту работу”. Как бы то ни было, история Виллардуэна была объявлена учеными людьми образцом языка, который перестал быть французским. В шестнадцатом веке язык маршала Шампани уже не был понятен; его история была переведена на современный французский язык Блезом де Виженером в конце шестнадцатого века; сам этот перевод стал настолько старым, что сейчас его с трудом можно разобрать. Новая версия, сделанная Дюканжем в семнадцатом веке, все еще несет на себе отпечаток старины, в которой сохранилось что-то от *наивности* оригинала. У нас часто будет возможность процитировать Виллардуэна; но мы будем цитировать только древние версии, а иногда и переводы, сделанные нами самими, всегда стараясь сохранить, насколько это возможно, простоту старого языка.

[58] Гиббон говорит: “Читатель Виллардуэна должен заметить частые слезы маршала и его братьев-рыцарей; они плачут по любому поводу горя, радости или преданности”.—Пер.

[59] Сопровождающий ли шестеро отправителей сообщений с энтузиазмом относятся к пирогам мулла плорант.—*Вильярдуэн*, lib. i.

[60] Убеждение во всем, только Венето мари, Галлос терра - истинный потенциал.—*Рамн.* библиотека. i.

[61] Виженер, переводчик Виллардуэна, сообщает нам, что в его время договор между венецианцами и французами, заключенный в апреле 1201 года, все еще хранился в канцелярии Венеции.

[62] Автор “*Истории итальянских республик*” таким образом резюмирует сумму, причитающуюся венецианцам крестоносцами:—

За четыре тысячи пятьсот лошадей по четыре марки за лошадь	18,000
Для рыцарей - по две марки за рыцаря	9,000
Для двадцати тысяч пехотинцев по две марки за солдата	40,000
По два оруженосца на лошадь - девять тысяч оруженосцев	18,000
	—
Общее количество баллов	85,000
	—

Восемьдесят пять тысяч марок серебром равны четырем миллионам двумстам пятидесяти тысячам франков.

[63] Тибо был похоронен в церкви Святого Стефана Труа; его эпитафия заканчивается следующими стихами:—

Terrenam quærens, cœlestem repperit urbem;
Dum procul hæc potitur, obviat ille domi.

[64] В *Истории Бургундии* Куртепе и Бегийе была допущена большая ошибка при создании Eudes III. отправляйтесь в крестовый поход и примите участие во взятии Константинополя.

[65] Таким образом, Вильгардуэн произносит хвалебную речь Бонифацию, маркизу Монферратскому: “Маркиз Бонифаций, как всем известно, очень доблестный принц, и из всех ныне живущих он наиболее почитаем за знание войны и ратных подвигов”.

[66] В то самое время, когда Египет пережил все ужасы голода, Ричард Сен-Жерменский и Хроника Фосса-Нова (см. *Муратори*) говорят, что в Италии и Испании ощущалась большая нехватка; один из них добавляет, что этот 1202 год был известен под названием “annus famis”. Мезераи говорит об этом голоде, который ощущался во Франции, и приписывает его войне, которая тогда велась между Филиппом и Ричардом. “Два короля,” говорит он, “грабили земли, вырывали виноградные лозы, рубили деревья, убирали урожай незрелым и за один день разрушили больше городов, чем было построено за века. За этими ужасными опустошениями последовал голод, говорит автор; так что многие из самых богатых были вынуждены просить милостыню, и, не найдя никого, кто мог бы дать им ее, ели траву и зарывались в землю в поисках корней”.

[67] Папа был удовлетворен освобождением крестоносцев от ростовщических долгов, которые они задолжали евреям. В тот период все проценты по ссуженным деньгам считались ростовщичеством.

[68] Жак де Витри, говоря о подозрениях и ропоте, возникших против Фулька де Нейи, выражает себя так: “И денежный кризис, и тимор, и благоговение уменьшаются”.

[69] Аббат Лебеф в своей *Истории Парижской епархии*, том vi. стр. 20, дает нам описание могилы Фулька из Нейи, которая все еще стояла в прошлом веке. “Гробница Фулька, знаменитого здешнего кюре около 1200 года, находится в нефе, перед входом на хоры, построенная из камня высотой в полтора фута. Это произведение эпохи, в которую умер этот благочестивый человек. Фульк рельефно изображен на памятнике в одежде священника, с непокрытой головой, с тонзурой на макушке и такими короткими волосами, что видны все его уши. На его груди лежит книга, которую он не держит, поскольку его руки скрещены наверху, правая положена на левую. Его риза и манипула представляют облачения его времени. Под ним находится нечто вроде скамеечки для ног, вырубленной в камне, и два рельефных ангела воскуривают благовония его голове, обращенной к западу; ибо, по древнему обычаю, его ноги обращены на восток, или к алтарю. Как уже было сказано, неправда, что эта гробница окурена и на ней нет оружия. В стране его называют сэром Фульком, а иногда и святым сиром Фульком. Существует предание, что каноники Сен-Мора ранее пытались убрать это; но неподвижность колесницы, которой украшена эта история, говорит нам о том, какая степень веры может быть к

ней приложена”. Господин аббат Шастелен в своем *Универсальном мартирологе* называет его смерть 2 марта 1201 года и квалифицирует его как *достопочтенного*.

[70] Виллардуэн говорит, говоря о прибытии крестоносцев в Венецию: “Никогда не видели людей благороднее, лучше назначенных и более склонных делать что-то хорошее во славу Бога и на службе христианскому миру”.

[71] О пребывании крестоносцев в Венеции, *Геста Иннокентий*, Виллардуэн и Дюканж, Санути, Эро, Д'Утреман, Флери, *Церковная история*. xviii., аббат Ланжье и др., можно ознакомиться.

[72] Тогда можно было увидеть так много красивых и богатых сосудов из золота и серебра, нагроможденных тут и там и отнесенных в отель герцога в качестве части их оплаты.— *Вильгардуэн*.

[73] Венецианцы могли бы сказать и, без сомнения, сказали по этому поводу, что король Венгрии принял крест много лет назад и еще ничего не сделал для выполнения своего обета. Андрей отправился в Палестину только через много лет после взятия Константинополя.

[74] Монах Гюнтер нисколько не щадит венецианцев и горько упрекает их в том, что они отвлекли крестоносцев от их святого предприятия. Благочестивое решение руководителей крестового похода, говорит он, было ниспровергнуто вероломством и порочными уловками этих хозяев Адриатики — *fraude et nequitia Venetorum*.

[75] С истинным духом антиквара Месье Мишо наслаждается тем, что переводит персонажа “старины” на язык Вильярдуэна, который в определенной степени эффективен на французском, но с большим трудом передается на английский.—Пер.

[76] Ирина, дочь Исаака, была помолвлена с Вильгельмом, сыном Танкреда, короля Сицилии; будучи вывезенной в Германию вместе с остальными членами семьи Танкред, она вышла замуж за Филиппа Швабского.

[77] Вильярдуэн и Гюнтер приводят очень подробные подробности осады Зары и последовавших за ней дебатов. (См. также по теме этих дебатов “Письма Иннокентия”.) Аббат Флери в шестнадцатом томе своей *Церковной истории* в достаточной степени отражает дух, который тогда руководил крестоносцами. М. Лебо в двадцатом томе *Истории Нижней империи* и аббат Ложье во втором томе своей *Истории Венеции* много говорят об осаде Зари.

[78] Катона в своей “*Исторической критике короля Гонконга*” с горечью высказывается против крестоносцев и приводит факты, очень мало благоприятные для венецианцев и французов, осадивших Зару. Архидиакон Томас, один из историков Венгрии, не щадит венецианцев, которых он обвиняет в тирании и которые, по его словам, сделали свою морскую мощь ненавистной из-за всех проявлений насилия и несправедливости.

[79] Мы считаем своим долгом представить текст этой клятвы: Флэнд. et Hain., L. Blesen et Clar. et H. S. P. comites, Oddo de Chanliet, et W. frater ejus, omnibus ad quos litteræ istæ pervenerint, salutem in Domino. Notum fieri volumus, quod super eo quod apud Jaderam incurrimus excommunicationem apostolicam, vel incurrisse nos timemus, tam nos quam successores nostros sedi apostolicæ obligamus, quod ad mandatum ejus satisfactionem curabimus exhibere. Dat. apud Jaderam, anno Domini 1203, mense Aprilis.

[80] Папа добавляет, говоря о венецианцах: “Какими бы отлученными они ни были, они все равно оставались связанными своими обещаниями; и вы не менее уполномочены требовать их исполнения; кроме того, это принцип права, согласно которому, проезжая по земле еретика или отлученного от церкви лица, вы можете купить или получить у него необходимые вещи. Более того, отлучение от церкви, наложенное на отца семейства, не препятствует общению с ним его домочадцев”.

[81] Это разрешение жить за счет грабежа, даже в дружественной стране, примечательно, особенно потому, что папа делает вид, что разрешает это примерами из Священного Писания.—*Флери, История. Еккл. книга lxxv.*

Иннокентий, разрешая крестоносцам брать провизию везде, где они смогут ее найти, добавляет: “При условии, что это будет сделано со страхом Божиим, без причинения вреда кому-либо и с намерением возместить ущерб”.

[82] У продолжателя Вильгельма Тирского мы находим следующее обстоятельство: —Малек-Адель, которому сообщили, что крестоносцы собираются в Венеции, испытал большое беспокойство по поводу их скрытых замыслов. Он созвал глав христианского духовенства в Каир и объявил им, что готовится новая экспедиция в Европу и что они должны обеспечить себя лошадьми, оружием и провизией. Епископы, к которым он обратился за помощью, в которой так нуждался, ответили, что их священное служение не позволяет им сражаться. “Что ж,” ответил Малек-Адель, “поскольку вы не можете сражаться сами, вы должны предоставить мне людей, которые будут сражаться вместо вас”. Затем он потребовал от них отчета о землях, которыми они владели, и приказал продать эти земли; а деньги, вырученные от этой конфискации, были отправлены в Венецию, чтобы подкупить лидеров этой республики и привлечь их к отвлечению крестоносцев от похода в Египет или Сирию. Малек-Адель в то же время пообещал венецианцам всевозможные привилегии для их торговли в Александрийском порту. Это необычное обстоятельство, впервые упомянутое, как мы уже говорили, продолжателем Вильгельма Тирского, можно найти также в *Тезаурурии* Бернарда и в *Хронике* святого Виктора. Марин. Санут, это правда, пропускает это мимо ушей и довольствуется тем, что говорит, что Малек-Адель отправился в Египет и там собрал сокровище. Но можно заметить, что Марин. Санут был венецианцем, и у него были веские причины не сообщать всех подробностей факта, который не шел на пользу его стране. Bernard when relating it, adds:—Qualiter autem hujus rei effectus fuerit in opinione patenti multorum est, si legantur quæ Veneti cum baronibus ipsis peregerunt, detrahendo eos ad obsidionem Jadræ, et deinde Constantinopolim.

[83] Маршал Шампани не упускает ни малейшей возможности с горечью обвинить тех, кто бросил армию крестоносцев.

[84] Двойной союз и достоинство цезаря связали двух старших братьев Бонифация с императорской семьей. Рейнье Монферратский женился на Марии, дочери императора Мануила Комнина; Конрад, защищавший Тир перед третьим крестовым походом, был женат на Феодоре Ангеле, сестре императоров Исаака и Алексея.

[85] Императоры больше не внушали страха армии, как это было в первые дни существования империи; но она была объектом страха не больше для своих врагов, чем для своего повелителя. Современный историк М. Сисмонди находит в правительстве греческой империи полное и неоспоримое свидетельство естественных и необходимых последствий самого худшего из

правительств. Древние были знакомы едва ли с каким-либо промежуточным звеном между свободой и деспотизмом. Правительство Константинополя вплоть до середины средних веков сохраняло все, что характеризовало деспотизм древних, хотя мы должны признать, что этот деспотизм иногда смягчался религией и влиянием византийских патриархов.

[86] Лебо в своей *истории* подробно описывает упадок греческой империи и пороки императоров. Гиббон, гораздо более просвещенный наблюдатель, иногда пренебрегает важными деталями, связанными с этим периодом, и в своих последних томах слишком часто забывает о греках, чтобы говорить о варварских народах Востока и Запада, которые разделяли крушение Римской империи.

[87] Для получения отчета об этой экспедиции мы можем обратиться к маршалу Шампани Гюнтеру и некоторым отрывкам из Никиты. Рамнусий лишь напыщенно перефразировал Вильгардуэна. Лебо и аббат Ложье пересказывают многое из событий, о которых мы рассказываем. Эта экспедиция крестоносцев была великолепно описана историком Гиббоном.

[88] Вильярдуэн.

[89] Было бы трудно дать очень точное представление о городе Константинополе, каким он был в период этого крестового похода. Среди путешественников, описавших эту столицу во времена, более близкие, чем наши, к средневековью, мы должны отметить Питера Жилия и Грело, которые видели Константинополь, один в правление Франциска I, а другой в правление Людовика XIV. Их описание снабдило тех, кто пришел после них, множеством документов. Революции, войны, турки и пожары каждый день меняют облик этого города, который уже сильно изменился во времена названных нами путешественников. Дюканж в своей "*Христианской Константинополисе*" и Бандури в своей "*Восточной империи*" собрали всю информацию древних путешественников и греческих историков. Среди современных путешественников *Константинополя, древности и современности*, англичанин Dallaway, и *Ле Вояж де ла Propontide*, M. Lechavalier, можете проконсультироваться с пользой.

[90] Бросив якорь, такие, как никогда раньше, начали созерцать этот красивый и величественный город, равного которому, по их мнению, нельзя было найти во всем мире. Когда они увидели эти высокие стены и большие башни, расположенные так близко друг к другу, которыми он был обставлен со всех сторон, и те богатые и великолепные дворцы и церкви, возвышающиеся над всеми, и в таком большом количестве, что они не могли легко поверить, что видят их своими глазами; вместе с прекрасным расположением города, в его длине и ширине, который из всех других городов был суверенным, и т.д. — *Вильгардуэн*.

[91] Дюканж в своих наблюдениях за Вильярдуэном дает очень ученое замечание по поводу оружия и щитов, которые воины средневековья размещали на борту своих кораблей и которые служили им укреплениями, укрывавшими их от всех стрел врага.

[92] Греческий историк Никита говорит, что плавание крестоносцев было настолько благоприятным и быстрым, "что они прибыли в порт Святого Стефана, никем не замеченные".

[93] Никита, говоря о крестоносцах, говорит, что почти все они были ростом со свои копья.

[94] Никита говорит, что среди венецианских судов был один такой большой, что его называли "*Мир*".

[95] Варяги, состоявшие на службе у греческих императоров, вызвали множество дискуссий среди ученых. Виллардуэн говорит, что варягами были англичане и датчане. Граф де Сен-Поль в письме, написанном из Константинополя, называет их англичанами, ливонцами, даками. Другие историки называют их кельтами, германцами. Слово "варяги", по-видимому, взято из английского слова *waring*,^(a) что означает "воин"; это слово встречается в датском и нескольких других языках севера Европы. Дюканж считает, что варяги пришли из датской Англии, небольшой провинции Дании, между Ютландией и Гольштейном. М. Мальтебрун в примечаниях, сопровождающих *"Историю России"* Левеска, считает, что варяги набирали рекрутов из Скандинавии; некоторые пришли из Швеции через Норвоборг и Киев, другие из Норвегии и Дании через Атлантику и Средиземное море. У нас все еще есть диссертация М. де Виллаузона о варягах, в которой мы находим больше учености, чем критики. Наиболее вероятным является мнение Дюканжа и М. Мальтеброна. У нас есть только одно замечание, которое состоит в том, что, вероятно, варяги не были членами римской церкви; если они следовали греческой религии, не можем ли мы полагать, что они принадлежали к народам Севера, среди которых она была введена?

(a) Англичанин затрудняется сказать, где наш автор нашел это слово. Джонсон выводит слово " из *werre*— древнеголландского.—Пер.

[96] Отец д'Утреман так отзываясь о Кононе де Бетюне: "Вир доми милитэке нобилис и фукундус в пауциде".—*Константин. Белг.* библиотека. iii. Вильярдуэн говорит, что Конон де Бетюн "был мудрым рыцарем и красноречив".

[97] Так они проплыли вдоль стен, где показали Алексия грекам, которые со всех концов стекались к молу: Господа греки, узрите своего естественного повелителя, в этом нет сомнений, и т.д. и т.п. —*Виллардуэн*, книга iii.

[98] Примерно в этот период город Хрисополис стал называться Скутари. Имя Скутари использует Вильярдуэн.

[99] Разрыв портовой цепи, согласно рассказу Никиты, вызвал величайший ужас среди греков; и несчастье, говорит историк Византии, приняло так много различных форм и породило такое удивительное количество печальных образов, что ни один разум не в состоянии постигнуть их.

[100] По поводу первой осады мы можем с пользой ознакомиться с *Письмом крестоносцев Папе Римскому; историей* Вильгардуэна; *Никита, Правление Алексея; Хроникой Дандоло; Войной за Константинополь* Д'Утремана, Рамнусий де Белл. *Константинополь.* &c. &c.

[101] Название Барбисса в настоящее время неизвестно туркам, которые называют эту реку Киатана; греки называют ее Картурикос, названия, которые на обоих языках напоминают нам о бумажных фабриках, расположенных в ее устье.

[102] Тем не менее великолепные дворцы были разрушены камнями необычайного размера, которые осаждающие запускали из своих машин, и они сами были напуганы тяжелыми массами, которые римляне сбрасывали на них со стен.—*Никита, История. Алексея Комнина*, книга III.

[103] Историк Византии говорит по поводу этого пожара, что столь прискорбное зрелище могло вызвать потоки слез, достаточно обильные, чтобы погасить пожар.

[104] Маршал Шампани описывает нам боевой порядок латинян, как он был составлен в соответствии с тактикой средневековья. Крестоносцы вышли из своего лагеря, разделившись на шесть отрядов; они выстроились перед своими частоколами. Рыцари были верхом, их сержанты и оруженосцы находились позади них, вплотную к седлам их лошадей; арбалетчики и лучники были впереди.

[105] Certes, voila une capitulation bien étrange, répondit l'empereur, et ne voy pas comme elle se puisse accomplir, tant elle est grande et excessive. Nompourtant vous avez tout fait pour lui et pour moy, que si l'on vous donnerait tout cet empire entièrement, si l'avez vous bien desuivi.—
Villehardouin, book iv.

[106] Крестоносцы обращались к Отону, а не к Филиппу Швабскому, что очень странно, поскольку Филипп был шурином Алексея; но следует отметить, что в этот период папа высказался в пользу Отона и пригрозил Филиппу громами Церкви.

[107] Эта речь Вильярдуэна приводится полностью.

[108] Греки и латиняне разделились по трем основным пунктам; во-первых, дополнение, внесенное Латинской Церковью к константинопольскому символу веры, объявляющее, что Святой Дух исходит от Отца; во-вторых, отказ греков признать главенство папы Римского; в-третьих, претензия греков на то, что в Евхаристии невозможно совершать посвящение пресным хлебом. Фотий положил начало расколу; патриарх Церуларий учредил его; этот последний желал быть признанным главой вселенской Церкви вместо папы римского. Аббат Флери в своей *Истории церкви* считает, что раскол греков по-настоящему начался только в тот период, когда латиняне были хозяевами Константинополя.

[109] Болгары сбросили иго при первом правлении Исаака. Их лидерами были два брата, Питер и Асан, преемником которых был третий брат, Иоаннис.

[110] Никита посвящает целую главу описанию этого пожара. Вильярдуэн в четвертом томе своей *Истории* так отзывается об этом: "Французские пелерины далеки от долгих и от многих нынешних великих страданий".

[111] Никита дает достаточно подробное описание этой статуи Паллады.—См. *Историю Исаака Ангела*, главу iii. Эта статуя была тридцати футов высотой; ее глаза, по словам греческого историка, были обращены на юг, так что те, кто не был знаком с наукой об углах, считали, что она смотрит на Запад и что она приглашает народы с севера Европы прийти на берега Босфора.

[112] Nicetas.

[113] Продолжатель Вильгельма дает греческому принцу имя Марофле.

[114] Лебо, "*История Нижней империи*", говорит, что Мурзуфля использовали для того, чтобы выколоть глаза Исааку.—См. *Историю. дю Бас-Эмп. жизнь. xciv.*

[115] Жак де Витри, Альберик и продолжатель Вильгельма Тирского говорят об этой битве между Антиохией и Триполи; Виллардуэн также упоминает об этом и называет многих рыцарей, которые были убиты или взяты в плен.

[116] Виженер, переводя Вильгардуэна, передает таким образом отрывок, в котором маршал Шампани выражает недовольство крестоносцами и дурное поведение Алексиса по отношению к ним: «Алексис не менаит о делах, о передышке, о том, как жить, главное и для других что касается определенных меню вечеринок, то они могут показаться фурниссе смешными, формальными в отношении сложных вопросов и махинаций, поэтому бароны начинают с этого».

[117] Вильгардуэн, описав двор Алексиса, на этой церемонии наивно добавляет: «Пусть все будет так, как должно быть при дворе могущественного и богатого принца». Титул *могущественного* едва ли подходил принцу, которому в его собственном дворце объявили войну; и эпитет *богатого* вряд ли был более применим к нему, поскольку он не мог заплатить то, что обещал, и тем самым избавить свою империю от величайшей опасности.

[118] Là-dessus bruit se leva fort grand au palais; et les messagers s'en retournèrent aux portes, où ils montèrent habilement à cheval; n'y ayant celui, quand ils furent hors, qui ne se sentit très heureux et content en son esprit, voire estonné, d'être reschappé à si bon marché d'un si manifeste danger; car il ne tint presque à rien qu'ils n'y demeurassent tous morts ou pris.—*Villehardouin*, liv. vi.

[119] Мурзуфля лишил Никиту места Логофета, чтобы отдать его своему шурун Филокалесу. Никита относится к Мурзуфлю с большой строгостью, и среди упреков, которые он ему адресуется, мы можем отметить один, которого достаточно, чтобы описать византийский двор. Величайшим преступлением узурпатора было не то, что он получил власть путем отцеубийства, а отсрочка распределения своих благ.

[120] Две попытки сжечь венецианский флот описаны в письме Болдуина папе римскому.—См. *Геста Иннокентия*. Маршал Шампани упоминает только о первой попытке греков.

[121] Дандоло потребовал от Мурзуфля пятьдесят золотых центурий, которые были оценены в 50 000 фунтов весом золота, или 48 000 000 франков (около 2 000 000 фунтов стерлингов).—Пер.). Об этом интервью говорит только Никита, о котором Виллардуэн и другие историки не упоминают.

[122] Все это интервью, как, впрочем, и все сцены, в которых дож является действующим лицом, очень сильно противостоят истории о его слепоте.—Пер.

[123] Памятники, к которым мы обратились по поводу второй осады Константинополя, - это *История Вильгардуэна*, правление Мурзуфля в Никете, рассказ Гюнтера и второе письмо Болдуина суверенному понтифику, которое содержится в «Жизни Иннокентия» (*Gesta Innocent.*).

[124] Пусть чивитати спасется без одебанта, обсидионом понебанта.—*Гюнтер*. Тот же Гюнтер описывает крестоносцев как трепещущих и растерянных: «О победе, о множестве людей, которых вы уничтожили, об изгнании из города, сведенном к нулю, и о том, как спасти будущее».

[125] Этот договор, заключенный под стенами Константинополя, сохранился до сих пор, и его можно найти в *Муратори*, т. xii.

[126] Et là, il eut maintes choses alléguées se trouvant en grand emoy ceux de l'ost, pour leur être ainsi pris ce jour là.—*Villehardouin*, liv. v.

[127] Et sachez qu'il y en avait qui eussent volontiers désiré, que la vague et le vent les eussent ravis jusqu'au delà de l'archipel; car à tels ne chaillait sinon que de parler de là, et aller leur voie droite en leurs maisons.—*Idem*.

[128] Согласно Гюнтеру, взятие Константинополя было более чудесным, чем все, о чем рассказывали Гомер и поэты древности.

[129] Гюнтер говорит, что это немецкий граф поджег город, —*приходит Тевтоник*; он сделал это, чтобы помешать грекам сплотиться: — Приходит Тевтоник, чтобы править городом в куадамской партии преемственно, у греков дублирующие лаборанты в одиночку, белли скилисет атке подстрекательство, легкая победа; вопрос и факт есть, и случайность для виновного в преступлении во время обращения солнца.

[130] Толпа греков бежала в основном через Золотые ворота. Месье ле Шевалье в своем *Путешествии по Пропонтиде* сообщает нам, что остатки Золотых ворот все еще можно увидеть внутри семи башен. Эти ворота представляли собой триумфальную арку, воздвигнутую Феодосием после его победы над Максимом; они были увенчаны бронзовой статуей Победы, обильно украшенной золотом. На остатках этих ворот до сих пор можно прочесть следующие латинские стихи:

Theodosi jussis, gemino nec mense peracto,
Constantinus ovans hæc mœnia firma locavit;
Tam citò tam stabilem Pallas vix conderet arcem.

Рауль де Дичетто, которого цитирует Дюканж, говорит, что на Золотых воротах были написаны такие слова:—*Quando veniet rex flavus occidentalis, ego per meipsam aperiar*". Рауль де Дичетто писал за тринадцать лет до взятия Константинополя.

[131] Агнес, дочь Людовика VII, была в возрасте восьми лет выдана замуж за Алексея Комнина, сына Мануила, в 1179 году. После смерти Алексия его убийца Андроник узурпировал империю и женился на Агнессе, но детей от нее не имел. Агнесса оставалась вдовой в Константинополе до момента его взятия, когда вышла замуж за Брана, примыкавшего к партии латинян.

[132] Никита говорит о резне, последовавшей за взятием Константинополя. Мы процитировали слова даже Вильгардуэна, который по существу не противоречит Никите. Папа римский в своих письмах горячо упрекал крестоносцев по этому поводу. Гюнтер только относит число убитых при входе крестоносцев в Иерусалим к двум тысячам человек и приписывает эту резню латинянам, обосновавшимся в Константинополе, у которых были большие основания для недовольства греками. Тот же историк сообщает нам, что священнослужители, следовавшие за армией, своими речами способствовали прекращению резни. Он не упускает случая похвалить благочестие и человечность Мартина Литца, который прошел через ряды победоносной армии, проповедуя умеренность победителям.

[133] По словам Никиты, не было ничего более трудного, чем смягчить свирепый нрав, унять гнев или завоевать расположение этих варваров. Их желчь была настолько накалена, что требовалось всего лишь слово, чтобы разжечь в ней пламя; было нелепой затеей пытаться сделать их сговорчивыми, безумием вразумлять их.

[134] Это очень примечательный отрывок; он описывает героя крестовых походов карандашом художника так же, как и пером историка.— Пер. с англ.

[135] Сетования Никиты не всегда естественны; оплакивая судьбу Византии, он говорит: “Я жаловался стенам, что только они должны быть нечувствительны к бедствиям и должны оставаться на ногах, вместо того чтобы таять в слезах”.

[136] Одиннадцатый и двенадцатый тома *Воспоминаний Геттингенского королевского общества* содержат прекрасную работу знаменитого Гейне о памятниках искусства, существовавших в Константинополе. В первых мемуарах он дает номенклатуру древних памятников — *Опера Приска Армуса*. Во втором - те, что были возведены при императорах Византии. В двух других мемуарах тот же ученый автор описывает потерю этих же памятников: *De Interitu Operum cum antiquæ tam verioris ethatis*.

[137] Беллерофонт. Эта статуя - статуя Феодосия, изображающая трофей, установленный на соседней колонне; именно так был представлен Пацификатор: *fuit a Deo pacificatoris habitus*. Никита говорит, что в левой руке он держал земной шар. На статуях других императоров Константинополя изображен аналогичный знак, к которому прикреплен крест. Люди верили, что под копытом левой передней ноги находится фигура венецианца, или болгарина, или человека из какой-то другой страны, которая не имела сношений с римлянами. Статуя была уничтожена латинянами, говорили, что фигура болгарина была найдена спрятанной в копыте, перекрещенной гвоздем и инкрустированной свинцом. Эта статуя была привезена из Антиохии в Сирии. У четырехугольного основания находился барельеф, на котором население, всегда суеверное, воображало, что видит предсказание о падении империи. Они даже сказали, что представленные там русские осуществят предсказание.

[138] Один из французских переводчиков Гиббона из одной статуи создал две; он говорит о статуе Иисуса Навина и о другой статуе Беллерофонта. Верно, что эта грубая ошибка встречается только в одном французском переводе; в английском оригинале говорится, что, по мнению обывателей, эта статуя сошла за статую Иисуса Навина, но более классическая традиция признала в ней статую Беллерофонта и Пегаса; свободная и энергичная поза всадника указывает на то, что он ступал по воздуху, а не по земле.

[139] Гейне приписывает его Лисиппу; он думает, что это то же самое, что колоссальный Геркулес из Тарента, который был привезен в Рим и установлен в Капитолии. Из этого города она отправилась в Константинополь вместе с десятью другими статуями в консульство Юлиана и в царствование Константина, то есть около 322 года; но только после того, как ее выставили в Базилике, ее поместили на Ипподроме.

[140] Гиббон называет это *корзиной из ивняка*; Мишо говорит, “*без лита*”, что я предпочел. Я могу представить себе Геркулеса, сидящего на кровати или матрасе из ивняка, но не на корзине.— Пер. с англ.

[141] Ученый Харрис в своем историческом эссе о литературе и искусстве средневековья считает, что памятник, изображающий волчицу, кормящую грудью Ромула, был таким же, как тот, на который ссылается Вергилий при описании щита Энея:—

Illam tereti cervice reflexam

Mulcere alternos, et corpora fingere lingua.

Энеида, род. viii.

[142] Cum ergo victores victam, quam jure belli suam fecerant, alacriter spoliarent, cœpit Martinus abbas de suâ etiam prædâ cogitare, et ne ipse vacuus remaneret, proposuit et ipse sacratas manus suas ad rapinam extendere.—*Gunther*.

Тот же Гюнтер рассказывает, как Мартин совершил насилие над греческим священником, чтобы заполучить у него реликвии. Говоря о Мартине Литце, Гюнтер использует эти странные выражения —*prædo sanctus*.

[143] Мы говорили в начале книги "Дело истинного креста", который короли Иерусалима велели нести перед ними в битве и который был взят Саладином в битве при Тивериаде; Саладин отказался передать его Ричарду, о чем, должно быть, знали многие крестоносцы. Как же тогда истинный крест мог быть найден в Константинополе? Греки, однако, были не очень любезны в отношении подлинности своих реликвий, и христиане Запада в этом вопросе очень легко им поверили. [Я не могу не думать, что наш автор немного перегнул палку в своей критике здесь: это были всего лишь фрагменты или части креста, в Константинополе сарацины все еще удерживали основную часть истинного креста — *если это было правдой*.—Пер.]

[144] Вильярдуэн, говоря о строгом правосудии, применяемом ко всем, кто пытался скрыть какую-либо часть награбленного, говорит: Et en y eut tout plein de pendus.

[145] В одном издании Вильярдуэна разграбление Константинополя оценивается в пятьсот тысяч марок серебром, что эквивалентно двадцати четырем миллионам; если мы добавим к этой сумме пятьдесят тысяч марок, причитающихся венецианцам и вычтенных до раздела, и ту часть, которая у них была при самом разделе, мы найдем общую сумму добычи в пятьдесят миллионов четыре сто тысяч франков (около 2 100 000 фунтов стерлингов. - пер.). Возможно, столько же, говорит современный историк, предоставивший нам эту заметку, было тайно присвоено отдельными лицами. Три пожара, уничтоживших более половины города, уничтожили по меньшей мере столько же его богатств, и в изобилии, последовавшем за разграблением, самые ценные вещи настолько утратили свою ценность, что преимущество латинян, вероятно, не равнялось и четверти того, во что они обошлись грекам. Таким образом, мы можем предположить, что Константинополь до нападения содержал 600 000 000 богатств (25 000 000 фунтов стерлингов). (Во что обошлось бы разграбление Лондона в 1852 году? — Пер.)

[146] Церемония возжигания льна по-прежнему совершается при возвышении пап; к ним обращены эти слова: *Sic transit gloria mundi*.

[147] Никита рассказывает обо всех обстоятельствах раздела земель империи. В *Муратори* мы находим договор о разделе, который был заключен перед осадой; мы не предлагаем его нашим читателям, поскольку в нескольких местах он непонятен и не может пролить никакого света на географию. Названия городов и провинций империи даны очень неверно и несовершенно. Венецианцы, без сомнения, предоставили необходимую информацию для составления договора, но эта информация была очень неполной.

[148] Папа сначала не хотел признавать это избрание, которое казалось ему узурпацией прав Святого Престола; но поскольку Морозини был священнослужителем больших заслуг,

Иннокентий не пожелал выбирать другого. Морозини был отправлен в Константинополь не как избранный крестоносцами, а как назначенный папой римским.

[149] Иннокентий, говоря о разграблении Константинополя, выражает себя в своем письме так: "Почему не было религии, не было любви, не было секса"; "блуд, прелюбодеяние и кровосмешение в глазах, омниум упражняется, не решает проблемы и видуас", "почему и другие". матроны и девы, чьи слова разоблачают молочный нарост. Папа более суров к крестоносцам, чем сам Никита; возмущение, вызванное неповиновением крестоносцев, побудило его преувеличивать их ошибки. Само по себе слово *инцест*, применяемое к воинам, не имевшим родственных связей с греками, служит доказательством того, что в письме Иннокентия больше горечи, чем правды.

[150] Некоторые современные авторы утверждают, что колонну, из которой выпал Мурзуфль, до сих пор можно увидеть в Константинополе: но в этом городе существовало две колонны; одна Феодосия, а другая Аркадия. Первый был разрушен Баязетом, а от второго не осталось ничего, кроме пьедестала, который находится на Аврет Барас (женском рынке). Посмотрите "*Путешествие к Пропонтиде*" месье ле Шевалье, который прояснил этот факт на месте.

[151] Клавдиан в своих панегириках Стилихону нарисовал картину вторжения готов в провинции Греции. В эти прекрасные страны не вторгались с третьего века. Франки едва ли умели охранять свои завоевания лучше, чем предшествовавшие им варвары.

[152] В королевской библиотеке хранится рукопись на новогреческом языке под номером 2898; первая часть этой рукописи представляет собой роман в стихах, озаглавленный "Любовь Тезеи и амазонок". Вторая часть рукописи представляет собой поэму о крестовых походах; вся десятая песнь подробно описывает завоевания франков в Греции. М. Хазис, профессор новогреческого языка, сделал краткий анализ этой поэмы.

[153] В письмах Иннокентия говорится о городе Афинах, который был посвящен уже не Минерве, а святой Деве. — См. b. xx. epis. vi. Там же.

[154] Здесь мы в последний раз цитируем *Историю* Вильярдуэна; возможно, нас упрекнул в том, что мы цитировали ее слишком часто и тем самым придали нашему изложению слишком много монотонности. Мы ответим, что естественное отношение и выражения такого историка, который рассказывает о том, что он видел, и о том, что он пережил, показались нам превыше всего, что талант или искусство письма могли бы заменить их. Нам приятно верить, что если наш рассказ смог заинтересовать наших читателей, то мы во многом обязаны этому интересу множеству цитат из Виллардуэна и других современных историков.

[155] Среди романтических рассказов, которые были распространены относительно Болдуина, мы не должны опускать следующее: — Императора держали взаперти в Теренове, где жена Джоаннис отчаянно влюбилась в него и предложила ему бежать с ней. Болдуин отверг это предложение, и жена Джоаннис, раздраженная его пренебрежением и отказом, обвинила его перед своим мужем в том, что он питал прелюбодейную страсть. Варвар Джоаннис приказал зарезать своего несчастного пленника на пиру, а его тело было выброшено на скалы на съедение стервятникам и диким зверям.

Но людей так и не удалось убедить в том, что он мертв. Один отшельник удалился в Глансонский лес на стороне Эно, и жители окрестностей пришли к убеждению, что этим отшельником был

граф Болдуин. Отшельник поначалу отвечал откровенно и отказался от почестей, которые они хотели ему оказать. Они настаивали, и в конце концов его убедили сыграть роль, и он выдал себя за Болдуина. Сначала у него было очень много сторонников; но король Франции Людовик VIII пригласил его ко двору, и он был сбит с толку вопросами, которые ему задавали: он обратился в бегство и был арестован в Бургундии Эрардом де Шастене, бургундским дворянином, семья которого существует до сих пор. Джейн, графиня Фландрская, приказала повесить самозванца на большой площади Лайла.—См. *Дюканжа, Историю. де Константа*. книга III.

[156] Дандоло был великолепно похоронен в церкви Святой Софии, и его мавзолей просуществовал до разрушения греческой империи. Магомет II приказал снести его, когда превратил церковь Святой Софии в мечеть. Венецианский художник, проработавший несколько лет при дворе Магомета, по возвращении на родину получил от султана кирасу, шлем, шпоры и тогу Дандоло, которые он подарил семье этого великого человека.

[157] Никита не знал, должен ли он уделить место в своей *Истории* латинянам, которые были для него всего лишь варварами, но он решает продолжить— “когда Бог, который ставит в тупик мудрость человеческой политики и унижает гордость возвышенных, привел в замешательство тех, кто оскорбил греков, и предал их людям еще более порочным, чем они сами”.—Смотрите историю того, что произошло после взятия Константинополя, глава первая.

[158] Как получилось, что наш автор, который явно равнодушен к Вильгардуэну, забыл упомянуть о его искусном отступлении из Адрианополя, которому Гиббон воздает такую высокую оценку: “Его мастерское трехдневное отступление заслужило бы похвалу Ксенофонта и десяти тысяч”. У Гиббона есть прекрасные пассажи о Виллардуэне.—Пер.

[159] Иннокентий, чтобы избавиться от соседства императора, потребовал от Филиппа Августа рыцаря, который мог бы жениться на дочери Танкреда и, возможно, отвоевать Сицилию. О приключениях и войнах Готье де Бриенна рассказывают Конрад, аббат Усбергский, Роберт Монах, Альберик и, как мы уже говорили, автор *“Деяний Иннокентия”*.

[160] Мы не можем удержаться от того, чтобы предложить нашим читателям любопытный отрывок из превосходных рукописных мемуаров, переданных нам месье Журденом, озаглавленных *“Исследования древних версий латинских аристотелей, служащих Церкви 13-го века”*. “Два обстоятельства способствовали в тринадцатом веке существенному распространению знаний греческого языка на Западе. Балдуин, вззошедший на императорский трон, написал папе Иннокентию III. просить его прислать к нему людей, отличающихся благочестием изнаниями, избранных из религиозных орденов и Парижского университета, чтобы обучить его новых людей католической религии и латинской грамоте. Папа написал письма в несколько монашеских орденов и в Парижский университет. Примерно в то же время Филипп Август основал в Париже, недалеко от горы Святой Женевиевы, константинопольский колледж, предназначенный для приема молодых греков из самых знатных семей Константинополя. Намерение этого принца состояло в том, чтобы погасить в сердцах этих молодых людей ненависть, которую они впитали в себя к латинянам, предлагая им всевозможные виды доброго обращения, а также, возможно, обеспечить заложников от непостоянства и недобросовестности греков”. Мы можем предположить, что это обстоятельство сильно способствовало распространению знаний греческого языка не только во Франции, но и на всем Западе, поскольку Париж был тогда самой знаменитой школой, и

почти все люди, которым приписываются латинские переводы с греческого, учились в этом городе: мы также должны приписать той же причине латинские версии Аристотеля, сделанные с греческого и опубликованные до святого Фомы. Тем не менее, если бы арабы ранее не распространили по всему Западу вкус к перипатетической философии, весьма сомнительно, что отношения, установившиеся между Востоком и Западом после вступления в должность Болдуина, вызвали бы какое-либо желание получить ее из более чистых источников.

[161] С момента их возвращения в Венецию история этих трех знаменитых лошадей породила три диссертации. В одном из них (*Narrazione Storica dei Quattro Cavalli di Bronzo* и др.) граф Чиконьяра, президент Королевской академии изящных искусств в Венеции, утверждает, что этот памятник был отлит в Риме во времена правления Нерона в ознаменование победы над Тиридатом. М. Шлегель (*Lettera ai Signori Compilatori della Biblioteca Italiana*) отвергает это мнение графа и считает, что четыре бронзовых коня принадлежат греческой скульптуре времен Александра.—*Собор Святого Марка в Куатро Кавалли*. Андре Мустоксиди, очень образованный молодой грек, утверждает, что эта великолепная группа родом с острова Хиос, который был богат искусными скульпторами, и считает, что они были перевезены в Рим во времена Верреса и в Константинополь при Феодосии Великом.

[162] Мы находим в первом томе итальянского труда, озаглавленного "*История Инквизиции и джиа знаменитость суо Маркизато*", опубликованном в Асти в 1810 году, ценный памятник; это хартия, подтверждающая отправку семян кукурузы в город Монферрат. Это очень интересный документ.

[163] Стоит отметить, что с тех пор, как было написано это предложение, прошло немногим более четверти века; и чего только не сделала наука за этот короткий период! Восток, о котором мы, как тогда говорили, ничего не знали, известен европейцам лучше, чем когда-либо во времена крестовых походов.—Пер. с англ.

[164] Подробный отчет об этом голоде и бедствиях, которые за ним последовали, можно найти в "*Отношениях Египта*", переведенном с Абдаллатифа М. Летвестром де Лейси. Этот арабский автор был искусным врачом и просвещенным человеком; и его рассказ, содержащий много экстраординарных фактов, носит все признаки правды.

[165] Обстоятельства этого землетрясения описаны Абдаллатифом, латинские историки едва ли называют это великим бедствием.

[166] Месье Ланглес предоставил нам этот ценный эпизод, который он позаимствовал у персидского биографа Даулета Чаха. Биограф добавляет, что купец из Алеппо выкупил Саади, заплатив христианам сумму в десять золотых крон, и он также дал поэту еще сто в качестве приданого за свою дочь, которую выдал за него замуж.

[167] Истории очень трудно проследить события этого периода сквозь облако анархии, царившее повсюду; и что увеличивает трудность, так это то, что авторы наших старых хроник были знакомы только с Иерусалимским королевством и ничего не знали о том, что происходило внутри государств. Арабские историки, напротив, гораздо больше внимания уделяют экспедициям вглубь Страны, чем событиям, произошедшим в Птолемаиде, расположенной на морском побережье и в некотором роде изолированной от остальной Сирии.

[168] Мы находим мало подробностей об этой эпохе у продолжателя Вильгельма Тирского или других историков средневековья, которые упоминают христианские колонии.

[169] Это покаяние и то, что за ним следует, упоминаются Флери в шестнадцатом томе его "Истории"; виновные были приговорены, в дополнение к паломничеству, не носить ни шерсти, ни серого беличьего меха, ни горноста, ни цветных тканей; они никогда не должны были присутствовать на публичных играх; овдовев, они никогда не должны были снова жениться; ходить босиком и одеваться в шерстяную одежду, а также поститься на хлебе и воде по средам, пятницам, седмицам и бдениям; соблюдать три поста Великим постом в течение года, воздерживаться от курения. читай "Отче наш" сто раз и преклоняй сто колен каждый день. Когда они приезжали в город, они должны были идти в главную церковь босиком, в панталонах, с поводьями на шее и розгами в руках, и там получать от каноников дисциплинарные взыскания и т. Д.

[170] Сын Эрарда II, графа Бриенна в Шампани, и Агнес Монтельяр.

[171] Продолжатель Вильгельма Тирского рассказывает, что бароны Палестины сами потребовали Иоанна Бриенского от короля Франции.

[172] Как и Гиббон, я предпочел настоящее название этой секты латинизированным *альбигойцам*.—Пер.

[173] Боссюэ, *История вариаций*. том ii. Аббат Паке в своем *Словаре героинь* и Флери в своей *Истории церкви* высказывают то же мнение.

[174] Несмотря на пристрастие, которое я, естественно, испытываю к автору, чьи работы я перевожу, и к выполнению которого меня привело мое восхищение им, я не могу позволить, чтобы подобные мнения о войне против альбигойцев остались незамеченными. Очень здравомыслящий французский историк говорит: "Жители этих провинций были трудолюбивы, интеллектуальны и увлекались торговлей, искусствами и поэзией; их многочисленные города процветали, ими правили консулы, формы правления которых приближались к республиканским; внезапно этот прекрасный край был отдан на растерзание фуриям фанатизма, его города были разрушены, его искусство и торговля уничтожены, а его язык отброшен назад, в варварство. Проповедь первой религиозной реформы привела к опустошению этих богатых стран. Духовенство там не отличалось, как во Франции или северных провинциях, своим рвением к самосовершенствованию и распространению знаний; оно проявляло себя грубыми беспорядками и с каждым днем становилось все более презренным. Необходимость реформ давно ощущалась жителями Прованса, и уже появилось много реформаторов. В течение длительного времени существовали ассоциации, целью которых было очищение морали и доктрин Церкви; таковыми были патерины, катары и лионские бедняки; и большая часть из них получила санкцию пап, которые считали их монашескими орденами, в высшей степени рассчитанными на пробуждение общественного благочестия. Но проводившиеся реформы постепенно расширялись; даже догмы подвергались нападкам, священники подвергались оскорблениям со стороны народа, а владения Церкви подвергались вторжению. Таково было положение вещей, когда знаменитый Иннокентий III в возрасте тридцати девяти лет взошел на папский престол в 1198 году. Для выполнения своей великой задачи он использовал таланты честолюбца и энергию жестокого и непреклонного характера. Этот понтифик, господствовавший над Европой индульгенциями и отлучениями от церкви,

строго следил за каждым свободным проявлением мысли в религиозных вопросах и карал за это; он был первым, кто почувствовал, насколько серьезной и угрожающей для Римской церкви должна быть свобода ума, которая уже выродилась в бунт. Он с большим беспокойством и гневом наблюдал за новыми тенденциями в умах людей в Провансе и Лангедоке и объявил вне закона реформаторов, самые многочисленные из которых, давшие свое имя всем остальным, были известны под именами альбигойцев и водуа. Некоторые из них были манихеями, то есть признавали два принципа; *но наибольшее число из них исповедовало доктрины, лишь очень мало отличающиеся от тех, которые три столетия спустя проповедовал Лютер*. Они отрицали пресуществление в таинстве Евхаристии, отвергали исповедь, таинства конфирмации и брака и обвиняли поклонение изображениям в идолопоклонстве”. В этой войне папство пустило в ход все свои самые страшные силы; побряки своим жестоким наемным солдатам; рай для массовых убийц своих братьев; ад для всех, кто осмеливался думать во время богослужения или произнести хоть слово против сущей бессмыслицы римских обрядов: произошло много примеров, когда отвратительная доктрина *онесоблюдении веры еретиками* была беззастенчиво выдвинута и жестоко претворена в жизнь. Я закончу свое повествование об этой войне против людей, которые осмелились хоть немного отличаться во мнениях от своих братьев-христиан и главы Церкви, цитатой, которая ярко характеризует ее характер. “Крестоносцы всей массой бросились на земли молодого виконта де Безье, захватили его замки и сожгли всех мужчин, надругались над женщинами и вырезали детей, которых нашли в них; затем, повернув к Безье, они взяли его штурмом. Огромное количество жителей окрестной страны нашло убежище в этом городе; аббат Сито, легат папы римского, после того как рыцари спросили его о судьбе этих несчастных, часть из которых была еретиками, ответил такими отвратительными и приснопамятными словами: *‘Убивайте! убивайте! Бог позаботится о своих!’*” Крестовый поход против альбигойцев — одна из самых черных страниц в истории человечества, и ее следует описывать как таковую каждому историку, чья неприятная обязанность - давать ей названия. -Пер.

[175] Аббат Во-де-Серне, проявивший себя в крестовом походе против альбигойцев, оставил нам историю этого периода, в которой он с видом триумфатора рассказывает о проходивших перед его глазами фактах, перед которыми религии, как и человечеству, следовало бы покраснеть. Когда мы прочитали его отчет, мы убедились в двух вещах: во-первых, что он был искренен в избытке своего фанатичного рвения; во-вторых, что его эпоха думала так же, как и он, и не осуждала насилия и гонения, о которых он так откровенно рассказывает в истории. Отец Ланглуа, иезуит, написал на французском языке историю крестовых походов против альбигойцев. С пользой можно ознакомиться с *Церковной историей* Флери и *Историей провинции Лангедок*.

[176] Этот крестовый поход детей описан таким большим числом современных авторов, что у нас не может быть никаких сомнений в этом. Мы приведем в нашем Приложении различные версии древних хроник этого необычного события.

[177] *Vetus est hoc artificium Jesus Christi, quod ad suorum salutem fidelium diebus istis dignatus est innovare.—Epist. Невинные.*

[178] 1263 год соответствовал 602 году Хиджры.

[179] Монтескье предсказывает судьбу магометанства; не так, как это делал Иннокентий, но философски. Он также предсказывает, “что Франция падет от меча”, но кто обнажит меч - иностранцы или ее собственные сыновья, он не говорит.— Пер. с англ.

[180] Гиббон говорит: “Некоторые глубокие мыслители подозревали, что все предприятие, начиная с первого синода в Плацентии, было задумано и приведено в исполнение политикой Рима. Это подозрение не обосновано ни делом, ни фактом. Преемники святого Петра, по-видимому, *следовали*, а не *руководствовались* импульсами нравов и предрассудков”. При всем уважении к нашему прославленному историку, я не могу полностью согласиться с ним; папы во многих случаях были первыми, кто разжигал пламя, и всегда заботились о том, чтобы оно горело. В той части нашей истории, которая сейчас перед нами, очевидно, что этого бы не произошло, если бы не огромные усилия Невинных людей. Крестовые походы были мощным двигателем в руках пап; они не могли позволить им прийти в упадок.— Пер. с англ.

[181] Кардинал де Курсон был англичанином по происхождению. Он учился в Парижском университете и отсюда был связан с Лотэром, который стал папой под именем Иннокентий III. Именно этой дружбе Питер Робер де Курсон был обязан своим возвышением. Покойный М. дю Тейль очень подробно упоминает об этом человеке в “*Уведомлениях о рукописях*”, том vi.

[182] The continuator of William of Tyre expresses himself thus:—Il ot en France un clerc qui prescha de la croix, qui avait nom maître Jacques de Vitri; cil en croisa mult, là où il étoit en la predication, l’eslurent les chanoines d’Acre, et mandèrent à l’apostolle (le pape) qu’il lor envoyast pour estre évesque d’Acre; et sachiez s’il n’en eust le commandement l’apostolle, il ne l’eust mie reçu, mais toutes voies passa-t-il outremer, et fust évesque grand pièce, et fist mult de biens en la terre; mais puis resigna-t-il, et retourna en France, et puis fut il cardinal de Rome. [Поскольку г-н Мишо поместил это примечание полностью в тексте и привел его только для того, чтобы показать любопытный способ выражения, я последовал его примеру.— Пер. с англ.]

[183] Филипп даровал этот сороковой, без привязки к будущему, — *absque consuetudine*, и при условии, что этот добровольный дар будет использован везде, где король Англии и бароны двух королевств сочтут нужным.—См. *Инструкцию*. том i. стр. 31.

[184] В королевском регламенте Филиппа Августа есть распоряжение относительно долгов, взятых крестоносцами как членами коммуны. Мы думаем, что наши читатели не будут недовольны деталями этого распоряжения. “Что касается крестоносцев, членов определенных коммун, мы приказываем, - говорит король, - что если с самой коммуны будет взиматься какой-либо сбор, будь то за пеших или конных солдат (ост и шевоши), окружение города, оборону города в случае осады или за любой долг, который подлежит уплате и заключен до принятия креста, они будут подлежать уплате своей доли наравне с другими жителями, которые не приняли креста; но что касается долгов, заключенных после периода, в течение которого они должны будут понести наказание”. приняв крест, крестоносцы останутся освобожденными не только до своего приближающегося отъезда, но и до своего возвращения“.—См. “*Книгу порядков*”, “*Дачери*” и шестой том. of the *Notices des Manuscrits, dissertation de M. du Theil sur Robert de Courçon*.

[185] В хартии, дарованной королем Иоанном, этот монарх прямо говорит, что он дарует эту хартию по совету архиепископа Кентерберийского, семи епископов и папского нунция.

[186] Эта победа Бувина, имевшая такие счастливые результаты для французской монархии, будет достойно отмечена в стихотворении г-на Персевала де Гран-Мезона "*Филипп Огюст*": "Мы не можем в достаточной степени восхвалять наших поэтов, которые берут сюжеты из величайших периодов нашей истории."

[187] После проведения этого собора можно ознакомиться с Хроникой Опсберга, монаха Годфри, Мэтью Пэриса, Альберта Стаденсиса, Хроникой Фассано и, в частности, со сборником соборов. Флери вдается в очень подробные подробности.—См. Шестнадцатый том. из *Церковной истории*.

[188] Речь папы полностью сохранилась в собрании соборов.—Смотрите четвертый Латеранский собор.

[189] М. Рейнорд, который провел глубокие исследования языка и поэзии трубадуров, передал нам это произведение Пьера Овернского вместе с несколькими другими, которые кажутся нам очень интересными и которые мы включим в наше Приложение.

[190] В диссертации о кардинале де Курсоне г-н дю Тейль взялся за апологию Иннокентия III. Мы испытываем величайшее уважение к этому ученому; но он проявляет слишком сильную склонность оправдывать Невинных во всех отношениях; и применение распространенной пословицы "*Тот, кто доказывает слишком много, не доказывает ничего*" здесь вполне уместно.

[191] Иннокентий произнес эти слова против Людовика, сына Филиппа Августа, которого он побудил начать войну против короля Англии; и которого он впоследствии хотел отлучить от церкви, потому что этот принц упорствовал в продолжении войны, начатой по приказу и совету Святого Престола.

[192] Я не раз замечал, что наш автор настолько поглощен историей, за которую взялся, что несколько вольно высказывается о истории ближайших к нему народов. Было маловероятно, что Генрих III, девятилетний мальчик, примет крест или что благоразумный Пембрук и другие его советники позволят растратить силы беспокойного королевства на такой план. Опять же, король Франции, который, по его словам, был постоянно занят войной против альбигойцев, не имел абсолютно никакого отношения к этой войне. Южные провинции, подвергшиеся этому бедствию, были феодальными владениями арагонской короны и в то время никоим образом не принадлежали Франции. Пока бушевали эти войны, Филипп благоразумно расширял свои владения на север и северо-восток.— Пер. с англ.

[193] Историк Венгрии Бонфиниус говорит, что Гертруда, жена Банка, канцлера королевства, уступила преступным желаниям своего брата. Он добавляет, что Банк убил королеву, чтобы отомстить за нанесенное оскорбление; но это утверждение опровергается всеми историками. Тот же автор утверждает, что жена Андрея была убита во время его путешествия в Святую Землю; но это утверждение столь же ложно, как и первое. Гертруда была убита 18 сентября 1213 года. — См. Пальма, *Notitia Rer. Повешен.* т. и.

[194] Маргарита, королева Венгрии, отправилась в Палестину после смерти Белы, своего мужа.— Смотрите девятую книгу этой Истории.

[195] С Хроникой Питера Дюрбурга, священника Тевтонского ордена, можно ознакомиться по поводу нравов и религии древних пруссаков. Эта хроника, целью которой является описание завоеваний тевтонских рыцарей, содержит несколько исторических диссертаций, которые, на наш взгляд, имеют большие достоинства; наиболее любопытными являются: *Dissertatio de Diis Veterum Prussorum*; *Dissertatio de Sacerdotibus Veterum Prussorum*; *Dissertatio de Cultu Deorum, de Nuptiis, de Funeribus, de Locis Divino Cultui dicatis*, & с. ис. Также можно ознакомиться с латинской диссертацией "*De Moribus Tartarorum, Lithuanorum et Moschorum*". Эта работа содержит любопытные подробности о богослужении и нравах Литвы и Жемайтии, которые имели сильное сходство с богослужением и нравами пруссаков. М. Коцбуэ в своей "Истории тевтонских рыцарей" пролил большой свет на происхождение законодательства, а также обычаев и религии древних жителей Пруссии.

[196] В письме папы Гонория архиепископу Майенса говорится, что в Пруссии есть нация варваров, о которых говорят, что они убивают всех девочек, кроме одной, рожденной от каждой матери; что они занимаются проституцией своих дочерей и жен, приносят пленниц в жертву своим богам и омывают свои мечи и копья в крови этих жертв, чтобы принести им успех в битве — см. *Raynal*, 1218. Мы отсылаем наших читателей к нашему Приложению за некоторыми подробностями о нравах пруссаков.

[197] Отец Мамбур и большинство историков заставляют короля Венгрии отправиться в Венецию; но они не знакомы с Хроникой Томаса, диакона из Спалатро, который сообщает самые подробные подробности о путешествии Андрея II. в Святую Землю и его возвращение в свои владения. Эта хроника, правда, содержит много сомнительных сведений о крестовом походе и венгерском королевстве после возвращения Андрея; но она вполне заслуживает доверия во всем, что происходило в Спалатро.

[198] “В этом году, - говорит продолжатель Табари, “ франки получили помощь морем от Рима великого и других стран франков, как западных, так и северных. Руководил ими глава Рима, прелат, весьма почитаемый среди христиан; он послал войска из своей страны под командованием различных командующих и приказал другим франкским королям либо выступить лично, либо прислать свои войска ”.

[199] В письме магистра воинов Храма, адресованном Гонорию III, приводится несколько подробностей, касающихся положения Святой Земли в этот период. В этом письме говорится о дефиците, испытываемом в Сирии; магистр тамплиеров добавляет, что они не могли раздобыть лошадей. “По этой причине, - сказал он папе, - увещивайте всех, кто принял крест или намеревается принять его, снабдить себя такими вещами, которые они не могут достать здесь”.

[200] Этого принца звали Шереф-Эддин Мелик Моаддхам.

[201] Наш долг процитировать здесь то, что встречается в продолжателе Табари, или фальшивом Табари, относительно этой экспедиции христиан: “Они предприняли осаду замка Тур (Табор) и достигли вершины горы и подножия стен. Они были очень близки к тому, чтобы овладеть им; но так как один из их принцев умер, они удалились, пробыв перед фортом семнадцать дней”. Это сообщение совершенно противоречит мнению западных историков и в остальном не несет в себе никаких признаков правдоподобия. Это правда, что король Кипра умер во время этого похода крестоносцев; но он умер в Триполи и более чем через месяц после похода на гору Фавор.

[202] Согласно хроникам того времени и сообщениям путешественников, на горе Фавор нет воды. Вполне вероятно, что нехватка воды помешала крестоносцам приступить к осаде крепости.

[203] Незначительные сведения об этом периоде можно найти у продолжателя Вильгельма Тирского и у Иакова Витрийского, который в то время был епископом Птолемаиды.

[204] архидиакон Томас с большой простотой описывает чудеса, совершаемые мощами короля Венгрии.

[205] Один из этих историков, Пальма, выражается так: "Он возглавляет иерусалимитанскую экспедицию, поддерживает нервозность монархии Венгрии, поддерживает единую модель светского пространства до прихода к власти, восстанавливает власть". Другой историк добавляет, что долгое отсутствие Эндрю и слабоумие его сына настолько полностью оттолкнули умы его подданных, что его возвращение не вызвало никакой радости и что Бенедикту, канцлеру королевы Йолландии, было трудно убедить нескольких прелатов выйти и встретиться с ним.

[206] С реестром Гонория в Ринальди и, в частности, с письмом, написанным Вильгельмом Голландским папе римскому, можно ознакомиться для получения подробной информации об этой кампании против мавров. Уильям просит разрешения суверенного понтифика остаться в Португалии на год; но Святой Престол отказал ему в этом разрешении, в то время заинтересованный только в крестовом походе за море. Некоторые подробности, касающиеся экспедиции крестоносцев в Португалию, можно найти у Иакова Витрийского и у монаха Годфри.

[207] Савари исправил ошибку, допущенную несколькими современными учеными, которые перепутали город Дамьетта, существовавший во времена крестовых походов и названный *Тамиатис* Стефаном Византийским, с городом с таким названием, который существует в настоящее время. Абульфедда сообщает нам, что древняя Дамьетта была подожжена и разрушена в 618 году Хиджры, после крестового похода Людовика Святого, и что другой город под тем же названием был построен в двух лье от моря. Утверждение Абульфеды согласуется в этом пункте с описанием Макузи.

[208] Джеймс Витрийский дает достаточно подробное описание Египта и его произведений; эта часть его истории не недостойна прочтения учеными и может дать справедливое представление о знании географии и естественной истории тринадцатого века.

[209] Для получения подробной информации об осаде Дамьетты, Джеймсе Витрийском, продолжателе Вильгельма Тирского, Марин Санут, Мэтью Пэрис, можно обратиться к переписке Гонория с *Рейнальди*, Годфри и монахом Альберика. Мы изучили рассказ, приписываемый Оливье, кельнскому священнику, который можно найти в "*Весте святых христиан*", но этот рассказ повторяет Иаков Витрийский. Арабские авторы и Хроника Ибн-Ферата оказали нам большую помощь в наших трудах и сообщили нам очень важные факты, о которых франки и их историки не знали.

[210] Le Père Maimbourg дает длинный отчет об этой машине, повторяться не обязательно.

[211] Этот священник, которого звали Оливье, впоследствии стал епископом Падерборна и кардиналом Святой Сабины; это тот же человек, который подписал своим именем учетную запись, упомянутую нами в предыдущем примечании.

[212] Грецер в своем "Договоре де Крус" официально заявляет, что папы требовали от командиров паломников брать с собой как земледельцев, так и рабочих.

[213] В Хронике Ибн-ферата собраны суждения всех арабских историков о Малек-Аделе. Все эти историки высказываются в одной и той же манере. Продолжатель Вильгельма Тирского, который, по-видимому, жил на Востоке, говорит о пышности и ауре величия, которые были замечены в брате Саладина: в остальном последний относится к Малек-Аделю с большой суровостью.

[214] Малек-Адель известен в наших Историях крестовых походов под именем Сеиф-Эддин, по искажению Сафадина.

[215] По этому вопросу можно ознакомиться с латинской диссертацией Беклера, озаглавленной "О пассажах".

[216] Я не могу понять, кем был этот принц Оливер. —Пер.

[217] В письме, в котором Гонорий объявил лидерам крестового похода о полномочиях, которые он передал кардиналу Пелагию, его святейшество выражает себя так: *Ut exercitum Domini cum humilitate præcedens, concordet in concordia foveat, et ad pacem revocet impacatos.*

[218] *Califas papa ipsorum.* Продолжатель Вильгельма Тирского называет халифа Апостолом Негодяев. The same historian adds:—“Après manda (le soudan du Caire) au calife de Baudac, qui apostolle était des Sarrasins, et par Mahomet qu’il le seccurût, et s’il ne le seccurait, il perdrait la terre. Апостол Рима и посланник в Генте, чего нельзя ожидать от меня, чего нельзя ожидать, чего нельзя ожидать от платежеспособности, которую я считаю достойной по чести, чего нельзя ожидать от суда, чтобы даровать секурс генту по чину президента”. — “Султан Каира впоследствии послал к халифу Багдада, который был апостолом сарацин, и умолял его во имя Магомет, чтобы помочь ему, заверил его, что если он не поможет ему, то потеряет свои владения. Ибо апостол Рима послал так много людей, что их не было ни счета, ни меры, и халиф должен был приказать проповедовать по всему язычеству, как это практиковалось в христианском мире, и он мог бы послать султану большую помощь в результате своих проповедей”.

[219] В Хронике Ибн-ферата, из которой мы почерпнули то, что мы рассказываем, говорится, что Эмад-эддин был сыном Сеиф-Эддина абул-Хасана Алибен-ахмеда Альхекари, по прозвищу Ибн-альмахтуб (сын Покрытого Шрамами), из-за раны, которая имела отметил его лицо. Та же хроника добавляет, что эмир, сын Покрытого Шрамами, презирал бесполезные занятия королей и что рассказывают о самых экстраординарных обстоятельствах его восстаний против монархов.

[220] Все христианские историки средневековья, а за ними и Мэмбур, по-видимому, убеждены, что Провидение чудом своей воли обратило сарацин в бегство.

[221] Наши историки крестовых походов называют этого принца Меледином.

[222] Пехота, должно быть, оказала во время осады больше услуг, чем кавалерия, при защите укреплений, подготовке к штурму или сражении на борту кораблей. Один только этот спор доказывает, что пехота добилась больших успехов, ибо до этого времени она не осмелилась бы сравнивать себя с кавалерией.

[223] Продолжатель Вильгельма Тирского подробно рассказывает о беседе святого Франциска и его спутника с султаном Каира. Святой Франциск сначала предложил султану отречься от Магомета под страхом вечного проклятия.

[224] Li soudan dist qu'il avait archevesques et évesques de sa loi, et sans eux ne pouvoit-il crier ce qu'ils diraient. Les clerks lui respondirent: "Mandez les guerre;" et ils vinrent à lui en sa tente. Si leur conta ce que li clerks li avaient dist; ils respondirent: "Sire, tu es épée de la loi. Nous nous te commandons, de par Mahomet, que tu lor fasse la teste couper." A tant puient congé, si s'en allèrent. Li soudan demora et li dist clerks, dont vint li soudan, si lors dist, "Seignors, ils m'ont commandé, de par Mahomet, et de par la loi, que je vous fasse les testes couper; mais j'irai en contre le commandement," &c. &c. Султан — мы переводим слова нашего старого историка — сказал, что у него были архиепископы и епископы закона, и без них он не мог слушать то, что они хотели сказать. Служащие, святой Франциск и его спутник, ответили ему: "Пошлите за ними сюда" — и они пришли к нему в его палатку. Затем он пересказал им то, что сказали чиновники, и они ответили: "Сир, ты - меч закона. Именем Магомета мы приказываем тебе приказать отрубить им головы". Затем они поклонились и ушли. Султан и упомянутые чиновники остались. Тогда султан подошел к ним и сказал: "Сеньоры, они приказали мне через Магомета приказать отрубить вам головы; но я поступлю вопреки приказу" и т. Д. и т. П. Историк добавляет, что султан предложил им подарки, от которых они отказались — он приказал им подкрепиться и отправил обратно в христианскую армию.

[225] Ingredientibus nobis foetor intolerabilis, spectus miserabilis; mortui vivos occiderunt; vir et uxor, dominus et servus, pater et filius, se mutuis foetoribus interemerunt. Non solum plateæ erant mortuis plenæ, sed in domibus et cubiculis et lectis jacebant defuncti; extincto viro, mulier impotens surgere, sublevandi carens subsidio vel solatione, putritudinem non ferens expiravit. Filius juxta patrem, vel e converso; ancilla juxta dominam, vel vice versâ, languore deficiens jacebat extincta; parvuli petierunt panem, et non erat qui frangeret eis. Infantes ad ubera matrum pendentes, inter amplexus morientium vocitabant; delicati divites, inter acervos tritici interierunt fame; deficientibus cibus, in quibus erant nutriti, pepones et allia, cepas et alitilia, pisces et volatilia, et fructus arborum, et olera frustra desiderantes. Multitudo vulgi contracta vel molestiis diutius fatigata deficiens aruit.—*J. Vit. Hist. Or. l. iii.*

[226] Некоторые французские критики обвиняют М. Мишо в излишней риторичности — в данном случае он не сделал свой рассказ таким эффективным, как мог бы. Если читатель обратится к отрывку из *книги Иакова Витрийского*, помещенному в конце последней страницы, он обнаружит, что старый хронист гораздо могущественнее современного историка.—Пер.

[227] Сохранились два письма, которые Гонорий написал Пелагию, отправляя ему деньги; они кажутся нам очень любопытными и заслуживают места в нашем Приложении.

[228] В Хронике Ибн-ферата приводятся некоторые подробности этого совета мусульманских князей. Западные историки ничего не говорят об этом. Жаль, что Яков Витрийский, посланный в лагерь сарацин предложить капитуляцию, хранил глубокое молчание по поводу столь важного

обстоятельства. Мы несколько раз отмечали, что арабские историки, когда мусульмане терпят неудачу, довольствуются словами: “*Аллах велик; пусть Бог проклянет христиан!*” То же самое неудобство мы находим у западных историков, которые почти всегда хранят молчание, когда христиане побеждены.

[229] Мы не можем удержаться от замечания, что обсуждения мусульман обычно заканчиваются решениями умеренными и милосердными; и что обсуждения крестоносцев так же часто приводят к совершенно иному результату.—Пер.

[230] Поскольку перевод едва ли может отдать должное этому трогательному маленькому морсо, я привожу оригинал.—Пер. с англ. Le roi s’assit devant le soudan, et se mist à plorer; le soudan regarda le roi qui ploroit, et lui dist: “Sire, pourquoi plorez vous?” “Sire, j’ai raison,” repondit le roi, “car je vois le peuple dont Dex m’a chargé, perir au milieu de l’eve et mourir de faim.” Le soudan eut pitié de ce qu’il vit le roi plorer, si plora aussi; lors envoya trente mille pains as pauvres et as riches; ainsi leur envoya quatre jours de suite.

[231] У Муратори сохранилось небольшое элегическое стихотворение на латыни, посвященное взятию Дамииетты.—См. *Сценарий. Перев. Итал.* том vii. стр. 992.

[232] Смотрите письмо патриарха Александрийского в Приложении. Патриарх в конце своего письма высказывает папе несколько примечательных мнений о том, каким образом император и крестоносцы должны были прибыть в Египет.

[233] Письмо королевы Грузии можно найти в продолжателе Барония под 1224 годом. Любопытные подробности о нравах грузин в XIII веке также можно найти у Иакова Витрийского, *История. Восток*.

[234] “Хроника Упсберга” приписывает убийство уважаемого Энгельберта, архиепископа Майенса, этой снисходительности проповедников крестового похода.

[235] Эти подробности, неизвестные всем историкам Запада, переданы Абульфедой и большей частью арабских историков, которые описывают события этого периода. Те же авторы называют мусульманского посланника *Факреддином*; они искажают имя посланника Фридриха и говорят, что этот принц выбрал для этой миссии человека, который был его губернатором в детстве.

[236] Изучение арабских авторов проливает большой свет на эту часть истории крестовых походов; продолжатель Вильгельма Тирского, письма иерусалимского патриарха или переписка папы дают очень неполную информацию.

[237] Арабские авторы, которые говорят об этом договоре, говорят, что одним из условий было то, что укрепления Иерусалима не должны ремонтироваться; это условие не названо в договоре, который находится у продолжателя Барония.

[238] Quant l’apostelle oi ces nouvelles, si n’en fu mie lies, parce que l’empereur était excommunié, et qu’il li estoit avis qu’il avait fait mauvaise paix, parce que les Sarrasins tenaient le temple et per ce ne volut-il soffrir un le sçut fait par lui, ne que sainte église en fit fête, ains recommanda par toute Chrestianeté qu’on excommuniât l’empereur come renvoyé et mescréant.—*Cont. о Вильгельме Тирском*. (Когда апостол услышал эти новости, он совсем не обрадовался, потому что император был отлучен от церкви, и он подумал, что заключил плохой мир, поскольку сарацины должны были сохранить храм. Поэтому он не хотел, чтобы думали, что он согласился на мир, или

чтобы Церковь возносила за это благодарность; и он приказал отлучить императора от церкви во всем христианском мире как отверженного и неверного.)

[239] Un poi après que l'emperor se fust parti de la terre de Jerusalem, s'assemblèrent villains de la terre as Sarrasins, et allèrent à Jerusalem une matinée, pour occir les Chrétiens qui dedans estoient.—*Продолжение. de Guill. de Tyr.* Тот же автор добавляет, что христианские рыцари, находившиеся тогда в Птолемаиде, пришли на помощь Иерусалиму и что они убили большое количество мусульман.

[240] Письма, адресованные папой римским мусульманским князьям, можно найти в продолжателе Барониуса.

[241] По поводу проповедей Иоанна Висентийского обратитесь к *Церковной истории*, из Флери, т. xvii., and *L'Histoire des Républiques d'Italie*, by Sismondi.

[242] Тогда это был распространенный эпитет. Святого Фому Аквинского называли *Ангелом школы*.—Пер. с англ.

[243] Это поэтическое увещевание, адресованное всем рыцарям, можно найти напечатанным среди стихотворений Тибо.

[244] Мэтью Пэрис горячо выступает против этого злоупотребления, которое вызвало много ропота в Англии.

[245]

N'aie, Ector, Roll', ne Ogiers,
Ne Judas Maahebeus li fiers
Tant ne fit d'armes en estors
Com fist li Rois Jehans cel jors
Et il defors et il dedans
La paru sa force et ses sens
Et li hardement qu'il avoit.

Филипп Мускес, 1274 год.

[246] Иоанн Бриенский женился второй женой на дочери короля Арагона.

[247] “Моя леди потеряна, святая леди да поможет мне”.—Пер.

[248] См. Рейнольда, Мэтью Пэриса, Альберика, Ричарда Сен-Жерменского и *Церковную историю* Флери относительно этого обстоятельства.

[249] О ссорах папы и императора, *Священная Италия*, том. viii., можно проконсультироваться с Ричардом де Сен-Жерменом и, в частности, с Мэтью Пэрисом, который сообщает о письмах Фредерика.

[250] Это ошибка; у Ричарда не было законных детей. Ричард, герцог Корнуоллский, который также был королем римлян, был сыном Джона, брата Ричарда. Точно так же Гиббон называет Эдварда I. Племянником Ричарда; — он был его *внучатым племянником*.—Пер.

[251] Кажется почти невероятным, что наш автор сам был настолько слеп или ожидал, что его читатели будут такими, к урокам, преподанным его Историей! Если первые крестоносцы не могли откупиться от своих паломничеств, то больше их привлекало то, что они могли получить на земле, чем “религия и ее обещания”. —Пер.

[252] Большинство этих вопросов можно найти в работе иезуита Грейцера, которая носит заглавие *Де Крус*.

[253] Хотя это очень похоже на “осуждение слабой похвалой”, я не вижу, как папы или их злоупотребления имеют право на какое-либо смягчение презрения или неодобрения: благоприятные результаты были работой Провидения, и понтифики никогда не рассматривали их.—Пер.

[254] Король Иоанн был плохим принцем: он внушал недоверие своим подданным, которые требовали от него клятвы, и эта клятва стала английской конституцией. Если Франция до революции 1789 года никогда не просила у своих королей клятвы, то это потому, что ни один из них не внушал недоверия своему народу: лучший панегирик, который можно вознести королям Франции, состоит в том, что при их правительстве нация никогда не испытывала недостатка в письменной или гарантированной конституции и что они во все времена считались самыми надежными хранителями общественных свобод.

[Едва ли можно себе представить, как писатель девятнадцатого века мог предложить своим читателям подобные мнения (как текст, так и примечание). Некоторые из лучших частей британской свободы были получены от лучших королей, чем были у любой Франции, за исключением Генриха IV., от Людовика IX. до конца монархии. Наши Карл I и Яков II. были свои недостатки, но они как “неубранный снег” рядом с девятью французскими монархами из десяти.]—Пер. с англ.

[255] Месье Мишо здесь более счастлив, чем обычно, в своих политических и философских размышлениях. Мы могли бы подумать, что он предсказал 2 декабря.—Пер. с англ.

[256] Спор о рыцарском деле между двумя или более трубадурами.—Пер.

[257] Эти стихи цитирует М. Рейнорд в своей “Грамматике романского языка”.

[258] Нам остается только сравнить фрагмент провансальца с фрагментом Рауля де Курси, погибшего в третьем крестовом походе.

[259] Родительское пристрастие М. Мишо к своему старшему борну делает его очень рассеянным. Если мы обратимся к его собственному рассказу о нравах первых крестовых походов, особенно иерусалимских, мы не сможем увидеть справедливости этих замечаний. Крестоносцы “вспоминали о благочестии и раскаянии” только тогда, когда испытывали неудачи.—Пер. с англ.

[260] Может возникнуть вопрос, не было ли оружие, применявшееся с тех пор для той же цели, хитрость и язык иезуитов, во всех смыслах столь же плохими, как меч и копье крестоносцев.—Пер.

[261] Город Торн был построен на месте, где рос освященный дуб.

[262] Среди греков мы можем назвать священную войну, начатую за земли, принадлежавшие Дельфийскому храму; но, внимательно прочитав историю этой войны, легко увидеть, что они сражались не за догму или религиозное мнение, как в войнах, мотивом или предлогом которых у современных людей была религия.

[263] Каракорум, резиденция главной ветви преемников Чингисхана. Только недавно г-н Абель-Ремусат установил истинное положение этого города; он находился на левом берегу Оргона, недалеко от слияния этой реки с Селингой, к югу от озера Байкал, на 49 ° широты и 102 ° долготы. С тех пор в этой же стране находится резиденция Великого ламы.

[264] М. Петис де Лакруа опубликовал "Жизнь Чингисхана", согласно восточным авторам. Эта история, хотя в ней иногда смешиваются басни и правда, является одним из лучших произведений, с которыми можно ознакомиться. Г-н Дегинь в своей "Истории гуннов" очень долго говорил о татарах и Чингисхане; он объявляет, что отклонился от рассказа Петиса де Лакруа; но поскольку он не всегда называет источники, из которых он черпал, он не внушает полного доверия к этой части своей истории. Мы находим некоторые подробности о Чингисхане в *Восточной библиотеке* Д'Эрбело.

[265] В средневековых хрониках часто говорится о пресвитере Иоанне. Сохранилось письмо, написанное принцем с таким именем Людовику VII. . Насчитывается семь варварских принцев, носивших имя пресвитера Иоанна. Исследования, проводимые для установления истины, в наши дни были бы неинтересны.—См. *"Точные сведения о географии вселенной"* М. Мальте Брюна, том i. стр. 441.

[266] Согласно тому, что мы знаем о Чингисхане, нам с трудом верится, что среди современных историков ему удалось найти панегиристов; но Петис де Лакруа не смог избежать примера большинства историков, которые, как правило, кажутся увлеченными героем, о жизни которого они пишут. Арабский историк рассказывает, что, узнав о расправе над своими послами, Чингисхан не смог удержаться от слез. Здесь Петис де Лакруа очень сердится на араба и горько упрекает его в том, что он придал императору Моголов *женский* характер. Все остальные, говорит он, нарисовали его портрет, более достойный героя.

[267] По поводу терминов "Могол" и "Татарин" велись длительные споры. Мы думаем, что можем установить, несмотря на большую неопределенность, что моголы первоначально составляли отдельное племя в обширных странах Татарии; и что татары, будучи в большом количестве в армиях завоевателей Моголов, в некоторой степени стерли имена своих завоевателей в королевствах Европы и Азии, в которые проникли эти армии.

[268] Отец Гобиль перевел китайскую историю Чингисхана; эта история дает мало информации и не содержит любопытных подробностей, кроме как о семье и преемниках завоевателя.

[269] Мэтью Пэрис говорит об ужасе, который моголы распространили по Европе: его история содержит призыв ко всем народам Запада взяться за оружие; каждая нация в этой истории характеризуется почетным и лестным эпитетом.

[270] Читатель может обратиться к *Турок*, том i, *Рерум Венгерский*, и особенно к *Кармен Мизерабиле* Роджера Венгерского, каноника Варадина, который в поэтической прозе описал бедствия, свидетелем которых он сам был.

[271] Смотрите в Приложении подробности, которые приводят многие Хроники о разрушительных действиях каризмианцев в Палестине.

[272] Жуанвиль приводит множество подробностей об этой войне, которые он узнал во время своего пребывания в Палестине. Точно так же можно проконсультироваться с продолжателем дела Вильгельма Тирского. Мэтью Пэрис сохранил два письма, одно от патриарха Иерусалимского, другое от великого магистра госпитальеров, в которых описывается эта битва.

[273] Таково мнение М. Дегиня в его *Истории гуннов*.

[274] Обратитесь к Мэтью Пэрису и *Церковным анналам*, чтобы узнать подробности о Лионском соборе.

[275] Мэтью Пэрис сообщает некоторые очень любопытные подробности о Лионском соборе; С отцом Лаббе также можно ознакомиться.

[276] Мы находим в "Великой теологии Турнели" (*Трактат об Эглизе*, том ii.) очень ученую диссертацию об этом низложении императора Фридриха II. на первом Лионском соборе. Этот богослов утверждает, что собор не имел никакого отношения к этому великому акту власти Иннокентия IV., и приводит несколько причин в поддержку своего мнения. Мы процитируем некоторые из них, предоставляя нашим читателям самим оценить их ценность.

“В то время как все буллы папы римского, опубликованные в соборе, начинаются такими словами: "Мы постановили с одобрения собора, согласно совету священного собора и т.д. (священный одобрительный консилиум, ex communi concilii approbatione, statuimus)", мы читаем в начале рассматриваемой буллы: "Приговор, вынесенный против императора Фридриха папой Иннокентием IV в присутствии собора (священный предварительный консилиум)", существенное различие, которое заключается в том, что аналогично это наблюдается в теле быка, когда суверенный понтифик говорит только от своего имени и занимает место Иисуса Христа на земле. По словам Мэтью Пэриса, все отцы собора, услышав приговор, *были поражены удивлением и ужасом*, которые они, конечно, не испытывали бы, если бы принимали какое-либо участие в вынесении приговора.

Все историки того времени приписывают этот акт власти папе, даже не упоминая собор; и Фридрих II, обвиняя некомпетентность судьи, его пристрастность, его слепоту и его неблагодарность, когда пишет королям Франции и Англии и баронам своего королевства по этому поводу, жалуется только на понтифика и не ставит ни малейшего упрека прелатам, составлявшим собрание. Приговор считался настолько полностью делом рук папы, что Церковь, получившая решения собора, придавала булле мало значения, и эта булла стала абсолютно партийным делом. Он был отвергнут большим количеством церквей Германии и Италии. Короли Франции и Англии сочли его наносящим ущерб суверенному величию и продолжали относиться к Фридриху как к законному императору. Это только сделало войны между гвельфами и гибеллинами более активными и ожесточенными.

“Папа действительно сказал, что он обсуждал это с отцами собора; но он добавляет, что обсуждение не касалось никакой другой цели, кроме отлучения императора; что он вообще не говорил о статье низложения, и что отсюда явились удивление и ужас, которые проявили прелаты.

“Тем не менее, есть возражение, что папа и отцы собора после оглашения приговора выключили восковые светильники, которые они держали, и погасили их, и что впоследствии папа произнес *Te Deum*, в котором прелаты помогали; но Мэтью Пэрис считает, что обстоятельства здесь не точны. Он думает, что только некоторые священники, прикрепленные к римскому двору, поддались гневу папы против Фридриха и совершили церемонию восковых огней, которая в дальнейшем может относиться только к отлучению от церкви; иначе как мы можем согласовать этот отрывок историка с удивлением и ужасом, которые, по его словам, проявились в собрании при оглашении приговора.

“Папа даже не пытался никого убедить в том, что его поддерживает авторитет собора. Он заявил, что должен знать, как безвозвратно сохраниться, *что он сделал* по отношению к Фредерику”.

Обсудив все эти моменты, Турнели ставит под сомнение масштабность первого Лионского собора.

“Флорентийский собор, - говорит этот богослов, - на котором перечисляются генеральные соборы, проводившиеся до этого периода, обходится молчанием Лионским собором, и фактически в нескольких странах, таких как Германия, Италия, Испания, Бретань, Швеция и Польша, не было епископов; было мало прелатов из Франции или Англии”.

“Точно так же Констанцский собор, перечисляющий в формуле, что папа, которого собираются избрать, должен подписать все предшествовавшие вселенские соборы, упоминает только один Лионский собор. Так вот, это могло быть только второе, потому что это было очень торжественно. На нем присутствовало более пятисот епископов, как с Востока, так и с Запада, и греки признали в нем *божественное происхождение*”.

Фадей Суэссенский, представитель императора Фридриха II. на Лионском соборе и ревностный защитник прав этого князя публично обратился от имени этого собора к будущему всеобщему *ивселенскому* собору. Одной из причин, которая, по мнению Турнели, могла ввести в заблуждение нескольких епископов, но которая в наши дни покажется очень странной, было то, что они воображали, что империя на самом деле была феодальной при римском дворе. Говорят, что именно суверенный понтифик коронует императора; тогда у него есть особые права на империю; он может сместить ее главу по серьезному делу. Фридрих в своих письмах королям Франции и Англии упоминает об этом нелепом предрассудке и глупых притязаниях пап и решительно борется с ними. Григорий IX в письме, адресованном Стефану, архиепископу Кентерберийскому, сообщает ему, что Фредерик поклялся отправиться в Святую Землю, отказавшись, в случае невыполнения своего обещания, от своих государств и своей личности суверенному понтифику. В соответствии с этим отцы могли бы полагать, что низложение было следствием наказания, которое принц понес как лжесвидетель. Мы должны обратиться к эпохам, в которые поднимались эти вопросы, чтобы оценить влияние, которое они оказали на события.

[277] Это великое событие в жизни Людовика IX. по-другому и даже более поразительно излагается большинством французских историков. “Когда он почувствовал себя лучше, к великому удивлению всех, он приказал прикрепить красный крест к своей кровати и облачению и поклялся идти сражаться за гроб Христа. Его мать и сами священники умоляли его отказаться от своего рокового замысла. Все было напрасно; и едва он поправился, как позвал к своей

постели свою мать и епископа Парижского и сказал им: "Поскольку вы считаете, что я был не совсем в себе, когда произносил свои обеты, вот мой красный крест, который я срываю со своих плеч; я возвращаю его вам; но теперь, когда вы должны видеть, что я нахожусь в полном расцвете всех своих способностей, верните мне мой крест; ибо тот, кто знаком со всеми вещами, знает также, что никакая пища не попадет мне в рот, пока я снова не буду отмечен Его святым знаком". . "Это рука Небес! - воскликнули все присутствующие. - да свершится его воля". (Боннешоз).—Пер.

[278] Английским читателям следует признать в этой превосходной матери и доброй королеве знакомую: это *леди Бланш* из "*короля Иоанна*" Шекспира.—Пер.

[279] Смотрите в нашем Приложении этот факт, приведенный Мэтью Пэрисом.

[280] Именно Мэтью Пэрис предоставляет нам информацию относительно этой попытки убедить Сент-Луиса. Это хронист, который проливает наибольший свет на события того периода, такие как Лионский собор, ссора Фридриха с папой римским и крестовый поход короля Франции. Мы также находим некоторые подробности у Вильгельма Нангисского, в Жуанвиле и в *Церковных анналах* Райнальди.

[281] Que loyauté ils porteraient à sa famille, si aucune malle chose avenait de sa personne au saint veage d'outremer.

[282] Мы не наблюдаем, чтобы этот достойный кающийся разжимал руку и ослаблял хватку при жизни; покаяние на смертном одре и посмертное восстановление - дела очень подозрительные.—Пер.

[283] Эти бедствия были всего лишь частью великого божьего закона причины и следствия — они были начаты по ошибке и закончились неудачей. Какая связь между справедливым управлением Людовиком своим королевством и его безумными экспедициями на Восток?—Пер. с англ.

[284] Il ne voulut oncques retourner ses yeux vers Joinville, pour ce que le cœur lui attendrit du biau chastel qu'il laissait, et de ses deux enfants.

[285] По поводу отъезда Людовика Святого и последующих фактов проконсультируйтесь с Уильямом Нангисским, Уильямом Пьютским, Мэтью Пэрисом, Санути и др.

[286] Как многие хорошие и любящие матери, Бланш очень ревниво относилась к влиянию молодой жены на своего сына. Главным образом из территориальных соображений Людовик женился на Маргарите Прованской, когда ему было девятнадцать, а принцессе тринадцать. Сразу после церемонии Бланш разлучила молодоженов и держала их порознь в течение шести лет под предлогом молодости новой королевы.—Пер. с англ.

[287] Bien fou celui qui, ayant quelque pêché sur son âme, se met en un tel danger; car si on s'endort au soir, on ne sait si on se trouvera le matin au fond de la mer.

[288] Мишо не упомянул причину неудачного выбора Луи маршрута — проживание на Кипре, которое оказалось столь пагубным для армии. Наиболее правильным и целесообразным маршрутом была бы Сицилия; но после того, как Людовик тщетно испробовал все средства, чтобы умерить гнев папы, его суеверное почтение к главе Церкви возобладало даже над его

здравым смыслом и благоразумием, и он отказался от остановки на Сицилии, поскольку этот остров был частью владений отлученного от церкви принца.—Пер.

[289] У французов был обычай считать суммы *двадцатками*: в тексте Жуанвиля это стоит “шесть винтов турецких ливров”. —Пер.

[290] Никаких изменений.

[291] Мэтью Пэрис, Уильям Нангисский, сказал, что Занфлит согласен относительно этого посольства. Мы вернемся к этому в нашем Приложении.

[292] Дегинь сообщает нам, что принц Экалтай был наместником татарского хана в Малой Азии.

[293] Большинство статей, составляющих переписку между христианским миром и татарами, собраны в книге Мошемии, озаглавленной *Церковная история Тартора*: не все письма из этой переписки заслуживают одинакового внимания или одинакового доверия.

[294] М. Абель-Ремюза в своих ученых мемуарах о татарах объясняет несколько сомнительных обстоятельств этого посольства; он рассматривает противоположные версии и вовсе не разделяет мнения М. Дегиня, который считает послов Великих Моголов ничем иным, как самозванцами. Если мне будет позволено после этих двух великих авторитетов высказать свое мнение, я бы сказал, что прибытие Людовика вызвало большую сенсацию на Востоке, и Экалтай, губернатор всех провинций Азии, мог послать эмиссаров, чтобы выяснить планы и силу франков; и можно полагать, что эти эмиссары, чтобы выполнить свою миссию с большим успехом, симулировали несколько обстоятельств, рассчитанных на то, чтобы повысить их авторитет в умах христиан. Нам кажется, что это мнение может примирить то, что противоположно мнению двух цитируемых авторов.

[295] Ни в одной хронике не говорится, что король Кипра отправился с Людовиком, хотя он и принял крест. Этот принц никогда не упоминается ни в одном из событий войны.

[296] Это слово пришло к нам от арабов вместе с инструментом, который оно обозначает. Арабы произносят это *накарах*.

[297] —chose épouvantable à ouïr et moult étrange aux Français.—*Joinville*.

[298] Замечательный сюжет для большой исторической картины.— Пер. с англ.

[299] О сражениях, предшествовавших взятию Дамииетты, и о взятии этого города можно проконсультироваться с Жуанвилем, как с историком, который предоставляет наибольшее количество подробностей. Вильгельма Нангисского, Мэтью Пэриса, но особенно Ги де Мелена, можно прочитать с пользой. В нашем тексте мы процитировали арабских авторов, которые рассказывали об этих событиях.

[300] В тот период национальные войска не обладали ни мужеством, ни постоянством, которых требуют военные труды. Арабы, вошедшие в Египет как завоеватели вместе с Амроном Бен-аль-Ас, исчезли, не оставив преемников, способных поддержать их репутацию. Набирать армию можно было только за счет рабов, купленных на севере Азии и в Европе, или за счет странствующих арабов, которые, привыкнув к выносливой, активной жизни, все еще проявляли некоторую энергию. Эта последняя мера давала еще одно преимущество. Подчинив этих

кочевников игу военной дисциплины, народы были избавлены от грабежей людей, которые жили войной. Именно по этому мотиву нынешний египетский паша призвал арабов своих государств под свои знамена.—Посмотрите *Путешествие Бельцони по Египту и Нумидии*.

[301] Турский ливр получил такое название из-за того, что был отчеканен в Туре, и был на одну пятаю дешевле ливра, отчеканенного в Париже; таким образом, впоследствии турецкий ливр оценивался в двадцать су, а парижский - в двадцать пять. Таким образом, указанная сумма составила бы немногим более 200 фунтов стерлингов, что представляется практически невозможным.—Пер. с англ.

[302] Я скромничаю в безони, не поддерживаю род, который меня не устраивает.—*Жуанвиль*.

[303] В этот период Людовику IX. было всего тридцать три года.—Пер. с англ.

[304] Здесь наблюдается явное противоречие между версией Дюканжа и версией ММ. Мело, Салье и Каперонье: в последнем мы читаем, что эти пятьсот мусульман были посланы преследовать французскую армию, но там нет упоминания об обмане или *военной уловке*; у Дюканжа, напротив, мы находим это предложение: “Он [султан] послал к королю в качестве *уловки* пятьсот своих лучших всадников, они сказали королю, что пришли помочь ему, ему и всей его армии”. Мы не находим ничего подобного в издании ММ. Мелот, Саллиер и Каперонир; вполне вероятно, что это предложение могло быть вставлено в рукопись, поскольку мы не можем поверить, что пятьсот мусульманских всадников могли быть приняты как друзья в христианскую армию, которая не нуждалась во вспомогательных войсках и которая, конечно же, не искала их среди сарацин. Мы пользуемся этой возможностью, чтобы предупредить наших читателей, что различные издания “Жуанвиля” часто отличаются друг от друга по важным обстоятельствам и что их всегда следует подвергать самому критическому анализу.

[305] Il s’écriait, pleurant à grant larmes: “Beau Sire, Dieu Jesus Christ, garde moi et toute ma gent.”—*Joinville*.

[306] Это слово *ores*, которое использовалось для воодушевления бойцов и которое до сих пор используется населением нескольких провинций Франции, не может ли оно быть тем же самым, что и слово *houara*, которое используют русские? Разве это не было введено франками и другими варварами, завоевавшими галлов?

[307] Это тот же самый человек, который позже стал таким грозным для христиан, когда объединил Египет и Сирию под своей властью; он сохранил имя Бондокдар от имени своего древнего хозяина, названного так потому, что он был *бондокдаром*, или генералом арбалетчиков, в правление Малек-Салеха.

[308] Я желаю вам успехов в борьбе и прекрасного человека в армии.

[309] Пароль для отказа от подписи в моккери.—*Жуанвиль*.

[310] et tous furent moult oppressés d’angoisse, de compassion et de pitié de le voir ainsi plorer.—*Joinville*. [Я надеюсь, мои читатели простят мне подобного рода повторы; я делаю их из чувства неспособности передать трогательную и характерную простоту оригинала и из желания, чтобы другие разделили со мной то чувство, которое они вызывают.] — Пер.

[311] Этой болезнью была цинга; “она была такой, - говорит Жуанвиль, - что плоть на наших ногах высыхала до костей, а кожа приобретала черный или землистый цвет, как старое седло, которое долгое время лежало в стороне: и, кроме того, мы, пораженные этой болезнью, вскоре подверглись другому преследованию из-за жалоб на воспаление рта”. , который возник из-за того, что мы съели эту рыбу; она разлагала мякоть десен, так что изо рта у нас шел ужасный запах “. Жуанвиль говорит здесь о *берботте*, нильской рыбе, которая является прожорливой рыбой и питается мертвыми телами. Сенешаль добавляет в другом отрывке своих мемуаров, “что болезнь охватила армию, и цирюльникам пришлось вырезать опухшую плоть десен у всех, кто был поражен этой болезнью, чтобы они не могли есть. Было очень жаль слышать, как все, у кого была срезана эта мертвая плоть, ходили по армии, плача и стона. Они показались мне бедными женщинами, которые рожают своих детей, когда те приходят на землю: никто не может сказать, насколько жалким было это зрелище”.

[312] ... ne oncques plus ne chanta. (У читателей Мишо есть основания поздравить себя, когда он обращается к таким авторитетам, как Вильгардуэн и Жуанвиль; он, кажется, испытывает к ним симпатию, которая дарит нам некоторые очень приятные черты характера.)—Пер.

[313] Бернард Тезауриус, автор Продолжения истории Вильгельма Тирского, установил точную эпоху каждого факта. Скорее всего, у нас будет возможность привлечь внимание читателя к *Церковным анналам* этого автора в одном из будущих томов.

[314] Эта благородная черта Людовика Святого, отказавшегося бросить свою армию, засвидетельствована как французскими, так и восточными историками. Жуанвиль выражается так: “Видя, что король болен той же болезнью, что и армия, и очень слаб, как и другие, мы подумали, что ему будет гораздо безопаснее на борту одной из больших галер; но он сказал: “он скорее умрет, чем оставит свой народ”. Джеффри из Болье, такой же очевидец, подтверждает этот факт. К свидетельству этих двух историков мы можем добавить свидетельство арабского историка Абула Махассема. “Король Франции, - говорит он, - мог бы скрыться от египтян верхом или в лодке, но этот великодушный государь никогда не согласился бы бросить свои войска”.

[Поведение Людовика могло быть неосмотрительным, но оно было благородным и героическим. Поклонники современного французского кумира, Бонапарта, были бы в большом недоумении, обнаружив такую черту в его истории; с ним всегда было *спокойнее*, когда он сталкивался с неудачами.] —Пер.

[315] Смотрите выдержку из *Soyouti* в Приложении.

[316] Это Миних Абу Абдаллаха.

[317] Какой урок несет это письмо всем тем, кто называет своего Бога “Богом воинств” или поклоняется воинской славе! Архиепископ Кентерберийский не мог бы написать лучшего или, по-видимому, более благочестивого произведения после Трафальгарской или Ватерлоо битв.—Пер. с англ.

[318] Très volontiers le ferai, et si ai-je eu en pensée d’ainsi faire, si le cas y échéait.—*Joinville*.

[319] Я не могу раскрыть природу этого наказания или значение этого слова, но не могу отделаться от мысли, что они связаны с французским пословичным выражением, *Посланник келькуэн в берникетах*, означающим погубить его.—Пер.

[320] Жуанвиль говорит о сумме в пятьсот тысяч ливров. Дюканж написал диссертацию на эту тему, которая дает очень мало информации: "во—первых, мы должны быть в состоянии установить, какова была тогда стоимость 500 000 ливров наших денег.

[321] "Продолжатель Табари" и "*История Сент-Луиса*" Жуанвиля содержат информацию об этом событии. Их рассказы в точности совпадают.

[322] Разве смерть совершенного Сиднея не была бы достойно воспринята этими картинами как пример не только доброго и истинного рыцаря, но и христианского героя, проникнутого милосердием, великим принципом Евангелия?—Пер.

[323] Это действительно одна из тех историй, для подтверждения подлинности которых требуются "имена семи судей". Очень трудно представить, как такой человек в такое время мог претендовать на рыцарскую честь. Но когда мы вспоминаем, что свидетельства о шестидесяти пяти чудесах, совершенных им, были представлены для обеспечения его канонизации, мы не должны скептически относиться к Людовику IX.—Пер.

[324] Сначала мы ознакомились с изданием Дюканжа; и мы были удивлены, обнаружив отчет и выражения, совершенно отличные от отчета Каперонье, иначе называемого изданием Лувра; как бы то ни было, мы не можем заключить, ни из одной версии, ни из другой, что какое-либо предложение подобного рода было сделано Людовику IX. [Поскольку читателю, возможно, захочется без труда ознакомиться с мнением нашего великого историка по этому интересному предмету, я осмелюсь привести его в качестве дополнения: "Идея эмиров избрать Людовика своим султаном серьезно подтверждена Жуанвилем, стр. 77-78, и не кажется мне такой абсурдной, как г-ну де Вольтеру. Сами мамелюки были чужаками, мятежниками и равными; они почувствовали его доблесть, они надеялись на его обращение; и такое предложение, которое не было поддержано, могло быть выдвинуто, возможно, тайным христианином на их шумном собрании". — Гиббон.]—Пер.

[325] Если мы сравним этот собор с собором христиан, заседавшим после взятия Иерусалима, и результаты обоих, мы будем менее склонны винить нерешительность мусульман. Крестоносцы были захватчиками страны мусульман, посягателями на их веру — можно ли удивляться, что они пробудили в них мстительные страсти?—Пер.

[326] Эти арабские стихи были переведены М. Аббатом Ренаром. См. *Отрывок из "Альф-Феды"*, том xi.

[327] Мэтью Пэрис приводит любопытные подробности о последствиях, произведенных известием о пленении короля.

[328] Среди огромного числа историков, которые говорили об этом движении, можно ознакомиться с Уильямом де Ги, Мэтью Пэрисом, Уильямом Нангисским и "*Анналами Уэверли*".

(Некоторые историки описывают катастрофу по-разному. В одном из них говорится: "Пасторы привыкли проповедовать в окружении вооруженных людей для своей защиты; однажды по приказу Бланш среди них появился палач и, скользнув за спину Якоба, одним ударом отрубил ему голову на глазах у зрителей, которые похолодели от ужаса. Затем появились какие—то рыцари и разогнали пасторов"). - Пер.

[329] Не может быть никаких сомнений, что так было с теми, кто остался с ним; даже с достойным сенешалем и всеми остальными. Его решимость отправиться в Антиохию доказывает, что у него не было ресурсов в Европе. Это была отчаянная игра, и они были вынуждены доиграть ее.— Пер. с Англ.

[330] Норвегия.

[331] Читатель, возможно, помнит любопытную церемонию заключения союза в последнем томе, при которой одна сторона проходит через рубашку другой, пока она на ней.—Пер.

[332] М. Мишо отмечает, что это замечательное обстоятельство; но гораздо более примечательно то, что, наставляя своих читателей, он, по-видимому, сам не набирается мудрости. Каждая страница его книги говорит нам, что, хотя среди крестоносцев было много примеров искреннего благочестия и добродетели, большинство из них были *авантюристами*, для которых самой выгодной религией была бы лучшая. Он настолько влюблен в свою драму, что хочет думать об актерах и их мотивах действий намного лучше, чем они есть на самом деле.— Пер. с англ.

[333] М. Анселот в своей трагедии о *Людовике IX.*, с большой правдивостью изобразил характер ренегата.

[334] Отчет Жуанвиля здесь очень запутанный; действительно, почти неразборчивый. Сначала он говорит, что король был в Сидоне и что с приходом сарацин он удалился в замок. Двумя страницами далее он говорит: “Когда царь закончил укрепление Яффы, у него возникло намерение сделать для Сидона то же самое, что он сделал для Яффы”. Мы не можем не заметить здесь противоречия. Мы можем предположить, что Людовик побывал в Сидоне, покинул его и снова вернулся; но одно обстоятельство доказывает обратное. История гласит, что две тысячи христиан были убиты в Сидоне или в окрестностях этого города; если бы Людовик тогда был на месте, наиболее вероятно, что он похоронил бы мертвых перед своим отъездом и не откладывал бы выполнение этого благочестивого долга до своего возвращения. Очевидно, что рассказ Жуанвиля был изменен в этой части; к сожалению, это изменение не единственное, которому подвергся этот драгоценный исторический памятник.

[335] Нет ничего неинтересного или лишенного поучений, если подумать, насколько отличались бы размышления Вольтера или Гиббона на эту тему! Читатель может смело занять позицию между двумя крайностями: Людовик был хорошим и набожным человеком, но очень ошибался; как король великого народа, он, безусловно, не выполнял своих обязанностей в течение последних пяти лет.—Пер.

[336] Продолжение беседы короля Людовика с эмиром имеет целью то, как мусульманские врачи интерпретируют предписание о паломничестве в Мекку.

[337] Но в этой традиции есть одно внутреннее свидетельство, которому, по нашему мнению, следует отдать должное, несмотря на молчание истории. Когда мы вспоминаем, как европейские армии в Египте в конце прошлого века страдали от *офтальмии*, мы думаем, что есть веские основания полагать, что Людовик мог основать такое учреждение по возвращении.—Пер.

[338] *Verum. Изобретать. de l'Histoire de France*, by John de Serres, p. 152.

[339] Следует отметить, что император Фридрих очень походил как по характеру, так и по политике на Фридриха II, короля Пруссии; но последний соответствовал своему возрасту, и его возраст назвал его *великим Фридрихом*.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕПИСЧИКА:

— Исправлены очевидные печатные и пунктуационные ошибки.

— Переписчик этого проекта создал изображение обложки книги, используя титульный лист оригинальной книги. Изображение находится в общественном достоянии.